

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ

POESIA ITALIANA

XIII-XIX

**POESIA
ITALIANA
TRADOTTA
DA POETI
RUSSI**

**ИТАЛЬЯНСКАЯ
ПОЭЗИЯ
В РУССКИХ
ПЕРЕВОДАХ**

**POESIA
ITALIANA
TRADOTTA
DA POETI
RUSSI**

**ИТАЛЬЯНСКАЯ
ПОЭЗИЯ
В РУССКИХ
ПЕРЕВОДАХ**

**POESIA
ITALIANA
TRADOTTA
DA POETI
RUSSI**

XIII-XIX **secoli**

Mosca
«RADUGA»

**ИТАЛЬЯНСКАЯ
ПОЭЗИЯ
В РУССКИХ
ПЕРЕВОДАХ**

XIII-XIX **Века**

Москва
«РАДУГА»

Составление и послесловие Р. ДУБРОВКИНА
Справки об авторах и примечания А. ТОПОРОВОЙ
Справки о переводчиках Т. НЕШУМОВОЙ
Оформление Н. НАЗАРОВОЙ
Редактор И. ЗАСЛАВСКАЯ

Итальянская поэзия XIII—XIX вв. в русских переводах: Сборник / Сост. Р. Дубровкин.— М.: Радуга, 1992.— На итал. яз. с параллельным русским текстом.—815 с.

Книга является в СССР первым изданием подобного рода, раскрывающим перед читателем панораму итальянской поэзии со времени ее возникновения до эпохи Рисорджименто (XIX в.). Стихи даются с параллельными текстами переводов, принадлежащих как перу русских классиков (Г. Державина, К. Батюшкова, А. Ахматовой и др.), так и современных переводчиков-итальянистов. Антология представляет интерес для специалистов-филологов и широкого круга любителей поэзии.

И $\frac{4703010200-247}{030(01)-92}$ 488—92

© Составление, послесловие, комментарии, переводы на русский язык, отмеченные в содержании знаком *, издательство «Радуга», 1992

ISBN 5-05-002659-8

От составителя

Настоящая книга, представляющая историю перевода итальянских стихов в России, является в то же время первым опытом антологии итальянской классической поэзии, издаваемой у нас в стране. Разумеется, любой переводной сборник или хрестоматия европейской литературы так или иначе затрагивают Италию, посвящая ей отдельный, а в случае с произведениями эпохи Возрождения — ведущий раздел. Большие подборки итальянской лирики читатель найдет в соответствующих томах Библиотеки Всемирной литературы, в книгах популярной серии, выпускаемой издательством «Московский рабочий» («Книга песен», «Колесо Фортуны»), в тематических и авторских работах. Однако единой, обобщающей антологии ни в дореволюционной, ни в Советской России опубликовано не было.

Гимн Франциска Ассизского, открывающий книгу, наряду с произведениями изобретателя сонета Якопо да Лентини и других поэтов так называемой «сицилийской школы» позволяют нам проследить развитие итальянской поэзии от самых ее истоков. Канцоны и сонеты позднего Средневековья и начала Ренессанса не вызывают серьезных лингвистических затруднений у современного читателя, имеющего возможность при надобности прибегнуть к комментарию. Учитывая двуязычный характер нашего издания, мы посчитали целесообразным отказаться от публикации стихотворений, написанных на латыни, а также макаронической и (за редчайшим исключением) диалектальной поэзии. Не включены в антологию и произведения представителей различных литературных течений конца прошлого века, ассоциирующихся в сознании русского читателя с поэзией нового времени. Произведения Джованни Пасколи, Габриэле Д'Аннунцио вкупе с целым пластом поэтов-герметиков являлись прекрасным началом следующего тома итальянской лирики, принадлежащей уже собственно XX веку.

Широчайший диапазон и чрезвычайное разнообразие материала заставили нас отказаться от группировки поэтов по школам и направлениям, что определило хронологический принцип построения книги — в соответствии с годом рождения каждого автора. Порядок произведений внутри подборки повторяет их последовательность в итоговых сборниках поэтов, в собраниях стихотворений и наиболее авторитетных итальянских антологиях.

Освоение итальянской поэзии в России началось в XVIII веке переводами А. Дмитриева и Якова Булгакова (через посредство французского) и Я. Княжнина, перекладывавшего стихи прозой. В. Третьяковский перевел прозой великое множество анонимных и авторских итальянских комедий, украшая их порой стихотворными вставками, большей частью нерифмованными. Позже И. Богданович, П. Голенищев-Кутузов, А. Мерзляков, С. Раич и другие поэты прошлого века сосредоточили свое внимание преимущественно на канцонеттах Пьетро Метастазіо (разумеется, были переведены и либретто практически всех его опер), на величайших творениях Ариосто и Тассо. Крупнейшие русские поэты прошлого — Г. Державин, К. Батюшков, А. Пушкин, а затем и А. Плещеев, Вяч. Иванов, К. Бальмонт, А. Ахматова — лишь прикоснулись к итальянской теме.

Период более или менее последовательного освещения итальянской поэзии приходится в дореволюционной России на 60-е годы прошлого века, когда демократически настроенные поэты Н. Курочкин, П. Ковалевский, Д. Михаловский много и увле-

6 ченно переводили созвучную их взглядам национально-освободительную поэзию Италии, нередко используя ее для преодоления цензурных препонов — прием, типичный для сатиры того времени.

Впервые собрать вместе широко известные, часто переиздаваемые переводы классиков нашей литературы, а также тексты, разбросанные по редким книгам и старым журналам, вернуть из небытия забытые переводы поэтов — одна из наиболее важных задач антологии.

При этом мы, разумеется, не претендуем на исчерпывающую полноту. Это в особенности касается таких титанических фигур, как Данте, Петрарка, Ариосто, Тассо. Из переводов «Божественной комедии», «Неистового Орланда», «Освобожденного Иерусалима» мы стремились дать лишь наиболее яркие, убедительные образцы. Сотни переложений сонетов Петрарки — тема отдельной книги, которая, кстати сказать, готовится в настоящее время в серии «Литературные памятники» издательства «Наука». Не вошли в нашу антологию ранние переводы, выполненные через посредство других языков, и переводы прозой.

Другая неотложная задача — восполнить пробелы, образовавшиеся в нашем знании итальянской поэзии уже в советское время, несмотря на многолетнюю, плодотворную работу в этой области А. Эфроса, И. Голенничева-Кутузова, С. Шервинского и, конечно же, Е. Солоновича. Из поля зрения современных переводчиков, к сожалению, целиком выпал XVIII век, некоторые крупные авторы века XIX, а также ряд хрестоматийных стихов эпохи Возрождения.

В книге три раздела. В первом помещены стихотворения на языке оригинала с параллельным русским текстом. Во втором — дублирующие переводы. В третьем даются (без оригинала) отрывки из произведений крупной формы, малоизвестные стихотворения в переводах русских поэтов прошлого и современности, а также неэквифигурные, неэквифигурные и вольные переложения, показательные для истории восприятия итальянской поэзии в России.

Роман Дубровкин

**POESIA
ITALIANA
TRADOTTA
DA POETI
RUSSI**

XIII~XIX

**ИТАЛЬЯНСКАЯ
ПОЭЗИЯ
В РУССКИХ
ПЕРЕВОДАХ**

8 **SAN FRANCESCO D'ASSISI**

CANTICO DI FRATE SOLE O DELLE CREATURE

Altissimu, onnipotente, bon Signore,
tue so' le laude, la gloria e l'onore et onne benedictione.
Ad te solo, Altissimo, se konfàno
et nullu homo éne dignu Te mentovare.

Laudato sie, mi Signore, cum tucte le tue creature,
spetialmente messòr lo frate sole,
lo quale jòrna, et allumini per lui;
et ellu è bellu e radiànte cum grande splendore;
de Te, Altissimo, porta significazione.

Laudato si', mi Signore, per sora luna e le stelle;
in celu l'hai formate clarite et pretiose et belle.

Laudato si', mi Signore, per frate vento,
et per aere et nubilo et sereno et onne tempo,
per lo quale a le tue creature dai sustentamento.

Laudato si', mi Signore, per sor'acqua,
la quale è molto utile et hùmele et pretiosa et casta.

Laudato si', mi Signore, per frate focu,
per lo quale ennallùmini la nocte,
et ello è bellu et jocundo et robustoso et forte.

Laudato si', mi Signore, per sora nostra madre terra,
la quale ne sustenta e governa,
e produce diversi fructi, con coloriti fiori et erba.

Laudato si', mi Signore, per quilli che perdonano per lo tuo amore,
e sostengo infirmitate e tribulatione.
Beati quilli ke 'l sosterranno in pace,
ka da Te, Altissimo, sirano incoronati.

Laudato si', mi Signore, per sora nostra morte corporale,
de la quale nullu homo vivente po skappare.

СВЯТОЙ ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ

ПЕСНЬ О СОЛНЦЕ, ИЛИ СЛAVOCЛОВИЕ ТВОРЕНИЙ

Всевышний, Всемогуший, благий Господи,
Тебе слава и хвала, честь и всякое благословение,
Тебе единому да будут возданы,
И никто из человек не достоин именовать тебя!

Хвала тебе, Господи мой, за все твои творения,
Особливо же за достославного брата нашего Солнце,
Что день зачинает и светом нас освещает,
В лучах блистает и в лепоте великой,
И твое, Господи, являет знаменование.

Хвала Господу моему за сестру Луну
И за Звезды небесные, ясные и утешные.

Хвала Господу моему за брата Ветра,
За Воздух и Тучи, за Вёдро и Ненастье,
Коиими он всякому дыханию пропитание промышленяет.

Хвала Господу моему за сестру Воду,
Ибо она весьма полезна, любезна, смиренна и стыдлива.

Хвала Господу моему за брата Огня,
Что светит в ночи:
Он ясен и бодр, неодолим и рдян.

Хвала Господу моему за мать нашу Землю,
Что всех нас носит и питает,
Всяческие злаки произраждает, цветы и травы на свет являет.

Хвала тебе, Господи мой, за тех,
Что тебя ради обиды прощают,
Горечь и скорбь с терпением сносят.
Блаженны с миром до конца претерпевшие,
Ибо от тебя, Господи, венца сподобятся.

Хвала тебе, Господи мой, за сестру нашу Смерть,
Ее же никто из живущих не минует;

San Francesco d'Assisi

- 10** Guai a quilli ke morranno ne le peccata mortali;
beati quilli ke se troverà ne le tue sanctissime voluntati;
ka la morte seconda nol farrà male.

Laudate et benedicete mi Signore et reingraziate,
et serviteli cum grande humilitate. *Amen.*

Но горе почившим во грехе смертном!
Блажен, кто обретает себя в час свой последний
Верным святому твоему изволению:
Смерть вторая повредить ему не сможет.

Славьте и хвалите Господа моего, величайте его,
И да служит ему всякое дыхание с великим смирением! *Amen.*

12 **JACOPO DA LENTINI**

* * *

Maravigliosamente
un amor mi dstringe
e mi tene ad ogn'ora.
Com'om che pone mente
in altro exemplo pinge
la simile pintura,
cosí, bella, facc'eo:
dentr'a lo core meo
porto la tua figura.

A cor par ch'eo vi porte,
pinta como parete,
e non pare di fore.
O Deo, co' mi par forte.
Non so se lo sapete
como v'amo di bon core:
ch'eo son sí vergognoso
ca pur vi guardo ascoso
e non vi mostro amore.

Avendo gran disío,
dipinsi una pintura,
bella, voi simigliante;
e quando voi non vio,
guardo 'n quella figura
e par ch'eo v'aggia avante:
come quello che crede
salvarsi per sua fede,
ancor non veggia inante.

Al cor m'arde una doglia,
com'om che ten lo foco
a lo suo seno ascoso,
e quando più lo 'nvoglia,
allora arde più loco
e non pò stare incluso:
similmente eo ardo
quando pass'e non guardo
a voi, vis'amoroso.

* * *

Любви закрылась клетка,
И чара неземная
Стеснила грудь поэта.
Как мастер, что нередко
Рисует, вспоминая
Увиденное где-то,
Так линией незримой
Я лик боготворимый
Нанес на сердце это.

Твой лик в груди ношу я,
Но никому не выдам
Его любовной власти.
Душа кипит, бушуя,—
Брожу с понурым видом
И даже малой части
Страданий не открою:
Стыжусь взглянуть порою
В глаза желанной страсти.

Томим сердечной мукой,
Рисую облик чистый
Не красками, не лаком...
Истерзанный разлукой,
Смотрю на лик лучистый,
Владычащий над мраком:
Так, веруя в спасенье,
Провидим воскресенье
Мы по неявным знакам.

Я сердцем пламенею
И, точно в лихорадке,
Сбиваю пламя стужей.
О боль! Как быть мне с нею? —
На миг упрячу краткий —
И вновь она снаружи!
Тебя увидеть рядом
И не ответить взглядом —
О, есть ли пытка хуже!

S'eo guardo, quando passo,
in vèr' voi, no mi giro,
bella, per risguardare.
Andando, ad ogni passo
getto uno gran sospiro
che facemi ancosciare;
e certo bene ancoscio
c'a pena mi conosco,
tanto bella mi pare.

Assai v'aggio laudato,
madonna, in tutte parti,
di bellezze ch'avete.
Non so se v'è contato
ch'eo lo faccia per arti,
ché voi pur v'ascondete.
Sacciatelo per singa
zo ch'eo no dico a lingua
quando voi mi vedrite.

Canzonetta novella,
va' canta nova cosa;
lèvati da maitino
davanti a la più bella,
fiore d'ogn'amorosa,
bionda più c'auro fino.
«Lo vostro amor, ch'è caro,
donatelo al Notaro,
ch'è nato da Lentino.»

* * *

Lo viso — mi fa andare alegramente,
lo bello viso — mi fa rivegliare,
lo viso — mi conforta ispessamente,
l'adorno viso — che mi fa penare.

Lo chiaro viso — de la più avenente,
l'adorno viso — riso — me fa fare.
Di quello viso — parlane la gente,
chè nullo viso — a viso li pò stare.

Столкнемся мы случайно —
Я отвернусь, вздыхая,
Как будто не заметил.
Слезами душил тайна,
Гнетет тоска глухая,
И день уже не светел.
Я оттого тоскую,
Что красоту такую
Себе на горе встретил.

Я вновь собрался с духом
И возношу покорно
Хвалу прекрасной донне.
Не верь обидным слухам,
Что речь моя притворна, —
Я весь как на ладони!
Чего язык не скажет,
Мой скорбный вид покажет:
Страданья нет бездонней!

Ступай же, канцонетта,
К жене златоволосой
По песенным дорогам!
С цветами в час рассвета
Ей гимн звонкоголосый
Исполни новым слогом:
«О дивная картина! —
Нотарий, сын Лентино,
Тебе ниспослан Богом!»

* * *

Виденье легкость шага мне дает,
Виденье дивное надежды множит,
Виденье утешать не устает —
Виденье чудное, что ум тревожит.

Виденье той, что свет лучистый льет,
В уста виденье смех смятенья вложит;
О том виденье говорит народ:
Виденья нет, что с ним сравниться может.

Chi vide mai così begli occhi in viso,
né sí amorosi fare li sembianti,
né bocca con cotanto dolce riso?

Quandi'eo li parlo moroli davanti,
e paremi chi vada in paradiso,
e tegnomi sovrano d'ogn'amanti.

* * *

Chi non avesse mai veduto foco,
no crederia che cocere potesse,
anti li sembraria solazzo e gioco
lo so isprendore, quando lo vedesse;

ma s'ello lo toccasse in alcun loco,
be li sembrara che forte cocesse.
Quello d'Amore m'ha toccato un poco:
molto me coce; Deo, che s'aprendesse!

che s'aprendesse in voi, madonna mia!
che mi mostrate dar solazzo amando,
e voi mi date pur pen' e tormento.

Certo l'Amore fa gran vilania,
che no distinge te che vai gabando;
a me, che servo, non dà isbaldimento.

Кто зрел столь дивные глаза в виденье,
Глаза, в чьих взорах жжет любовь, пылая,
Уста, чей сладкий смех несет смятенье?

С ней говорю — с ней рядом умираю,
И мнится, к раю близко восхожденье;
Всех выше любящих себя считаю.

* * *

Тому, кто видит пламя в первый раз,
И невдомек, что жжется это диво.
Ведь поглядеть — одна услада глаз:
Играет да резвится шаловливо.

Но только тронь — и все поймешь тотчас:
Рука болит, ожог — аж до нарыва!
Вот так бы ты однажды обожглась!
Во мне-то все лишь этой болью живо...

Ну, обожгись, любимая моя!
Тогда, глядишь, и ты бы подобрела,
Уберегла б меня от новых бед.

Увы, любовь — особая статья;
Ты в прятки с ней играть понаторела,
Я ей служу — и мне пощады нет.

* * *

«Fugio la croce, cà mme devora;
 la sua calura non pòzzo portare!
 Non pòzzo portare sí granne calore
 che ietta la croce, fugenno vo Amore;
 non trovo loco, cà la porto en core;
 la sua revembranza me fa consumare!»
 «Frate, co' fugi la sua delectanza,
 ch'eo vo chedenno d'aver sua amistanza?
 Parme che facci gran villanza
 de gir fugenno lo so delectare.»
 «Frate, eo sí fugio, cà eo so' frito;
 venuto m'è 'l colpo, lo cor m'à partito.
 Non par che tu sente de quel ch'e' ho sentito,
 però non me par che ne sacci parlare.»
 «Frate, eo sí trovo la croce florita:
 de soi pensieri me sòne vistita;
 non ce trovai ancora frita,
 'nanti m'è ioia lo so contemplare.»
 «Et eo la trovo plena de saiette,
 ch'esco del lato, nel cor me s'ò fitte;
 lo balisteri 'nver me l'à diritte,
 onn'arme c'aido me fa perforare.»
 «Eo era ceco, et or veio luce;
 questo m'avenne per sguardo de croce;
 ella m'è guida, che gaido m'aduce
 e senza lei so' en tormentare.»
 «E me la luce sí mm'à cecato;
 tanto lustrore de lei me fo dato
 che me fa gire co' abacinnato,
 c'à li bell'occhi e non pòte ammirare.»
 «Eo pòzzo parlare, che stato so' muto
 e questo èlla croce sí m'è apparuto;
 tanto sapore de lei ho sentuto
 c'a molta gente ne pò' predecare.»
 «E me fatt'à muto, che fui parlatore;
 en sí granne abisso entrat'è meo core
 che ià non trovo quasi auditore,
 con chi ne pòzza de ciò rasonare.»

* * *

«Брат, на распятыє смотреть мне нет мочи.
 Крест мой нательный мне грудь обжигает.
 Деться куда мне от этого дара?
 Это спасение мне словно кара.
 Деться куда мне от этого жара?
 Высохла плоть моя, дух изнывает».

«Брат, разве можно бежать благодати?
 Можно ли в счастье мечтать об утрате?
 Нет, не кощунствуй, одумайся, Брате.
 Прав ли, кто солнце в тепле упрекает?»

«Брат, не кори, ибо я в сокрушенье.
 Сердце расколото, дух мой в смятенье.
 Ты не поймешь. Но бросать обвиненье
 Тот только вправе, кто сам испытает».

«Брат, вижу: крест для тебя — это рана.
 Но для меня это милость, осанна,
 Высшая милость, любовь несказанна,
 Древо, которое не отцветает».

«Брат, для меня это стрелы разящи,
 Стрелы, что сердце пронзают все чаще.
 Лучники целятся — дело пропаще:
 Рана открыта и не заживает».

«Брат, я был слеп, а прозрел оттого я,
 Что помогло мне распятыє святое.
 Все озарилось творенье земное.
 Боле уж свет меня не покидает».

«Брат, этим светом меня ослепило —
 Столь непомерной была его сила.
 Это сиянье весь мир мне затмило.
 Очи мне словно туман застилает».

«Брат, я был нем — ныне ведаю слово,
 Ведаю через распятыє Христово.
 В слове том счастье рода людского.
 Трижды блажен, кто его возглашает».

«Брат, я ведь был балагуром, не скрою.
 Только теперь поражен немотою.
 И собеседника нету со мною:
 Пропасть меня от людей отделяет».

«Eo era morto et or aio vita,
e questa en la croce sì m'è apparita;
parm'esser morto de la partita
e aio vita nel so demorare.»
«Eo non so' morto, ma faccio 'l tratto,
e Deo 'l volesse che fusse ratto!
Star sempremai en estremo fatto
e non poterne mai liberare!»
«Frate, la croce m'è delettamento;
non lo dir mai ch'en lei sia tormento;
forza no n'èi al so iognemento,
che tu la vogli per sposa abbracciare.»
«Tu stai al caldo, ma eo sto nel foco;
a tte è deletto, ma eo tutto coco;
co' 'n la fornace, trovare pò' loco?
Se non c'è' entrato, non sai quign'è stare.»
«Frate, tu parli ch'eo non t'enteno
como l'Amore gir vòi fugenno;
questo to stato vorria conoscenno,
che tu 'l me potissi en cor esplanare.»
«Frate, 'l to stato è 'n sapor de gusto,
ma eo c'ho bevuto portar non pò' el mosto;
no n'aio cerchio che sia tanto tosto
che la fortuna no 'l faccia alentare.»

«Брат, я был мертв, но вернулось дыханье.
Нынче не мыслю с крестом расставанья.
С ним только радостно существованье.
Гибель от нас только он отвращает».
«Брат, лучше мертвому, нежели живому.
Как привыкать мне к страданью такому?
В путь собираюсь, пора мне из дому:
Жизнь избавления не обещает».
«Брат, воздевая к распятию руки,
Радююсь я и не ведаю муки.
Ты же скорбишь, как влюбленный в разлуке,
Что о несбыточной встрече мечтает».
«Брат, твое сердце согрето лучами.
Мне же досталось палящее пламя.
Я при ожогах, а ты при бальзаме.
Здравый болящего не понимает».
«Брат, тут не все для меня объяснимо.
Ибо Господня Любовь неделима.
Что ж так терзаешься неумолимо?
Этого разум мой не постигает».
«Брат, ты пригубил вина — и доволен.
Я выпил разом всю чашу — и болен.
Тот, кто был прежде покоен и волен,
Ныне, как птица в силке, умирает».

* * *

Oi dolce mio marito Aldobrandino,
rimanda ormai il farso suo a Pilletto,
ch'egli è tanto cortese tante e fino,
che creder non déi ciò che te n'è detto.

E no star tra la gente a capo chino,
ché non se' bozza, e fòtine disdetto;
ma, sí come amorevole vicino,
co noi venne a dormir nel nostro letto.

Rimanda il farso ormai, più no il tenere,
ché mai non ci verrà oltre tua voglia,
poi che n'ha conosciuto il tuo volere.

Nel nostro letto già mai non si spoglia.
Tu non dovéi gridare, anzi tacere:
ch'a me non fece cosa ond'io mi doglia.

* * *

О, милый муженек Альдобрандино,
Ты б курточку Пилетту возвратил!
В то, что сказал ты, верить нет причины,
Любезен этот мальчик, очень мил.

Ты не рогат,— к чему все эти мины,
Зачем на людях голову склонил?
Чтоб с нами отдохнуть, сосед невинный
В гостеприимный дом наш приходил.

Ты курточку верни, и так смущен,
Он не придет к нам невзначай без дела.
Твои слова ведь для него закон!

Он впредь не снимет даже нитки с тела
В постели. Не кричи! Не сделал он
Мне ничего, о чем бы я жалела.

* * *

La dolce ciera piagente
e li amorosi semblanti
lo cor m'allegra e la mente
quando mi pare davanti,
si volentieri la vio
quella cui eo amai;
la bocca ch'eo basciai
ancor l'astetto e disio!

L'aulente bocca e le menne
de lo petto ciercai,
fra le mie braza la tenne;
basciando mi dimandai:
«Messer, se venite a gire,
non facciate adimoranza,
ché non esti bona usanza
lassar l'amore e partire.»

Allotta ch'eo mi partivi
e dissi: «A Deo v'accomando»
la bella guardò 'nver mivi,
sospirava lagrimando;
tant'erano li sospiri
ch'a pena mi rispondia:
e la dolze donna mia
non mi lassava partiri.

Eo non fui vi sí lontano
che lo meo amor v'ubriasse,
né non credo che Tristano
Isaotta tanto amasse.
Quando vio venir l'aulente,
infra le donne apariri,
lo cor mi trae di martiri
e ralegrami la mente.

* * *

Лицом, всех лиц добрее,
Очарованьем глаз
Она мне сердце греет
При встрече каждый раз.
Гляжу — и мило-любо:
Я так ее любил,
Что все не позабыл
Пленительные губы!

Мы, помню, миловались —
Она огнем горит,
А как нацеловались,
Она и говорит:
«Я вижу, вы спешите?
Не смею вас держать.
От милой уезжать
Не дело, как хотите».

Я поостыл, конечно,
Кивнул: «Храни вас бог!»
Она — в тоске сердечной,
Сплошные «ах» и «ох».
И плачет, и тоскует,
Ни слова мне в ответ.
Ну просто силы нет
Не пожалеть такую!

Пустился в путь — и странно:
Моя любовь прошла,
Хотя и страсть Тристана
Такою не была...
А все же лишь замечу
Призывный милый взгляд —
Все беды отлетят,
И я спешу навстречу.

Morte, perché m'ai fatta sí gran guerra
che m'ai tolta Madonna, ond'io mi doglio?
La fior de le bellezze mort'ai in terra,
per che lo mondo non amo né voglio.
Villana morte, che non ai pietanza,
disparti amore e toglì l'allegranza
e dàì cordoglio.
La mia aleganza post'ai in gran tristanza,
ché m'ai tolto la gioia e l'allegranza
ch'avere soglio.

Sollea aver sollazo e gioco e riso
più che null'altro cavalier che sia;
or n'è gita Madonna in Paradiso:
portòne la dolce speranza mia,
lasciòmi in pene e con sospiri e pianti,
levòmi da sollazo, gioco e canti
e compagnia;
or no la vegio, nè le sto davanti
e non mi mostra li dolci sembianti
che far solía.

Oi Deo, perché m'ai posto in tale iranza?
ch'io son smarruto, non so ove mi sia,
che m'ai levata la dolce speranza,
partit'ai la più dolce compagnia,
che sia in nulla parte, ciò m'è aviso.
Oimè, Madonna, chi tene tuo viso
in sua ballía?
lo vostro insegnamento dond'è miso?
e lo tuo franco cor chi lo mi à prisò,
o donna mia?

Ov'è Madonna e lo suo insegnamento,
la sua bellezza e la gran canoscianza,
lo dolce riso e lo bel parlamento,
gli occhi e la bocca e la bella sembianza,
lo adornamento e la sua cortesia?

* * *

За что ты, смерть, восстала на меня?
За что мою любимую скосила?
Цветок красы увял в разгаре дня.
Мне на земле ничто теперь не мило.
Опомнись, смерть: черны твои дела,
Ты у меня любимую взяла
И тьмой накрыла.
Любовь и счастье выжжены дотла.
В моей душе печаль гнездо свила.
Мне все постыло.

Бывало, я играю и пою —
Задорней всех, безудержней любого.
Теперь моя любимая в раю,
Моя надежда не вернется снова.
Затихнул смех, пришла пора утрат.
Я лишь слезам и вздохам нынче рад,
Мне нет иного.
Любимую не вымолишь назад,
И не засветит мне призывный взгляд
Лица родного.

За что, владыка, ненависть твоя?
Бреду во тьме, от горя нет заслона.
Меня бежала радость бытия.
Ты взял, Господь, в свое святое лоно
Все, чем был мир воистину велик.
О донна, кто на твой блаженный лик
Глядит влюбленно?
Кто в сущность помыслов твоих проник?
Кто отнял сердца твоего родник,
Моя Мадонна?

Но где она — где благородный дух
И многознанье с красотой рядом,
Где смех, где голос, радующий слух,
Где этот рот, глаза с призывным взглядом,
Где чистота и царственная стать?

Madonna, per cui stava tuttavia
in allegrezza,
or no la vegio né notte, né dia,
e non m'abella, sí com' far solía,
in sua sembianza.

Se fosse mio lo regno d'Ungaria,
con Greza e La Magna infino in Franza,
lo gran tesoro di Santa Sofia,
non poria ristorar sí gran perdanza
come fu in quella dia che si n'andao.
Madonna de sta vita trapassao,
con gran tristanza,
sospiri e pene e pianti mi lasciao,
e già mai nulla gioia mi mandao
per confortanza.

Se fosse al meo voler, donna, di voi,
dicesse a Dio sovran, che tutto face,
che giorno e notte istessimo ambonduoi:
or sia voler di Dio, da c'a llui piace.
Membro e ricordo quand'era con mico,
sovente m'apellava «dolze amico»,
ed or no'l face,
poi Dio la prese e menolla con sico.
La sua vertute sia, bella, con tico
e la sua pace.

Той, при которой стал я привыкать
К таким уладам,
Ни днем, ни ночью впредь не отыскать
И никому меня не обласкать
Призывным взглядом.

Венгерский трон и Греция в приклад,
Вся Франция с Германией в придачу,
Святой Софии непомерный клад
Не возместят ее, и вот я плачу,
Как в день, когда, покинув этот свет,
Она ушла туда, где горя нет.
А мне назначен
Удел терзаний, горечи и бед.
Она мне больше не пошлет привет,
Ушла удача.

Мне б, донна, настоять бы на своем —
Просить бы Бога, что любое может,
Чтоб принял нас к себе с тобой вдвоем...
Но как он сам захочет, так положит.
Когда со мной любимая была,
«Мой нежный друг» она меня звала.
И вот — не может.
Рука владыки милую взяла...
Суди тебе, чтоб мирно ты спала
В деснице божьей.

* * *

Tegno de folle 'impres', a lo ver dire,
 chi s'abandona inver' troppo possente,
 sí como gli occhi miei che fèr' esmire
 incontr' a quelli de la piú avenente,
 che sol per lor èn vinti
 senza ch'altre bellezze li dian forza:
 ché a ciò far son pinti,
 sí come gran baronia di signore,
 quando vuol usar forza,
 tutta s'apresta in donarli valore.

Di sí forte valor lo colpo venne
 che gli occhi no'l ritenner di neente,
 ma passò dentr' al cor, che lo sostenne
 e sentési plagato duramente;
 e poi li rendé pace,
 sí come troppo agravata cosa,
 che more in letto e giace:
 ella non mette cura di neente,
 ma vassen disdegnosa,
 ché si vede alta, bella e avenente.

Ben si pò tener alta quanto vòle,
 ché la piú bella donna è che si trove
 ed infra l'altre par lucente sole
 e falle disparer a tutte prove:
 ché 'n lei èno adornezze,
 gentilezze, savere e bel parlare
 e sovranè bellezze;
 tutto valor in lei par che si metta;
 posso 'n breve contare:
 madonna è de le donne gioia eletta.

Ben è eletta gioia da vedere
 quand' apare 'nfra l'altre piú adorna,
 ché tutta li rivera fa lucere
 e ciò che l'è d'incerchio allegro torna;
 la notte, s'aparisce,
 come lo sol di giorno dà splendore,
 cosí l'aere scclarisce:
 onde 'l giorno ne porta grande 'nveggia,

* * *

Сплошное безрассудство, сущий вздор —
Бессильному тягаться с высшей силой.

Вот и меня сразил мгновенный взор,
Когда я встретился глазами с милой.

Он в одиночку бьет,
Подмоги красоты не ожидает:
Владыку выдает
Не мощь, а благородное обличье,
Поскольку он с рожденья обладает
Всевластием природного величья.

И так был сокрушителен удар,
Что перед ним не устояло зренье:
Достал до сердца нестерпимый жар,
И нет ему донине утolenья.

Потом пришел покой —
Отрада безнадежного больного
У смерти под рукой.
А милая глядит без сожаленья,
Уходит — ни полслова,
Само высокомерье и презренье.

Что ж, ей легко высокомерной быть:
Никто из женщин не сравнится с нею.

Ей, точно солнцу, их легко затмить,
Они при ней невзрачней и тусклее.

К тому же дан ей дар
Любезности, учености и слога.
Столь несравненных чар
Она живой пример и совмещенье,
Что скажем для итога:

В ней — идеал, обретший воплощенье.

Утеха глаз — смотреть, когда она
Выходит на прогулку, разодега:

Ее сияньем улица полна,
Ликует мир, ища ее привета.

А если выйдет в ночь,
То словно солнце вышло первой ранью
И гонит сумрак прочь.

Лишь ясный день завидовал, бывало,

ch'ei solo avea clarore,
ora la notte igualmente 'l pareggia.
Amor m'ha dato a madonna servire:
o vogl' i' o non voglia, così este;
né saccio certo ben ragion vedere
sí como sia caduto a 'ste tempeste:
da lei non ho semblante
ed ella non mi fa vist' amorosa,
per ch'eo divegn'amante,
se non per dritta forza di valore,
che la rende gioiosa;
onde mi piace morir per su' amore.

* * *

Vedut' ho la lucente stella diana,
ch'appare anzi che 'l giorno rend' albore,
c'ha preso forma di figura umana;
sovr'ogn'altra me par che dea splendore:

viso de neve colorato in grana,
occhi lucenti, gai e pien' d'amore;
non credo che nel mondo sia cristiana
sí piena di biltate e di valore.

Ed io dal suo valor son assalito
con sí fera battaglia di sospiri
ch'avanti a lei de dir non seri' ardito.

Cosí conoscess' ella i miei disiri!
ché, senza dir, de lei seria servito
per la pietà ch'avrebbe de' martiri.

Прекрасному сиянью,
А тут и ночь завистницею стала.
Амур меня ей в службу отрядил.
Я не просил, но так уж получилось...
Я точно в гущу бури угодил:
Куда ни глянь — везде одна немилость,
Я ей — что есть, что нет:
И в двух шагах меня не замечает,
Но неотступный свет
Стоит над ней: любовный жар особый
Мадонна излучает,
И потому мне ей служить до гроба.

* * *

В тот смутный час, когда заря вставала,
Я восхитился утренней звездой,
Что все вокруг сияньем затмевала,
Сойдя на землю женщиной земной.

Бела, как снег в горах; как розы, ала;
Открытый взгляд, приветный и простой, —
Земля от века Донны не видала
Прекрасней телом и добрей душой.

Был вид ее столь сладостен и строг,
Что вздохи тяжкие мне речь прервали,
И ничего промолвить я не смог.

Но к Донне путь найдут мои печали,
Ведь все, кого язвит крылатый бог,
Хоть к мукам сострадание встречали.

34 GUIDO CAVALCANTI

* * *

Biltà di donna e di saccente core
e cavalieri armati che sien genti;
cantar d'augelli e ragionar d'amore;
adorni legni 'n mar forte correnti;

aria serena quand' apar l'albore
e bianca neve scender senza venti;
rivera d'acqua e prato d'ogni fiore;
oro, argento, azzuro 'n ornamenti:

ciò passa la beltate e la valenza
de la mia donna e 'l su' gentil coraggio,
sí che rasembra vile a chi ciò guarda;

e tanto più d'ogn'altr' ha canoscenza,
quanto lo ciel de la terra è maggio.
A simil di natura ben non tarda.

* * *

Chi è questa che vén, ch'ogn'om la mira,
che fa tremar di chiaritate l'âre
e mena seco Amor, sí che parlare
null'omo pote, ma ciascun sospira?

O Deo, che sembra quando li occhi gira,
dical' Amor, ch'i' nol savria contare:
contanto d'umiltà donna mi pare,
ch'ogn'altra ver' di lei i' la chiam'ira.

Non si poria contar la sua piagenza,
ch'a le' s'inchin' ogni gentil vertute,
e la beltate per sua dea la mostra.

Non fu sí alta già la mente nostra
e non si pose 'n noi tanta salute,
che propiamente n'aviàn canoscenza.

* * *

Красавиц обольстительные взоры,
Нарядных всадников блестящий строй,
Беседы о любви и птичьи хоры,
Корабль, бегущий по волне морской,

Прозрачность пред зарей, что вспыхнет скоро,
Снег, падающий тихо над землей,
Журчание ручья, лугов узоры,
Каменьев блеск в оправе золотой —

Что это все пред дивной красотой
И благородством госпожи моей?
Презренный тлен, не стоящий и взгляда!

Как перед небом меркнет все земное,
Так все, что видишь, меркнет перед ней.
Добру соединиться с ней — отрада.

* * *

Где та, что очаровывает взгляд,
Светиться счастьем воздух заставляет,
Когда с Амуром под руку гуляет?
О ней вздыхают, а не говорят.

Поднимет взор — и тут уже навряд
Найдешь слова: он душу опалает.
Она красу красавиц посрамляет:
Они в соседстве с ней — дурнушек ряд.

Воспеть ее мне, право, не по чину:
Все совершенство в ней воплощено,
А красота взяла ее в богини.

Наш разум не взлетит к такой вершине,
И потому постичь нам не дано
Суть совершенства и его причину.

* * *

O donna mia, non vedestù colui
che 'n su lo core mi tenea la mano,
quando ti rispondea fiochetto e piano
per la temenza delli colpi sui?

Elli fu Amore che, trovando nui,
meco restette che venia lontano,
a guisa d'un arcier presto soriano,
acconcio sol per uccider altrui.

E trasse poi de gli occhi tuoi sospiri,
i quai mi saettò nel cor sí forte,
ch'i' mi partii sbigottito fuggendo.

Allor m'apparve di sicur la Morte
accompagnata di quelli martiri
che soglion consumare altrui piangendo.

* * *

Perchi'i' no spero di tornar giammai,
ballatetta, in Toscana,
va' tu, leggera e piana,
dritt' a la donna mia,
che per sua cortesia
ti farà molto onore.

Tu porterai novelle di sospiri
piene di dogli' e di molta paura;
ma guarda che persona non ti miri
che sia nemica di gentil natura:
ché certo per la mia disavventura
tu saresti contesa,
tanto da lei ripresa
che mi sarebbe angoscia;
dopo la morte, poscia,
pianto e novel dolore.

Tu senti, ballatetta, che la morte
mi stringe sí, che vita m'abbandona;
e senti come 'l cor si sbatte forte

* * *

Ты не видала, госпожа моя,
Того, кто сердце мне сжимал рукою,
Когда, боясь, что мук своих не скрою,
Тебе ответствовал чуть слышно я.

То бог любви, далекие края
Покинувший, встал грозно предо мною
Сирийским лучником, готовым к бою,
В колчане стрелы острые тая.

Он из твоих очей извлек стенанья
И с яростью такой метнул в меня,
Что я бежал, утративши сознанье.

И я вступил в круг тех, чья злая доля—
В слезах тонуть, не видя света дня,
И умереть от несказанной боли.

* * *

Мне, песня, больше не видать
Родимую Тоскану...
Лети, держать не стану,
К возлюбленной моеї
И будь в чести у неї.
Порхни ей прямо в руки.

Ты ей скажи про мой удел,
Про жизнь в тоске унылой,
Но чтоб никто не подглядел
Тебя в беседе с милой:

Упрек судьбой постылой
Из уст ее жесток.
Отбыв земной свой срок,
На обретенной воле
Я б мучился от боли,
Стенал от новой муки.

Ты слышишь, песня: смерть близка,
Уходит жизнь из тела.

И сердце стиснула тоска

per quel che ciascun spirito ragiona.

Tanto è distrutta già la mia persona,
ch'i non posso soffrire:
se tu mi vuoi servire,
mena l'anima teco
(molto di ciò ti preco)
quando uscirà del core.

Deh, ballatetta mia, a la tu' amistate
quest'anima che trema raccomando:

menala teco, nella sua pietate,
a quella bella donna a cu' ti mando.

Deh, ballatetta, dille sospirando,
quando le se' presente:

«Questa vostra servente
vien per istar con voi,
partita da colui
che fu servo d'Amore.»

Tu, voce sbigottita e deboletta
ch'esci piangendo de lo cor dolente,
coll'anima e con questa ballatetta
va' ragionando della strutta mente.

Voi troverete una donna piacente,
di sí dolce intelletto
che vi sarà diletto
starle davanti ognora.
Anim', e tu l'adora
sempre, nel su' valore.

* * *

In un boschetto trova' pasturella
più che la stella — bella, al mi' parere.

Cavelli avea biondetti e ricciutelli,
e gli occhi pien d'amor, cera rosata;
con sua verghetta pasturav' agnelli;
disçalza, di rugiada era bagnata;
cantava come fosse 'namorata:
er' adornata — di tutto piacere.

По той, о ком ты пела.
 Душа перетерпела,
 Мне мучиться невмочь:
 Летите с нею прочь
 Из этой брэнной плоти.
 Будь рядом с ней в полете,
 Не откажи в докуке.
 Душа от слабости дрожит,
 Приди к ней на подмогу
 И путь к любимой подскажи,
 Возьми с собой в дорогу.
 А милой, ради бога,
 Скажи, зачем пришла:
 «Служанку вам нашла,
 Чтоб ей от вас — ни шагу,
 Чтоб ей забыть беднягу,
 Зачахшего в разлуке».
 Мой голос, скорбный и скупой,
 Из сердца рвется стоном.
 Душа, ты в этой песне пой
 О духе угнетенном.
 Пусть вас приветит донна,
 Которой нет нежней:
 Не расставайтесь с ней,
 Служите ей всечасно,
 Чтоб красоту прекрасной
 Восславить в каждом звуке.

* * *

Пастушку как-то встретил я весной —
 Звезды милее, глаз моих услада.

Стекали кудри русою волною,
 В глазах — любовь, лицом чиста-нежна,
 Босые ноги вымыты росою.
 Овец пасла поблизости она
 И распевала, словно влюблена.
 А я стоял, не отрывая взгляда.

D'amor la saluta' imantenente
e domandai s'avesse compagnia;
ed ella mi rispose dolzemente
che sola sola per lo bosco gia,
e disse: «Sacci, quando l'augel pia,
allor disìa — 'l me' cor drudo avere.»

Po' che mi disse di sua condizione
e per lo bosco augelli audío cantare,
fra me stesso diss' i': «Or è stagione
di questa pasturella gio' pigliare.»
Merzé le chiesi sol che di basciare
ed abbracciar,— se le fosse 'n volere.

Per man mi prese, d'amorosa voglia,
e disse che donato m'avea 'l core;
menòmmi sott' una freschetta foglia,
là dov' i' vidi fior d'ogni colore;
e tanto vi sentío gioia e dolzore,
che 'l die d'amore — mi pareva vedere.

Но подошел с поклоном для начала:
Как, говорю, не скучно тут одной?
Она, краснея, тихо отвечала,
Что как когда: мол, нет дружка со мной.
«Бывает, птица зазвенит струной —
И нету с сердцем никакого слада».

Вокруг и впрямь гремело птичье пенье,
И я подумал: «Полно горевать!
Пришла пора любви и наслажденья.
Мне есть кого возлюбленной назвать».
Позволь, прошу, тебя поцеловать.
Позволь обнять тебя, моя отрада.

Она в ответ мне руку протянула
И вместе с ней мне сердце отдала.
Листва над нами полог запахнула,
Трава для нас стоцветием цвела.
И так прекрасна милая была,
Что никаких богинь любви не надо.

* * *

La mia malinconia è tanta e tale,
 ch'ì non discredo che, s'egli 'l sapesse
 un che mi fosse nemico mortale,
 che di me di pietade non piangesse.

Quella, per cu' m'aven, poco ne cale:
 ché mmi potrebbe, sed ella volesse,
 guarir 'n un punto di tutto 'l mie male,
 sed ella pur «I' t'odio» mi dicesse.

Ma quest'è la risposta c'ho da llei:
 ched ella no mmi vòl né mal né bene,
 e ched i' vad'a ffar li fatti miei,

ch'ella non cura s'ì ho gioi' e pene,
 men ch'una paglia che lle va tra' piei.
 Mal grado n'abbi' Amor, ch'a lle' mi diéne.

* * *

Tre cose solamente mi so' in grado,
 le quali posso non ben ben fornire:
 ciò è la donna, la taverna e 'l dado;
 queste mi fanno 'l cuor lieto sentire.

Ma sí me le convéne usar di rado,
 ché la mie borsa mi mett' al mentire;
 e, quando mi sovvien, tutto mi sbrado,
 ch'ì perdo per moneta 'l mie disire.

E dico: — Dato li sia d'una lancia! —
 ciò a mi' padre, che mi tien sí magro,
 che tornare' senza logro di Francia.

Trar! un denai' di man sería più agro,
 la man di Pasqua, che ssi dà la mancia,
 che far pigliar la gru ad un bozzagro!

* * *

Печаль моя сегодня такова,
Что злейший враг, прослышав стороною,
Сказал бы мне утешные слова,
От жалости рыдая надо мною.

Лишь та, которой жизнь моя жива,
Сняла б заклятье над душой больною,
Скажи она мне слово или два —
Хоть «ненавижу» или что иное.

Но у нее на все один ответ:
Что ни добра не хочет мне, ни худа.
Ей до меня, короче, дела нет:

Клочок соломы или сора груды —
Вот что ей груз моих удач и бед.
Я ж домогаюсь от Амура чуда.

* * *

Три радости на свете мне даны,
И я люблю их преданно и верно;
Для счастья мне все три они нужны,
Зовут их — женщина, игра, таверна.

Но ведь на них не напасть казны,
А кошелек мой пуст неимоверно,
И этих благ, которым нет цены,
Я жажду столь же тщетно, сколь безмерно.

Проклятье! Кем я ввергнут в бездну эту?
Отцом, по чьей вине живу так скудно,
Что даже и в Сорбонну съездил зря.

Эх, выцарапать у него монету
На папёрти в день Пасхи так же трудно,
Как перепелку у нетопыря.

Maledetto e distrutto sia da Dio
lo primo punto, ch'io innamorai
di quella, che diletta di guai
darmi, ed ogn'altro sollazzo ha in oblio;

e si fa tanto tormento esser mio,
che 'n corpo d'uom non ne fu tanto mai:
e non le pare aver fatto anco assai,
tant'è 'l su' cor giude', pessimo e rio.

E non pensa se non com'ella possa
far a me cosa, che mi scoppi 'l cuore:
di questa oppinion ma' non fu mossa.

E di lei non mi posso gittar fuore,
tant' ho la ment' abbarbagliat' e grossa,
c' ho men sentor, che non ha l'uom, che mòre.

* * *

Да будет проклят тот недобрый час,
Что мне судил влюбиться без оглядки,
Вдобавок в ту, с которой взятки гладки:
Лишь мучает, за что-то ополчась.

Живу, от муки к горести мечась,
Кругом одни препоны да рогатки,
А вместо ласки — вечные нападки,
Притом больней и злее всякий раз.

Как ни прошу ее, чтоб перестала —
Ведь сердце мне разбить не мудрено! —
А ей, похоже, вправду горя мало.

Забыл бы, да, увы, не суждено:
Она во мне совсем хозяйкой стала —
Иные чувства отмерли давно.

* * *

A ciascun' alma presa e gentil core
nel cui cospetto ven lo dir presente,
in ciò che mi rescivan suo parvente,
salute in lor signor, cioè Amore.

Già eran quasi che atterzate l'ore
del tempo che onne stella n'è lucente,
quando m'apparve Amor subitamente,
cui essenza membrar mi dà orrore.

Allegro mi sembrava Amor tenendo
meo core in mano e ne le braccia avea
madonna involta in un drappo dormendo.

Poi la svegliava, e d'esto core ardendo
lei paventosa umilmente pascea:
appresso gir lo ne vedea piangendo.

* * *

Cavalcando l'altrier per un cammino,
pensoso de l'andar che mi sgradia,
trovai Amore in mezzo de la via
in abito leggier di peregrino.

Ne la sembianza mi pareva meschino,
come avesse perduto signoria;
e sospirando pensoso venia,
per non veder la gente, a capo chino.

Quando mi vide, mi chiamò per nome,
e disse: «Io vengo di lontana parte,
ov'era lo tuo cor per mio volere;

e recolo a servir novo piacere.»
Allora presi di lui sí gran parte,
ch'elli disparve, e non m'accorsi come.

* * *

Всем данникам умильным, чистым слугам
Царя сердец, Амура, мой привет!
Кто свиток сей прочтет и даст ответ,
Тот будет мне, единоверцу, другом.

Уж треть пути прошла небесным кругом
Та, чьей стезей всех звезд лучится свет,
Когда предстал — кому подобья нет,
Ликующий, и грудь сковал испугом.

Он сердце нес — пылала плоть моя —
И Госпожу, под легким покрывалом,
В объятиях владыки вижу я.

Пугливую будил от забытья
И нудил он питаться яством алым;
И с плачем взмыл в надзвездные края.

* * *

Вчера лесной я проезжал дорогой,
И было грустно мне в молчаньи бора,
Но вдруг, в одежде скромной и убогой,
Как странника, увидел я Амора.

Мне показалось, что прошел я много
И много ведал скорби и позора;
Задумчивый, смотрел он без укора,
Но в то же время сумрачно и строго.

Меня, узнав, по имени окликнул
И мне сказал: «Пришел я издалека,—
Где сердца твоего уединенье.

Его несу на новое служенье!»
Я задрожал, а он, в мгновенье ока,
Исчез — так непонятно, как возникнул.

Donne ch'avete intelletto d'amore,
i' vo' con voi de la mia donna dire,
non perch'io creda sua laude finire,
ma ragionar per isfogar la mente.
Io dico che pensando il suo valore
Amor sí dolce mi si fa sentire,
che s'io allora non perdessi ardire,
farei parlando innamorar la gente.
E io non vo' parlar sí altamente,
ch'io divenisse per temenza vile;
ma tratterò del suo stato gentile
a rispetto di lei leggeramente,
donne e donzelle amoroze, con vui,
ché non è cosa da parlarne altrui.

Angelo clama in divino intelletto
e dice: «Sire, nel mondo si vede
maraviglia ne l'atto che procede
d'un'anima che 'nfin qua su risplende.»
Lo cielo, che non have altro difetto
che d'aver lei, al suo signor la chiede,
e ciascun santo ne grida merzede.
Sola Pietà nostra parte difende,
ché parla Dio, che di madonna intende:
«Diletti miei, or sofferite in pace
che vostra spene sia quanto me piace
là 'v'è alcun che perder lei s'attende,
e che dirà ne lo inferno: «O mal nati,
io vidi la speranza de' beati.»

Madonna è disiata in sommo cielo:
or voi di sua virtù farvi sapere.
Dico, qual vuol gentil donna parere
vada con lei, che quando va per via,
gitta nei cor villani Amore un gelo,
per che onne lor pensero agghiaccia e pere;
e qual soffrisse di starla a vedere
diverria nobil cosa, o si morria.
E quando trova alcun che degno sia
di veder lei, quei prova sua vertute,

* * *

Лишь с дамами, что разумом любви
Владеют, ныне говорить желаю.
Я сердце этой песней облегчаю.
Как мне восславить имя госпожи?
Амор велит: «Хвалений не прерви!»
Увы! я смелостью не обладаю.
Людей влюблять я мог бы — не дерзаю,
Не одолев сомненья рубежи.
Я говорю канцоне: «Расскажи
Не столь возвышенно о несравненной,
Чтоб, устрась, ты сделалась презренной,
Но стиль доступный с глубиной связи.
Лишь благородным женщинам и девам
Теперь внимать моей любви напевам!»

Пред разумом божественным возвал
Нежданно ангел: «О творец вселенной,
Вот чудо на земле явилось бренной;
Сиянием пронзает небосвод
Душа прекрасной. Чтоб не ощущал
Неполноты твой рай без совершенной,
Внемли святым — да узрят взор блаженной».
Лишь Милосердье защитит наш род.
Скажи господь: «Настанет скорбный год.
Ее душа с землею разлучится;
Там некто утерять ее страшится
Среди несовершенства и невзгод.
В аду он скажет, в царстве злорожденных —
Я видел упование блаженных».

Ее узреть чертог небесный рад.
Ее хвалой хочу я насладиться.
И та, что благородной стать стремится,
Пусть по дорогам следует за ней.
Сердца презренные сжимает хлад.
Все низменное перед ней смутится.
И узревший ее преобразится
Или погибнет для грядущих дней.
Достойный видеть — видит все ясней,
В смиренье он обиды забывает.

ché li avvien, ciò che li dona, in salute,
e sí l'umilia, ch'ogni offesa oblia.
Ançor l'ha Dio per maggior grazia dato
che non pò mal finir chi l' ha parlato.

Dice di lei Amor: «Cosa mortale
come esser pò sí adorna e sí pura?»
Poi la riguarda, e fra se stesso giura
che Dio ne intenda di far cosa nova.
Color di perle ha quasi, in forma quale
convene a donna aver, non for misura:
ella è quanto de ben pò far natura;
per essempro di lei bieltà si prova.
De li occhi suoi, come ch'ella li mova,
escono spirti d'amore inflammati,
che feron li occhi a qual che allor la guati,
e passan sí che 'l cor ciascun ritrova:
voì le vedete Amor pinto nel viso,
là 've non pote alcun mirarla fiso.

Canzone, io so che tu girai parlando
a donne assai, quand'io t'avrò avanzata.
Or t'ammonisco, perch'io t'ho allevata
per figliuola d'Amor iovane e piana,
che là 've giugni tu dichì pregando:
«Insegnatemi gir, ch'io son mandata
a quella di cui laude so' adornata.»
E se non vuoi andar sí come vana,
non restare ove sia gente villana:
ingegnati, se puoi, d'esser palese
solo con donne o con omo cortese,
che ti merranno là per via tostana.
Tu troverai Amor con esso lei;
raccomandami a lui come tu dei.

* * *

Donna pietosa e di novella etate,
adorna assai di gentilezze umane,
ch'era là v'io chiamava spesso Morte,
veggendo li occhi miei pien di pietate,
e ascoltando le parole vane,

Ее привет все мысли очищает,
Животворит в сиянии огней.
Так милость бога праведно судила —
Спасется тот, с кем дама говорила.

«Как воссияла эта чистота
И воплотилась в смертное творенье!» —
Амор воскликнул в полном изумленье:
«Клянусь, Господь в ней новое явил».
Сравнится с ней жемчужина лишь та,
Чей нежный цвет достоин восхищенья.
Она пример для всякого сравненья,
В ее красе — предел природных сил,
В ее очах — сияние светил,
Они незримых духов порождают,
Людские взоры духи поражают,
И все сердца их лик воспламенил.
И на лице ее любовь алеет,
Но пристально смотреть никто не смеет.

Канцона, с дамами заговоришь
Прекрасными, как, верно, ты хотела.
Воспитанная мной, иди же смело,
Амора дочь, пребудешь молодой.
И тем скажи, кого ты посетишь:
«Путь укажите мне, чтоб у предела
Стремления хвалить я даму смела».
Не замедляй полет свободный твой,
Где обитает подлый род и злой,
Откройся тем, кто чужд забаве праздной,
К ним поспеши дорогой куртуазной,
Тебя немедля приведут в покой,
Где госпожа твоя и твой вожатый,
Замолвить слово обо мне должна ты.

* * *

Младая донна, в блеске состраданья,
В сиянии всех доблестей земных,
Сидела там, где Смерть я звал всечасно;
И, глядя в очи, полные терзанья,
И внемя звукам буйных слов моих,

si mosse con paura a pianger forte.
E altre donne, che si fuoro accorte
di me per quella che meco piangia,
fecer lei partir via,
e appressarsi per farmi sentire.
Qual dicea: «Non dormire,»
e qual dicea: «Perché si ti sconforte?»
Allor lassai la nova fantasia,
chiamando il nome de la donna mia.

Era la voce mia si dolorosa
e rotta sí da l'angoscia del pianto,
ch'io solo intesi il nome nel mio core;
e con tutta la vista vergognosa
ch'era nel viso mio giunta cotanto,
mi fece verso lor volgere Amore.
Elli era tale a veder mio colore,
che facea ragionar di morte altrui:
«Deh, consoliam costui,»
pregava l'una l'altra umilmente;
e dicevan sovente:
«Che vedestù, che tu non hair valore?»
E quando un poco confortato fui,
io dissi: «Donne, dicerollo a vui.

Mentr'io pensava la mia frale vita,
e vedea 'l suo durar com'è leggiero,
piansemi Amor nel core, ove dimora;
per che l'anima mia fu sí smarrita,
che sospirando dicea nel pensiero:
— Ben converrà che la mia donna mora.—
Io presi tanto smarrimento allora,
ch'io chiusi li occhi vilmente gravati,
e furon sì smagati
li spirti miei, che ciascun giva errando;
e poscia imaginando,
di caunoscenza e di verità fora,
visi di donne m'apparver crucciati,
che mi dicean pur: — Morra'ti, morra'ti.—

Poi vidi cose dubitose molte,
nel vano imaginare ov'io entrai;

Сама, в смятенъе, зарыдала страстно.
Другие донны, поспешив участно
На плач ее в покой, где я лежал,
Узрев, как я страдал,—
Ее улав, ко мне склонились строго.
Одна рекла: «Пободрствуй же немного»,
А та: «Не плачь напрасно».
Когда ж мой бред рассеиваться стал,
Мадонну я по имени назвал.

Мой голос был исполнен так страданья,
Так преломлен неистовостью слез,
Что я один мог распознать то слово;
Но, устыдясь невольного деянья,
Бесчестия, что я Любви нанес,
Я, помертвев, упал на ложе снова.
Раскаяние грызло так сурово,
Что, устранившись вида моего:
«Спешим спасти его!» —
Друг другу донны тихо говорили
И, наклонясь, твердили:
«Как бледен ты! Что видел ты такого?»
И вот чрез силу взял я слово сам
И молвил: «Донны, я откроюсь вам!

Я размышлял над жизнью моей брэнной
И познавал, как непрочна она,
Когда Любовь на сердце потаенно
Заплакала, шепнув душе смятенной,
Унынием и страхом сражена:
Наступит день, когда умрет Мадонна!»
И отшатнулся я изнеможенно,
И в дурноте глаза свои смежил,
И кровь ушла из жил,
И чувства понеслись в коловращенье,
И вот воображенъе,
Презрев рассудком, в дреме многосонной,
Явило мне безумных донн черты,
Взывающих: «Умрешь, умрешь и ты!..»

И я узнал еще о дивном многом
В том буйном сне, который влек меня:

ed esser mi pareva non so in qual loco,
e veder donne andar per via disciolte,
qual lagrimando, e qual traendo guai,
che di tristizia saettavan foco.
Poi mi parve vedere a poco a poco
turbar lo sole e apparir la stella,
e pianger elli ed ella;
cader li augelli volando per l'are,
e la terra tremare;
ed omo apparve scolorito e fioco,
dicendomi: — Che fai? Non sai novella?
morta è la donna tua, ch'era sí bella.—

Levava li occhi miei bagnati in pianti,
e vedea, che parean pioggia di manna,
li angeli che tornavan suso in cielo,
e una nuvoletta avean davanti,
dopo la qual gridavan tutti: *Osanna*;
e s'altro avesser detto, a voi dire' lo.
Allor diceva Amor: — Più nol ti celo;
vieni a veder nostra donna che giace.—
Lo imaginar fallace
mi condusse a veder madonna morta;
e quand'io l'avea scorta,
vedea che donne la covrian d'un vélo;
ed avea seco umilità verace,
che pareva che dicesse: — Io sono in pace.—

Io divenia nel dolor sí umile,
veggendo in lei tanta umiltà formata,
ch'io dicea: — Morte, assai dolce ti tegno;
tu dei omai esser cosa gentile,
poi che tu se' ne la mia donna stata,
e dei aver pietate e non disdegno.
Vedi che sí desideroso vegno
d'esser de' tuoi, ch'io ti somiglio in fede.
Vieni, ché 'l cor te chiede.—
Poi mi partia, consumato ogne duolo;
e quand'io era solo,
dicea, guardando verso l'alto regno:
— Beato, anima bella, chi te vede!—
Voi mi chiamaste allor, vostra merzede.»

Я пребывал в стране неизъясненной,
 Я видел донн, бегущих по дорогам,
 Простоволосых, плача и стеля,
 И мечущих какой-то огонь нетленный.
 Потом я увидал, как постепенно
 Свет солнца мерк, а звезд — сиял сильнее;
 Шел плач из их очей,
 И на лету пернатых смерть сражала,
 И вся земля дрожала,
 И муж предстал мне, бледный и согбенный,
 И рек: «Что медлишь? Весть ли не дошла?
 Так знай же: днесь Мадонна умерла!»

Подняв глаза, омытые слезами,
 Я увидал, как улетает ввысь
 Рой ангелов, белея словно манна;
 И облачко пред ними шло как знамя,
 И голоса вокруг него неслись,
 Поющие торжественно: «Осанна!»
 Любовь рекла: «Приблизься невозбранно —
 То наша Донна в упокойном сне».
 И бред позволил мне
 Узреть Мадонны лик преображенный;
 И видел я, как донны
 Его фатой покрыли белотканой;
 И подлинно был кроток вид ея,
 Как бы вещавший: «Мир вкусила я!»

И я обрел смирение в страданье,
 Когда узрел те кроткие черты, —
 И рек: «О смерть! Как сладостна ты стала!
 Я вижу лик твой в благостном сиянье,
 Зане, пребыв с моею Донной, ты
 Не лютость в ней, но милость почерпала.
 И вот душа теперь тебя взалкала;
 Да сопричтусь к слугам твоим и я, —
 Приди ж, зову тебя!»
 Так с горестным обрядом я расстался,
 Когда ж один остался,
 То молвил, глядя, как вся высь сияла:
 — Душа благая, счастлив, кто с тобой! —
 Тут вы, спасибо, бред прервали мой.

* * *

Tanto gentile e tanto onesta pare
la donna mia quand'ella altrui saluta,
ch'ogne lingua deven tremando muta,
e li occhi no l'ardiscon di guardare.

Ella si va, sentendosi laudare,
benignamente d'umiltà vestuta;
e par che sia una cosa venuta
da cielo in terra a miracol mostrare.

Mostrasi sí piacente a chi la mira,
che dà per li occhi una dolcezza al core,
che 'ntender no la può chi no la prova:

e par che de la sua labbia si mova
uno spirto soave pien d'amore,
che va dicendo a l'anima: Sospira.

* * *

Deh peregrini che pensosi andate,
forse di cosa che non v'è presente,
venite voi da sí lontana gente,
com'a la vista voi ne dimostrate,

che non piangete quando voi passate
per lo suo mezzo la città dolente,
come quelle persone che neente
par che intendesser la sua gravitate?

Se voi restate per volerlo audire,
certo lo cor de' sospiri mi dice
che lagrimando n'uscirete pui.

Ell'ha perduta la sua beatrice;
e le parole ch'om di lei pò dire
hanno vertù di far piangere altrui.

* * *

Так благородна, так она чиста,
Когда при встрече дарит знак привета,
Что взору не подняться для ответа
И сковывает губы немота.

Восторги возбуждая неспроста,
Счастливой безмятежностью одета,
Идет она — и кажется, что это
Чудесный сон, небесная мечта.

Увидишь — и, как будто через дверцу,
Проходит сладость через очи к сердцу,
Испытанными чувствами верша.

И дух любви — иль это только мнится? —
Из уст ее томительно струится
И говорит душе: «Вздохни, душа».

* * *

Паломники, бредущие в заботе
О чем-то, что, наверное, вдали
Оставили, — ведь из чужой земли
Вы, судя по усталости, бредете,

Уж вы не потому ли слез не льете,
Что в город скорбный по пути зашли
И слышать о несчастье не могли?
Но верю сердцу — вы в слезах уйдете.

Услышанное при желанье вами
Едва ли вас оставит в безразличье
К тому, что этот город перенес.

Он без своей остался Беатриче,
И если рассказать о ней словами,
То сил не хватит выслушать без слез.

Per una ghirlandetta
ch'io vidi, mi farà
sospirare ogni fiore.

I' vidi a mia donna portare
ghirlandetta di fior gentile,
e sovr'a lei vidi volare
un angioiel d'amore umile;
e 'n suo cantar sottile
dicea: — Chi mi vedrà
lauderà 'l mio signore.—

Se io sarò là dove sia
Fioretta mia bella e gentile,
allor dirò a la donna mia
che port'in testa i miei sospire:
— Ma' per crescer disire
una donna verrà
coronata da Amore? —

Le parolette mie novelle
che di fiori fatto han ballata,
per leggiadria ci hanno tolt'elle
una vesta ch'altrui fu data.
Però siate pregata,
qual uom la canterà,
che li facciate onore.

* * *

Как вспомню тот веночек,
Вздыхаю без конца —
И все цветы по нраву.

Я видел тот венок на вас
И прелести цветов дивился,
Я видел, помню, как сейчас, —
Над ним любовный ангел вился,
И пел он, что явился
Склонять к любви сердца
И звать в ее державу.

Когда Флоретты рядом нет,
Я верю — лучше всех признаний
Напомнить ей надеть предмет
Моих сердечных вздыханий,
При том, что нет желанней
Любовного венца,
Сплетенного на славу.

В баллате я почтил цветы,
Сплетая с юным словом слово,
И если я для красоты
Ей платье дал с плеча чужого,
Не вижу в том худого —
И для ее певца
Привета жду по праву.

* * *

Tutto ciò ch'altrui agrada a me disgrada,
ed èmmi a noia e spiace tutto 'l mondo.
Or dunque che ti piace? I' ti rispondo:
Quando l'un l'altro spessamente aghiada;

e piacemi veder colpi di spada
altrui nel volto, e navi andare a fondo;
e piacerebbemi un Neron secondo,
e ch'ogne bella donna fosse lada.

Molto mi spiace allegrezza e sollazzo,
e la malenconia m'agrada forte,
e tutto 'l dì vorrei seguire un pazzo.

E far mi piaceria di pianto corte,
e tutti quelli amazzar ch'io amazzo
nel fèr pensier, là dov'io trovo Morte.

* * *

Io fu' 'n su l'alto e 'n sul beato monte,
ch' i' adorai baciando 'l santo sasso,
e caddi 'n su quella petra, di lasso,
ove l'onesta pose la sua fronte,

e ch'ella chiuse d'ogni vertù il fonte
quel giorno che di morte acerbo passo
fece la donna de lo mio cor, lasso,
già piena tutta d'adornetze conte.

Quivi chiamai a questa guisa Amore:
«Dolce mio iddio, fa' che qui mi traggia
la morte a sé, ché qui giace 'l mio core.»

Ma poi che non m'intese 'l mio signore,
mi dipartí pur chiamando Selvaggia;
l'alpe passai con voce di dolore.

* * *

Мне мерзко то, что людям слаще меда,
И ненавижу я весь божий свет.
«Но что ж ты любишь?» Вот вам мой ответ:
Люблю раздоры, длаящиеся годы,

Люблю смотреть, как челн глотают воды,
Как в мягкость щек вонзается стилет.
О почему Неронов больше нет
И почему все девы не уроды?

Я не люблю веселья и утех,
Мне только горькое унынье мило,
И мне ласкает слух безумца смех.

Хочу, чтоб вокруг меня все мрачно было,
Руками задушить хочу я тех,
Кого душу в мечте,— как смерть, унылой.

* * *

Я одолел подъем на горный пик,
Я целовал гранит ее могилы
И припадал к нему, теряя силы.
Здесь Чистота навек закрыла лик,

Иссякнул добродетели родник
В тот день, когда любимая ступила
На смертный путь, и скрылся облик милый,
И я душой измученной поник.

Я заклинал Амура горьким стоном:
— Пусть смерть придет, чтоб я покой обрел
Здесь, по соседству с сердцем погребенным.

Но он не вял молениям сокрушенным,
И я, зовя любимую, побрел,
И голос мой звучал по горным склонам.

Su per la costa, Amor, de l'alto monte,
drieto a lo stil del nostro ragionare
or chi potrà montare,
poi che son rotte l'ale d'ogni ingegno?

I' penso ch'egli è secca quella fonte
ne la cui acqua si potea specchiare
ciascun del suo errare,
se ben volén guardar nel dritto segno.

Ah vero Dio, ch'a perdonar benegno
sei a ciascun che col pentir si colca,
quest'anima bivolca,
sempre stata d'amor coltivatrice,
ricovera nel grembo di Beatrice.

Qual oggimai dagli amorosi dubî
sarà a' nostri intelletti secur passo,
poi che caduto, ahi lasso,
è 'l ponte ov'e' passava i peregrini?

Nol veggendo di sotto da le nubi,
del suo aspetto si copre ognun basso,
sí come 'l duro sasso
si copre d'erba e talora di spini.

Ah dolce lingua, che con tuoi latini
facéi contento ciascun che t'udia,
quanto doler si dia
ciascun che verso Amor la mente ha volta,
poi che Fortuna del mondo t'ha tolta!

Canzone mia, a la nuda Firenze
oggima' di speranza te n'andrai:
di' che ben pò trar guai,
ch'omai ha ben di lungi al becco l'erba.

Ecco, la profezia che ciò sentenza,
or è compiuta, Firenze, e tu 'l sai:
se tu conoscerai
il tuo gran danno, piangi che t'acerba;
e quella savia Ravenna che serba
il tuo tesoro, allegra se ne goda,
ch'è degna per gran loda.
Cosí volesse Iddio che per vendetta
fosse deserta l'iniqua tua setta.

* * *

Неужто нам на этот горный пик,
На высоту властительного слога
Заказана дорога,
Раз у стиха подрезаны крыла?

Для нас отныне пересох родник,
Ушла вода, что отражала строго,
Сколь наша речь убога,
И нам вернее зеркала была.

Господь-владыка, не держащий зла
На кающихся в горьком прегрешеньи,
Пусть в небесной сени
Душа того, кто воспевал любовь,
Увидит образ Беатриче вновь!

Кто впредь путем раздумий и сомнений
Наш неокрепший разум поведет?
Мост рухнул, сдал пролет,
Которым пилигримы проходили.

Нам застит зренье облак искушений,
Мы зарастаем брэнностью забот.
Так на камнях растет
Лежалый мох между сухих бодылий.

О нежный слог, чьи звуки пробудили
Восторги наслаждавшихся тобой!
Отныне только боль
Осталась тем, кто был Амуру верен:
Земной твой путь Фортуною отмерен.

Ты, песня, во Флоренцию лети:
Она сегодня сиротою стала.
В рыданьях проку мало,
«И клювы их травы не ущипнут».

Пророчество сбылось в конце пути,
И ты его, Флоренция, читала.
Почти же, как пристало,
Того, кого стенанья не вернут.

Сокровище твое другие чтут
В тиши Равенны, гордой обретенем.
Хвала ей и почтенье.
Отмщенья Владыка восхотел —
И вот твой дом неправый опустел.

DI GENNAIO

I' doto voi, del mese di gennaio,
corte con fuochi ed in salette accese,
camer' e letta d'ogni bello arnese,
lenzuol' di seta e copertoj di vaio,

treggea confetta e mescere a razzoio,
vestiti di doagio e di racese,
e 'n questo modo stare alle difese,
muova scirocco, gherbino e rovaio;

uscir di fuori alcuna volta il giorno,
gittando della neve bella e bianca
alle donzelle che saran d'intorno;

e, quando la compagna fosse stanca,
a questa corte facciasi ritorno,
e sí riposi la brigata franca.

DI FEBBRAIO

E di febbraio vi dono bella caccia
di cerbi, cavriuoli e di cinghiari,
corte gonnelle con grossi calzari,
c compagnia che vi diletta e piaccia;

can da guinzagli e segugi da traccia,
e le borse fornite di danari,
ad onta degli scarsi e degli avari,
o chi di questo vi dà briga e 'mpaccia;

e la sera tornar co' vostri fanti
carcati della molta salvaggina,
avendo gioia ed allegrezza e canti;

far trar del vino e fummar la cucina,
e fin al primo sonno star razzanti;
e poi posar infino alla mattina.

ЯНВАРЬ

Я в январе вам подарю немало:
Каминный дух прогретого жилья
И роскошь спальни с хрусткостью белья,
Шелк простыней и шкуру-одеяло,

Варенье, вина в холоде бокала,
Наряд аррасский лучшего шитья:
Опять сирокко не дает житья
И трамонтаной небо задышало.

А днем наружу выскочите вдруг,
Чтоб первым снегом, непорочно-белым,
Кидаться в дам, хохочущих вокруг.

Потом, устав за непривычным делом,
Вернетесь в дом, чтоб коротать досуг
И отдыхать в тепле душой и телом.

ФЕВРАЛЬ

Я вам дарю охоту февраля:
Вот кабаны, косули и олени,
Ботфорты, юбки чуть не по колени.
Друзья толпятся, сердце веселя,

Визжат собаки, просятя в поля,
Кошель звенит, скупцу на посрамленье,
Завистнику на горе и томленье,
Желанья кредиторов распаля.

Вернетесь к ночи среди стихшей своры,
Добычей радостно отягчены,
Под гомон слуг и песни-разговоры.

Вино — на стол, каминны зажжены,
И допоздна — веселье, шутки, споры.
Потом — постель и утренние сны.

DI GIUGNO

Di giugno dòvi una montagnetta
coverta di bellissimi arboscelli,
con trenta ville e dodici castelli
che siano entorno ad una cittadetta;

ch'abbia nel mezzo una so' fontanetta
e faccia mille rami e fiumicelli,
ferendo per giardini e praticelli
e rinfrescando la minuta erbetta.

Aranci cedri dattili e lumie
e tutte l'altre frutte savorose
empergolate siano per le vie;

e le gente vi sian tutte amorose,
e faccianvisi tante cortesie
ch'a tutto 'l mondo siano graziose.

ИЮНЬ

В июне я преподношу вам гору,
Деревьев сень и зелени покров,
Двенадцать замков, череду дворов,
Походным станом обступивших город;

Лесной родник, а следом, без разбору —
Ручьи, речушки — тысяча даров! —
В садах, в полях заливших каждый ров,
Чтоб травам было нынче влаги впору.

Лимон и финик, тучный апельсин —
Бессчетность фруктов, напоенных светом, —
Свисают с веток, точно из корзин;

Влюбленные проходят, и при этом
Радушны и любезны, как один,
И мир наполнен дружбой и приветом.

68 FRANCESCO PETRARCA

* * *

Voi ch'ascoltate in rime sparse il suono
di quei sospiri ond'io nudriva 'l core
in sul mio primo giovenile errore
quand'era in parte altr'uom da quel ch'i' sono

del vario stile in ch'io piango et ragiono,
fra le vane speranze e 'l van dolore,
ove sia chi per prova intenda amore,
spero trovar pietà, non che perdono.

Ma ben veggio or sí come al popol tutto
favola fui gran tempo, onde sovente
di me medesimo meco mi vergogno;

et del mio vaneggiar vergogna è 'l frutto,
e 'l pentersi, e 'l conoscer chiaramente
che quanto piace al mondo è breve sogno.

* * *

Quanto più m'avicino al giorno extremo
che l'umana miseria suol far breve,
più veggio il tempo andar veloce et leve,
e 'l mio di lui sperar fallace et scemo.

I' dico a' miei pensier': Non molto andremo
d'amor parlando omai, ché 'l duro et greve
terreno incarco come fresca neve
si va struggendo; onde noi pace avremo:

perché co'llui cadrà quella speranza
che ne fe' vaneggiar sí lungamente,
e 'l riso e 'l pianto, et la paura et l'ira;

sí vedrem chiaro poi come sovente
per le cose dubbiose altri s'avanza,
et come spesso indarno si sospira.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА

* * *

В собрание песен, верных юной страсти,
Щемящий отзвук вздохов не угас
С тех пор, как я ошибся в первый раз,
Не ведая своей грядущей части.

У тщетных грез и тщетных мук во власти,
Мой голос прерывается подчас,
За что прошу не о прощенье вас,
Влюбленные, а только об участие.

Ведь то, что надо мной смеялся всяк,
Не значило, что судьи слишком строги:
Я вижу нынче сам, что был смешон.

И за былую жажду тщетных благ
Казню теперь себя, поняв в итоге,
Что радости мирские — краткий сон.

* * *

Чем ближе мой последний, смертный час,
Несчастий человеческих граница,
Тем легче, тем быстрее время мчится,—
Зачем же луч надежды не погас!

Внушаю мыслям: — Времени у нас
Не хватит о любви наговориться:
Земная тяжесть в землю возвратится,
И мы покой узнаем в первый раз.

В небытие, как плоть, надежда канет,
И ненависть и страх, и смех и слезы
Одновременно свой окончат век,

И нам при этом очевидно станет,
Как часто вводят в заблужденье грезы,
Как может в призрак верить человек.

* * *

Solo et pensoso i più deserti campi
vo mesurando a passi tardi et lenti,
et gli occhi porto per fuggire intenti
ove vestigio human l'arena stampi.

Altro schermo non trovo che mi scampi
dal manifesto accorger de le genti,
perché negli atti d'alegrezza spenti
di fuor si legge com'io dentro avampi:

sí ch'io mi credo omai che monti et piagge
et fiumi et selve sappian di che tempre
sia la mia vita, ch'è celata altrui.

Ma pur sí aspre vie né sí selvagge
cercar non so ch'Amor non venga sempre
ragionando con meco, et io co' llui.

* * *

Benedetto sia 'l giorno, e 'l mese, et l'anno,
et la stagione, e 'l tempo, et l'ora, e 'l punto,
e 'l bel paese, e 'l loco ov'io fui giunto
da' duo begli occhi che legato m'ànno;

et benedetto il primo dolce affanno
ch'i' ebbi ad esser con Amor congiunto,
et l'arco, et le saette ond'i' fui punto,
et le piaghe che 'nfin al cor mi vanno.

Benedette le voci tante ch'io
chiamando il nome de mia donna ò sparte,
e i sospiri, et le lagrime, e 'l desio;

et benedette sian tutte le carte
ov'io fama l'acquisto, e 'l pensier mio,
ch'è sol di lei, sí ch'altra non v'à parte.

* * *

Задумчивый, медлительный, шагаю
Пустынными полями одиноко;
В песок внимательно вперяя око,
След человека встретить избегаю.

Другой защиты от людей не знаю:
Их любопытство праздное жестоко,
Я ж, холоден к житейскому до срока,
Всем выдаю, как изнутри пылаю.

И ныне знают горы и долины,
Леса и воды, как сгорает странно
Вся жизнь моя, что недоступна взорам.

И пусть пути все дики, все пустынные,
Не скрыться мне: Амур здесь постоянно,
И нет исхода нашим разговорам.

* * *

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край, и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не приметил,
Как глубоко пронзен стрелой, что метил
Мне в сердце Бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны,—
Дум золотых о ней, единой, сплав!

* * *

Io son sí stanco sotto 'l fascio antico
de le mie colpe et de l'usanza ria
ch'i' temo forte di mancar tra via,
et di cader in man del mio nemico.

Ben venne a dilivrar mi un grande amico
per somma et ineffabil cortesia;
poi volò fuor de la veduta mia,
sí ch'a mirarlo indarno m'affatico.

Ma la sua voce anchor qua giù rimbomba:
O voi che travagliate, ecco 'l camino;
venite a me, se 'l passo altri non serra.

Qual gratia, qual amore, o qual destino
mi darà penne in guisa di colomba,
ch'i' mi riposi, et levimi da terra?

* * *

Erano i capei d'oro a l'aura sparsi
che 'n mille dolci nodi gli avolgea,
e 'l vago lume oltra misura ardea
di quei begli occhi, ch'or ne son sí scarsi;

e 'l viso di pietosi color' farsi,
non so se vero o falso, mi pareo:
i' che l'ésca amorosa al petto avea,
qual meraviglia se di sùbito arsi?

Non era l'andar suo cosa mortale,
ma d'angelica forma, et le parole
sonavan altro, che pur voce humana.

Uno spirto celeste, un vivo sole
fu quel ch'i' vidi: et se non fosse or tale,
piagha per allentar d'arco non sana.

* * *

Устав под старым бременем вины
И тягостной привычки, средь дороги
Боюсь упасть, боюсь, откажут ноги
И попаду я в лапы сатаны.

Бог низошел мне в помощь с вышины,
И милостив был лик, дотоле строгий,
Но он вознесся в горние чертоги,
И там его черты мне не видны.

А на земле гремит глагол доньше:
«Вот правый путь для страждущих в пустыне,
Презрев земное, обратись ко мне!»

Какая милость и любовь какая
Мне даст крыла, чтоб, землю покидая,
Я вечный мир обрел в иной стране?

* * *

Зефир ее рассыпанные пряди
Закручивал в колечки золотые,
И свет любви, зажегшейся впервые,
Блистал в ее, щедром ныне, взгляде.

Тогда казалось, что не о прохладе
Вещают краски нежные, живые
Ее лица; и вспыхнули стихии
Моей души, пожаром в вертограде.

Она предстала мне виденьем рая,
Явлением небесным — вплоть до звука
Ее речей, где каждый слог — Осанна.

И пусть теперь она совсем иная —
Мне все равно; не заживает рана,
Хоть и ослабла тетива у лука.

* * *

S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento?
Ma s'egli è amor, perdio, che cosa et quale?
Se bona, onde l'effecto aspro mortale?
Se ria, onde sí dolce ogni tormento?

S'a mia voglia ardo, onde 'l pianto e lamento?
S'a mal mio grado, il lamentar che vale?
O viva morte, o dilectoso male,
come puoi tanto in me, s'io nol consento?

Et s'io 'l consento, a gran torto mi doglio.
Fra sí contrari vénti in frale barca
mi trovo in alto mar senza governo,

sí lieve di saver, d'error sí carica
ch'i' medesimo non so quel ch'io mi voglio,
e tremo a mezza state, ardendo il verno.

* * *

I' vidi in terra angelici costumi
et celesti bellezze al mondo sole,
tal che di rimembrar mi giova et dole,
ché quant'io miro par sogni, ombre et fumi;

et vidi lagrimar que' duo bei lumi,
ch'àn fatto mille volte invidia al sole;
et udí' sospirando dir parole
che farian gire i monti et stare i fiumi.

Amor, Senno, Valor, Pietate et Doglia
facean piangendo un più dolce contento
d'ogni altro che nel mondo udir si soglia;

ed era il cielo a l'armonia sí intento
che non se vedea in ramo mover foglia,
tanta dolcezza avea pien l'aere e 'l vento.

* * *

Коль не любовь сей жар, какой недуг
Меня знобит? Коль он — любовь, то что же
Любовь? Добро ль?.. Но эти муки, Боже!..
Так злой огонь?.. А сладость этих мук!..

На что ропщу, коль сам вступил в сей круг?
Коль им пленен, напрасны стоны. То же,
Что в жизни смерть, — любовь. На боль похоже
Блаженство. «Страсть», «страданье» — тот же звук.

Призвал ли я иль принял поневоле
Чужую власть?.. Блуждает разум мой.
Я — утлый челн в стихийном произволе.

И кормщика над праздной нет кормой.
Чего хочу — с самим собой в расколе, —
Не знаю. В зной — дрожу; горю — зимой.

* * *

Я лицезрел небесную печаль,
Грусть: ангела в единственном явленье.
То сон ли был? Но ангела мне жаль.
Иль облак чар? Но сладко умиление.

Затмили слезы двух светил хрусталь,
Светлейший солнца. Кротких уст моление,
Что вал сковать могло б и сдвинуть даль, —
Изнемогло, истаяло в томленье.

Все — добродетель, мудрость, нежность, боль —
В единую гармонию сомкнулось,
Какой земля не слышала дотоль.

И ближе небо, внемля ей, нагнулось;
И воздух был разнежен ею столь,
Что ни листка в ветвях не шелохнулось.

* * *

In qual parte del ciel, in quale ydea
era l'exempio, onde Natura tolse
quel bel viso leggiadro, in ch'ella volse
mostrar qua giù quanto lassù potea?

Qual nimpha in fonti, in selve mai qual dea,
chiome d'oro sí fino a l'aura sciolse?
quando un cor tante in sé vertuti accolse?
benché la somma è di mia morte rea.

Per divina bellezza indarno mira
chi gli occhi de costei già mai non vide
come soavemente ella gli gira;

non sa come Amor sana, et come ancide,
chi non sa come dolce ella sospira,
et come dolce parla, et dolce ride.

* * *

Passa la nave mia colma d'oblio
per aspro mare, a mezza notte il verno,
enfra Scilla et Caribdi; et al governo
siede 'l signore, anzi 'l nimico mio.

A ciascun remo un penser pronto et rio
che la tempesta e 'l fin par ch'abbi a scherno;
la vela rompe un vento humido eterno
di sospir', di speranze et di desio.

Pioggia di lagrimar, nebbia di sdegni
bagna et rallenta le già stanche sarte,
che son d'error con ignorantia attorto.

Celansi i duo mei dolci usati segni;
morta fra l'onde è la ragion et l'arte,
tal ch'incomincio a desperar del porto.

* * *

Ее творя, какой прообраз вечный
Природа-Мать взяла за образец
В раю Идей? — чтоб знал земли жилец
Премудрой власть и за стезею Млечной.

Ее власы — не Нимфы ль быстротечной
Сеть струйная из золотых колец?
Чистейшее в ней бьется из сердец —
И гибну я от той красы сердечной.

В очах богинь игру святых лучей
Постигнет ли мечтательной догадкой
Не видевший живых ее очей?

Целит любовь иль ранит нас украдкой,
Изведал тот, кто сладкий, как ручей,
Знал смех ее, и вздох, и говор сладкий.

* * *

Забвенья груз влача в промозглый мрак,
Ладья моя блуждает в океане
Меж Сциллой и Харибдой, как в капкане,
А кормчий — господин мой, нет! мой враг.

На веслах — думы. Сладить с ними как?
Бунтуют, позабыв об урагане.
Извечный вихрь страстей и упований
Ветрила рвет в пылу своих атак.

Под ливнем слез, во мгле моей досады
Сплетенная из неразумья снасть
Вся вымокла: канаты как мочала.

Два огонька погасли, две отрады,
Уменье гибнет, разуму пропасть.
Боюсь: не дотянуть мне до причала.

* * *

La vita fugge, et non s'arresta una hora,
et la morte vien dietro a gran giornate,
et le cose presenti et le passate
mi dànno guerra, et le future anchora;

e 'l rimembrare et l'aspettar m'accora,
or quinci or quindi, sí che 'n veritate,
se non ch'i' ò di me stesso pietate,
i' sarei già di questi pensier' fora.

Tornami avanti, s'alcun dolce mai
ebbe 'l cor tristo; et poi da l'altra parte
veggo al mio navigar turbati i vénti;

veggo fortuna in porto, et stanco omai
il mio nocchier, et rotte arbore et sarte,
e i lumi bei che mirar soglio, spenti.

* * *

Quel rosignuol, che sí soave piagne
forse suoi figli, o sua cara consorte,
di dolcezza empie il cielo et le campagne
con tante note sí pietose et scorte,

et tutta notte par che m'accompagne,
et mi rammente la mia dura sorte:
ch'altri che me non ò di ch'i' mi lagne,
ché 'n dee non credev'io regnasse Morte.

O che lieve è inganar chi s'assecura!
Que' duo bei lumi assai più che 'l sol chiari
chi pensò mai veder far terra oscura?

Or cognosco io che mia fera ventura
vuol che vivendo et lagrimando impari
come nulla qua giù diletta et dura.

* * *

Уходит жизнь — уж так заведено,—
Уходит с каждым днем неудержимо,
И прошлое ко мне непримиримо,
И то, что есть, и то, что суждено.

И позади, и впереди — одно,
И вспоминать, и ждать невыносимо,
И только страхом божьим объяснимо,
Что думы эти не пресек давно.

Все, в чем отраду сердце находило,
Сочту по пальцам. Плаванью конец:
Ладье не пересилить злого шквала.

Над бухтой буря. Порваны ветрила,
Сломалась мачта, изнурен гребец,
И путеводных звезд как не бывало.

* * *

О чем так сладко плачет соловей
И летний мрак живет волшебной силой?
По милой ли тоскует он своей?
По чадам ли? Ни милых нет, ни милой.

Всю ночь он будит грусть мою живею,
Ответствуя, один, мечте унылой...
Так, вижу я: самих богинь сильней
Царица Смерть! И тем грозит могилой!

О, как легко чарует нас обман!
Не верил я, чтоб тех очей светила,
Те солнца два живых, затмил туман,—

Но черная земля их поглотила.
«Всё тлен! — поет нам боль сердечных ран.—
Всё, чем бы жизнь тебя ни обольстила».

* * *

I' vo piangendo i miei passati tempi
i quai posi in amar cosa mortale,
senza levarmi a volo, abbiend'io l'ale,
per dar forse di me non bassi esempi.

Tu che vedi i miei mali indegni et empi,
Re del cielo invisibile immortale,
soccorri a l'alma disviata et frale,
e 'l suo defecto di Tua gratia adempi:

sí che, s'io vissi in guerra et in tempesta,
mora in pace et in porto; et se la stanza
fu vana, almen sia la partita honesta.

A quel poco di viver che m'avanza
et al morir, degni esser Tua man presta:
Tu sai ben che 'n altrui non ò speranza.

* * *

Vergine bella, che di sol vestita,
coronata di stelle, al sommo Sole
piacesti sí, che 'n te Sua luce ascose,
amor mi spinge a dir di te parole:
ma non so 'ncominciar senza tu' aita,
et di Colui ch'amando in te si pose.
Invoco lei che ben sempre rispose,
chi la chiamò con fede:
Vergine, s'a mercede
miseria extrema de l'humane cose
già mai ti volse, al mio prego t'inchina,
soccorri a la mia guerra,
bench'i' sia terra, et tu del ciel regina.

Vergine saggia, et del ben numero una
de le beate vergini prudenti,
anzi la prima, et con più chiara lampa;
o saldo scudo de l'afflicte genti
contra' colpi di Morte et di Fortuna,
sotto 'l qual si triumpha, non pur scampa;

* * *

О канувшем былом моя кручина,
О том, что, возлюбивши горстку праха,
Я не дал крыльям взлета и размаха,
Благим делам не положил почина.

Моя тебе открыта сердцевина.
Исполнен горя, слабостей и страха,
Я сам себе --- и приговор и плаха.
О Господи, наставь меня, как сына,

И помоги блуждавшему в ненастье
Мир обрести; уж коли пребываешь
Бесплодным было --- научи проститься.

Остаток моего существования
И смерть саму направь своей десницей.
Я уповаю на Твое участие.

* * *

Мадонна, славная короной звездной,
Тебя с рожденья солнце облачало
В свои одежды, наполняя светом!
Для гимнов праведных ищу начало,
Но как достигь тебя молитвой слезной
Без помощи Того, кто в мире этом
Тебе был Сыном? Удостой ответом
Томящегося жаждой.
Мадонна, знаешь каждый,
Как страдаешь ты рукам воздетым.
Дозволь же чувству в слово претвориться
И горсть земного праха
Избавь от страха,   Небесная Царица.

Мадонна, каплю благостного масла
Ты для лампы берегла в сосуде,
И ложе мудрых дев не опустело.
Твоим щитом от бед хранимы люди,
Дабы лампада жизни не угасла
И разум не умолк осиротело.

o refrigerio al cieco ardor ch'avampa
qui fra i mortali sciocchi:
Vergine, que' belli occhi
che vider tristi la spietata stampa
ne' dolci membri del tuo caro figlio,
volgi al mio dubio stato,
che sconsigliato   a te vén per consiglio.

Vergine pura, d'ogni parte intera,
del tuo parto gentil figliuola et madre,
ch'allumi questa vita, et l'altra adorni,
per te il tuo figlio, et quel del sommo Padre,
o fenestra del ciel lucente altera,
venne a salvarne in su li extremi giorni;
et fra tutti terreni altri soggiorni
sola tu fosti electa,
Vergine benedetta,
che 'l pianto d'Eva in allegrezza torni.
Fammi, ché puoi, de la Sua gratia degno,
senza fine o beata,
già coronata   nel superno regno.

Vergine santa d'ogni gratia piena,
che per vera et altissima humiltate
salisti al ciel onde miei preghi ascolti,
tu partoristi il fonte di pietate,
et di giustitia il sol, che rasserena
il secol pien d'errori oscuri et folti;
tre dolci et cari nomi ài in te raccolti,
madre, figliuola et sposa:
Vergine gloriosa,
donna del Re che nostri lacci à sciolti
et fatto 'l mondo libero et felice,
ne le cui sante piaghe
prego ch'appaghe   il cor, vera beatrice.

Vergine sola al mondo senza exempio,
che 'l ciel di tue bellezze innamorasti,
cui né prima fu simil né seconda,
santi pensieri, atti pietosi et casti
al vero Dio sacrato et vivo tempio
fecero in tua verginità feconda.

Ты остужаешь страсть, что тяготела
Над тьмой неправосудной,
Мадонна, взор твой чудный,
Узревший на кресте Господне тело,
Не замечает, как я слаб и грешен,
Как маюсь без подмоги,
В конце дороги   советом не утешен.

Мадонна, нет на свете совершенней
Твоей красоты. Она лучом чудесным
Сияет в райском и людском жилище.
Твой Сын, что был тебе Отцом небесным,
Сошел в обитель мрака и лишений,
Спасая смертный род, слепой и нищий.
На всей земле достойнее и чище
Не отыскал Он девы.
Мадонна, слезы Евы
Не орошат отныне нашей пищи.
До милости твоей, о Матерь Божья,
Хочу я быть возвышен,
Тобой услышан   у горного подножья.

Мадонна, светлой осиянна твердью,
Между женами ты благословенна —
Мятущейся души сочти потери!
Твоя вовеки слава незабвенна,
Ты жизнь дала святому милосердью,
Для преступлений затворяя двери.
Ты имя матери, жены и дочери
В одно связуешь имя.
Мадонна, за твоими
Деяньями слежу в счастливой вере,
Избавленный заступницей такую
От казней невозбранных.
В Христовых ранах   я сердце успокою.

Мадонна, нет тебе на свете равной,
И не было, и никогда не будет,
В невесты Божьи избранная дева!
Другая этой славы не добудет:
За ум твой совестливый, благонаравный
Он непорочное восславил чрево!

Per te pò la mia vita esser ioconda,
s'a' tuoi preghi, o Maria,
Vergine dolce et pia,
ove 'l fallo abondò, la gratia abonda.
Con le ginocchia de la mente inchine,
prego che sia mia scorta,
et la mia torta   via drizzi a buon fine.

Vergine chiara et stabile in eterno,
di questo tempestoso mare stella,
d'ogni fedel nocchier fidata guida,
pon' mente in che terribile procella
i' mi ritrovo sol, senza governo,
et ò già da vicin l'ultime strida.
Ma pur in te l'anima mia si fida,
peccatrice, i' nol nego,
Vergine; ma ti prego
che 'l tuo nemico del mio mal non rida:
ricorditi che fece il peccar nostro
prender Dio, per scamparne,
humana carne   al tuo virginal chiostro.

Vergine, quante lagrime ò già sparte,
quante lusinghe et quanti preghi indarno,
pur per mia pena et per mio grave danno!
Da poi ch'i' nacqui in su la riva d'Arno,
cercando or questa et or quel'altra parte,
non è stata mia vita altro ch'affanno.
Mortal bellezza, atti et parole m'anno
tutta ingombrata l'alma.
Vergine sacra et alma,
non tardar, ch'i' son forse a l'ultimo anno.
I dí miei più correnti che saetta
fra miserie et peccati
sensen andati,   et sol Morte n'aspetta.

Vergine, tale è terra, et posto à in doglia
lo mio cor, che vivendo in pianto il tenne
et de mille miei mali un non sapea:
et per saperlo, pur quel che n'avenne
fòra avenuto, ch'ogni altra sua voglia
era a me morte, et a lei fama rea.

Страной, где нет ни зависти, ни гнева,
 Скорбящего порадуй,—
 Мадонна, стань преградой
 Для плевелов греховного посева.
 Душа моя взывает на коленях
 К водительнице строгой:
 «Прямой дорогой   веди меня в моленьях!»

Мадонна, ты звездою путеводной,
 Звездой морей горишь во мраке диком,
 Ты многих для молитвы вразумила.
 Лишь я один кричу предсмертным криком,—
 Взгляни: скорлупкою в пучине водной,
 Устав от бурь, ношусь я без кормила.
 Душе потерянной ничто не мило.
 Излить надежду в гимне,
 Мадонна, помоги мне,
 Дабы Врага ты верой посрамила,
 Как первенец, сошедший с небосклона
 Во избавленье наше
 И, храма краше,   твое отверзший лоно.

Мадонна, сколько слез я пролил тщетно,
 Взывая к той, чье сердце светозарно,
 Какие только не узнал печали!
 Не стал мне отчим домом берег Арно,
 Судьба со мной строга и неприветна,
 Живу одною мыслью о причале.
 Хвалами смертной красоте звучали
 Возвышенные строки,—
 Мадонна, близки сроки,
 Ведь я в конце пути, а не в начале!
 Мелькают дни, как стрелы, и всеильны
 Одни грехи и казни,
 Но неотвязней   грядущий мрак могильный.

Мадонна, ты в моем услышишь плаче
 Тоску по мертвой, что еще при жизни
 Была причиной слез моих и боли.
 Но повода я не дал укоризне,
 А впрочем, разве вышло бы иначе,
 Откройся я, признайся поневоле?

Or tu donna del ciel, tu nostra dea
(se dir lice, et convensi),
Vergine d'alti sensi,
tu vedi il tutto: et quel che non potea
far altri, è nulla a la tua gran vertute,
por fine al mio dolore;
ch'a te honore, et a me fia salute.

Vergine, in cui ò tutta mia speranza
che possi et vogli al gran bisogno aitarne,
non mi lasciare in su l'extremo passo.
Non guardar me, ma Chi degnò crearme;
no 'l mio valor, ma l'alta Sua sembianza,
ch'è in me, ti mova a curar d'uom sí basso.
Medusa et l'error mio m'àn fatto un sasso
d'umor vano stillante:
Vergine, tu di sante
lagrime et piè adempi 'l meo cor lasso,
ch'almen l'ultimo pianto sia devoto,
senza terrestre limo,
come fu 'l primo non d'insania vòto.

Vergine humana, et nemica d'orgoglio,
del comune principio amor t'induca:
miserere d'un cor contrito humile.
Che se poca mortal terra caduca
amar con sí mirabil fede soglio,
che devrò far di te, cosa gentile?
Se dal mio stato assai misero et vile
per le tue man resurgo,
Vergine, i' sacro et purgo
al tuo nome et pensieri e 'ngegno et stile,
la lingua e 'l cor, le lagrime e i sospiri.
Scorgimi al miglior guado,
et prendi in grado i cangiati desiri.

Il dí s'appressa, et non pote esser lunge,
sí corre il tempo et vola,
Vergine unica et sola,
e 'l cor or conscièntia or morte punge.
Raccomandami al tuo figliuol, verace
homo et verace Dio,
ch'accolga 'l mio spirto ultimo in pace.

Мне б сожаленья душу искололи
 При виде перемены.
 Мадонна, облик тленный
 Дерзну ль сравнить с царицей на престоле?
 С той, что в единый взгляд вбирает землю,
 Где я под смертной сенью
 Ключи к спасенью из рук ее приемлю.

Мадонна, каждого, кто верой крепок,
 Ты призываешь к истинной надежде,—
 Так снизойди же до меня, взирая
 Не на ничтожество мое, но прежде
 На образец,—ведь я всего лишь слепок,
 Подобье жалкое Владыки рая.
 Меня скалою сделала вторая
 Медуза взором властным,—
 Мадонна, кротким, ясным
 Рыданьем грудь моя полна до края!
 Пускай же слезы грешника седого
 Текут светло и строго:
 Он помнит много безумства молодого.

Мадонна, с кроткой участью земною
 Ты связана, как цепью нераздельной,
 Земным рожденьем — нет в тебе гордыни!
 О, если образ красоты скудельной
 С таким восторгом почитался мною,
 Какой хвалой тебя восславлю ныне?
 О, если за крупницей благостыни
 Я воздеваю руки,
 Мадонна, через муки
 Очищены слова о Божьем Сыне
 И вздохи, и рыдания, и мысли.
 В морях воздвигни сушу,
 Скитальца душу к неизгнанным причисли.

Мелькают дни, конец пророча скорый,
 Жестоко время мчится.
 Мадонна, страх стучится
 Мне в грудь, но чаще — совести укоры.
 Пускай твой Сын рассеет мрак кромешный,
 Когда смежу я веки,
 Покой навеки душе даруя грешной.

* * *

I' son la magra lupa d'avarizia
de cui mai l'appetito non è sazio,
e, com più ho di vita lungo spazio,
più moltiplica in me questa tristizia.

Io vivo con paura e con malizia;
limosina non fo né Dio rengrazio:
deh, odi s'i' mi vendo e s'i' me strazio,
ch'io mor' di fame e ho de l'or divizia.

Io non bramo parenti né memoria,
né credo sia diletto né più vivere
che l'imborsar e far ragion e scrivere.

Lo 'nferno è monimento de mia storia
e questo mondo è 'l ben in cui m'annidolo:
il fiorino è quel dio ch'i' ho per idolo.

* * *

Oh lasso me!, quanto forte divaria
como da Milano in tutte l'overe.
Là è bel tempo e qui pur sento piovere;
là si è sana e qui è inferma l'aria;

là è prudenzia e qui tutta contraria;
là è ricchezza e qui le genti povere;
là si pò ire e qui non si pò muovere
per li gran poggi e laghi che la svaria;

là si son donne delicate e morbide,
vezzose nel parlar, più vaghe e tenere
che qual par figlia e qual soror di Venere;

e qua son vizze, magre, secche e torbide,
col gavon grosso e con la buccia rancica:
ortica pare a chi lor carne brancica.

* * *

Я — скаредности тощая волчица.
Мой голод никогда не утолить.
Бессрочно будет страсть меня палить:
Чем дольше жизнь, тем дольше муке длиться.

Жизнь — это страх да сделок вереница.
Мне не за что Творца благодарить.
Продать себя, купить и разорить,
Дрожа над золотом, голодом томиться...

Ни прошлого не помню, ни родства.
Жизнь только в том, чтоб счастьем упиваться:
Копить, писать расписки, торговаться...

Пусть ад всему итог и голова,
Мне мир — гнездо, чтоб, сжавшись, горбить спину
Для поклоненья идолу — флорину.

* * *

Бедняга я! Тут все совсем не так —
Не как в Милане в это время года:
Там солнце, тут сплошная непогода,
Там воздух чист, тут — запахи клоак.

Там — благонравье, тут беспутство драк,
Там — роскошь, тут обитель нищebroда,
Там — вольный путь, тут не отыщешь хода
От вечных луж... Все наперекосяк!

Там женщины милы и величавы,
Приятны в разговоре и нежны —
Самой Венере в дочери годны.

Тут — тощи, неопрятны и лукавы,
С отвислым брюхом, с кожей дурной:
Обнимешь — жжет крапивою шальной.

* * *

Intorn'ad una fonte, in un pratello
di verdi erbette pieno e di bei fiori,
sedean tre angiolette, i loro amori
forse narrando, ed a ciascuna 'l bello

viso adombrava un verde ramicello
ch'i capei d'or cingea, al qual di fuori
e dentro insieme i dua vaghi colori
avvolgeva un suave venticello.

E dopo alquanto l'una alle due disse
(com'io udi'): «Deh, se per avventura
di ciascuna l'amante or qui venisse,

fuggiremo noi quinci per paura?»
A cui le due risposer: «Chi fuggisse,
poco savia saria, con tal ventura!»

* * *

Vetro son fatti i fiumi, ed i ruscelli
gli serra di fuor ora la freddura;
vestiti son i monti e la pianura
di bianca neve e nudi gli arbuscelli,

l'erbette morte, e non cantan gli uccelli
per la stagion contraria a lor natura;
Borea soffia, ed ogni creatura
sta chiusa per lo freddo ne' sua ostelli.

Ed io, dolente, solo ardo ed incendo
in tanto foco, che quel di Vulcano
a rispetto non è una favilla;

e giorno e notte chiero, a giunta mano,
alquanto d'acqua il mio signor, piangendo,
né ne posso impetrar sol una stilla.

* * *

На мураву присев у родника,
Три ангельских создания обсуждали
Возлюбленных,— от истины едва ли
Была моя догадка далека.

Струясь из-под зеленого венка,
Густые кудри златом отливали,
И цвет на цвет взаимно набегали,
Послушные дыханью ветерка.

Потом я слышал, как одна спросила:
«А что, как наши милые сейчас
Сюда пришли бы? Что бы с нами было?»

Мы скрылись бы от их нескромных глаз?»
В ответ подруги: «Никакая сила
Спасаться бегством не заставит нас».

* * *

Стеклом покрылись ручейки и реки,
Задул борей, обрушив снег тяжелый
На побелевшие холмы и доли,
Трава поблекла, умерев навеки.

Природой точно правит недруг некий:
Живое в норы спряталось, и голы
Леса, где скован стужей писк веселый,
Владычит холод в звере, в человеке.

А я огонь в груди скорбящей прячу:
С ним рядом пламя грозное Вулкана,
Как искра догоревшая, убого.

Дождя выпрашиваю беспрестанно,
Сложив молитвенно ладони, плачу,
Но даже капли не дождусь от Бога.

* * *

Fuggit' è ogni virtù, spent' è il valore
che fece Italia già donna del mondo,
e le Muse castalie son in fondo,
né cura quas' alcun del lor onore.

Del verde lauro più fronda né fiore
in pregio sono, e ciascun sotto il pondo
dell' arricchir sottentra, e del profondo
surgono i vizi triunfando fore.

Per che, se i maggior nostri hanno lasciato
il vago stil de' versi e delle prose,
esser non deti meraviglia alcuna.

Piangi dunque con meco il nostro stato,
l'uso moderno e l'opre viziose,
cui oggi favoreggia la fortuna.

* * *

Dormendo, un giorno, in sonno m' pareva
quasi pennuto volar verso il cielo
drieto all'orme di quella, il cui bel velo
cenere è fatto, ed ella è fatta dea.

Quivi sí vaga e lieta la vedea,
ch'arder mi parve di più caldo gelo
ch'io non solea, e dileguarsi il gelo
ch' in pianto doloroso mi tenea.

E, guardando, l'angelica figura
la man distese, come se volesse
prender la mia; ed io mi risvegliai.

Oh quanta fu la mia disavventura!
Chi sa, se ella allor preso m'avesse,
e s'io quaggiù più ritornava mai?

* * *

Италия, в былом всех стран царица,
Где доблести твои и гений твой?
Кастальский хор умолк — теперь любой
Над честью муз божественных глумится.

В цене упали лавры — кто стремится
Стяжать их в дни, когда, гордясь собой,
Зло шествует с поднятой головой
И каждый жаждет лишь обогатиться.

Коль в прозе и стихах высокий слог
Давно утрачен лучшими из нас,
Ждать от тебя нельзя чудес искусства.

Скорби же вслед за мной о том, что рок
Так благосклонен сделался сейчас
К тем, чей язык убог и низки чувства.

* * *

Раз я уснул — и, мнилось, к тверди спней
Меня на крыльях легких подымало
Вослед за той, чье в пепел покрывало
Рассыпалось, она ж взнеслась богиней.

И в радости все чище и невинней,
Казалось, жарким пламенем пылала,
Безвестным мне; горенье растопляло
В тоске меня сжимавший лед и иней.

И ангелоподобная с улыбкой
Простерла руку, словно бы желая
Пожать мою. Но тут я пробудился.

Судьба моя такой предстала зыбкой!
Возьми тогда меня к себе, благая,—
О, я сюда б вовек не возвратился.

Dante Alighieri son, Minerva oscura
d'intelligenza e d'arte, nel cui ingegno
l'eleganza materna aggiunse al segno
che si tien gran miracol di natura.

L'alta mia fantasia, pronta e sicura,
passò il tartareo e poi 'l celeste regno,
e 'l nobil mio volume feci degno
di temporale e spiritual lettura.

Fiorenza magna terra ebbi per madre,
anzi matregna, e io piatoso figlio,
grazia di lingue scellerate e ladre.

Ravenna fummi albergo nel mio esiglio:
ed ella ha il corpo, l'alma ha il sommo Padre,
presso a cui invidia non vince consiglio.

* * *

Мне имя Данте, Данте Алигьери,
Я новая Минерва, чей язык
Родимым красноречием велик,
Ее ума достойным в полной мере.

Я в преисподней был и в третьей сфере,
Куда воображением проник —
С намереньем последнею из книг
Развлечь потомков и наставить в вере.

Флоренция, моя родная мать,
Мне мачехою сделалась постылой,
Дав сына своего оклеветать.

Изгнанника Равенна приютила,
Ей — тело, духу — Божья благодать,
И зависть пред согласьем отступила.

* * *

Inamorato pruno
già mai non vidi, come l'altr'ier uno.

Su la verde erba e sotto spine e fronde
giovinetta sedea
lucente più che stella.
Quando pigliava il prun le chiome bionde,
ella da sé il pigneo
con bianca mano e bella;
spesso tornando a quella,
ardito più che mai fosse altro pruno.

Amorosa battaglia mai non vidi,
qual vidi, essendo sciolte
le trecce e punto il viso.
Oh quanti in me alor nascosi stridi
il cor mosse più volte,
mostrando di fuor riso,
dicendo nel mio oviso:
«Volesse Dio ch'io diventasse pruno!»

* * *

— O vaghe montanine pasturelle,
donde venite sí leggiadre e belle?

Qual'è il paese dove nate séte,
che sí bel frutto più che gli altri aduce?
Creature d'Amor vo' mi parete,
tanto la vostra vista addorna luce!
Né oro né argento in voi riluce,
e, mal vestite, parete angiolelle.—

— No' stiamo in alpe, presso ad un boschetto;
povera capannetta è 'l nostro sito:
col padre e con la madre in picciol letto
torniam la sera dal prato fiorito,

* * *

Влюбившийся терновник! —
Вчера такой мне встретился любовник.

Сидела дева на траве зеленой,
В просветах кроны редкой,
Как звездочка, прекрасна.
По золотистым прядям куст влюбленный
Водил колючей веткой
Так ласково, так страстно,
Что девушка напрасно
Рукой пыталась оттолкнуть терновник.

Такого поединка страсти нежной
Мне и во сне не снилось:
Терновник веткой гибкой
Ей пряди по щеке рассыпал снежной.
Тут грудь моя стеснилась,
И я в надежде зыбкой
Шептал с полуулыбкой:
«О Боже, почему я не терновник!»

ГОРНЫЕ ПАСТУШКИ

«О горные бродячие пастушки,
Откуда вы, прелестные резвущки?

Где родились? В какой земле берется
Таких плодов невиданных награда?
Амуром вы сотворены, сдается,
Так светит в вашем облике отрада.
Вам золота и серебра не надо,
Впрямь ангелочки вы, хоть и чернушки».

«У рощицы в горах мы проживаем
В привычном месте, в хижинке убогой.
Ночлег с родителями разделяем,
Домой придя цветущею дорогой;

dove natura ci ha sempre nodrito;
guardando il dí le nostre peccorelle.—

— Assa' sí de' doler vostra bellezza,
quando tra monti e valli la mostrate;
ché non è terra di sí grande altezza
dove non foste degne ed onorate.
Deh, ditemi se voi vi contentate
di star ne' boschi cosí poverelle?—

— Più si contenta ciascuna di noi
andar drieto le mandre a la pastura
che non farebbe qual fosse di voi
d'andar a feste dentro a vostre mura.
Richezza non cerchiam, né più ventura
che balli e canti e fiori e ghirlandelle.—

Ballata, s'i' fosse come già fui,
diventerei pastore e montanino;
e prima ch'io il dicesse altrui,
sarei al loco di costor vicino;
ed or direi — Biondella! — ed or — Martino! —
seguendo sempre dove andasson elle.

В долине днем природа нам помогой,
Заботою — овечки и телушки».

«Немало вашей красоте страданий,
Чуть ею в долах и горах блеснете;
Земля такая для нее желанней,
Где были б вы и в холе и в почете;
Скажите, разве счастливо живете,
Бедняжки, у своей лесной опушки?»

«Довольней каждая из нас, беспечно
Бредя со стадом значными лугами,
Чем торопясь любой из вас, конечно,
На празднества за вашими стенами;
Не гонимся за бóльшими благами,
Чем песни, пляски да цветов плетушки».

«Баллада! Будь таким я, как бывало,
Я пастухом и горцем стал бы смело;
Еще душа живая не узнала,
А я, сосед их милого предела,
Взывал бы то: «Мартина», то: «Бьонделла» —
И брел туда, куда бы шли подружки».

100 LEONARDO GIUSTINIAN

* * *

Non ti ricordi quando mi dicevi
che tu m'amavi sí perfettamente?
Se stavi un gòrno che non me vedevi,
con gli occhi mi cercavi fra la gente,
e risguardando s' tu non mi vedevi,
dentro de lo tuo cor stavi dolente.
E mo'mi vedi, e par non mi cognosci,
come tuo servo stato mai non fossi.

* * *

Se gli àrbori sapessen favellare
e le foglie lor fusseno le lingue,
l'inchiostro fusse l'acqua de lo mare,
la terra fusse carte, l'erbe penne,
le tue bellezze non potrà contare.
Quando nascesti, li anzoli ci venne;
quando nascesti, colorito ziglio,
tutti i santi furno a quel consiglio.

* * *

I' t'ho dipinta in su una carticella,
come se fusti una santa de Dio.
Quando mi levo la mattina bella
ingenocchion mi butto con desio.
Sí t'adoro, e poi dico: «Chiara stella,
quando farai contento lo cor mio?»
Bàsote poi, e stringo con dolcezza:
poscia mi parto, e vòmen'a la messa.

ЛЕОНАРДО ДЖУСТИНИАН

* * *

Ты помнишь клятвы, полные огня,
Что слух еще недавно мне ласкали?
Когда ты день не видела меня,
Твои глаза везде меня искали,
И если не было нигде меня,
Сердечко разрывалось от печали.
А нынче смотришь — и не узнаешь,
Раба не ставя бывшего ни в грош.

* * *

Когда б на ветках языки росли,
И дерево, как люди, говорило,
И перья прорастали из земли,
А в синем море пенились чернила,—
Поведать и они бы не могли,
Как ты прекрасна: слов бы не хватило.
Перед твоим рождением на свет
Святые собрались держать совет.

* * *

Тебя нарисовал я на листке
Пергамента, как будто ты — святая,
И на коленях, со свечой в руке
Молюсь тебе, о милости мечтаю.
Шепчу: «В недостижимом далеке
Ты как звезда сияешь золотая!» —
Целую образ твой, свечу гашу
И в ближний храм к заутрене спешу.

* * *

Nominativi fritti e mappamondi,
e l'arca di Noè fra due colonne
cantavan tutti chirieleisonne
per l'influenza de' taglier mal tondi.

La Luna mi dicea: «Ché non rispondi?»
E io risposi: «Io temo di Giansonne,
però ch'io odo che 'l diaquilonne
è buona cosa a fare i capei biondi.»

Per questo le testuggini e i tartufi
m'hanno posto l'assedio alle calcagne,
dicendo: «Noi vogliam che tu ti stufi.»

E questo sanno tutte le castagne:
pei caldi d'oggi son sí grassi i gufi,
ch'ognun non vuol mostrar le sue magagne.

E vidi le lasagne
andare a Prato a vedere il Sudario,
e ciascuna portava l'inventario.

* * *

Chi guarir presto dalla gotta vuole,
faccia questa mia nuova medicina,
un fiel d'una lumaca mattutina,
e polvere di zacchere marzuole,

e tre spiragli d'ombra, e tre di sole
cotti nel sugo di spugna marina,
con midolla di canna e di saggina;
con questo t'ugnerai dove ti duole.

Dopo questa unzion ti fo l'unguento,
vuolsi compor di cose più sottili,
che risolva di fuor le cose drento:

* * *

Над дутым глобусом без середины
 Молился Ной с ковчегом в унисон:
 «О кирие элейсон, о виссон!» —
 Кривы тарелки — в этом мы едины.

Луна с небес: «Уважь мои седины —
 Молись! Или тебя вогнали в сон?» —
 А я в ответ: «Меня страшит Ясон,
 Отвар целебный пьют одни блондины».

Тут черепахам и другой еде
 Взбрело, что я скучаю, как невеста,
 Каштаны, точно на сковороде,

Шипят: «Смотри, сгоришь! Куда полез-то!
 Так растолстели совы, что нигде
 Для неприятностей чужих нет места».

Рассказывало тесто,
 Как в Прато попотеть монахи шли
 И кодексы толстенные несли.

* * *

Не бойся, коль подагра завелась, —
 Тебя избавляю я от этой пытки:
 Возьми пораньше утром желчь улитки,
 Сними с одежды мартовскую грязь,

Свари морскую губку, запасясь
 В придачу светом — три-четыре нитки —
 И тенью, слей из котелка избытки,
 Смешай все вместе — и готова мазь.

О свойствах не забудь недостающих
 И приготовь еще один состав,
 Чтоб не осталось вовсе болей злющих:

grasso di grilli, e gromma di barili,
e sospir d'amoroso struggimento,
e rastiatura di ragion civili:

e s'al ber t'aumili
un bicchier d'acqua santa di Befana,
non suderai di questa settimana.

* * *

Sospiri azzurri di speranze bianche
mi vengon nella mente e tornan fuori;
seggonsi a pié dell'uscio con dolori,
perché dentro non son deschetti o panche:

cosí le mosche quando sono stanche
nelle selve de' barbari e de' mori,
seguitate da fieri cacciatori
nelle gran nebbie par lor esser franche.

Quei nugoli che dormon coi pié mezzi,
fanno al liuto mio sí lunga guerra
che corda non vi sta, che non si spezzi:

tanto fe' Diomede in Inghilterra,
ch'arebbe fatto di lui cento pezzi,
se non che un nibbio lo levò di terra.

Dice Cato, e non erra:
se la mosca cacasse quanto il bue,
le rotelle varrebbon molto piúe.

* * *

La Poesia combatte col Rasoio,
e spesso hanno per me di gran quistioni,
ella dicendo a lui: «Per che cagioni
mi cavi il mio Burchiel dello scrittoio?»

Сверчковый жир возьми, сверчка поймав,
И голоса в пустыне вопиющих,
И мелкий порошок гражданских прав;

А если ты из пьющих,
Стакан святой...— чуть не сказал «воды» —
Тебя вконец избавит от беды.

* * *

Белеющих надежд лазурный вздох
В мой ум пролез, но, ни скамьи, ни стула
Там не найдя, у входа сел сутуло
И заскучал — совсем, как видно, плох.

Так мухи, от которых лес оглох,
Дабы не слышать собственного гула
(Пока их войско мавров не спугнуло),
В туман спешат забиться, точно в мох.

От этой мути, сонной, мокроногой,
Металл настолько ржав и безголос,
Что лютню, братец, лучше и не трогай!

Так Диомед от альбионских слез
Вконец порвал бы струны над эклогой,
Да коршун на небо его унес.

Катон учил всерьез:
Будь мед обилен, как помет бычачий,
Его бы и ценили мы иначе.

* * *

Поэзия и Бритва. Кто кого?
Одна ворчит: «С тобой не сладишь дела.
Ты отвлекаешь моего Буркьелло,
И он не сочиняет ничего».

E lui ringhiera fa del colatoio,
e va in bigoncia a dir le sue ragioni,
e comincia: «Io ti prego mi perdoni,
donna, s'alquanto nel parlar ti noio:

s'io non fuss'io, e l'acqua e 'l ranno caldo,
Burchiel si rimarrebbe in sul colore
d'un mocolin di cera di smeraldo.»

Ed ella a lui: «Tu sei in grand'errore:
d'un tal desio porta il suo petto caldo,
ch'egli non ha 'n sí vil bassezza il core.»

Ed io: «Non più romore,
che non ci corra la secchia e 'l bacino:
ma chi meglio mi vuol, mi paghi il vino.»

* * *

Va recami la penna e 'l calamaio;
dice fràtelmo:— Che sarà? Sonetto?
Or vavvi tu, ch'io ne vogl'ire al letto
ch'io mi levo a buon'otta, e sto al beccaio.—

Io vò, e torno, e tempero l'acciaio
quivi a sedere al fuoco sol soletto;
e appena mi son posto in sul deschetto,
che mia madre si leva dal telaio;

e vienne suso a me, gridando un poco,
e sí mi dice:— Andrestine a dormire?
Che fai tu qui colla lucerna al fuoco?

Deh sta su, che non postu mai sentire,
deh va, che non ci nocci, mal bizzocco!—
E toe le molle, e sí lo vuol coprire.

Io le piglio, decendo:— Oltre a dormire,
che poi vi pagherem di raperonzoli!—
Ed ella va, dicendo:— Va, che sbonzoli!

Другая из стакана своего
Выпархивает на трибуну смело:
«Прости меня, но ты мне надоела.
Вообразила делом баловство!

Не будь меня, и помазка, и мыла,—
Хоть и от нас не больно прок велик,—
Ты голодом его бы уморила».

«Позволь заметить, коли спор возник,
Что ты о пылом сердце позабыла,
А мой Буркьялло сердцем не старик».

Тут я: «Кончайте крик.
Для той из вас я всех дороже в мире,
Кто мне стаканчик поднесет в трактире».

* * *

Прошу я брата принести бумагу,
Чернила и перо, а он в ответ:
«Одним стихи кропать, другим чуть свет
Ворочать туши. Нет, я лучше лягу».

Пришлось идти. Ну все, теперь ни шагу
Из комнаты — почти готов сонет;
Бегом к столу, а мать долдонит вслед:
«Сынок, огниво взял ты не ко благу!»

Встает и, отложив веретено,
Ворчит: «Что там строчишь ты втихомолку?
Ложись-ка спать, смотри, уже темно!

Зачем ночами жжешь огонь без толку?
Ведь так и дом спалить немудрено!» —
И лампу норовит убрать на полку.

За дверь выталкиваю балаболку:
«Салату пожевать небось не прочь?» —
«Мечтаю!» — цедит, ковыляя прочь.

* * *

Questi magna ravizi, rave e verzi,
che ne mangiava un sol per tre giganti,
tanto che son ravizi tutti quanti,
e' non sapran ricever poi gli scherzi.

Ma perch'io gli scudisci un poco o sferzi,
non è opera umana, ma di santi;
ma e' bisogna volger drieto a' canti,
se non ch'e' metterien le mani a' berzi.

E dicon gniffignér e gniffignarri,
le ravize, e' racimol pinchieruoli,
da far, non che arrabbiare i cani, i carri.

Milan può far di molti raviuoli
tal ch'io perdono a que' mie' minchiantarri,
s'e' non facessin «chiù», come assiuoli.

Qui non è muricciuoli;
senza riposo è questa gente vana,
e sa quel che fare' impazzar befana

la zolfa alla 'mbrogiana:
et anco credo che da scarafaggi
non c'è ancor terra che Milan vantaggi.

* * *

Costor, che fan sí gran disputazione
dell'anima, ond'ell' entri o ond'ell' esca,
o come il nocciuol si stia nella pesca,
hanno studiato in su n'un gran mellone.

Aristotile allegano e Platone,
e voglion ch'ella in pace requiesca
fra suoni e canti, e fannoti una tresca
che t'empie il capo di confusione.

* * *

Из вас любой сжирает столько репы,
И редьки, и капусты, сколько трем
Верзилам не сожрать — мы так не жрем! —
О ваши лбы острóты бьются в щепы.

Так кочерыжки слепы и нелепы.
Мой кнут служил бы вам поводырем,
Да вот, боюсь, костей не соберем,
Уж больно кочаны у вас свирепы.

«Хрум-хрум», — хрустят капустные листы,
И отовсюду лай несется псовый,
Торчат оглобли, тоже не просты.

Я бы простил заикам хрип басовый
И не пытался бы заткнуть им рты,
Когда б они не ухали, как совы.

Здесь на дверях засовы,
Все делается быстро, на бегу,
Скамей на каждом не найдешь шагу.

Еще сказать могу:
Святой Амвросий, знай, по тараканам
Нет города, сравнимого с Миланом.

* * *

Философы толкуют важным тоном,
Где входит в нас душа, выходит где,
Орех в скорлупке? Чую, быть беде:
Кто прав, кто лжет, не объяснит никто нам.

Познали Аристотеля с Платоном —
Держали лучше певчих бы в узде:
Ведь душам при такой белиберде
Не отойти иначе, как со стоном.

L'anima è sol come si vede espresso
in un pan bianco caldo un pinocchiato,
o una carbonata in un pan fesso;

e que' che, per l'un, cento hanno promesso,
e chi crede altro ha il foderò in bucato,
ci pagheran di succiole in mercato.

Ma dice un che v'è stato
nell'altra vita, e più non può tornarvi,
che appena con la scala si può andarvi.

Costor credon trovarvi
e' beccafichi e gli ortolan pelati
e buon vin dolci e letti sprimacciati.

E' vanno dietro a' frati:
noi ce n'andrem, Pandolfo, in valle buia,
senza sentir più cantar alleluia!

Душа (и нету истины иной!) —
Орешек сахарный в горячей булке!
В разрезанной краюхе шмат свиной!

У тех же, кто затеет спор со мной,
Не голова, а чан пустой и гулкий!
Им только бы всучить товар дрянной.

Кто совершал прогулки
В загробный мир, расскажет, не тая,
Как с лестницей пробрался в те края.

Не понимаю я,
Перин ли мягких ждут за гробом люди,
Старинных вин, малиновок на блюде?

Пусть молятся о чуде!
А нам, Пандольфо, ни к чему псалмы:
И без елєя в землю ляжем мы.

* * *

Ognun vuol piluccar la fronde amata,
ognun vuol piantar frasche come il sole:
tanti vanno in Parnaso per viole,
che in Elicona non è più insalata.

Orfeo ha la sua lira fracassata,
e muor di rabbia, e la madre si duole,
poi si volta, dicendo alle figliole:
— Un dí morén di fame, di brigata!

Serrate presto l'orto a queste gracchie
che voglion senza spesa aver da cena,
per cantar tutto il dí come cornacchie!—

Tolto il figliuolo in spalla una catena,
gli guffi volòr fuor di quelle macchie,
et io insieme con lor volsi la schiena.

E gionto a casa appena,
poi che tri pugni nel petto mi detti,
fei sacrificio al cul de' miei sonetti!

* * *

— Novelle nove?— Il papa ha avuto un figlio.
— La chiesa mi par fatta concubina:
Roma per allegrezza va in roina,
il ciel debbe esser tutto iscompiglio.

Che dice lo apostolico Consiglio?
— Che la legge è antiqua et è divina.
— Questa mi par cativa medicina
a trar la Italia fuor del suo periglio.

— Ebber gli altri pastor moglie o ancilla?
— San Pietro, che fu santo, ebbe mogliera,
et una figlia detta Petronilla.

* * *

На лавры притязая, стар и млад
 Пустопорожные рифмуют строчки
 И на Парнасских склонах рвут цветочки,
 Сорвав на Геликоне весь салат.

Орфей, негодованием объят,
 Разнес злодейку лиру на кусочки,
 И в горе мать: «Что с нами будет, дочки?
 Они семейство наше разорят.

Проклятых птиц не подпускайте к саду,
 Что на бесплатный претендуют стол
 За карканье скрипучее в награду».

Облюбовав потяжелее кол,
 Орфей устроил на певцов засаду,
 И я в ногах спасение нашел.

Едва я в дом вошел,
 Я сел орлом, подставил зад сонетам
 И, право, не раскаиваюсь в этом.

* * *

— Ну что, какие новости, сосед?
 — Последняя — из жизни Ватикана:
 У папы сын. Еще не слышал? Странно.
 — А что сказал апостольский Совет?

— Что прецедентам много сотен лет
 И это, мол, не оскорбленье сана.
 — При наших бедах лишь кричать: осанна!
 Прекрасное лекарство. Разве нет?

— Невероятно: пастырь делит ложе!..
 — Однако у Петра была жена
 И дочка.— От него? — А от кого же?

— Ah, ah, papa gaudente, vivi e spera!
Comanda pur galline per la villa,
se al tempo di san Pier tal usanza era!

Godi, fa' bona ciera,
seguì san Pietro e quel che non ti nòce,
ma fugì quanto puoi, se 'l corre in croce;

ché, ad ogni modo, in foce
l'isole ancor faranno siepe al Tevere,
che ti abisognerà morire obeverè.

— Ай да святые! Вот тебе и на!
Ну что же, не зевай, наместник божий,
Коль не переменились времена!

Спасибо, старина,
Скажи Петру святому за науку,
Идя за ним, но только не на муку.

А впрочем, мог бы руку
Я, если хочешь, дать на отсечение,
Что наступает светопреставление.

* * *

Cantati meco, innamorati augelli,
poiché vosco a cantar Amor me invita;
e voi, bei rivi e snelli,
per la piagia fiorita
teneti a le mie rime el tuon suave.

La beltà, de che io canto, è sí infinita,
che il cor ardir non ave
pigliar lo incarco solo:
ch'egli è debole e stanco, e il peso è grave.

Vaghi augelleti, voi ne giti a volo,
perché forsi credeti
che il mio cor senta dolo,
e la zogia che io sento non sapeti.

Vaghi augelleti, odéti:
che quanto gira in tondo
il mare, e quanto spira zascun vento,
non è piacer nel mondo
che aguagliar se potesse a quel che io sento.

* * *

Dàtime a piena mano e rose e zigli,
spargeti intorno a me viòle e fiori;
ciascun che meco pianse e miei dolori,
di mia leticia meco il frutto pigli.

Dàtime e fiori e candidi e vermigli:
confàno a questo giorno e bei colori;
spargeti intorno d'amorosi odori,
ché il loco a la mia voglia se assumigli.

* * *

Я вас прошу — со мною пойте, птицы,
Как с вами петь Амур меня зовет,
Влюбленные певички;
И ты, журчанье вод,
Наполни стих музыкой сладкогласной.

О милой сердце бедное поет,
Но столь она прекрасна,
Что трепет превозмочь
И в полный голос петь оно не властно.

Что с вами, птицы? Вы летите прочь.
Вернитесь. Неужели
Такая в сердце ночь,
Что вы блаженства в нем не разглядели?

Вы всё же улетели,
И я кричу вослед:
Как ветерку присуще дуновенье,
На свете счастья нет,
Которое с моим бы шло в сравненье.

* * *

Несите розы, лилии в мой дом:
Хочу, чтобы друзей они встречали,
Свидетелей былой моей печали,—
Я слезы радости таю с прудом!

Несите собранные над прудом
Гвоздики, чтобы свежесть источали
И красками сверкали, как в начале
Любви, воскресшей в сердце молодом!

Perdon m'ha dato et hami dato pace
la dolce mia nemica, e vuol ch'io campi
lei, che sol di pietà se pregia e vanta.

Non vi maravigliati per ch'io avampi,
ché maraviglia è più che non se sface
il cor in tutto d'alegreza tanta.

* * *

Già vidi uscir di l'onde una matina
il sol, di raggi d'or tutto iubato,
e di tal luce in faccia colorato,
che ne incendeva tutta la marina.

E vidi la rogiada matutina
la rosa aprir d'un color sí infiammato,
che ogni lontan aspetto avría stimato
che un foco ardesse ne la verde spina.

E vidi a la stagion prima e novella
uscir la molle erbetta, come sòle
aprir le foglie ne la prima etate.

E vidi una legiadra donna e bella
su l'erba coglier rose al primo sole
e vincer queste cose di beltate.

* * *

Ligiadro veroncello, ove è colei
che de sua luce aluminar te sòle?
Ben vedo che il tuo danno a te non dole;
ma quanto meco lamentar te déi!

Ché, senza sua vaghezza, nulla sei;
deserti e fiori e seche le viole:
al veder nostro il giorno non ha sole,
la notte non ha stelle senza lei.

Простила все врагиня дорогая
И, щедро перемирье предлагая,
Опять повелевает мне: «Живи!»

Не удивляйтесь возрожденной страсти! —
Я сам дивлюсь, как сердце от любви
Не разорвалось до сих пор на части!

* * *

Я видел, как из моря вдалеке
Светило поднималось, озаряя
Морской простор от края и до края
И золотом сверкая на песке.

Я видел, как на утреннем цветке
Роса играла — россыпь золотая,
И роза, словно изнутри пылая,
Рождалась на колючем стебельке.

И видел я, с весенним встав рассветом,
Как склон травую первую порос
И как вокруг листва зазеленела.

И видел я красавицу с букетом
Едва успевших распуститься роз,
И все в то утро перед ней бледнело.

* * *

Балкон, скажи, хозяйка где твоя?
Ты счастлив был ее светиться светом,
А нынче даже не взгрустнешь об этом,
Не зарыдаешь, как рыдаю я.

Ты без нее ничто, и тень ничья
Цветам твоим не даст напиться летом,
Приходит день, где солнце под запретом,
Приходит ночь, созвездья утая.

Pur me rimembra che te vidi adorno,
tra' bianchi marmi e il colorito fiore,
de una fiorita e candida persona.

A' toi balconi allor se stava Amore,
che or te soletto e misero abandona,
perché a quella gentil dimora intorno.

* * *

Ecco la pastorella mena al piano
la bianca torma ch'è sotto sua guarda,
vegendo il sol calare, e l'ora tarda,
e fumar l'alte ville di lontano.

Erto se leva lo aratore insano,
e il giorno fugitivo intorno guarda,
e scioglie il iugo a' bovi, che non tarda,
per gire al suo riposo a mano a mano.

Et io soletto, senza alcun soggiorno,
de' mei pensier co' il sol sosta non have,
e con le stelle a sospirar ritorno.

Dolce affanno d'amor, quanto éi suave:
ché io non poso la notte e non al giorno,
e la fatica eterna non me è grave!

Припомню прошлое и пламенею:
Пестрели в нише мраморной цветы,
Каким блаженством нас она дарила!

Амур склонялся на твои перила...
Балкон, давно ли в запустенье ты? —
Любовь прекрасна только рядом с нею!

* * *

С отарой белорунною в долину
Пастушка держит путь — и ей с холма
Видны с дымком над крышами дома
В тени, уже заполнившей низину.

Усталый ратай разгибает спину,
Пока над пашней не сгустилась тьма,
Волов освобождает от ярма
И к дому гонит сонную скотину.

И только мне, тревожных дум в плену,
Не ведать сна, судьбе дивясь превратной,
И вздохами сопровождать луну.

Как сладостна и как ты благодатна,
Любви печаль: я снова не усну,
И на душе — и больно и приятно.

* * *

Più che mai bella e men che già mai fera
mostrommi Amor la mia cara inimica,
quando i pensier del giorno e la fatica
tolto avea il pigro sonno della sera.

Sembrava agli occhi miei propria com'era,
deposta sol la sua durezza antica,
e fatta agli amorosi raggi aprica;
né mai mi parve il ver cosa sí vera.

Prima al parlar e pauroso e lento
stavo, come solea; poi la paura
vinse il disio, e cominciai dicendo:

“Madonna...” E in quel partissi come un vento.
Cosí in un tempo sùbita mi fura
il sonno e sé e mia merzé, fuggendo.

* * *

Belle, fresche e purpuree viole,
che quella candidissima man colse,
qual pioggia o qual puro aer producr vòlse
tanto più vaghi fior che far non suole?

Qual rugiada, qual terra o ver qual sole
tante vaghe bellezze in voi raccolse?
onde il suave odor Natura tolse,
o il ciel che a tanto ben degnar ne vuole?

Care mie violette, quella mano
che v'ellesse infra l'altre, ov'eri, in sorte,
v'ha di tanta eccellenzia e pregio ornate.

Quella che 'l cor mi tolse e di villano
lo fe' gentile, a cui siate consorte,
quell'adunque e non altri ringraziate.

* * *

Обворожительна, как никогда,
 Как никогда, уступчива, предстала
 Ты предо мной в тот час, когда устало
 Уснул я после долгого труда.

Врагиня милая, не стало льда
 В твоих глазах: ты искрами кристалла
 Под стрелами любви моей блистала,—
 Ты и не ты, горда и не горда.

Сперва молчал я и робел, как прежде,
 Но страх привычный уступил надежде
 На торжество: «Мадонна...» — начал я.

Конец свиданья мне, увы, неведом:
 Растаял мимолетный сон и следом
 Награда улетучилась моя!

* * *

В каком лесу взошли гвоздики эти,
 Что так великолепны и свежи
 В руках моей прекрасной госпожи?
 Откуда аромат такой в букете?

Каких они ветров лучистых дети?
 Какой росой вспоил ты их, скажи,
 О небосвод, не ведающий лжи,
 Каким дождем, прозрачайшим на свете?

Нет, не Природа выбрала в саду
 Цветы, нежней которых не найду,
 А милая рука, что сердце злое

Смирила добротою неземной.
 Гвоздики, позабудьте же бывшее
 И благодарны будьте ей одной!

* * *

Datemi pace omai, sospiri ardenti,
o pensier sempre nel bel viso fissi,
ché qualche sonno placido venissi
alle roranti miei luci dolenti.

Or li uomini e le fère hanno le urgenti
fatiche e dur pensier quieti e remissi,
e già i bianchi cavalli al giogo ha missi
la scorta de' febei raggi orienti.

Deh! facciam triegua, Amor, ch'io ti prometto
ne' sonni sol veder quell'amoroso
viso, udir le parole ch'ella dice,

toccar la bianca man che 'l cor m'ha stretto.
O Amor, del mio ben troppo invidioso,
lassami almen dormendo esser felice.

* * *

Cerchi chi vuol le pompe e gli alti onori,
le piazze, i templi e gli edifizî magni,
le delizie e il tesor, quale accompagni
mille duri pensier, mille dolori.

Un verde praticel pien di be' fiori,
un rivo che l'erbetta intorno bagni,
un augelletto che d'amor si lagni,
acqueta molto meglio i nostri ardori;

l'ombrese selve, i sassi e gli alti monti,
gli antri oscuri e le fère fuggitive,
qualche leggiadra ninfa paurosa:

quivi vegg'io con pensier vaghi e pronti
le belle luci come fussin vive,
qui me le toglie or una or altra cosa.

* * *

Уймьтесь, не упорствуйте жестоко,
Мечты и вздохи вечные о ней,
Чтоб тихий сон не миновал очей,
Где слез не просыхает поволока.

Труды и мысли дня уже далеко
Равно и от людей и от зверей;
Уже упряжке белых лошадей
Предшествует неясный свет востока.

Подпишем перемирие, пока
Не встало солнце: верь, Амур, что сниться
Ее лицо и голос будут мне

И белая в моей руке рука.
Не будь завистлив, дай мне насладиться
Неслыханным блаженством хоть во сне.

* * *

Пусть почести влекут неугомонных,
Палаты, храмы, толпы у ворот,
Сокровища, что тысячи забот
И тысячи ночей несут бессонных.

Волшебные цветы лугов зеленых,
В прохладной мураве журчанье вод
И птичка, что любовь свою зовет,
Влияют благотворней на влюбленных.

Лесные дебри и громады гор,
Пещеры, недоступные для света,
Пугливая дриада, быстрый зверь...

Лишь там передо мной прекрасный взор,
Которым — пусть в мечтах — не то, так это
Мне наглядеться не дает теперь.

O bella violetta, tu sei nata
ove già 'l primo mio bel disio nacque:
lacrime triste e belle furon l'acque
che t'han nutrita e più volte bagnata.

Pietate in quella terra fortunata
nutrí il disio, ove il bel cesto giacque:
la bella man ti colse, e poi li piacque
di far la mia di sí bel don beata.

E' mi pare ad ognor fuggir ti voglia
a quella bella mano: onde ti tegno
al nudo petto dolcemente stretta;

al nudo petto, ché desire e doglia
tiene loco del cor, che 'l petto ha a sdegno
e stassi onde tu vieni, o violetta.

CANZONA DI BACCO

Quant'è bella giovinezza,
che si fugge tuttavia!
Chi vuol esser lieto, sia:
di doman non c'è certezza.

Quest'è Bacco e Arianna,
belli, e l'un dell'altro ardenti:
perché 'l tempo fugge e inganna,
sempre insieme stan contenti.
Queste ninfe ed altre genti
sono allegre tuttavia.
Chi vuol esser lieto, sia:
di doman non c'è certezza.

Questi lieti satiretti,
delle ninfe innamorati,
per caverne e per boschetti
han lor posto cento agguati;

* * *

Прекрасная фиалка, рождена ты
Там, где давно мое прирастье живо.
Ток грустных и прекрасных слез ревниво
Тебя кропил, его росу пила ты.

В блаженной той земле желанья святы,
Где ждал прекрасный кустик молчаливо.
Рукой прекрасной сорвана, счастливой
Моей руке — прекрасный дар — дана ты.

Боюсь, умчишься в некое мгновенье
К прекрасной той руке: тебя держу я
На голой груди, хоть сжимать и жалко.

На голой груди, ибо скорбь и мленье
В груди, а сердце прочь ушло, тоскуя,—
Жить там, откуда ты пришла, фиалка.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Помни, кто во цвете лет,—
Юн не будешь бесконечно.
Нравится — живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Это Вакх и Ариадна.
Всё спеша от жизни взять,
Ненаглядный с ненаглядной
Обращают время вспять.
Да и свита, им под стать,
Веселится бесконечно.
Нравится — живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Этих юных козлоногих
К нимфам тянет, и они,
По лесам охотясь, многих
Заманили в западни.

or da Bacco riscaldati,
ballon, salton tuttavia.
Chi vuol esser lieto, sia:
di doman non c'è certezza.

Queste ninfe anche hanno caro
da lor esser ingannate:
non può fare a Amor riparo,
se non gente rozze e ingrante;
ora insieme mescolate
suonon, canton tuttavia.
Chi vuol esser lieto, sia:
di doman non c'è certezza.

Questa soma, che vien drieto
sopra l'asino, è Sileno:
cosí vecchio è ebbro e lieto,
già di carne e d'anni pieno;
se non può star ritto, almeno
ride e gode tuttavia.
Chi vuol esser lieto, sia:
di doman non c'è certezza.

Mida vien drieto a costoro:
ciò che tocca, oro diventa.
E che giova aver tesoro,
s'altri poi non si contenta?
Che dolcezza vuoi che senta
chi ha sete tuttavia?
Chi vuol esser lieto, sia:
di doman non c'è certezza.

Ciascun apra ben gli orecchi,
di doman nessun si paschi:
oggi siàn, giovani e vecchi,
lieti ognun, femmine e maschi;
ogni tristo pensier caschi:
facciam festa tuttavia.
Chi vuol esser lieto, sia:
di doman non c'è certezza.

Как им весело, взгляни —
Пляшут, скачут бесконечно.
Нравится — живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Этим стройным нимфам люблю
Попадаться в сети к ним:
Только тот, чье сердце грубо,
От любовных стрел храним.
Нимфы к милым льнут своим,
Песня льется бесконечно.
Нравится — живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Тушей на осла навьючен,
Следом движется Силен,
Столь же стар и столь же тучен,
Сколь от выпивки блажен.
Глупо жаждать перемен,
Если счастлив бесконечно.
Нравится — живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Наконец Мидас влечется —
Превращает в золото он
Все, к чему ни прикоснется.
Но на скуку обречен,
Кто вманил себе в закон
Наживаться бесконечно.
Нравится — живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Ждать до завтра — заблужденье,
Не лишай себя отрад:
Днесь изведать наслажденье
Торопись, и стар и млад.
Пусть, лаская слух и взгляд,
Праздник длится бесконечно.
Нравится — живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

Donne e giovinetti amanti,
viva Bacco e viva Amore!
Ciascun suoni, balli e canti!
Arda di dolcezza il core!
Non fatica, non dolore!
Ciò c'ha a esser, convien sia.
Chi vuol esser lieto, sia:
di doman non c'è certezza.

Славьте Вакха и Амура!
Прочь заботы, скорбь долой!
Пусть никто не смотрит хмуро,
Всяк пляши, играй и пой!
Будь что будет — пред судьбой
Мы беспомощны извечно.
Нравится — живи беспечно:
В день грядущий веры нет.

* * *

Udite, selve, mie dolce parole,
por che la ninfa mia udir non vuole.

La bella ninfa è sorda al mio lamento
e 'l suon di nostra fistula non cura;
di ciò si lagna el mio cornuto armento,
né vuol bagnare il grifo in acqua pura;
non vuol toccar le tenera verdura,
tanto del suo pastor gl'incresce e duole.

Udite, selve, mie dolce parole,
poi che la ninfa mia udir non vuole.

Ben si cura l'armento del pastore,
la ninfa non si cura dello amante;
la bella ninfa che di sasso ha 'l core,
anzi di ferro, anzi l'ha di diamante:
ella fugge da me sempre davante,
come agnella dal lupo fuggir suole.

Udite, selve, mie dolce parole,
poi che la ninfa mia udir non vuole.

Digli, zampogna mia, come via fugge
cogli anni insieme suo bellezza snella;
e digli come 'l tempo ne distrugge,
né l'età persa mai si rinnovella;
digli che sappi usar suo forma bella,
ché sempre mai non son rose e viole.

Udite, selve, mie dolce parole,
poi che la ninfa mia udir non vuole.

Portate, venti, questi dolci versi
drento all'orecchie della ninfa mia:
dite quant'io per lei lacrime versi,
e lei pregate che crudel non sia;
dite che la mie vita fugge via
e si consuma come brina al sole.

Udite, selve, mie dolce parole,
poi che la ninfa mia udir non vuole.

* * *

О лес, пастушью жалобу послушай!—
Для нимфы юной груб напев пастуший.
Глуха к стенаньям нимфа молодая,
Она волынке пастуха не рада,
Одни лишь козы с ним грустят, страдая:
Воды студеной пить не хочет стадо.
Рогатым свежей зелени не надо.
Как ни молю я каждую: «Покушай!»

О лес, пастушью жалобу послушай! —
Для нимфы юной груб напев пастуший.
Лишь племя козье к пастуху не черство,
Да, видно, черство сердце нимфы юной,
Упорства больше в нем и непокорства,
Чем в глыбе каменной или чугунной.
Не волк же за овцою тонкорунной
Бежит, чтоб насладиться сытной тушей!

О лес, пастушью жалобу послушай!—
Для нимфы юной груб напев пастуший.
Поведай ей, волынка, без укора,
Что нынче двадцать нам, а завтра сорок,
Что красота уходит слишком скоро,
Что каждый миг нам в наслажденьях дорог,
Что даже розам трудно без подпорок,
Когда грозит, увядшим, век старуший.

О лес, пастушью жалобу послушай!—
Для нимфы юной груб напев пастуший.
Пускай ветра летят к подруге милой
И, унося мой плач под купол синий,
Расскажут ей, как я брожу унылый,
Как дни снедаются ее гордыней,—
Так растворяется лучами иней,
Так поглощаются озера сушей.

О лес, пастушью жалобу послушай!—
Для нимфы юной груб напев пастуший.

* * *

I' mi trovai, fanciulle, un bel mattino
di mezo maggio in un verde giardino.
Erano intorno violette e gigli
fra l'erba verde e vagli fior novelli
azurri gialli candidi e vermigli,
ond'io porsi la mano a còr di quelli
per adornar e mie' biondi capelli
e cinger di grillanda el vago crino.
Da poi ch'i' ebbi pien di fiori un lembo,
vidi le rose, e non pur d'un colore;
io colsi allor per empier tutto el grembo,
perch'era sí soave il loro odore
che tutto mi senti' destar el core
di dolce voglia e d'un piacer divino.
I' posi mente: quelle rose allora
mai non vi porte' dir quant'erón belle:
quale scoppiava della boccia ancora,
qual erón un po' passe e qual novelle.
Amor mi disse allor: «Va', co' di quelle
che più vedi fiorir in sullo spino.»
Quando la rosa ogni suo foglia spande,
quando è più bella, quando è più gradita,
allora è buona a metterla in grillande,
prima che sua bellezza sia fuggita;
sicché, fanciulle, mentre è più fiorita,
cogliàn la bella rosa del giardino.

* * *

Ben venga maggio
e 'l gonfalon selvaggio!
Ben venga primavera,
che vuol l'uom s'innamori:
e voi, donzelle, a schiera
con li vostri amadori,
che di rose e di fiori,
vi fate belle il maggio,
venite alla frescura
delli verdi arbuscelli.

* * *

Раз, утром, девушки, я шла, гуляя,
 Роскошным садом, в середине мая.
 Фиалок, лилий много на полянах
 Цвело, да и других цветов немало,
 Лазурных, бледных, снежных и багряных.
 Я, руку протянув, срывать их стала.
 Для золотых волос убор сплетала —
 Прядь вольную венком сдержать желая.
 Уже успела много их нарвать я,
 Но увидала разных роз собрание
 И побежала к ним — наполнить платье.
 Так сладко было их благоуханье,
 Что в сердце вкралось новое желанье,
 Страсть нежная и радость неземная.
 Разобрала их все поодиночке, —
 Не скажешь словом, как прекрасны были:
 Те вылупились только что из почки,
 Те блекли, те цветы едва раскрыли.
 Амор сказал: срывай их в полной силе,
 Пока еще не сникли, увядая.
 Едва лишь роза лепестки раскроет,
 Пока она прекрасна и приятна,
 Ее ввивать нам в плетеницы стоит —
 Не то краса исчезнет безвозвратно.
 Так, девушки: доколе ароматна,
 Прекрасную срывают розу мая.

* * *

Навстречу маю
 Я ветви подымаю!
 Ветвей лесные флаги
 Для вас, сердца влюбленных!
 Пекусь о вашем благе:
 В прохладу рощ зеленых
 Из комнат пропыленных
 Придите в гости к маю!
 О дева, эти розы
 Поклонникам по нраву!

Ogni bella è sicura
fra tanti damigelli,
ché le fiere e gli uccelli
ardon d'amore il maggio.

Chi è giovene e bella
deh non sie punto acerba,
ché non si rinnovella
l'età come fa l'erba;
nessuna stia superba
all'amadore il maggio.

Ciascuna balli e canti
di questa schiera nostra.
Ecco che i dolci amanti
van per voi, belle, in giostra:
qual dura a lor si mostra
farà sfiorire il maggio.

Per prender le donzelle
si son gli amanti armati.
Arrendetevi, belle,
a' vostri innamorati,
rendete e cor furati,
non fate guerra il maggio.

Chi l'altrui core invola
ad altrui doni el core.
Ma chi è quel che vola?
è l'angiolel d'amore,
che viene a fare onore
con voi, donzelle, a maggio.

Amor ne vien ridendo
con rose e gigli in testa,
e vien di voi caendo.
Fategli, o belle, festa.
Qual sarà la più presta
a dargli e fior del maggio?

«Ben venga il peregrino.
Amor, che ne comandi?»
«Che al suo amante il crino
ogni bella ingrillandi,
ché li zitelli e grandi
s'innamoran di maggio.»

Лесных зверей угрозы
Забудь, входя в дубраву! —
Не учинит расправу
И волк, покорен маю.

Ждут обновленья всходы,
Но чередою строгой,
Не обновляясь, годы
Идут своей дорогой, —
Не будь же недотрогой,
Поверь любви и маю!

Веселье, танцы, песни, —
Пошире круг, пошире!
За ту, что всех прелестней,
Мы бьемся на турнире.
Кто с радостью не в мире,
Тот неугоден маю!

Готовы взять осадой
Бойцы любую крепость,
Но, дева, не досадуй:
Нам враждовать — нелепость,
Упрямство и свирепость
Так нелюбезны маю!

Взамен сердцам могучим,
Украденным сквозь латы,
Мы хрупкие получим,
Ценней не зная платы.
Но чу! Божок крылатый
С небес смеется маю.

Красавиц юных будит
Амур, в леса скликая:
«Какая первой будет,
Мне ландыш даст какая —
Той сила колдовская
Всего милее маю!» —

«Что делать, лучник страсти,
Нам с чувством беззаветным?» —
«Избранника украсьте
Венком тысячецветным
И с пением приветным
В любви клянитесь маю!»

* * *

Deh, non insuperbir per tuo bellezza,
donna, ch'un breve tempo te la fura:
canura tornerà la bionda treza
che del bel viso adorna la figura.
Mentre che il fiore è nella sua vaghezza
coglilo, ché bellezza poco dura.
Fresca è la rosa da mattino, e a sera
ell' ha perduto suo bellezza altera.

* * *

Fammi quanto dispetto farmi sai,
dammi quanto tu vuoi pena e tormento,
riditi del mio male e de' mie' guai,
guastami ogni disegno, ogni contento,
mostramiti nimica come fai,
tiemmi sempre in sospetto, in briga e stento:
e' non potrà però mai fare el cielo
ch'io non ti onori e ami di buon zelo.

* * *

Не возгордись, красавица молодая,
Своей недолговечной красотой!
На лоб твой чистый ляжет прядь седея,
Сменив с годами локон золотой.
Цветы любые гибнут, увядая,
Над ними в размышлениях не стой!
Срывай! Как дивны розы утром ранним,
А к ночи мы шипами сердце раним.

* * *

Пренебрегай, как ты умеешь, мной,
Без слов, как ты одна умеешь, мучай!
Тирань, куражься и любой ценой
Вышучивай причину злополучий.
Не оставляй надежды ни одной,
Чтоб ущемить, используй каждый случай,
Но знай, что и печалься, и скорбя,
Как прежде, я люблю и чту тебя.

GALICIO SOLO

Sovra una verde riva
 di chiare e lucide onde
 in un bel bosco di fioretti adorno,
 vidi di bianca oliva
 ornato e d'altre fronde
 un pastor, che 'n su l'alba appié d'un orno
 cantava il terzo giorno
 del mese inanzi aprile;
 a cui li vaghi ucelli
 di sopra gli arboscelli
 con voce rispondean dolce e gentile:
 et ei rivolto al sole,
 dicea queste parole:

«Apri l'uscio per tempo,
 leggiadro almo Pastore,
 e fa' vermiglio il ciel col chiaro raggio:
 mostrane inanzi tempo
 con natural colore
 un bel fiorito e diletto maggio:
 tien più alto il viaggio,
 acciò che tua sorella
 più che l'usato dorma;
 e poi per la sua orma
 se ne vegna pian pian ciascuna stella:
 ché, se ben ti ramenti,
 guardasti i bianchi armenti.

Valli vicine, e rupi,
 cipressi, alni, et abeti,
 porgete orecchie a le mie basse rime;
 e non teman de' lupi
 gli agnelli mansüeti;
 ma torni il mondo a quelle usanze prime.
 Fioriscan per le cime
 i cerri in bianche rose;

* * *

Над изумрудною волной,
В стране прекрасной и счастливой,
Где травы были свежи и нежны,—
Стоял пастух в тени лесной;
В его венке листья оливы
С иной листвою были сплетены;
И пел он в третий день весны,
Встречая светлый блеск денницы;
Столь звонок был его напев,
Что в кронах множества деревьев
Влюбленным эхом отзывались птицы,—
К светилу очи обратив,
Он пел на сладостный мотив:

«Скорее двери отвори,
Пастух небес благословенный,—
Дай маю раньше времени блеснуть;
Пускай чудесный блеск зари
Красой сияет несравненной;
Серебрукий, благосклонен будь —
Держи как можно выше путь;
Пускай сестра твоя родная
Поспит подоле, чем всегда,—
Но с нею за звездой звезда
Взойдет на небеса, красой блистая,—
Так ты в далекие года
На выпас выгонял стада.

О ель, о светлая ольха,
О кипарис в речной долине,
О скалы, о десятки ручейков,
Внемлите рифмам пастуха —
Пусть агнец маленький отныне
Вовек не устрашается волков,
И будет дольний мир таков:
Пускай богаче с каждым годом

e per le spine dure
pendan l'uve mature:
suden di mel le querce alte e nodose;
e le fontane intatte
corran di puro latte.

Nascan erbette e fiori,
e li fieri animali
lassen le loro asprezze e i petti crudi:
vegnan li vaghi Amori
senza fiammelle o strali
scherzando insieme pargoletti egnudi:
poi con tutti lor studi
canten le bianche Nimfe,
e con abiti strani
salten Fauni e Silvani:
ridan li prati, e le correnti limfe;
e non si vedan oggi
nuvoli intorno ai poggi.

In questo dí giocondo
nacque l'alma beltade,
e le virtuti racquistaro albergo:
per questo il ceco mondo
conobbe castitade,
la qual tant'anni aveva gittata a tergo;
per questo io scrivo e vergo
i faggi in ogni bosco;
tal che omai non è pianta
che non chiami < Amaranta > ,
quella ch'adolcir basta ogni mio toscò;
quella per cui sospiro,
per cui piango e m'adiro.

Mentre per questi monti
andran le fiere errando,
e gli alti pini aràn pungenti foglie;
mentre li vivi fonti
correran murmurando

Цветет иссохший вертоград,
Даруя сладкий виноград,
И древние дубы точатся медом,—
И пусть по руслу ручейка
Бегут потоки молока.

В цветы оденется земля;
Покинув дикие пределы,
Лесные звери одолеют страх,
Доверчиво придут в поля;
Пушкой Эроты бросят стрелы
И весело играют на лугах
И на зеленых берегах;
Неугомонны, неустанны,
Пусть нимфы нежные поют;
Пушкой танцуют там и тут
Смеющиеся фавны и сильваны;
И пусть лазурный небосвод
Ни бури, ни дождя не шлет.

Безмерно чистая душа
На свет явилась в наше время
И оболочку дивную нашла;
Она, как солнце, хороша,
Но мне несет страданий бремя,
Мне не желает ни добра, ни зла,
Но мой покой навек взяла,—
Я, на заре поднявшись рано,
В лесах изрезал каждый бук,
И нынче все стволы вокруг
Мне шепчут «Амаранта!» непрерывно,—
Она не хочет мне помочь,
И я рыдаю день и ночь.

Покуда средь лесов и гор
Лесные звери обитают,
Покуда сосны столь же высоки
И ясень ветви распростер,
Покуда ручейки впадают,

ne l'alto mar che con amor li accoglie;
mentre fra speme e doglie
vivran gli amanti in terra;
sempre fia noto il nome,
le man, gli occhi e le chiome
di quella che mi fa sí lunga guerra;
per cui quest'aspra amara
vita m'è dolce e cara.

Per cortesia, canzon, tu pregherai
quel dí fausto et ameno,
che sia sempre sereno.»

Журча, в приветливую гладь реки
И в сменах счастья и тоски
На свете хорошо влюбленным,—
Благословенно имя той,
Что не встречается со мной,
Меня тираня правом непреклонным,—
И тем, что в мире есть она,
Вся жизнь моя озарена.

О, попроси, канцона, чтоб сегодня
Она приветлива была,
И радостна, и весела».

***SONETTO IN DIALOGO
SULLA NATURA D'AMORE***

Quando nascesti, Amor? Quando la terra
si rinveste di verde e bel colore.
Di che fusti creato? D'un ardore,
ch'ogni lascivo in sé rinchiude e serra.

Chi ti produsse a farmi tanta guerra?
Calda speranza, e gelido timore.
Ove prima abitasti? In gentil core,
che sotto al mio valor presto s'atterra.

Chi fu la tua nutrice? Giovinezza,
e le sue serve accolte a lei d'intorno,
leggiadria, vanità, pompa e bellezza.

Di che ti pasci? D'un guardar adorno.
Non può contra di te morte, o vecchiezza?
Nò: ch'io rinasco mille volte il giorno.

* * *

Se 'l zappator il giorno se affatica,
la sera spera il premio e 'l riposare;
se 'l guerrier tra pericol se nutrica,
aspetta di far preda e fama alzare;
se 'l navigante in mar sempre se intrica,
spera al fin gran ricchezza riportare.
Ahi lasso, io spero del mio amor sì forte
tormento, inganno, disonore e morte.

**СОНЕТ В ДИАЛОГЕ
О ПРИРОДЕ ЛЮБВИ**

- Амур, когда родился ты? — С землею
Зеленую, расцветшей в красках милых.
— Кем создан? — Пылом, мощным, не для хилых,
Что сладострастьем сжаты, как судьбою.
- Кто на меня подъял тебя войною?
— Надежды жар и холод страха в жилах.
— Где жил? — В сердцах нежнейших, но сразил их,
Поверг на землю под моей пятою.
- И кем ты вскормлен? — Юностью живую
И окруженной верными рабами:
Изяществом, тщеславьем, красоюю.
- А чем ты жив? — Прекрасными глазами.
— Сильна ли смерть иль старость над тобою?
— Нет! В миге вновь рождаюсь — дни за днями.

* * *

Трудясь до ночи, землекоп спокоен:
Он знает, ужин ждет его и кров;
Подставить ядрам грудь мечтает воин:
Он славы ищет, дерзок и суров;
Моряк спасает шхуну от пробоин
И требует сокровищ у ветров,—
А я чего от страсти жду покорно,
Когда позорна жизнь и смерть позорна?

148 NICCOLÒ MACHIAVELLI

DI UOMINI CHE VENDONO LE PINE

Ah, queste pine che hanno bei pinocchi,
che si stiaccon con man com'e' son tocchi!

La pina, donne, fra le frutte è sola
che non teme né acqua né gragnuola:
e che direte voi che dal pin cola
un licor ch'ugne poi tutti quei nocchi?

Noi sagliàn in su' nostri pin che n'hanno:
le donne sotto a ricoglièr ci stanno:
talvolta quattro o sei ne cascheranno;
sí che bisogna al pin sempre aver gli occhi.

Chi dice: «Cò' di qua, marito mio:
còrre questa, còr quell'altra voglio io.»
Se si risponde: «Sàì sul pin com'io,»
le ci volton le rene e fanci bocchi.

E dicon che le pin non son granate:
e però quando voi ne comperate,
per mano un pezzo ve le rimenate,
che qualche frappator non v'infinochi.

Queste son grosse e sode e molto belle:
se ve ne piace venite per elle;
a chi non ha moneta donerelle,
ché 'l fatto non consiste in duo baiocchi.

È la fatica nostra lo stacciare,
perché 'l pinocchio vorrebbe schizzare:
bisogna tener forte e martellare:
poi non abbiàn pensier che ce l'accocchi.

E pinocchi con fritti ne' conviti
fanno destar li amorosi appetiti,
e tutti gli altri cibi saporiti
a rispetto di lor paiono sciocchi.

ПОЮТ ТОРГОВЦЫ СОСНОВЫМИ ШИШКАМИ

Всем шишкам шишки! Шишки просто чудо!
Орешки так и сыплются оттуда.

Поверьте, дамы, шишка — редкий плод:
Ее ни град, ни ливень не проймет.
Любой орешек положите в рот —
И масло брызнет, словно из сосуда.

Едва успев на дерево залезть,
Бросаем шишки вниз — по пять, по шесть,
А если кто еще захочет съесть,
Чуть потерпи — и станет больше гряда.

Иная просит муженька: «Вон ту!» —
И ловит шишку прямо на лету,
А пригласишь ее на высоту —
Надует губки: что, мол, за причуда.

Есть вещи, может быть, и поважней,
Но ты на шишки денег не жалей,
К себе покупку прижимай сильнее:
Утащат шишку — то-то будет худо.

В одной орешков больше, чем в другой;
Хозяйки, подходите за любой,
Товар не залежится ходовой!
Коль денег нет, берите так покуда.

В терпении нашем — торжества залог:
Дабы орешек выскользнуть не мог,
Нацеливай получше молоток —
И ядрами наполнится посуда.

Любовный пробуждая аппетит,
Товар на вкус не хуже, чем на вид,
И перед ним никто не устоит:
Нежнее не найти на свете блюда.

A GIULIANO DI LORENZO DE' MEDICI

Io ho, Giuliano, in gamba un paio di geti
con sei tratti di fune in su le spalle:
l'altre miserie mie non vo' contalle,
poiché così si trattano e poeti.

Menon pidocchi queste parieti
bolsi spaccati, che paion farfalle;
né fu mai tanto puzzo in Roncisvalle,
o in Sardigna fra queglii alboceti,

quanto nel mio sí delicato ostello:
con un romor, che proprio par che 'n terra
fùgori Giove e tutto Mongibello.

L'un si incatena e l'altro si disferra
con batter toppe, chiavi e chiavistello:
un altro grida è troppo alto da terra.

Quel che mi fe' più guerra,
fu che, dormendo presso a la aurora,
cantando sentii dire: «Per voi s'òra.»

Or vadin in buona ora;
purché vostra pietà ver me si voglia,
buon padre, e questi rei lacciuol ne scioglia.

К ДЖУЛИАНО ДИ ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ

В колодках ноги, плечи вперехват
Шесть раз веревкой толстой обмотали...
Про остальные умолчу детали.
Поэтов ныне чтут на новый лад!

Огромные, что бабочки, кишат
Вши на стенах, и так, как здесь, едва ли
Воняло после битвы в Ронсевале,
И на сардинских свалках меньше смрад.

Засовы громяхают беспрестанно,
Как будто рядом ударяет гром
И ожил кратер близкого вулкана.

Одних выталкивают из хором,
Других приводит злобная охрана,
А третьи вопиют под потолком.

Когда б еще притом
Чуть свет священник не будил словами:
«Я к вам пришел, дабы молиться с вами».

Что ж, виноваты сами!
Пусть подышают в петле. В добрый час!
А я помилованья жду от вас.

* * *

Ove romita e stanca si sedea
quella, in cui sparse ogni suo don natura,
guidommi Amor, e fu ben mia ventura,
che più felice farmi non potea.

Raccolta in sé, co' suoi pensier pareva
ch'ella parlasse; ond'io, che tema e cura
non ho mai d'altro, a guisa d'uom che fura,
di paura e di speme tutto ardea.

E tanto in quel sembiante ella mi piacque,
che poi per meraviglia oltre pensando,
infinita dolcezza al cor mi nacque;

e crebbe alor che 'l bel fianco girando
mi vide, e tinsè il viso, e poi non tacque:
«Tu pur qui se', ch'io non so come o quando.»

* * *

Cantai un tempo: e se fu dolce il canto,
questo mi tacerò, ch'altri il sentiva.
Or è ben giunta ogni mia festa a riva,
ed ogni mio piacer rivolto in pianto.

O fortunato, chi raffrena in tanto
il suo desio, che riposato viva.
Di riposo, di pace il mio mi priva;
così va, ch'in altrui pon fede tanto.

Misero; che sperava esser in via
per dar amando assai felice esempio
a mille, che venisser dopo noi.

Or non lo spero: e quanto è grave ed empio
il mio dolor, saprallo il mondo e voi
di pietate e d'amor nemica e mia.

* * *

Красавица, природой без предела
Обласканная, уронила вздох —
И прострелил мне сердце лучник-бог,
И упоенье сердцем овладело.

Она задумалась, а я несмело,
От страха быть застигнутым врасплох,
За ней следил; и онемел, оглох;
И лихорадка сотрясала тело.

Но, зрелищем открывшимся полна,
Душа украдкой созерцала чудо,
И чашу неги я испил до дна.

И вот зажглись два дивных изумруда.
Меня увидев, вспыхнула она:
«Тебя не знаю я. Кто ты? Откуда?»

* * *

Я пел когда-то; сладостно ль звучали
Стихи мои — судить любви моей.
Вернуть не властен праздник прежних дней,
В слезах ищу я выхода печали.

Иные страсть разумно обуздали,
А я об этом и мечтать не смей,
По-прежнему бессильный перед ней.
Блаженны, у кого она в опале!

Любя, не оставляя надежды я
Пример счастливый завещать потомкам —
Увы, пребудут втуне упования.

Так пусть теперь в стихе моем негромком
Услышат все на свете крик страданья,
Включая вас, противница моя.

* * *

Correte fiumi a le vostre alte fonti,
onde al soffiâr de' venti or vi fermate,
abeti e faggi il mar profondo amate,
umidi pesci e voi gli alpestri monti.

Né si porti dipinta ne le fronti
alma pensieri e voglie innamorate:
ardendo'l verno agghiacci omai la state,
e'l Sol là oltre, ond' alza, chini e smonti.

Cosa non vada più come solea:
Poi che quel nodo è sciolto, ond'io fui preso;
ch'altro che morte scioglièr non devea.

Dolce mio stato chi mi t'ha conteso?
Com'esser può quel, ch'esser non potea?
O cielo, o terra: e so ch'io sono inteso.

* * *

Solingo augello, se piangendo vai
la tua perduta dolce compagnia,
meco ne ven, che piango anco la mia:
inseme potrem fare i nostri lai.

Ma tu la tua forse oggi troverai;
io la mia quando? e tu pur tuttavia
ti stai nel verde; i' fuggo indi, ove sia
chi mi conforte ad altro, ch'a trar guai.

Privo in tutto son io d'ogni mio bene,
e nudo e grave e solo e peregrino
vo misurando i campi e le mie pene.

Gli occhi bagnati porto e 'l viso chino
e 'l cor in doglia e l'alma fuor di spene,
né d'aver cerco men fero destino.

* * *

Бегите, реки, вспять к своим истокам,
Волне вздыматься, ветер, не давай,
Гора, приютом стань для рыбьих стай,
Дубрава, в море поднимись глубоко.

Пускай влюбленных лица и намеком
Сердечных дум не выдают, пускай
Холодным станет самый жаркий край
И солнце запад спутает с востоком.

Пусть все не так, как было, будет впредь,
С тех пор как смерть в единый миг сумела
Пленившую меня распутать сеть.

О, где ты, сладость моего удела!
Кто мог такой удар предусмотреть,
И что слова! — не в них, а в чувствах дело.

* * *

Печально заливающийся в роще,
Утративший подругу соловей!
Я тоже убиваюсь по своей!
Рыдай со мной; должно быть, вместе проще.

Но если ты среди густых ветвей
Однажды наберешься новой мощи,
Во мне, увы, запасы жизни тощи.
Куда бежать? я с каждым днем мертвей.

Без счастья, без надежды, без покоя,
Испытываю жажду и нужду.
Обескуражен и лишен всего я.

И, у судьбы жестокой на виду,
В изнеможеньи на дороге стоя,
Я лучшей участи уже не жду.

* * *

Speme, che gli occhi nostri veli e fasci,
sfreni e sferzi le voglie e l'ardimento;
cote d'amor, di cure e di tormento
ministra, che quetar mai non ne lasci;

perché nel fondo del mio cor rinasci,
s' io te n' ho svelta? e poi ch'io mi ripento
d'aver a te creduto, e 'l mio mal sento;
perché di tue impromesse ancor mi pasci?

Vattene a i lieti e fortunati amanti,
e lor lusinga, a lor porgi conforto,
s' han qualche dolci noje e dolci pianti.

Meco, e ben ha di ciò Madonna il torto,
le lagrime son tali e i dolor tanti,
ch' al più misero e tristo invidia porto.

* * *

Che ti val saettarmi, s' io già fore
esco di vita, o iniquitoso arcero?
di questa impresa omai poi ch'io ne pero,
a te non può venir più largo onore,
tu m' hai piagato il core,
Amor, ferendo in guisa a parte a parte,
che loco a nova piaga non può darte,
né di tuo stral sentir fresco dolore.
Che vuoi tu più da me? ripon giù l'arme:
vedi ch'io moro: omai che puoi tu farme?

* * *

Quando, forse per dar loco a le stelle,
il sol si parte, e 'l nostro cielo imbruna,
spargendosi di lor, ch'ad una ad una,
a dice, a cento escon fuor chiare e belle,

* * *

Ты застилаешь очи пеленою,
Желанья будишь, зажигаешь кровь,
Ты делаешь настойчивой любовь,
И мукам нашим ты подчас виною.

Зачем, уже развенчанная мною,
Во мне, надежда, ты родишься вновь?
Приманок новых сердцу не готовь:
Я твоего внимания не стою.

Счастливым счастье новое пророчь,
Что если плачут — то от сладкой боли,
А мне давно ничем нельзя помочь.

Я так измучен, что мадонны волей
С последним неудачником не прочь
Из зависти я поменяться долей.

* * *

Зачем тебе, безжалостный стрелок,
Преследовать сходящего в могилу?
Напрасно уповаешь ты на силу
И лавров новых видишь в ней залог.
Стрелу оставил впрок
Для сердца ты, где места нет живого,
И раненого хочешь ранить снова,
Забыв, что он привыкнуть к боли мог.
Смотри — конец моим приходит мукам.
Кому, Амур, ты угрожаешь луком?

* * *

Уходит солнце, место уступая
Немногим звездам, и за ними вслед
Уж сотни их; и скоро звездный свет
На небесах от края и до края.

i' penso e parlo meco: in qual di quelle
ora splende colei, cui par alcuna
non su mai sotto 'l cerchio de la luna,
benché di Laura il mondo assai favelle?

In questa piango, e poi ch'al mio riposo
torno, più largo fiume gli occhi miei,
e l'immagine sua l'alma riempie,

trista; la qual mirando fiso in lei
le dice quel, ch'io poi ridir non oso:
o notti amare, o Parche ingiuste et empie.

«О, где сегодня,— говорю тогда я,—
Сияет среди множества планет
Красавица, которой равных нет,
Хотя молвой прославлена другая?»

Утешиться пытаюсь, но от боли
Безудержным потоком слезы лью.
О, как глаза моей любимой ярки,

Но далеки, терзая жизнь мою!
И молвлю то, что уж не молвлю боле:
«Безрадостные ночи, злые Парки!»

* * *

Aventuroso carcere soave,
dove né per furor, né per dispetto,
ma per amor e per pietà distretto
la bella e dolce mia nemica m'have!

Gli altri prigionì al volger de la chiave
s'attristano, io m'allegro, ché diletto
e non martir, vita e non morte aspetto,
né giudice sever, né legge grave.

Ma benigne accoglienze, ma complessi
licenziosi, ma parole sciolte
da ogni fren, ma risi, vezzi e giochi:

ma dolci baci, dolcemente impressi
ben mille e mille e mille e mille volte:
e, se potran contarsi, anco fien pochi.

* * *

Qual avorio di Gange, o qual di Paro
candido marmo, o qual ebano oscuro,
qual fin argento, qual oro sí puro,
qual lucid'ambra, o qual cristal sí chiaro;

qual scultor, qual artefice sí raro
faranno un vaso alle chiome che fũro
de la mia donna, ove riposte, il duro
separarsi da lei lor non sia amaro?

Ché, ripensando all'alta fronte, a quelle
vermiglie guance, alli occhi, alle divine
rosate labra, e all'altre parti belle,

non potrian, se ben fusson, come il crine
di Beronice, assunto fra le stelle,
riconsolarsi, e porre al duol mai fine.

* * *

Я счастлив этой новою тюрьмой:
Здесь не для пыток я, и вражья свора
Не требует казнить меня, как вора,—
Здесь дарит счастье милый недруг мой.

Для узников других во тьме немой
Ужасен звон ключа и лягз затвора,
А я восторг любого приговора
Приму из рук тюремщицы самой.

Приму объятья долгожданной встречи,
И теплые, раскованные речи,
И милое, смешное озорство,

Но как бы ты меня ни обнимала,
Ни целовала,—этого всего
Нам будет мало, мало, мало, мало!

* * *

Не ведаю, найдется ли хрусталь,
Янтарь, паросский мрамор величавый
Или металлов редкостные сплавы,
Изысканный эбен или эмаль,

И тот ваятель сыщется едва ль,
Кто создал бы фиал, достойный славы
Прекрасных кос, что срезал врач лукавый,
В тоску меня повергнув и печаль.

Нет утешенья мне в прекрасном лике,
Живых очах, пленительном челе,
В ее устах, что ярче земляники...

Пусть даже кудри те в небесной мгле
Соседствуют с власами Береники,
Рыдать о них — удел мой на земле!

SATIRA III

A Messer Annibale Maleguccio

(Frammento)

Poi che, Annibale, intendere vuoi come
la fo col duca Alfonso, e s'io mi sento
più grave o men de le mutate some;

perché, s'anco di questo mi lamento,
tu mi dirai c'ho il guidaresco rotto,
o ch'io son di natura un rozzon lento;

senza molto pensar, dirò di botto
che un peso e l'altro ugualmente mi spiace,
e fõra meglio a nessun esser sotto.

Dimmi or c'ho rotto il dosso e, se 'l ti piace,
dimmi ch'io sia una ròzza e dimmi peggio:
insomma esser non so se non verace.

Ché s'al mio genitor, tosto che a Reggio
Daria mi partorí, facevo il giuoco
che fe' Saturno al suo ne l'alto seggio,

sí che fosse mio sol stato quel poco,
ne lo qual dieci tra frati e sirocchie
è bisognato che tutti abbian luoco,

la pazzia non avrei de le ranocchie
fatta giammai, d'ir procacciando a cui
scoprirmi il capo e piegar le ginocchie.

Ma poi che figliuol unico non fui,
né mai fu troppo a' miei Mercurio amico,
e viver son sforzato a spese altrui,

meglio è s'appresso il Duca mi nutrico
che andare a questo e a quel de l'umil volgo
accattandomi il pan come mendico.

САТИРА ТРЕТЬЯ

Мессеру Аннибале Малагучо

(Отрывок)

Разлить ты просишь, Аннибале, свет
На то, нашел ли твой кузен удачу
У герцога Альфонсо или нет.

Ты скажешь мне, коль правды я не спрячу,
Что на спине опять небось мозоль,
Что я похож на немощную клячу.

Однако правду выслушать изволь:
Равно любое бремя ненавижу
И не по мне скотины вьючной роль.

Толкуй про язвы на спине, про грыжу,
Считай меня хоть клячей, хоть ослом,
Кривить душою смысла я не вижу.

Когда, родившись, я, не будь глупцом,
Решился бы на некую забаву,
Проделав то же, что Сатурн, с отцом,

Чтоб все принадлежало мне по праву,
А не десятку братьев и сестер,
Составивших голодную ораву,

Безумия лягушек до сих пор
Не знал бы я и перед властелином
Без шапки не стоял, потупя взор.

Единственным — увы! — я не был сыном
И мало мог на что претендовать —
И вынужден мириться с господином,

Но лучше пропитанье добывать
У герцога, чем с нищенской сумою
Пороги бедной черни обивать.

So ben che dal parer dei più mi tolgo,
che 'l stare in corte stimano grandezza,
che io pel contrario a servitù rivolgo.

Stíaci volentier dunque chi la apprezza;
fuor n'uscirò ben io, s'un dí il figliuolo
di Maia vorrà usarmi gentilezza.

Non si adatta una sella o un basto solo
ad ogni dosso: ad un non par che l'abbia,
a l'altro stringe e preme e gli dà duolo.

Mal può durar il rosignuolo in gabbia,
più vi sta il gardellino e più il fanello,
la rondine in un dí vi mor di rabbia.

Chi brama onor di sproni o di cappello,
serva re, duca, cardinale o papa;
io no, che poco curo questo e quello.

In casa mia mi sa meglio una rapa,
ch'io cuoca, e cotta su 'n stecco me inforco,
e mondo, e spargo poi di aceto e sapa,

che all'altrui mensa tordo, starna o porco
selvaggio; e cosí sutto una vil coltre,
come di seta o d'oro, ben mi corco.

E più mi piace di posar le poltre
membra, che di vantarle che a gli Sciti
sien state, a gli Indi, a gli Etiopi, et oltre.

De gli uomini son vari gli appetiti:
a chi piace la chierca, a chi la spada,
a chi la patria, a chi gli strani liti.

Chi vuole andare a torno, a torno vada:
vegga Inghelterra, Ongheria, Francia e Spagna;
a me piace abitar la mia contrada.

Visto ho Toscana, Lombardia, Romagna,
quel monte che divide e quel che serra
Italia, e un mare e l'altro che la bagna.

Иные поменялись бы со мною
Уделом: как ни говори — почет...
Судьбу раба почетной мнить судьбою!

Пускай, кто хочет, при дворе живет,
А я его немедленно покину,
Едва ко мне Меркурий снизойдет.

Когда одно седло на всю скотину,
Кому оно не причиняет зла,
Кому, наоборот, увечит спину.

Так соловей, в отличие от щегла,
Не может долго пребывать в неволе,
Где ласточка б и дня не прожила.

Пусть служит, кто стремится к рабской доле,
Хоть герцогу, хоть папе, хоть царю,
Тогда как я не вижу в этом соли.

Я репу дома у себя сварю
И, уписав с подливкой без остатка,
Не хуже брюхо ублагодарю,

Чем кабаном чужим иль куропаткой.
Не надо мне парчовых одеял,
Когда и под обычным спится сладко.

Я с места бы охотней не вставал,
Чем долгим списком дальних стран хвалиться,
Где я по долгу службы побывал.

Да, каждому свое, как говорится:
Иному — сан, иному меч милей,
Иному — дом, иному — заграница.

Я уважаю интерес людей
К Испании, к английскому туману,
Но сам хочу в округе жить своей.

Ломбардию, Романью и Тоскану
Я видел — хватит этого вполне,
И лучшего нигде искать не стану,

Questo mi basta; il resto de la terra
senza mai pagar l'oste andrò cercando
con Ptolomeo, sia il mondo in pace o in guerra;

e tutto il mar, senza far voti quando
lampeggi il ciel, sicuro in su le carte
verrò, più che su i legni, volteggiando.

Il servizio del Duca, da ogni parte
che ci sia buona, più mi piace in questa,
che dal nido natio raro si parte.

Per questo i studi miei poco molesta,
né mi toglie onde mai tutto partire
non posso, perché il cor sempre ci resta.

Parmi vederti qui ridere e dire
che non amor di patria né de studi,
ma di donna è cagion che non voglio ire.

Liberamente te 'l confesso: or chiudi
la bocca, ché a difender la bugia
non volli prender mai spada né scudi.

Del mio star qui qual la cagion si sia,
io ci sto volentier: ora nessuno
abbia a cor più di me la cura mia.

S'io fossi andato a Roma, dirà alcuno,
a farmi uccellator de benefici,
preso alla rete n'avrei già più d'uno;

tanto più ch'ero de gli antiqui amici
del papa, innanzi che virtude o sorte
lo sublimasse al sommo de gli uffici.

E prima che gli aprissero le porte
i Fiorentini, quando il suo Giuliano
se riparò ne la feltresca corte;

ove col formator del Cortigiano,
col Bembo e gli altri, sacri al divo Apollo,
facea l'esilio suo men duro e strano;

А захочу — покажет землю мне
Без лишних трат премудрость Птолемя,
Хоть мир цари, хоть нет конца войне;

Я мысленно — нехитрая затея —
Любое из морей переплыву,
От ужаса в грозу не леденя.

Недаром в новой службе во главу
Угла я ставил с самого начала,
Что дома главным образом живу.

И служба на мои занятия мало
Влияет: уезжаю только я,
А сердце — здесь, и так всегда бывало.

Известна мне догадливость твоя:
Мол, рассмешил, мол, тут причиной дама,
А вовсе не любимые края.

Тебе на это я отвечу прямо:
Умолкни, ибо правда мне мила
И ложь не стану защищать упрямо.

Какая бы причина ни была,
Мне здесь прекрасно, но другим соваться
Я не советую в мои дела.

Иные мнят, что стоило податься
Мне в Рим — и я снискал бы благодать
И мог бы на судьбу не обижаться,

Тем паче папу другом называть
Задолго до счастливого избрания
Имел я честь. И в дни, когда мечтать

Не мог о возвращенье из изгнания
Ни он, ни брат его, как он, беглец,
Чье при дворе фельтрийском пребыванье

Украсили «Придворного» творец
И Бембо, верный культу Аполлона;
И в дни, когда вернулось наконец

e dopo ancor, quando levaro il collo
Medici ne la patria, e il gonfalone,
fuggendo del Palazzo, ebbe il gran crollo;

e fin che a Roma se andò a far Leone,
io gli fui grato sempre, e in apparenza
mostrò amar, più di me, poche persone;

e più volte, e legato et in Fiorenza,
mi disse che al bisogno mai non era
per far da me al fratel suo differenza.

Per questo parrà altrui cosa leggiera
che, stando io a Roma, già m'avesse posta
la cresta dentro verde e di fuor nera.

A chi parrà cosí, farò risposta
con uno esempio; leggilo, ché meno
leggerlo a te, che a me scriverlo, costa.
.....

Семейство Медичи в родное лоно
Флоренции, и, распротясь с Дворцом,
Бежало знамя от руки закона;

Вплоть до того, как в Риме стал он Львом
Благодаря разборчивым прелатам,
Я видел друга искреннего в нем.

Он повторял не раз, уже легатом,—
Мол, как на брата на меня смотри,
Ведь я тебя давно считаю братом.

Поэтому с иным поговори —
Я шапку черную прошляпил в Риме,
Подбитую зеленым изнутри.

Поспорю с утвержденьями такими
Примером, ты ж не сетуй: что трудней —
Читать стихи иль изъясняться ими?

* * *

Quanto si gode, lieta e ben contesta
di fior sopra crin d'or d'una, grillanda,
che l'altro innanzi l'uno all'altro manda,
come ch'il primo sia a baciare la testa!

Contenta è tutto il giorno quella vesta
che serra 'l petto e poi per che si spanda,
e quel c'oro filato si domanda
le guanci' e 'l collo di toccar non resta.

Ma più lieto quel nastro par che goda,
dorato in punta, con sí fatte tempere,
che preme e tocca il petto, ch'egli allaccia.

E la schietta cintura che s'annoda
mi par dir seco: qui vo' stringer sempre.
Or che farebbon dunche le mie braccia?

* * *

I' ho già fatto un gozzo in questo stento,
come fa l'acqua a' gatti in Lombardia
o ver d'altro paese che si sia,
c'a forza 'l ventre appicca sotto 'l mento.

La barba al cielo, e la memoria sento
in sullo scrigno, e 'l petto fo d'arpia,
e 'l pennel sopra 'l viso tuttavia
mel fa, gocciando, un ricco pavimento.

E' lombi entrati mi son nella peccia,
e fo del cul per contrapeso groppa,
e' passi senza gli occhi muovo invano.

Dinanzi mi s'allunga la cortecchia,
e per piegarsi adietro si ragroppa,
e tendomi com'arco soriano.

* * *

Как счастливы цветы венка простого,
Как в локонах ликуют лепестки,
Целующие наперегонки
Изгибы золота перевитого!

Как страстно платье облегать готово
Точеный стан, как сладостно узки
Узорные шелка, как у щеки
Блаженны ласки кружева густого!

Но во сто крат счастливее тесьма,
Что снизу обнимает два холма
Ее груди — два дивных полукруга!

И пояс, говорящий смельчакам:
«Я для любви завязан слишком туго!» —
Что ж делать, если так, моим рукам?

* * *

Я заработал зоб, трудясь, как вол,
И смахиваю зобом на породу
Ломбардских кошек, пьющих дрянь — не воду,
Но это лишь начало в списке зол.

Затылок место на спине нашел,
И борода простерта к небосводу,
И волей кисти, брызжущей по ходу,
Лицо мое — как мозаичный пол.

Бока ввалились, будто с голодухи,
А задница — противовес спины:
Не видя ног, недолго оступиться.

От натяжения вот-вот на брюхе
Порвется кожа, — что до кривизны,
То лишь сирийский лук со мной сравнится.

Però fallace e strano
surge il iudizio che la mente porta,
ché mal si tra' per cerbottana torta.

La mia pittura morta
difendi orma', Giovanni, e 'l mio onore,
non sendo in loco bon, né io pittore.

* * *

Qua si fa elmi di calici e spade
e 'l sangue di Cristo si vend'a giumelle,
e croce e spine son lance e rotelle,
e pur da Cristo pazienza cade.

Ma non ci arrivi più 'n queste contrade,
ché n'andre' 'l sangue suo 'nsin alle stelle,
poscia c'a Roma gli vendon la pelle,
e écci d'ogni ben chiuso le strade.

S'i' ebbi ma' voglia a perder tesauoro,
per ciò che qua opra da me è partita,
può quel nel manto che Medusa in Mauro;

ma se alto in cielo è povertà gradita,
qual fia di nostro stato il gran restauro,
s'un altro segno ammorza l'altra vita?

* * *

I' fu', già son molt'anni, mille volte
ferito e morto, non che vinto e stanco
da te, mia colpa; e or col capo bianco
riprenderò le tue promesse stolte?

Quante volte hai legate, e quante sciolte
le triste membra, e sí spronato il fianco,
c'appena posso ritornar meco, anco
bagnando il petto con lacrime molte!

Как тут не покривиться
И разуму, когда кругом изъян?
Не меток искривленный сарбакан.

Джованни, все обман:
Я не художник, здесь я не на месте.
Спаси меня, прошу тебя по чести.

* * *

Для них не крест, а меч необорим:
Здесь кровь Христову цедят ради платы,
Из чаш церковных отливают латы,—
Терпенье Божье мы со страхом зрим.

Господь, не возвращайся в грешный Рим! —
Забрызгается кровью дух крылатый:
Тобой вразвес торгуют здесь прелаты,
Здесь Праведность — случайный пилигрим.

По воле папы я забыл о всяком
Труде — опять пуста моя казна:
Он, как Медуза, убивает зраком.

Всемиловита к нищим вышина,
Но чем вернуть блаженство, если знаком
Иным иная жизнь сокрушена?

* * *

Я побежден. К концу подходит путь.
Ужель, Амур, себя, совсем седого
И после стольких ран едва живого,
Я вновь тебе позволю обмануть?

Ты пламень разжигал, чтоб вновь задуть,
Ты снова убивал меня и снова.
Не я стенаю: тень меня былого
Слезами скорби омывает грудь.

Di te mi dolgo, Amor, con teco parlo,
sciolto da' tuo lusinghe: a che bisogna
prender l'arco crudel, tirare a voto?

Al legno incenerato sega o tarlo,
o dietro a un correndo, è gran vergogna
c'ha perso e ferma ogni destrezza e moto.

* * *

Veggio co' be' vostr'occhi un dolce lume
che co' mie ciechi già veder non posso;
porto co' vostri piedi un pondo addosso,
che de' mie zoppi non è già costume.

Volo con le vostr'ale senza piume;
col vostro ingegno al ciel sempre son mosso;
dal vostro arbitrio son pallido e rosso,
freddo al sol, caldo alle più fredde brume.

Nel voler vostro è sol la voglia mia,
i miei pensier nel vostro cor si fanno,
nel vostro fiato son le mie parole.

Come luna da sé sol par ch'io sia,
ché gli occhi nostri in ciel veder non sanno
se non quel tanto che n'accende il sole.

* * *

Non vider gli occhi miei cosa mortale,
allor che ne' bei vostri intera pace
trovai, ma dentro, ov'ogni mal dispiace,
chi d'amor l'alma a sé simil m'assale;

e se creata a Dio non fusse equale,
altro che 'l bel di fuor, c'agli occhi piace,
più non vorria; ma perch'è sì fallace,
trascende nella forma universale.

Я говорю с тобой о наболевшем,
Для страшных стрел твоих неуязвим.
Зачем же целить в пустоту из лука?

Что древоточцу в дереве истлевшем?
И не позор ли гнаться за таким,
Кому ходить — не то что бегать — мука?

* * *

Твоим лучистым различаю взором,
Чего не видит взор ослепший мой.
Под бременем склоняюсь я, хромой,—
Его легко несешь ты шагом скорым.

Я на твоих крылах лечу к просторам
Небесным — с дольней разлучаюсь тьмой,
Меня бросаешь в пекло ты зимой,
А летом остужаешь приговором.

В моих мечтах живут твои мечты,
Я мыслю то, о чем помыслил ты,—
Что ни скажу, тебе лишь благодарен.

Я сам себе кажусь теперь луной:
Ее не видим мы во тьме ночной,
Пока ей солнцем отблеск не подарен.

* * *

Не смертный образ очи мне пленил:
Очей прекрасных мир невозмутимый.
В душе моей любовь твой лик незримый —
Духовную, как он,— воспламенил.

Не будь душа богоподобна, мил
Ей был бы внешний мир красою мнимой;
За грань земного глаз неутомимый
В рай вечных форм ее бы не стремил.

Io dico c'a chi vive quel che muore
quetar non può disir, né par s'aspetti
l'eterno al tempo, ove altri cangia il pelo.

Voglia sfrenata el senso è, non amore,
che l'alma uccide; e 'l nostro fa perfetti
gl'amici qui, ma più per morte in cielo.

* * *

Non ha l'ottimo artista alcun concetto
c'un marmo solo in sé non circoscriva
col suo superchio, e solo a quello arriva
la man che ubbidisce all'intelletto.

Il mal ch'io fuggo, e 'l ben ch'io mi prometto,
in te, donna leggiadra, altera e diva,
tal si nasconde; e perch'io più non viva,
contraria ho l'arte al disiato effetto.

Amor dunque non ha, né tua beltate
o durezza o fortuna o gran disdegno,
del mio mal colpa, o mio destino o sorte;

se dentro del tuo cor morte e pietate
porti in un tempo, e che 'l mio basso ingegno
non sappia, ardendo, trarne altro che morte.

.

* * *

Com'esser, donna, può quel c'alcun vede
per lunga speranza, che più dura
l'immagin viva in pietra alpestra e dura
che 'l suo fattor, che gli anni in cener riede?

La causa a l'effetto inclina e cede,
onde dall'arte è vinta la natura.
I' 'l so, che 'l pruovo in la bella scultura,
c'all'opra il tempo e morte non tien fede.

Я говорю: в живом живого глаза
Не насыщает тленная улада.
Увянет все, что чувства в нас манит.

И смертоносно сердцу сладострастье.
Нас дружба, непорочных, единит,
А цельное познаем в небе счастье.

* * *

Нет замысла, какого б не вместила
Любая глыба мрамора. Творец,
Ваяя совершенства образец,
В ней открывает, что она таила.

Надменная! Так ты в себе сокрыла
И счастье и пагубу сердец.
Но на меня, держащего резец,
Моя ж восстала творческая сила.

Нет, не любовь, не темный жребий мой,
Не нрав иль сан твой, дивная, виной
Недуга моего, моих мучений.

Как твердь, ясна,—ты ж и грозна, как твердь;
Но немощен из красоты мой гений
Воззвать блаженство — он изводит смерть.

* * *

Не правда ли — примерам нет конца
Тому, как образ, в камне воплощенный,
Пленяет взор потомка восхищенный
И замыслом, и почерком резца?

Творенье может пережить творца:
Творец уйдет, природой побежденный,
Однако образ, им запечатленный,
Веками будет согревать сердца.

Dunche, posso ambo noi dar lunga vita
in qual sie modo, o di colore o sasso,
di noi sembrando l'uno e l'altro volto;

sí che mill'anni dopo la partita,
quante voi bella fusti e quant'io lasso
ai veggia, e com'amarvi i' non fu' stolto.

* * *

Caro m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso,
mentre che 'l danno e la vergogna dura;
non veder, non sentir m'è gran ventura;
però non mi destar, deh, parla basso.

* * *

Dal ciel discese, e col mortal suo, poi
che visto ebbe l'inferno giusto e 'l pio,
ritornò vivo a contemplare Dio,
per dar di tutto il vero lume a noi.

Lucente stella, che co' raggi suoi
fe' chiaro a torto el nido ove nacqu'io,
né sare' 'l premio tutto 'l mondo rio;
tu sol, che la creasti, esser quel puoi.

Di Dante dico, che mal conosciute
fur l'opre suo da quel popolo ingrato
che sola a' iusti manca di salute.

Fuss'io pur lui! c'a tal fortuna nato,
per l'aspro esilio suo, co' la virtute,
dare' del mondo il più felice stato.

И я портретом в камне или цвете,
Которым, к счастью, годы не опасны,
Наш век могу продлить, любовь моя,—

Пушкой за гранью будущих столетий
Увидят все, как были вы прекрасны,
Как рядом с вами был ничтожен я.

* * *

Молчи, прошу, не смей меня будить.
О, в этот век преступный и постыдный
Не жить, не чувствовать — удел завидный...
Отрадно спать, отрадней камнем быть.

* * *

Он зрел картины божьего суда,
Он побывал в чистилище и, зная
Дорогу в рай, достиг при жизни рая,
Чтоб молвить правду, воротясь сюда.

Зачем, зачем горит его звезда
И над моим гнездом, не угасая,
Когда на свете нет такого края,
Где злее бы к нему была вражда?

О Данте речь. Его могучей лире
Неблагодарный не внимал народ:
Издравле слава недостойных — шире.

Когда б достиг я Дантовых высот,
И я бы счастьем в этом злом мире
Его печальный предпочел исход.

Carico d'anni e di peccati pieno
e col trist'uso radicato e forte,
vicin mi veggio a l'una e l'altra morte,
e parte 'l cor nutrisco di veleno.

Né propie forze ho, c'al bisogno sieno
per cangiar vita, amor, costume o sorte,
senza le tuo divine e chiare scorte,
d'ogni fallace corso guida e freno.

Signor mie car, non basta che m'invogli
c'aspiri al ciel sol perché l'alma sia,
non come prima, di nulla, creata.

Anzi che del mortal la privi e spogli,
prego m'ammezzi l'alta e erta via,
e fie più chiara e certa la tornata.

Отягощен годами и неправой,
Греховой жизнью, виноватый сплошь,
Ты и другую вижу смерть и все ж
Питаю сердце прежнею отравой.

Я совести в себе не чую здоровой:
Любовь моя и мой обычай — ложь!
От пытки Ты один меня спасешь
И тонущему станешь переправой.

Господь, не просто света жажду я:
Душа, впитав пороки бытия,
Для жизни возрождается небесной! —

Ты груз мой смертный сбросить не спеши,
А прежде сделай кратким путь отвесный,
Возвратный путь очищенной души!

* * *

Qui fece il mio bel Sole a noi ritorno
di regie spoglie carco, e ricche prede;
ahi con quanto dolor l'occhio rivede
quei lochi, ov'ei mi fea già chiaro il giorno!

Di mille glorie allor cinto d'intorno
e d'onor vero, a la più altera sede,
facean de l'opre udite intiera fede
l'ardito volto, il parlar saggio adorno.

Vinto da' preghi miei poi mi mostrava
le belle cicatrici, e 'l tempo, e 'l modo
de le vittorie sue tante, e sí chiare.

Quanta pena or mi dà, gioia mi dava,
e 'n questo, e 'n quel pensier piangendo godo,
tra poche dolci, e assai lagrime amare.

* * *

Vivo su questo scoglio, orrido e solo,
quasi dolente augel che 'l verde ramo
e l'acqua pura abborre; e a quelli ch'amo
nel mondo ed a me stessa ancor m'involo,

perché espedido al sol che adoro e colo
vada il pensiero. E sebben quanto bramo
l'ali non spiega, pur quand'io 'l richiamo
volge dall'altre strade a questa il volo.

E 'n quel punto che giunge lieto e ardente
là 've l'invio, sí breve gioia avanza
qui di gran lunga ogni mondan diletto.

Ma se potesse l'alta sua sembianza
formar, quant'ella vuol, l'accesa mente,
parte avrei forse qui del ben perfetto.

* * *

Сюда вернулся он, мое светило,
Добычей царской нагружен богато.
Ах, мука вновь зреть место, где когда-то
Для глаз моих день солнцем озарило.

Тысяча слав его здесь окружила,
Почет от самых знатных; в час возврата
О слышанном свидетельствовал свято
Изысканный рассказ и взоров сила.

Он, побежденный просьбами моими,
Мне показал рубцы, сам повествуя
Про ряд побед, столь многих и бесспорных.

Грущу о них, как веселилась ими.
В различных мыслях радуюсь, тоскуя,
Лью мало сладких слез и много скорбных.

* * *

Приют мой одинокий прост и строг:
Живу, как птица, на утесе голом,
К возлюбленным сердцам, к ветвям веселым
Не возвращаться я дала зарок.

Зато для гимнов здесь простор широк:
Ты солнцем светишь мне над мрачным долом,
И стаи мыслей с клекотом тяжелым
Слетаются, свернув с других дорог.

Тут наступает счастья миг короткий,
Когда они, восторженны и кротки,
К блаженству дольнему влекут меня.

Но если б слов пылающая сила
Твой образ возродила из огня,
Я бы восторга высшего вкусила!

Qual digiuno augellin, che vede ed ode
batter l'ali alla madre intorno, quando
gli reca il nutrimento, ond'egli, amando
il cibo e quella, si rallegra e gode,

e dentro al nido suo si strugge e rode
per desio di seguirla anch'ei volando,
e la ringrazia in tal modo cantando
che par ch'oltre 'l poter la lingua snode;

tal io qualor il caldo raggio e vivo
del divin sole, onde nutrisco il core,
più dell'usato lucido lampeggia,

muovo la penna spinta dall'amore
interno; e senza ch'io stessa m'avvegga
di quel ch'io dico, le sue lodi scrivo.

Птенец, когда его терзает голод,
Вдруг видит мать и пищу над гнездом:
Любовью возникающей вedom,
За ней готов лететь он в зной и холод.

Он сердится, что слаб еще и молод,
Что крылья расправляются с трудом,
Но наконец покинут тесный дом
И воздух криком радости расколот.

Так сердце торжеством твоих лучей
Питаю я, о истинно живая,
Неугасимая лампада дня!

Пером скрипучим водит за меня
Любовь, и часто, солнце воспевая,
Не понимаю собственных речей.

* * *

Chiome d'argento fino, irte e attorte
senz'arte intorno ad un bel viso d'oro;
fronte crespa, u' mirando io mi scoloro,
dove spunta i suoi strali Amor e Morte;

occhi di perle vaghi, luci torte
da ogni obietto diseguale a loro;
ciglie di neve, e quelle, ond'io m'accoro,
dita e man dolcemente grosse e corte;

labra di latte, bocca ampia celeste;
denti d'ebeno rari e pellegrini;
inaudita ineffabile armonia;

costumi altéri e gravi: a voi, divini
servi d'Amor, palese fo che queste
son le bellezze della donna mia.

* * *

Cancheri, e beccafichi magri arrosto,
e magnar carne salsa senza bere;
essere stracco e non poter sedere,
aver il fuoco appresso e 'l vin discosto;

riscuoter a bell'agio e pagar tosto,
e dar ad altri per dover avere;
esser ad una festa e non vedere,
e de gennar sudar come di agosto;

aver un sassolin nella scarpetta,
et una pulce drento ad una calza,
che vadi in su in giù per istaffetta;

* * *

По бастионам локонов сопрелых,
По инею бровей на медном лбу
Амур и Смерть оставили стрельбу
И о затупленных жалеют стрелах.

Глаза мутней жемчужин перезрелых
И слепы даже к встречному столбу,—
Бледнею, но никак не отскребу
Себя от пальцев дивно ожирелых.

Молочна бледность синеватых губ
И черным пилигримом смотрит зуб
С пригорка на другого пилигрима.

Амура слуги, вам поведал я,
Как неприступна, как неповторима
Возлюбленная женщина моя!

* * *

Уж лучше занемочь, уж лучше сало
Соленое, не запивая, есть,
Прийти домой без сил и не присесть,
Бутыль прикончить и понять, что мало.

Уж лучше дать взаймы кому попало
И самому в долги надолго влезть,
Попасть на праздник и считать за честь,
Что так и не увидел карнавала.

Уж лучше острый камень в башмаке,
Уж лучше в январе потеть, как летом,
Блоху ловить и не поймать в чулке,

una mano imbrattata ed una netta;
una gamba calzata ed una scalza;
esser fatto aspettar ed aver fretta;

chi più n'ha più ne metta,
e conti tutti i dispetti e le doglie:
ché la peggior di tutte è l'aver moglie.

* * *

Ser Cecco non può star senza la corte,
e la corte non può senza ser Cecco;
e ser Cecco ha bisogno della corte,
e la corte ha bisogno de ser Cecco.

Chi vol saper che cosa sia ser Cecco
pensi e contempli che cosa è la corte:
questo ser Cecco somiglia la corte,
e questa corte somiglia ser Cecco.

E tanto tempo viverà la corte
quanto sarà la vita di ser Cecco,
perché è tutt'uno ser Cecco e la corte.

Quando un riscontra per la via ser Cecco
pensi di riscontrar anco la corte,
perché ambi dui son la corte e ser Cecco.

Dio ci guardi ser Cecco;
che se mor per disgrazia della corte,
è ruvinato ser Cecco e la corte.

Ma da poi la sua morte,
arassi almen questa consolazione,
che nel suo loco rimarrà Trifone.

Отмыться и лежать в грязи, в песке,
Полуобутым быть, полуодетым,—
Сравненья вертятся на языке:

Висеть на волоске
И звать его спасительным канатом—
Нет хуже ничего, чем быть женатым!

* * *

Сер Чекко сам не свой, лишь бросит двор,—
Двор тоже сам не свой без сера Чекко.
Для сера Чекко очень нужен двор,
И очень нужен для двора сер Чекко.

Кто хочет знать, каков таков сер Чекко,
Пускай посмотрит, что за штука двор.
Сер Чекко сам похож собой на двор,
А двор собой похож на сера Чекко.

И столько лет просуществует двор,
Сколь долго жизнь продлится сера Чекко,—
Сер Чекко то же самое, что двор.

Всяк, по дороге встретив сера Чекко,
Подумает, что повстречал он двор.
В обоих двор, в обоих и сер Чекко.

Бог милуй сера Чекко—
Он при смерти: немилостив стал двор.
Погиб сер Чекко, но погиб и двор.

Умрет он, но с тех пор
Уж тем одним он утешаться сможет,
Что Трифона никто не потревожит.

«Il papa non fa altro che mangiare»
«Il papa non fa altro che dormire»
quest'è quel che si dice e si può dire
a chi del papa viene a dimandare.

Ha buon occhio, buon viso, buon parlare,
bella lingua, buon sputo, buon tossire:
questi son segni ch'ei non vuol morire,
ma e' medici lo voglion ammazzare.

Perché non ci sarebbe il lor onore,
s'egli uscisse lor vivo delle mani,
avendo detto: «Gli è spacciato, e' more.»

Trovan cose terribil, casi strani:
egli ebbe 'l parocismo alle due ore,
o l'ha avut'oggi, e non l'avrà domani.

Farien morire i cani,
non che 'l papa; e alfin tanto faranno,
ch'a dispetto d'ogniun l'ammazzeranno.

Поесть — у папы нет иного дела.
Поспать — у папы нет иной заботы:
Возможно дать такие лишь отчеты
Любому, кто о папе спросит смело.

Хороший взгляд, хороший вид и тело,
Язык хорош и качество мокроты.
Нет, с жизнью он порвать не хочет счеты,—
Но рать врачей сжить папу захотела.

И в самом деле честь их пострадает,
Коль он живым уйдет от их атаки,
Раз сказано: конец, он умирает.

И страшные выдумывают враки:
Что в два часа припадок с ним бывает,—
Сегодня нет, а завтра будет паки.

От них подохнут и собаки,
Не то что папа. В общем же, похоже,
Что как-никак его прихлопнут все же.

* * *

Cura, che di timor ti nutri e cresci,
e più temendo maggior forza acquisti,
e mentre con la fiamma il gielo mesci,
tutto 'l regno d'Amor turbi e contristi;

poi che 'n brev'ora entr'al mio dolce hai misti
tutti gli amari tuoi, del mio cor esci:
torna a Cocito, a i lagrimosi e tristi
campi d'inferno: ivi a te stessa incresci.

Ivi senza riposo i giorni mena,
senza sonno le notti, ivi ti duoli
non men di dubbia che di certa pena.

Vattene: a che più fera che non suoli,
se 'l tuo venen m'è corso in ogni vena,
con nove larve a me ritorni e voli?

* * *

La bella greca, onde 'l pastor ideo
in chiaro foco e memorabil arse,
per cui l'Europa armossi, e guerra feo,
e alto imperio antico a terra sparse;

e le bellezze incenerite e arse
di quella che sua morte in don chiedo;
e i begli occhi e le chiome a l'aura sparse
di lei, che stanca in riva di Peneo

novo arboscello a i verdi boschi accrebbe;
e qual altra, fra quante il mondo onora,
in maggior pregio di bellezza crebbe,

da voi, giudice lui, vinta sarebbe,
che le tre dive (o sé beato allora!)
tra' suoi be' colli ignude a mirar ebbe.

* * *

Тревога, страха нашего мерило,
Который столь непросто отмести,
Ты след несешь для охлаждения пыла,
Стремясь разлад в союз любви внести;

Ты горечью своею мне претила,
Оставь меня, забудь ко мне пути,
Вернись в Аид, где без того уныло,
И хоть навечно корни там пусти.

Не отдыхая днем, не спя ночами,
Там утоляй неутолимый глад
Немнимыми и мнимыми страстями.

Ступай. Зачем, разлив по венам яд,
Страшней, чем прежде, с новыми тенями
Ты, ревность, возвращаешься назад?

* * *

Ни славная гречанка, что зажгла
Огонь любовный в пастухе-герое,
Дабы пожарищ ратная зола
Легла на камни побежденной Трои;

Ни дочь царя, что, вспыхнув ярче втрое,
От молний предпочла сгореть дотла,
Ни та, что ложе выбрала сырое
На берегу, где, трепетно смугла,

Листвой оделась над Пенеем синим,
Ни прелести красавицы любой,
Куда мы взгляд в историю ни кинем,

И не дерзнут соперничать с тобой!
Судья, сказавший правду трем богиням,
За наготу твою пошел бы в бой!

* * *

Vago augelletto da le verdi piume,
che peregrino il parlar nostro apprendi,
le note attentamente ascolta e 'ntendi,
che madonna dettarti ha per costume.

E parte dal soave e caldo lume
de' suoi begli occhi l'ali tue difendi;
ché 'l foco lor, se, com'io fei, t'accendi,
non ombra o pioggia, e non fontana o fiume,

né verno allentar pò d'alpestri monti:
ed ella, ghiaccio avendo i pensier suoi,
pur de l'incendio altrui par che si goda.

Ma tu da lei leggiadri accenti e pronti,
discepol novo, impara, e dirai poi:
Quirina, in gentil cor pietate è loda.

* * *

Già lessi, e or conosco in me, sí come
Glauco nel mar si pose uom puro e chiaro,
e come sue sembianze si mischiaro
di spume e conche, e fersi alga sue chiome;

però che 'n questo Egeo che vita ha nome
puro anch'io scesi, e 'n queste de l'amaro
mondo tempeste, ed elle mi gravaro
i sensi e l'alma ahi di che indegne some!

Lasso: e soviemmi d'Esaco, che l'ali
d'amoroso pallor segnate ancora
digiuno per lo cielo apre e distende,

e poi satollo indarno a volar prende:
sí 'l core anch'io, che per sé leve fôra,
gravato ho di terrene esche mortali.

* * *

Красавец в клетке, пилигрим зеленый,
В заморский этот завезенный край,
Прислушивайся к звукам, постигай
Из уст Мадонны наш язык мудреный.

Но берегись, уроком поглощенный,
Ее очей горящих, попугай,
Не то, как я, погибнешь невзначай,
Затем что жара ни ручей студеньи,

Ни ливень не погасят, ни зима,
Тогда как ей, холодной, все едино —
Сгоришь ли ты иль не сгоришь дотла.

Так набирайся поскорей ума,
Чтоб ей сказать: «Безжалостных, Квирина,
Не жаловала никогда хвала».

* * *

Об этом я читал и знаю сам,
Как чистым Главк шагнул в прибор солёный,
Как пена и моллюски мглы зеленой
Прилипли к водорослям-волосам.

И все же, не доверясь парусам,
Нырнул я в кипень бури иступленной,
И жизни грязь на разум уязвленный
Легла, подобно липким полосам.

В житейских дрязгах и грехах погрязнув,
Вдовца пернатого припомнил я:
Голодный тотчас расправляя он крылья,

А сытый задыхался от бессилья:
Так невесома и душа моя,
Да слишком тяжек груз земных соблазнов.

* * *

O dolce selva solitaria, amica
de' miei pensieri sbigottiti e stanchi,
mentre Borea ne' dí torbidi e manchi
d'orrido giel l'aere e la terra implica;

e la tua verde chioma ombrosa, antica,
come la mia par d'ogn'intorno imbianchi,
or, che 'nvece di fior vermigli e bianchi,
ha neve e ghiaccio ogni tua piaggia aprica;

a questa breve e nubilosa luce
vo ripensando, che m'avanza, e ghiaccio
gli spirti anch'io sento e le membra farsi:

ma più di te dentro e d'intorno agghiaccio,
ché più crudo Euro a me mio verno adduce,
più lunga notte e dí più freddi e scarsi.

* * *

Questa vita mortal, che 'n una o 'n due
brevi e notturne ore trapassa, oscura
e fredda, involto avea fin qui la pura
parte di me, ne l'atre nubi sue.

Or a mirar le grazie tante tue
prendo, che frutti e fior, gielo e arsura,
e sí dolce del ciel legge e misura,
eterno Dio, tuo magisterio fue.

Anzi 'l dolce aer puro e questa luce
chiara, che 'l mondo a gli occhi nostri scopre,
traesti tu d'abissi oscuri e misti:

e tutto quel che 'n terra o 'n ciel riluce
di tenebre era chiuso, e tu l'apristi;
e 'l giorno e 'l sol de la tua man son opre.

* * *

О лес пустынный, друг моей печали,
Сейчас, когда пора недолгих дней
Стоит, и с воем ледяной Борей
Завесой снежной застилает дали,

И кудри древних крон седыми стали,
Не отличаясь от моих кудрей,
И на опушке снег лежит твоей,
Где взор цветы не так давно ласкали,

О мрачном этом и коротком дне,
К закату близком, размышляю я,
Который душу леденит и члены,

Но холодней твоей зимы — моя,
И беспощадней злобный Евр ко мне,
И дальше ночь моя от перемены.

* * *

Земная эта жизнь длиной в один
Короткий миг, разъявший бездну мрака,
Мне душу застилала, и однако
Я выбрался из облачных седин.

Цветок и плод, союз огня и льдин
Мне кажутся верней любого знака:
О Промысле Твоем судить двояко
Не смею, милосердный Господин.

Как вознести хвалу Твоим деаньям? —
Из неживой, безвидной темноты
Извлек Ты на поверхность воздух чистый.

Ты дал земле и небу свет лучистый,
Глаза на этот мир открыл нам Ты,
Когда светило одарил сияньем!

* * *

Eran l'aer tranquillo e l'onde chiare,
sospirava Favonio e fuggia Clori;
l'alma Ciprigna innanzi ai primi albori
ridendo empiea d'amor la terra e 'l mare;

la rugiadosa Aurora in ciel più rare
facea le stelle; e di più bei colori
sparse le nubi e i monti, uscía già fuori
Febo, qual più lucente in Delfo appare:

quando altra aurora un più vezzoso ostello
aperse, e lampeggiò sereno e puro
il sol che sol m'abbaglia e mi disface.

Volsimi e 'ncontro a lei mi parve oscuro
(santi lumi del ciel, con vostra pace)
l'oriente, che dianzi era sí bello.

* * *

Donna, qual mi foss'io, qual mi sentissi,
quando primier in voi quest'occhi apersi,
ridir non so; ma i vostri non soffersi,
ancor che di mirarli appena ardissi.

Ben gli tenn'io nel bianco avorio fissi
di quella mano, a cui me stesso offersi:
e nel candido seno, ove gl'immersi,
e gran cose nel cor tacendo dissi.

Arsi, alsì, osai, temei, duolo e diletto
presi di voi; spreggiai, posi in oblio
tutte l'altre, ch'io vidi, e prima, e poi.

Con ogni senso Amor, con ogni affetto
mi fece vostro, e tal, ch'io non desio,
e non penso, e non sono altro che voi.

* * *

Был воздух тих на волновом просторе,
Вздыхал Фавон, Хлорида убегала,
Киприйская душа, смеясь, шуршала
В ветвях, любовью полня брег и море.

Росистая Аврора в звездном хоре
Огни гасила и живописала
Там облачка, здесь горы; как, бывало,
Лучистый в Дельфах, Феб вставал в просторе.

И отворяла тут заря другая
Родной чертог в сиянье чистом, скромном,—
Пред этим солнцем слепну, исчезая.

Взглянул назад — мне показался темным —
Как даже ты, страна небес святая,—
Восток, что цвел за миг, в красе сияя.

* * *

О госпожа, откроют ли слова
Мое волнение, трепет мой и муку,
Когда с глазами вашими разлуку
Я предпочел, в них заглянув едва.

Кружилась от восторга голова,
И, созерцая мраморную руку,
Не мог я не прислушиваться к стуку
В груди, смущенной блеском божества.

Кто мог предвидеть, что огонь и стужу
При виде вас в себе я обнаружу,
Труслив и дерзок, весел и уныл!

Амур моими пренебрег правами:
Для вас других я женщин позабыл —
Так счастлив, так богат, так полон вами!

Il Castello è già preso: or via forbotta
la ròcca, e quei suoi vetri e quei mattoni,
ch'un sopra l'altro, come i maccheroni,
sono a crusca murati ed a ricotta.

Già l'hanno i topi e le formiche addotta,
per fame, a darne statichi e prigionì;
già si sente al bisbiglio di moscioni
che v'è rumore e disparere e dotta.

O 'l Gufo n'esce! odi che Secchia abbaia:
ai passi, alle parete, ai buccinelli,
gran fatto fia che più vi si rimbuche.

Io t'ho pure: oh ve' ceffo, oh che ventraia!
guat'occhi, se non paion due fornelli!
o sucide pennaccie, irte e caduche!

Or su, Gufaccio, su, che
tosto ti veggia e nudo e trito e sollo.
Questo è ranno bollente ov'io t'immollo.

Вперед на крепость! К башням, окнам, дырам! —
Куски стекла летят со всех сторон:
Здесь камни не прочнее макарон,
Скрепленных отрубями или сыром.

Здесь муравьи и мыши славным пиром
Тюремным стенам нанесли урон,
И мухи, как во время похорон,
Жужжат, мол, дело не закончишь миром.

А вот и Филин выскочил на вой,
На визг, на лай реки сторожевой —
Поганца в клетку засажу теперь я!

Захлопнулась неслышно западня, —
Смотри, как вздулся, как взъерошил перья,
Как зыркает, бровастый, на меня!

Глазищи — два огня!
Повыщипаю пух у жирной твари
И в мыльный чан! Кипи себе в отваре!

* * *

Valli nemiche al sol, superbe rupi,
che minacciate il ciel, profonde grotte,
d'onde non parton mai silenzio e notte,
sepolcri aperti, pozzi orrendi e cupi,

precipitati sassi, alti dirupi,
ossa insepolte, erbose mura e rotte,
d'uomini albergo, ed ora a tal condotte,
che temon d'ir fra voi serpenti e lupi,

erme campagne, abbandonati lidi,
ove mai voce d'uom l'aria non fiede,
ombra son io dannata a pianto eterno,

ch'a piagner vengo la mia morta fede,
e spero al suon de' disperati stridi,
se non si piega il ciel, muover l'inferno.

* * *

E freddo è il fonte, e chiare e cresse ha l'onde,
e molli erbe verdeggian d'ogn'intorno,
e 'l platano coi rami e 'l salce e l'orno
scaccian Febo, che il crin talor v'asconde.

E l'aura appena le più lievi fronde
scuote, sí dolce spira al bel soggiorno:
ed è rapido sol sul mezzo giorno,
e versan fiamme le campagne bionde.

Fermate sopra l'umido smeraldo,
vaghe ninfe, i bei pié, ch'oltra ir non pòno;
sí stanche ed arse al corso ed al sol sète!

Darà ristoro a la stanchezza il sonno;
verde ombra ed aura, refrigerio al caldo;
e le vive acque spegneran la sete.

* * *

На месте гор — враждебный солнцу склеп,
Как черный рот, ощеренный от злости,—
Здесь даже ночь, при исполинском росте,
Укроется — так он глубок и слеп.

Зубцы камней, чей самый вид свиреп,
Обломки стен, белеющие кости,—
Ни волк, ни змеи не заглянут в гости
Под кров, где терн прижился и окреп.

На мертвых склонах ни дымка, ни сада,
Поля пустынны, смолкли голоса —
Один я плачу безутешной тенью.

Один в слезах влачусь по запустенью!
К измене равнодушны небеса —
Так пусть мой стон тревожит бездну ада!

* * *

Вода в ручье чиста и холодна,
И зелены вокруг платаны, ивы,—
С трудом от Фебовой избавясь гривы,
Вздыхают ветви в полумраке сна.

Листва недвижна и утомлена,
А сверху бег светила торопливый:
Овеянные ветерками нивы
Спешит залить лучами вышина.

В тени ветвей, на травах изумрудных,
Уселись нимфы после многотрудных,
Полдненным зноем выжженных дорог.

Бормочет каждая: «Уснуть я жажду!» —
Прохладу им приносит ветерок,
И ключ студеный утоляет жажду.

Occhi leggidri e belli,
occhi, non occhi. E che? Non so che dire.
Ancor che da la terra io prenda ardire
poggiare al ciel, che fo? S'i' dico: stelle,
mento, ché non fûr mai, né fian, sí belle.
S'io l'agguagliassi al sol, nulla direi,
perché l'ho pur vist'io con gli occhi miei,
vinto da voi nel bel sereno cielo,
porsi di nubi, innanzi agli occhi un velo.
Che, dunque dir potrei?
Incolpat'a voi stessi il fallir mio,
se non ritrovo il come:
ché la troppo beltà vi toglie il nome.

* * *

Глаза, как вас назвать?
Глаза? Пожалуй, бледно. Как иначе?
В словах высоких поискать удачи?
Сравню со звездами — солгу безбожно.
В них нет огня, и красота их ложна.
И с солнцем не сравню: огонь светила
Шальная ваша красота затмила —
Я говорю по праву очевидца.
К тому ж не вы, а солнце туч боится.
Где слов былая сила?
Виновны сами вы, что все сравненья
Ничуть мне не по нраву:
Для красоты — словесной нет оправы.

* * *

Tempestose sonanti e torbid'onde,
tranquille un tempo già, placide e chete,
voi foste al viver mio simili, e siete
simili alle mie pene ampie e profonde.

Spalmati legni, alme vezzose e liete
ninfe ed ogni altra gioia a voi s'asconde:
a me ciò che faceva care e gioconde
queste luci e quest'ore egre inquiete.

Lasso, ei verrà ben tempo che ritorni
altra stagion che rallegrar vi suole,
onde diversa fia la nostra sorte:

a me serene notti o chiari giorni,
o che s'appressi o s'allontani il sole,
non fia che il mio tiranno unqua m'apporte.

* * *

Vinto da grave mal uom che non posi
in sua antica magion debole e infermo,
cerca sotto altro ciel riparo e schermo,
ove d'arte sperar altro non osi:

tal io gli ostri, le gemme ed i famosi
alberghi, ove a ferir braccio ha più fermo
Amor, fuggendo, in loco alpestr'ed ermo
ricercai le mie paci e i miei riposi.

Ma perch'io vada o dove folto e spesso
stuolo mi prema, o dove uom non s'annide,
il mio fiero tiranno ognor m'è appresso:

e s'io cavalco, ei su gli arcion s'asside,
se l'onda solco, in su del legno istesso
mel veggio a fianco, e che di me si ride.

* * *

Спокойные до первой непогоды,
Вы превзошли себя на этот раз,
Напоминая боль мою сейчас,
Ревущие, не умолкая, воды.

Смолистые челны и хороводы
Веселых нимф сокрылись от вас,
Как от моих сокрыта ныне глаз
Виновница нечаянной невзгоды.

Увы, мой день унылый все длинней,
И значит — время счастья недалёко,
Но мне удел от всех отличный дан:

Ни трепетных ночей, ни светлых дней,
Будь солнце низко, будь оно высоко,
Не принесет жестокий мой тиран.

* * *

Побеждены недугом, на пороге
Отчаянья, бросают люди дом,
Спасения ища в краю чужом,
Когда пред ними нет иной дороги,—

Покинув так богатство и чертоги,
Где бог любви с особым мастерством
Пускает стрелы, я решил в глухом
Убежище забыть мои тревоги.

Но всюду — и в безлюдной стороне,
И стиснутый толпою,— постоянно,
Где б ни был я, Амур, как тень, при мне:

Скачу в седле — и моего тирана
Везу, плыву — и он со мной в челне,
Я плачу — он смеется, как ни странно.

Già corsi l'Alpi gelide e canute,
mal fida siepe alle tue rive amate;
or sento, Italia mia, l'aure odorate
e l'aere pien di vita e di salute.

Quante mi ha dato Amor, lasso, ferute
membrando la fatal vostra beltate,
chiuse valli, alti poggi ed ombre grate,
da' ciechi figli tuoi mal conosciute!

O felice colui che un brieve e colto
terren fra voi possiede, e gode un rivo,
un pomo, un antro e di fortuna un volto!

Ebbi i riposi e le mie paci a schivo
(o giovanil desio fallace e stolto):
or vo piangendo che di lor son privo.

Седые Альпы — зыбкая преграда —
Остались позади, и ожил я:
Ты предо мной, Италия моя,
Для счастья больше ничего не надо.

Какой была мучительной отрада,
Чужим красотам противостоя,
Не забывать для них твои края,
Не ведают твои слепые чада.

Блажен стократно, кто земли клочок
Имеет здесь, и кров над головою,
И пропитанье, и воды глоток!

Я не стремился никогда к покою
И плачу ныне, что, увы, не смог
Проститься раньше с юной суетою.

* * *

Io assimiglio il mio signor al cielo
meco sovente. Il suo bel viso è 'l sole;
gli occhi, le stelle; e 'l suon de le parole
è l'armonia, che fa 'l signor di Delo.

Le tempeste, le piogge, i tuoni e 'l gelo
son i suoi sdegni, quando irar si suole;
le bonacce e 'l sereno è quando vuole
squarciar de l'ire sue benigno il velo.

La primavera e 'l germogliar de' fiori
è quando ei fa fiorir la mia speranza,
promettendo tenermi in questo stato.

L'orrido verno è poi, quando cangiato
minaccia di mutar pensieri e stanza,
spogliata me de' miei più ricchi onori.

* * *

Io non v'invidio punto, angeli santi,
le vostre tante glorie e tanti beni,
e que' disir di ciò che braman pieni,
stando voi sempre a l'alto Sire avanti;

perché i diletti miei son tali e tanti,
che non posson capire in cor terreni,
mentr'ho davanti i lumi almi e sereni,
di cui conven che sempre scriva e canti.

E come in ciel gran refrigerio e vita
dal volto suo solete voi fruire,
tal io qua giù da la beltà infinita.

In questo sol vincete il mio gioire,
che la vostra è eterna e stabilita,
e la mia gloria può tosto finire.

* * *

Нередко господина моего
Я сравниваю с небом дня и ночи,
Где солнце — лик его, а звезды — очи,
Где в высоте вещает божество

Делийское, где страшен гнев его,
Страшней, чем гром, и град, и снег, и прочий
Укор небес, о нет, мой страх жесточе,
Но небо после бури не мертво!

Весну торопит зелень луговая
В моей душе, когда, лучом дразня,
Росткам велит пробиться он наружу.

Но вновь зима вселяет в сердце стужу,
Когда грозит покинуть он меня,
Листву надежд последних обрывая.

* * *

Нисколько не завидую я вам,
Святые ангелы, — ни вашей славе,
Ни кушам рая, где одни вы вправе
Зреть Бога, ни другим святым правам.

Едва ль доступен смертным существам
Восторг благоговейней, величавей,
Чем мой, — увидеть очи эти въяве
И радость передать перу, словам!

Подобно вам, за жизнью вожделенной
Я обращаюсь к дивному лицу,
Признав его владыкою вселенной.

В одном лишь вы любезнее Творцу:
Он благодатью дарит вас нетленной,
А благодать моя идет к концу.

* * *

Dura è la stella mia, maggior durezza
è quella del mio conte: egli mi fugge,
i' seguo lui; altri per me si strugge,
i' non posso mirar altra bellezza.

Odio chi m'ama, ed amo chi mi sprezza:
verso chi m'è umile il mio cor rugge,
e son umil con chi mia speme adugge;
a così stranio cibo ho l'alma avezza.

Egli ognor dà cagione a novo sdegno,
essi mi cercan dar conforto e pace:
i' lasso questi, ed a quell'un m'attegno.

Così ne la tua scuola, Amor, si face
sempre il contrario di quel ch'egli è degno:
l'umil si sprezza, e l'empio si compiace.

* * *

Io son da l'aspettar omai sí stanca
sí vinta dal dolor e dal disio,
per la sí poca fede e molto oblio
di chi del suo tornar, lassa, mi manca,

che lei, che 'l mondo impallidisce e 'mbianca
con la sua falce e dà l'ultimo fio,
chiamo talor per refrigerio mio,
sí 'l dolor nel mio petto si rinfranca.

Ed ella si fa sorda al mio chiamare,
schernendo i miei pensier fallaci e folli,
come sta sordo anch'egli al suo tornare.

Così col pianto, ond'ho gli occhi miei molli,
fò pietose quest'onde e questo mare;
ed ei si vive lieto ne' suoi colli.

* * *

Звезда моя сурова. Но, признаться,
Мой граф — суровой. От меня всечасно
Бежит он прочь. Когда ж другие тщатся
Меня пленить, мне это не опасно.

Проклятие — в меня влюбленным страстно!
Я пред надменным жажду преклоняться,
Смиренна — с не желающим смиряться.
Люблю того, кто смотрит безучастно.

В негодование он меня приводит!
Другие — мир, довольство мне готовят,
Но лишь за ним душа моя стремится.

И все в любви навыворот выходит:
Бесчестье — чести гордо прекословит,
Смиренный — плачет, злобный — веселится.

* * *

Я так устала, так давно я жду,
Так я изверилась в последней вере,
Так плачу, сокрушаясь о потере,
В таком мучительном живу аду,

Что призываю Смерть и, как в бреду,
Немилосердной отворяю двери.
Молю укрыть в хранительной пещере
И голову под серп ее кладу.

Но Смерть, смилив мой взор неколебимый,
Глуха к мольбам свершить последний взмах —
К призывам возвратиться глух любимый.

Над морем сердце мечется впотьмах,
Охвачено тоской неистребимой,
А милый счастлив на своих холмах.

* * *

O notte, a me più chiara e più beata
che i più beati giorni ed i più chiari,
notte degna da' primi e da' più rari
ingegni esser, non pur da me, lodata;

tu de le gioie mie sola sei stata
fida ministra; tu tutti gli amari
de la mia vita hai fatto dolci e cari,
resomi in braccio lui che m'ha legata.

Sol mi mancò che non divenni allora
la fortunata Alcmena, a cui sté tanto
più de l'usato a ritornar l'aurora.

Pur così bene io non potrò mai tanto
dir di te, notte candida, ch'ancora
da la materia non sia vinto il canto.

* * *

Se poteste, signor, con l'occhio interno
penetrar i segreti del mio core,
come vedete queste ombre di fuore
apertamente con questo occhio esterno

vi vedreste le pene de l'inferno,
un abisso infinito di dolore,
quanta mai gelosia, quanto timore
Amor ha dato o può dar in eterno.

E vedreste voi stesso seder donno
in mezzo a l'alma, cui tanti tormenti
non han potuto mai cavarvi, o ponno;

e tutti altri disir vedreste spenti,
od oppressi da grave ed alto sonno,
e sol quei d'aver voi desti ed ardenti.

* * *

О ночь, светлее и счастливей ты,
Чем день счастливый самый, светлый самый,—
Не вправе разум мой, слепой, упрямый,
Восславить чудо высшей темноты,

Твои тенета для меня чисты,
Ты в сердце этом залечила шрамы,
Ты извлекла его из черной ямы,
Вручив тому, с кем связаны мечты.

Как жаль, что не могу я стать Алкменой,
Державной властью отославшей прочь
Из спальни Зевсовой рассвет надменный.

О лучезарная, святая ночь,
Довольствуюсь мелодией подменной,
Отчаясь словом тему превозмочь.

* * *

Когда бы в сердце вы проникли мне,
Синьор, печалась о моем удсле,
Вы внутренним бы взором разглядели
Тоску черней, чем видится пизне.

Вы убедились бы, что я в огле:
Не на минуты, дни или недели,
На годы страх и ревность овладели
Душой — по Купидоновой вине.

Там вы себя узрели б на престоле
В сияющем дворце, откуда вас
Прогнать не властно исступленье боли.

Вы бы узнали, что давно погас
Других желаний свет, и поневоле
Я меркну ради блеска ваших глаз.

* * *

Deh lasciate, signor, le maggior cure,
d'ir procacciando in questa età fiorita,
con fatiche, e periglio de la vita,
alti pregi, alti onori, alte venture.

E in questi colli, in queste alme e sicure
valli e campagne, dove amor n'invita,
viviamo insieme vita alma e gradita,
fin ch'il Sol de' nostr' occhi al fin s'oscuere.

Perché tante fatiche e tanti stenti
fan la vita più dura; e tanti onori
restan per morte poi subito spenti.

Qui coglieremo a tempo e rose e fiori
ed erbe e frutti; e con dolci concenti
canterem con gli uccelli i nostri amori.

* * *

Mesta e pentita de' miei gravi errori
e del mio vaneggiar tanto e sí lieve,
e d'aver speso questo tempo breve
de la vita fugace in vani amori,

a te, signor, ch'intenerisci i cori,
e rendi calda la gelata neve,
e fai soave ogn'aspro peso e greve
a chiunque accendi di tuoi santi ardori,

ricorro; e prego che mi porghi mano
a trarmi fuor del pelago, onde uscire,
s'io tentassi da me, sarebbe vano.

Tu volesti per noi, signor, morire,
tu ricomprasti tutto il seme umano;
dolce signor, non mi lasciar perire!

* * *

Мой господин, меня пугают вести,
Что, не жалея жизни и труда,
Вы отдаете лучшие года
Высоким помыслам, высокой чести.

Не лучше ли к возлюбленной невесте,
К лугам, где бродят мирные стада,
К покою вам вернуться навсегда —
Здесь до скончания дней мы будем вместе!

Нелепо славу добывать копьем!
Что в битвах, кроме тягот, обрели вы?
Все почести забудутся, — вдвоем

Уйдем туда, где птички переливы
Звенят над розами, и воспоем
Любовь и этот мир, такой счастливый!

* * *

Тоскующая, плача о злосчастных
Грехах моих, о праздности сердечной,
О жизни суетной и быстротечной,
Прошедшей в ослепленьях сладострастных,

К тебе, кто терпит небу непричастных,
Кто снег дыханьем растопляет вечный,
В пух обращает груз бесчеловечный
И в каждом теплит искру сфер прекрасных, —

Взываю: низойди, подай мне руку!
Из бездны выведи, откуда тщетно
Хочу подняться! — Ибо за кого же,

Как не за нас, ты принял крест и муку!
О сладостный, любимый беззаветно, —
Не дай погибнуть мне, великий боже!

Il cor verrebbe teco,
nel tuo partir, signore,
s'egli fosse più meco,
poi che con gli occhi tuoi mi prese Amore.
Dunque verranno teco i sospir miei,
che sol mi son restati
fidi compagni e grati,
e le voci e gli omei;
e, se vedi mancarti la lor scorta,
pensa ch'io sarò morta.

* * *

Я сердцем за тобою —
Любыми бы путями,
Но разлучил со мною
Его Амур твоими же очами.
С тобой вспорхнут мои лишь воздыханья,
Что мне остались верны
И дружбою примерны,
Да скорби восклицанья;
Коль спутники тебе не слышны эти,
Знай: нет меня на свете.

* * *

Colei che sovra ogni altra amo ed onoro
 fiori coglier vid'io su questa riva,
 ma non tanti la man cogliea di loro
 quanti fra l'erbe il bianco pié n'apriva.

Ondeggiavano sparsi i bei crin d'oro
 ond'Amor mille e mille lacci ordiva:
 e l'aura del parlar dolce ristoro
 era del foco che de gli occhi usciva.

Fermò suo corso il rio, pur come vago
 di fare specchio a quelle chiome bionde
 di se medesimo ed a que' dolci lumi;

e pareva dire: — A la tua bella imago,
 se pur non degni solo il re de' fiumi,
 rischiaro, o donna, queste placide onde.—

* * *

Se d'Amor queste son reti e legami,
 oh com'è dolce l'amoroso impaccio!
 Se questo è 'l cibo ov'io son preso al laccio,
 come son dolci l'esche e dolci gli ami!

Quanta dolcezza a gl'inveschiati rami
 il vischio aggiunge ed a l'ardore il ghiaccio!
 Quanto è dolce il soffrir s'io penso e taccio,
 e dolce il lamentar ch'altri non ami!

Quanto soavi ancor le piaghe interne,
 e lacrime stillar per gli occhi rei,
 e d'un colpo mortal querele eterne!

Se questa è vita, io mille al cor torrei
 ferite e mille, e tante gioie averne:
 se morte, sacro a morte i giorni miei.

* * *

Та, что превыше всех любима мною,
Цветы собирала в поле близ реки,
Но больше их рождалось под стопою,
Чем руки рвали, белы и легки.

Власы струились светлою волною,
Сплетал Амур из локонов силки,
И огонь очей, что жжет, подобно зною,
Смягчали речи, словно ветерки.

И гладью зеркала река застыла,
Чтоб отразить, остановив свой бег,
Златые кудри, ясных глаз светила.

И молвила: «Я — не царица рек,
Но, дабы удержать твой образ милый,
Утишу воды, что ласкают берег».

* * *

Коль нас Амур манит в такие сети,
Сколь сладостно любовное плененье!
Коль я попался на крючок в смятенье,
Сколь сладостны они, приманки эти!

Как древу сладостны омелы плети,
А лед — устам, пылающим в томленьи!
Печали, думы, пени, обвиненья,
Бы сладостней всех радостей на свете!

Как скрыта горькая отрада
В душевных ранах, в смертных муках вечных,
В слезах, что я, преступный, источаю!

Коль это — жизнь, я все утечи ада
Готов принять, всю боль скорбей сердечных;
Коль смерть, то дни я смерти посвящаю!

* * *

Bella è la donna mia se del bel crine
l'oro al vento ondeggiar avien ch'io miri,
bella se volger gli occhi in vaghi giri
o le rose fiorir tra neve e brine;

e bella dove poggi, ove s'inchine,
dov'orgoglio l'inaspra a' miei desiri:
belli sono i suoi sdegni e quei martiri
che mi fan degno d'onorato fine.

Ma quella, ch'apre un dolce labro e serra,
porta de' bei rubin sí dolcemente,
è beltà sovra ogn'altra altera ed alma:

porta gentil de la prigion de l'alma
onde i messi d'Amor escon sovente,
e portan dolce pace e dolce guerra.

* * *

Amor, colei che verginella amai
doman credo veder novella sposa,
simil, se non m'inganno, a còlta rosa
che spieghi il seno aperto a' caldi rai.

Ma chi la colse non vedrò giammai
ch'al cor non geli l'anima gelosa;
e s'alcun foco di pietade ascosa
il ghiaccio può temprar, tu solo il sai.

Misero! ed io là corro ove rimiri
fra le brine del volto e 'l bianco petto
scherzar la mano avversa a' miei desiri!

Or come esser potrà ch'io viva e spiri,
se non m'accenna alcun pietoso affetto
che non fian sempre vani i miei sospiri?

* * *

Прекрасна госпожа, коль ей взметет
Златые кудри ветра дуновенье,
Прекрасна, коль подернет взор сомненье
Иль алость роз средь снега расцветет;

Прекрасна, коль стоит и коль идет;
Коль мне являет гордость и презренье;
Прекрасна, коль дарует мне мученья,
Чтоб я кончиною снискал почет.

Но высшая краса ее таится
В рубинах уст, вратах души-темницы,
Где бог любви живет в благом плену:

Сквозь те врата, что рдеют, взор прельщая,
Летят его посланцы, возвещая
И сладкий мир, и сладкую войну.

* * *

Мою возлюбленную прежних дней,
Амур, другому отдаешь ты в жены,
Так втаптывают розу в обожженный
Песок, чтоб сделать ей еще больней.

С ревнивой грудой ледяных камней
Ее жених столкнется пристыженный.
Растопит ли он иней обнаженный?
Живет ли искра состраданья в ней?

Один ты ведаешь, а я повсюду
Рисую белизну ее груди
Под чуждою рукой, холодной к чуду.

Но где для жизни силы я добуду,
Когда нет даже знака впереди,
Что горько так вздыхать не век я буду?

* * *

Vissi: e la prima etate Amore e Speme
mi facean via più bella e più fiorita;
or la speranza manca, anzi la vita
che di lei si nudria s'estingue insieme.

Né quel desio che si nasconde e teme
può dar conforto a la virtù smarrita;
e toccherei di morte a me gradita,
se non posso d'amor, le mete estreme.

O Morte, o posa in ogni stato umano,
secca pianta son io che fronda a' venti
più non dispiega e pur m'irrigo in vano.

Deh, vien, Morte soave, a' miei lamenti,
vieni, o pietosa, e con pietosa mano
copri questi occhi e queste membra argenti.

* * *

Qual rugiada o qual pianto,
quai lagrime eran quelle
che sparger vidi dal notturno manto
e dal candido volto de le stelle?
E perché seminò la bianca luna
di cristalline stille un puro nembo
a l'erba fresca in grembo?
Perché ne l'aria bruna
s'udian, quasi dolendo, intorno intorno
gir l'aure insino al giorno?
Fur segni forse de la tua partita,
vita de la mia vita?

* * *

Amarilli, s'io te miro,
miro il sol de gli occhi miei:
tanto bella e vaga sei
ch'io per altra non sospiro.

* * *

В Любви, в Надежде мнился мне залог
Все более счастливого удела;
Весна прошла, надежда оскудела —
И невозможен новых сил приток.

И тайный пламень сердца не помог,
Все кончено, и не поправить дела:
В отчаянье, не знающем предела,
Мечтаю смерти преступить порог.

О Смерть, что приобщаешь нас покою,
Я дерево с опавшею листвою,
Которое не оросить слезою.

Приди же на призыв плачевный мой,
Приди — и сострадательной рукою
Глаза мои усталые закрой.

* * *

Упала ли роса,
А может, отряхнули
Слезу с ресницы звездной небеса,
Когда плащом ночным взмахнули?
Зачем ронять мерцающей луне
Кристаллы звезд из дымчатой оправы
На ледяные травы?
Зачем о новом дне
Почти скорбящий ветер плачет, плачет?
Ужели это значит,
Что в этой горькой жизни, жизнь моя,
С тобой расстанусь я?

* * *

На тебя ли я смотрю,
На мое смотрю светило:
Всех красавиц ты затмила,
Лишь тебя боготворю.

Se tu ridi, il dolce riso
m'apre il ciel di primavera:
o se cruda o lusinghiera,
sempre ho innanzi il tuo bel viso.

Se tu parli ed io ti sento,
sento un'aura in mezzo aprile,
sí soave, sí gentile,
che fa dolce il mio tormento.

* * *

Tacciono i boschi e i fiumi,
e 'l mar senza onda giace,
ne le spelonche i venti han tregua e pace,
e ne la notte bruna
alto silenzio fa la bianca luna:
e noi tegnamo ascose
le dolcezze amorose:
Amor non parli o spiri,
sien muti i baci e muti i miei sospiri.

* * *

Ne gli acerbi anni tuoi purpurea rosa
sembravi tu ch'a i rai tepidi, a l'ôra
non apre 'l sen, ma nel suo verde ancora
verginella s'asconde e vergognosa:

o più tosto parei, ché mortal cosa
non s'assomiglia a te, celeste aurora
ch'imperla le campagne e i monti indora
lucida in bel sereno e rugiadosa.

Or la men verde età nulla a te toglie;
né te, benché negletta, in manto adorno
giovinetta beltà vince o pareggia.

Cosí è più vago il fior poi che le foglie
spiega dorate, e 'l sol nel mezzo giorno
via più che nel mattin luce e fiammeggia.

Засмеешься — звонкий смех
Словно в небе луч весенний.
Для меня ты совершенней,
Для меня ты краше всех.

Молвишь слово — счастлив я,
Словно птиц апрельских трели
В зимних кронах зазвенели,
Амариллис, боль моя.

* * *

Безмолвствуют леса,
И безмятежно море,
И не гуляют ветры на просторе.
Высокий свет луны
Горит во мгле, как символ тишины,
И негам не случайно
Мы предаемся тайно:
Да будут в час любви
Беззвучными лобзания мои.

* * *

Во времена весны твоей могла
Ты с розою пунцовой сравниться,
Что грудь подставить ветерку стыдится
И робкой ласке первого тепла.

Но роза бренна — значит, ты была
Прекрасна, как небесная денница,
В лучах которой поле серебрится,
Алеют горы и редет мгла.

Года тебе не нанесли урона,
И над тобой, одетою скромнее,
Не торжествует юная краса.

Цветок милей недавнего бутона,
И солнце в полдень жарче и светлее,
Чем поутру, всходя на небеса.

* * *

Vecchio ed alato dio, nato col sole
ad un parto medesimo e con le stelle,
che distruggi le cose e rinovelle
mentre per torte vie vòle e rivòle,

il mio cor, che languendo egro si duole
e de le cure sue spinose e felle
dopo mille argomenti una non svelle,
non ha, se non sei tu, chi più 'l console.

Tu ne sterpa i pensieri e di giocondo
oblio spargi le piaghe, e tu disgombr
la frode onde son pieni i regi chiostr
i:

e tu la verità traggi dal fondo
dov'è sommersa, e senza velo od ombra,
ignuda e bella a gli occhi altrui si mostri.

* * *

Amor col raggio di beltà s'accende
che si sparge in colori e 'n voce spiega,
e s'or promette bella donna or nega,
vigor da speme e da timor ei prende.

Siede nel cor quasi in sua reggia e splende
ne gli occhi, e là ci spinge ove ci piega
natura: e s'uomo a lui fa voti e 'l prega
come suo dio, soverchio onor gli rende.

Tu, se pur cerchi al viver tuo sostegno,
prendilo da Ragion, che contra Amore,
quasi contra nemico, armata or viene.

Ella corregga ogni tuo vano errore,
e s'armi seco un suo guerriero Sdegno
che 'l penoso tuo cor tragga di pene.

* * *

Ровесник солнца, древний бог летучий,
Лежит на всем вокруг твоя печать,
Тебе дано губить и воскрешать,
Верша над миром свой полет могучий.

Со злополучьем и с обидой жгучей
Мое не в силах сердце совладать:
Лишь на тебя осталось уповать —
Не уповать же без конца на случай.

Приди избавить сердце от тоски,
Забвеньем горькой помощи обиде,
Сановников изобличи во лжи

И на поверхность правду извлеки
Из глубины и в неприкрытом виде,
Во всей красе, другому покажи.

* * *

Любовь — огонь, лучом красоты зажженный,
Чью власть наш слух и взор приемлют жадно;
Ей пищей — страх, коль донна взглянет хладно,
Надежда — коль посмотрит благосклонно.

И, сердце избирая залой тронной,
Светясь в глазах, шлет нас она нещадно
К Природе в плен; беда, коль безоглядно,
Как божеству, ей молится влюбленный.

Коль ищешь ты опоры в жизни этой,
Да станет ею Разум, враг заклятый
Любви, что всеу множит заблужденья;

Благие да подаст тебе советы,
Одев измученное сердце в латы
Ничем не одолимого презренья.

* * *

Io che porto d'amor l'alto vessillo,
gelate ho spene e gli desir cuocenti:
a un tempo triemo, agghiaccio, ardo e sfavillo,
son muto, e colmo il ciel de strida ardenti:

dal cor scintillo, e dagli occhi acqua stillo;
e vivo e muoio, e fo riso e lamenti:
son vive l'acqui, e l'incendio non more,
ché a gli occhi ho Teti, ed ho Vulcan al core.

Altr'amo, odio me stesso;
ma s'io m'impiumo, altri si cangia in sasso;
poggi'altr'al cielo s'io mi ripongo al basso;

sempre altri fugge, s'io seguir non cesso;
s'io chiamo, non risponde;
e quant'io cerco più, più mi s'asconde.

* * *

Amor, per cui tant'alto il ver discerno,
ch'apre le porte di diamante e nere,
per gli occhi entra il mio nume; e per vedere
nasce, vive, si nutre, ha regno eterno.

Fa scorger quanto ha il ciel, terra ed inferno,
fa presenti d'assenti effigie vere,
repiglia forze, e, trando dritto, fere,
e impiaga sempre il cuor, scopre ogni interno.

Adunque, volgo vile, al vero attendi;
porgi l'orecchio al mio dir non fallace;
aï, apri, se puoi, gli occhi, insano e bieco.

Fanciullo il credi, perché poco intendi;
perché ratto ti cangi, ei par fugace;
per esser orbo tu, lo chiami cieco.

* * *

Любви своей неся высокий стяг,
Я то в ознобе, то горю от страсти,
Воплю, безгласен, от такой напасти,
Дрожу в огне, смеюсь от передраг.

Я слезы лью, но пламень не иссяк.
Я жив, я мертв, я у страстей во власти.
Над морем слез пожары скалят пасти,
Вулкан и Тетис — кто мне худший враг?

Но я в самом себе люблю другого:
Кремня он крепче, я — летучий пух.
Он рвется ввысь, а мой порыв потух.

Зову его — в ответ хотя бы слово.
Бегу за ним — его же нет как нет.
Чем я упорней, тем слабее след.

* * *

Даруя высшей истины прозренью
И отверзая темь алмазных врат,
Любовь прокралась в душу через взгляд —
Пришла, царит, и тяжело с ней боренье.

В ней прошлое находит повторенье,
В ее раю неистовствует ад.
Она сражает сердце наугад,
И жжет ее бессрочное горенье.

Но все ж, толпа, как истинного блага
Взыскуй ее и голос мой услышь:
Прозрей и зри, пред нею глаз не пряча, —

Любовь не побирушка-бедолага,
И не она, а ты ее бежишь,
Бесчувственна, упряма и незряча!

* * *

Unico augel del sol, vaga Fenice,
ch'appareggi col mondo gli anni tui,
quai colmi ne l'Arabia felice,
tu sei chi fuste, io son quel che non fui.

Io per caldo d'amor muoio infelice;
ma te ravviv' il sol co' raggi sui.
Tu bruggi 'n un, ed io in ogni loco;
io da Cupido, hai tu da Febo il foco.

Hai termini prefissi
di lunga vita, e io ho breve fine,
che pronto s'offre per mille ruine;

né so quel che vivrò, né quel che vissi:
me cieco fato adduce,
tu certo torni a riveder tua luce.

* * *

Annosa quercia, che gli rami spandi
a l'aria, e ferma le radici 'n terra;
né terra smossa, né gli spirti grandi
che da l'aspro Aquilon il ciel disserra,

né quanto fia ch'il vern'orrido mandi,
dal luogo ove stai salda, mai ti sferra;
mostri della mia fé ritratto vero,
qual smossa mai strani accidenti fero.

Tu medesimo terreno
mai sempre abbracci, fai colto e comprendi,
e di lui per le viscere distendi

radici grate al generoso seno:
i' ad un solo oggetto
ho fisso il spirto, il senso e l'intelletto.

* * *

О птица Феникс, преданная Фебу,
С начала мира числишь ты года,
Ты к аравийскому стремишься небу,
Старею я — ты вечно молода,

Сгораю я Амуру на потребу,
Ты в пекле оживаешь без труда,
Измучен я — ты счастлива без меры,
От солнца твой огонь, мой — от Венеры.

Бессрочна жизнь твоя,
А у меня несчетные невзгоды
Приходятся на считанные годы.

Бог весть, как жил, как проживу их я! —
Служу слепому року,
А ты глаза опять откроешь к сроку.

* * *

О старый дуб, ты распростер в лазури
Свою листву, а корни в землю врыл;
Ни сдвиг земных пластов, ни ярость бури,
Что Аквилон в долину устремил,

Ни лютое дыханье зимней хмури
Тебя не свалят: ты — все тот, что был.
Ты образ истинный моих воззрений,
Не дрогнувших средь стольких потрясений.

Все ту же пядь земли своей
Ты крепко держишь, вечно обнимаешь
И в благостное лоно погружаешь

Признательную сеть своих корней.
Так я, влеком одной мечтою,
Тянусь к ней чувством, мыслью и душою.

RISO DI BELLA DONNA

Belle rose porporine,
che tra spine
sull'aurora non aprite;
ma, ministre degli amori,
bei tesori
di bei denti custodite:

dite, rose preziose,
amoroze;
dite, ond'è, che s'io m'affiso
nel bel guardo vivo ardente,
voi repente
disciogliete un bel sorriso?

È ciò forse per aita
di mia vita,
che non regge alle vostr'ire?
O pur è perché voi siete
tutte liete,
me mirando in sul morire?

Belle rose, o feritate,
o pietate
del sí far la cagion sia,
io vo' dire in nuovi modi
vostre lodi,
ma ridete tuttavia.

Sel bel rio, se bell'auretta
tra l'erbetta
sul mattin mormorando erra;
se di fiori un praticello
si fa bello;
noi diciam: ride la terra.

Quando avvien che un zefiretto
per diletto
bagni il pié nell'onde chiare,

ГАБРИЭЛЛО КЪЯБРЕРА

СМЕХ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Розы алы, словно пламя,
Над шипами,—
Но Амур взрастил другие,
Дав блюсти чете румяной
Под охраной
Зубы—перлы дорогие.

Вы, что краше всех на свете,
Мне ответьте:
Почему, едва потонет
Взор влюбленного в пучине
Взора синей,
Вас улыбка тотчас тронет?

С тем ли, чтоб меня опала
Не терзала,
Брэнной жизни не губила,
Иль затем, что вам по нраву
И в забаву,
Коль близка моя могила?

Тут жестокость ли причиной,
Иль кручиной
Одолея нрав надменный,
Вас я славлю непрестанно,
Неустанно,—
Вы ж смеетесь неизменно.

Если по траве росистой
Струйкой чистой
Ручеек, сверкая, вьется,
Если тихий ветер реет,
Луг пестреет,—
Говорят: земля смеется.

Если в полдень зыбь искрится,
Серебрится
В пенном кружевном уборе,

sicché l'acqua in sull'arcna
scherzi appena;
noi diciam che ride il mare.

Se giammai tra fior vermigli,
se tra gigli
veste l'alba un aureo velo;
e su rote di zaffiro
move in giro;
noi diciam che ride il cielo.

Ben è ver, quando è giocondo
ride il mondo,
ride il ciel quando è gioioso:
ben è ver; ma non san poi
come voi
fare un riso grazioso.

По волнам Зефир играет
И ныряет,—
Говорят: смеется море.

Коль Заря встает под алым
Покрывалом
Предвозвестницею Феба
И, влекомая Зефиром,
Мчит над миром,—
Говорят: смеется небо.

Пусть смеется в миг блаженный
Всей вселенной
Голубой простор бездонный,
Пусть смеются неба своды,
Земли, воды,—
Все затмит улыбка донны.

LA SECCHIA RAPITA*(Frammento)*

La fama in tanto al ciel battendo l'ali
con gli avisi d'Italia arrivò in corte,
ed al re Giove fe' sapere i mali
che d'una secchia era per trar la sorte.
Giove che molto amico era ai mortali
e d'ogni danno lor si dolea forte,
fe' sonar le campane del suo impero
e a consiglio chiamar gli dei d'Omero.

Da le stalle del ciel subito fuori
i cocchi uscîr sovra rotanti stelle,
e i muli da lettiga e i corridori
con ricche briglie e ricamate selle:
più di cento livree di servidori
si videro apparir pompose e belle,
che con leggiadra mostra e con decoro
seguivano i padroni a concistoro.

Ma innanzi a tutti il prencipe di Delo
sopra d'una carrozza da campagna
venía correndo e calpestando il cielo
con sei ginetti a scorza di castagna:
rosso il manto, e 'l cappel di terziopelo
e al collo avea il toson del re di Spagna:
e ventiquattro vaghe donzellette
correndo gli tenean dietro in scarpette.

Pallade sdegnosetta e fiera in volto
venía su una chinea di Bisignano,
succinta a mezza gamba, in un raccolto
abito mezzo greco e mezzo ispano:
parte il crine annodato e parte sciolto
portava, e ne la treccia a destra mano
un mazzo d'aïroni a la bizzarra,
e legata a l'arcion la scimitarra.

ПОХИЩЕННОЕ ВЕДРО

(Отрывок)

Тем временем крылатая молва
доносит весть об итальянской смуте
до олимпийцев, и, узнав едва,
как близки люди к роковой минуте,
как грубо попираются права,—
из-за чего? из-за ведра, по сути!—
Юпитер, чья душа о нас болит,
велел созвать божественный синклит.

И вскоре из заоблачных конюшен,
вращая звездами взамен колес,
кнутам ливрейных кучеров послушен,
державный поезд двинулся, понес,
в богатой сбруе, праздничен, воздушен,
придворных он на ассамблею вез:
куда ни глянь, сановник родовитый,
и каждый со своей отдельной свитой.

Делийский князь, конечно, впереди —
на козлах деревенского рыдвана,
кнутом так хлещет, что не подходи!
Берет из бархата напялен чванно,
и орден златорунный на груди,
в Испании добытый самозванно.
Ну чем еще мы гонор объясним?
Не двадцать ли четыре нимфы с ним?

Вот белая промчалась кобылица
с Палладой, то ли элинкай на вид,
то ли испанкой,— дева вечно злится,
там локон скручен, тут почти развит,
с проезжими грозна, надменнолица,
ударить связкой перьев норовит,
хитон на бедрах куцый, полудетский,
а у подпруги ятаган турецкий.

Con due cocchi venía la dea d'Amore:
nel primo er'ella e le tre Grazie e 'l figlio,
tutto porpora ed or dentro e di fuore,
e i paggi di color bianco e vermiglio;
nel secondo sedean con grand'onore
cortigiani da cappa e da consiglio,
il braccier de la dea, l'aio del putto,
ed il cuoco maggior mastro Presciutto.

Saturno, ch'era vecchio e accatarrato
e s'avea messo dianzi un serviziale,
venía in una lettiga riserrato
che sotto la seggetta avea il pitale.
Marte sopra un cavallo era montato
che faceva salti fuor del naturale;
le calze a tagli, e 'l corsaletto indosso,
e nel cappello avea un pennacchio rosso.

Ma la dea de le biade e 'l dio del vino
venner congiunti e ragionando insieme:
Nettun, si fe' portar da quel delfino,
che fra l'onde del ciel notar non teme;
nudo, algoso e fangoso era il meschino,
di che la madre ne sospira e geme,
ed accusa il fratel di poco amore,
che lo tratti cosí da pescatore.

Non comparve la vergine Diana,
che levata per tempo era ita al bosco
a lavare il bucato a una fontana
ne le maremme del paese toscó;
e non tornò, che già la tramontana
girava il carro suo per l'aer fosco;
venne sua madre a far la scusa in fretta,
lavorando su i ferri una calzetta.

Non intervenne men Giunon Lucina,
che il capo allora si volea lavare:

За ней Киприды главный экипаж
летел, обитый бархатом и золотом,—
богиня на коврах, богинин паж,
три грации с наследником крылатым,
а следом колымага двух папаш
ученейших, да, помнится, была там
орава горничных, и на задке
шеф-повар тряся в белом колпаке.

Сенильного подагрика Сатурна
карега скорой помощи везла,
ночным горшком ему служила урна:
он с клизмой, раздетый догола,
сидел на корточках, а рядом бурно,
чуть не вываливаясь из седла,
гремел оружием Марс, в доспехах страшен,—
в полоску плащ, плюмажем шлем украшен.

Богиня злаков с Бахусом вдвоем,
болтая, ехала по звездной сини,
Нептун нырнул в небесный водоем
верхом на безбоязненном дельфине,—
травой морской прикрылся, как тряпьем,
жилец подводный,— сколько раз о сыне
вдыхала мать Кибела, говоря,
что на Олимпе он за рыбака.

Никто не видел там Дианы юной:
свернув белья нестиранного ком,
спустилась прачка по дорожке лунной
в лесок тосканский, где на мху морском
уселась над болотистой лагуной.
Латона с недовязанным носком
к богам вбежала на заре вечерней
просить прощенья за каприз дочерний.

Идти в собранье с мокрой головой
Юнона не решилась после бани;

Menippo, sovrastante a la cucina
di Giove, andò le Parche ad iscusare,
che facevano il pan quella mattina,
indi avean molta stoppa da filare;
Sileno cantinier restò di fuori,
per inacquare il vin de' servidori.

De la reggia del ciel s'apron le porte,
stridon le spranghe e i chiavistelli d'oro;
passan gli dei da la superba corte
ne la sala real del concistoro:
quivi sottratte ai fulmini di morte
splendon le ricche mura e i fregi loro;
vi perde il vanto suo qual più lucente
e più pregiata gemma ha l'Oriente.

Posti a seder ne' bei stellati palchi
i sommi eroi de' fortunati regni,
ecco i tamburi a un tempo e gli oricalchi
de l'apparir del re diedero segni.
Cento fra paggi e camerieri e scalchi
veniéno, e poscia i pròceri più degni;
e dopo questi Alcide con la mazza,
capitan de la guardia de la piazza:

e come quel ch'ancor de la pazzia
non era ben guarito intieramente,
per allargare innanzi al re la via,
menava quella mazza fra la gente;
ch'un imbriaco svizzero paría,
di quei che con villan modo insolente
sogliono innanzi 'l papa il dí di festa
romper a chi le braccia, a chi la testa.

Col cappello di Giove e con gli occhiali
seguiva indi Mercurio, e in man tenea
una borsaccia, dove de' mortali
le suppliche e l'inchieste ei raccogliea;
dispensavale poscia a due pitali
che ne' suoi gabinetti il padre avea,
dove con molta attenzion e cura
teneva due volte il giorno segnatura.

Менипп, смотритель царской кладовой,
сказал, что сестры-пряжи в шарабане
собрались ехать с паклей роковой,—
он хлеб их печь послал без колебаний.
Буфетчика Силена заодно
для слуг заставил разбавлять вино.

В раскрытые ворота вкатили гости,
и царедворец тотчас их повел
в небодержавный зал, где на помосте
владыки мира высился престол.
Не из эбена и слоновой кости —
из диамантов стены здесь и пол,
игрушкой кажется им гром жестокий —
такие редкость даже на Востоке!

Стеклись герои на монарший зов,
уселись, подложив былые лавры,
взгremели, наподобие тазов,
начало возвестившие литавры,—
ряды вельмож, властителей, тузов,
затем оруженосцы, слуги, мавры.
Сквозь гущу челяди едва пролез
сам капитан гвардейцев Геркулес.

Видать, недолечили эскулапы
безумного — он вновь был как слепой!
Схватил огромную дубину в лапы,
решив не церемониться с толпой —
сродни швейцарцам из охраны папы
в дни праздников, когда у них запой:
святой кортеж по площади влачится —
то череп на две части, то ключица.

В крылатой шляпе, в роговых очках
прошел Меркурий, горд и независим,
кошель раздутый он держал в руках
для человеческих ходатайств и писем:
бумаги складывались в облаках,
и в нужнике, открытом звездным высям,
их в специальный опускал сосуд
Юпитер, дважды в день свершая суд.

Venne alfin Giove in abito reale
con quelle stelle ch'han trovate in testa,
e su le spalle un manto imperiale
che soleva portar quand'era festa;
lo scettro in forma avea di pastorale
e sotto il manto una pomposa vesta
donatagli dal popol sericano,
e Ganimede avea la coda in mano.

A l'apparir del re surse repente
da i seggi eterni l'immortal senato;
e chinò il capo umile e riverente,
fin che nel trono eccelso ei fu locato.
Gli sedea la Fortuna in eminente
loco a sinistra, ed a la destra il Fato;
la Morte e 'l Tempo gli facean predella,
e mostravan d'aver la cacarella.

И вот под рокот толп громкоголосых
Владыка входит, пышно разодет,
вокруг его висков седоволосых
кольцо недавно найденных планет,
в руке епископский священный посох,
чуть поодаль румяный Ганимед
несет с невиданным почтеньем в позе
край мантии, расшитой на Формозе.

Едва ступил Юпитер в тронный зал,
вскочили боги, опасаясь гнева,
глаза поднять от пола не дерзал
ни Марс драчливый, ни Паллада-дева,
он Року место справа указал,
а преданной Фортуне — место слева,
кряхтела Смерть под царскую ногой,
тряслось от страха Время — под другой.

MODO DI FILOSOFARE

Il mondo è il libro dove il Senno eterno
scrisse i propri concetti, e vivo tempio
dove, pingendo i gesti e 'l proprio esempio,
di statue vive ornò l'imo e 'l superno;

perch'ogni spirto que l'arte e 'l governo
leggere e contemplar? per non farsi empio,
debba, e dir possa: — Io l'universo adempio,
Dio contemplando a tutte cose interno.—

Ma noi, strette alme a' libri e tempii morti,
copiati dal vivo con più errori,
gli anteponghiamo a magistero tale.

O pene, del fallir fatene accorti,
liti, ignoranze, fatiche e dolori:
deh torniamo, per Dio, all'originale!

DELLE RADICI DE' GRAN MALI DEL MONDO

Io nacqui a debellar tre mali estremi:
tirannide, sofismi, ipocrisia;
ond'or m'accorgo con quanta armonia
Possanza, Senno, Amor m'insegnò Temi.

Questi principii son veri e sopremi
della scoperta gran filosofia,
rimedio contra la trina bugia,
sotto cui tu piangendo, o mondo, fremi.

Carestie, guerre, pesti, invidia, inganno,
ingiustizia, lussuria, accidia, sdegno,
tutti a que' tre gran mali sottostanno,

che nel cieco amor proprio, figlio degno
d'ignoranza, radice e fomento hanno.
Dunque a diveller l'ignoranza io vegno.

ОПЫТ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Наш мир подобен книге, где любой
Прочтет страницы Мудрости нетленной,
Подобен храму, где не мрамор пленный,
А статуи живые пред тобой.

Душа должна, дабы не стать рабой,
Картиной наслаждаться вожделенной
И знать, что оттого мы часть вселенной,
Что Бог не только в бездне голубой.

Зачем же к мертвым храмам, мертвым книгам
Мы дали приковать себя веригам,
Подделкам следуя, а не Творцу?

Невежество, страданья, распри, муки
Наставят ли нас в жизненной науке,
Вернут ли к истинному образцу!

О КОРНЯХ ВЕЛИКИХ ЗОЛ ВСЕЛЕННОЙ

Родился я, чтоб поразить порок —
Софизмы, лицемерие, тиранство,
Я оценил Фемиды постоянство,
Мощь, Разум и Любовь — ее урок.

В открытиях философских высший прок,
Где истина преподана без чванства, —
Бальзам от лжи тройной, от окаянства,
Под коим мир стонящий изнемог.

Мор, голод, войны, козни супостата,
Блуд, кривосудье, роскошь, произвол —
Ничто пред тою тройкою разврата.

А себялюбье — корень главных зол —
Невежеством питается богато.
Невежество сразить я в мир пришел.

CONTRO CUPIDO

Son tremila anni omai che 'l mondo cole
un cieco Amore, c'ha la faretra e l'ale;
ch'or di più è fatto sordo, e l'altrui male,
privo di caritate, udir non vuole.

D'argento è ingordo, e a brun vestirsi suole,
non più nudo fanciul schietto e leale,
ma vecchio astuto; e non usa aureo strale,
poiché fur ritrovate le pistole,

ma carbon, solfo, vampa, tuono e piombo,
che di piaghe infernali i corpi ammorba,
e sorde e losche fa l'avide menti.

Pur dalla squilla mia sento un rimbombo:
— Cedi, bestia impiagata, sorda ed orba,
al saggio Amor dell'anime innocenti.

DELLA PLEBE

Il popolo è una bestia varia e grossa,
ch'ignora le sue forze; e però stassi
a pesi e botte di legni e di sassi,
guidato da un fanciul che non ha possa,

ch'egli potria disfar con una scossa:
ma lo teme e lo serve a tutti spassi.
Né sa quanto è temuto, ché i bombassi
fanno un incanto, che i sensi gli ingrossa.

Cosa stupenda! e' s'appicca e imprigiona
con le man proprie, e si dà morte e guerra
per un carlin di quanti egli al re dona.

Tutto è suo quanto sta fra cielo e terra,
ma nol conosce; e, se qualche persona
di ciò l'avvisa, e' l'uccide ed atterra.

ПРОТИВ КУПИДОНА

Он три тысячелетья нами чтим:
Теперь не только слеп божок крылатый —
Он глух и милосердья постулаты
Запомнил, — вот мы и кряхтим.

Болезней стариковских побратим,
Он наготу упрятал под заплаты,
Забросил лук и с требованьем платы
Из пистолета бьет, невозмутим.

Свинца, селитры, серы не жалея,
Наносит раны он все тяжелее, —
От гари, грохота гудят мозги.

Тем возмущенней колокол небесный:
«Бросай оружие, старец мракобесный,
И от любви невинных душ беги!»

О ПРОСТОМ НАРОДЕ

Огромный пестрый зверь — простой народ.
Своих не зная сил, беспрекословно
Знай тянет гири, тащит камни, бревна —
Его же мальчик слабенький ведет.

Один удар — и мальчик упадет,
Но робок зверь, он служит полюбовно, —
А сам как страшен тем, кто суесловно
Его морочит, мысли в нем гнетет!

Как не дивиться! Сам себя он мучит
Войной, тюрьмой, за грош себя казнит,
А этот грош король же и получит.

Под небом все ему принадлежит —
Ему же невдомек. А коль научит
Его иной, так им же и убит.

AL CARCERE

Come va al centro ogni cosa pesante
dalla circonferenza, e come ancora
in bocca al mostro che poi la devora,
donnola incorre timente e scherzante;

cosí di gran scienza ognuno amante,
che audace passa dalla morta gora.
al mar del vero, di cui s'innamora,
nel nostro ospizio alfin ferma le piante.

Ch'altri l'appelli antro di Polifemo,
palazzo altri d'Atlante, e chi di Creta
il laberinto, e chi l'inferno estremo,

(che qui non val favor, saper, né pietà),
io ti so dir; del resto, tutto tremo,
ch'è rocca sacra a tirannia segreta.

МОЕЙ ТЕМНИЦЕ

251

Предмет тяжеловесный к центру круга
Стремится, по окружности скользя,
Куницу манит зверь, сожрать грозя,
Но любопытство в ней сильней испуга.

Так книги верного уводят друга
От мертвых топей к морю, и нельзя
Ему без чистых истин, чья стезя
Влечет сильней любовного недуга

В обитель, что для нас всегда была
Чертогом Атласа, Дедалом Крита,
Пещерой Полифема — верхом Зла,

Где знание милосердное забыто.
Добавлю с дрожью: капище, скала,
В чьих недрах тайное тиранство скрыто.

***PER LA SUA DONNA,
CHE AVEA SPIEGATE LE SUE CHIOME AL SOLE***

A l'aura il crin ch'a l'auro il pregio ha tolto,
sorgendo il mio bel sol del suo oriente,
per doppiar forse luce al dí nascente,
da' suoi biondi volumi avea disciolto.

Parte, scherzando in ricco nembo e folto,
piovea sovra i begli omeri cadente,
parte con globi d'or sen già serpente
tra' fiori, or del bel seno or del bel volto.

Amor vid'io, che fra' lucenti rami
de l'aurea selva sua, pur come sòle,
tendea mille al mio cor lacciuoli ed ami;

e, nel sol de le luci uniche e sole,
intento, e preso dagli aurati stami,
volgersi quasi un girasole il sole!

AL SONNO

O del Silenzio figlio e de la Notte,
padre di vaghe immaginate forme,
Sonno gentil, per le cui tacit'orme
son l'alme al ciel d'Amor spesso condotte,

or che 'n grembo a le lievi ombre interrotte
ogni cor, fuor che 'l mio, riposa e dorme,
l'Erebo oscuro, al mio pensier conforme,
lascia, ti prego, e le cimmerie grotte.

E vien col dolce tuo tranquillo oblio
e col bel volto, in ch'io mirar m'appago,
a consolare il vedovo desio.

Ché, se 'n te la sembianza, onde son vago,
non m'è dato goder, godrò pur io
de la morte, che bramo, almen l'imago.

***К СВОЕЙ ДАМЕ,
РАСПУСТИВШЕЙ ВОЛОСЫ НА СОЛНЦЕ***

И золото кудрями посрамит,
Взойдя, моя прекрасная денница:
Власы распустит — словно поделиться
Сияньем пышным с юным днем спешит.

Атлас, пушистым золотом омыт,
Живой волною по плечам струится,
И мягко золотая прядь змеится
В цветах прелестных персей и ланит.

Амура в этой золотой дуброве
Я видел: он среди густых ветвей
Держал крючки и сети наготове;

И, пойманное солнцами очей,
Я видел солнце в сказочном улове,
Подсолнухом тянувшееся к ней.

К СЛУ

Безмолвия и Полночи дитя,
Отец воздушных, трепетных видений,
Любезный сон, влюбленных добрый гений,
Что счастливы, тебе вослед летя,

Ты добр ко всем, любому сердцу льстя,
Лишь моему не спать на лоне тénей.
Оставь пещерный мрак твоих владений,
Откликнись, перемену возвестя.

Забвеньем тихим подарив, и миром,
И образом цветущей красоты,
Утешь меня в моем желанье сиром.

Я должен видеть милые черты...
Но пусть ты не придешь с моим кумиром, —
Приди обличьем смерти. Где же ты?

INVITA LA SUA NINFA ALL'OMBRA

Or che l'aria e la terra arde e fiammeggia,
né s'ode euro che soffi, aura che spiri,
ed emulo del ciel, dovunque io miri,
saettato dal sole, il mar lampeggia;

qui dove alta in sul lido elce verdeggia,
le braccia aprendo in spaziosi giri,
e del suo crin ne' liquidi zaffiri
gli smeraldi vaghissimi vagheggia;

qui, qui, Lilla, ricovra, ove l'arena
fresca in ogni stagion copre e circonda
folta di verdi rami ombrosa scena.

Godrai qui meco in un l'acque e la sponda;
vedrai scherzar su per la riva amena
il pesce con l'augel, l'ombra con l'onda.

**DESCRIVE I CANTI DI VARI UCCELLETTI,
FRA L'ALTRE DELIZIE D'UNA VILLA
CHE HA PRESSO FIORENZA
IL SIGNOR JACOPO CORSI**

I' sento il rossignuol, che sovra un faggio
il canto accorda al mormorar de l'onde;
e Progne, che lo sfida e gli risponde,
né più si lagna de l'antico oltraggio.

Odo da presso il calderin selvaggio,
che saluta l'aurora e poi s'asconde;
e 'l vago tortorel, che tra le fronde
par dica in suo tenor: — Già torna maggio. —

Non lunge il solitario ascolto poi
chiuso rimproverar fra gli arboscelli
al rozo cacciator gl'inganni suoi.

Dolci a voi l'esche ognor, puri i ruscelli
serbi la terra a voi. Ben siete voi
angeli de la selva e non augelli.

ПРИГЛАШАЕТ СВОЮ НИМФУ В ТЕНЬ

Сейчас, когда над ширью раскаленной
Ни ветерка, и летний зной все злей,
И океан все ярче, все светлей
Сверкает, солнца стрелами пронзенный,

Сюда, где дуб, закрыв полнеба кроной,
Любуется красотой своих ветвей —
Густой копной смарагдовых кудрей,
В расплавленных сапфирах отраженной,

Сюда, мой друг, приди, где на песке
Отпечатлелась корона, и со мною
Укройся в благодатном холодке.

Отсюда, где прохладно, как весной,
Я покажу тебе, как на реке
Играет рыба с птицей, тень — с волною.

**ОПИСЫВАЕТ ПЕНИЕ РАЗНЫХ ПТИЦ,
КОИМ ВОСХИЩАЕТСЯ БЛИЗ ФЛОРЕНЦИИ,
НА ВИЛЛЕ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ
ГОСПОДИНУ ЯКОПО КОРСИ**

Я внемлю пенью трепетного хора:
Струится трель, созвучная ручью,
И Прокна отвечает соловью,
Не поминая давнего позора.

Щегол ликует, что пришла Аврора,
И прячется, окончив песнь свою;
Я нежный голос горлиц узнаю,
Как бы поющий: «Май цветущий скоро».

И певчий дрозд из глубины листвы
Пеняет птицелову справедливо,
Что прячет самолов среди травы.

Да остаются щедры лес и нива
На сладкий корм! Нет, не пичуги вы,
Вы ангелы — лесов тенистых диво.

SCHIAVA

Nera sí, ma se' bella, o di natura
fra le belle d'amor leggiadro mostro;
fosca è l'alba appo te, perde e s'oscura
presso l'ebeno tuo l'avorio e l'ostro.

Or quando, or dove il mondo antico o il nostro
vide sí viva mai, sentí sí pura,
o luce uscir di tenebroso inchiostro,
o di spento carbon nascere arsura?

Servo di chi m'è serva, ecco ch'avolto
porto di bruno laccio il core intorno,
che per candida man non fia mai sciolto.

Là 've più ardi, o Sol, sol per tuo scorno
un sole è nato; un sol, che nel bel volto
porta la notte, ed ha negli occhi il giorno.

DIPARTITA

Già fuor de l'onde il sol sferza i destrieri;
ecco del mio partir l'ora che giunge,
Lilla; intanto, s'amor ne scalda e punge,
sieno i fidi sospir nostri corrieri.

E, come per incogniti sentieri
con Aretusa Alfeo si ricongiunge,
cosí, mentre vivranno i corpi lunge,
a visitarsi tornino i pensieri.

Spesso due stelle in ciel destre e felici,
se ben per vario sito il corso fanno,
scontransi almen con lieti aspetti amici.

E due piante talor divise stanno;
ma sotterra però con le radici,
se non co' rami, a ritrovarsi vanno.

РАБЫНЯ

Поистине черна ты, но прекрасна!
Ты чудо, ты румяней, чем заря,
Сравнение со снегом января
Для твоего эбена не опасно.

Подобные красы искать напрасно.
Где видано, чтоб угли, не горя,
Рождали пламень, свет и жар даря?
Где слыхано, чтоб тьма сияла ясно?

Я раб рабыни, пленник черных пут,
Которые меня в неравном споре
Объятьям белых рук не отдадут.

Ты родилась на солнечном просторе,
Ты солнце, здесь нашедшее приют,
Ты ночь в лице несешь и день во взоре.

РАССТАВАНИЕ

Пора! Уже денница над волнами
Ретивых погоняет лошадей.
Не надо плакать, Лилла, слез не лей,
Ведь будут вздохи нашими гонцами.

Как, пробираясь тайными путями,
Вновь с Аретузой встретился Алфей,
Так недоступных мыслям нет путей,
Когда в разлуке мы томимся сами.

Две нежные звезды разлучены
Нередко на дорогах небосклона,
Но свету дружбы и вдали верны.

Порой стоят деревья отрешенно,
Но корни крепко переплетены —
И тайну их хранит земное лоно.

DONNA CHE SI PETTINA

Onde dorate, e l'onde eran capelli,
navicella d'avorio un dí fendea;
una man pur d'avorio la reggea
per questi errori preziosi e quelli;

e, mentre i flutti tremolanti e belli
con drittissimo solco dividea,
l'òr de le rotte fila Amor cogliea,
per formarne catene a' suoi rubelli.

Per l'aureo mar, che rincrespando apria
il procelloso suo biondo tesoro,
agitato il mio core a morte gía.

Ricco naufragio, in cui sommerso io moro,
poich'almen fûr, ne la tempesta mia,
di diamante lo scoglio e 'l golfo d'oro!

ACCIDENTE NOTTURNO

L'uscio stridulo apersi, e de la soglia
fier custode latrante il pié mi morse;
vigilavan le serve, e 'ntanto sorse
chiara la luna in ciel piú che mai soglia.

Velata Lilla mia di bianca spoglia,
le braccia al collo tacita mi porse;
ma la famiglia garrula vi corse,
ed io gelai qual gel, tremai qual foglia.

I' non so dir se da la luce, accolta
nel doppio sol de' dolci lumi sui,
fu lor la vista abbarbagliata e tolta.

Coprimmi Amor con l'ali, o forse fui
cinto da nebbia di sospir sí folta,
che 'nvisibil divenni agli occhi altrui.

ДАМА, РАСЧЕСЫВАЮЩАЯ ВОЛОСЫ

Златые волны — шелковые пряди...
Слоновой кости легкая ладья
По ним плыла, скользя, — и колея
Ложилась безупречно ровно сзади.

В пленительно трепещущей прохладе
Сверкала раздвоенная струя,
И бог любви ловил ее, куя
Златые цепи тем, кто с ним в разладе.

Среди роскошных золотых зыбей
Я сердцем плыл, иллюзий не питая,
Навстречу верной гибели своей.

Я потерпел крушенье, утопая
В богатстве, в самом бурном из морей,
Где риф алмазный, пристань золотая...

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Дверь скрипнула, собака зарычала,
Вонзились в ногу злобные клыки,
И где-то застучали башмаки,
И ночь светла, — хорошее начало!

Прозрачное мелькнуло покрывало —
И шею мне обвили две руки,
И тут, крича, вбежали старики,
Я задрожал, и хладом грудь сковало.

Я не могу очнуться до сих пор!
Должно быть, все ослепли: так светился
Ее очей — двойного солнца — взор.

Вокруг меня туман любви сгустился,
Иль надо мной Амур крыло простер —
Я словно в невидимку превратился.

PIACERE IMPERFETTO

Alza costei dal fondo de' tormenti,
dov'ergere l'ali a pena osan le voglie,
promettendo conforto a tante doglie,
le mie speranze debili e cadenti.

Ma, come sol che con suoi raggi ardenti
nube in alto solleva e poi la scioglie,
repulsa allor mi dà quando m'accoglie,
e i più lieti pensier fa più dolenti.

Lasso! e perché con placid'aura e lieve
le mie vele omai stanche al porto alletta,
se poi tra' flutti abbandonar mi deve?

Così suol giocator, che palla aspetta
per ribatterla indietro, e la riceve
sol per spingerla poi con maggior fretta.

PENDENTI IN FORMA DI SERPI

Quegli aspidi lucenti,
che, d'oro e smalto in picciol orbe attorti,
da l'orecchie pendenti,
vaga Lilla, tu porti,
dimmi: che voglion dir? Sì, sí, t'intendo:
son de le pene altrui crude ed indegne
misteriose insegne;
ché, qual aspe mordendo,
cruda ferisci altrui, sorda non senti
preghi, pianti o lamenti.

MADONNA DI RAFFAELLO DA URBINO

Quando a ritrar l'angel terrestre intese
l'angelica beltà, gli atti divini,
di celesti colori e peregrini
scelse le tempore e 'n ciel volando ascese.

НЕСОВЕРШЕННАЯ РАДОСТЬ

Из бездны мук, уже почти неожиданно,
Она мои надежды подняла
И обещает, что не ведать зла
Отныне мне — и я не жду обмана.

Но, словно солнце, что клубы тумана
К себе поднимет — и в лучах тепла
Расплавит, так она меня звала,
Звала — и прогоняет непрестанно.

Зачем она попутный ветерок
Дарит усталым парусам на рее,
Когда я в бурю снова одинок?

Казалось, что судьба ко мне добрее...
Так в нетерпенье ждет мяча игрок,
Чтобы отбить его — да поскорее.

ПОДВЕСКИ В ФОРМЕ ЗМЕЙ

Златые кольца змей,
Сверкая переливами эмали,
Свисают из ушей.
Красавица, нельзя ли
Узнать, что знаменуют эти гады?
В них тайный знак жестокий вижу я:
Кого сия змея
Ужалит, тем пощады
Не ведать, — это ты язвишь сердца,
И мукам нет конца.

МАДОННА РАФАЭЛЯ ИЗ УРБИНО

Где ангелу земному краски взять,
Чтоб красоту прославить неземную?
Он должен был, покинув мастерскую,
На небе — в царстве божьем — побывать.

E dal sol quivi e da le stelle ei prese
l'oro de' biondi innanellati crini,
e da' più puri spirti, a Dio vicini,
la luce e 'l foco, onde i begli occhi accese.

L'ostro schietto a l'aurora, il latte tolse
al bel calle stellato, e 'l santo viso
e la fronte beata ornar ne volse.

Del seren d'oriente il dolce riso
sparse, e aria di vita in lei raccolse,
e chiuse in poca tela il Paradiso.

Он светлой сделал вьющуюся прядь,
Заняв у солнца краску золотую,
Он горних духов благодать живую
Сумел во взгляде ясном передать.

Он сделал взор божественный открытым,
Зарю и млечность звездного пути
Соединил и подарил ланитам.

Помог лучу улыбки расцвести —
И навсегда пребудет знаменитым,
Дерзнув на землю рай перенести.

AMOROSA INSTRUZIONE A UNA ZINGARA

O maga egizia, che sí audace e franca,
benché ravvolta in povere divise,
vai su le mani altrui, con varie guise,
presagendo ventura, or destra or manca;

vanne alla donna mia, di cui la bianca
palma mirando e le sue righe incise:
«Questa mano,» le di', «già si promise
ad un amante in fede, ed or gli manca.»

Poi soggiungi che 'l Ciel di ciò minaccia
grave vendetta. Ché, s'a sorte crede
tant'ella a l'arti tue, che pia si faccia,

dirò che i fiati suoi Febo ti diede;
e, quel che forse a te fia che più piaccia,
le man ti colmerò d'aurea mercede.

DONO AVUTO D'UN FIORE

Splendea d'alta finestra il viso adorno,
in cui natura ogni sua grazia pose;
qual, coronata di celesti rose,
appar l'aurora dal balcon del giorno.

Io, che sumpr'erro al car'albergo intorno,
qual fanno intorno ad urna ombre dogliose,
fermo era, quando, avvista, ella s'ascose,
tutta vermiglia d'amoroso scorno.

E gettommi in ritrarsi un fior dal seno,
in atto che fu studio e parve errore;
di che augurio prend'io felice appieno

che, forse, appresso al picciolo favore
verrà l'intera grazia un dí, non meno
che venir soglia il frutto appresso al fiore.

ПРОСЬБА К ЦЫГАНКЕ

Не знает страха прямота твоя,
Ты вещую освоила науку,
Кому свиданье, а кому разлуку
Ты предрекаешь, правды не тая.

Владычице моей, ворожея,
Скажи: «Вы обещали эту руку
Тому, кто, не дождавшись, терпит муку,
Рука не лжет, по ней читаю я».

Скажи, что бог неверную накажет, —
И если верит госпожа в судьбу,
То в милости сердечной не откажет.

Я похваляю тебя за ворожбу
И, зная, что язык тебе развяжет,
Вознагражу с лихвой твою алчбу.

ПОДАРЕННЫЙ ЦВЕТОК

Все прелести земные заслоня,
Прекрасное лицо предстало взору
В окне высоком, юную Аврору
Напоминая на балконе дня.

И вдруг она заметила меня —
Не прятаться же мне, подобно вору! —
И поспешила ускользнуть за штору,
Зардевшись от любовного огня.

И уронила, как бы ненароком,
Цветок к моим ногам, — каков расчет! —
И, воодушевленный тем намеком,

Я новых жду, неведомых, щедрот
В грядущем — и, надеюсь, недалеко, —
Ведь должен из цветка родиться плод.

GELOSIA

Cotanta gelosia
ho della donna mia,
che, non ch'io tema spesso
di ciò ch'ella ha d'appresso,
ma infin coll'ombra sua m'adiro ancora
che le va dietro ognora,
e par che, quasi fatta mia rivale,
mostri anch'ella desio
di volerla seguir, come facc'io.

DESIDERIO DI LUNA

Matarazzi del cielo, oscure nubi,
ch'or tenete celata
la celeste frittata:
scopritela, vi prego, agli occhi miei;
perch'al lume di lei
io scriver possa alcune rime sdruciole:
non ho più gatta e non si trovan lucciole.

РЕВНОСТЬ

Любовь мою ревнуя,
Не только всех клянущая,
С кем говорит она
И кем окружена:
Меня и к тени зыбкой зависть гложет,
Что рядом с нею может
Быть сколько хочет, вдоволь, целый день,
Тогда как я не смею
Не расставаться с госпожой моею.

ПОТРЕБНОСТЬ В ЛУНЕ

Небесные перины, тучи туч,
Вы ночь лишили света
Небесного омета,
Молю — не прячьте от меня его,
Поймите, каково
Без светляков писать в крошечной темени:
Для виршей хуже не придумать времени.

BELLISSIMA MENDICA

Sciolta il crin, rotta i panni e nuda il piede,
donna, cui fe' lo ciel povera e bella,
con fioca voce e languida favella
mendicava per Dio poca mercede.

Fa di mill'alme, intanto, avere prede
al fulminar de l'una e l'altra stella;
e di quel biondo crin l'aurea procella
a la sua povertà togliea la fede.

«A che fa» le diss'io «sí vil richiesta
la bocca tua d'oriental lavoro,
ov'Amor sul rubin la perla inesta?

Ché se vaga sei tu d'altro tesoro,
china la ricca e preziosa testa,
che poveran le chiome i nemi d'oro.»

* * *

Sudate, o fochi, a preparar metalli,
e voi, ferri vitali, itene pronti,
ite di Paro a sviscerare i monti
per innalzar colossi al Re de' Galli.

Vinse l'invitta rocca e de' vassalli
spezzò gli orgogli a le rubelle fronti,
e machinando inusitati ponti
dié fuga ai mari e gli converse in valli.

Volò quindi su l'Alpi e il ferro strinse,
e con mano d'Astrea gli alti litigi,
temuto solo e non veduto, estinse.

Ceda le palme pur Roma a Parigi:
ché se Cesare venne e vide e vinse,
venne, vinse e non vide il gran Luigi.

ПРЕКРАСНАЯ НИЩЕНКА

Прекрасною и нищей рождена,
Босая, непричесанная, в грязном
Отрепье, с бормотанием бессвязным
Просила подаяние она.

Но золотых волос ее волна
Звала, увы, к совсем иным соблазнам,
При виде глаз в сиянии алмазном
Никто не верил, что она бедна.

«О нищенка, — сказал я, — эти губы
Лепила кисть восточных мастеров,
Шедевр Амура — рот жемчужнозубый!

Чтоб не был этот мир к тебе суров,
Склони голову и спрячь свой голос грубый
Под златом, что ценней людских даров».

* * *

Трудись, огонь, и сотвори металлы!
Железо мощное, вонзись в Парос,
Дабы восстал из мрамора колосс
Людовика и восхитились галлы.

Ему покорны буйные вассалы.
Морской простор он превратил в покос;
Где прежде nereиды зелень кос
Плели, он бросил дерзкий мост на скалы.

Летя над Альпами средь вспышек дыма,
Он, как Астрея, распри усыпил.
Внушает страх, но власть его незрима.

Парижу Рим венец свой уступил.
Пришел, увидел, победил вождем Рима,
Людовик — не увидев, победил.

**DONNA SCAPIGLIATA
E BIONDA**

Tra i vivi scogli de le due mammelle
la mia bella Giunon veggio destare
dal suo crinito ciel piogge e procelle,
prodighe d'oro e di salute avere.

Se mostra gli occhi o quelle poma belle,
più ricco s'apre e più fecondo appare,
mercé di due rubini e di due stelle,
quel ciel di stelle e di rubin quel mare.

Ma sia di scogli e di tempeste or pieno:
ch'io, dai venti d'amor sospinto e scorto,
vo' navigar col core un sí bel seno.

Né tem'io già di rimanerne absorto,
poiché la sua tempesta è 'l mio sereno,
poiché gli scogli suoi sono il mio porto.

**БЕЛОКУРАЯ ЖЕНЩИНА
С РАСПУЩЕННЫМИ ВОЛОСАМИ**

Между прелестных персей — этих скал —
Роняет пышный дождь моя Юнона,
И вихрь пушистый волны расплескал,
Увидишь — и вздыхаешь обреченно.

И если взору все же взор предстал
Иль грудь ее — пленительное лоно,
Пучину краше делает коралл,
И звезды — украшенья небосклона.

Но как сегодня бурю подстегнуть,
Чтоб сердцу волей страстного порыва
Бесстрашно плыть, припав на эту грудь?

Пускай она вздымается, бурлива!
Чем выше волны, тем отрадней путь:
Мне буря — штиль, мне рифы — гладь залива.

BELLA DONNA A CAVALLO

Frenava il mio bel sol vago destriero,
ch'avea di neve il manto, il crin d'argento;
movea veloci i passi a par del vento
e insuperbia di sí bel pondo altero.

Pronto di bella man sequia l'impero,
a la sferza, a la voce, al cenno intento;
dorato il morso avea, spumoso il mento,
lungo il crin, curvo il collo, il cor guerriero.

Sovra un colle di neve un fior pareva
colei, ma per odor spirava ardori,
ed ogni cor fra quelle nevi ardea.

Parean le Grazie e i faretrati Amori
ministri a lei d'intorno; ella pungea
con lo sprone il destrier, col guardo i cori.

RUINE DI ROMA ANTICA

Qui fu quella d'imperio antica sede,
temuta in pace, e trionfante in guerra.
Fu: perch'altro che il loco or non si vede;
quella, che Roma fu, giace sotterra.

Queste cui l'erba copre e calca il piede,
fur moli al ciel vicine, ed or son terra.
Roma che 'l mondo vinse, al tempo cede
che i piani inalza, e che l'altezze atterra.

Roma in Roma non è. Vulcano e Marte
la grandezza di Roma a Roma han tolta,
struggendo l'opre e di natura e d'arte.

Voltò sossopra il mondo, e 'n polve è volta:
e tra queste ruine a terra isparte
in se stessa cadeo morta e sepolta.

ПРЕКРАСНАЯ ВСАДНИЦА

Склонилась над седельною лукой
Любовь моя, и, шаг сменяя твердый
На иноходь, скакун помчался гордый,
Безмерно счастлив груз нести такой.

Пред ней смирил он норов бунтовской,
Слетали хлопья мыла с пенной морды, —
Встречать привыкший вражеские орды,
Он шею гнул под женскою рукой.

Казалось, что венчает гору снега
Цветок, и шлейфом позади парит
Не аромат, а сладострастья нега.

Амур с охапкой стрел, толпа харит
С ней рядом задыхаются от бега,
И грудь влюбленных, как от шпор, горит!

РАЗВАЛИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА

Увенчанная лаврами побед,
Стояла здесь империи столица.
Вот это место. Рима больше нет.
Он под землю, он не возродится.

Травой покрыт его печальный след.
Где Рим сверкал — теперь его гробница.
Он властвовал над миром столько лет
И должен перед временем смириться.

Нет Рима в Риме. Рухнул исполин.
Величье Рима отняли у Рима
Вулкан и грозный брани властелин.

К вершителю судеб неумолима
Была судьба — и вот среди руин
В себе самом лежит он недвижимо.

**FRA LA SOLITUDINE DELLA VILLA
BIASIMA LA CORTE**

Verdi poggi, ombre folte, ermi laureti,
perpetui fonti, limpidi ruscelli,
mormoranti e canori aure ed augelli,
vaghe piagge, odoriferi mirteti;

antri e silenzi solitari e queti,
valli romite e boschi orridi e belli,
tremule fronde, teneri arboscelli,
siepi rosate, pallidi oliveti;

oh quanto or godo, abitator selvaggio,
più che morta speranza, un verde vivo,
più che regio splendor, l'ombra d'un faggio!

Deh, quanto più qui desiando vivo
povera libertà ch'alto servaggio,
più che sete d'onor, sete d'un rivo!

**В СЕЛЬСКОМ УЕДИНЕНИИ
ПОРИЦАЕТ ДВОР**

Зеленый склон, лавровые кусты,
Ключи прозрачны, волны говорливы,
Зефир игривый, птичьи переливы,
Душистый мирт, воздушные листья;

Прохлада гротов, полных немоты,
Лесные своды, трепетные ивы,
Пустынный берег, бледные оливы,
Луга безлюдны — и на них цветы...

Что мне придворный блеск в глуши глубокой!
Его бы и сегодня отдал я
За тень живую кроны одинокой.

Какое счастье! Вольные края,
Где я живу не кабалой высокой,
Не жаждой чести — жаждою ручья.

**BELLA DONNA
CON UN FANCIULLO IN BRACCIO**

Vago fanciul, che fra le braccia stretto
de la mia dea, dal suo bel collo pendi,
e l'inesperta man scherzando stendi
or a gli occhi, or al labbro, or al bel petto;

tu, di doglia incapace e di diletto,
tocchi il sol, tratti il foco, e non t'accendi,
siedi in grembo a la gioia, e non l'intendi:
oh quanto per te provo invido affetto!

Deh, potess'io cangiar teco il mio stato;
ché, possessor di sconosciuto bene,
sarei non infelice e non beato.

Già che intero piacer qua giù non viene,
se ventura al gioir mi nega il fato,
mi negasse egli ancor senso a le pene!

LODA L'AFFATICARSI

Varcar col nuoto il rapido de' fiumi,
l'erto de' monti superar col corso,
di feroce destrier regger il morso,
varie genti cercar, vari costumi;

errar per aspre balze ed aspri dumi,
il bavoso cinghial tracciando e l'orso;
del profondo oceàn fender il dorso,
benché frema orgoglioso, irato spumi;

la sete al fonte trar, la fame al bosco;
per le nevose piagge e per l'aduste
sudar col Nasamon, gelar col Mosco;

di ferrea scorza aver le membra onuste,
quando è 'l ciel luminoso e quando è fosco:
delizie ed agi son d'alme robuste.

***КРАСАВИЦА
С РЕБЕНКОМ НА РУКАХ***

Ты на руках у божества сидишь,
Прелестная малютка, и, играя,
То алых губ коснешься — розы мая,
То грудь моей богини теребишь.

При этом жара ты не ощутишь, —
Ни ада ты не ведаешь, ни рая,
На лоне наслажденья пребывая.
Как я тебе завидую, малыш!

Твоей счастливой, безмятежной доле,
Неопытности детских чувств и рук
Завидую — завидую до боли.

И если волей рока нет вокруг
Несчастнее меня, в его же воле
Несчастному помочь не слышать мук.

СЛАВИТ НЕУСТААННЫЕ ТРУДЫ

По рекам плыть, пересекать дубравы,
Всходить на склон, отвесный как стена,
Обуздывать лихого скакуна,
В чужой земле искать чужие нравы;

Сквозь тернии спешить, через канавы,
Следя медведя или кабана,
Вонзая в пучину моря киль челна,
За дерзкий вызов не боясь расправы;

Стихии противостоять в борьбе,
Потеть с ливийцем, мерзнуть с московитом,
Что б ни случилось — не пенять судьбе;

Пить из ручья и быть дубравой сытым —
О, если только крепок дух в тебе,
Ты этот путь всегда найдешь открытым!

OROLOGIO DA POLVERE

Poca polve inquieta, a l'onda, ai venti
tolta nel lido e 'n vetro imprigionata,
de la vita il cammin, breve giornata,
vai misurando ai miseri viventi.

Orologio molesto, in muti accenti
mi conti i danni de l'età passata,
e de la Morte pallida e gelata
numeri i passi taciti e non lenti.

Io non ho da lasciar porpora ed oro:
sol di travagli nel morir mi privo;
finirà con la vita il mio martoro.

Io so ben ch' 'l mio spirto è fuggitivo;
che sarò come tu, polve, s'io mòro,
e che son come tu, vetro, s'io vivo.

OROLOGIO DA ROTE

Mobile ordigno di dentate rote
lacera il giorno e lo divide in ore,
ed ha scritto di fuor con fosche note
a chi legger le sa: **SEMPRE SI MORE.**

Mentre il metallo concavo percuote,
voce funesta mi risuona al core;
né del fato spiegar meglio si puote
che con voce di bronzo il rio tenere.

Perch'io non speri mai riposo o pace,
questo che sembra in un timpano e tromba,
mi sfida ognor contro l'età vorace.

E con que' colpi onde 'l metal rimbomba,
affretta il corso al secolo fugace,
e perché s'apra ognor picchia a la tomba.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Еще одно мгновенье истекло,
В песчинках мелких — роковая сила:
Она мой день на доли поделила,
Все меньше в верхней склянке их число.

Песок течет сквозь узкое жерло,
Вот склянка — колыбель, а вот — могила;
Правдиво нашу долю отразило,
Наш век недолгий хрупкое стекло.

В часах водою пользовались греки,
Однако с неких пор песчаный ток
Напоминает нам о кратком веке.

Вода, песчаной струйки волосок...
Часы — от века в каждом человеке:
Жизнь — слезы, после жизни — прах, песок.

КОЛЕСНЫЕ ЧАСЫ

Зубцы колес терзают день всечасно,
На части, на часы его дробят;
На циферблате надпись: «Все напрасно.
Дни прожитые не вернуть назад».

Металл предупреждает громогласно,
Что близок, что неотвратим закат,
Загробный голос рока слышу ясно
В звучанье бронзы, властной, как набат.

Чтоб я себя не обольщал покоем,
Мне предостережение звучит
Трубою, вечным барабанным боем.

И град ударов громко нарочит:
Он вдалбливает мне, чего мы стоим,
И в двери гроба что ни час стучит.

IL CACCIATORE D'ARCHIBUGIO

Solo e notturno uccellator tonante
chiama l'usato can, la fune accende;
cinto di grave cuoio il piede errante,
laberinti palustri e cerca e fende.

Immoto al fin su riva ascoso attende
tra soffi d'aquilon lo stuol volante,
ch'alla valle s'invola e al mar si rende,
mentr'a l'aurora il dí bacia le piante.

Vibra Giove alle fere unico un telo,
ma questi a lo scoppiar d'un colpo solo
mille alati cader fa al flutto, al gelo.

Che più? s'ei può, stringendo un dito solo,
trar fulmini dall'acque, augei dal cielo,
far il piombo volar, piombar il volo!

ОХОТНИК С АРКЕБУЗОЙ

281

Ночной охотник, птицелов гремучий,
Собаку поманил, пеньку зажег,
И вот уже через камыш дремучий
Во мгле дорогу щупает сапог.

Укрыть выбрать и еще разок
Проверить снасть свою на всякий случай.
И ждать. И вот порозовел восток —
И показался караван летучий.

Юпитер мечет роковую сеть —
И хлопает она, и в изобилье
Крылатую ему приносит снедь.

Не стоит ни малейшего усилия
Заставить гром греметь, свинец лететь
И падать в воду птиц, топорща крылья.

***AL SIGNOR CONTE G. B. RONCHI
CHE L'ETÀ PRESENTE
È CORROTTA DALL'OZIO***

Ronchi, tu forse a pié de l'Aventino
o del Celio or t'aggiri. Ivi tra l'erbe
cercando i grandi avanzi e le superbe
relique vai de lo splendor latino

e fra sdegno e pietà, mentre che miri
ove un tempo s'alzâr templi e teatri
or armenti muggir, strider aratri,
dal profondo del cor teco sospiri.

Ma de l'antica Roma incenerite
ch'or sian le moli a l'età ria s'ascriva:
nostra colpa ben è ch'oggi non viva
chi de l'antica Roma i figli imíte.

Ben molt'archi e colonne in più d'un segno
serban del valor prisco alta memoria,
ma non si vede già per propria gloria
chi d'archi e di colonne ora sia degno.

Italia, i tuoi sí generosi spirti
con dolce inganno ozio e lascivia han spenti:
e non t'avvedi, misera, e non senti
che i lauri tuoi degenerârò in mirti?

Perdona a' detti miei. Già fûr tuoi studi
durar le membra a la palestra, al salto,
frenar corsieri e in bellicoso assalto
incurvar archi, impugnar lance e scudi.

Or consigliata dal cristallo amico
nutri la chioma e te l'increspi ad arte;
e ne le vesti di grand'or consparte
porti de gli avi il patrimonio antico.

A profumarti il seno Assiria manda
de la spiaggia sabea gli odor più fini,

**ГРАФУ ДЖ.-Б. РОНКИ
О ТОМ, ЧТО НЫНЕШНИЙ ВЕК
РАЗВРАЩЕН ПРАЗДНОСТЬЮ**

Быть может, у подножья Авентина
Ты бродишь. В разноцветье диких трав
Великолепия латинских слав,
Останков гордых пред тобой картина.

С презрением и скорбью ты взираешь:
На месте храмов, царственных палат —
Скрип плуга и мычанье нищих стад;
И ты в сердечной глубине вздыхаешь.

Что славная сейчас во прахе древность —
В том буйство злое времени вини;
Другим пред ней повинны наши дни:
В нас древним подражать угасла ревность.

Столпов и врат еще немало стройных
Величат доблести старинных лет,
И оглянись — между живыми нет
Врат и столпов, воздвигенья достойных.

Италия, отваги неуклонный
Дух — ленью сладострастною прельщен,
И ты не видишь — разум твой пленен, —
Что выродился в мирт — твой лавр исконный.

Прости мои слова. Но было ж время —
В палестре ежедневной крепость рук
Ты тешила и гнуть могучий лук
Любила и щитов и копий бремя.

А ныне? Ты выпытываешь средства
Не стариться — у верного стекла;
В кичливые одежды заткала
Все золото прапращуров наследства.

Благоухают перси ароматом
Бесценнейшим сабейских берегов;

e ricche tele, e preziosi lini
per fregiartene il collo intesse Olanda.

Spuman nelle tue mense in tazze aurate
di Scio pietrosa i peregrini umori;
e del Falerno in su gli estivi ardori
doman l'annoso orgoglio onde gelate.

A le superbe tue prodighe cene
mandan pregiati augei Numidia e Fasi;
e fra liquidi odori in aurei vasi
fuman le pèsche di lontane arene.

Tal non fosti già tu quando vedesti
i consoli aratori in Campidoglio,
e tra' ruvidi fasci in umil soggio
seder mirasti i dittatori agrestì.

Ma le rustiche man che dietro il plaustro
stimolavan pur dianzi i lenti buoi
fondârti il regno e gli stendardi tuoi
trionfando portâr da Borea a l'Austro.

Or di tante grandezze appena resta
viva la rimembranza; e mentre insulta
al valor morto, alla virtù sepolta
te barbaro rigor preme e calpesta.

Ronchi, se dal letargo in cui si giace
non si scuote l'Italia, aspetti un giorno
(così menta mia lingua) al Tebro intorno
accampato vedere il perso o 'l trace.

И плечи — словно в пене облаков,
В голландском льне, воздушном и хрущатом.

В твоих застольях кубки золотые
Хиосской влагой полны золотой;
Смирят — надменную годами — в зной
Струю Фалерно волны ледяные.

Колхиды и Нумидии дичина —
Спесь расточительных твоих пиров,
И в туках духовитых свой улов
Тебе подносит дальняя пучина.

Иной была, когда на Капитолий
Ты земледельца консулом вела,
Когда средь фасций Города дела
Вершил диктатор-пахарь властной волей.

Рукою, гладившей воловьей шеи,
До света, медленных, спеша запречь,
Твоя держава создана, и меч,
Послушный ей, везде стяжал трофеи.

Одна преданья славы сохраняет
Молва. И варварская мощь хулит
Честь стародавнюю могильных плит
И, дерзкая, тобою помывает.

И если, Ронки, ввек неодолима
Италии дрема (хочу солгать!),
Поверь, увидишь: станом станет рать —
Фракийца, перса ли — на стогнах Рима.

LODA UNA CHIOMA NERA

Chiome, qualor disciolte in foschi errori
de la fronte vi miro in giù cadenti,
e velate al mio sol gli aurei splendori,
siete nubi importune, ombre nocenti.

Ma s'in groppo accogliete i vostri orrori,
nera cote sembrate, ove pungenti
rende Amor le saette; e l'ambre e gli ori
vincete d'ogni crin, chiome lucenti.

Escon da' vostri torbidi volumi,
come lampo talor da nube impura,
verso il mio cor d'accese fiamme i fiumi;

ch'arte fu, non error, se dié natura,
quasi pittor che mesce l'ombre ai lumi,
de la fronte al candor la chioma oscura.

***BELLA DONNA PRESENTE
A SPETTACOLO ATROCISSIMO DI GIUSTIZIA***

Là 've la morte in fera pompa ergea
spietata scena di funesto orrore,
vidi colei, che nel tuo regno, Amore,
di mille colpe e mille morti è rea.

Fra que' nocenti uccisi, ella uccidea
più d'un'alma innocente e più d'un core;
e pure, intenta al tragico rigore,
spettatrice impunita anco sedea.

Quale scampo il mio cor fia che ritrove?
Là fra rigide morti a morte ei langue,
qua di dolci ferite un nembo piove.

Resta per doppia strage il petto essangue;
fan bellezza e spavento eguali prove,
e nuotano gli Amori in mezzo al sangue.

ВОСХВАЛЯЕТ ЧЕРНЫЕ КУДРИ

Когда, о кудри, черный ваш поток
Стремится вниз, закрыв мое Светило,
Подобен туче каждый завиток,
Глухая ночь — и та не так уныла.

Зато когда вы собраны в пучок,
Вы для Амура — черный круг точила,
Где стрелы точит роковой стрелок,
Чтоб ваша смоль янтарь легко затмила.

Показывая путь моей мечте,
Как вспышки в небе, сумраком одетом,
Горят зарницы в вашей темноте.

Природа, сочетая тень со светом,
Как живописец на своем холсте,
Лилейный черным подчеркнула цветом.

***ПРЕКРАСНАЯ ДАМА НАБЛЮДАЕТ
УЖАСАЮЩУЮ КАРТИНУ ПУБЛИЧНОЙ КАЗНИ***

Где взор пугала жуткая картина,
Где смерть свое вершила торжество,
Амур, я видел ту, из-за кого
Для тысяч стала горькою судьбина.

Взирая на загубленных безвинно,
Не доказавших судьям ничего,
Безжалостное это существо,
Сердца пронзая, восседало чинно.

Что было делать сердцу моему?
Здесь — тучи стрел, с их сладостной отравой,
Там — мертвецы. Куда бежать ему?

Бессилен я перед двойной расправой:
Ведут краса и ужас к одному,
И плавает Амур в реке кровавой.

CHIOMA ROSSA DI BELLA DONNA

Tutta amor, tutta scherzo e tutta gioco,
il suo vermiglio crin Lidia sciogliea,
e un diluvio di fiamme a poco a poco
sovra l'anima mia piover parea.

E con ragion, s'io dal mio cor traea
mille caldi sospir languido e fioco,
succeder finalmente un dí devea
a vento di sospir pioggia di foco.

Certo costei nel tuo bel regno, Amore,
scioglie, quasi cometa, il crine ardente,
per minacciar la morte a più d'un core;

o pur, per gareggiar col sol lucente,
tinge la chioma sua di quel colore,
di cui la tinge il sol ne l'oriente.

CAPELLI POSTICCI DI DONNA INFIDA

Amanti, alcun non fia che mai s'accenda
di così cieco e così folle ardore,
ch'ami quest'empia, e poco cauto venda
per l'or ch'ell'ha nel crin, l'anima e 'l core.

Chi fia che non ravvisi e non comprenda
di quelle trecce il chimico splendore?
Chi fia che non conosca e non intenda
fatto falsario in quelle chiome Amore?

Falso è quell'oro: e poco dianzi gli era,
l'oscuro albergo e 'l doloroso ostello
d'un putrido sepolcro, arca e miniera.

Falso è quell'or: se ben ei par sí bello,
già per suo paragon fetida e nera
la pietra avea d'un tenebroso avello.

РЫЖИЕ ВОЛОСЫ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Сама любовь, насмешливость сама,
Она распустит волосы игриво —
И огненная эта бахрома
Охватит душу пламенем разлива.

Но, вздыхая томно и стыдливо,
Я чувствовал, что скоро — и весьма —
Не ветер вздохов, дующий тоскливо, —
Дождь огненный сведет меня с ума.

Амур, она сверкает, как комета,
С ее небесным шлейфом, не щадя
Очей, что не выдерживают света;

Иль красит кудри, с солнцем спор ведя, —
И потому они того же цвета,
Что и светило, над землей всходя.

НАКЛАДНЫЕ ВОЛОСЫ КОВАРНОЙ ДАМЫ

Да не прельстит ни одного срамница,
Да не зажжет она безумных грез
В груди слепца, готового прельститься
Сияньем золотых ее волос!

Как? Неужели можно усомниться
В химической природе этих кос?
Как? Неужели можно в них влюбиться —
Обманный этот блеск принять всерьез?

Поддельно золото! Прежде это было
Жилище мрака, яма, грот, рудник,
Колодец черный, хладная могила.

Поддельно золото! Что обман велик,
Проверка пробным камнем подтвердила:
Он почернел, изобличив парик.

QUID EST HOMO?

Oh Dio, che cosa è l'uom? L'uom è pittura
di fugaci colori ornata e cinta,
che in poca tela e in fragil lin dipinta
tosto si rompe, e tosto fassi oscura.

O Dio, che cosa è l'uom? L'uom è figura
dal tempo e da l'età corrotta e vinta,
che in debil verto effigiata e finta,
a un lieve colpo altrui cade e non dura.

È strale, che da l'arco esce e sen passa;
è nebbia, che dal suol sorge e sparisce;
è spuma, che dal mar s'erger e s'abbassa.

È fior, che nell'april nasce e languisce;
è balen, che nell'aria arde e trapassa;
è fumo, che nel ciel s'alza e svanisce.

QUID EST HOMO?

Что человек? Картина, холст — лоскут,
Который обветшает и истлеет,
Нестойкая палитра потемнеет,
Искусные прикрасы опадут.

Что человек? Он расписной сосуд:
Изображенье на стекле тускнеет,
А урони стекло — никто не склеит,
Толкнут — и что ж: руками разведут.

Я тополиный пух, морская пена,
Стрела — пронесся вихрем и исчез,
Туман, который тает постепенно.

Я дым, летящий в глубину небес,
Трава, что скоро превратится в сено,
Убор осенний жалобных древес.

LO SCHIOPPO

Questa di man germana opra guerriera,
se di zolfi nitrosi accende il seno
ed a piombo pennuto allenta il freno,
fulmine par della tonante sfera.

Svena in mezzo al fuggir partica fera,
benché, rapida il pié, scorni il baleno,
e di sùbita morte atro veleno
porta ne' globi alla volante schiera.

Erutta il tuonò e partorisce il lampo,
fa d'estinti guerrieri il suol fecondo,
e di vermiglio umor lastrica il campo.

Lascia, o Morte, la falce, inutil pondo,
e con l'ordigno, a cui non giova scampo,
dal mondo impara a fulminare il mondo.

L'UOMO ESSER DEE PACIFICO

Per non cader squarciato all'altrui morso
ha le zampe falcate il fido alano,
e se talor guerreggia il toro insano,
dalle corna lunate ottien soccorso.

Unghia laceratrice aguzza l'orso,
e dente avvelenato il mostro ircano,
l'aquila ha il rostro, e l'istrice montano
selva d'acuti strali erge sul dorso.

Ha lorica di squame il pesce avaro,
arma dedala pecchia ago mordace,
cela serpe crudel veleno amaro.

Natura sol, nell'opre sue sagace,
fa l'uomo inerme. Ed argomento è chiaro
ch'altro non vuol, se non ch'ei viva in pace.

РУЖЬЕ

Немецких рук работа, сей снаряд,
Чуть запалит селитру в смеси с серой,
Узду свинцу ослабит, птице серой, —
Что твой перун из громоносных гряд!

Пусть зверь резвей парфянца во сто крат,
А не уйдет от смерти огнеперой;
Горошины мгновенною холерой
Обрушат стаю птиц, как страшный град.

Он изрыгает молнии и громы
И рыцарей умеет уложить
Стогами окровавленной соломы.

Так что же, Смерть, косою тебе косить,
Орудья новые тебе знакомы,
Учись у мира — мир перуном бить.

ЧЕЛОВЕКУ ДОЛЖНО БЫТЬ МИРНЫМ

Чтобы в смертельной схватке уцелеть,
Клыки и лапы служат псу защитой,
Сражается рогами бык сердитый,
Врага стараясь на рога поддеть.

Свой коготь точит в зарослях медведь.
Гирканский хищник — зуб свой ядовитый,
И дикобраз, иголками покрытый,
Спокоен: ведь его не одолеть.

Других примеров под луной немало:
Бесстрашный клюв — оружие орла,
Пчеле дано игольчатое жало...

И только нам природа не дала
Оружия. Разумное начало —
Чтоб люди людям не чинили зла.

PER DONNA BUGIARDA

Nice, qualora il suo pensier mi spiega,
ogni parola è di bugie vestita;
quando ella mi discaccia, allor m'invita,
e quando mi minaccia, allor mi prega.

Ora pietà promette, ora la nega,
ed ora m'abbandona, ora m'aita;
mesta e lieta mantiene a me la vita,
e mi discioglie allor quando mi lega.

Dopo tante menzogne, alfin m'induce
a non amarla più giusto furore,
benché beltà celeste in lei riluce.

Poi dico:— Il non amarla è grave errore;
ché se la veritate odio produce,
dritto è che la bugia produca amore.

**BIASIMA L'USO
DEGLI EDIFICI SONTUOSI**

Fascino dell'età. Piaghe profonde
aprono ai monti ognor ferri costanti,
e fatti i pini al pondo alati Atlanti
portan le rupi a navigar su l'onde.

Dove la terra il centro suo nasconde
s'apron più varchi, e teme il re de' pianti
non la gente soggetta ai Radamanti
rieda del cielo a vagheggiar le sponde.

Poscia d'erger così prendiam diletto
suntuosa magion, che 'l sole adombra,
de' fulmini al dio porge sospetto.

Vana follia che nostre menti ingombra:
si sfa talora un regno a fare un tetto,
sol per aver sotto quel tetto un'ombra.

ОБМАНЩИЦА

Как только Ниче открывает рот,
Я слышу ложь. Обман — любое слово:
Она добра со мной, когда сурова,
Гоня меня, она меня зовет.

То благостна, то холодна как лед,
То оставляет, то помочь готова,
То истязает, то лелеет снова.
И делает неошутимым гнет.

Изолгалась — и этим побуждает
Забуть ее, себе не портить кровь.
Забуду! Гнев по праву побеждает...

Но скоро передумываю вновь:
Коль скоро правда ненависть рождает,
Должна неправда порождать любовь.

ОСУЖДАЕТ СООРУЖЕНИЕ РОСКОШНЫХ ЗДАНИЙ

Поветрие! Не счесть глубоких ран,
Оставленных на теле гор металлом,
И на судах настало время скалам
Пересекать волнистый океан.

И в центр земли безжалостный таран
Упорно острым проникает жалом,
И царь Аида — в страхе небывалом,
Что солнце озарит подземный стан.

Роскошные дома растут все выше,
Все больше заслоня белый день, —
Вот-вот Юпитер крикнет: «Эй, потише!»

Все выше... А зачем — подумать лень.
Порою царства гибнут ради крыши,
А что подарит крыша? Только тень.

ALLA LUNA

Candidissima stella
che 'l silenzio tranquillo apri nel mondo,
e pacifica e bella
rendi il fosco de l'ombre almo e giocondo,
e de l'umido sonno umida sposa,
abbracciando la notte, esci pomposa;

tu con provvida cura
spargi d'alta virtù gravidati effetti;
tu ne la notte oscura,
sagittaria del ciel, l'ombre saetti
e menando là su danze e carole,
scorri i lucidi campi, emula al sole.

Tu con freno d'argento
reggi in campo d'horror carro di stelle;
tu con vago contento
mille guidi nel ciel musiche ancelle,
e reina de' boschi, in bianca vesta,
coronata di corna ergi la testa.

Piovi, balia feconda,
su le bocche dei fior manne stillanti,
e soave e gioconda
versi in largo tesor molli diamanti,
e squarciando le nubi intorno intorno,
rendi chiara la notte, emula al giorno.

Apri e chiudi i canali
de la fonti del ciel puri e giocondi,
e con acque vitali
la crescente virtù nei corpi infondi,
e cortese a le piante, amica ai fiori,
spargi in grembo a la terra ampi tesori.

Variabile ogn'ora,
fai, mutando color, diverso effetto:
ora pallido ed ora

К ЛУНЕ

Волшебная звезда,
Над царством тишины в ночном эфире
Ты всходишь — и тогда
Редеют тени в просветленном мире.
Наперсница живительного сна,
Ты входишь в ночь, величия полна.

Ты светом благодатным
Окутываешь сумрачную тишь,
В противоборстве ратном
Стрелами тени с высоты разишь
И, раздвигая светлые границы,
Объемлешь мир, соперница денницы.

Серебряной узде
Покорны в колеснице звездной кони,
И не найти нигде
Такого хора, как на небосклоне, —
И вторит звездным колокольцам ночь,
Благодаря тебе, царица рощ.

Росистой кормишь манной
Ты, щедрая кормилица, цветы,
Из россыпи стеклянной
Сокровища извлечь умеешь ты,
Рассеиваешь тучи ты — и это
Ночь делает соперницей рассвета.

Чиста и весела
Небесных рек живительная влага,
Поящая тела
Весеннему цветению во благо,
Чтоб на лугах из края в край земли
Несметные сокровища цвели.

То бледный источая,
То излучая красноватый свет,
Ты, что ни час, другая —

rosseggiante nel ciel mostri l'aspetto,
e con vario apparir vari figuri
del futuro avvenir segni sicuri;

or superbo e ripieno
di fecondo licor gonfi il semblante,
e di Teti nel seno
movi al moto che fai l'onda incostante;
or cornuta hai la fronte e scema i rai,
come parti nel ciel non torni mai;

or con languido lume
fra la nubi sepolta umida manchi,
or con candide piume
le selve inalbi e le campagne imbianchi,
e risorta fenice alma ed adorna,
rinovando la luce ergi le corna.

И действие меняется, как цвет,
И в появлении твоём во мраке —
Грядущего таинственные знаки;

То круглолицей нам
Ты предстаешь в безоблачном просторе
И не даешь волнам
Ни на мгновенье передышки в море,
То превратишься в серп — а он погас,
И ты — другая в следующий раз;

То, как в могиле, глухо
Ты в тучах скрыта, то, от сна воспряв,
Свой свет белее пуха
Льешь на поля и в глубину дубрав.
Восстав из пепла фениксом крылатым,
Ты вновь восходишь месяцем рогатым.

LAMENTO

Non ha tregua né fine il duolo mio;
 ricordati, Fortuna,
 che son nel mondo, e son di carne anch'io.
 Venni solo a la vita
 per stentar e patir, sudar da cane,
 e tra pena infinita
 speme non ho d'assicurarmi un pane.
 Per me solo si vede
 sordo il ciel, scuro il sol, secca la terra;
 ov'io di pace ho fede,
 colà porta il gran Diavolo la guerra.
 S'io fo 'l bucato piove,
 s'io netto il pié nel mare, il mar s'adira,
 se andassi a l'Indie nove,
 non vale il mio teston più d'una lira.
 Non vado al macellaro,
 benché avessi a comprar di carne un grosso,
 che per destino avaro
 non mi pesi la carne al par dell'osso.
 S'io vo a Palazzo a sorte
 l'anticamera ogn'or mi mostra a dito;
 i satrapi di corte
 con le lingue mi trinciano il vestito.
 Son di fede cristiano,
 e mi bisogna credere a l'ebreo;
 sallo il ghetto romano,
 e il guardaroba mio ser Mardocheo.

Non ha tregua né fine il duolo mio;
 ricordati, Fortuna,
 che son nel mondo, e son di carne anch'io.
 S'io son desto, o nel letto,
 sempre ho la mente stivalata e varia;
 senz'esser architetto,
 fabbrico tutto il dí castelli in aria.
 Villa non ho, né stanza;
 altri han d'argento infin a l'orinale;
 ricco son di speranza,

ЖАЛОБЫ

О передышке молит раб смиренный,
напомните Судьбе,
что я живу, что я из плоти брнной.

Я в этот мир пришел
скулить по-песьи в ожиданье порки:
так мой удел тяжел,
что не мечтаю и о черствой корке.

Для одного меня
земля суха, светило слепо, глухо,
бегу от смуты дня,
а Дьявол кознями терзает ухо.

Белье сушу — в грозу,
пойду купаться — хлынет вал на берег,
гроша не привезу
я из богатых золотом Америк.

От вора-мясника
(имей я деньги) плелся бы невесел:
костей наверняка
на мой дукат он бы обманом взвесил.

Явись я ко двору,
в меня бы пальцем тыкали вельможи,
в плаще моем дыру
их злоязычье выжгло бы до кожи.

Евреем лягу в гроб —
надежда на Спасителя плохая:
справляю гардероб
я в гетто у мессера Мордехая.

О передышке молит раб смиренный,
напомните Судьбе,
что я живу, что я из плоти брнной.

Куда меня несешь,
мечта, на сапогах, на скороходах,
не зодчий я и все ж
воздушный замок строю на невзгодах.

Под небом мой приют,
а у других горшок ночной из золота,
фантазия — мой труд,

e per fidecommisso ho l'ospedale.

Ma, di grazia, osservate:
quando si sente un caldo dell'Inferno,
in mezo dell'estate,
io marcio co'l vestito dell'inverno.

Suol dir chi ha da mangiare,
che i commodi e i quattrini alfin son sogni;
che dolce mincionare
aver pari l'entrate a' suoi bisogni.

Oh, Dio, son pur pittore,
né posso figurarmi un miglior segno;
sto sempre d'un colore,
né mi riesce mai alcun disegno.

Legni iberi e francesi
co'l nocchiero pennello a l'onde io spalmo,
dono ad altri i paesi
in tempo ch'io non ho di terra un palmo.

Non so che sia fortuna,
pago a prezzo di stenti un dí felice,
non ho sostanza alcuna,
e ch'io spero, e ch'io soffra ogn'un mi dice.

Credete al vostro Rosa,
che senza versi e quadri il mondo è bello,
e la più sana cosa
in questi tempi è non aver cervello.

Ve le dirò più chiare,
oggi il saper più non si stima un fico.

Da me ciascuno imparare,
che assai meglio è morir ch'esser mendico.

Non ha tregua né fine il duolo mio;
ricordati, Fortuna,
che son nel mondo, e son di carne anch'io.

а миска супа в богадельне — плата!

Оборван я всегда,
зато, хоть адским пеклом пригрози мне,
взгляните, господа,
я в летний зной иду в одежде зимней!

От сытых слышу я:
«Богатство — дым, нам бесконечно чуждый!» —

Милее нет вранья,
чем к средствам приспособленные нужды.

Художником на свет
родился я, свершая волю Божью,
но только черный цвет
остался у руки, объятай дрожью.

Европы корабли
на полотне послушны кормчей кисти:
чуть ли не полземли
я, безземельный, роздал без корысти!
Удастся ли, Бог весть,
взять плату за страданья полной мерой?

Мне не на что поесть,
а люди говорят: терпи и веруй!

В наш век не до стихов,
не до картин — он для ослов, которым
Господь не дал мозгов, —
не спорьте с мудрым, старым Сальватором.

Скажу напрямому:
здесь в грош не ставят живопись, науку,
я сдохнуть предпочту,
чем в нищете продолжу эту муку.

О передышке молит раб смиренный,
напомните Судьбе,
что я живу, что я из плоти брэнной.

BELLA PIDOCCHIOSA

Sembran fere d'avorio in bosco d'oro
le fere erranti onde sí ricca siete;
anzi, gemme son pur che voi scotete
da l'aureo del bel crin natio tesoro;

o pure, intenti a nobile lavoro,
cosí cangiati gli Amoretti avete,
perché tessano al cor la bella rete
con l'auree fila ond'io beato moro.

O fra bei rami d'or volanti Amori,
gemme nate d'un crin fra l'onde aurate,
fere pasciute di nettarei umori;

deh, s'avete desio d'eterni onori,
esser preda talor non isdegnate
di quella preda onde son preda i cori!

КРАСАВИЦА, ИЩУЩАЯ ВШЕЙ

О, как плурует в золотом лесу
Твой частый гребень из слоновой кости;
Уязвлены блуждающие гости —
Им не дано затмить твою красу!

Сколь чист твой труд! Ты держишь на весу
Расческу,— и, в сетях любви и злости,
Злодеи гибнут, словно на помосте...
Я этого блаженства не снесу!

Меж трав золотых и золотых ветвей
Бредет амуров ласковое стадо,
Упитанное сладостью твоей.

Ах, стать бы жертвою твоих затей!
Порой немного мне для счастья надо:
Так притчу ты мою и разумеи!

***ALLA ZANZARA, CHE DISTURBAVA L'AUTORE
NEGLI STUDI LITTERARI***

Istrice minutissimo, che irriti
sveglie d'impazienza a l'ore oscure,
punto sol divisibile in punture
per turbar bisbigliando ozi eruditi;

de la tua tromba a' strepitosi inviti
dà il tedio a l'armi, e fumano l'arsure;
e se mai cerca il sonno ombre sicure,
gli occhi chiusi ad un vol piangon feriti.

D'importuni susurri atomo vivo,
formi un'eco di piaghe a chi più tace,
cangiando in strale il sibilo furtivo.

Quanto miseri siam! un suon mordace
c'insanguina i sudori al caldo estivo,
ci ruba un schizzo d'essere la pace.

***CEDRI FANTASTICI
VARIAMENTE FIGURATI
NEGLI ORTI REGGITANI***

Rustiche frenesie, sogni fioriti,
deliri vegetabili odorosi,
capricci de' giardin, Protei frondosi,
e di ameno furor cedri impazziti,

quasi piante di Cadmo armano arditi
a l'Autunno guerrier tornei selvosi;
o di Pomona adulteri giocosi,
fan nascere nel suol mostri mentiti.

***КОМАРУ, МЕШАВШЕМУ
ЛИТЕРАТУРНЫМ ЗАНЯТИЯМ АВТОРА***

Ты будишь ярость, круг чертя за кругом,
И силы нет терпение напрячь,
Твои уколы, маленький палач,
Мешают образованным досугам.

Твоей трубы в звучании упругом
Триумф звенит, безжалостный трубач,
Ты ранишь веки сонные — хоть плачь,
Ты заставляешь сон бежать с испугом.

Гудящий атом, ты снискал хулу,
Вонзая жало и в лицо и в руку,
Гул превращая в звонкую стрелу.

По вкусу кровь кусающему звуку,
На горе нам. Проклятие теплу!
Терпеть — и от кого — такую муку!

***ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БЕРГАМОТЫ,
В ИЗОБИЛИИ ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ
В САДАХ РЕДЖО-ДИ-КАЛАБРИИ***

Каприз природы, буйных снов расцвет,
Фантазии причуда воспаленной,
Ветвистые Протеи, вздор зеленый,
Кошмары, бергамоты, зримый бред,

Подобье рати Кадма, — разве нет? —
К осеннему турниру снаряженной,
Или уроды, ветреной Помоной
Из-под земли рожденные на свет.

Vedi zampe di tigri e ceffi d'orso
e chimere di serpi; e se l'addenti,
quasi ne temi il tocco e fuggi il morso.

Altri in larve di Lemuri frementi
arruffano di corna orrido il dorso,
e fan cibo e diletto anco i spaventi.

LA TARMA

Arpuccia de' libri, empia tignuola,
rodendo il sen di pagine erudite,
ruba con sordo ardir d'avida gola
a' saggi estinti postume le vite.

Del suo minuto dente a noi s'invola
lo spirito de gl'ingegni; e ponsi in lite
ciò che in eredità lascia la scola,
confuso e guasto a lettere sparite.

Morde chi la produsse e la nutrisce;
nata, aborre la luce, e sempre ascosa
appesta i fogli in atomi di bisce.

Del fallo original ombra odiosa,
strugge il censo de l'alme, e le sue strisce
son supplicii di polve ove si posa.

Перед тобой химеры, мир звериный,
Медвежья морда, щупальца медуз,
И лапа тигра, и клубок змеиный.

И в страхе ты предчувствуешь укус...
А вот рога торчат густой щетиной...
Но и у страха запах есть и вкус.

МОЛЬ

Подумать только, сколько зла от моли!
Страницы просвещенные грызя,
Моль обрекает книги жалкой доле,
Посмертной жизни мудрецов грозя.

Она для распри расчищает поле,
Дух разума безжалостно разя:
Как можно рассуждать о некоей школе,
Коль половины букв прочесть нельзя?

Кем рождена, того злодейка гложет,
К наследию духовному глуха,
Прожорливости утолить не может

И, призрак первородного греха,
Страницы искаленные множит:
Где проползла она — лежит труха.

BACCO IN TOSCANA*(Frammento)*

Chi l'acqua beve,
mai non riceve
grazie da me:
sia pur l'acqua a bianca o fresca,
o ne' tonfani sia bruna;
nel suo amor me non invessa
questa sciocca ed importuna;
questa sciocca, che sovente
fatta altiera e capricciosa,
riottosa ed insolente,
con furor perfido e ladro
terra e ciel mette a soquadro.
Ella rompe i ponti e gli argini,
e con sue nembose aspergini
su i fioriti e verdi margini
porta oltraggio a i fior più vergini;
e l'ondose scaturigini
alle moli stabilissime,
che sarian perpetuissime,
di rovina sono origini.
Lodi pur l'acque del Nilo
il Soldan de' Mammalucchi;
né l'ispano mai si stucchi
d'innalzar quelle del Tago;
ch'io per me non ne son vago.
E se a sorte alcun de' miei
fosse mai cotanto ardito
che bevessene un sol dito,
di mia man lo strozzerei.
Vadan pur, vadano a svellere
la cicoria e' raperonzoli
certi magri mediconzoli,
che coll'acqua ogni mal pensan di espellere:
io di lor non mi fido
né con essi mi affanno;
anzi di lor mi rido,

ВАКХ В ТОСКАНЕ

(Отрывок)

Взял привычку
 Пить водичку —
 Нет тебе благословенья.
 Будь вода свежа, прозрачна,
 Будь из омута, черна,
 Я смотрю на воду мрачно,
 Не по вкусу мне она.
 Я смотрю на воду хмуро:
 Брызжет злобою вода,
 И нередко эта дура
 Небо путает и землю.
 Воду сроду не приемлю!
 И с мостами и с плотинами
 Счеты сводят наводнения,
 Над цветущими долинами
 Проносья рекой забвения,
 Над стенами-великанами,
 Над стенами-исполинами,
 И от волн зияют ранами
 Стены, ставшие руинами.
 Пусть по нраву будет Нил
 Мамелюкскому султану,
 Я из Нила пить не стану.
 Пусть испанцу Тахо мил,
 Я из Тахо пить не стану.
 И от тех не потерплю,
 Кто меня, казалось, любит:
 Пусть хоть капельку пригубит —
 Сам на месте удавлю!
 Не хочу меняться шкурами
 С докторишками худущими,
 Корешки и травки рвущими,—
 Дескать, можно от всего лечить микстурами.
 Ну их всех,
 С корешками!
 Просто смех!

che con tanta lor acqua io so ch'egli hanno
un cervel così duro e così tondo,
che quadrar nol potrà né meno in pratica
del Viviani il gran saper profondo
con tutta quanta la sua matematica.
Da mia masnada
lungi sen vada
ogni bigoncia
che d'acqua acconcia
colma si sta:
l'acqua cedrata,
di limoncello,
sia sbandeggiata
dal nostro ostello.
De' gelsomini
non faccio bevande,
ma tesso ghirlande
su questi miei crini.
Dell'aloscia e del candiero
non ne bramo e non ne chero.
I sorbetti, ancor che ambrati,
e mille altre acque odorose,
son bevande da svogliati
e da femmine leziose.
Vino vino a ciascun beber bisogna,
se fuggir vuole ogni danno:
e non par mica vergogna
tra i bicchier impazzir sei volte l'anno.

.....

Столько выпили воды, а сами
Круглыми остались идиотами,
И мозги их круглые, болваньи,
Выправить не смог бы и Вивьяни,
С гениальными его расчетами.
С морсом кадка —
И подумать гадко!
С морсом бочка —
Прочь катись, и точка!
Для моей оравы
Нет страшной отравы,
Чем сироп.
Не терплю хваленого
Я питья лимонного
И весной цветочки
Рву не для питья,
Из цветов веночки
Для кудрей плетя.
Пить кандьеро? Пить алошу?
Ради них вино не брошу.
Нет, водичка не для пьяниц,
Объявляю всем открыто,
А для барышень-жеманниц
И людей без аппетита.
Бахус на своем стоит упорно:
Лишь вино прогонит всякую беду,
И нисколько не зазорно
Пьяным быть шесть раз в году...

.....

SOGNO

Quando il sol dorme in mare, egli è ben dritto
che nel mar del mio pianto il sol discenda;
s'ardo in vegliar, non è ragion ch'afflitto
nel riposo commun Lidia m'accenda.

Se ad occhi aperti io son da lei trafitto,
ad occhi chiusi almen rimedio io prenda;
se m'odia il giorno, almen suo sdegno invitto
per me la notte il tormentar sospenda.

O sogno, o notte, o desiato orrore,
per voi mi reca, e con pietose tempre,
l'ombra al dormir reduplicate aurore.

Deh! pria che 'l petto in lagrimar si stempere,
soccorso, o Cielo; o così lascia, Amore,
ch'io la goda vegliando o dorma sempre.

МЕЧТА

Взойдет мечта, лишь солнце канет в море —
На море слез нисходит, боль смягчив.
Горю любовью к Лидии, но горе
Во сне безмолвствует, и я счастлив.

На стрелы гнева не скупятся зори.
Я обретаю мир, глаза смежив.
Презренье, что ловлю я в каждом взоре,
Ночами гаснет, и опять я жив.

Истома, ночь мечты неодолимой,
Одна мне утешение несет,
Но боль к утру вдвойне невыносима.

О боже, смилуйся! Пусть боль невзгод
В груди растает; пусть любовь незримо
Живет лишь в грезах иль навек заснет.

L'USIGNUOLO

Nel muto orror di solitarie piante,
 sotto notturno cielo,
 mentre solo men vo tradito amante
 e di Fille e d'Amore io mi querelo,
 sento mesto usignuolo
 che riempie, cantando a l'aer fosco,
 con l'amaro suo duolo,
 l'aure di gioia, e di dolcezza il bosco.
 Poiché su l'erma e taciturna riva
 altri allor non mi udiva,
 de le mie pene e de gl'inganni altrui
 cosí mi presi a vaneggiar con lui:
 «Usignuol, che in questo lito
 al tuo mal conforto chiedi,
 credi tu, dillo se 'l credi,
 che da Fille io sia tradito?»
 Allora in suo linguaggio
 il musico selvaggio
 mi rispose cosí:
 «Sí sí sí sí sí sí sí ti tradí.»
 «Come, oh Dio, poteo lasciarmi
 per seguir chi men l'adora?
 Io so pur che Fille ognora,
 Fille ognor dicea d'amarmi.»
 Allora in suo linguaggio
 il musico selvaggio
 cosí mi replicò:
 «No no no no no no non t'amò.»
 «Dunque, rotto il laccio duro,
 scaccerò Fille dal core;
 il farò, sentimi, Amore,
 il farò, tel dico, e 'l giuro.»
 Allora in suo linguaggio
 il musico selvaggio
 disse quando giurai:
 «Mai mai mai mai mai mai mai nol farai.»

СОЛОВЕЙ

В лесу тревожный сумрак нарастал,
молчало небо хмуро,
отвергнутый любовник, я плутал
в обиде на Филлиду и Амура.
И ропот соловья,
сжимающий мне сердце поневоле,
во тьме услышал я —
напев страдания, радости и боли.
И оттого, что только лес немой
мог слышать голос мой,
пеняющий людскому бессердечью,
к певцу с такой я обратился речью:
«Соловей, ты у ручья
льешь рыдания до рассвета,
неужели правда это,
что Филлидой предан я?»
В ответ услышал снова
я плач певца лесного,
печальный, как всегда,
твердил он: «Да! Да! Да!»
«Новый друг ее погубит, —
что мне делать, соловей?
Говорила мне, что любит,
как я мог не верить ей?»
Во тьме услышал снова
я плач певца лесного,
твердил он мне в ответ:
«Не любит, нет, нет, нет!»
«Соловей, порву я путы,
и утихнет боль моя!
О Филлиде ни минуты
тосковать не буду я!»
В ответ услышал снова
я плач певца лесного:
«В душе твоей одна
она, она, она!»

PARTENZA

Io parto, ma voi,
speranze, che fate?
partite o restate?

Se negate di partire
resterete col cor mio,
ma so ben ch'ho da morire,
se partendo ho da dir: «Speranze, addio.»
Darmi pena maggiore Amor non puoi.
Io parto, ma voi,
speranze, che fate?
partite o restate?

Solo voi consolerete
lontananze tanto amare,
se con me vi partirete
e starete con me, speranze care.
Darmi gioia maggiore Amor non puoi.
Io parto, ma voi,
speranze, che fate?
partite o restate?

ПРОЩАНИЕ

Я бегу, а ты,
ты, Надежда, как решишь?
Остаешься? Убежишь?

Коль для бегства нету силы,
в сердце ты вольна остаться.
Но разверстый зев могилы
мне велит с тобою распрощаться.
Я сжигаю к счастью мосты.
Я бегу, а ты,
ты, Надежда, как решишь?
Остаешься? Убежишь?

Только ты способна сладить
с горькой мукой расставанья,
боль из памяти изгладить.
Не оставь меня из состраданья!
К счастью не сожжены мосты.
Я бегу, а ты,
ты, Надежда, как решишь?
Остаешься? Убежишь?

ALL'ITALIA

Italia, Italia, o tu cui feo la sorte
dono infelice di bellezza, ond'hai
funesta dote d'infiniti guai
che in fronte scritti per gran doglia porte;

deh fossi tu men bella, o almen più forte,
onde assai più ti paventasse, o assai
t'amasse men chi del tuo bello a i rai
par che si strugga, e pur ti sfida a morte!

Ch'or giù dall'Alpi non vedrei torrenti
scender d'armati, e del tuo sangue tinta
bever l'onda del Po gallici armenti;

né te vedrei, del non tuo ferro cinta,
pugnar col braccio di straniera genti,
per servir sempre o vincitrice o vinta.

К ИТАЛИИ

О ты, кому судьбина дар злосчастный —
Чарующую красоту дала,
Отметила чело печатью зла
И муке обрекла тебя безгласной,

Италия, когда б не столь прекрасной
Или хотя бы ты сильней была,
Чтоб тот, кому сегодня ты мила,
Любовь к тебе считал небезопасной,

Сегодня не спускались бы сюда
Потоком рати по альпийским скатам,
Из По не пили галльские стада;

И не дралась бы ты чужим булатом
В чужой борьбе за то, чтобы всегда
Служить не тем, так этим супостатам!

PRESAGI DI TEMPO PIOVOSO

Sento in quel fondo gracidar la rana,
indizio certo di futura piovà:
canta il corvo importuno, e si riprova
la foliga a tuffarsi alla fontana.

La vaccherella in quella falda piana
gode di respirar dell'aria nuova;
le nari allarga in alto, e sí le giova
aspettar l'acqua, che non par lontana.

Veggio le lievi paglie andar volando;
e veggio come obliquo il turbo spira;
e va la polve, qual paléo, rotando.

Leva le reti, o Restagnon; ritira
il gregge agli stallaggi; or sai che quando
manda suoi segni 'il ciel, vicina è l'ira.

* * *

Послушай: в камышах зашлась квакуха —
Примета верная, что дождь польет;
Все ниже, ниже ласточек полет;
Вороний грай все тягостней для слуха;

На бугорке тревожится пеструха
И раздувает ноздри — наперед
Учуяла, что досыта попьет;
Взгляни: соломки и комочки пуха

Кружат; и ходит вихрь косым винтом —
То здесь, то там: мила ему свобода;
И вьется легкий прах веретеном.

Мой Рестаньон, спеши из огорода
Скорей под кров, пока не грянул гром,—
Вещает Небо: близко непогода.

DONA ALLA SUA DONNA L'«ADONE»

Queste carte che Pindo ammira e cole
 e ch'io supplice umile a te presento,
 quant'hanno in sé d'amore e di lamento
 tutte menzogne son, tutte son fole.

Sol verace è l'amor, vago mio Sole,
 sol verace è 'l martir ch'io nel cor sento;
 là pinto è 'l duolo e qui vivo 'l tormento,
 qui traboccano affetti e là parole.

Leggi pur, leggi, e la mia vita amara
 d'amara morte apprendi; e ad esser pia
 dalla pietà di bella diva impara.

Leggi, e se 'l tutto è finto, a te pur sia
 scorta il finto del ver e fiati chiara
 ne le favole altrui l'istoria mia.

GIOCO DI NEVE

Cilla di bianco umor massa gelata
 coglie e preme e ne forma un globo breve;
 n'arma poscia la mano, a fredda neve
 calda neve aggiungendo ed animata.

Al mio sen poi l'avventa, amante amata;
 ma se finto è il pugnar, se 'l danno è lieve,
 tragge pur da que' scherzi offesa greve
 l'alma, a provar gli antichi assalti usata.

Porta amico sfidar battaglia vera,
 nascer dal riso il lagrimar si mira,
 fa verace impiagar mentita arcera;

mirasi il duol uscir di grembo al gioco,
 da nuvoli d'amor saette d'ira
 e da strali di giel piaghe di foco.

ПРЕПОДНОСИТ СВОЕЙ ДАМЕ «АДОНИСА»

Страницы эти вознесла молва,
Прими их в дар, но будь к тому готова,
Что о любви в них правды нет ни слова
И лгут о муках за главой глава.

Моя любовь — не громкие слова,
Моя печаль сердечная правдива,
Там боль — картина, тут страдание живо,
Здесь — чувства, там — речений кружева.

Но ты прочти — и о моей судьбине
Тебе расскажет гибелью герой;
Учись добру, пример беря с богини.

Прочти — ведь и обман правдив порой —
И правду там, где нет ее в помине,
Найди и в сказках мой удел открой.

ИГРА В СНЕЖКИ

Не чувствуя ладонью жаркой хлада,
Она проворно лепит белый шар —
Игрушечный снаряд, счастливый дар
Ниспосланного небом снегопада.

И в грудь удар шутового снаряда
Приходится — забава, не удар,
Но от него меня бросает в жар
И хочется взмолиться: «Стой! Не надо!»

Не шутка это. Не на шутку бой,
Должны ведь и у шуток быть пределы.
Как можно ранить шуточной стрельбой?

Нельзя от правды отличить обман,
Когда летят из туч любовных стрелы
Холодные — причина жгучих ран.

BELLA LIBRAIA

Costei ch'altero esempio è di beltate,
oh con che leggiadria, con che bell'arte
troncar le fila, adeguar sa le carte
ch'io con logiche penne avea vergate!

Poscia di greve acciar le mani armate,
le batte e le ribatte a parte a parte,
e tra pelli sottil, tratta in disparte,
le rende in mille nodi incatenate.

Lasso, e questa è d'amor frode novella,
inganno, oimè, che in atto umile e pio
scopre il fero tenor de la mia stella.

Tronca il filo, ed è il fil del viver mio;
martella i fogli, ed il mio cor martella;
legagli, e son tra lor legato anch'io.

LA FONTANA DI PONTE SISTO IN ROMA

Vedi, non che cader, precipitare
piogge d'immensi umor quasi d'un cielo,
che ne pungono il cor di dolce telo,
agli orecchi sonore, agli occhi chiare.

Liquida è l'onda e pur gelata appare,
né di lassù trabocca altro che gelo;
poi se ne forma un curvo e crespo velo,
che si frange in sui marmi e cangia in mare.

Vedi quel mar di quante spume abonda;
par che bolla anco il giel, fumi e faville
par che surgano ancor da gelid'onda.

Vedi come concordi anco le stille,
a l'armonia di quegli umor gioconda,
ballano a cento a cento, a mille a mille.

КРАСАВИЦА ПЕРЕПЛЕТЧИЦА

Она, пример волшебной красоты,
С каким изяществом, с какой сноровкой
Соединяет плотною шнуровкой
Моих стихов заветные листы!

Потом на них железо с высоты
Она рукой обрушивает ловкой
И прикрепляет с двух сторон бечевкой
Пергамент — кожи тонкие пласты.

Как мне с обманом вкрадчивым бороться,
Любовной силе противостоя?
Звезда моя суровой остается.

Жестока переплетчица моя:
Бьет по листам она — и сердце бьется,
Сшивает их — и так же связан я.

ФОНТАН НА ПОНТЕ-СИСТО В РИМЕ

Как будто с неба не переставая
Не дождичек, не дождь, а ливень льет,
Ласкает слух и око водою,
Восторженное сердце согревая.

Волна повисла, словно неживая,
Струя, скорей напоминая лед,
О мрамор разбивается — и вот
Впадает в море, пеной обдавая.

Как будто лед пробили родники,
Волна кипит — и россыпью жемчужной
Сверкают ледяные черепки.

И под немолчный звон семьею дружной
Бесчисленные пляшут пузырьки,
Веселие будя в душе досужной.

I BACI DELLA DONNA MUTA

Quand'io ti bacio, allora,
muta bocca amorosa,
muta bocca odorosa,
intendo la cagion perché tu taci:
nascesti solo a mormorar co' baci.

ПОЦЕЛУЙ НЕМОЙ ДАМЫ

329

Целуя вас, я знаю,
Медовые уста,
Что ваша немота —
От веры, от счастливого сознания:
Вы рождены, чтоб лепетать лобзанья.

IL MOLINO

Mole d'un fiume in su le sponde accolta,
cozza in più rote, a l'arietar de l'onda;
la primiera dà moto a la seconda,
e la seconda poi l'altre rivolta.

Indi leva una selce, ove sepolta
con sollecito pié Cerere affonda,
e la granita sua chioma già bionda
in atomi canuti ecco disciolta.

Tal noi del tempo il vasto gorgo incalza:
la puerizia in gioventù risolve,
la giovinezza in mezza età trabalza.

Questa in vecchiezza, o mio Camillo, ei volve;
ed ecco del sepolcro allor c'inalza
la pietra in capo, e ci sfarina in polve.

LE FORMICHE

Fissa l'occhio, mortal, qui dove impressa
par di punti animati esser la terra.
D'atomi vivi qua turba indefessa
sorge, va, passa, torna, e scorre, ed erra.

Cumuletti di grano, in schiera spessa,
per lunga striscia strascinando afferra,
vi s'affatica intorno, e poi se stessa
con la raccolta messe al fin sotterra.

Dunque spécchiati in lor, tu, che persisti
ne l'accogliere ricchezze, alma inquieta,
e qual formica in cumular ti attristi.

Ne l'avarizie tue vanne pur lieta,
che son dei sudor tuoi meta gli acquisti:
ma degli acquisti poi la tomba è meta.

МЕЛЬНИЦА

Волне послушны, лопасти стучат
Стоящего над берегом колосса,
И медленно тяжелые колеса
Вращаются, одно другому в лад.

И каменные жернова скрипят,
И торопливою стопой с откоса
Церера сходит, золотоволоса,
И камни золото в белый снег мельчат.

Так Время крутит нас, мой друг Камилло,
Обруша на людей свою реку:
Минуло детство — юность наступила;

Проходит зрелый век — и старику
Не за горами видится могила,
Чей камень в прах стирает нас, в муку.

МУРАВЬИ

Ты видишь — по земле живые точки,
Как бы живые атомы, снуют,
Согласно, дружно, не поодиночке, —
То здесь они, то там, то снова тут?

Цепочкою ползут — и все в цепочке
По зернышку не без труда влекут,
Чтобы добычу закопать в лесочке
И продолжать неутомимый труд.

Понаблюдай за этой канителью,
Ты, что, алчбою душу распаяя,
Богатства копишь потом, чужд веселью.

Так и умрешь, алчбы не утоля,
Ты, сделавший стяжанье главной целью,
Тогда как цель стяжания — земля.

**NON CURANDOMI
DI RIVEDER LA PATRIA**

Addio contrade mie. Di clima esterno
io resto a respirar l'aura benigna.
L'aria materna è una Giunon matrigna,
e Saturno dei figli è il ciel paterno.

Verso la patria un non so che d'interno
costante amor so che ne l'alme alligna;
ma la terra natia, quand'è maligna,
paga un perpetuo amor con odio eterno.

Vado, e soggiorno universale io spero
dovunque mai con mormorio facondo
la mia fama precorra il mio sentiero.

Questa è la sorte alfin d'uom vagabondo:
ignoto, ancora in patria è forastiero;
famoso, è cittadino in tutto il mondo.

**AL SIGNOR DON CESARE PAGANI,
SENATOR DI MILANO**

Punitis ingeniis gliscit auctoritas.

Tacito, Annal. 4.

Ridicolo pensier d'ingegni oscuri,
sciocca credulità di fatua mente,
creder che possa mai rabbia presente
abolir le memorie ai di futuri!

Un tribunal che i fogli altrui censuri,
erga lor co' suoi fasci un rogo ardente,
Cesare, impugni pur togata gente
su lo scrittor le consolari scuri,

erra chi ciò consiglia e ciò decreta:
in vece che a l'oblio quell'opera affiga,
la publica, volendola segreta.

Tu il foro a tal follia mai non instiga.
Gli scritti fa bramar chi li divieta,
accredita l'autor chi lo castiga.

**НЕ НАМЕРЕВАЯСЬ
ВОЗВРАЩАТЬСЯ НА РОДИНУ**

Я на тебя смотрю прощальным взглядом,
Земля моя. Ты мачеха, не мать.
Чужим я стану воздухом дышать,
Чужбина для меня не будет адом.

Меня сочла ты недостойным чадом,
На мне — проклятья твоего печать.
Чего другого от отчизны ждать,
Что за любовь всегда платила ядом?

Приют найду я в стороне любой,
Где слава звуком лиры вдохновенной
Опередить приход сумеет мой.

Таков скитальца жребий неизменный:
Безвестный — он в отечестве чужой,
Прославленный — он гражданин вселенной.

**ДОНУ ЧЕЗАРЕ ПАГАНИ,
СЕНАТОРУ МИЛАНА**

Punitis ingeniis gliscit auctoritas.

Тацит. Анналы, 4

Неимоверной тупости плоды!
Какая глупость — верить твердолобо,
Что дикая сегодняшняя злоба
Навеки может скрыть свои следы!

Пускай в огонь цензурные суды
Швыряют кипы книг, пусть смотрят в оба,
Доводят сочинителей до гроба,
Пусть консулы, как никогда, тверды,—

Помилуй, Цезарь, ведь они не правы:
Безумие — на книги класть запрет
И требовать над автором расправы!

Писателей бранить — себе во вред:
Творенью только прибавляют славы,
Когда его не выпускают в свет.

GIAMBATTISTA FELICE ZAPPI

* * *

Un cestellin di paglie un dí tessèa
Tirsi, cantando appié d'un verde alloro;
dentro vi chiuse un bacio e poi dicea:
«Vànnè in dono a colei per cui mi mòro.»

Piacque l'opra ad Amor. Dentro al lavoro
vezzi alla madre tolti anch'ei chiudea,
e in un le punte di quei dardi d'oro,
che scelti sol per le bell'alme avea.

Quando l'aprí la semplice Nigella,
il bacio del pastor corse non tardo
a prender loco in sulla fronte bella.

Ogni vezzo si sparse al viso ond'ardo;
verso il ciglio volaron le quadrella:
e son quelle ch'ognor vibra col guardo.

* * *

Sognai sul far dell'alba, e mi pareo
ch'io fossi trasformato in cagnoletto,
sognai che al collo un vago laccio avea,
e una striscia di neve in mezzo al petto.

Era in un praticello, ove sedea
Clori, di ninfe in un bel coro eletto:
io d'ella, ella di me, prendeam diletto;
dicea: — Corri, Lesbino: ed io correa.

Seguía: — Dove lasciasti, ove sen gío
Tirsi mio, Tirsi tuo; che fa, che fai?
Io gía latrando, e volea dir: — Son io.

M'accolse in grembo, in duo piedi m'alzai:
inchinò il suo bel labbro al labbro mio,
quando volea baciarmi, io mi svegliai.

ДЖАМБАТТИСТА ФЕЛИЧЕ ДЗАППИ

* * *

Тирсит соломенную плел корзину
И плел под сводом лавровых ветвей —
В ней поцелуй он отошлет в долину:
«Ступай к любимой, грусть ее развей!»

Амур к Венере: «Поспособствуй сыну,
Нет у тебя примерней сыновей!
Я стрелы страстные в солому кину,
Чтоб дело продвигалось поживей!»

Ниджелла крышку снять спешит с подарка,
И поцелуй, таящийся на дне,
Девичью щеку увлажняет жарко.

Взлетают стрелы в золотом огне:
Глаза ее горят теперь так ярко,
Что сердце прожжено по их вине.

* * *

К утру, в тиши пастушьего ночлега,
Приснилось мне, стал резвым я щенком:
Тугой ошейник, грудь белее снега,
Такой пушистый, шаловливый ком.

Дышала зноем луговая нега,
Сидели нимфы юные кружком,—
На Клору любовался я тайком
И ей в колени тыкался с разбега.

«Веди,— велела госпожа моя,—
К хозяину! Где мой Тирсит?»— и, лая,
Сказать хочу: «Тирсит твой— это я!»

Нагнулась, приласкать меня желая,
Встаю на лапы, счастья не тая,
И сон мой тает, точно шутка злая.

In quell'età ch'io misurar solea
me col mio capro, e 'l capro era maggiore,
io amava Clori, che insin da quell'ore
maraviglia e non donna a me parea.

Un dí le dissi: io t'amo, e 'l disse il core,
poiché tanto la lingua non sapea;
ed ella un bacio diemmi, e mi dicea:
pargoletto, ah non sai che cosa è amore!

Ella d'altri s'accese, altri di lei;
io poi giunsi all'età ch'uom s'innamora,
l'età degl'infelici affanni miei!

Clori or mi sprezza, io l'amo insin d'allora:
non si ricorda del mio amor costei;
io mi ricordo di quel bacio ancora.

Мне год пошел седьмой или восьмой,
Пастух, я с козым вожакон, бывало,
Сверял свой рост, а сердце изнывало
По Клоре, но в ответ на взгляд прямой

Боялся с тайны сдернуть покрывало
И все ж признался на пути домой.
Красавица меня поцеловала:
«Что знаешь о любви ты, мальчик мой?»

В других влюблялась Клора, и повсюду
Влюбленно кто-нибудь вздыхал о ней.
Взрослея, вскоре понял я, что буду

Любить ее не меньше, а сильней,—
Ее я поцелуя не забуду,
Хотя она не помнит прежних дней.

* * *

Non templi od archi, e non figure o segni
 in alto posti, né di bronzo o d'oro
 effigiate logge, o in mezzo al foro
 marmo, che sculto i prischi fatti insegni,

ma il pregio solo de' divini ingegni
 e le fronti cui cinge eterno alloro
 chiare fan le cittadi e i fasti loro
 fregian con nomi gloriosi e degni;

e più per voi, Signor, fia che si nome
 Pistoia vostra, cui d'ornar vi piacque,
 tal che ogni altra città l'inchini e ceda,

che per la piaga antica, onde fur dome
 l'inique schiere e Catilina giacque,
 feroce tronco, a i toschi augelli in preda.

* * *

Qual feroce leon che assalit'abbia
 pastor malcauto, e il preme, e in fuga il caccia:
 quei d'elce o quercia a l'alte annose braccia
 ricovra, e schiva del crudel la rabbia:

il qual gli è intorno, e con spumanti labbia
 ruggendo il mira, e pur quel tronco abbraccia
 con l'unghie adunche, e il crolla, e pur procaccia
 salirvi, e sparge invan col pié la sabbia:

cosí costei, che del leon d'inferno
 fuggí gli artigli, ed ha ricovro amico
 su i santi rami del gran tronco eterno;

l'ira non teme più del fier nemico:
 e lo vedrem, pien d'aspro duolo interno,
 tornar ruggendo a quel suo centro antico.

* * *

Не арку римлян с росписью богатой,
Не убранные золотом дома,
Не колоннаду в зелени холма,
Не бронзу или мрамор древних статуй,

Не плиты площадей сочту утратой,
А небреженье к светочу ума,
Он чтим — и слава сходит к нам сама:
Величье гения — ее глашатай!

Историк, именем твоим горда,
Пушкой затмит другие города
Пистойя, продолжая список длинный

Деяний, названных в труде твоём,
Не вспоминай о трупке Катилины,
Исклеванном тосканским вороньем!

* * *

От голода рассвирепев сугубо,
Рычавший лев бежит за пастухом,
Преследует его в лесу глухом,
А тот влезает на вершину дуба.

Кору когтями зверь сдирает грубо,
Обхватывает ствол, поросший мхом,
Но на суку спасительном верхом
Беглец смеется злобе душегуба.

От козней Дьявола в обличье льва
Так взобралась к ветвям небесным дева,
И Вечности спасла ее листва.

Смешно ей Вражьего бояться гнева:
Взираем мы, как, муку скрыв едва,
В Геенну зверь плетется прочь от древа.

* * *

Vergini, che pensose a lenti passi
da grande ufficio e pio tornar mostrate,
dipinta avendo in volto la pietate
e più ne gli occhi lagrimosi e bassi,

dov'è colei, che fra tutt'altre stassi
quasi sol di bellezza e d'onestate,
al cui chiaro splendor l'alme ben nate
tutte scopron le vie d'onde al ciel vassi?

Rispondon quelle: «Ah non sperar più mai
fra noi vederla! Oggi il bel lume è spento
al mondo, che per lei fu lieto assai.

Su la soglia d'un chiostro ogni ornamento
sparso, e gli ostri e le gemme al suol vedrai;
e il bel crin d'oro se ne porta il vento.»

* * *

Vegliar le notti, e or l'una or l'altra sponda
stancar del letto rivolgendo i lassi
fianchi, e traendo sospir tronchi e bassi
per la piaga, ch'io porto aspra e profonda;

e 'l dí fuggir, dove non erba o fronda
ombri il terren, ma nude balze e sassi,
mesto rigando il suolo, ovunque io passi,
con larga vena, che per gli occhi inonda;

e ben scorgere omai che costei serba
suo antico stile, e dopo il decim'anno
rivederla più bella e più superba;

vivere intanto, e d'uno in altro inganno
passare e d'una in altra pena acerba:
questa legge m'imposa il mio tiranno.

* * *

Уныло, как от гробового края,
От пышной мессы прочь бредете вы,
Не поднимая скорбной головы,
Неистошимых слез не вытирая.

Ступает медленно одна, вторая,
Но среди вас не вижу я, увы,
Той, чьи глаза, как луч из синевы,
Указывали путь к блаженству рая.

В ответ услышал я: «Забудь о ней!
В миру подругу ищешь ты впустую,
Без глаз ее земля еще мрачней.

Она сменила пурпур на простую
Холстину — без браслетов и перстней,
И ветер прядь уносит золотую».

* * *

Ворочаться полночи на постели,
Не спать, уставясь в черную дыру,
Вздыхать, стонать, томиться и к утру
Ломоту чувствовать в разбитом теле;

Уйти, но не туда, где загустели
Приютно травы в дремлющем бору,
А по камням, на бешеном ветру,
Бежать, чтоб слезы на глазах блестили,

И сознавать, что десять долгих лет
Тебя не изменили, как ни странно,
И ощущать, с волнением глядя вслед,

Как открывается за раной рана,
За ложью ложь, — иной мне жизни нет
По приговору моего тирана.

Poiché scese qua giù l'anima bella
che nel sen di costei posar dovea;
incerta errando in questa parte e in quella,
niuna degna di lei salma scorgea.

Qual basso luogo è questo? e chi m'appella
qua giù dal ciel? sdegnando ella dicea:
e già per ritornar, di stella in stella,
era a l'alta onde scese, eterna idea.

Pur, seguendo de' fati il gran disegno,
entrò nel vago destinato velo:
vago bensí, ma pur di lei non degno.

E già lo sprezza; e già, colma di zelo,
cerca, rotto il suo fral breve ritegno,
tutte le vie di ricondursi al cielo.

Прекрасная душа на землю к нам
С небес для воплощенья прилетела
И, в страхе посмотрев по сторонам,
Достойного не отыскала тела.

«Кто звал меня? Каким нужна я снам?» —
Заплакала она осиротело
И к звездам по взмывающим волнам
Уже вернуться, гневная, хотела,

Как вдруг, пойдя по верному пути,
Нашла у самого земного края
Прибежище, желанное почти.

Почти, да не совсем, и, презирая
Свой облик, этот ангел во плоти
Мечтает поскорей достигнуть рая.

* * *

Solitario bosco ombroso,
a te viene afflitto cor,
per trovar qualche riposo
tra i silenzi in quest'orror.

Ogni oggetto ch'altrui piace
per me lieto più non è:
ho perduta la mia pace,
son io stesso in odio a me.

La mia Fille, il mio bel foco,
dite, o piante, è forse qui?
Ahi! la cerco in ogni loco;
eppur so ch'ella partí.

Quante volte, o fronde grate,
la vostr'ombra ne coprí!
Corso d'ore sí beate
quanto rapido fuggí!

Dite almeno, amiche fronde,
se il mio ben più rivedrò;
ah! che l'eco mi risponde,
e mi par che dica: No.

Sento un dolce mormorio;
un sospir forse sarà:
un sospir dell'idol mio,
che mi dice: Tornerà.

Ah! ch'è il suon del rio, che frange
tra quei sassi il fresco umor;
e non mormora, ma piange
per pietà del mio dolor.

Ma se torna, vano e tardo
il ritorno, oh déi! sarà;
ché pietoso il dolce sguardo
sul mio cener piangerà.

* * *

Сенью лиственной влекомый,
В лес пустынный прихожу —
В тишине его знакомой
Отдых сердцу нахожу.

То, что каждому по нраву,
Мне не нравится давно,
Над собой чиню расправу —
Так в душе моей темно!

Здесь Филлиду, лес молчащий,
Не встречал ли ты мою?
Знаю, нет любимой в чаще,
Но искать не устаю.

Сколько раз под влажным сводом
Лес ветвистый прятал нас,
Но, подобно быстрым водам,
Пролетал за часом час.

Так скажи мне, свод зеленый,
Неужели навсегда
Потерял мечту влюбленный? —
Отвечает эхо: да!

И внезапно — вздох из грота,
Вздоха милой горячей:
«Жди ее!» — взывает кто-то.
«Жди ее!» — журчит ручей.

Ах, ручей, упреки прячешь
Ты в камнях, на самом дне! —
Не вздыхаешь ты, а плачешь,
Сожалев обо мне.

Пусть придет, пока не поздно,
Не могу я вечно ждать!
Над остывшим пеплом слезно
Доведется ей рыдать.

Ruscelletto, a far soggiorno
teco io torno, sai perché?
A sfogar crudel tormento
col lamento vengo a te.

Sai che assiso in questa sponda
presso all'onda meco un dí,
Silvio al credulo mio core
giurò amore e dir s'udí:

Questo rio tornando al monte
la sua fonte rivedrà
pria che manchi, o pastorella,
la mia bella fedeltà.

Ruscelletto, alla sorgente
tua corrente tornar può:
del mi' amore per mercede,
quella fede già mancò.

Forse un'altra assai più bella
pastorella innamorò;
forse ancor la stessa fede
che a me diede, a lei giurò.

Ruscelletto, se mai quella
ninfa bella viene a te,
dille: Ad altre Silvio ingrato
ha giurato amor e fe'.

L'INVERNO

La neve è alla montagna,
l'inverno s'avvicina;
bellissima Nerina,
che mai sarà di me?
I giorni brevi e rigidi,
le notti aspre e lunghissime
come potrò mai vivere,
cara, lontan da te?

* * *

Ручейку глухой порою
Я открою боль свою,
Над волною тихо плача,
Слез не пряча, постою.

Здесь я Сильвио внимала,
И немало, мой ручей,
Слышал ты признаний страстных,
Клятв напрасных и речей.

«Знай, скорей ручей кипучий
Вверх по круче будет течь,
Чем с тобой я затоскую!» —
Вот какую вел он речь.

Руческ, вернись к истокам,
О жестоком позабудь!
Он в тиши ручья лесного
Счастлив снова с кем-нибудь.

Он теперь другой пастушке,
Как простушке, вновь и вновь
Говорит, моля о встрече,
Те же речи про любовь.

Если ж эта чаровница
Вдруг склонится над волной,
Не солги, что клялся милый —
До могилы! — ей одной.

ЗИМА

Глухое время года;
Деревья облетели;
И лютые метели,
И холод на носу.
Ах, как сплошные ночи
Без солнечного света
И ласковой Нерины
Зимой перенесу?

O la noiosa pioggia,
o l'aer freddo ingrato
di gire al colle e al prato,
mio ben, t'impedirà;
e il mio desir che pascesi
sol di tua vista amabile,
dove mirar sollevati,
in van mi guiderà.

Quel faggio che tant'aria
co' verdi rami ingombra
e tanto suol con l'ombra,
le frondi perde già,
l'ore soavi e rapide
ch'ei ne coprì dal fervido
altissimo meriggio,
sol ne rammenterà.

La selva, oh ciel! la selva
che sí spesso ne accolse
quando per noi si volse
bel tempo di piacer
o dalle nevi carica
vedremo curva gemere,
o d'aquilone l'impeto
appena sostener.

Oh se la mia capanna
in qualche dí festoso
potesse dar riposo
al tuo leggiadro pié!
D'alghe tessuta e vimini
sia pur campestre e rustica:
non vi saria delizia
altra maggior per me.

Perché dal freddo acuto
non fossero toccate
tue membra delicate
tutte spiranti amor,
porrei sul caldo cenere
aride legna ad ardere
con rami di giunipero
e piante d'altro odor.

Ты сядешь у камина
И в снегопад и в слякоть
О воле будешь плакать,
Ненастный день кляня.
Но робкая надежда,
Что ты в окно помотришь
И мир согреешь взором,
Уводит в путь меня.

Еще недавно древо
Листву, как опахало,
Над нами колыхало —
И вот оно мертво.
Земля еще недавно
Блаженствовала в неге
Полуденного солнца.
А ныне — нет его.

Еще недавно роща
Дарила под зеленым
Орешником и кленом
Любовникам приют.
А ныне бремя снега
Измучило деревья,
И ветры меж ветвями
Озябшими снуют.

О, если бы однажды
Своим лучистым оком
Согрела ненароком
Ты хижину мою!
Чертоги презирая,
Я б и в своем домишке
Средь утвари нехитрой
Почел себя в раю!

Своей красою хрупкой
Мне сердце зажигаю,
Ты скоро б, дорогая,
Забыла про мороз.
И в очаге полено
И хворост ароматный
Зажглись бы, источая
Благоуханье роз.

M'accorsi ove sta un lepre
nel cespo d'una balza
all'alito che s'alza
qual nebbia sul mattin;
so come vivo prenderlo
e ch'ami di serbartelo;
sí potess'io far cambio
del mio col suo destin.

Un candido capretto
che sugge latte ancora,
farò svenar allora
e cuocer tutto intier;
entro a schidon di frassino
sopra la brace a volgerlo
ci penserà Massilio,
di capre condottier.

Angusta botte ho piena
di vino generoso,
amabile, odoroso,
e vo' forarla allor;
e di radice d'acero
ho due ben fatte ciotole,
che a nuova sete invitano
labbra già sazie ancor.

Ninfa o pastore ad esse
non appressò la bocca:
s'una la tua ne tocca,
la prima ella sarà;
dell'altra il dono accettane;
quell'una io vo' serbarmela,
né ad altri che a me proprio
i labbri bagnerà.

Soave condimento
daran la tua bellezza,
le grazie e la dolcezza
a quanto io possa dar;
e i numi allor, che gustano
in ciel l'ambrosia e il nettare,
il desco e il mio tugurio
potranno invidiar.

Увижу я зайчонка
С его трусцою робкой
И серебристой тропкой
За ним направлюсь в лес.
Я зайчика поймаю
Любимой на забаву,
При этом сам охотно
В его бы шкуру влез!

Мечтаю я, как будет
Козленочек заколот,
А чтобы пламень в холод
Случайно не потух,
Над тушкою молочной,
На вертеле дымящей,
У очага засядет
Массилио-пастух.

Кувшины я наполню
Божественным нектаром,
Вино в бочонке старом
Достав из погребка.
И две резные плошки
Я сделаю из чурки.
И наполнять их будет
Без устали рука.

Две новенькие плошки.
Никто еще не брал их.
Они для губок алых.
И каждая чиста.
А для себя оставляю
Одну из них, к которой
Впервые прикоснутся
Возлюбленной уста.

А красота любимой
И деликатность нрава
Как лучшая приправа
Украсят наш обед.
И пусть в чертогах боги
Амброзию вкушают,
А жизни столь прекрасной
И на Олимпе нет!

LA FOLLIA DELLE DONNE

Non v'è in bosco pastorella
che non creda d'esser bella,
anzi ognuna giurerà
che l'uguale non vi sia.
Di sé altera va la bionda,
vuol che ogn'altra si nasconda,
tener crede incatenati
tutti i cor ne' crin dorati.
Col crin nero un'altra al fonte
a specchiarsi vien la fronte,
e in quel nero crede poi
che Amor tenda i lacci suoi.
Vuol la grande e ben cresciuta
la più bella esser tenuta
perché a lei su l'altre pare
ritta in piè poter regnare.
Vuol la picciola in opposto
fra le belle il primo posto,
e in compenso dell'altezza
fa giuocar la gentilezza.
Vien la bella ben nudrita,
larga in busto e stretta in vita,
e si stima quella sola
che per gli occhi il cor consola.
La magretta se ne ride
ed in suo favor decide
ché si crede un picciol fusto
tutta grazia e tutta gusto.
Vuol la ninfa dottoressa
adorata essere anch'essa,
vuol di sé, perché ha studiato,
tutto il mondo innamorato.
Baldanzosa l'ignorante
pompa fa d'un bel sembiante.
Vien la bella che si vanta
d'esser bella oltre i quaranta,
e ancor vuole e ancora crede
tutti i cuori far sue prede.

О ЖЕНСКОМ БЕЗУМИИ

Всякая, скажу вам прямо,
Как пастушка, так и дама,
Конкуренсток не любя,
Видит краше всех — себя.
Так, блондинка мнит, что выи
Гнут пред нею все живые,
Что любой кудрявый ус
Жаждет белокурых уз.
А брюнетка крутит локон,
Видя юношей у окон,
Убежденная, что спрос —
На хозяйку черных кос.
Мнит высокая, что просто
Прочим недостало роста,
То есть толпы чаровниц
Перед ней буквально ниц.
Не опустим правды ради:
Крошка также не внакладе,
Полагая в свой черед,
Что улыбкой верх берет.
А толстушка налитая
Плотно кушает, считая
Что не сыщешь горячей
Бархатных ее очей.
Доложу вам, и худая,
Малодушьем не страдая,
Скажет вам, что тощина
Прелестью освящена.
Эрудитка с видом хмурым,
Поднимая пред Амуром
Эрудицию на щит,
Об уме своем трещит.
Дура знает, что без меры
Блещет прелестью Венеры,
А старуха полонит
Явно свежестью ланит,
Всем решительно на свете
Выставляя розы эти.

Ma una bella in fresca età
viene e grida: «Chi va là?»
E in virtù d'anni diciotto
ai quaranta dà cappotto.
Ogni bianca senz'aiuto
di sospiri vuol tributo,
vuol col vivo suo candore
fra le belle il primo onore.
Ma superba vien la bruna,
né vuol cedere ad alcuna,
piena il cor d'ardite volgie
perché il bruno il bel non toglie.

IN UN CONVITO

Questo vermiglio e liquido
zampillante rubino
prima che fusse vino
del sole un raggio fu;

raggio, che dentro un grappolo
per belle vie secrete
fu preso come in rete
per non uscirne più.

Beviamlo a queste belle
arcadi pastorelle;
e de' piacer nemica
lungi vada l'antica
troppo austera virtù.

Beviamo; e le presenti
godiamo ore ridenti:
presto il piacer si perde;
fugge l'età più verde
e non ritorna più.

А кокетка в двадцать лет
Потешается ей вслед:
«Пусть глазеет, кто не зорок,
На красу, которой — сорок!»
Бледная, сказать дерзну,
Превозносит белизну
С малокровьем, поелику
Придают невинность лику.
Но богинь любых кровей
Смуглолицая первой,
Ибо прелесть смуглой кожи,
Разумеется, дороже.

ЗАЗДРАВНОЕ

Рубин кипучий этот,
Что лечит от печали,
Был не вином вначале,
А солнечным лучом.

Но пойман луч, как в сети,
Для службы постоянной:
Его из грозди пьяной
Вовек не извлечем!

За вас, пастушки наши,
Мы поднимаем чаши —
В них добродетель топим
И за порог торопим:
Она здесь ни при чем!

За вас мы пьем, покуда
Не вянет жизни чудо,
Покуда смертный холод
Не страшен тем, кто молод,
В ком радость бьет ключом!

POETA E RE

Vi fu un pazzo, non so quando,
che somiglia un poco a me,
che sul trono esser sognando,
comandava come un re.

Nell'inganno suo felice
conducea contento i dí;
ma per opra degli amici
medicato egli guarí.

Guarí, è ver; ma sé veggendo
pover uom qual pria tornato,
disse lor quasi piangendo:
Voi mi avete assassinato.

Col tornar della ragione
da me lungi se ne va
un error, ch'era cagione
della mia felicità.

ПОЭТ И КОРОЛЬ

357

Сумасшедший жил однажды,
Ложью сердце веселя,
Свято верил он, что каждый
Признает в нем короля.

На меня похож немного,
Он с утра всходил на трон,
А друзья молили Бога,
Чтобы вылечился он.

Прояснился ум больного,
И монарх увидел вдруг,
Что он мал и беден снова,
Плача, смотрит он вокруг.

«То, что сделали вы, жутко!
Вы обман украли мой:
Для несчастного рассудка
Был счастливой он тюрьмой».

LA PARTENZA

Ecco quel fiero istante;
Nice, mia Nice, addio:
come vivrò, ben mio,
cosí lontan da te?
Io vivrò sempre in pene,
io non avrò piú bene;
e tu chi sa se mai
ti sovverrai di me!

Soffri che in traccia almeno
di mia perduta pace
venga pensier seguace
su l'orme del tuo pié.
Sempre nel tuo cammino,
sempre m'avrai vicino;
e tu chi sa se mai
ti sovverrai di me!

Io, fra remote sponde
mesto volgendo i passi,
andrò chiedendo ai sassi:
la ninfa mia dov'è?
Dall'una all'altra aurora
te andrò chiamando ognora;
e tu chi sa se mai
ti sovverrai di me!

Io rivedrò sovente
le amene piagge, o Nice,
dove vivea felice
quando vivea con te.
A me saran tormento
cento memorie e cento;
e tu chi sa se mai
ti sovverrai di me!

Ecco, dirò, quel fonte
dove avvampò di sdegno,

РАССТАВАНЬЕ

Жестокий миг прощанья.
Уеду я далече.
И нам с тобой ни встречи
Не принесут года.
Надежды замолчали.
На смену им — печали.
А ты меня не вспомнишь,
Быть может, никогда!

Пусть изредка овеет
Тебя, как добрый гений,
Моих далеких пеней
Летучая гряда.
И, недоступный взглядам,
С тобою буду рядом.
А ты меня не вспомнишь,
Быть может, никогда!

К покинутым просторам
Душою убегая,
Шепчу я: «Дорогая,
Исчезла ты куда?»
И в неумолчном кличе
Одно лишь имя: Ниче!
А ты меня не вспомнишь,
Быть может, никогда!

Прогулок и свиданий
Детали дорогие
В сердечной ностальгии
Обрящу без труда.
Уляжется не вскоре
Разлуки этой горе.
А ты меня не вспомнишь,
Быть может, никогда!

А вон, гляди, все тот же
Родник и рядом камни,

ma poi di pace in pegno
la bella man mi dié.
Qui si vivea di speme;
là si languiva insieme;
e tu chi sa se mai
ti sovverrai di me!

Quanti vedrai, giungendo
al nuovo tuo soggiorno,
quanti venirti intorno
a offrirti amore e fê?
Oh Dio! chi sa fra tanti
teneri omaggi e pianti,
o Dio! chi sa se mai
ti sovverrai di me!

Pensa qual dolce strale,
cara, mi lasci in seno:
pensa che amò Fileno
senza sperar mercé:
pensa, mia vita, a questo
barbaro addio funesto;
pensa... Ah chi sa se mai
ti sovverrai di me!

LA LIBERTÀ

Grazie agli inganni tuoi,
alfin respiro, o Nice,
al fin d'un infelice
ebber gli déi pietà:
sento da' lacci suoi,
sento che l'alma è sciolta;
non sogno questa volta,
non sogno libertà.

Mancò l'antico ardore,
e son tranquillo a segno
che in me non trova sdegno
per mascherarsi Amor.
Non cangio più colore

Где ручку ты дала мне
И не была горда...
Мы тут мечтали или,
Вздыхая, слезы лили.
А ты о том не вспомнишь,
Быть может, никогда!

И в будущем, быть может,
Воздав твоей гордыне,
Других к тебе нахлынет
Поклонников орда?
Увидишь страсть во взорах,
Получишь писем ворох
И обо мне не вспомнишь —
О горе! — никогда!

Всплакни, о сердце, кое
Не вырвалось из плена,
И о любви Филена,
Не ожидавшей «да»,
И о последней, краткой
Минуте — хоть украдкой
Всплакни!.. Но ты не вспомнишь,
Не вспомнишь никогда!

СВОБОДА

Ты оказалась лживой —
И сердце охладсло,
И нет теперь мне дела
До прежнего житья.
И чувствую, о диво,
Ты не страшна мне боле.
Ужели я на воле?
Ужель не грежу я?

Спокоен — не во сне я,
И под личиной гнева
К тебе, младая дева,
Влеченья не таю.
И боле не краснея,

quando il tuo nome ascolto;
quando ti miro in volto
più non mi batte il cor.

Sogno, ma te non miro
sempre ne' sogni miei:
mi desto e tu non sei
il primo mio pensier.
Lungi da te m'aggiro
senza bramarti mai;
son teco e non mi fai
né pena né piacer.

Di tua beltà ragiono,
né intenerir mi sento;
i torti miei rammento,
e non mi so sdegnar.
Confuso più non sono
quando mi vieni appresso;
col mio rivale istesso
posso di te parlar.

Volgimi il guardo altero,
parlami in volto umano;
il tuo disprezzo è vano,
è vano il tuo favor;
ché più l'usato impero
quei labbri in me non hanno;
quegli occhi più non sanno
la via di questo cor.

Quel ch'or m'alletta o spiace,
se lieto o mesto or sono,
già non è più tuo dono,
già colpa tua non è:
ché senza te mi piace
la selva, il colle, il prato;
ogni soggiorno ingrato
m'annoia ancor con te.

Odi s'io son sincero:
ancor mi sembri bella,

Пройду порою мимо,
Взглянув невозмутимо
На красоту твою.

Твои не вижу руки,
В приятных снах витая.
И зорька золотая
Твой образ мне не шлет.
Когда с тобой в разлуке,
Для жизни нету риска.
Когда к тебе я близко,
Уж холоден, как лед.

Сидеть с тобою рядом
Мне не смущает душу.
Глаза поднять не трушу.
Желаньем не томим.
Тебя окинув взглядом,
Фривольно мы болтаем
С каким-то шалопаем,
Поклонником твоим.

Посмотришь ли со злобой
Иль нежно, без гордыни —
Бесчувствен я отныне,
Как сердце ни буди.
Пленить меня не пробуй.
Слова твои не любы,
И не разбудят губы
Былых страстей в груди.

Ты солнца мне не застишь.
И, близко ль, далеко ты, —
Смеюсь я до икоты,
Пою до хрипоты.
В окне, раскрытом настежь,
Мне лес и речка милы.
Когда ж оставят силы —
Мне не внушишь их ты.

Но беспристрастным буду,
Не отрицая истин:

ma non mi sembri quella
che paragon non ha.
E (non t'offenda il vero)
nel tuo leggiadro aspetto
or vedo alcun difetto
che mi parea beltà.

Quando lo stral spezzai
(confesso il mio rossore)
spezzar m'intesi il core,
mi parve di morir.
Ma per uscir di guai,
per non vedersi oppresso,
per racquistar se stesso
tutto si può soffrir.

Nel visco in cui s'avvenne
quell'augellin talora,
lascia le penne ancora,
ma torna in libertà;
poi le perdute penne
in pochi dí rinnova;
cauto divien per prova,
né più tradir si fa.

So che non credi estinto
in me l'incendio antico
perché si spesso il dico,
perché tacer non so:
quel naturale istinto,
Nice, a parlar mi sprona,
per cui ciascun ragiona
de' rischi che passò.

Dopo il crudel cimento
narra i passati sdegni,
di sue ferite i segni
mostra il guerrier cosí.
Mostra cosí contento
schiavo che uscí di pena
la barbara catena
che strascinava un dí.

Не так мне ненавистен
Твой локон золотой.
И все же ты не чудо.
Как щечки ни румяны
(О не сердись), изъяны
Не станут красотой.

О нет, не протестую:
Уж был я близок к смерти.
Так мучила, поверьте,
Любовная стрела.
И все же зачастую
Терпеть мы всё готовы,
Чтоб, разорвав оковы,
Избавиться от зла.

Утратит птица перья,
Прорвав силки, но с ходу
И обретет свободу,
И восстановит честь.
А платье нарастится.
И в новенькой одежде
Помедлит птичка, прежде
Чем вновь в ловушку сесть.

Но спросишь ты, не веря:
Не слишком ли, мол, много
Затрачиваю слога,
Оплакивая страсть?
Нет, не томит потеря.
Но всякому любезно,
Когда минует бездна,
Наговориться всласть.

Помеченный боями,
Доволен и спокоен,
Покажет шрамы воин,
Откинувши тупей.
И, насидевшись в яме,
Невольник на свободе
Играет при народе
Обрывками цепей.

Parlo, ma sol parlando
me soddisfar procuro;
parlo, ma nulla io curo
che tu mi presti fè.
Parlo, ma non dimando
se approvi i detti miei,
né se tranquilla sei
nel ragionar di me.

Io lascio un'incostante:
tu perdi un cor sincero;
non so di noi primiero
chi s'abbia a consolar.
So che un sí fido amante
non troverà più Nice;
che un'altra ingannatrice
è facile a trovar.

* * *

Sogni e favole io fingo; e pure in carte
mentre favole e sogni orno e disegno,
in lor, folle ch'io son, prendo tal parte,
che del mal che inventai piango e mi sdegno.

Ma forse, allor che non m'inganna l'arte,
più saggio sono? È l'agitato ingegno
forse allor più tranquillo? O forse parte
da più salda cagion l'amor, lo sdegno?

Ah! che non sol quelle ch'io canto o scrivo
favole son: ma quanto temo e spero,
tutto è menzogna, e delirando io vivo!

Sogno della mia vita è il corso intero.
Deh tu, Signor, quando a destarmi arrivo,
fa' ch'io trovi riposo in sen del Vero.

Я говорю все это,
Но нет на сердце злобы,
Нет и желанья, чтобы
Ты верила вполне.
Не требую ответа,
И с трепетом не жду я —
Смеясь иль негодуя,
Ты вспомнишь обо мне?

Кокетку я утрачу,
Ты — верного. Кому же
Из нас обоих хуже?
И кто из нас в беде?
Скажу тебе в придачу,
Что преданные — редки,
Зато, как ты, кокетки
Отыщутся везде.

* * *

Изобретаю сказки и порой,
Виденья воскрешая на бумаге,
Так увлекаюсь собственной игрой,
Что о придуманном печалюсь благе.

В борьбе с воображенным злом — герой!
Но разве важен повод для отваги?
А может, глуп сам стихотворный строй
И чувства без причин земных не благи?

Увы, не только выдумки мои,
Но страхи, мысли и надежды тоже
Сплошной обман! — живу, как в забытии.

Открой глаза мне, милостивый Боже,
И правды от меня не утай,
Когда на праведном проснусь я ложе.

ALL'AURORA

Sorgi aspettata; il roseo
destriero alato imbriglia:
stanca è la notte e pallidi
son gli astri, o dea vermiglia.

Come al favor dei zefiri
puro il tuo volto appare!
L'Ore non mai ti videro
più bella uscir dal mare.

Te d'importuna accusino
le giovinette in pianti,
ch'entro ai furtivi talami
soprendi i pigri amanti.

Ed io coi voti accelero
l'almo splendor, che move.
Oh a me più dea che Venere,
a me più dea che Giove!

Tu il sai, confuso e lacero
da un desiâr fallace,
al suol prostrato io supplice
giaceva, e chiedea pace.

A grida e a pianti immobile
sedeo la mia nemica,
più amara e inesorabile
di leonessa antica.

Notte regnava, ed orrida
stendea sui nostri mali
un velo impenetrabile
di tenebre mortali.

Tu al scintillar di Fosforo
uscivi intanto, o dea,
e un raggio tuo sollecito
sul mio dolor splendea.

АВРОРЕ

Богиня утра, наконец
Ты вышла, чаровница!
Бледнеет ночь, алеет луч,
И конь крылатый мчится.

Всего прекрасней ты, когда,
Чело свое не хмуря,
Плывешь победно и легко
Над волнами в лазури.

Зато любовники тебя
В объятиях на ложе
Своей разлучницей зовут —
Влюбленным ночь дороже.

А я от вида твоего
Слезу восторга вытер!
Прекрасней, чем Венера, ты,
Сильнее, чем Юпитер!

Узнай: роняя в тишине
Мучительные вздохи,
Еще недавно я молил,
Как нищие, о крохе!

Ответа не нашло мое
Рыдающее слово:
Как львица, слушала меня
Красавица сурово.

И долго, душу леденя,
Над нами ночь царила
И мраком покрывала нас,
Кромешным, как могила.

И как же для страдальца был
Благословен и славен
Пришелицы Авроры луч,
Блеснувший между ставен!

Mi vide, e allo spettacolo
impallidí la fèra:
pietate e orror sorpresero
l'alma ostinata, altera.

Tre volte i labbri schiudere
e cominciar le piacque;
tre sospirò; scendeano
i pianti in copia, e tacque.

Madre de' venti instabili,
uffiziosa diva,
tanta pietà ringrazio:
la mia speranza è viva.

Deh! se il ritroso giovane
te più languir non lassi...
Ahi! te le nubi ascondono,
e non intendi, e passi.

Мою улыбку увидав,
Надменная красotka
Вдруг посмотрела на меня
Участливо и кротко.

Раскрылись милые уста.
И, робкая сначала,
Вздохнула трижды мне в ответ:
Безмолвно отвечала!

Богиня ветреной зари,
Изменчивая дея!
Ты благодетельствуешь мне,
О ветерках радея!

И, если ныне твой Кефал
Спесив и привередлив,
Спокойно в тучи уплывай,
На солнышке помедлив.

LA CADUTA

Quando Orion dal cielo
declinando imperversa;
e pioggia e nevi e gelo
sopra la terra ottenebrata versa,

me spinto ne la iniqua
stagione, infermo il piede,
tra il fango e tra l'obliqua
furia de' carri la città gir vede;

e per avverso sasso
mal fra gli altri sorgente,
o per lubrico passo
lungo il cammino stramazzar sovente.

Ride il fanciullo; e gli occhi
tosto gonfia commosso
che il cubito o i ginocchi
me scorge o il mento dal cader percosso.

Altri accorre, e: «Oh infelice
e di men crudo fato
degnò vate!» mi dice;
e, seguendo il parlar, cinge il mio lato

con la pietosa mano;
e di terra mi toglie;
e il cappel lordo e il vano
baston dispersi ne la via raccoglie:

«Te ricca di comune
censo la patria loda;
te sublime, te immune
cigno da tempo che il tuo nome roda

chiama gridando intorno;
e te molesta incita
di poner fine al Giorno
per cui cercato a lo stranier ti addita.

ПАДЕНИЕ

Когда, свод покидая,
Вновь Орион бушует
И, землю затемняя,
С дождем и снегом напослед пирует,

Меня в потоках снега,
Стекающих за ворот,
Среди косога бега
Карет, средь грязи созерцает город;

Когда с больной ногою
Влачусь — то оскользясь,
То с грубой мостовою
Не сладив, тяжело наземь повергаюсь.

Вначале рассмеявшись,
Потом молчит в смущенье
Ребенок, догадавшись,
Что члены повредил я при паденье.

Прохожий подбегает.
«Любезный бард, безумно
Так рисковать!» — пеняет
И, наклонясь и причитая шумно,

Встать помогает скоро
И мой цилиндр печальный,
Не усладивший взора,
И трость вручает с быстротой похвальной.

«Тебя — казной богата —
Отчизна превозносит
(Твое-де имя свято,
И времени волна его не сносит)

И требует докучно
Поэмы продолженья,
И чужестранцу звучно
Расписывает дар твой без стеснения.

Ed ecco il debil fianco
per anni e per natura
vai nel suolo pur anco
fra il danno strascinando e la paura:

né il sí lodato verso
vile cocchio ti appresta
che te salvi a traverso
de' trivi dal furor de la tempesta.

Sdegnosa anima! prendi
prendi novo consiglio,
se il già canuto intendi
capo sottrarre a più fatal periglio.

Congiunti tu non hai,
non amiche, non ville
che te far possan mai
nell'urna del favor preporre a mille.

Dunque per l'erte scale
arrampica qual puoi;
e fa gli atri e le sale
ogni giorno ulular de' pianti tuoi.

O non cessar di porte
fra lo stuol de' clienti,
abbracciando le porte
de gl'imi che comandano a i potenti;

e lor mercé penétra
ne' recessi de' grandi;
e sopra la loro tetra
noia le facezie e le novelle spandi.

O, se tu sai, più astuto
i cupi sentier trova
colà dove nel muto
aere il destin de' popoli si cova;

e fingendo nova esca
al pubblico guadagno,

Меж тем хромой и старый
Лет и природы данник
Пешком сквозь грохот ярый
Влачишься ты прискорбно, как изгнанник.

Твой стих кареты скромной
Тебе, несчастный гений,
Снискать не мог, чтоб темной
Порой не опасался ты падений.

По праву негодую.
Послушайся благого
Совета, впредь седую
Главу избавь от промысла худого.

Нет у тебя ни знатной
Родни, ни слуг, ни виллы —
Чтоб взор благоприятный
Фортуна на тебе остановила.

Иди и по коварным
Карабкайся ступеням,
Покоям лучезарным
Все дни надоедай унывным пенем.

Доверь судьбу плебеям:
Интригой умудренным
Плутам и лицедеям,
Диктующим условия патронам,

И через их старанья
Проникни к сильным мира.
Пусть оных прозябанье
Сговорчивая ублажает лира.

Иль прояви сноровку
В отыскиванье ходов
Туда, где под диктовку
Решается в тиши судьба народов;

И, общему доходу
Подкинувши приманку

l'onda sommovi, e pesca
insidioso nel turbato stagno.

Ma chi giammai potria
guarir tua mente illusa,
o trar per altra via
te ostinato amator de la tua Musa?

Lasciala: o, pari a vile
mima, il pudore insulti,
dilettando scurrile
i bassi geni dietro al fasto occulti.»

Mia bile, al fin costretta
già troppo, dal profondo
petto rompendo, getta
impetuosa gli argini: e rispondo:

«Chi sei tu, che sostenti
a me questo vetusto
pondo, e l'animo tenti
prostrarmi a terra? Umano sei, non giusto.

Buon cittadino, al segno
dove natura e i primi
casi ordinar, lo ingegno
guida così che lui la patria estimi.

Quando poi d'età carco
il bisogno lo stringe,
chiede opportuno e parco
con fronte liberal che l'alma pinga.

E se i duri mortali
a lui voltano il tergo,
ei si fa, contro a i mali,
de la costanza sua scudo ed usbergo.

Né si abbassa per duolo,
né s'alza per orgoglio.»
E ciò dicendo, solo
lascio il mio appoggio; e bieco indi mi toglio.

И взбаламутив воду,
Лови себе налимов спозаранку.

Но кто б от обольщенья
Твой гордый ум избавил
И в новом направлении
Тебя, упрямый бард, идти заставил?

Оставь свою ты Музу,
Иль пусть, полна приятством,
Служила бы союзу
Меж гением продажным и богатством».

Тут, как я ни старался
Гнев, в глубине таимый,
Сдержать, он все ж прорвался,
И отвечаю так, непримиримый:

«Ты, телу быть желавший
Поддержкой и лукаво
Дух к пропасти толкавший,
Кто б ни был ты — твое добро не право.

Поэт себе и чистым
Снам детства не изменит,
Идя путем тернистым, —
Тогда лишь родина его оценит.

И коль под старость злая
Нужда теснит — не стонет
И, к просьбе прибегая,
Седой главы пред властью не уронит.

Коль свет к нему спиною
Надменно повернется,
Он, стоек пред бедою,
В кольчугу постоянства облечется,

Стараний не убавив,
Не измельчав в опале».
Так рек я и, оставив
Того стоять, один пускаюсь дале.

Cosí, grato a i soccorsi,
ho il consiglio a dispetto;
e privo di rimorsi,
col dubitante pié torno al mio tetto.

IL MESSAGGIO

Quando novelle a chiedere
manda l'inclita Nice
del pié che me costringere
suole al letto infelice,
sento repente l'intimo
petto agitarsi del bel nome al suon.

Rapido il sangue fluttua
ne le mie vene: invade
acre calor le trepide
fibre, m'arrosso: cade
la voce; ed al rispondere
util pensiero in van cerco e sermon.

Ride, cred'io, partendosi
il messo. E allor soletto
tutta vegg'io, con l'animo
pien di novo diletto,
tutta di lei la immagine
dentro a la calda fantasia venir.

Ed ecco ed ecco sorgere
le delicate forme
sopra il bel fianco; e mobili
scender con lucid'orme
che mal può la dovizia
dell'ondeggiante al pié veste coprir.

Ecco spiegarsi e l'omero
e le braccia orgogliose
cui di rugiada nudrono
freschi ligustri e rose,
e il bruno sottilissimo
crine che sopra lor volando va:

Поддержкой укрепленный,
Не вняв совету злomu,
С душой неотягченной,
Стопой неверной подвигаюсь к дому.

ПОСЛАНИЕ

Когда о здравье справиться
Посланец от богини
Спешит, затем что снова я
Прикован к ложу ныне;
Расслышав имя славное,
Весь откликаюсь я на этот звук.

Быстрее кровь разносится
По венам, новым жаром
Горят ланиты, голосом
Не овладею, даром
Стараюсь слово вымолвить —
Лишь сердца собственного слышу стук.

Тот, верно, усмехается,
Меня покинув. Снова
Один я — и в смятении,
И вот, живей живого,
Весь облик Ниче сладостный
В воображенье жарком мне встает.

Не знаю, формы гордые
Где более прекрасны:
Или превыше талии,
Иль там, где, хоть неясны,
Но в складках платья длинного
Столь дивно проступают в свой черед.

Вот плечи, руки стройные
И гибкие, как лозы;
Росою умащают их
Лигуструмы и розы;
И темные и мягкие
Кудрей по ним раскиданы шелка.

e quasi molle cumulo
crescer di neve alpina
la man che ne le floride
dita lieve declina,
cara de' baci invidia
che riverenza contener poi sa.

Ben puoi tu novo illepido
sceso tra noi costume
che vano ami dell'ave
luci render l'acume
altre involar delizie,
immenso intorno a lor volgendo vel;

ma non celar la grazia
né il vezzo che circonda
il volto affatto simile
a quel de la gioconda
Ebe che nobil premio
al magnanimo Alcide è data in ciel.

Né il guardo che dissimula
quanto in altrui prevale;
e volto poi con subito
impeto i cori assale,
qual Parto sagittario
che più certi fuggendo i colpi ottien.

Né i labbri or dolce tumidi
or dolce in sé ristretti
a cui gelosi temono
gli Amori pargoletti
non omai tutto a suggere
doni Venere madre il suo bel sen:

i labbri onde il sorridere
gratissimo balena,
onde l'eletto e nitido
parlar che l'alme affrena
cade, come di limpide
acque lungo il pendio lene rumor,

И лучезарным облаком
Снегов альпийских мнится
Мне кисть с перстами тонкими —
Прохладой их упиться
Уста спешили б жадные,
Когда б не слишком мысль была дерзка.

Вольна ты, мода скучная,
Отнявшая у зренья
Возможность безобидного
Красою наслажденья,
Скрывать иные прелести,
Окутав их косынкой кружевной,

Но скрыть бессильна юного
Лица очарованье
(От Гебы исходило бы
Подобное сиянье,
На небесах достойному
Алкиду ставшей славною женой);

Сей взор, что притворяется,
Как будто чар не знает
Своих, и, мельком брошенный,
Противника пронзает,
Сродни стрелку парфянскому,
Что, отступив, спешит стрелу метнуть;

Уста ее, то пышные,
То лепестка атласней.
(Амуры беспокоятся:
«Что может быть опасней!
Венера бы не вздумала
Им уступить божественную грудь».)

Уста, где блещет быстрая
Улыбка, где младая
Речь, весело звучащая,
Сердца порабоцая,
Струится, как по камешкам
Прозрачных вод вольнолюбивый ток,

seco portando e i fulgidi
sensi ora lieti or gravi,
e i geniali studii,
e i costumi soavi
onde salir può nobile
chi ben d'ampia fortuna usa il favor.

Ah! la vivace immagine
tanto pareggia il vero
che, del pié leso immemore,
l'opra del mio pensiero
seguir già tento; e l'aria
con la delusa man cercando vo.

Sciocco vulgo, a che mormori,
a che su per le infeste
dita ridendo noveri
quante volte il celeste
a visitare ariete
dopo il natal mio di Febo tornò?

A me disse il mio Genio
allor ch'io nacqui:— L'oro
non fia che te sollecciti,
né l'inane decoro
de' titoli, né il perfido
desío di superare altri in poter.

Ma di natura i liberi
doni ed affetti, e il grato
de la beltà spettacolo
te renderan beato,
te di vagare indocile
per lungo di speranze arduo sentier.—

Inclita Nice: il secolo,
che di te s'orna e splende
arde già gli assi: l'ultimo
lustrò già tocca, e scende
ad incontrar le tenebre
onde una volta giovanetto uscí.

В котором отражаются
И трепетные чувства,
И ум, познавшем вскормленный,
И тонкие искусства.
Посредством коих праведность
Свои таланты обращает в прок.

Ах, чудное видение
Столь с подлинником схоже,
Что о недуге тягостном
Забыв, покинуть ложе
Стремлюсь и тщетно в воздухе
Рукой ищущ — лишь пустоту объял.

Зачем, молва глумливая,
Не знаешь снисхожденья,
Припомнив, сколько раз уже
От моего рожденья
Считая, Феб блистательный
На колеснице Овна догонял?

В младенчестве предсказывал
Мне добрый гений: «Злато
Тебе не станет светочем:
Другие будут свято
Чтить власть, к чинам карабкаться
И козни хитроумные плести.

Природы бескорыстные
Дары, и созерцанье
Красы, и чувства светлые —
Лишь в том твое призванье;
Не создан для стяжательства,
Ты счастлив будешь на ином пути».

О Ниче, век кончается;
Ты видишь: колесницы
Бег все резвей, уж близится
Предел, пылают спицы,
И тьмою изначальной
Вот-вот ее подернутся огни.

E già vicine a i limiti
del tempo i piedi e l'ali
provan tra lor le vergini
Ore che a noi mortali
già di guidar sospirano
del secol che matura il primo dí.

Ei te vedrà nel nascere
fresca e leggiadra ancora
pur di recenti grazie
gareggiar con l'aurora;
e, di mirarti cupido,
de' tuoi begli anni farà lento il vol.

Ma io, forse già polvere
che senso altro non serba
fuor che di te, giacendomi
fra le pie zolle e l'erba,
attenderò chi dicami:
— Vale,— passando — e ti sia lieve il suol.—

Deh! alcun che te nell'aureo
cocchio trascorrer veggia,
su la via che fra gli alberi
suburbana verdeggia,
faccia a me intorno l'aere
modulato del tuo nome volar.

Colpito allor da brivido
religioso il core,
fermerà il passo, e attonito
udirà del tuo cantore
le commosse reliquie
sotto la terra argute sibilare.

И за чертой незримою,
В движеньях юных скоры,
Танцуя, крылья пробуют
Пленительные Оры,
В мечтах уже вверяя нам
Столетия народившегося дни.

И новый век по-прежнему
Цветущей, молодою
Тебя узрит — ярчайшею
Средь прочих звезд звездою —
И, продлевая зрелище,
Замедлит бег твоих блестящих лет.

А я, уж прах бесчувственный,
Забывший все проворно,
Но не тебя; забывшийся
Средь тихих плит и дерна,
Дождусь того, кто скажет мне:
«Да будет мирным сон твой, о поэт!»

И кто тебя в сверкающей
Карете, в глубь зеленой
Аллеи уносящейся,
Увидев, восхищенный,
Невольно звонким именем
Твоим недвижный воздух всколыхнет;

И, вздрогнув от предчувствия
И замерев безгласно,
Подумает: не шутка ли?
И вновь услышит ясно,
Как прах мой потревоженный
Из-под земли пронзительно вздохнет.

* * *

Bieca, o Morte, minacci? e in atto orrenda,
 l'adunca falce a me brandisci innante?
 Vibrala, su: me non vedrai tremante
 pregarti mai, che il gran colpo sospenda.

Nascer, sí, nascer chiamo aspra vicenda,
 non già il morire, ond'io d'angosce tante
 scevro rimango; e un solo breve istante
 de' miei servi natali il fallo ammenda.

Morte, a troncar l'obbrobriosa vita,
 che in ceppi io traggio, io di servir non degno,
 che indugi omai, se il tuo indugiar m'irrita?

Sottrammi ai re, cui sol dà orgoglio e regno
 viltà dei più, ch'a inferocir gl'invita,
 e a prevenir dei pochi il tardo sdegno.

* * *

O cameretta, che già in te chiudesti
 quel grande, a la cui fama angusto è il mondo;
 quel sí gentil d'amor mastro profondo,
 per cui Laura ebbe in terra onor celesti;

o di pensier soavemente mesti
 solitario ricovero giocondo;
 di quai lagrime amare il petto inondo
 nel veder ch'oggi inonorata resti!

Prezioso diaspro, agata ed oro
 foran debito fregio, e appena degno
 di rivestir sí nobile tesoro.

Ma no: tomba fregiar d'uom ch'ebbe regno
 vuolsi, e por gemme ove disdice alloro;
 qui basta il nome di quel divo ingegno.

* * *

О Смерть, опять грозишь ты мне серпом,
Но не помыслю я с трусливой дрожью
Молить тебя отсрочить волю Божью,
К стопам не кинусь в ужасе слепом.

Не упаду подрубленным снопом,
Не рухну жертвой к тронному подножью —
Рожденный заново, покончу с ложью,
Зачатой в рабстве долгом и тупом.

О Смерть, в цепях свою влачу я долю —
Поторопись, покуда серп не ржав:
Себя я промедленьем обездолю.

Вручи меня царям таких держав,
Где правит низость многих, — дай им волю,
Немногих от презренья удержав.

* * *

Ужели комната вмещала эта
Певца, чьей славы не вместить давно
Границам мира, — здесь царит одно
Лауры имя, чувство здесь воспето

Небесное, но горечь рядом где-то,
От слез внезапных на душе темно:
Людской заботою обойдено
Спустя века прибежище поэта.

Рубинами, какие только есть,
Украстье вход, дабы любой прохожий
Постиг, что значит истинная честь.

О нет! Оставьте камни для вельможи:
Мне б только имя гения прочесть —
Оно всех драгоценностей дороже!

* * *

Là, dove muta solitaria dura
piacque al gran Bruno instituir la vita,
a passo lento, per irta salita,
mesto vo; la mestizia è in me natura.

Ma vi si aggiunge un'amorosa cura,
che mi tien l'alma in pianto seppellita,
sì che non trovo io mai piaggia romita
quanto il vorrebbe la mia mente oscura.

Pur questi orridi massi, e queste nere
selve, e i lor cupi abissi, e le sonanti
acque or mi fan con più sapor dolore.

Non d'intender tai gioie ogni uom si vanti:
le mie angoscie sol creder potran vere
gli ardenti vati, e gl'infelici amanti.

* * *

Solo, fra i mesti miei pensieri, in riva
al mar là dove il tosco fiume ha foce,
con Fido il mio destrier pian pian men giva;
e muggian l'onde irate in suon feroce.

Quell'ermo lido, e il gran fragor mi empiva
il cuor (cui fiamma inestinguibil cuoce)
d'alta malinconia; ma grata, e priva
di quel suo pianger, che pur tanto nuoce.

Dolce oblio di mie pene e di me stesso
nella pacata fantasia piovea;
e senza affanno sospirava io spesso:

quella, ch'io sempre bramo, anco pareo
cavalcando venirne a me dappresso...
Nulla error mai felice al par mi fea.

* * *

Бреду через скалистую гряду
В обитель, где столетьями молчали
Монахи, как поставил им вначале
Великий Бруно,— по камням бреду.

А сердце в темном мечется бреду,
Любовь к привычной подмешав печали,
Но пропастей, чтоб душу омрачили
Сильней тоски сердечной, не найду!

Я счастлив, что мрачны уступы эти,
Внимающие гулким деревьям
И реву вод в свинцово-тусклом свете.

Такое счастье, люди, чуждо вам!
В отвергнутом любовнике, в поэте,
Лишь в них отзвучье есть моим словам.

* * *

Один, в раздумье мрачном и глухом,
Над устьем Арно, бурю презирая,
Вдоль моря еду медленно верхом,
И ревом отвечает мгла сырая.

Безлюдно над скалой, поросшей мхом,
А грудь теснится, грудь полна до края
Высокой грусти, что в огне сухом
Горит, не зная слез и не сгорая.

В забвеньи сладком боли и себя,
Смирившийся, вздыхаю постоянно,
Но не отчаиваясь, не скорбя:

Со мною рядом, за стеной тумана,
Желанная — одну ее любя,
Счастливее не ведаю обмана.

* * *

Due fere donne, anzi due furie atroci,
tor non mi posso (ah misero!) dal fianco;
Ira è l'una, e i sanguigni suoi feroci
serpi mi avventa ognora al latte manco;

Malinconia dall'altro, hammi con voci
tetre offuscato l'intelletto e stanco;
ond'io null'altro che le Stigie foci
bramo, ed in morte sola il cor rinfranco.

Non perciò d'Ira al flagellar rovente
cieco obbedisco io mai; ma, signor d'essa,
me sol le dono, e niun fuor ch'io la sente.

Non dell'altra cosí; che appien depressa
la fantasia mi tien, l'alma, e la mente...
A chi amor non conosce, insania espressa.

* * *

Tacito orror di solitaria selva
di sí dolce tristezza il cor mi bea,
che in essa al par di me non si ricrea
tra' figli suoi nessuna orrida belva.

E quanto addentro più il mio pié s'inselva,
tanto più calma e gioia in me si crea;
onde membrando com'io là godea,
spesso mia mente poscia si rinselva.

Non ch'io gli uomini abborra, e che in me stesso
mende non vegga, e più che in altri assai;
né ch'io mi creda al buon sentier più appresso:

ma, non mi piacque il vil mio secol mai:
e dal pesante regal giogo oppresso,
sol nei deserti tacciono i miei guai.

* * *

Двух женщин в пламенной сердечной муке,
Двух фурий от груди не оторву! —
Одна зовется Ярость, и гадюки
Венчают жуткую ее главу.

Другая тьмою мне связала руки,
Ее я Меланхолией зову:
Ползет, шипя, и я под эти звуки
О водах Стикса грежу наяву.

Но если Ярость я обезоружу,
Следы бичей от взоров утая,
И не позволю вырваться наружу,

То от другой врагини нет житья:
В бессильный ум она вдыхает стужу,
Для тех, кто не любил, безумен я!

* * *

Светлее стала грусть, и страх исчез:
Семье звериной в одинокой чаще
Не так уютно, как душе, влачащей
Страданий груз сквозь мрачный этот лес.

Покоем дышит лиственный навес,
И чем я дальше ухожу, тем чаще
О прошлом говорит мне свод молчащий,—
Я здесь для прежних радостей воскрес.

Не то чтоб я не знал в себе изъяна
И страстно ненавидел род людской,—
Путь правды сам ищу я покаянно.

Но век-злодей сковал меня тоской,
Я тиранию вижу постоянно
И лишь в пустыне нахожу покой.

* * *

Greca, al ciglio, alle forme, al canto, al brio,
soavemente maestosa io veggio
beltà, che trarre dall'etereo seggio
potrebbe in terra il magno olimpico dio.

Mentre, tutto occhi, attonito resto io,
né so se di adorarla osar pur deggio;
mentre in un sacro tremito vaneggio,
non prevedendo scampi al morir mio;

eccola in fogge mille, oneste e vaghe,
con bell'arte atteggiarsi: or viva pietra
sta, dal gran Fidia sculta; or l'opre maghe

di Apelle imíta; or lieta, or grave, or tetra,
divina ognor; né sai qual più ti appaghe:
stupore immenso i riguardanti impietra.

* * *

Tutto è neve dintorno: e l'Alpi e i colli,
ch'oggi il sol vincitor superbo indora,
lor nuovo ammanto intemerato ancora
ti ostentan vaghi, s'ivi l'occhio estolli.

Ma i declivi ubertosi piani molli,
fra cui l'amena ride attica Flora,
prendendo a scherno le pruine ognora,
verdeggian lieti d'umidor satolli.

Beato nido, a cui qualora il gelo
d'ispide orrende boreali spiagge
osa affacciarsi, ei stempra il duro velo!

Deh, di mia vita il colmo Apollo irragge
sotto questo a me fausto etrusco cielo,
dove ogni oggetto al pöetar mi tragge!

* * *

Гречанка станом, тонкостью лица,
О Красота, твоим я песням внемлю.
Не Зевс ли перенес тебя на землю
Из вечного надмирного дворца?

Но как, не посвященный в сан жреца,
Тебя я взором дерзостным объеблю?
Твой культ со сладким трепетом приемлю,
И чувственному бреду нет конца.

Божественная, к нам тысячеликой
Явилась девой ты — то в мастерской
У Фидия, то создана великой

И зоркой Апеллесовой рукой, —
Не платим мы и малою толикой:
При взгляде каменеет взор людской.

* * *

Посмотришь вверх: изломы льда и снега
Еще белей от солнечной каймы —
Нетающая мантия зимы
Наброшена на склон, подсохший пего.

Зато в долине, где ликует нега,
Флоренцию, как Флору, славим мы —
Альпийской влагой вспоены холмы,
Борей осмеян зеленью побега.

Счастливого гнездо, ты от ветров
Оберегаешь нас — твой сон спокоен,
Как ни туманен север, ни суров.

А я в ярме, я — Аполлона воин:
Небес этрусских так приютен кров,
Что каждый миг поэзии достоин.

* * *

Guarda che bianca luna!
Guarda che notte azzurra!
Un'aura non sussurra,
non tremola uno stel.

L'usignoletto solo
va dalla siepe all'orno,
e sospirando intorno
chiama la sua fedel.

Ella, che il sente appena,
già vien di fronda in fronda,
e par che gli risponda:
— Non piangere; son qui.

Che dolci affetti, o Irene,
che gemiti son questi!
Ah! Mai tu non sapesti
rispondermi così.

* * *

Non t'accostare all'urna
che il cener mio rinserra:
questa pietosa terra
è sacra al mio dolor.

Odio gli affanni tuoi,
ricuso i tuoi giacinti;
che giovano agli estinti
due lagrime o due fior?

Empia! Dovevi allora
porgermi un fil d'aita,
quando traeva la vita
nell'ansia e nei sospir.

* * *

Смотри, как месяц бледен!
Смотри, как ночь лазурна!
Все стихло, даль безбурна,
Не задрожит звезда!

Лишь соловей подругу
На ясене ветвистом
Прерывным манит свистом:
«Скорей, скорей сюда!»

И та, едва заслыша
Стон нежного укора,
«Не плачь! — кричит. — Я скоро!» —
Легит с куста на куст.

Ответа, что звучал бы
Так страстно, так смиренно,
Я из твоих, Ирена,
Вовек не слышал уст.

* * *

Не приближайся к урне,
Сокрывшей прах поэта:
Святое место это
Лишь оскверняешь ты.

Не нужно гиацинтов,
Не нужно слез ручьями:
Кого в могильной яме
Обрадуют цветы?

Без нити путеводной
Я брел осиротело —
Помочь ты не хотела,
И замер вздох в груди.

A che d'inutil pianto
assordi la foresta?
Rispetta un'ombra mesta,
e lasciala dormir.

* * *

Irene, siedì all'ombra
di questo ameno faggio,
e copriti dal raggio
dell'infocato sol.

Ogni agnellino intanto
pascolerà tranquillo
la menta ed il serpillò,
di cui verdeggia il suol.

Ma leva dalla fronte
il cappellin di paglia...
Chi mai, chi mai t'agguaglia
in grazia ed in beltà?

Gitta il cappel sull'erbe,
e lasciati vedere...
Pupille così nere
lo stesso Amor non ha.

Не плачь, покою рощи
Священной угрожая,—
Уйди, ты здесь чужая,
И мертвых не буди.

* * *

Присядь со мной, Ирена,
В тени ветвей зеленых:
Тебя от раскаленных
Лучей укроет бук.

Пусть мирно щиплют овцы
Ростки травы несмятой...
Как чабрецом и мятой
Благоухает луг!

Соломенную шляпу
На зелень брось густую!
Красавицы впустую
Ведут с тобою спор.

Тебя воображаю
В мечтах о Купидоне:
Я глаз черней, бездонней
Не видел до сих пор.

LA MELANCONIA

Fonti e colline
chiesi agli déi:
m'udiro al fine,
pago io vivrò.
Né mai quel fonte
co' desir miei,
né mai quel monte
trapasserò.

Gli onor che sono?
Che val ricchezza?
Di miglior dono
vommene altier:
d'un'alma pura,
che la bellezza
della natura
gusta e del ver.

Né può di tempore
cangiar mio fato:
dipinto sempre
il ciel sarà.
Ritornaranno
i fior nel prato
sin che a me l'anno
ritornerà.

Melanconia,
ninfa gentile,
la vita mia
consegno a te.
I tuoi piaceri
chi tiene a vile,
ai piacer veri
nato non è.

O sotto un faggio
io ti ritrovi

МЕЛАНХОЛИЯ

Холмы и реки
Я у небес
Просил навеки:
В них жизнь моя!
Ни эти кряжи,
Ни этот лес
В мечтаньях даже
Не брошу я.

Что мне до денег?
Что слава мне? —
Вчерашний пленник
Борьбы пустой,
Хочу с природой
Наедине
Дышать свободой
И красотой.

Душе несносен
Иной удел,
Я новых весен
От неба жду:
Приют мой светом
Не оскудел:
Цветы и в этом
Взойдут году.

К меланхоличной
Моей судьбе
Небезразлична
Ты, нимфа слез:
Кто, презирая,
Не вяля тебе,
Не знает рая
Высоких грез.

То в зной полдневный
Укажешь тень

al caldo raggio
di bianco ciel,
mentre il pensoso
occhio non movi
dal frettoloso
noto ruscel;

o che ti piaccia
di dolce luna
l'argentea faccia
amoreggiar,
quando nel petto
la notte bruna
stilla il diletto
del meditar;

non rimarrai,
no, tutta sola:
me ti vedrai
sempre vicin.
Oh come è bello
quel di viola
tuo manto, e quello
sparso tuo crin!

Più dell'attorta
chioma e del manto,
che roseo porta
la dea d'amor;
e del vivace
suo sguardo, oh quanto
più il tuo mi piace
contemplator!

Mi guardi amica
la tua pupilla
sempre, o pudica
ninfa gentil;
e a te, soave
ninfa tranquilla,
fia sacro il grave
nuovo mio stil.

От слишком гневной
Голубизны:
Под статным буком
Весь долгий день
Склоняясь к звукам
Живой волны.

То ночью лунной
Внушаешь страсть
К богине юной,
Богине тьмы:
В тиши угрюмой
Отраднa власть
Неясной думой
Смуцать умы.

Тебя не вправе
Я потерять!
В бесславье, в славе
Ты не одна.
На лбу суровом
Темнеет прядь,
В плаще лиловом
Как ты стройна!

У Афродиты
Венец волос
Блестит, завитый,
И розов плащ,
Но без мерцанья
Веселых роз
От созерцанья
Твой взгляд пьянящ.

Твой непорочный,
Твой нежный взгляд —
Покоя прочный,
Святой залог.
О нимфа, боги
Отдать велят
Тебе мой строгий,
Мой новый слог.

* * *

Oh come del pensier batte alle porte
questa fatale immagine e mi persegue!
Come d'incontro mi s'arresta immota,
e tutta tutta la mia mente ingombra!
Chiudo ben io per non mirarla i rai,
e con ambo le man la fronte ascondo;
ma su la fronte e dentro i rai la veggio
un'altra volta comparir, fermarsi,
riguardarmi pietosa e non far motto.
Le braccia allargo, e prono in su le piume
cader mi lascio con la bocca e il petto;
ma l'immagine dagli occhi non s'invola;
anzi s'accosta, e par che ciglio a ciglio,
gote a gote congiunga, e tal poi meco
reclini il capo e s'abbandoni al sonno.

* * *

Ma che? sederle al fianco, e de' suoi sguardi,
de' suoi sorrisi, de' suoi dolci accenti
pascere l'anima ingorda, e sí dappresso
farmi al suo labbro, che sul labbro mio
giungerne io senta il tepido respiro...
Ahi! parmi allor che un folgore mi corra
per gli attoniti sensi. Innanzi al ciglio
una nube si stende: entro la gola
van soffocate le parole, e sembra
che di foco una man la stringa e chiuda.
Allor mi batte in fiera guisa il core;
e per dar vento all'infiammato petto
più lunghi e cupi dall'aperta bocca
esalano i sospiri; e forza è quindi
o correre co' baci alla sua mano,
e di pianto bagnarla; o dispiccarmi
da lei veloce e colle vólte spalle
gir percotendo per furor la fronte.

* * *

Как неотвязно в разум мой стучится
Твой призрак роковой, как всюду, всюду
Преследует меня, как преграждает
Дорогу, как загромождает мысль!
Лицо закрою тщетными руками,
Уйду в себя перед лучистым взором
И сквозь ладони, под лучами, вижу
Еще один недвижимый взор, и, мнится,
Он на меня взирает, сострадавая.
Раскину руки, на постель бросаюсь,
Вжимаюсь грудью, ртом, а наважденье
Из глаз не только не бежит — напротив,
Отвоевав ресницу за ресницей,
Склоняет голову с моею рядом:
Щека к щеке, вдвоем летим мы в сон.

* * *

Так что же, рядом с ней сидеть часами?
Ловить улыбки, взгляды и несытой
Душой срывать чарующие нотки
С любимых губ, сидеть так близко, чтобы
Дыханье слышать теплое? О Боже!
Как будто молния пронзила чувства
Оцепенелые, и дымом плотным
Застался взор, слова застряли в горле,
Удушливою сдавлены ладонью,
Сердцебиенье подступило грозно,
И, силясь остудить огонь в груди,
Открылся рот, длиннее стали вздохи.
Одно из двух теперь я должен выбрать:
Ей руку поцелуями, слезами,
Раскаясь, увлажнить, а нет, так резко
Вскочить и прочь из комнаты!.. За дверью
От злости надавать себе пощечин.

Tutto pére quaggiù. Divora il Tempo
l'opre, i pensieri. Colà dove immenso
gli astri dàn suono, e qui dov'io m'assido,
e coll'aura che passa mi lamento,
del Nulla tornerà l'ombra e il silenzio.
Ma non l'intera Eternità potria
spegner la fiamma che non polsi e vene,
ma la sostanza spirital n'accese;
fiamma immortal, perché immortal lo spirito
entro cui vive, e di cui vive e cresce.
Quest'occhi adunque chiuderà di morte
il ferreo sonno, né potrà quel sonno
lo sguardo estinguer che dagli occhi uscío.
Cesserà il cuor di palpitarmi in petto,
e il frale, che mi cinge, andrà nel turbo
della materia universal confuso;
ma incorruttibil dal corporeo fango,
come raggio dall'onda emergeranne
l'amoroso pensier, che tante in seno
faville mi destò, tanti sospiri.
Poiché dunque n'avrà pietoso il Fato
della spoglia terrena ambo già sciolti,
e d'altre forme andrem vestiti in altro
men scellerato e più leggiadro mondo,
noi rivedremci, o mio perduto Bene,
e sarà nosco Amor. Noi de' sofferti
oltraggi allor vendicheremo Amore;
né d'uomo tirannia, né di fortuna
franger potranne, o indebolir quel nodo
che le nostre congiunse alme fedeli.
Perché dunque a venir lenta è cotanto,
quando è principio del gioir, la Morte?
Perché sí rado la chiamata ascolta
degli'infelici, e la sua man disdegna
troncar le vite d'amarezza asperse?

Все смертно. Неразборчивое Время
Сжирает мысли и труды. Там, в небе,
Где гимны звезд, и здесь, в земной юдоли,
Где с ветром пролетающим я плачу,
Неотвратима тьма Небытия
Безмолвная, но вечности всеильной
Не погасить свечи, зажженной духом,
А не биеньем вен,— свечи бессмертной,
Как дух бессмертен, дух, возрадивший пламя
В таинственных животворящих недрах.
Железным сном мне смерть закроет веки,
Но этот сон железный не прогонит
Из мертвых глаз лучащегося света.
В груди моей стучать устанет сердце,
И хрупкую земную оболочку
Вселенский вихрь смешает с дольней пылью,
Но грязь влюбленной мысли не коснется:
Любовь лучом, в пучине преломленным,
К нам возвратится— сколько ярких искр
Во мне рождало чувство, сколько вздохов!
Когда же милосердная Судьба
Избавит и меня от этих бранных
Одежд и уведет в миры другие,
Где жить совсем не мерзко, лишь тогда
Мы свидимся, потерянный мой ангел,
И возвратим любовь и за любовь
Губительному отомстим страданью.
Ни роковой, ни человеческий гнет
Не властны разрубить, ослабить узел,
Соединивший наши две души.
Так что ж ты медлишь, Смерть? Ведь ты начало
Счастливых дней! Зачем так неохотно
Ты прибираешь конченные жизни,
Зачем отчаявшихся редко косишь?

SOPRA LA MORTE

Morte, che se' tu mai? Primo dei danni
l'alma vile e la rea ti crede e teme;
e vendetta del ciel scendi ai tiranni,
che il vigile tuo braccio incalza e preme.

Ma l'infelice, a cui de' lunghi affanni
grave è l'incarco, e morta in cuor la speme,
quel ferro implora troncator degli anni,
e ride all'appressar dell'ore estreme.

Fra la polve di Marte e le vicende
ti sfida il forte che ne' rischi indura;
e il saggio senza impallidir ti attende.

Morte, che se' tu dunque? Un'ombra oscura,
un bene, un male, che diversa prende
dagli affetti dell'uom forma e natura.

О СМЕРТИ

Что ты такое, Смерть? Какая рана
Страшней удара твоего клинка? —
Для труса — гром с небес, а для тирана —
Карающая, зоркая рука.

А вот душе страдальца, как ни странно,
Так жизнь обременительно горька,
Что умирать ей никогда не рано:
Ты — счастье, ты — надежда бедняка!

Мудрец не побледнеет за полшага
До бездны, где от гнева твоего
Лишь крепнет Марсовых сынов отвага.

Что ж ты такое, Смерть? Для одного —
Исчадь зла, а для другого — благо,
Самой изменчивости естество.

COSS'EL VOEUR EZZELEENZA

Coss'el voeur Ezzelenza che responda:
ch'el diga quell ch'el cred che l'è patron,
e s'el ghe paress pocch damm del cojon,
ch'el droeuva ona parolla pù redonda.

E che nol creda mai che me confonda,
che ghe patissa, o gh'abbia suddizion,
anzi deslengui de consolazion
compagn ch'el me fan ré de Trabisonda.

Perché a damm del mincion l'è come on dimm
che sont in straa per guadagnà quell terna,
che no questaroo maj cont i mee rimm.

E deffatt vedend lu, che l'è pagaa
con tante milla lira dal Governa
no me par che i cojon se tratten maa.

SISSIGNOR, SUR MARCHES

Sissignor, Sur Marches, lu l'è Marches
Marchesazz, Marcheson, Marchesonon,
e mi sont el sur Carlo Milanés,
e bott li! senza nanch on strasc d'on Don.

Lu el ven luster, e bell, e el cress de pes
grattandes con sò comod i mincion,
e mi magher, e biott per famm sti spes
boegna che menna tutt el dí el fetton.

Lu senza savé scriv, né savé legg,
e senza, direv squas, savé descors
el god salamelecch, carezz, cortegg;

e mi, (destinon porch!) col mé stà sù
sui palpee tutt el dí, ghoo nanch l'onor
d'on salud d'on Asnon come l'è Lù.

КАК ВАШЕМУ СИЯТЕЛЬСТВУ УГОДНО

Как Вашему Сиятельству угодно:
Не спорю, в положении моем
Хозяин вправе звать меня дерьмом
И даже хлеще — это нынче модно.

Серчать на вас в ответ неблагородно,
Напротив — грудь я выгну колесом,
Как будто трапезундским королем
Меня вы объявили всенародно.

Назвать меня навозом все равно
Что предсказать удачу в лотерее,
Поскольку жить стихами мудрено.

Посмотришь, вы богаты, и весьма,
И министерство платит все щедрее, —
Ну чем не хороша судьба дерьма!

ДА, ГОСПОДИН МАРКИЗ

Да, господин маркиз, вы сверхмаркиз,
Наимаркиз, и я вам не чета:
Миланец Карло перед вами скис,
Затем что кровь его не столь чиста.

Вы гладите животик сверху вниз
И чешете пониже живота;
Диван под вашей задницей провис,
А у меня в желудке — пустота.

В письме и в чтенье вы ни в зуб ногой,
И красноречья вы не образец,
Но перед вами спину гнут дугой.

А я, не поднимая головы,
Пишу, и мне бы, на худой конец, —
Поклон такого олуха, как вы.

**A LUIGIA PALLAVICINI
CADUTA DA CAVALLO**

I balsami beati
per te le Grazie apprestino,
per te i lini odorati
che a Citerea porgeano
quando profano spino
le punse il pié divino,

quel dí che insana empiea
il sacro Ida di gemiti,
e col crine tergea,
e bagnava di lagrime
il sanguinoso petto
al ciprio giovinetto.

Or te piangon gli Amori,
te fra le Dive liguri
Regina e Diva! e fiori
votivi all'ara portano
d'onde il grand'arco suona
del figlio di Latona.

E te chiama la danza
ove l'aure portavano
insolita fragranza,
allor che, a' nodi indocile,
la chioma al roseo braccio
ti fu gentile impaccio.

Tal nel lavacro immersa,
che fiori, dall'Inachio
Clivo cadendo, versa,
Palla i dall'elmo liberi
crin su la man che gronda
contien fuori dell'onda.

Armoniosi accenti
dal tuo labbro volavano,
e dagli occhi ridenti

**ЛУИДЖЕ ПАЛЛАВИЧНИ,
КОТОРАЯ УПАЛА С ЛОШАДИ**

Божественный бальзам
Приготовляли девы
И нежно по глазам
Киферы проводили,
И раненую ножку
Лечили понемножку.

В той роще роковой,
Где воплями Идалий
Над мертвой головой
Богиня оглашала:
Искромсанное тело
Красавца холодело.

А ныне, полетев
На капище, о лучшей
Из лигурийских дев,
Вы, лучники, молитесь
Асклепиева предка!
Вы, целящие метко!

Ветвями опахал
Древесных забавляясь,
Зефир благоухал.
И гриву захотела
Наездница взъерошить.
Но пошутила лошадь.

Так прежде в стременах
Паллада проплывала
Бушующий Инах
И, как снопом цветочным
Поверх волны игривой
Повелевала гривой.

Ты позвала, и зов,
Как пение Киферы,
Был кроток, и резов,

traluceano di Venere
i disdegni e le paci,
la speme, il pianto, e i baci.

Deh! perché hai le gentili
forme e l'ingegno docile
vôlto a studi virili?
Perché non dell'Aonie
seguivi, incauta, l'arte,
ma i ludi aspri di Marte?

Invan presaghi i venti
il polveroso agghiacciano
petto e le reni ardenti
dell'inquieto alipede,
ed irritante il morso
accresce impeto al corso.

Ardon gli sguardi, fuma
la bocca, agita l'ardua
testa, vola la spuma,
ed i manti volubili
lorda, e l'incerto freno,
ed il candido seno;

e il sudor piove, e i crini
sul collo irti svolazzano;
suonan gli antri marini
allo incalzato scalpito
della zampa, che caccia
polve e sassi in sua traccia.

Già dal lito si slancia
sordo ai clamori e al fremito;
già già fino alla pancia
nuota... e ingorde si gonfiano
non più memori l'acque
che una Dea da lor nacque.

Se non che il re dell'onde
dolente ancor d'Ippolito
surse per le profonde
vie dal tirreno talamo,

И ласков, и мятежен.
И буря, и капли
В нем, чередуясь, пели.

Откуда ж этот вкус,
Изнеженная дева,
Не к песнопенью муз,
Но к Марсовым утехам?
Откуда в робкой лани
Отвага, как в мужлане?

Но вешие ветра,
Недоброе учуяв,
Крылатого одра
Напрасно остужают:
Занявшееся пламя
Сильней под удилами.

В поту и в мыле круп.
И глаз свирепо скошен.
И клочья пены с губ
Пятнят на амазонке
Одежду дорогую;
И стремяна, и сбрую.

Конь взвился и понес.
Развевал ветер гриву.
Рассыпался утес
Под бешеным галопом.
И к небу тучи пыли
Вдогонку зверю взмыли.

Со страхом и тоской
Взирают очевидцы.
А он на брег морской —
И вплавь... И жадны волны,
Пеннорожденной дщери
Не вспомянув, — как звери,

Пока хозяин их,
Винясь за Ипполита,
Внезапно из морей
Тирренских не восстанет

e respinse il furente
col cenno onnipotente.

Quei dal flutto arretrosse
ricalcitrando e, orribile!
Sovra l'anche rizzosse;
scuote l'arcion, te misera
su la petrosa riva
strascinando mal viva.

Pera chi osò primiero
discortese commettere
a infedele corsiero
l'agil fianco femineo,
e aprí con rio consiglio
novo a beltà periglio!

Ché or non vedrei le rose
del tuo volto sí languide;
non le luci amorse
spiar ne' guardi medici
speranza lusinghiera
della beltà primiera.

Di Cinzia il cocchio aurato
le cervè un dí traeano,
ma al ferino ululato
per terrore insanirono,
e dalla rupe etnea
precipitò la Dea.

Gioían d'invido riso
le abitatrici olimpie,
perché l'eterno viso,
silenzioso, e pallido,
cinto apparia d'un velo
ai conviti del cielo;

ma ben piansero il giorno
che dalle danze efesie
lieta facea ritorno
fra le devote vergini,
e al ciel salía più bella
di Febo la sorella.

И, судьбами владея,
Не отшвырнет злодея.

Потрепанный на вид,
По-прежнему на суше
Тот скинуть норовит
Изысканную ношу.
А ты на крупе черта
Недвижно распростерта.

Убейте, не пойму,
Какие недоумки
Пленительность саму
Скотине поручили?
Какие пустомели
Так рисковать посмели?

Но не придет тот миг,
Когда, бескровный, снова
Порозовеет лик,
Согласно эскулапу.
И места нет надежде,
Что станешь ты, как прежде.

Властительницу дев
Легко несли олени,
Но, зверя углядев,
Наездницу забыли —
Помчались к горной кручи
Побежкой летучей.

Как тешились над ней
Другие олимпийки,
Когда, луны бледней,
Диана трепетала
И в пеленах белесых
Летела на колесах.

Но, выйдя из завес,
Охотница вернулась
На игрища в Эфес
К родным океанидам.
И вновь сестрицу Феба
Короновало небо!

ALLA SERA

Forse perché della fatal quiete
tu sei l'immagine a me sí cara vieni
o sera! E quando ti corteggian liete
le nubi estive e i zeffiri sereni,

e quando dal nevoso aere inquiete
tenebre e lunghe all'universo meni
sempre scendi invocata, e le segrete
vie del mio cor soavemente tieni.

Vagar mi fai co' miei pensier su l'orme
che vanno al nulla eterno; e intanto fugge
questo reo tempo, e van con lui le torme

delle cure onde meco egli si strugge;
e mentre io guardo la tua pace, dorme
quello spirto guerrier ch'entro mi rugge.

DI SE STESSO

Perché taccia il rumor di mia catena
di lagrime, di speme, e di amor vivo,
e di silenzio; ché pietà mi affrena,
se con lei parlo, o di lei penso e scrivo.

Tu sol mi ascolti, o solitario rivo,
ove ogni notte Amor seco mi mena,
qui affido il pianto e i miei danni descrivo,
qui tutta verso del dolor la piena.

E narro come i grandi occhi ridenti
arsero d'immortal raggio il mio core,
come la rosea bocca, e i rilucenti

odorati capelli, ed il candore
delle divine membra, e i cari accenti
m'insegnarono alfin pianger d'amore.

ВЕЧЕРУ

Не оттого ли рад тебе всегда я,
Что роковым покоем дышишь ты,
О вечер, в летней дымке пропадая,
Обласкан облаками с высоты.

И снежною зимой, когда седая
Тускнеет даль, и сумерки густы,
Приходишь, за молитвы награждая,
Наводишь в сердце тайные мосты.

И мысли, следуя твоим приливам,
К заветному плывут небытию,
Пренебрегая временем глумливым,

Чью злость, чью желчь я поневоле пью:
Покоем усыпляешь молчаливым
Ты страстную воинственность мою.

О СЕБЕ

Стараюсь жить надеждой и тоскою,
Чтоб звон оков не стал еще слышной:
Душа объята нежностью такою,
Что все слова и помыслы — о ней!

Мой одинокий берег, сколько дней
Я плачу над безбрежностью морскою,
Вручаю горечь холоду камней,
Сердечных ран никак не успокою!

Я с морем говорил, не утая,
Как взор ее непреходящей властью
Пронзил мне грудь, как ласкова струя

Ее волос, как губы манят страстью,
Как плакать и любить учился я,
Как безответному молился счастью.

ALL'AMATA

Meritamente, però ch'io potei
abbandonarti, or grido alle frementi
onde che batton l'alpi, e i pianti miei
sperdono sordi del Tirreno i venti.

Sperai, poiché mi han tratto uomini e Dei
in lungo esilio fra spergiure genti
dal bel paese ove or meni sí rei,
me sospirando, i tuoi giorni fiorenti,

sperai che il tempo, e i duri casi, e queste
rupi ch'io varco anelando, e le eterne
ov'io qual fiera dormo atre foreste,

sarien ristoro al mio cor sanguinente;
ahi, vòta speme! Amor fra l'ombre inferne
seguirammi immortale, onnipotente.

IL PROPRIO RITRATTO

Ch'altri che me non ho di cui mi lagne.

Petrarca.

Solcata ho fronte, occhi incavati intenti,
crin fulvo, emunte guance, ardito aspetto,
labbro tumido acceso, e tersi denti,
capo chino, bel collo, e largo petto;

giuste membra; vestir semplice eletto;
ratti i passi, i pensier, gli atti, gli accenti;
sobrio, umano, leal, prodigo, schietto;
avverso al mondo, avversi a me gli eventi:

talor di lingua, e spesso di man prode;
mesto i più giorni e solo, ognor pensoso,
pronto, iracondo, inquieto, tenace:

di vizi ricco e di virtù, do lode
alla ragion, ma corro ove al cor piace:
morte sol mi darà fama e riposo.

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Тебя я бросил и не жду добра
От злой судьбы — я виноват во многом!
Мой скорбный вопль тирренские ветра
По приальпийским разнесут отрогам.

Из края, где природа так щедра,
Изгнанник, вырван я людьми и Богом,—
Ты обо мне вздыхаешь до утра
В своей Флоренции, а я к порогам

Чужим, предательским бреду в тоске.
Я верил, что от дома вдалеке,
В глуши лесов таясь, подобно зверю,

В пещерах, верил я, что обману
Любовь,— теперь я ни во что не верю:
Мы и в геенне у нее в плену.

АВТОПОРТРЕТ

О ком мне плакать, как не о себе.

Петрарка

Я худ лицом, глаза полны огня;
Пытливый взор страданием отмечен;
Уста молчат, достоинство храня;
Высокий лоб морщинами иссечен;

В одежде — прост; осанкой — безупречен;
Привязан ко всему не доле дня;
Угрюм, приветлив, груб, чистосердечен:
Я отвергаю мир, а мир — меня.

Не манит ни надежда, ни забава;
Как радость, одиночество приемлю;
Порою доблестен, труслив порой,—

Я робко голосу рассудка внемлю,
Но сердце бурно тешится игрой.
О Смерть, в тебе и отдых мой, и слава.

A FIRENZE

E tu ne' carmi avrai perenne vita
sponda che Arno saluta in suo cammino
partendo la città che del latino
nome accogliea finor l'ombra fuggita.

Già dal tuo ponte all'onda impaurita
il papale furore e il ghibellino
mescean gran sangue, ove oggi al pellegrino
del fero vate la magion s'addita.

Per me cara, felice, inclita riva
ove sovente i piè leggiadri mosse
colei che vera al portamento Diva

in me volgeva sue luci beate,
mentr'io sentia dai crin d'oro commosse
spirar ambrosia l'aure innamorate.

A ZACINTO

Né più mai toccherò le sacre sponde
ove il mio corpo fanciulletto giacque,
Zacinto mia, che te specchi nell'onde
del greco mar da cui vergine nacque

Venere, e fea quelle isole feconde
col suo primo sorriso, onde non tacque
le tue limpide nubi e le tue fronde
l'inclito verso di colui che l'acque

cantò fatali, ed il diverso esiglio
per cui bello di fama e di sventura
baciò la sua petrosa Itaca Ulisse.

Tu non altro che il canto avrai del figlio,
o materna mia terra; a noi prescrisse
il fatto illacrimata sepoltura.

К ФЛОРЕНЦИИ

Хвала тебе, о берег,— тебя в долине
Ласкает Арно столько лет подряд,
Степенно покидая славный град,
В чьем имени рокочет гром латыни.

Здесь вымещали гнев на гибеллине
И гвельфу воздавали во сто крат
У твоего моста, который рад
Прибежищем служить поэту ныне.

Ты, милый берег, мне милей вдвойне:
На эту почву поступью небесной
Ступала та, что всех дороже мне,—

Здесь я впервые встретил чистый взгляд,
Здесь я вдохнул — мне прежде неизвестный —
Ее волос волшебный аромат.

К ЗАКИНФУ

Я не вернусь на берег твой священный,
Где колыбельную мне пел прибой,
Где греческой волной омыты стены
Скалистые, где в бездне голубой,

Твоей, Закинф, возшла она из пены
Божественной, где островок любой
Цветет улыбкой Анадиомены,
Где облака прославлены судьбой

Певца, тоскующего о просторах
Лесных, о странствиях, в конце которых
Припал к камням Итаки Одиссей.

Что, кроме этих песен, остров милый,
Тебе оставляю после жизни всей?
Кто станет плакать над моей могилой!

IN MORTE DEL FRATELLO GIOVANNI

Un dí, s'io non andrò sempre fuggendo
di gente in gente, mi vedrai seduto
su la tua pietra, o fratel mio, gemendo
il fior de' tuoi gentili anni caduto.

La madre or sol, suo dí tardo traendo,
parla di me col tuo cenere muto:
ma io deluse a voi le palme tendo;
e se da lunge i miei tetti saluto,

sento gli avversi Numi, e le secrete
cure che al viver tuo furon tempesta,
e prego anch'io nel tuo porto quiete.

Questo di tanta speme oggi mi resta!
Straniere genti, l'ossa mie rendete
allora al petto della madre mesta.

НА СМЕРТЬ БРАТА ДЖОВАННИ

Скитаться станет мне невольно —
Домой с чужбины возвращусь постылой,
Присяду молча на твою плиту
И горько зарыдаю, брат мой милый.

Старуха мать, уставясь в пустоту,
О нас обоих плачет над могилой,
Ни слова по губам я не прочту
И руки к ней тяну во мгле унылой.

К родимым кровлям не найдя пути,
От бурь мечтаю, от тоски и злости
Тебя в последней гавани спасти.

Чужих людей молю: «Надежду бросьте!
Одно вам остается — отвезти
Домой мои скитальческие кости».

IL TROVATORE

Va per la selva bruna
solingo il trovator
domato dal rigor
della fortuna.

La faccia sua sí bella
la disfiò il dolor;
la voce del cantor
non è più quella.

Ardea nel suo segreto;
e i voti, i lai, l'ardor
alla canzon d'amor
fidò indiscreto.

Dal talamo inaccesso
udillo il suo signor:
l'improvvido cantor
tradí se stesso.

Pei dí del giovinetto
tremò alla donna il cor,
ignara fino allor
di tanto affetto.

E supplice al geloso,
ne contenea il furor:
bella del proprio onor
piacque allo sposo.

Rise l'ingenua. Blando
l'accarezzò il signor:
ma il giovin trovator
cacciato è in bando.

De' cari occhi fatali
più non vedrà il fulgor;
non berrà più da lor
l'obblío de' mali.

ТРУБАДУР

Сомкнулась чаща хмуро,
Дороге нет конца.
Кто сделал беглеца
Из трубадура?

Бредет, высок и молод,
Бледнее мертвеца,
И голос у певца
Тоской расколот.

Любовь к графине юной
С безумством храбреца
Он взял для образца
Баллады струнной.

Супруг ее безбожный
Подслушал гордеца.
Как пылкие сердца
Неосторожны!

Графиня, обнаружа
Впервые страсть певца,
В испуге за юнца
Молила мужа.

Молила мужа страстно,
Ревнивого глупца,
И, как из-под венца,
Была прекрасна.

Хозяйки гнев притворен:
«Прогоним наглеца!»
Еще два-три словца —
И муж покорен.

Певец, ты будешь где-то
Бродить, моля Творца,—
Без милого лица
Ты как без света.

Varcò quegli atri muto
ch'ei rallegrava ognor
con gl'inni del valor
col suo liuto.

Scese, varcò le porte;
stette, guardolle ancor:
e gli scoppiava il cor
come per morte.

Venne alla selva bruna:
quivi erra il trovator,
fuggendo ogni chiaror
fuor che la luna.

La guancia sua sí bella
più non somiglia un fior;
la voce del cantor
non è più quella.

GIULIA

La legge è bandita: la squilla s'è intesa.
È il dí de' coscritti.— Venuti alla Chiesa,
fan cerchio; ed un'urna sta in mezzo di lor.
Son sette i garzoni richiesti al Comune;
son poste nell'urna le sette fortune;
ciascun vi s'accosta col tremito in cor.—

Ma tutti d'Italia non son cittadini?
Perché, se il nemico minaccia ai confini,
non vanno bramosi la patria a salvar?—
Non è più la patria che all'armi gli appella:
son servi a una gente di strania favella,
sottesso le verghe chiamati a stentar.—

Che vuol questa turba nel tempio si spessa?
Quest'altra che anela, che all'atrio fa pressa,
dolente che l'occhio più lunge non va?
Vuol forse i fratelli strappar dal periglio?
Ai brandi, alle ronche dar tutti di piglio?
Scacciar lo straniero? gridar libertà?—

Молчит окаменело
Парадный зал дворца,
Где лютия без конца
В ночи звенела.

Сошел певец уныло
С заветного крыльца,
И, словно от рубца,
Душа заныла.

Под вечер странник юный
Не ищет багреца:
Он в полночь ждет гонца
Из бездны лунной.

На сердце лютый холод
Железного кольца,
И голос у певца
Тоской расколот.

ДЖУЛИЯ

Закон прогремел и труба раздалась —
То день новобранцев. Толпа собралась
Во храме; среди его урна стоит:
Семь рекрут с деревни должны быть добыты,
Семь жеребьев в урне таинственной скрыты,
И всяк, подходя к ней, робеет, дрожит.

Они итальянцы: так что ж их пугает?
Когда их отечеству враг угрожает —
Ужели сражаться они не хотят?
О, нет, не отчизна их помощи просит:
Ломбардия бремя ей чуждое носит,
Сыны ее в рабстве — им палкой грозят!

Чего ж хочет вся эта масса народа,
Что в храме теснится, что сжалась у входа,
Сердясь, что вдали ничего не видать?
Иль братьев насильно исторгнуть стремится?
Иль хочет за сабли, за вилы схватиться?
Изгнать чужеземцев? к свободе воззвать?

Aravan sul monte; sentito han la squilla,
son corsi alla strada, son scesi alla villa,
siccome fanciulli traenti al romor.
Che voglion? del giorno raccoglièr gli eventi,
attendere ai detti, spiare i lamenti,
parlarne il domani senz'ira o dolor.—

Ma sangue, ma vita non è nel lor petto?
Del giogo tedesco non v'arde il dispetto?
Nol punge vergogna del tanto patir?
Sudanti alla gleba d'inetti signori,
n'han tolto l'empio; ne' trepidi cuori
han detto: Che giova! siam nati a servir.—

Gli stolti!... Ma i padri? — S'accoran pensosi,
s'inoltran cercando con guardi pietosi
le nuore, le mogli piangenti all'altar.
Su i figli ridesti coll'alba primiera
si disser beati: Chi sa se la sera
su i sonni de'figli potranno esultar! —

E mentre che il volgo s'avvolta e bisbiglia,
chi fia quest'immota che a niun rassomiglia,
né sai se più sdegno la vinca, o pietà?
Non bassa mai 'l volto, nol chiude del velo,
non parla, non piange, non guarda che in cielo.
non scerne, non cura chi intorno le sta.—

È Giulia, è una madre. Due figli ha cresciuto;
indarno! l'un d'essi già 'l chiama perduto:
è l'esul che sempre l'è fisso nel cor.
Penò trafugato per valli deserte;
si tolse d'Italia nel dí che l'inerte
di sé, de' suoi fati fu vista minor.

Che addio lagrimoso per Giulia fu quello!
Ed or si tormenta dell'altro fratello;
ché un volger dell'urna rapire gliel può.
E Carlo dei sgherri soccorrer le file!
Vestirsi la bianca divisa del vile!
Fibbiarsi una spada che l'Austro aguzzò!

Работали в поле: трубу услышали —
И в город, как дети, на шум прибежали,
Узнать — что за вести тот день им принес,
Послушать рыданий и воплей прощальных,
А там — обо всех этих сценах печальных
Рассказывать завтра без гнева и слез.

А что же отцы? о, они прибегают
В тревоге и горестно взгляды бросают
На плачущих жен и невесток своих.
Они на детей, что с зарею поднялись,
Сегодняшним утром еще любовались,
А ночью — увидят ли спящими их?..

Народ и шумит и толпится. Но что же
За женщина это? на них не похожа —
Что больше в ней — гнев или горе кипит?
Она под вуалью лица не скрывает,
Не ропщет, не плачет, на небо взирает,
Не видя, не зная, кто возле стоит.

То Джулия. Двух сыновей воспитала...
Увы! одного уж из них потеряла:
Простился он с родиной жалкой своей;
Никем не замечен, он скрылся в пустыне
И долго томился на дальней чужбине...
И вечно изгнанник на сердце у ней!

Какую она тогда вынесла муку!
А ныне с другим уже сыном разлуку,
Быть может, готовит судьбы приговор;
Он вступит в ужасную эту ватагу,
И с боку привесит австрийскую шпагу,
И белый наденет мундир... о, позор!

Via via, con l'ingegno del duol, la tapina
travalica il tempo, va incontro indovina
ai raggi d'un giorno che nato non è:
tien dietro a un clangore di trombe guerriere
pon l'orme su un campo, si abbatte in ischiere
che alacri dell'Alpi discendono al piè.

Ed ecco altre insegne con altri guerrieri,
che sboccano al piano per altri sentieri,
che il varco ai vegnenti son corsi a tagliar.
Là gridano: Italia! Redimer l'oppressa!
Qui giuran protervi serbarla sommessa:
l'un' oste su l'altra sguaina l'acciar.

Da ritta spronando si slancia un furente:
un sprona da manca, lo assal col fendente,
né svia da sé il colpo che al petto gli vien.
Bestemmian feriti. Che gesti! che voci!
La misera guarda, ravvisa i feroci:—
son quei che alla vita portò nel suo sen.

Ahi ratto dall'ansie del campo abborrito
s'arretra il materno pensiero atterrito,
ricade più assiduo fra l'ansie del dí.
Più rapido il sangue ne'polsi a lei batte:
le schede fatali dell'urna son tratte.
Qual mai sarà quella che Carlo sortí?

Di man de' garzoni le tessere aduna,
ne scruta un severo la varia fortuna,
determina i sette che l'urna dannò.
Susurro più intorno, parola non s'ode;
ch'ei sorga e li nomi la plebe già gode,
già l'avidò orecchio l'insulsa levò.

E Giulia reclina gli attoniti rai
sul figlio, e lo guarda d'un guardo che mai
con tanto d'amore su lui non risté.
Oh angoscia! ode un nome; non è quel di Carlo;
un altro, ed un altro;— non sente chiamarlo;—
rilevan già il quinto;— no, Carlo non è.

И думой печальной несчастная хочет
Узнать, что в грядущем судьба ей пророчит:
Она за трубою воинской идет,
Она, среди лагеря, умственным взглядом
Следит за военным австрийским отрядом,
Который спускается с Альпов. Но вот —

Вдали показалось войско другое...
Не то уже знамя над ним боевое...
Оно хочет первому путь пересечь.
Там — крики свободы, гремя, раздаются,
Здесь — в рабстве держать нашу землю клянутся,
И враг на врага обнажает свой меч.

Вот всадник помчался в кровавую сечу,
Другой к нему с саблей несется навстречу
И ранят друг друга. О, что за народ!
Какие движенья, какие проклятья!
Несчастливая смотрит и видит — то братья...
В свирепых бойцах сыновей узнает!

И, вздрогнув, от ужасов бури воинской
Она отвращает свой взор материнский
К беде настоящей: вот урна стоит
И к урне вниманье она устремила.
Быстрее по жилам в ней кровь заходила:
Какой жребий Карлу судьба подарит?

Вот в урну все марки судьбы собирают,
И смотрят на них, и сурово решают —
Кого на рекрутство она обрекла.
И шепот замолкнул, не слышно ни слова,
И глупая чернь веселиться готова
И жадное ухо свое подняла.

Взор Джулии вспыхнул под черною бровью —
И смотрит на Карла с такою любовью,
С какой никогда не бывал устремлен.
Послышалось имя. Кто это? о, Боже!
Не сын ли? — Не он! Вот другое — и тоже
Не он. Вот еще и еще — все не он!

Proclamano il sesto;— ma è figlio d'altrui;
è un'altra la madre che piange per lui.
Ah! forse fu invano che Giulia tremò.
Com'aura che fresca l'infermo ravviva,
soave una voce dal cor le deriva
che grazia il suo prego su in Cielo trovò.

Le cresce la fede: nel sen la pressura
le allevia un sospiro: con men di paura
la settima sorte sta Giulia ad udir.
L'han detta;— è il suo figlio:— doman vergognato,
al cenno insolente d'estraneo soldato,
con l'aquila in fronte vedrallo partir.

Вот пятое имя, а вот и шестое
Сказали: о, счастье! то имя чужое!
Быть может, напрасен был Джулии страх.
Как воздух больного порой оживляет,
Так внутренний голос ее утешает:
«Молитва твоя принята в небесах».

Она поддается отрадной надежде
И ждет не с таким уже страхом, как прежде,
И тяжесть у ней отлегла от груди...
Но жребий последний зовет ее сына,
И завтра на грозный призыв властелина
Уйдет он, с австрийским орлом впереди!

IL CINQUE MAGGIO

Ei fu. Siccome immobile,
dato il mortal sospiro,
stette la spoglia immemore,
orba di tanto spiro,
cosí percossa, attonita
la terra al nunzio sta,

muta pensando all'ultima
ora dell'uom fatale;
né sa quando una simile
orma di pié mortale
la sua cruenta polvere
a calpestar verrà.

Lui folgorante in solio
vide il mio genio, e tacque;
quando con vece assidua
cadde, risorse, e giacque,
di mille voci al sonito
mista la sua non ha:

vergin di servo encomio
e di codardo oltraggio,
sorge or commosso al subito
sparir di tanto raggio;
e scioglie all'urna un cantico
che forse non morrà.

Dall'Alpi alle Piramidi,
dal Manzanarre al Reno,
di quel sicuro il fulmine
teneva dietro al baleno;
scoppiò da Scilla al Tanai,
dall'uno all'altro mar.

Fu vera gloria? Ai posteri
l'ardua sentenza: nui
chiniam la fronte al Massimo
Fattor, che volle in lui

ПЯТОЕ МАЯ

Его не стало. Замерло
Беспамятное тело,
Едва душа с дыханием
Последним отлетела,—
И замер мир, известием
Внезапным потрясен.

Рукою рока властного
Была его десница,
Земля молчит, не ведая,
Когда еще родится,
Кто с ним сравнится участью
И прогремит, как он.

Свидетель славы пламенной,
Я не сказал ни слова,
Когда он пал, поверженный,
Воспрял и рухнул снова,
Когда восторги слышались
И брань со всех сторон.

Далек от раболепия
И суеты злорадной,
Звучит о гордом светоче
Мой стих над урной холодной,
Что, может быть, забвению
Не будет обречен.

На Рейне и в Испании
И над берегами Нила
Живая эта молния,
Сверкнув, тотчас разила;
Он лавры чужестранные
В венец победный вплел.

Он славен был. По праву ли? —
Решат потомки. Мы же
Перед всеильным Господом
Главы склоняем ниже,

del creator suo spirito
più vasta orma stampar.

La procellosa e trepida
gioia d'un gran disegno,
l'ansia d'un cor che indocile
serve, pensando al regno;
e il giunge, e tiene un premio
ch'era follia sperar;

tutto ei provò: la gloria
maggior dopo il periglio,
la fuga e la vittoria,
la reggia e il tristo esiglio:
due volte nella polvere,
due volte sull'altar.

Ei si nomò: due secoli,
l'un contro l'altro armati,
sommessi a lui si volsero,
come aspettando il fato;
ei fe' silenzio, ed arbitro
s'assise in mezzo a lor.

E sparve, e il dí nell'ozio
chiuse in sí breve sponda,
segno d'immensa invidia
e di pietà profonda,
d'ineinguibil odio
e d'indomato amor.

Come sul capo al naufrago
l'onda s'avvolge e pesa,
l'onda su cui del misero,
alta pur dianzi e tesa,
scorrea la vista a scernere
prode remote invan;

tal su quell'alma il cumulo
delle memorie scese!
Oh quante volte ai posteri
narrar se stesso imprese,

Что духом созидательным
Его не обошел.

Расчет и упоение
Надеждой величавой,
Стремленье сердца страстное
Подняться над державой —
О чем мечтать безумие —
Он наяву обрел.

Он все познал: растерянность
И славы ликованье,
Победу, отступление,
Империю, изгнанье,
Два раза в бездну брошенный,
Два раза — на престол.

Он имя возгласил свое —
И два враждебных века,
Как перед властью жребия,
Пред волей человека
Смирились, справедливости
Увидя в нем жреца.

Он дни окончил в праздности
Среди природы дикой,
Предмет глубокой зависти
И жалости великой,
Неистребимой ярости
И веры до конца.

Как над пловцом вздымается
Кипящий вал, которым
Он перед этим поднят был
И тщетно жадным взором
Искал, не видно ль берега,
Отдав надежде дань, —

Так образы минувшего
Над сей душой нависли!
Не раз потомкам брался он
Свои поведать мысли,

e sull'eterne pagine
cadde la stanca man!

Oh! quante volte, al tacito
morir d'un giorno inerte,
chinati i rai fulminei,
le braccia al sen conserte,
stette, e dei dí che furono
l'assalse il sovvenir!

E ripensò le mobili
tende, e i percossi valli,
e il lampo de' manipoli,
e l'onda dei cavalli,
e il concitato imperio,
e il celere ubbidir.

Ahi! forse a tanto strazio
cadde lo spirto anelo,
e disperò; ma valida
venne una man dal cielo,
e in più spirabil aere
pietosa il trasportò;

e l'avviò, pei floridi
sentier della speranza,
ai campi eterni, al premio
che i desideri avanza,
dov'è silenzio e tenebre
la gloria che passò.

Bella immortal! benefica
fede ai trionfi avvezza!
Scrivi ancor questo, allegrati;
ché più superba altezza
al disonor del Gulgota
 giammai non si chinò.

Tu dalle stanche ceneri
sperdi ogni ria parola:
il Dio che atterra e suscita,
che affanna e che consola,
sulla deserta coltrice
accanto a lui posò.

Но на страницу падала
Безжизненная длань.

Не раз безмолвным вечером,
Невольник праздной скуки,
Глаза потупя жгучие,
Крестом сложивши руки,
Стоял он — и прошедшее
Теснило дух его.

Он вспоминал походные
Шатры, огонь, редуты,
Лавину грозной конницы
И в жаркие минуты
Сухие приказания
И планов торжество.

Он должен был отчаяться,
Душой изнемогая,
Но нет! Нашла несчастного
Рука небес благая,
Подняв его решительно
Над берегом чужим,

И душу повлекла его
Дорогою цветущей
К награде уготованной,
К полям мечты зовущей,
Туда, где слава прежняя —
Пустое слово, дым.

О вера благодатная!
В веках себя прославя,
Ликуй, к триумфам признанным
Еще один прибавя, —
Ведь не был равным гением
Позор Голгофы чтим.

Усталый прах заботливо
Храни от поношенья:
Господь, дающий смертному
И боль и утешенье,
Один к одру изгнанника
Пришел и сел над ним.

IL NATALE

Qual masso che dal vertice
di lunga erta montana,
abbandonato all'impeto
di rumorosa frana,
per lo scheggiato calle
precipitando a valle,
batte sul fondo e sta;

là dove cadde, immobile
giace in sua lenta mole;
né, per mutar di secoli,
fia che riveda il sole
della sua cima antica,
se una virtude amica
in alto nol trarrà:

tal si giaceva il misero
figliol del fallo primo,
dal dí che un'ineffabile
ira promessa all'imo
d'ogni malor gravollo,
donde il superbo collo
più non potea levar.

Qual mai tra i nati all'odio,
quale era mai persona,
che al Santo inaccessibile
potesse dir: perdona?
Far novo patto eterno?
Al vincitore inferno
la preda sua strappar?

Ecco ci è nato un Pargolo,
ci fu largito un Figlio:
le avverse forze tremano
al mover del suo ciglio:
all'uom la mano Ei porge,
che si ravviva, e sorge
oltre l'antico onor.

Dalle magioni eteree
sgorga una fonte, e scende,

РОЖДЕСТВО

Обвалом шумным сверженный
С вершины поднебесной,
Стремнинами кремнистыми
Во мрак долины тесной
Упал утес могучий
И, грянувшись под кручей,
Недвижимо на дне

Лежал, пока столетия
Текли чредою длинной,
И солнце не касалось
Главы его старинной,—
Доколь благая сила
Утес не утвердила
На прежней высоте.

Так же с высот низвержены,
Грехопаденья чада
Коснели, злом согбенные,
Поднять не в силах взгляда
К обители желанной,
Откуда несказанный
Исторг их божий гнев.

Средь Господом отринутых
Кто вправе был отныне
С мольбою о прощении
Воззвать к Его святыне?
Завет поставить новый?
Разрушить ада ковы,
Геенну одолев?

Но се — Дитя рождается,
Ниспослано любовью.
Трепещут силы адские,
Едва Он двигнет бровью.
С благой пришедший вестью,
Он — паче прежней — честью
Возвысил падший род.

Родник в надзвездной области
Пролился щедрой влагой,

e nel borron de' triboli
vivida si distende:
stillano méle i tronchi;
dove copriano i bronchi,
ivi germoglia il fior.

O Figlio, o Tu cui genera
l'Eterno, eterno seco;
qual ti può dir de' secoli:
Tu cominciasti meco?
Tu sei: del vasto empireo
non ti comprende il giro:
la tua parola il fe'.

E Tu degnasti assumere
questa creata argilla?
Qual merto suo, qual grazia
a tanto onor sortilla?
Se in suo consiglio ascoso
vince il perdon, pietoso
immensamente Egli è.

Oggi Egli è nato: ad Efrata,
vaticinato ostello,
ascese un'alma Vergine,
la gloria d'Israello,
grave di tal portato:
da cui promise è nato,
dove era atteso uscí.

La mira Madre in poveri
panni il Figliol compose,
e nell'umil presepio
soavemente il pose;
e l'adorò: beata!
innanzi al Dio prostrata,
che il puro sen le aprí.

L'Angel del cielo, agli uomini
nunzio di tanta sorte,
non de' potenti volgesi
alle vegliate porte;

Поит обитель дольную,
Всем племенам во благо.
Где тёрном дёбрь кустилась,
Там роза распустилась
И дубы точат мед.

Предвечный сын Предвечного!
С начала дней какое
Столетье вправе вымолвить:
Ты начался со мною?
Ты вечносущ. Вселенной,
Тобою сотворенной,
Нельзя вместить Творца.

И ты облекся низменной
Скуделью плоти тварной?
За что сей жребий выпренный
Земле неблагодарной?
Коль благодать Провиденья
Избрала снисхожденье,
Тогда ей нет конца!

В согласье с предсказаниями
Прийти случилось Деве
В Ефрафов город с ношею
Блаженною во чреве;
Где предрекли пророки,
Там и сбылися сроки,
Свершилось Рождество.

Мать пеленами бедными
Рожденного повила
И, в ясли уложив его,
Колена преклонила
В убежище убогом
Перед младенцем-Богом,
Спеша почтить его.

И, к людям с вестью посланный,
Гонец небес крылатый
Минул надменной стражею
Хранимые палаты,

ma tra i pastor devoti,
al duro mondo ignoti,
subito in luce appar.

E intorno a Lui, per l'ampia
notte calati a stuolo,
mille celesti strinsero
il fiammeggiante volo:
e accesi in dolce zelo,
come si canta in cielo,
a Dio gloria cantar.

L'allegro inno seguirono.
Tornando al firmamento:
tra le varcate nuvole
allontanossi, e lento
il suon sacro ascese,
fin che più nulla intese
la compagnia fedel.

Senza indugiar, cercarono
l'albergo poveretto
que' fortunati, e videro,
siccome a lor fu detto,
videro in panni avvolto,
in un presepe accolto,
vagire il Re del Ciel.

Dormi, o Fanciul; non piangere;
dormi, o Fanciul celeste:
sovra il tuo capo stridere
non osin le tempeste,
use sull'empia terra,
come cavalli in guerra,
correr davanti a Te.

Dormi, o Celeste: i popoli
chi nato sia non sanno;
ma il dí verrà che nobile
retaggio tuo saranno;
che in quell'umil riposo,
che nella polve ascoso,
conosceranno il Re.

Но пастухов безвестных,
Смиренно-благочестных,
Нашел в степном краю.

К нему слетелись ангелы
Толпою осиянной,
Глухое небо полночи
Наполнили осанной.
Так точно перед взором
Творца усердным хором
Поют они в раю.

И, гимнам вслед ликующим
Взмывая к небосклонам,
Сокрылись сонмы ангелов
За облачным заслоном.
Святая песня свыше
Неслась все тише, тише —
И всякий звук исчез.

И пастухи, не мешкая,
Указанной дорогой,
Счастливые, отправились
К гостинице убогой, —
Где в яслях для скотины
Лежал, повит холстиной,
И плакал Царь небес.

Не плачь, Дитя небесное,
Не плачь, усни скорее!
Стихают бури шумные,
Тебя будить не смея,
Бегут во мрак кромешный
С земли, доселе грешной,
Лишь Твой завидят лик.

Усни, Дитя! Не ведают
Народы в целом свете,
Что Тот пришел, который их
В свои уловит сети,
Что здесь, в пещерке тесной,
Лежит в пыли безвестной
Владыка всех владык.

PIO OTTAVO

Che ffior de Papa creeno! Accidenti!
Co rispetto de lui pare er Cacamme.
Bella galanteria da tate e mamme
pe flà bobo a li fiji impertinenti!

Ha un erpeto pe tutto, nun tié denti,
e' guercio, je stracineno le gamme,
Spénnola da una parte, e buggiaramme
si arriva a ffà la pacchia a li parenti.

Guarda lí che ffigura da vienicce
a ffà de Crist'in terra! Cazzo matto
imbottito de carne de sarcicce!

Disse bene la serva de l'orefice
quanno lo vedde in chiesa: «Uhm! cianno fatto
un gran brutto strucchione de Pontefice.»

ZP CHECCA AR NIPOTE AMMOJATO

Dico 'na cosa che nun è bucia...
Tu vedi che ttu' fijo è grann' e grosso,
e nu je metti gnisun' arte addosso?
Ma ssi ttu mori che ha da fà? la spia?

Nun c'è antro che gioco, arme, ostaria,
donne, sicario... e nun z'abbusca un grosso!
Ah! un giorno o l'antro ha da cascà in d'un fosso
da fàtte piaggne; e tte lo dice zia.

Sempre compaggni! e che schiume, fratello!
Puh, libberàmus dominé! L'Abbrei
sò ppiù cristiani e ciàanno ppiù ciarvello.

Pe 'gni cantone ne tié cinqu'o ssei:
vedi che scòla! Come dice quello?
Dí con chi vai, e tte dirò chi ssei.

ПИЙ VIII

Такого папу выбрать! Просто любо!
Грешно равнять, но вылитый Хахам.
Детей, когда не слушаются мам,
Пугать бы им — дурных учить уму бы.

Весь в лишае, кривой, во рту ни зуба,
И двух шагов пройти не в силах сам.
Родню свою пристроить там и сям
Успеет ли? Боюсь, не дал бы дуба.

Глядите, кто наместником Христа
Стал на земле! Какая срамота!
Вареная мошонка с тухлым фаршем!

Прислуга ювелира, знать, была
Права, когда сказала: «Ну, дела!
Такое чучело поставить старшим!»

ТЕТЯ ФРАНЧЕСКА — ЖЕНАТОМУ ПЛЕМЯННИКУ

За сыном в этом возрасте зеленом,
Послушай тетку, нужен глаз да глаз.
Ну кто без ремесла он? Лоботряс!
А ну помрешь — кем будет он? Шпионом?

Игра, сигары, девки по притонам —
В каком болоте смолоду увяз!
Ты с ним еще поплачешь — и не раз,
Да-да, им только волю дай, гулёнам!

Кто у него дружки? Известно: дрянь!
Нет, надобно равняться по евреям —
Вон как детей воспитывают, глянь!

Мы, христиане, этак не умеем:
«Мол, с тем и с тем водиться перестань», —
И жнем, как говорится, что посеем.

LI FRATI

Sora Terresa mia sora Terresa,
io ve vorrebe vede appersuasa
de nun favve girà ffrati pe casa,
ché li frati sò robba pe la chiesa.

Lo so be' io sta gente quer che pesa
e quanto è roppicula e ficcanasa!
Eppoi basta a vedé com'è arimasa
co quer patrasso la commare Agnesa.

Sti torzonacci pe arrivà ar patume
te fanno punti d'oro, e appena er fosso
l'hanno sartato, pff, tutto va in fume.

C'è da facce in cuscenza un fianco grosso!
Oltre ar tanfetto poi der sucidume
de sudaticcio concallato addosso.

UN'OPERA DE MISERICORDIA

Nun annà appresso a Ttuta, ché co quella
se vede bazzicà ssempre un zordato;
e dicheno che un fir de puttanella
je s'è da quarche ttempo appiccicato.

Mezz'anno fa ppe certa marachella
annò a Ssan Rocco a spece der curato;
e tu tte fidi ar nome de zitella?
Omo avvisato è già mezzo sarvato.

Pe me è una santa donna; ma l'ho detto,
la gente ciarla: e ppe ffàlla segreta
nun je se pò appricà mica er lucchetto.

Fàcce, si ce vòì fà, seta-moneta:
fàcce a nisconnarello e a pizzichetto;
ma nun mètteje anello in ne le deta.

МОНАХИ

Да у тебя, Тереза, нет понятия,
Что значит открывать монахам дверь!
Пускала их? Гони взашей теперь:
«Мол, так и так, вам место в церкви, братья».

Под святостью монашеского платья
Скрывается опасный, хитрый зверь.
Сходи к куме Агнессе да проверь
Насчет монахов и про их занятия.

Морочат дур на царствии святом,
Чтоб им, чертям, не показали дули...
Гляди, чтоб не остаться с животом,—

И не таким, как ты, живот надули.
Да-да! Не говоря уже о том,
Что все монахи — жуткие грязнули.

ГЛАВНОЕ — ПРЕДУПРЕДИТЬ

Не бегай за Гертрудой: ходят слухи,
Что у нее имеется солдат.
Народ ее зачислил в потаскухи,
У нас такие вести — нарасхват.

Она за счет попа у повитухи
Тово... была с полгодика назад.
Не делай, так сказать, слона из мухи,
Но помни, что другие говорят.

По мне, как по тебе, она святая,
Я про людей — чего несут, болтая!
Попробуй всем на рты надеть замки!

Коль нравится, ходи к своей канашке,
Играй с ней в чехарду, играй в пятнашки,
Но только не проси ее руки.

**AUDACE FORTUNA GIUBBA
TIBBIDOSQUE DE PELLE**

Che sserve, è l'asso! Guardaje in ner busto
si che grazzia de dio ce tié anniscosta.
Sangue d'un dua com'ha da esse tosta!
Quanto ha da spiggnè! ah benemio, che gusto!

Si ce potessi intrufolà sto fusto,
me vorrebbe giucà ppropio una costa
che ce faría de risbarzo e de posta
dieci volate l'ora giusto giusto.

Tre notte ciò pportato er zor Badasco
a ffà 'na schitarrata co li fiocchi,
perché vienghi a capí che me ne casco.

Mo vojo batte, e buggiarà li sciocchi.
E che male sarà? de facce fiasco?
'Na provatura costa du' bajocchi.

ER ZERVITORE IN ZALA

Chi è? — Amici. — Favorischi puro:
entri drento, lustrissimo. — Addio, Tacchia. —
Oh gente! sto páino c'aricaccia,
lui mette er chiodo, e la padrona er muro.

Er povero sor Conte st'osso duro
nun vorrebbe iggnottillo, ma ss'abbacchia.
Già c'ha arzato le penne de cornacchia,
nun vò ffà ride er monno, io me figuro.

Pe me nun parlo mai, perc'ho pprudenza;
ché ssi volessi dí, ce n'ho, Madonna!,
d'empinne un cassabbanco e 'na credenza.

Basta, l'amico ch'è mo entrato, affonna;
lui abbozza: ma lei ch'è de cuscenza,
a uno la fa quadra e all'antro tonna.

**ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ
ВОДА НЕ ТЕЧЕТ**

Ты только посмотри на этот лиф!
Под ним, как видишь, не сказать, что пусто.
Хотя не угодить на всякий вкус-то,
Кому не по душе такой налив!

Любая грудь — малютка супротив
Такого замечательного бюста.
Люблю, чтоб с этим делом было густо,
Дрожу, богатство взглядом охватив.

Я на три ночи нанимал Бадаски
Гитарой за меня похлопотать,
Не то засохну без любви и ласки.

И надо подкатиться бы опять —
Наговорить про чувства, сделать глазки...
Кто мне мешает счастья попытать?

С ЧЕРНОГО ХОДА

«Кто там?» — «Свои». — «Свои, тогда входите».
Давненько не был! Заявился гость!
Хозяйкиной стене потребен гвоздь,
У нашего, видать, поменьше прыти.

А наш-то граф, чем при худом корыте
Тихонько состоять, сорвал бы злость!
Так нет, скрывает роговую кость —
Ведь засмеют, хотите не хотите.

И я — молчок насчет подобных штук,
Хоть знаю столько всякого такого,
Что до краев легко набить сундук.

Мне что? Впустил красавца — и готово.
Ну, баба — что угодно сходит с рук:
И мужа водит за нос, и другого!

LI CANCELLETTI

Ma chi diavolo, cristo!, l'ha ttentato
sto Pontefice nostro benedetto
d'annacce a sseguetrà cor cancelletto
quella grazzia-de-dio che Iddio cià dato!

La sera, armanco, doppo avé ssudato,
s'entrava in zanta pace in d'un buchetto
a beve co l'amichi quer gocchetto,
e arifiatà lo stommico assetato.

Ne pò ppenzà de ppiù sto Santopadre,
pòzzi avé bene li mortacci sui
e quella santa freggna de su' madre?

Qui nun ze fa ppe mormorà, fratello:
perché sse sa ch'er padronaccio è lui:
ma caso lui crepassi, addio cancello.

ER CARZOLARO AR CAFFÉ

Io nun tiengo de fijji antro che cquesto:
duncue vojjo ch'impari a legge e a scrive;
e accusi mmai j'amancherà dda vive,
e averà in culo er monno e ttutt'er resto.

Bbast'a ffà le su' cose sbrigative:
bbast'arzasse a bbon'ora, e ésse lesto,
timorato de Ddio, lescit' e onesto,
e attento a nnun pijjà ppieghe cattive. '

Tratanto io piaggno sempre; e ttra cquarc'anno
io servo grazziaddio tant'avocati,
che in cuarche lloggo me l'imbusceranno.

Provisto er fijjo, coll'occhi serrati,
e ssenza sturbo de ggnisun malanno,
dormirò li mi' sonni ariposati.

ОКОШКО

Ну папа! Показать надумал хватку,
Забрал у нас, что Богом нам дано:
Через окошко продавать вино
Велел на вынос. Будто для порядку.

С дружками горло промочить с устатку
Шел в погребок еще не так давно
Работный люд — и вдруг запрещено,
Взял да поставил супостат рогатку.

Ну мог ли хуже поступить с людьми
Святейший папа, черт его возьми
И мамочку его с сыночком вместе!

Понятно, слово папское — закон,
Хозяин все же. Но подохнет он —
И снова будем пить на старом месте.

САПОЖНИК В КОФЕЙНЕ

Сынов-то у меня один всего-то.
Эх, научиться бы ему читать
Ну и писать — тогда весь мир послать
Он сможет, мягко говоря, в болото!

Ученому на свете благодать,
Живет, не тужит... Главное — охота:
Знай не ленись — научишься в два счета,
Корпи с утра, зря времечко не трать.

Небось недаром целый век потею,
Глядишь, мои заказчики ему
Помогут — место сыщут грамотею.

И этому поплачусь, и тому,
Не привыкать! Зато потом сумею
Спокойно спать — как сына подниму.

LA PORTA DE RETO

Er Papa tié una scerta portiscella
pe ddove verzo sera un par de spie
je vanno a rrescità le lettanie
e a sputasse pormoni e ccoratella.

Lli jje bbutteno ggiù ggni marachella
de teatri, caffè, ccase, ostarie...
e, mmezze verità, mmezze bbuscìe,
ciàanno sempre da dí quarche storiella.

Ecco da che ne nassce quarche vvorta
che tte vedi li zzaffi a la sordina:
è ttutto pe vvvertù dde cquella porta.

E cchi ssò ste du' spie? Vall'a indovina
ognni lingua oggidí cche nnun zii morta
pò ésse un de le dua che tte cucina.

ER BATTESIMO DER FIJJO MASCHIO

Cosa sò sti fibbioni sbrillantati,
sto bber cappello novo e sto visito?
Sta carrozza ch'edé? cch'edé st'invito
de confetti, de vino e dde ggelati?

E li sparaggi tui l'hair massagrati,
cazzo-matto somaro sscimunito,
perché jjeri tu' mojje ha ppatorito
un zervitore ar Papa e a li su' frati?!

Se fa ttant'alegria, ttanta bbardoria,
pe bbattezzà cchi fforzi è ccondannato,
prima de nassce, a cojje la scicoria!

Poveri scechi! E nnun ve sete accorti
ch'er libbro de bbattesimi in sto Stato
se potería chiamà *libbro de morti?*

ЗАДНЯЯ ДВЕРЬ

У папы дворца в Ватикане есть,
Куда под вечер входят два шпиона
С молитвами за здравие закона
И перед папой ну из кожи лезть!

Слух из театра, из кофейни весть,
Немножко правды и немножко звона,
Небось нетрудно — научились вона
Какие были-небылицы плесть!

Всех меряют на собственную мерку,
И если видишь слежку за собой,
Благовари особенную дверку.

Кто эти двое? Да у нас любой,
Кому не лень, доносчик на поверку,
Клепают чуть не все наперебой.

КРЕЩЕНИЕ СЫНА

Прикажешь умиляться гордым ахам,
Твоей обнове, ящичкам вина
И нанятой карете? Вот те на!
Все, что скопил, спустить единым махом!

Безмозглый хрен! Осел! Ты ждал со страхом,
Что может дочь родить твоя жена,
Но разрешилась мальчиком она —
Слугой святому папе и монахам!

Веселье, шум по поводу крестин —
Папаша не какой-нибудь сквалыга,
Тем более что сын родился. Сын!

Откуда эта слепота отцов,
Когда у нас метрическая книга
Могла бы зваться списком мертвецов?

LA BBELLEZZA

Che ggran dono de Ddio ch'è la bbellezza!
Sopra de li quadrini hai da tenella:
pe vvìa che la ricchezza nun dà cquella,
e cco cquella s'acquista la ricchezza.

Una cchiesa, una vacca, una zitella,
si è bbrutta nun ze guarda e sse disprezza:
e Ddio stesso, ch'è un pozzo de saviezza,
la madre che ppijò la vorze bbella.

La bbellezza nun trova porte chiuse:
tutti je fanno l'occhi dorci, e ttutti
vedeno er torto in lei doppo le scuse.

Guardàmo li gattini, amico caro.
Li ppiù bbelli s'allevono: e li bbrutti?
E li poveri bbrutti ar monnezzaro.

КРАСОТА

457

Ну что, приятель, с красотой сравнится?
Богатство красоту не принесет,
А через красоту, наоборот,
К богатству может верный ход открыться.

Что церковь, что корова, что девица —
Уж если непригожи, так не в счет.
А как же! Ведь не зря Господь — и тот
Придумал от красавицы родиться!

Все двери красоте отворены,
Все перед нею хвостиком виляют,
А что не так — мы ей прощать должны.

Да что там говорить! Возьми котят:
Красивых, как ты знаешь, оставляют,
А некрасивых топят — не хотят.

L'INFINITO

Sempre caro mi fu quest'ermo colle,
e questa siepe, che da tanta parte
dell'ultimo orizzonte il guardo esclude.
Ma sedendo e mirando, interminati
spazi di là da quella, e sovrumani
silenzi, e profondissima quiete
io nel pensier mi fingo; ove per poco
il cor non si spaura. E come il vento
odo stormir tra queste piante, io quello
infinito silenzio a questa voce
vo comparando: e mi sovvien l'eterno,
e le morte stagioni, e la presente
e viva, e il suon di lei. Così tra questa
immensità s'annega il pensier mio:
e il naufragar m'è dolce in questo mare.

LA SERA DEL DÍ DI FESTA

Dolce e chiara è la notte e senza vento,
e queta sovra i tetti e in mezzo agli orti
posa la luna, e di lontan rivela
serena ogni montagna. O donna mia,
già tace ogni sentiero, e pei balconi
rara traluce la notturna lampa:
tu dormi, che t'accolse agevol sonno
nelle tue chete stanze; e non ti morde
cura nessuna; e già non sai né pensi
quanta piaga m'apristi in mezzo al petto.
Tu dormi: io questo ciel, che sí benigno
appare in vista, a salutar m'affaccio,
e l'antica natura onnipossente,
che mi fece all'affanno. A te la speme
nego, mi disse, anche la speme; e d'altro
non brillin gli occhi tuoi se non di pianto.
Questo dí fu solenne: or da' trastulli
prendi riposo; e forse ti rimembra

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Всегда был мил мне этот холм пустынный
И изгородь, отнявшая у взгляда
Большую часть по краю горизонта.
Но, сидя здесь и глядя вдаль, пространства
Бескрайние за ними, и молчанье
Неведомое, и покой глубокий
Я представляю в мыслях; оттого
Почти в испуге сердце. И когда
Услышу ветерка в деревьях шелест,
Я с этим шумом сравниваю то
Молчанье бесконечное: и вечность,
И умершие года времена,
И нынешнее, звучное, живое,
Приходят мне на ум. И среди этой
Безмерности все мысли исчезают,
И сладостно тонуть мне в этом море.

ВЕЧЕР ПРАЗДНИЧНОГО ДНЯ

Безветренная, сладостная ночь,
Среди садов, над кровлями, безмолвно
Лежит луна, из мрака вырывая
Вершины ближних гор. Ты спишь, подруга,
И все тропинки спят, и на балконах
Лишь изредка блеснет ночной светильник;
Ты спишь, тебя объят отрадный сон
В притихшем доме; не томит тебя
Невольная тревога; знать не знаешь,
Какую ты мне рану нанесла.
Ты спишь; а я, чтоб этим небесам,
На вид столь благосклонным, и могучей
Природе древней, мне одну лишь муку
Пославшей,— чтобы им привет послать,
Гляжу в окно. «Отказываю даже
Тебе в надежде я,— она сказала,—
Пусть лишь от слез блестят твои глаза».
День праздничный прошел, и от забав

in sogno a quanti oggi piacesti, e quanti
piacquero a te: non io, non già ch'io spero,
al pensier ti ricorro. Intanto io chieggo
quanto a viver mi resti, e qui per terra
mi getto, e grido, e fremo. Oh giorni orrendi
in così verde etate! Ahi, per la via
odo non lunge il solitario canto
dell'artigian, che riede a tarda notte,
dopo i sollazzi, al suo povero ostello;
e fieramente mi si stringe il core,
a pensar come tutto al mondo passa,
e quasi orma non lascia. Ecco è fuggito
il dí festivo, ed al festivo il giorno
volgar succede, e se ne porta il tempo
ogni umano accidente. Or dov'è il suono
di que' popoli antichi? or dov'è il grido
de' nostri avi famosi, e il grande impero
di quella Roma, e l'armi, e il fragorio
che n'andò per la terra e l'oceàno?
Tutto è pace e silenzio, e tutto posa
il mondo, e più di lor non si ragiona.
Nella mia prima età, quando s'aspetta
bramosamente il dí festivo, or poscia
ch'egli era spento, io doloroso, in veglia,
premea le piume; ed alla tarda notte
un canto che s'udia per li sentieri
lontanando morire a poco a poco,
già similmente mi stringeva il core.

A SILVIA

Silvia, rimembri ancora
quel tempo della tua vita mortale,
quando beltà splendea
negli occhi tuoi ridenti e fuggitivi,
e tu, lieta e pensosa, il limitare
di gioventù salivi?

Теперь ты отдыхаешь, вспоминая
Во сне о том, быть может, скольких ты
Пленила нынче, сколькими пленилась:
Не я — хоть я на то и не надеюсь —
Тебе являюсь в мыслях. Между тем
Я вопрошаю, сколько жить осталось,
И на землю бросаюсь с криком, с дрожью.
О, как ужасны дни среди цветенья
Такого лета! Но невдалеке
С дороги песенка слышна простая
Ремесленника, поздней ночью — после
Вечернего веселья — в бедный домик
Идущего; и горечь полнит сердце
При мысли, что на свете все проходит,
Следа не оставляя. Пролетел
И праздник, а за праздником вослед —
Дни будние, и все, что ни случится
С людьми, уносит время. Где теперь
Народов древних голоса? Где слава
Могучих наших предков? Где великий
Рим и победный звон его оружия,
Что раздавался на земле и в море?
Все неподвижно, тихо все, весь мир
Покоится, о них забыв и думать.
В дни юности моей, когда я ждал
Так жадно праздничного дня, — и после,
Когда он угасал, — без сна, печальный,
Я крылья опускал; и поздно ночью,
Когда с тропинки раздавалась песня
И замирала где-то вдалеке, —
Сжималось сердце так же, как теперь.

К СИЛЬВИИ

О Сильвия, земного бытия
Ты помнишь ли тот срок,
Когда в смеющихся и беглых взорах
Еще краса блистала
И радостно и робко на порог
Дней юных ты вступала?

Sonavan le quiete
stanze, e le vie dintorno,
al tuo perpetuo canto,
allor che all'opre femminili intenta
sedevi, assai contenta
di quel vago avvenir che in mente avevi.
Era il maggio odoroso: e tu solevi
cosí menare il giorno.

Io gli studi leggiadri
talor lasciando e le sudate carte,
ove il tempo mio primo
e di me si spendea la miglior parte,
d'in su i veroni del paterno ostello
porgea gli orecchi al suon della tua voce,
ed alla man veloce
che percorrea la faticosa tela.
Mirava il ciel sereno,
le vie dorate e gli orti,
e quinci il mar da lungi, e quindi il monte.
Lingua mortal non dice
quel ch'io sentiva in seno.

Che pensieri soavi,
che speranze, che cori, o Silvia mia!
Quale allor ci apparìa
la vita umana e il fato!
Quando sovviemmi di cotanta speme,
un affetto mi preme
acerbo e sconsolato,
e tornami a doler di mia sventura.
O natura, o natura,
perché non rendi poi
quel che prometti allor? perché di tanto
inganni i figli tuoi?

Tu pria che l'erbe inaridisse il verno,
da chiuso morbo combattuta e vinta,
perivi, o tenerella. E non vedevi
il fior degli anni tuoi;
non ti molceva il core
la dolce lode or delle negre chiome,

От пенья твоего
Звенела непрерывно
И даль дорог, и тихих комнат сень,
Когда, к трудам привычна
Девичьим, мыслью ты влеклась туманной
Вдаль, в будущее. Май благоуханный
Сиял. Так проводила ты обычно
В то время всякий день.

Порой, занятя бросив
И потом орошенную бумагу,
Которым отдавал
Пыл ранних лет и юную отвагу,
Я отческий спешил покинуть дом,
Чтоб пенья твоего услышать звуки,
Чтоб видеть, как твои мелькают руки
Легко над многотрудным полотном.
Синь неба оглянуть
Любил, сады и золото тропинок,
Там — море, дальше — горы.
Не выскажет язык
Того, что мне переполняло грудь.

Какие помыслы, дела какие!
Как много сладких дум
Наш занимало ум!
Какой казалась жизнь, судьба людская,
О Сильвия моя!
Вновь безутешен я,
О наших упованиях вспоминая;
Вновь мучаюсь от боли.
Природа, почему и малой доли
Того, что обещала, не даешь?
Зачем так часто детям
Своим ты даришь ложь?

Еще зима не высушила травы,
А ты, сраженная недугом тайным,
Увяла, нежная! Не дождалась ты
Цветенья дней своих.
Еще твоя не волновалась кровь
От сладкой черным локонам хвалы

or degli sguardi innamorati e schivi;
né teco le compagne ai dí festivi
ragionavan d'amore.

Anche peria fra poco
la speranza mia dolce: agli anni miei
anche negaro i fati
la giovinezza. Ahi come,
come passata sei,
cara compagna dell'età mia nova,
mia lacrimata speme!
Questo è quel mondo? questi
i diletti, l'amor, l'opre, gli eventi
onde cotanto ragionammo insieme?
Questa la sorte dell'umane genti?
All'apparir del vero
tu, misera, cadesti: e con la mano
la fredda morte ed una tomba ignuda
mostravi di lontano.

A SE STESSO

Or poserai per sempre,
stanco mio cor. Perí l'inganno estremo,
ch'eterno io mi credei. Perí. Ben sento,
in noi di cari inganni,
non che la speme, il desiderio è spento.
Posa per sempre. Assai
palpitasti. Non val cosa nessuna
i moti tuoi, né di sospiri è degna
la terra. Amaro e noia
la vita, altro mai nulla: e fango è il mondo.
T'acqueta omai. Dispera
l'ultima volta. Al gener nostro il fato
non donò che il morire. Omai disprezza
te, la natura, il brutto
poter che, ascoso, a comun danno impéra,
e l'infinita vanità del tutto.

Или твоим влюбленным скромным взорам.
Ты не смеялась в праздник разговорам
Подружек про любовь.

Затем моя надежда
Блаженная погибла: отнял рок
У дней, сужденных мне,
Их молодость. Увы,
Как миг, твой век протек,
Подруга юных лет,
Моя мечта, залитая слезами!
Так вот он, этот мир? Вот каковы
Утехи, страсть, труды, события, нами
Переговоренные в час бесед!
Явь было не под силу
Тебе принять — ты пала!
И вдалеке рукою указала
Смерть хладную и голую могилу.

К СЕБЕ САМОМУ

Теперь ты умолкнешь навеки,
Усталое сердце. Исчез тот последний обман,
Что мнился мне вечным. Исчез. Я в раздумиях ясных
Постиг, что погасла не только
Надежда, но даже желанье обманов прекрасных.
Умолкни навеки. Довольно
Ты билось. Порывы твои
Напрасны. Земля недостойна
И вдоха. Вся жизнь —
Лишь горечь и скука. Трясина — весь мир.
Отныне наступит покой. Пусть тебя наполняют
Мученья последние. Нашему роду
Судьба умереть лишь дает. Презираю отныне,
Природа, тебя — торжество
Таинственных сил, что лишь гибель всему предлагают,
И вечную тщетность всего.

LA VENDETTA

Là nel castello, sovresso il lago,
un infelice spirto dimora,
che ogni anno appare, dogliosa immago,
la notte stessa, nella stess'ora,
la notte e l'ora che si morí.
Antica storia narra cosí.

«Da me né un bacio non sperar mai!»
Agnese al Conte dicea sicura.
«Ben tu la vita tormi potrai,
da che m'hai schiava tra queste mura.»
Tanto l'inerme donzella ardí!
Antica storia narra cosí.

Talor sognando chi diale aiuto
dalla finestra pel lago mira,
e intuona un canto sovra il liuto
che dolce intorno mestizia spira,
mentre tramonta languido il dí.
Antica storia narra cosí.

È mezza notte; tutto si giace;
dietro le nubi passa la luna;
un grido s'ode, splende una face,
poi non s'ascolta più voce alcuna;
la face anch'essa ratto sparí.
Antica storia narra cosí.

Che fu? S'ignora. Ma tetra sale
al Conte in viso calma feroce.
Scese il silenzio sull'ampie sale,
né più d'Agnese l'afflitta voce
in sul tramonto sonar s'udí.
Antica storia narra cosí.

Due ignoti vonno parlar al Conte;
entrano, e l'uscio l'ultimo chiude.
Escono in breve mutati in fronte,

МЕСТЬ

По замку старому над прудом
блуждает призрак, судьбе покорный,
один раз в год он приходит в дом,
все в тот же час, той же ночью черной:
он встретил смерть в этот поздний час.
Старинный так говорит рассказ.

«И поделуя ты у меня
не купишь лаской, не вырвешь силой!
Здесь больше жить не хочу ни дня!
Твой замок станет моей могилой!» —
Агнесса графу клялась не раз.
Старинный так говорит рассказ.

На пруд, мерцающий под окном,
порой смотрела она, вздыхая,
и пела лютия в окне ночном,
и разливалась тоска глухая:
«Ах, кто б меня отыскал и спас!»
Старинный так говорит рассказ.

И как-то в полночь, когда на миг
луна исчезла за тучей ~~пропой~~, злобной,
у старой башни раздался крик,
лицо мелькнуло во тьме загробной,
и всплеск растаял, и блеск погас.
Старинный так говорит рассказ.

Что это было? Не выдаст мгла.
Безмолвной тайны прочна завеса.
На гулкий зал тишина легла,
в пустом окне не поет Агнесса,
и страшны блики стальных кирас.
Старинный так говорит рассказ.

Два незнакомца стучатся в дом,
им графу надо сказать полслова,
выходят вскоре и над прудом

stringon le destre due daghe ignude:
sangue v'è sopra, ch'or ora uscí.
Antica storia narra cosí.

«Fin dove scese l'acuta punta?»
Fe' tal richiesta Carlo al germano.
«Nel cor al sozzo ribaldo è giunta,
tanto che scossa n'ebbi la mano.
Ove la suora, ivi ei perí.»
Antica storia narra cosí.

«Ed or? De' sgherri bada al bisbiglio!
Ma il vicin lago ne sarà scampo;
il fenderemo senza naviglio.»
Disse, e nell'onda furo d'un lampo.
L'ardita coppia tal si fuggí.
Antica storia narra cosí.

Ma nel castello, sovresso il lago,
un infelice spirto dimora,
che ogni anno appare, dogliosa immago,
la notte stessa, nella stess'ora;
la notte e l'ora che si morí.
Antica storia narra cosí.

стоят — отмстители дела злого,
с кровавых лезвий не сводят глаз.
Старинный так говорит рассказ.

«Пронзил ли сердце врагу кинжал?» —
в сомненье Карло спросил у брата.
«Прошел сквозь ребра и задрожал.
Была б стократ тяжелей утрата,
успей убийца сбежать от нас!» —
Старинный так говорит рассказ.

«Что делать дальше? Гремят, орут
лакси графа — собачья свора!» —
«Бросайся следом за мною в пруд,
на дальний берег мы выйдем скоро,
не то такой здесь начнется пляс!»
Старинный так говорит рассказ.

С тех пор по замку, что над прудом,
блуждает призрак, судьбе покорный,
один раз в год он приходит в дом,
все в тот же час, той же ночью черной:
он встретил смерть в этот поздний час.
Старинный так говорит рассказ.

APPARIZIONE

Poco era a mezzanotte. Il sol novello
ratto gigante dal mar si levò:
non ebbe aurora; e, orribilmente bello,
l'aria e la terra di fiamma innondò:
poi, come in acqua fa spranga rovente,
lungo-stridente nel mar si tuffò.

ALLA TERRA

Nevi e fiori, ombre e rai, calma e tempeste
il sole a un tratto intorno a te diffonde,
Cantano, o terra, a Dio le tue foreste,
l'aure e le fiamme, e gli animali e l'onde.
E le parole umane, allegre o meste,
fan tutte un solo accento; e si confonde
nel tuo respiro l'alitar de' venti
e il fremír delle elettriche correnti.

Nuvola fosti già, vuota e leggera,
che al passar dello Spirito fervea;
e cento volte, come calda cera,
t'ebbe rifiuta l'immortale Idea.
S'aprí l'abisso e il mar muggiò dov'era
alte montagne e il mastodon pascea.
Tu le cittadi inghiotti, e i vanti umani;
e su lor, quasi amara onda, t'appiani.

Libro sei tu di mistiche parole,
ch'ogni nota ha d'amor sensi profondi.
Narrami il tuo destino, e quel che vuole
l'incendio avvivator che in grembo ascondi.
Dimmi le voci che tu parli al sole,
quel che, passando, a te dicono i mondi;
quanta in te muore ed ama, uccide e figlia,
d'enti non noti all'uom densa famiglia.

Afflitta di dolor, piccola, umíle,
il Signor della gloria in te si piacque;

ЯВЛЕНИЕ

К полуночи, искрясь во тьме беззвездной,
Из моря солнце новое взошло —

Не рассвело, но красотою грозной
Зажгло полмира ярое жерло

И, как в кузнечном чане вал чугунный,
В лагуне зашипело тяжело.

К ЗЕМЛЕ

Лучи и сумрак, льдины и цветы,
Грозу и штиль тебе во славу Божью
Дарует солнце — о Земля! — и ты
Молитвы шлешь к престольному подножью.
В дыханье ветра гимны разлиты
И в пламени: ты молнийною дрожью
Соединяешь гул лесов, морей,
И человечесью речь, и вой зверей.

Летучим облаком в пространстве рдея,
Ты Дух познала истинно живой,
И сотни раз бессмертная Идея,
Как воск, переплавляла облик твой;
Разверзлась ты, карая греходея,
И скрыла кряжи с буйною травой,
Где пасся мастодонт; валы морские
На города обрушила людские.

Ты книга слов, таинственных вдвойне
От жертвенной любви, тобой воспетой.
Скажи, в каком сожжет тебя огне
Пришлец, возвращенный бороздою этой?
Твой разговор дозвошь услышать мне
С могучим солнцем, с быстрою кометой!
Ах, сколько чревом этим рождено
Существ, которых знать нам не дано!

Простертую в страданиях и позоре,
Царь Славы для любви избрал тебя:

alla tua stirpe rea si fe' simile,
sopra te pianse, in te povero giacque:
del puro (il senti ancor) sangue gentile
tinse il tuo seno e l'aure imbevve e l'acque.
Vive quel sangue, e prega, e, come incenso,
empie di sua virtute il cielo immenso.

SOVRABBONDANZA DELLA REDENZIONE

Tu che gli astri del ciel, brevi faville,
col piegar della mano apri e nascondi;
potrian, Divino, ritemparsi a mille
in una stilla del tuo sangue i mondi.

Quasi pugnello di vegliato grano,
Tu stringi a mille in man gli ardenti soli;
a mille di pianeti immense moli
del tuo sangue una stilla è l'Oceàno.

Tutti i passati e gli avvenire hai mondi,
Gesù nel sangue che ti dié Maria.
Di quel sangue una stilla ampio saria
spazio ai moti e agli amor di mille mondi.

LE ALTEZZE

Questa pianta del ciel che nutre i mondi,
come frutti dall'albero pendenti,
lascia, nel muover dell'eteree frondi,
altre ampiezze ammirar di firmamenti:
sopra quelle altri cieli ancor più fondi,
dalle cui cime, in ruota immensa ardenti,
veggonsi i soli giù, come nascosa
lucciola in siepe bruna, o ape in rosa.

VITE LATENTI

Come fòlade in guscio e seme in mallo
serba la vita e le virtù latenti,
forse cosí nel sasso e nel metallo
covano ignoti all'uom germi viventi.

Стал сыном праха и с тоской во взоре
Лежал во прахе, о тебе скорбя,
Окрасил кровью грудь твою и зори,
И воду рек, приют твой возлюбя,—
Взывает к небу кровь Его живая,
Молитву фимиамом разливая.

ЩЕДРОСТЬ ИСКУПЛЕНИЯ

Как искры, зажигаешь Ты светила
И гасишь мановением руки,
В единой капле кровь Твоя вместила
Планет бесчисленные двойники.

Подобна зернам на Твоей ладони
Воскресших звезд бесчисленная рать:
Ты в капле крови мог бы их собрать —
Она одна пучин морских бездонней.

Грядущее и прошлое миров,
Мариин сын, сберег Ты в капле крови.
В той капле, что от мук еще багровой,
Любовь и жизнь бесчисленных миров.

ВЫСИ

С ветвей заоблачного дерева
Плодами звезды свесились, а выше
Надмирные пространства без конца —
Повторные бесчисленные крыши,
Где по дуге вселенского кольца
Мерцают солнца в полутемной нише:
Так светлячки в кустарнике желты,
Так пчелы забираются в цветы.

ТАЙНЫЕ ЖИЗНИ

Как панцирем моллюск, как скорлупой
Ядро ореха, так в природе всюду
Сокрыта жизнь, а человек слепой
Надменно замечает только груды

Come respira e in mar cresce il corallo,
forse le ardenti arene, i massi argenti
hanno un senso di sé: commosso il suolo
trema forse d'amor, muggia di duolo.

Questo pianeta, che di tante vite
con divino vigor porta il mistero,
forse anch'egli ha la sua: forse le ignite
potestà che de' mondi hanno l'impero,
governan lui che impetuoso e mite
risponde ai moti dell'altrui pensiero,
com'armento domato apre la terra,
come cavalli ardon superbi in guerra.

A UNA FOGLIA

Foglia, che lieve a la brezza cadesti
sotto i miei piedi, con mite richiamo
forse ti lagni perch'io ti calpesti.

Ment'eri viva sul verde tuo ramo,
passai sovente, e di te non pensai;
morta ti penso, e mi sento che t'amo.

Tu pur coll'aure, coll'ombre, co' rai
venivi amica nell'anima mia;
con lor d'amore indistinto t'amai.

Conversa in loto ed in polvere o pia,
per vite nuove il perpetuo contento
seguiterai della prima armonia.

E io, che viva in me stesso ti sento,
cadrò tra breve, e darò del mio frale
al fiore, all'onda, all'elettrico, al vento.

Ma te, de' cieli nell'alto, sull'ale
recherà grato lo spirito mio;
e, pura idea, di sorriso immortale

sorriderai nel sorriso di Dio.

Металла, камня, в чьем нутре толпой
Кишат зародыши, подобно чуду
Коралловых атоллов. От тоски,
От страсти стонут льдины и пески.

Моя планета, сколько ты вместила
Неявных жизней! Значит, ты жива,
И мощь огня, создавшего светила,
Повелевает мощью божества,
Которое любовью освятило
Порывов чуждых мысли и слова,—
Покорнее быков на мирной пашне,
Победоносной конницы бесстрашной.

К ЛИСТКУ

Листок, ты после трепетных кругов
Мне под ноги ложишься с грустным шумом,
Задетый грубостью моих шагов.

Впервые тайным ты мешаешь думам:
Тебя не замечал я летним днем
И полюбил осенним днем угрюмым.

Ни зной за это мы не упрекнем,
Ни тень — как мог забыть я о любимом
Товарище, как не всплакнул о нем!

Ты станешь пылью, грязью или дымом:
Гармонии покорен мировой,
Вернешься к новым веснам, новым зимам.

А я, в чьем сердце вечен образ твой,
Прوماюсь на земле еще немного,
Воскресну ветром, молнией, травой.

Когда ж мой дух у горнего порога
Тебя узрит с крылатой высоты,
Ему бессмертную улыбку Бога,

Развоплотившийся, подаришь ты.

LA GUIGLIOTTINA A VAPORE

Hanno fatto nella China
una macchina a vapore
per mandar la guigliottina:
questa macchina in tre ore
fa la testa a centomila
messi in fila.

L'istrumento ha fatto chiasso,
e quei preti han presagito
che il paese passo passo
sarà presto incivilito:
rimarrà come un babbeo
l'Europeo.

L'imperante è un uomo onesto;
un po' duro, un po' tirato,
un po' ciuco, ma del resto
ama i sudditi e lo Stato,
e protegge i bell'ingegni
de' suoi regni.

V'era un popolo ribelle
che pagava a malincuore
i catasti e le gabelle:
il benigno imperatore
ha provato in quel paese
quest'arnese.

La virtù dell'istrumento
ha fruttato una pensione
a quel boia di talento,
col brevetto d'invenzione,
e l'ha fatto mandarino
di Pechino.

Grida un frate: — Oh bella cosa!
gli va dato anco il battesimo.

ПАРОВАЯ ГИЛЬОТИНА

Бесподобную машину
Сделал всем на страх Китай —
Паровую гильотину,
Что за три часа, считай,
Сотню тысяч обезглавит,
Зла убавит.

Эта штука нашумела,
И прелаты в том краю
Смотрят в будущее смело,
Верят в избранность свою.
Европейцу — как до рая,
До Китая.

Князь почти лишен коварства,
Малость алчен, глуповат,
Но родное государство
Обожает, говорят.
И талантов тот правитель —
Покровитель.

Среди подданных народов
Был один, что всех мутил,
Не хотел давать доходов,
Плохо подати платил.
И сказал ему владыка:
«Погоди-ка!»

Поплатился неприятель.
Что за славный инструмент!
Нет, палач-изобретатель
Получил не зря патент,
Став любимым всем Пекином
Мандарином.

«Окрестить по нашей вере
Палача!» — кричит чернец.

— Ah perché — (dice al Canosa
un Tiberio in diciottesimo) —
questo genio non m'è nato
nel Ducato!

LA CHIOCCIOLA

Viva la chiocciola,
viva una bestia
che unisce il merito
alla modestia.
Essa all'astronomo
e all'architetto
forse nell'animo
destò il concetto
del cannocchiale
e delle scale:
viva la chiocciola
caro animale.

Contenta ai comodi
che Dio le fece,
può dirsi il Diogene
della sua spece.
Per prender aria
non passa l'uscio;
nelle abitudini
del proprio guscio
sta persuasa,
e non intasa:
viva la chiocciola
bestia da casa.

Di cibi estranei
acre prurito
svegli uno stomaco
senza appetito:
essa sentendosi
bene in arnese,
ha gusto a rodere
del suo paese

Плачет моденский Тиберий:
«Жаль, талантливый творец
Не в моей стране родился —
Заблудился».

УЛИТКА

Хвала красавице,
Улитке слава
За основательность
И скромность нрава!
Она не хвастает,
А между прочим,
Мысль гениальную
Внушила зодчим —
И план ступеней
Стал совершенней.
    Хвала красавице!
    Улитка — гений!

Существование
Ее отменно.
Как не сослаться тут
На Диогена?
Коль свежим воздухом
Дышать с порога,
То нет опасности
Простыть немного
И все знакомо —
До окоема.
    Хвала красавице,
    Сидящей дома!

Иные с голоду
Недохнут чудом,
Тая пристрастие
К заморском блюдам.
Она, довольствуясь
Необходимым,
Спокойно кормится
В краю родимом

tranquillamente
l'erba nascente:
viva la chiocciola
bestia astinente.

Nessun procedere
sa colle buone,
e più d'un asino
fa da leone.
Essa al contrario,
bestia com'è,
tira a proposito
le corna a sé;
non fa l'audace,
ma frigge e tace:
viva la chiocciola
bestia di pace.

Natura, varia
ne' suoi portenti,
la privilegia
sopra i viventi,
perché (carnefici,
sentite questa)
le fa rinascere
perfin la testa:
coşa mirabile,
ma indubitabile:
viva la chiocciola
bestia invidiabile.

Gufi dottissimi
che predicate
e al vostro simile
nulla insegnate;
e voi, girovaghi,
ghiotti, scapati,
padroni idrofobi,
servi arrembati,
prego a cantare
l'intercalare:
viva la chiocciola
bestia esemplare.

Едой отрадной—
Травой прохладной.
Хвала красавице!
Хвала нежадной!

Как много бешеных
И сколь нелепы
Ослы, которые,
Как львы, свирепы!
Она при случае
Вберет рога,
Она, безмолвствуя,
Смирит врага
Красноречивой
Слюной брезгливой.
Хвала красавице
Миролюбивой!

О ком заботливей
Пеклась природа,
Дав привилегию
Такого рода?
Палач, усилия
Твои — впустую:
Обрящет голову
Она другую.
Пример разительный
И заразительный.
Хвала красавице
Предусмотрительной!

Сычи премудрые,
В науках доки,
Что тцитесь ближнему
Давать уроки,
Вы, ненасытные,
И вы, бродяги,
Владьки-изверги,
Рабы-бедняги,
Займите рвеня
Для песнопенья:
Хвала красавице—
Венцу творенья!

FIORI DI GHIACCIO

Con bizzarre parvenze esser dipinti
vedesti mai sulle vetrate, a verno,
fiori di ghiaccio, che dal sol poi vinti
solvono agli occhi il grazioso scherno?

Se la tua sorte nella mia discerno,
i bei sogni che fai, rose o giacinti,
son fior di ghiaccio, con ludibrio eterno
vivi al mattino e innanzi sera estinti.

Ludibrio eterno come quanto dura
il cielo e il mondo, ma per noi più breve
che dileguar di magica figura.

Pur l'uom superbo, ai nudi Veri in braccio,
supplica riveder, don così lieve,
su' suoi poveri vetri i fior di ghiaccio.

PAESE ARCANO

Sinché la fantasia tristi o giocondi
mi darà spettri, come altrui non suole,
sinché la mente sui segreti mondi
starà pensosa per condurli al sole;

sinché l'anima al fresco aere fecondi
quant'è più degno in queste morte aiuole,
e nei recessi dello spirito abbondi
l'ambrosio lume alle nascenti fole;

non il chiasso illegiadro o il tempo vano
mi darà cruccio. Pur che a me rimanga
questo paese de la mente arcano

in ch'io sorrida co' miei sogni o pianga,
d'un'alta securtà mi riconsolo,
che a vivere e a morir basto a me solo.

ЛЕДЯНЫЕ ЦВЕТЫ

Зимой ужель не любовалась ты
На стекла, где мороза сеть густая
Причудливые вывела цветы? —
Они потом под солнцем гибнут, тая!..

Мечтай, судьбу свою с моей сплетая,
Но знай: растают и твои мечты,
Осмеянной увянет цепь витая,
Чьи розы слишком хрупки и чисты.

Осмеянный землей и небом вечным,
Покорный истинам бесчеловечным,
Как волшебство зимы, наш краток век.

И все ж, отвергнув радости иные,
На тусклых стеклах жаждет человек
Опять цветы увидеть ледяные.

ТАЙНАЯ СТРАНА

Пока дары фантазии пестры
И для умов обыкновенных страны,
Пока я в силах высветить миры,
Что под завесой тайного сохранны;

Пока не стены затхлой конуры
Питают душу, а полет пространный,
И на перо для сказочной игры
Амброзии струится блеск шафранный,

Не дорог мне житейский тщетный шум:
От времени назойливого прячу
Я тайную страну заветных дум,

Где я мечтаю, где смеюсь и плачу.
Для жизни в той возвышенной стране,
Для смерти, для любви кто нужен мне?

LA SPIGOLATRICE DI SAPRI

Eran trecento, eran giovani e forti,
e sono morti!

Me ne andava al mattino a spigolare
quando ho visto una barca in mezzo al mare:
era una barca che andava a vapore,
e alzava una bandiera tricolore.
All'isola di Ponza si è fermata,
è stata un poco e poi si è ritornata;
s'è ritornata ed è venuta a terra:
sceser con l'armi e a noi non fecer guerra.

Eran trecento, eran giovani e forti,
e sono morti!

Sceser con l'armi e a noi non fecer guerra,
ma s'inchinaron per baciare la terra.
Ad uno ad uno li guardai nel viso:
tutti aveano una lagrima e un sorriso.
Li disser ladri usciti dalle tane,
ma non portaron via nemmeno un pane;
e li sentii mandare un solo grido:
«Siam venuti a morir pel nostro lido.»

Eran trecento, eran giovani e forti,
e sono morti!

ЖНИЦА ИЗ САПРИ

Было их триста: все юношей цвет,
Смерть их скосила — их нет!

Шла я на жниву, гляжу — на волнах
С скоростью, глазу заметной,
Судно несется на всех парусах,
Флаг развевая приветно.
К острову *Понца* пристало оно,
Но не осталось там,
Высадку сделать, казалось, к нам
Было на нем решено.

Было их триста: все юношей цвет,
Смерть их скосила — их нет!

Много оружия было на них,
Но, без боязни напрасной,
Я посмотрела, и лиц молодых
Помню я образ прекрасный.
На берег выйдя, к земле дорогой
Каждый устами приник;
Можно ль, чтоб в души такие проник
Умысел злобный какой?

Было их триста: все юношей цвет,
Смерть их скосила — их нет!

Я поняла, что любовью полны,
А не враждою их груди,
Не на грабеж и разбой войны,
Видно, пришли эти люди.
Дружный их клик и доселе живет
В сердце глубоко моем:
«Братья! за родину дружно умрем,
Дело нас славное ждет!»

Было их триста: все юношей цвет,
Смерть их скосила — их нет!

Con gli occhi azzurri e coi capelli d'oro
un giovin camminava innanzi a loro.
Mi feci ardita, e, presol per la mano,
gli chiesi: «Dove vai, bel capitano?».
Guardommi e mi rispose: «O mia sorella,
vado a morir per la mia patria bella.»
Io mi sentii tremare tutto il core,
né potei dirgli: «V'aiuti 'l Signore!».

Eran trecento, eran giovani e forti,
e sono morti!

Quel giorno mi scordai di spigolare,
e dietro a loro mi misi ad andare:
due volte si scontrâr con li gendarmi,
e l'una e l'altra li spogliar dell'armi.
Ma quando fûr della Certosa ai muri,
s'udirono a suonar trombe e tamburi;
e tra 'l fumo e gli spari e le scintille
piombaron loro addosso più di mille.

Eran trecento, eran giovani e forti,
e sono morti!

Eran trecento e non voller fuggire,
parean tre mila e vollero morire;
ma vollero morir col ferro in mano,
e avanti a loro correa sangue il piano:
fin che pugnar vid'io per lor pregai,
ma un tratto venni men, né più guardai:
io non vedeva più fra mezzo a loro
quegli occhi azzurri e quei capelli d'oro.

Eran trecento, eran giovani e forti,
e sono morti!

Юноша вел их: задумчив был он,
С твердой походкой героя,
Ясные очи и кудри, как лен,
Не позабуду его я!
Что со мной случилось, мне трудно понять,
Но я спросила его
Смело, куда он идет? для чего?
Он отвечал: «Умирать!»
Было их триста: все юношей цвет,
Смерть их скосила — их нет!
«Родине нашей,— он так мне сказал,—
Славное время настало»,
Кротко сestroю меня он назвал...
Сердце во мне застучало.
Я в этот день работать не могла...
Я полюбила их всех!
С горьким предчувствием, будто на смех,
Я вслед за ними пошла.
Было их триста: все юношей цвет,
Смерть их скосила — их нет!
Боже мой! что мне увидеть пришлось!
Дважды солдат мы встречали,
Дважды нам дело легко обошлось,
Ружья мы их отобрали!
Но, лишь до стен мы Чертозы дошли,
Встретили войско, и град
Пуль полетел в нас — дым черный и смрад
Клубом вставали вдали...
Было их триста: все юношей цвет,
Смерть их скосила — их нет!
Более тысячи было солдат,
Их только триста, но смело
Бились они — не сдаваясь назад,
Кровь их рекою адела...
Тщетно с тоской я молилась за них
Все они пали... и он —
Ясные очи и кудри, как лен,—
Пал, проклиная злодеев своих.
Было их триста: все юношей цвет,
Смерть их скосила — их нет!

IL BOVE

T'amo, o pio bove; e mite un sentimento
di vigore e di pace al cor m'infondi,
o che solenne come un monumento
tu guardi i campi liberi e fecondi,

o che al giogo inchinandoti contento
l'agil opra de l'uom grave secondi:
ei t'esorta e ti punge, e tu co 'l lento
giro de' pazienti occhi rispondi.

Da la large narice umida e nera
fuma il tuo spirto, e come un inno lieto
il muggio nel sereno aer si perde;

e del grave occhio glauco entro l'austera
dolcezza si rispecchia ampio e quieto
il divino del pian silenzio verde.

SAN MARTINO

La nebbia a gl'irti colli
piovigginando sale,
e sotto il maestrale
urla e biancheggia il mar;

ma per le vie del borgo
dal ribollir de' tini
va l'aspro odor de i vini
l'anime a rallegrar.

Gira su' ceppi accesi
lo spiedo scoppiettando:
sta il cacciator fischiando
su l'uscio a rimirar

tra le rossastre nubi
stormi d'uccelli neri,
com'esuli pensieri,
nel vespero migrar.

ВОЛ

Люблю тебя, достойный вол, ты мирной
И мощной силой сердце мне поишь,
Как памятник, ты украшаешь тишь —
Полей обильно-вольных мир обширный.

К ярму склоняя свой загривок смиренный,
Труд человека тяжкий ты смягчишь:
Бодилом колет, гонит он, но лишь
Покой в твоих очах, как будто пирный.

Из влажно-черных трепетных ноздрей
Дымится дух твой, и как гимн веселый
Мычанье в ясном воздухе полей;

И в вольном оке — цвета мглы морей —
Зеленое молчанье, ширь и доли
В божественной зеркальности своей.

САН-МАТИНО

Белый туман крадется
Вверх по холмам зеленым;
Под ветерком соленым
Шумное море бурлит;

А по всему предместью
От молодой калины
Запах разносится винный,
Души людей веселит.

Спешат муравьи куда-то
В травах, по бурелому;
Вышел охотник из дому,
В темное небо глядит,—

Там в облаках лиловых
Птиц караван угрюмый,
Точно скитальца думы,
В темную ночь летит.

PRIMAVERE ELLENICHE

(I. Eolia)

Lina, brumaio torbido inclina,
ne l'aër gelido monta la sera:
e a me ne l'anima fiorisce, o Lina.
    La primavera.

In lume roseo, vedi, il nivale
Fedriade vertice sorge e sfavilla,
e di Castalia l'onda vocale
    mormora e brilla.

Delfo a' suoi tripodi chiaro sonanti
rivoca Apolline co' nuovi soli,
con i virginei peana e i canti
    de' rusignoli.

Da gl'iperborei lidi al pio suolo
ei riede, a' lauri dal pigro gelo:
due cigni il traggono candidi a volo:
    sorridente il cielo.

Al capo ha l'aurea benda di Giove;
ma nel crin florido l'aura sospira
e con un tremito d'amor gli move
    in man la lira.

D'intorno girano come in leggera
danza le Cicladi patria del nume,
da lungi plaudono Cipro e Citera
    con bianche spume.

E un lieve il séguita pe 'l grande Egeo
legno, a purpuree vele, canoro:
armato réggelo per l'onde Alceo
    dal plettro d'oro.

Saffo dal candido petto anelante
a l'aura ambrosia che dal dio vola,
dal riso morbido, da l'ondeggiante
    crin di viola,

ЭЛИНСКАЯ ВЕСНА

(I. Эолийская)

Лина, зима подступает к порогу,
в холод одетый, подьется вечер,
а на душе у меня расцветает
майское утро.

Видишь, как искрится в розовом свете
снег на вершине горы Федриады,
слышишь, как волны кастальских напевов
в воздухе реют.

В Дельфах священных с треножников медных
пифии громко и внятно вещают,
слушает Феб среди дев чернооких
щелк соловьиный.

С хладного брега к земле Эолийской,
льдистыми лаврами пышно увитый,
рея на лебедях двух белоснежных,
Феб опустился.

Зевсов венец на челе его дивном,
ветер играет в кудрях темно-русых
и, трепеща, ему в руки влагает
чудную лиру.

Возле пришедшего бога, ликуя,
пляской встречают его киприады,
бога приветствуют брызгами пены
Кипр и Цитера.

Легкий корабль по Эгейскому морю
с парусом алым стремится за богом,
а на корме корабля золотится
лира Алкея.

Сафо, дыша белоснежною грудью,
ветром наполненной встречным, в томленье
нежно смеется, и волосы блещут,
темно-лиловы.

in mezzo assidesi. Lina, quìeti
i remi pendono: sali il naviglio.
Io, de gli eolii sacri poeti
ultimo figlio,

io meco traggoti per l'aure achive:
odi le ceterè tinnir: montiamo:
fuggiam le occidue macchiate rive,
dimentichiamo.

ALL'AURORA

Tu sali e baci, o dea, co 'l roseo fiato le nubi,
baci de' marmorèi templi le fòsche cime.

Ti sente e con gelido fremito destasi il bosco,
spiccasi il falco a volo su con rapace gioia;

mentre ne l'umida foglia pispigliano garruli i nidi,
e grigio urla il gabbiano su 'l violaceo mare.

Primi nel pian faticoso di te s'allegrano i fiumi
tremuli luccicando tra 'l mormorar de' pioppi:

corre da i paschi baldo vér' l'alte fluenti il poledro
sauro, dritto il chiomante capo, nitrendo a' venti:

vigile da i tuguri risponde la forza de i cani
e di gagliardi mugghi tutta la valle suona.

Ma l'uom che tu svegli a oprar consumando la vita,
te giovinetta antica, te giovinetta eterna

ancor pensoso ammira, come già t'adoravan su 'l monte
ritti fra i bianchi armenti i nobili Aria padri.

Ancor sovra l'ali del fresco mattino rivola
l'inno che a te su l'aste disser poggiate i padri.

— Pastorella del cielo, tu, frante a la suora gelosa
le stalle, riadduci le rosse vacche in cielo.

Лина, корабль остановлен, повисли
весла, взойди на него поскорее;
я ведь последний среди эолийских
дивных поэтов.

Там перед нами страна золотая,
Лина, прислушайся к вечному звону.
И убежим мы от темного берега
к весям забвенья.

К АВРОРЕ

Встань, облака поцелуй зоревыми устами, богиня!
Встань, поцелуй в полутьме мраморных храмов столпы.

Роща, почуяв тебя, с ледяной просыпается дрожью,
сокол взмывает стрелой с жадною радостью ввысь.

В зелени влажной меж тем говорливые птицы щебечут,
в море фиалковом крик слышится чайки седой.

Первыми в страдных полях твоему веселятся приходу
реки, свой трепетный блеск в шелест неся тополей.

Рыжий мчится с полей жеребенок к потокам нагорным,
мордой гривастой вперед, ржущий навстречу ветрам.

Множество псов-сторожей откликаются дружно от хижин,
мощным мычанием стад весь оглашается дол.

Но пробужденный тобой для трудов, снедателей жизни,
дева античных времен, вечная дева-заря,

чествует так же тебя человек, как в оные лета
меж белоснежных тельцов чтили арийцы-отцы.

Ныне все так же летит на крыльях прохладного ветра
гимн, что некогда жрец пел, опершись на копье.

«Ты, о пастушка небес! У ревнивой сестры сокрушаешь
стойла и красных коров снова ведешь в небеса.

494 Guidi le rosse vacche, guidi tu il candido armento
e le bionde cavalle care a i fratelli Asvini.

Come giovine donna che va da i lavacri a lo sposo
riflettendo ne gli occhi il desiato amore,

tu sorridendo lasci caderti i veli leggiadri
e le virginee forme scuopri serena a i cieli.

Affocata le guance, ansante dal candido petto,
corri al sovrano de i mondi, al bel fiammante Suria,

e il giungi, e in arco distendi le rosee braccia al gagliardo
collo; ma tosto fuggi di quel tremendo i rai.

Allora gli Asvini gemelli, cavalieri del cielo,
rosea tremante accolgono te nel bel carro d'oro;

e volgi verso dove, misurato il cammino di gloria,
stanco ti cerchi il nume ne i mister de la sera.

Deh propizia trasvola — così t'invocano i padri —
nel rosseggiante carro sopra le nostre case.

Arriva da le plaghe d'oriente con la fortuna,
con le fiorenti biade, con lo spumante latte;

ed in mezzo a' vitelli danzando con floride chiome
molta prole t'adori, pastorella del cielo.—

Così cantavano gli Aria. Ma piacqueti meglio l'Imetto
fresco di venti rivi, che al ciel di timi odora:

piacqueti su l'Imetto i lesti cacciatori mortali
prementi le rugiade co 'l coturnato piede.

Inchinaronsi i cieli, un dolce chiarore vermiglio
ombrò la selva e il colle, quando scendesti, o dea.

Non tu scendesti, o dea: ma Cefalo attratto al tuo bacio
salìa per l'aure lieve, bello come un bel dio.

Красных ты гонишь коров, белоснежное гонишь ты стадо
и золотых кобылиц, милых Ашвинам, пасешь.

Как молодая жена, что идет из купальни к супругу,
в томных очах затаив пламя желанной любви,

так же с улыбкой и ты, покровы легчайшие скинув,
небу даешь созерцать чистую прелесть свою.

Щеки пылают твои, тяжело грудь белая дышит,
к миродержавцу летишь Сурию — рдяной красе.

Шею его обняла дугой своих рук розоцветных, —
миг — и в испуге бежишь прочь от палящих лучей.

Тут принимают тебя в золотую свою колесницу
братья, возницы небес, — ты заалелась, дрожишь.

Мчись же, о дева, туда, где, ристалищем славы промчавшись,
в таинствах вечера бог ищет усталый тебя.

О, пролети же к добру над кровлями нашими, дева,
в алой повозке своей!» — так призывали отцы.

«Ты из восточных краев принеси нам с собою удачу,
дай нам обильных хлебов, пенного дай молока!

Сделай, чтоб, пляски ведя в цветочных венках, меж тельцами,
чтили потомки тебя вечно, пастушка небес».

Так воспевали отцы. Но Гимет предпочла ты, струящий
двадцать ручьев, где тимьян до неба льет аромат.

Там покорила тебя и ловкость охотников смертных,
тех, что, котурны обув, хладную топчут росу.

Небо клонилось, и свет ласкающий легким багрянцем
лес и холмы оттенял — ты нисходила к земле.

Нет, о богиня, не ты ниспускалась: то Кефал поднялся
в жажде лобзаний твоих, словно пленительный бог.

Su gli amorosi venti salía, tra soavi fragranze,
tra le nozze de i fiori, tra gl'imenei de' rivi.

La chioma d'oro lenta irriga il collo, a l'òmero bianco
con un cinto vermiglio sta la faretra d'oro.

Cadde l'arco su l'erbe; e Lélapo immobil con erto
il fido arguto muso mira salire il sire.

Oh baci d'una dea fragranti tra la rugiada!
Oh ambrosia de l'amore nel giovinetto mondo!

Ami tu anche, o dea? Ma il nostro genere è stanco;
mesto il tuo viso, o bella, su le cittadi appare.

Languon fiochi i fanali; rincasa, e né meno ti guarda,
una pallida torma che si credé gioire.

Sbatte l'operaio rabbioso le stridule impòste,
e maledice al giorno che rimena il servaggio.

Solo un amante forse che placida al sonno commise
la dolce donna, caldo de' baci suoi le vene,

alacre affronta a lieto l'aure tue gelide e il viso:
— Portami— dice—, Aurora, su 'l tuo corsier di fiamma!

Ne i campi de le stelle mi porta, ond'il vegga la terra
tutta risorridente nel roseo lume tuo,

e vegga la mia donna davanti al sole che leva
sparsa le nere trecce giù pe 'l rorido seno.—

**ALLA STAZIONE
IN UNA MATTINA D'AUTUNNO**

Oh quei fanali come s'inseguono
accidiosi là dietro gli alberi,
tra i rami stillanti di pioggia
sbadigliando la luce su 'l fango!

Встал он в любовных ветрах, среди благовоний сладчайших,
среди Гименея цветов, брачного праздника струй.

Золото льется волос вдоль шеи, на привязи алой
к юной плеча белизне лук золотой прикреплен.

Лук упадает в траву, и Лелап с простецкою рожей
сбоку лукаво глядит, как поднялся властелин.

Как на росе луговой благовонны лобзанья богини!
О амброзийная страсть в мире, еще молодым!

Любишь, богиня, и ты? Ах, наше усталое племя!
Грустен твой лик, о краса, над теснотой городов.

Тусклы огни фонарей. Возвращаясь, тебя и не видят
бледные толпы, хоть им верится в призрак утех.

В бешенстве злобно вопит рабочий о доле тяжелой,
день свой грядущий клянет, с рабством насущным его.

Разве любовник, ко сну провожая свою дорогую,
пламенем кровь разогрев нежных лобзаний ее,

радостно встретив твой лик и дыханья прохладу, воскликнет:
«Мчи, о Аврора, меня на огнезарных конях!

Мчи меня к звездным полям, откуда я мог бы увидеть
землю в улыбках одних, в розовом свете твоём,

и дорогую мою, что во сретенье вставшего солнца
росную грудь облекла россыпью черных волос».

НА СТАНЦИИ ОСЕННИМ УТРОМ

Во мраке фонари бесконечные
за деревьями уныло тянутся,
между веток, от дождя набухших,
на грязь мигающий свет бросая.

Flebile, acuta, stridula fischia
la vaporiera da presso. Plumbeo
il cielo e il mattino d'autunno
come un grande fantasma n'è intorno.

Dove e a che move questa, che affrettasi
a' carri fòschi, ravvolta e tacita
gente? a che ignoti dolori
o tormenti di speme lontana?

Tu pur pensosa, Lidia, la tessera
al secco taglio dà di la guardia,
e al tempo incalzante i begli anni
dài, gl'istanti gioiti e i ricordi.

Van lungo il nero convoglio e vengono
incappucciati di nero i vigili,
com'ombre; una fioca lanterna
hanno, e mazze di ferro: ed i ferrei

freni tentati rendono un lugubre
rintòcco lungo: di fondo a l'anima
un'eco di tedio risponde
doloroso, che spasimo pare.

E gli sportelli sbattuti al chiudere
paion oltraggi: scherno par l'ultimo
appello che rapido suona:
grossa scroscia su' vetri la pioggia.

Già il mostro, conscio di sua metallica
anima, sbuffa, crolla, ansa, i fiammei
occhi sbarra; immane pe 'l buio
gitta il fischio che sfida lo spazio.

Va l'empio mostro; con traino orribile
sbattendo l'ale gli amor miei portasi.
Ahi, la bianca faccia e 'l bel velo
salutando scompar ne la tenebra.

O viso dolce di pallor roseo,
o stellanti occhi di pace, o candida
tra' floridi ricci inchinata
pura fronte con atto soave!

О, этот свист — в нем отзвук рыдания!
Локомотив подходит. Свинцовое
небо и поздней осени утро
превращаются в огромный призрак.

Зачем эти люди закутанные
молча к темным вагонам торопятся?
Для каких скорбей, нам не известных,
или для муки тайной надежды?

Рассеянно на окрик кондуктора
билет даешь. Пред тобою, Лидия,
минувшие радости и годы
счастья — в краткие эти мгновенья.

За вереницей вагонов черною
в капюшонах железнодорожники
проходят с тусклыми фонарями,
тяжким молотом бьют по сцепкам.

Угрюмый лязг зловеще разносится;
из глубины души опечаленной,
как сдерживаемое рыдание,
неутешное слышится эхо.

Захлопывают двери, и кажется
каждый звук оскорбленьем. Насмешкою
сигнал к отходу звучит для сердца.
По стеклам — дождя ударяют струи.

Чудовище с душой металлической
дымит, шипит, тяжело дышит, огненные
глаза тарацит, во тьме несется
свист торжествующий над простором.

О любимой лицо бледно-розовое,
очи звездные, тихие! Снится мне:
чистый лоб изваяний античных
в волнах вьющихся волос склоняешь.

Frema la vita nel tepid'aere,
frema l'estate quando mi arrisero;
e il giovine sole di giugno
si piaceva di bacciar luminoso

in tra i riflessi del crin castanei
la molle guancia: come un'aureola
più belli del sole i miei sogni
ricingean la persona gentile.

Sotto la pioggia, tra la caligine
torno ora, e ad esse vorrei confondermi;
barcollo com'ebro, e mi tòcco,
non anch'io fossi dunque un fantasma.

Oh qual caduta di foglie, gelida,
continua, muta, greve, su l'anima!
Io credo che solo, che eterno,
che per tutto nel mondo è novembre.

Meglio a chi 'l senso smarri de l'essere,
meglio quest'ombra, questa caligine:
io voglio io voglio adagiarmi
in un tedio che duri infinito.

NEVICATA

Lenta fiocca la neve pe 'l cielo cinerèo: gridi,
suoni di vita più non salgono da la città,

non d'erbaiola il grido o corrente rumore di carro,
non d'amor la canzon ilare e di gioventù.

Da la torre di piazza roche per l'aère le ore
gemon, come sospir d'un mondo lungi dal dí.

Picchiano uccelli raminghi a' vetri appannati: gli amici
spiriti reduci son, guardano e chiamano a me.

In breve, o cari, in breve — tu càlmati, indomito cuore —
giù al silenzio verrò, ne l'ombra riposerò.

Трепетала жизнь в нагретом воздухе,
в сиянье лета ты улыбнулась мне,
и юное светило июня
целовало нежные ланиты.

Среди отблесков волос каштановых
ее окружали сновидения,
золотым ореолом сияя
ярче солнца над моей любимой.

Под холодным дождем возвращаюсь я
и хотел бы смешаться с туманами;
шатаюсь, как пьяница, сомнением
объятый — тенью и я не стал ли?

О, этих листьев безмолвной осени
бесконечное в душу падение!
Мне кажется, что один навеки
царствует ноябрь во всей вселенной.

О, если б чувства жизни рассеялись!
Не лучше ль эти тени, эти призраки?
Я хотел бы навеки истаять
в туманах безысходной печали.

СНЕГОПАД

Медленно снежные хлопья падают с хмурого неба,
улицы словно мертвы — гомон живущих умолк.

Криков торговцев не слышно, замер и стук экипажей,
песен веселых любви тоже нигде не слышать.

С башни высокой плывут над городом сильные звуки
бьющих часов — стонет мир, людям неведомый днем.

В окна стучатся крылами птицы. То — добрые духи
здесь, на примолкшей земле, ищут меня и зовут.

Скоро уже, дорогие (тише, упрямое сердце!),
в вечную тишь я сойду в тьме гробовой отдохнуть.

MEZZOGIORNO ALPINO

Nel gran cerchio de l'alpi, su 'l granito
squallido e scialbo, su' ghiacciai candenti,
regna sereno intenso ed infinito
nel suo grande silenzio il mezzodí.

Pini ed abeti senza aura di venti
si drizzano nel sol che gli penétra,
sola garrisce in picciol suon di cetra
l'acqua che tenue tra i sassi fluí.

ГОРНЫЙ ПОЛДЕНЬ

В великом круге гор, среди гранита,
Бесцветно-бледны, ледники отвесны,
Молчание в тишь безглаголья влито,
Полдневное безгласие лучей.

Без ветра сосны словно бестелесны,
Подъяты к солнцу, в воздух тот редчайший,
И лишь журчит, как цитры звук тончайший,
Вода, златясь чуть зримо меж камней.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

* * *

Всем, чья душа в плену, чье сердце благородно,
Кто эту песнь прочтет и даст мне свой ответ,
Всем, чье суждение ко мне придет свободно,
Во имя их царя, Амоге, шлю привет.

Уж треть прошла тех лет, ничем не возмущенных,
Когда светлей всего сиянье звезд горит,
Как вдруг явился мне веселый бог влюбленных,
Лишь вспомню я о нем — и в страхе ум дрожит.

Он сердце нес мое — и, скрытую покровом,
Мадонну спящую в объятиях держал,
И, разбудив ее каким-то нежным словом,

От сердца пылкого он ей отведать дал.
И только что она вкусила, содрогаясь,
Амоге прочь ушел, слезами обливаясь.

* * *

Кто б зову моего ни внял сонета,
Всех, чьей душе стал бог любви владыкой,
Кто верности соблюл обет великий,
Приветствую в любви и жду ответа.

Уж треть поры минуло до рассвета,
Когда все звезды в небе светлолики,
Как бог Любви, властительный и дикий,
В мой легкий сон ворвался без привета.

Смеясь, сжимал в объятиях тело сонной
Возлюбленной, одетой в плащ червленый,
И сердце нес мое в руке открытой.

Он разбудил ее и уstraшенной
Дал пламенное сердце съест влюбленно
И, плача, скрылся, с темнотою слитый.

* * *

Влюбленным душам посвящу сказанье,
Дабы достойный получить ответ.
В Аморе, господине их,— привет!
Всем благородным душам шлю посланье.

На небе звезд не меркнуло сиянье,
И не коснулась ночь предельных мет—
Амор явился. Не забыть мне, нет,
Тот страх и трепет, то очарованье!

Мое, ликуя, сердце он держал.
В его объятьях дама почивала,
Чуть скрыта легкой тканью покрывал.

И, пробудив, Амор ее питал
Кровавым сердцем, что в ночи пылало,
Но, уходя, мой господин рыдал.

* * *

Два дня тому назад, дорогой одинокой
Без воли идя, я Амура повстречал.
Одет, как пилигрим, полн немощи глубокой,
Задумчив и уныл, потупясь, он вздыхал.

Заметивши меня на тропке одинокой,
Назвав по имени, с тоскою он сказал:
«Бреду уныло я дорогою далекой
Оттуда, сердце где твое я некогда держал.

Я взял его с тех мест, чтоб снова испытало
Оно все радости, чтоб снова бы узнало
Оно земную прелесть бытия».

Мне стало жаль его так искренне, так больно,
Что, как исчезнул он, в тоске своей, невольно,
Весь полон жалости, уже не видел я.

* * *

Вечор верхом влачась одной тропой
И тягостью пути томясь в тревоге,
Я повстречал Любовь на полдороге,
И странника на ней был плащ простой.

Как у того, кто сведался с нуждой,
Казалось мне, был вид ее убогий:
Вздыхая, шла, и не спешили ноги,
И перед встречным никла головой.

Меня узрев, сказала: «Покидаю
Я навсегда далекие края,
Где службу сердца нес ты столь примерно.

Теперь другой послужишь благоверно...»
И этим словом так смутился я,
Что как она исчезла — я не знаю.

* * *

Позавчера я на коне скакал,
Задумавшись, исполненный тревоги.
И мне Амор явился средь дороги,
В одеждах легких странника предстал.

Как будто бы господство утерял,
Смиренномудрый, грустный и убогий,
Склонив главу, покинул он чертоги,
И, мнилось мне, людей он избегал.

По имени окликнул он меня,
И мне сказал: «Тот край я посетил,
Где повелел, чтоб сердце пребывало.

Ты обрешь иное покрывало».
И столь с моей свою он сущность слил,
Что вдруг исчез — но как? — в сиянье дня.

* * *

О донны, вам, что смысл Любви познали,
Я стану о мадонне говорить,—
Не для того, чтоб ей хвалу избыть,
Но дабы утишить мое томленье.
Скажу: Любовь дала моей печали
Столь сладостное чувство ощутить,
Что, если б я дерзнул его открыть,
Познал бы мир любовное волненье.
Но не предам благое откровенье,
Не столь мое развратно бытие:
Я расскажу о доблестях Ее
Намеками, как мне велит почтенье,
О донны и девицы,—вам одним,
Зане о том невместно знать другим.

Взывает ангел к божью разуменью
И говорит: «Владыка, на земле
Есть существо, что светит и во мгле,—
Душа, чей луч достиг небесной грани.
Не склонен Рай к иному вожделенью,
Как сочетать ее своей судьбе.
Сонм праведных зовет ее к себе,
И только Жалость вяжет наши длани».
И рек Господь, судья всех упований:
«Нет, милые, вам должно подождать,
Еще не мыслю я ее призвать,
Но да пребудет средь земных созданий
С тем, кто расскажет Аду: «Племя злых,
Я видел упование благих».

Мадонну ждут у горнего престола.
Я изъясню, как благодсна она,—
О донны, та, что чести ждет, должна
Идти за нею, где она ступает;
Любовь сердца морозом прополола,
И мерзость в них навек изведена;
Пред кем пройдет, красой озарена,
Тот делается благ иль умирает;
Кого она достойным почитает
Приблизиться, тот счастьем потрясен,

Кому отдаст приветливо поклон,
Тот с кротостью обиды забывает.
И бóльшую ей власть Господь дает:
Кто раз ей внял, в злодействах не умрет.

Любовь гласит: «Дочь праха не бывает
Так разом и прекрасна и чиста...»
Но глянула — и уж твердят уста,
Что в ней Господь нездешний мир являет.
Ее чело как жемчуг, где мерцает
Прозрачно разлитая бледнота;
Себя в ней доказует красота,
А естество — всю благодать воплощает.
Из глаз ее, когда она взирает,
Несутся духи в пламени любви
И мечут встречным молнии свои,
И сердце в них биение теряет.
Ее улыбку вывела Любовь:
Кто раз взглянул, тот не дерзает вновь.

Канцона, знаю, ты полна стремленья
Явиться к доннам, — не перечу я!
Но памятуй: я воспитал тебя
Как дочь Любви, таящейся под спудом.
Так будь везде исполнена смиренья,
Проси: «Наставьте, где стезя моя?
Ищу я ту, кому подобна я».
Не подавай предлога к пересудам,
Не заводи знакомства с подлым людом,
Но почитай достойным там присесть,
Где знатный муж или где донна есть, —
И путь тебе откроется как чудом,
И вскорости Любовь ты различишь
И ей уже меня препоручишь».

* * *

В простор небес безбрежный ускользая,
В блаженный край, где ангелы святые
Вкушают мир в долине безмятежной,
Ты вознеслась, навеки покидая

Прекрасных жен, но не беды земные,
Ни летний зной, ни холод бури снежной
Нас разлучил с твоей душою нежной,
В пределы рая Биче увлекая...
Но сам Творец в безмолвном восхищенье
Призвал свое бессмертное творенье,
К бесплотным сонмам Биче приобщая...
Чтоб нашей жизни горе и волненье
Твоей души безгрешной не коснулись,
Твои глаза последним сном сомкнулись!..

* * *

Она той прелестью облечена высокой,
Что, если ласковый кому дарит поклон,
Трепещет млея тот, не молвит слова он,
И слишком смелое роняет долу око.

При первом шепоте хвалы — ее уж нет:
Ей скромность служит дивною одеждой,
Как будто б лучшею прекрасною надеждой
Она нисходит с неба в этот свет.

Такую чувствую в душе моей усладу,
Когда смотрю на чудный светлый взгляд,
Что выше всех она испытанных отрад!..

Улыбкой кротости и милости любовной
Прекрасные уста красавицы дарят...
Душе моей они, прощаясь, говорят:
«Томись и млей тоской по мне безмолвной!..»

* * *

Столь благородна, столь скромна бывает
Мадонна, отвечая на поклон,
Что близ нее язык молчит, смущен,
И око к ней подняться не дерзает.

Она идет, восторгам не внимает,
И стан ее смиреньем облачен,
И кажется: от неба низведен
Сей призрак к нам да чудо здесь являет.

Такой восторг очам она несет,
Что, встретясь с ней, ты обретаешь радость,
Которой непознавший не поймет.

И словно бы от уст ее идет
Любовный дух, лиющий в сердце сладость,
Твердя душе: «Вздохни...» — и вздохнет.

* * *

О пилигримы, тихо вы идете,
И о вещах нездешних размышляя.
По виду вашему я заключаю —
В далеких странах, верно, вы живете.

Зачем же вы горячих слез не льете,
Печальный город наш пересекая,
Как будто ничего о том не зная,
Что в наших горестных местах найдете?

Когда бы вы на мне остановились,
Я чувствую, что с горькими слезами
Вы б слушали мое повествованье.

Так знайте: Беатриче мы лишились,
Все, что о ней расскажем мы словами,
Заставит плакать вас от состраданья.

* * *

О странники, вы, что, склонясь, идете,
Скорбя о тех, кого здесь, видно, нет;
С чужбины ли ведет сюда ваш след,
Как обликом своим вы знать даете?

Поведайте, почто вы слез не льете,
Застигнувши сей город среди бед?
Иль горя вы не видите примет
И тяжести утрат не сознаете?

Когда б до вас дошли мои слова,
Вы нашей скорби поняли б величье
И здесь в слезах окончили свой век:

Она почила, наша Беатриче! —
И повесть той кончины такова,
Что зарыдает каждый человек!

* * *

Задумчиво идете, пилигримы,
И в ваших мыслях чуждые края.
Вы миновали дальние моря,
В скитаниях своих неутомимы.

Не плачете, неведеньем хранимы,
Проходите, все чувства затая,
А всех людей пленила скорбь моя,
Печали их — увы! — неутолимы.

Но если б захотели вы внимать
Тем вздохам сердца, что всечасно внемлю,
Оставили б, рыдая, град скорбей.

Покинуло блаженство эту землю,
Но то, что можем мы о ней сказать,
Источник слез исторгнет из очей.

ЗАДУМЧИВОСТЬ

Задумчиво один, широкими шагами
Хожу и меряю пустых пространство мест;
Очами мрачными смотрю перед ногами,
Не зрится ль на песке где человечесий след.

Увы! я помощи себе между людьми
Не вижу, не ищу, как лишь оставить свет;
Веселье коль прошло, грусть обладает нами,
Зол внутренних печать на взорах всякий чтет.

И мнится, мне кричат долины, реки, холмы:
Каким огнем мой дух и чувства жегомы
И от дражайших глаз что взор скрывает мой:

Но нет пустынь таких, ни добрых, мрачных, дальних,
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной.

* * *

Один, угрюм, пустынными тропами
Влачу устало груз сердечных мук
И прочь бегу, едва лишь сердца стук
Отметит след, мелькнувший пред глазами.

Так хоронюсь я долгими часами,
Наедине с собой, от всех доук,
Чтоб в немощи толпе не выдать вдруг
Душевных гайн наружными следами.

Но знаю я, что уж холмам окрест,
И пашням, и лесам, и рекам ведом
Тот клад, что я таю от всех очей,—

Затем что нет таких укромных мест,
Куда б любовь не шла за мною следом
И не вела со мной своих речей.

* * *

Благословляю день, и месяц, и годину,
И час божественный, и чудное мгновенье,
И тот волшебный край, где зрел я, как виденье,
Прекрасные глаза, всех мук моих причину.

Благословляю скорбь и первую кручину,
В какую вверг меня Амур в жестоком мщенье,
И страшный лук его, и стрел его язвенье,
И боль сердечных ран, с которой жизнь покину.

Благословляю все те нежные названья,
Какими призывал ее к себе,—все стоны,
Все вздохи, слезы все и страстные желанья.

Благословляю все сонеты и канцоны,
Ей в честь сложенные, и все мои мученья,
В каких явился мне прекрасный образ донны!

* * *

Благословен тот вечер, месяц, год,
То время, место, та страна благая,
Тот край земной, тот светлый миг, когда я
Двух милых глаз стал пленник в свой черед.

Благословенна ты, боль роковая,
Что бог любви нам беспощадно шлет,
И лук его, и стрел его полет,
Разящих сердце, язвы растравляя.

Благословенны речи все, где я
Ее назвал, печали не тая,
Желанья все, все жалобы, все стоны!

Благословенны вы, мои канцоны,
Ей спетые, все мысли, что с тоской
Лишь к ней неслись, к ней, только к ней одной.

* * *

Благословен и год, и день, и час,
И та пора, и время, и мгновенье,
И тот прекрасный край, и то селенье,
Где был я взят в полон двух милых глаз;

Благословенно первое волненье,
Когда любви меня настигнул глас,
И та стрела, что в сердце мне впилась,
И этой раны жгучее томленье.

Благословен упорный голос мой,
Без устали зовущий имя донны,
И вздохи, и печали, и желанья;

Благословенны все мои писанья
Во славу ей и мысль, что непреклонно
Мне говорит о ней,— о ней одной!

* * *

Благословляю месяц, день и час,
Год, время года, место и мгновенье,
Когда поклялся я в повиновенье
И стал рабом ее прекрасных глаз;

Благословляю первый их отказ
И первое любви прикосновенье;
Того стрелка благословенно рвенье,
Чей лук и стрелы в сердце ранят нас;

Благословляю все, что мне священно,
Что я пою и славаю столько лет,
И боль и слезы — все благословенно,

И каждый посвященный ей сонет,
И мысли, где царит она бессленно,
Где для другой вовеки места нет.

* * *

Благословляю день, минутой, доли
Минутой, время года, месяц, год,
И тот прекрасный край, и город тот,
Где светлый взгляд обрек меня неволе.

Благословляю сладость первой боли,
И в сердце, и в судьбе переворот,
И стрел любви рассчитанный полет,
Когда отбить удар не в нашей воле.

Благословляю имя из имен
И голос мой, дрожавший от волненья,
Когда к любимой обращался он.

Благословляю все мои творенья
Во славу ей, и каждый вздох и стон,
И помыслы мои — ее владенья.

* * *

В какой стране небес, какими образцами
Природа, оживясь, умела нам создать
Прелестный образ тот, которым доказать
Свою хотела власть и в небе, и меж нами?

Богиня где в лесах иль нимфа над волнами,
Чьи локоны могли б так золотом блистать?
Чье сердце добротой так может удивлять? —
Хотя мой век оно усеяло бедами.

Мечтатель, пламенный еще, не встретясь с ней,
Божественных красот всей прелести не знает,
Ни томного огня пленительных очей;

Не знает, как любовь крушит и исцеляет, —
Кто звука не слышал живых ее речей,
Не зная, как она смеется и вздыхает.

Как соловей сиротствующий славит
Своих пернатых близких, ночью синей,
И деревенское молчанье плавит
По-над холмами или в котловине,—

И всю-то ночь щекочет и муравит
И провожает он один, отныне,—
Меня, меня: силки и сети ставит
И нудит помнить смертный пот богини...

О, радужная оболочка страха!
Эфир очей, глядевших в глубь эфира,
Взяла земля в слепую люльку праха.

Исполнилось твое желанье, пряха,
И, плачучи, твержу: вся прелесть мира
Ресничного недолговечней взмаха.

ХВАЛЫ И МОЛЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЕ

1

В солнце одетая, звездно-венчанная,
Солнцем Превышним любимая Дева!
Свет его вечный в себе ты сокрыла.
Немошным звукам земного напева
Как вознестись к тебе, Богом желанная!
Дай же, молю, мне небесные крыла,
Ты, что вовеки свой слух не закрыла
Верного сердца мольбам,
Но, милосердная к тайным скорбям,
С помощью тайной всегда нисходила.
Жизни темница томит меня тесная,
Дай же прибежище сердцу больному,
Праху земному,
Царица небесная!

2

519

В девах премудрых ты ярко светящая!
Чистым елеем огонь твой нетленный
Вечно горит и не знает затмения.
Ты всем гонимым покров неизменный,
В смертном боренье ты знамя спасения!
Щит всех скорбящих ты, всескорбящая!
Страсти безумной злое горение
    Да утолится тобою!
    С неизреченной тоскою
Видела ты неземные мучения.
Ими спасенный, зачем я страдаю?
Мною владеет враг побежденный!
    Мыслью смущенной
    К тебе прибегаю.

3

Всепорочная, Дева пречистая,
Слова предвечного мать и создание!
Слава земной и небесной природы!
Сын твой и вышнего Бога сияние,—
О, бесконечности око лучистое!
В веки последние, в тяжкие годы
Пристань спасенья, начало свободы
    Нам чрез тебя даровал.
Он одну между всеми избрал,
Он в тебе возлюбил и грядущие роды.
О, открой милосердия двери,
Всеблагодатная, к жизни нетленной
    Душе смиренной
    В любви и вере.

4

О всевятая, благословенная,
Лествица чудная, к небу ведущая!
С неба ко мне приклони свои очи!
Воду живую, в вечность текущую,
Ты нам дала, голубица смиренная,
Ты солнце правды во мрак нашей ночи
Вновь возвела, мать, невеста и дочь,

Дева всеславная,
Миродержавная
И тайнница божьих советов!
Проведи ты меня сквозь земные туманы
В горние страны,
В отчизну светов!

5

Дева единая меж земнородными,
Небо пленила ты чистой красою.
В цепи золотой ты звено неразрывное,
Зла не касаяся волей святою,
Думами ясными, богу угодными,
Храмом живым его стала ты, дивная!
Скорбь моя тяжкая, скорбь непрерывная
Светлою радостью вся расцветет,
Если молитва твоя низведет
В сердца пустыню небес изобилие.
В духе смиренном склонив колена,
У всепобедной прошу защиты.
Цепь разорви ты
Земного плена.

6

Светлая Дева, вовек неизменная,
В плаванье бурном звезда путеводная,
Кормчий надежный в годину ненастную!
Знаешь ты скалы и камни подводные,
Видишь блужданья мои безысходные.
Долго боролась душа, удрученная
Долей враждебной, волею страстною;
Сердце измучено битвой напрасною.
Немощь мою ты от вражьего плена избавь,
Челн погибающий в пристань направь!
Он уж, разбитый, не спорит с грозой ужасной.
Усмири же ты темное, бурное море,
Злобу и горе
Кротостью ясной!

Лилия чистая средь наших терний,
В мрачной пучине жемчужина ясная,
В пламени злом купина не горящая,
В общем потоке ладья безопасная,
Облако светлое, мглою вечерней
Божьим избранникам ярко блестящее,
Радуга, небо с землею мирящая,
Божьих заветов ковчег неизменный,
Манны небесной фиал драгоценный,
Высь неприступная, Бога носящая!
Дольный наш мир осени лучезарным покровом,
Свыше ты осененная,
Вся озаренная
Светом и словом!

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО

* * *

Сокрылась доблесть, честь угасла, стала
Италия всеобщей женой,
Кастальских муз не слышно ни одной,
О них не мыслят, их не чтут нимало.

На листья лавра вдруг цена упала
И на цветы: за скрюченной спиной
У всех стяжанья груз; и, взыв гурьбой,
Пороков тьма кругом возликовала.

Коль милый слог и прозы и стихов
Меж нас почти что все забыли прочно,
Тогда и чудо остается втуне.

Плачь же со мною,— жребий наш таков:
В быту новейшем творчество порочно
При благосклонной нынешней Фортуне.

ДАНТЕ О СЕБЕ

Дант Алигьери я — Минерва, худо
Познавшая искусство; дал лишь гений
Изящность глубине всех откровений,
Великое явив природе чудо.

Фантазия вела меня отсюда
В глубь тартара и в высь иных селений;
Том благородный мой достоин чтений
Высоких душ, как и мирского люда.

Мне мать Флоренция — великий зодчий —
И мачеха сыновнему вниманью,
Вина наветов злых и муки прочей.

Равенна — постоянный двор изгнанью;
Ей — тело, а душа во власти отчей,
Где никнет зависть под всеильной дланью.

Я — Данте Алигьери; я — Афина
Ума, искусства; одарила мать
(И в том видна природы благодать)
Изяществом своим старанья сына.

Небесный град и адская низина
Всем вымыслам моим пришлось под стать,
Старался я достойно написать
И для монаха и для господина.

Был славной я Флоренции пленец,
Стал пасынком — судьба моя презренна,
Меня оклеветали вор, подлец.

В изгнанье домом стала мне Равенна,
В ней плоть моя, а душу взял Отец,
Перед Которым злая зависть бренна.

ТРИУМФ ВАКХА И АРИАДНЫ

Карнавальная песнь

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно.

Вакх с прекрасной Ариадной
Сходят радостно вдвоем.
Так как время мчится жадно,
Мы лишь этот миг поем.
Нимфам с фавнами отрадно
Совершать за Вакхом путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно.

Сонмы вольных козлоногих
Мчат веселых сатиресс
К мураве холмов отлогих,
В глубь пещер и в темный лес.
Что им до укоров строгих,
Горы, дебри — всюду путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно.

Этим нимфам так же сладко,
Что так пылко ищут их,
Что любовь их ждет украдкой
Под листвой дубов густых.
Уловляй миг жизни краткой —
Всем на праздник верный путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно.

За ослом и за Силеном
Пьяный вот бредет старик,
В долгой жизни к вечным сменам
Лет бессчетных он привык.

Но с усердьем неизменным
К страсти проторяет путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно.

Вот с лицом своим сердитым
И старуха вслед бредет,
Озирая с гневом скрытым
Весь беспечный хоровод.
Человек не будет сытым,
Хоть прошел он длинный путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно.

День сегодняшний дороже
Всех других грядущих дней.
Юность — нынче, старость — тоже!
Девы, юноши, смелей
Жгите жизнь на каждом ложе!
Путь к унынию — ложный путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно.

Все мы здесь в желаньи ласки
Славим Вакха и Любовь.
Славим песни, славим пляски!
Пусть бежит по жилам кровь,
Пусть живем мы в вечной сказке,
В этом нашей жизни суть.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно.
Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь!

* * *

Мой голос сладостный услышь, дуброва,
Коль Нимфа моего не слышит зова.
Прекрасной ей что до моей свирели?
Она глуха для жалоб безнадежных.
Вон и стада, стеная, присмирели
И не хотят у светлых струй прибрежных
Смочить копыт и трав касаться нежных.
Так жалко им их пастуха младого.
Мой голос сладостный услышь, дуброва!

Стадам прискорбны пастуха печали.
Влюбленный в Нимфу не замечен ею,
Прекрасной Нимфой, сердце чье из стали,
Иль словно камень, иль алмаз, вернее.
Передо мной она бежит скорее,
Чем нежная овца от волка злого.
Мой голос сладостный услышь, дуброва.

Свирель моя, скажи ей: увлекает
Летучую красу годов течение.
Ее жестоко время разрушает.
Уйдут года, и нет им возвращенья.
Жить красотой своей яви уменье.
Не расцветут фиалки, розы снова.
Мой голос сладостный услышь, дуброва.

Вынесите, ветры, стих мой сладкий,
К ушам моей вы милойнесите.
Скажите, сколько слез я лил украдкой,
Чтоб не была жестокой, попросите.
Что вянет жизнь моя, вы ей скажите,
Как стебелек от солнца огневого...
Мой голос сладостный услышь, дуброва,
Коль Нимфа моего не слышит зова.

* * *

Благополучная, приятная темница,
В которую меня не злость моих врагов,
Но обладающая душой моей царица
Повергла, чтоб явить свою ко мне любовь.

Другие узники, ключей услыша звуки,
Бледнеют и дрожат; а я как крин цвету,
Затем что не судьбы, не казни злой, не муки,
Но друга милого, но жизни сладкой жду,

Жду ласковых речей, жду шуток, нежных взоров,
Приветливых жду слов, любовных разговоров,
Всех радостей, утех, какие только есть,

И поцелуев тьму иль без конца начало,
Которых множество никак не можно счесть,
И все не досыта, все кажется их мало.

МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ

* * *

Нет радостней веселого занятия:
По злату кос цветам наперебой
Соприкасаться с милой головой
И лнуть лобзаньем всюду без изъятья!

И сколько наслаждения для платья
Сжимать ей стан и ниспадать волной;
И как отрадно сетке золотой
Ее ланиты заключать в объятья!

Еще нежней нарядной ленты вязь,
Блестя узорной вышивкой своею,
Смыкается вокруг персей молодых.

А чистый пояс, ласково вяясь,
Как будто шепчет: «Не расстанусь с нею...»
О, сколько дела здесь для рук моих!

* * *

Уста твои встречаются с цветами,
Когда ты их вплетаешь в волоса.
Ты их ласкаешь, стебли вороша.
Как я ревную к вашему свиданью!

И грудь твоя, затянутая тканью,
Волнуется, свята и хороша.
И кисея коснется щек, шурша.
Как я ревную к каждому касанью!

Напоминая чувственные сны,
Сжимает стан твой лента поясная
И обладает талией твоей.

Нежней объятий в жизни я не знаю...
Но руки мои в тыщу раз нежней!

* * *

К Джованни, что из Пистойи

Я получил за труд лишь зоб, хворобу
(Так пучит кошек мутная вода
В Ломбардии — нередких мест беда!)
Да подбородком вклинился в утробу;

Грудь — как у гарпий; череп, мне на злобу,
Полез к горбу; и дыбом — борода;
А с кисти на лицо течет бурда,
Рядя меня в парчу, подобно гробу;

Сместились бедра начисто в живот,
А зад, в противовес, раздулся в бочку;
Ступни с землею сходятся не вдруг;

Свисает кожа коробом вперед,
А сзади складкой выточена в строчку,
И весь я выгнут, как сирийский лук.

Средь этих-то докук
Рассудок мой пришел к суждениям странным
(Плоха стрельба с разбитым сарбаканом!):

Так! Живопись — с изъяном!
Но ты, Джованни, будь в защите смел:
Ведь я — пришлец, и кисть — не мой удел!

* * *

Здесь делают из чаш мечи и шлемы
И кровь Христову продают на вес;
На щит здесь терн, на копыя крест исчез,—
Уста ж Христовы терпеливо-немы.

Пусть он не сходит в наши Вифлеемы
Иль снова брызнет кровью до небес,
Затем, что душегубам Рим — что лес,
И милосердье держим на замке мы.

Мне не грозят роскошества обузы,
Ведь для меня давно уж нет здесь дел;
Я Мантии страшусь, как Мавр — Медузы;

Но если Бедность славой бог одел,
Какие ж нам тогда готовит узы
Под знаменем иным иной удел?

* * *

Здесь с копьями кресты святые сходны,
Кровь Господа здесь продают в разлив,
Благие чаши в шлемы превратив.
Кончается терпение Господне.

Когда б на землю он сошел сегодня,
Его б вы окровавили, схватив,
Содрали б кожу с плеч его святых
И продали бы в первой подворотне.

Мне не нужны подачки лицемера,
Творцу преуспевать не надлежит.
У новой эры — новые химеры.

За будущее чувствую я стыд;
Иная, может быть, святая вера
Опять всего святого нас лишит!

* * *

Не в первый раз терплю твой норов лютый:
Казнил ты, мучил верного слугу,
Но нынче голова моя в снегу —
Зачем мне обещанья новой смуты?

Не в первый раз твои срываю пути:
Стреноженный, пронзенный на бегу,
Забуть о прежних стрелах не могу,
Не убиваюсь в редкие минуты.

Амур, ты слышишь, я зову тебя!
Скажи, зачем я должен, не любя,
Терпеть уколы недоступной неги?

Не станет древоточец и пила
Крушить золу сожженного ствола —
С калекой стыдно состязаться в беге!

* * *

Лишь вашим взором вижу сладкий свет,
Которого своим, слепым, не вижу;
Лишь вашими стопами цель приближу,
К которой мне пути, хромоту, нет;

Бескрылый сам, на ваших крыльях, вслед
За вашей думой, ввысь себя я движу;
Послушен вам — люблю и ненавижу,
И зябну в зной, и в холоде согрет.

Своею волей весь я в вашей воле,
И ваше сердце мысль мою живит,
И речь моя — часть вашего дыхания.

Я — как луна, что на небесном поле
Невидима, пока не отразит
В ней солнце отблеск своего сиянья.

* * *

И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, — и лишь это нам
Рука, послушная рассудку, явит.

Жду ль радости, тревога ль сердце давит,
Мудрейшая, благая донна, — вам
Обязан всем я, и тяжел мне срам,
Что вас мой дар не так, как должно, славит.

Не власть Любви, не ваша красота,
Иль холодность, иль гнев, иль гнет презрений
В злосчастии моем несут вину,—

Затем, что смерть с пощадою слита
У вас на сердце,—но мой жалкий гений
Извлечь, любя, способен смерть одну.

* * *

Для мастера не может быть решенья
Вне мрамора, где кроется оно,
Пока в скульптуру не воплощено
Рукой, послушной воле вдохновенья.

Так для меня надежды и свершенья—
Все, Госпожа, в тебе заключено,
И тут уже искусству не дано
Оборонить меня от пораженья.

Меня убьют не чары красоты,
Не холодность твоя сведет в могилу
И не судьбы превратной торжество,

Но то, что смерть и состраданье ты
Несешь в себе, тогда как мне под силу
Лишь смерть извлечь из сердца твоего.

* * *

Как может это быть?—Но опыт возвещает,
Что образ, вышедший живым из-под резца,
Способен пережить и своего творца,
Которого года в горсть пепла превращают!

Пред следствием склоняясь, причина уступает!
Природе дан предел—искусству ж нет конца!
Ваянье молвит мне, что детища резца
Ни гнет времен, ни смерть разрушить не дерзают...

И нам с тобою, друг, я б мог на много лет
Дать в красках бытие среди живых развалин,
Ваяньем передать лицо и душу верно!..

Умрем... Пройдут века... Но мог бы видеть свет
И блеск твоей красы, и как я был печален,
Но не безумцем был, любя тебя безмерно!

* * *

Ужели, донна, впрямь (хоть утверждает
То долгий опыт) оживленный лик,
Который в косном мраморе возник,
Прах своего творца переживает?

Так! Следствию причина уступает,
Удел искусства более велик,
Чем естества! В ваяньи мир постиг,
Что смерть, что время здесь не побеждает.

Вот почему могу бессмертье дать
Я нам обоим в краске или в камне,
Запечатлев твой облик и себя;

Спустя столетья люди будут знать,
Как ты прекрасна, и как жизнь тяжка мне,
И как я мудр, что полюбил тебя.

* * *

Мне сладок сон, и слаще камнем быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядеть — одно спасенье...
Умолкни, чтоб меня не разбудить.

* * *

Мне сладко спать, а пуще — камнем быть,
Когда кругом позор и преступленье:
Не чувствовать, не видеть — облегченье,
Умолкни ж, друг, к чему меня будить?

Блаженство — спать, не ведать злобы дня,
Не ведать свары вашей и постыдства,
В неведении каменном забыться...
Прохожий! Тс... Не пробуждай меня.

К ДАНТЕ

Спускался в мир теней он смелою мечтою
И, муки вечные изведав сердцем там,
Могучим помыслом вознесся к небесам,
Чтоб их лучи пролить над скорбною землею.

Как ясная звезда, потомству озарил
Он тайны, скрытые во тьме веков глубокой,
Но мир завистливый, и злобный, и жестокий
Неблагодарностью поэту отплатил:

Глухой, как и всегда, для истины великой,
Внять не хотел ему бездушный род людской —
Род, необузданный в порывах злобы дикой...

Но как желал бы я себе судьбы такой!
За жизнь изгнанника, за доблести поэта —
Я дал бы все дары, все обольщенья света!..

Спустившись с неба, в тленной плоти, он
Увидел ад, обитель искупленья,
И жив предстал для божья лицезренья,
И нам поведал все, чем умудрен.

Лучистая звезда, чьим озарен
Сияньем край, мне данный для рожденья,—
Ей не от мира ждать вознагражденья,
Но от тебя, кем мир был сотворен.

Я говорю о Данте: не нужны
Озlobленной толпе его создання,—
Ведь для нее и высший гений мал.

Будь я, как он! О, будь мне суждены
Его дела и скорбь его изгнания,—
Я б лучшей доли в мире не желал!

* * *

И с неба он сошел. Он видел рай,
Чистилище и ад. Он видел бога...
И обо всем он нам поведал строго
И вдохновеньем озарил свой край.

Но мир в ответ принес ему немного:
Встречал он всюду только злобный лай...
Ты, боже, по делам ему воздай!
Была тяжка великого дорога.

О, если б я был им! Я б ничего
Не пожалел ни на земле, ни в небе
За горькое изгнание его

И за его высокий, важный жребий.
О Данте, скоро ли тот день придет,
Когда тебя постигнет твой народ?

* * *

Отсюда в черный он сошел обрыв
И там во тьме увидел оба ада,
С ним рядом мысли двигалась громада,
И к Господу он смог подняться жив.

Он стал звездой алмазной, осветив
Для нашего невидящего взгляда
Глубь вечных тайн,— и вот ему награда
От воли злой за доблестный порыв.

Его творенья и его желанье
Безвестны были — мир кому-нибудь,
А недостойным отдает признание.

Пусть будет так со мной! готов вернуть
(За этот дар и горькое изгнанье)
Судьбе — ее счастливейшую суть.

* * *

Единственно живой средь неживых,
Свидетелем он Рая стал и Ада,
Обитель справедливую Расплаты
Он, как анатом, все круги постиг.

Он видел Бога. Звездопадный стих
Над родиной моей рыдал набатно.
Певцу нужны небесные награды.
Ему не надо почестей людских.

Я говорю о Данте. Это он
Не понят был. Я говорю о Данте.
Он флорентийской банде был смешон.

Непониманье гения — закон.
О, дайте мне его прозренье, дайте!
И я готов, как он, быть осужден.

* * *

Синьор, не тратьте ваших юных лет
На беспокойный труд погони страстной
За славой и почетом по опасной
Стезе отличий всяких и побед.

Исполните любви благой совет:
Давайте жить четой во всем согласной
В долине этой тихой и прекрасной,
Покуда нам сияет солнца свет.

Плоды честолюбивых всех усилий
Всегда горьки. И слава и почет
Навек забудутся в сырой могиле.

А тут, средь птиц, чей звонкий хор поет
Хвалу любви, мы радостно бы жили,
Сбирая розы и плоды весь год.

К ЛУКРЕЦИИ, ГЕРЦОГИНЕ УРБИНО

Ты в юности казалась нежной розой,
Что, лепестков лучам не открывая,
За зеленью стыдливо, молодая,
Еще таит мечты любви и слезы.

Иль, может, ты (не с миром нашей прозы
Тебя равнять) была зарею рая,
Что, пики гор и поле озаря,
На небесах полна невинной грезы.

Но для тебя года прошли неслышно,
И молодость в своем уборе пышном
Сравнится ли с твоею простотою?

Так и цветок душистее раскрытый,
И в полдень так лучи с небес разлиты
Роскошнее, чем утренней зарею.

СМЕХ КРАСАВИЦЫ

Розы уст пурпурных девы!
На заре вы
Не раскрылись в смехе губок.
Вы, любовью управляя,
В утро мая
Бережете ль перлы зубок?
Розы алые, живые,
Дорогие!..
Посмотрю на вас, и — диво! —
Встрепенетесь вы неожиданно,
Беспременно
Улыбаясь шаловливо!
Может быть, улыбкой нежной
И небрежной
Вы порадуете скоро?
Или сердце без пощады
Ранить рады
Вы стрелой смертельной взора?
Розы! Розы! Пощадите
Иль казните,
Если этого я стою.
Похвалу ли вам, ликуя,
Возношу я,
Вы смеетесь надо мною.
Зажурчит ли ключ, играя,
Иль, порхая,
Ветер легкий встрепенется,
Манит ли нас луг цветами, —
Вместе с вами
Я шепчу: «Земля смеется».
Тронет ли Зефир тихонько
И легонько
Ножкой-крошкой волны — вскоре
Заиграет зыбь на скалах,
В перекатах,
И шепчу: «Смеется море».
Лепестки ли снежных лилий,
Кошенили

Приложение I

540

Обласкают взоры Феба;
В небе ль Фебова промчится
Колесница,
Я шепчу: «Смеется небо».
Пусть улыбкой несравненной
Блеск вселенной
Нас пленяет. Пусть смеются
Небо, море и цветы;
Но, как ты,
Никогда не улыбнутся!

ПОХИЩЕННОЕ ВЕДРО

(Отрывок)

И Слава на Олимп взнеслась мгновенно
Со штатом слуг, со всем своим двором.
И Зевсу рассказала дерзновенно
О горе, приключившемся с ведром.
Зевес, друг смертных и отец вселенной,
Печалился о бедствии таком.
Он в колокол ударил. Это — мера,
Чтоб на совет созвать богов Гомера.

Вращаясь на светилах неба, вдруг
Конюший выволок на звон набата
Носилки. Много рысаков вокруг.
Чепрак расшит, уздечка их богата.
Юпитер окружен толпою слуг
В ливреях пышных. Ждет уж их палата.
И за оравую своих господ
Проходит в консисторию народ.

Делосский бог, любитель сильной власти,
В карете сельской первый прикатил.
Испанских шесть лошадок красной масти,
Летя, гремели в небе средь светил.
На шее Феб, из хвастовства отчасти,
Цепь короля испанского носил.
Двадцать четыре девы в сфере неба
Летели второпях путями Феба.

На иноходце бизиньянском вот
За ним летит надменная Паллада:
То ль иберийский, то ль иной капот
И поясок, как носит вся Эллада.
Казалось всем: вот-вот коса спадет
На ткань ее легчайшего наряда
И цапли оторвутся... Что за вид!
Кривая сабля на бедре висит.

В каретах двух — весь выезд Афродиты:
Сияет золотом первый экипаж.
В нем сын ее, проказник, три хариты,
Сама богиня и румяный паж.
А во втором весь цвет отборный свиты,
В накидках с капюшоном, без поклаж:
Борзятник, что приставлен ею к сыну,
И повар — мастер прокоптить свинину.

Клистир себе поставив, бросил дом
Старик Сатурн, хоть чувствовал простуду.
В закрытом выезде под стульчаком
Ночную приспособил он посуду.
А Марс на скакуне сидел верхом.
Со странностями конь являл причуду.
До пояса — чулки и стройный стан,
А на уборе головном — султан.

Но бог вина с богиней урожая
Шли вместе, рассуждая меж собой.
Плыл по волнам, другим не подражая,
С трезубцем на дельфине бог морской,
Весь в водорослях, наг, о чем, вздыхая,
Мать плачет, сокрушается душой,
Склоняя Зевса к жалости, но снова
Тот дразнит брата кличкой рыболова.

Диана не явилась. Рано встав,
Ушла в лесок стыдливая Диана
И стиркой занялась среди купав,
В мареммах, чем богата так Тоскана.
Напрасные труды! Задрезбев, жав,
Сорвалась грозно с неба трамонтана.
Мать на совет одна пришла, не прочь
Просить прощенья у богов за дочь.

В отсутствие Люциния Юнона
Хотела, голову помыв, прилечь.

Мениппо, автор Зевсова бульона,
Стал извиняться, и завел он речь
О том, что Паркам, как во время оно,
Прясть надо паклю, много хлеба спечь.
А погребщик Силен меж тем невинно
Водой разбавил божеские вина.

Но вот открылися врата небес;
Уже скрипят затворы золотые.
Проходит в консисторию Зевес,
За ним плетутся боги остальные.
Простым пером не описать чудес.
Великолепны стены расписные.
Здесь качества свои теряет лесть,
В восточном вкусе перлов здесь не счесть.

СПОСОБ ФИЛОСОФСТВОВАТЬ

Мир — книга, где вписал свои сужденья
Извечный Разум, это — храм живой,
Который он живых фигур чредой
Украсил, как пример и отраженье;

Чтоб всякий ум искусство и правленья
Читать и созерцать, без розни злой,
Мог, говоря: — Вселенную собой
Я полню, зря Творца в любом твореньи.—

Но мы, чьи души вечно пребывают
У мертвых храмов, мертвых книг в неволе,
Предпочитаем их сему зеркалу.

О муки, что от промахов спасают,
Невежество, усталость, распри, боли:
Вернемся ж, наконец, к оригиналу!

ЖАЛОБЫ САЛЬВАТОРА РОЗЫ

Что за жизнь? Ни на миг я не знаю покою
И не ведаю, где преклонить мне главу.
Знать, забыла судьба, что я в мире живу
И что плотью, как все, облечен я земною.
Я родился на свет, чтоб терзаться, страдать,
И трудиться весь век, и награды не ждать
За труды и за скорбь от людей и от неба,
И по дням проводить без насущного хлеба.

Я к небу воззову — оно
Меня не слышит, к зову глухо;
Взор к солнцу — солнце мне темно;
К земле — земля грозит засухой...
Я жить хочу с людьми в ладу,
Смотрю — они мне ковы ставят.
Трудясь, я честно жизнь веду —
Они меня чернят, бесславят.

Везде наперекор мне рок,
Везде меня встречает горе:
Спускаю ли я свой челнок
На море — и бушует море;
Спешу ли в Индию — и там,
В стране, металлами богатой,
Трудясь, блуждая по горам,
И нахожу... свинец — не золото.

Являюсь ли я иногда,
Сжав сердце, к гордому вельможе, —
И — об руку со мной, беда:
Я за порог лишь — и в прихожей
Швейцар, молчание храня
И всех встречая по одежде,
Укажет пальцем на меня —
И смерть зачавшейся надежде.

Вхожу к вельможе я, тупой,
С холодностью души и чувства,

В кругу друзей-невежд — со мной
Заговорит он про искусства —
Уйду: он судит обо мне
Не по уму, а по одежде,
С своим швейцаром наравне...
Ценить искусства не невежде!..

Одной мечтою я живу,
И ею занятый одною,
Я и во сне и наяву
Воздушные чертоги строю.
Я, замечтавшись, творю
Великолепные чертоги;
Мечты пройдут, и я смотрю
Сквозь слез на мой приют убогий.

Другим не счесть богатств своих,
К ним нужда заглянуть не смеет;
Весь век слепое счастье их
На лоне роскоши лелеет;
Другим богатств своих не счесть —
А мне — отверженцу судьбины —
Назначено брань с нуждой весть
И... в богадельне ждать кончины...

И я... я — живописец!.. да!
На всё смеющиеся краски
Я навожу и никогда —
От счастья не вижу ласки...
Будь живописец, будь поэт, —
Что пользы? В век наш развращенный
Счастлив лишь тот, в ком смысла нет,
В ком огонь не теплится священный.

Что за жизнь? Ни на миг я не знаю покою
И не ведаю, где преклонить мне главу.
Знать, забыла судьба, что я в мире живу
И что плотью, как все, облечен я земною.
Я родился на свет, чтоб терзаться, страдать,
И трудиться весь век, и награды не ждать
За труды и за скорбь от людей и от неба,
И по дням проводить без насущного хлеба.

* * *

Италия! Италия! зачем
Тебя судьба ущедрила красою?
Сей вредный дар неразлучим с тобою,
И корень он твоим несчастьям всем.

Будь менее прекрасна ты собою
Иль более сильна владеть мечом,
Чтоб не пылал к тебе любви огнем,
Чтоб не губил пришлец тебя войною.

Не зрел бы я с Альпийских гор тогда
Сходящих войск и хищного соседа
В кровавом По пиющие стада;

Врагов твоих я не нашел бы слéда,
И налагать не смели бы всегда
Нам равных уз разбитье и победа.

* * *

Италия, зачем тебе судьбой
Дар красоты ниспослан злополучный?
Когда б, не столь прекрасная собой,
Забыла ты свой говор сладкозвучный.

И грозно всех умела звать на бой:
Тогда б ни Галл и ни Германец тучный
Не шли б к тебе четою неразлучной
И не была б ты вечною рабой!

И по твоим возвышенным раскатам
Стада коней тевтонских не паслись,
И я, взглянув с высоких Альпов вниз,

Не зрел бы днесь тебя с чужим булатом,—
И слезы брата над погибшим братом
Кровавою рекою не лились.

* * *

Италия! Италия! о ты,
Кому судьба наследием несчастным
Дар роковой вручила красоты!
О, лучше б ты была не так прекрасна,

Зато сильна,— чтоб, менее любя,
На смерть не увлекали бы тебя
От чар твоих трепещущие страстно;
Чтоб Альпы белые с своих вершин

Не гнали галльских орд к тебе рекою
И не поила По чужих дружин
Своей окровавленную волною;

И, опоясана мечом чужим,
Ты вечно не служила бы другим
Освобожденною или рабою...

* * *

Италия! Италия!.. О ты,
Кому судьба жестокая послала
Дар губительной чудесной красоты
И на челе проклятье начертала!

О, если бы красой не так блистала,
Но более сильна была бы ты,
Врагов своих ты меньше бы прельщала
И не была добычей пустоты!

Не зрел бы я, как шумною рекой
С подножья Альп войска в тебя несутся.
И галльские стада у По пасутся;

Не зрел бы я, как кровь и слезы льются,
И, броней одетая чужой,
Дерешься ты, чтоб вечно быть рабой.

ИТАЛИЯ, О ИТАЛИЯ!

Италия! о ты, на чьи поля обильно
Господь излил щедрот губительный фиал,
И горе без конца в удел суровый дал,
И наделил красой торжественно-умильной,—

Будь менее прекрасной — больше сильной!
О, если бы твой вид не зависть — страх внушал,
О край родимый мой! ведь ты бы не страдал —
И не покрылся бы ты бледностью могильной.

Но чьими ж копьями сверкает Альпов склон,
Где По кровавою струей не раз поила
Враждебной Галлии и всадников и коней?

Зачем же ты опять покрыта бранной броней? —
Победоносный меч за немцев обнажен,—
Ты под ярмо главу венчанную склонила!..

* * *

Италия, Италия, о ты,
На чьем челе так ярко и глубоко
Лежит печать волшебной красоты,—
Печальный дар враждующего рока,—

Когда сильней, о родина моя,
Была бы ты иль менее прекрасна —
Влюбленный враг не припадал бы страстно
К твоей груди, чтоб погубить тебя.

С вершины Альп полки бы не сходили,
И воды По кровавою струей
Французских стад, как ныне, не поили.

Италия, под властия чужой
Твои сыны не бились бы с врагами
Своих врагов, чтоб вечно быть рабами.

К ИТАЛИИ

Италия! Судьбы тебе судили
Дар красоты несчастной изначала;
Его неся, ты без конца рыдала:
Мук письма чело избородили.

Быть бы тебе не столь прекрасной — или
Сильнее быть — и страх бы ты внушала;
Кого красы лучами расплавляла,
Тот, и любя, твоей служил бы силе.

Не зрел бы я, как войск потоки льются
С Альп, как твою кровью обогрелой
Волною По — стада врагов напьются;

Не зрел бы, как с тобою, окруженной
Чужим железом, вражды силы бьются, —
Весь век победной или побежденной.

СТИХИ, ПОДРАЖЕННЫЕ ИТАЛЬЯНСКИМ

О! грозная минута!
Прости, драгая Ниса,
Я буду жить в разлуке,
Но как я буду жить?
Всегда в тоске я буду:
Прошли мои забавы.
Прошли --- и кто уверит,
Что помнишь ты меня?

С тобою разлучившись,
Я мысли устремляю
Вослед тебе, драгая,
И тем питаю дух.
Везде умом с тобою,
Везде тебя я вижу.
Везде, --- но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

В полях, в лугах и в рощах
Кричу, зову я Нису,
Но лес не отвечает,
Где скрылась Ниса, где.
С зари до темной ночи
Зову тебя повсюду,
Зову, --- но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

Без пользы обращаюсь
Я к тем местам приятным,
Где был благополучен,
Когда с тобою был.
На что я взор ни вскину,
Я рвусь, тебя лишь вспомню,
Я рвусь, --- но кто уверит,
Что вспомнишь ты меня?

На сих берегах зеленых,
За малую досаду,

Ты прежде рассердилась,
Но сжалилась потом.
Мы вместе здесь ходили,
А здесь лежали вместе,
Ах! здесь, --- но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

Ах, если и узнаю,
Где кроешься ты ныне,
И если вновь представлю
Тебе мою любовь:
За всю любовь и верность,
Могу ль я быть уверен,
Могу ль --- и кто уверит,
Что любишь ты меня?

Жалей о мне, коль знаешь
Мои сердечны муки,
Жалей о мне, коль можешь
Ты чувствовать любовь.
Хоть я с тобой расстался,
Люблю тебя в разлуке,
Люблю, --- но кто уверит,
Что любишь ты меня?

МОЙ ОТЪЕЗД

Песня

Уже близка минута
Разлуки моя;
Прости, прости, Анюта,
Уж скоро еду я.

Расставшись с тобою,
Расстанусь я с душою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Позволь мне в утешенье
Хоть песенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.

Пусть за меня в разлуке
Она наполнит муки —

А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Моря переплывая,
Меж камней, между гор,
Тебя лишь, дорогая,
Искать мой станет взор.

С кем встречусь, лишь одною
Займу его тобою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Лесок, деревня, поле;
Все вспомнит предо мной
Места, где в тихой доле
Был счастлив я с тобой.

Все мне тебя представит;
Все слезы лить заставит;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Вот лес, скажу, унылой,
Где вдруг ты стала зла,
Потом улыбкой милой
Знак к миру мне дала.

Так я с тобой встречался;
Здесь я тобой прельщался;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Предвижу, как в оковы
Сердца к тебе летят;
Сулят утехы новы,
Быть верными сулят.

Увы, зря их мученье,
Их ласки, обоженье,
Увы, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Хоть вспомни, как тобою
Томится грудь моя
И что, лишась покою,
Не льщусь надеждой я.

Ах, вспомни все мученье
И это разлученье,
Мой друг. Мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

РАЗЛУКА

Пришла жестокая минута
Навек прости сказать драгой!
Мне жизнь несносна будет, люта,
В разлуке горестной с тобой.
    В печали буду жить глубокой,
    В тоске и муке прежестоккой;
    Но, ах! того не знаю я,
    Вспомнишь ли когда меня.

В пустыне дни я провождаю,
Хожу, не зная сам пути;
У гор бездушных вопрошаю,
Где мне любезную найти.
    Вседневно буду и всечасно
    Тебя звать, а все напрасно;
    Но, ах! того не знаю я,
    Вспомнишь ли когда меня.

На те долины драгоценны
Взирать я буду всякой час,
Где были дни мои блаженны,
Где был с тобой я столько раз;
    И всякое воспоминанье
    Мне будет приключать страданье.
    Но, ах! того не знаю я,
    Вспомнишь ли когда меня.

Скажу: вот тот источник ясный,
Где ты раздражена была;
Потом, забыв свой гнев напрасный,
Мне руку в знак любви дала.
    Здесь дух надеждой мы питали,
    Там вместе мы с тобой страдали;
    Но, ах! того не знаю я,
    Вспомнишь ли когда меня.

Когда в свое жилище ново
Приедешь, дорогая, ты:
Колико там сетей готово
Для уловенья красоты!

Окружена любви сетями,
Тобой плененными сердцами,
Не знаю я, не знаю я,
Вспомнишь ли тогда меня!

Вспомни скорбь мою с тоскою
И жизнь, лишенну всех отрад,
Что был пленен Филен тобою,
Не льстясь иметь в любви наград.
    Помысли, как с тобой прощался,
    Колико мучился, терзался!
    Помысли... ах! не знаю я,
    Вспомнишь ли когда меня!

РАЗЛУКА

Минута грозная настала!
О Лила, о мой друг, прости!
Почто не смерть судьба сказала?
Скорее смерть могу снести!
Скорее миг уничтоженья,
Чем жизнь, исполненну мученья.
Мой друг!.. Но в дальней стороне
Ты и не вспомнишь обо мне!

Душа, томимая тоскою,
Не найдет места для себя!
Как ей, живущей лишь тобою,
Как можно не искать тебя?
Она твой спутник невидимый,
Везде с тобой неразделимый.
А ты в далекой стороне
Уже не вспомнишь обо мне!

Скитаясь по полям, унылый,
Я передам всему тоску:
И рощи говорят о милой,
И камни сетуют со мной,
И утро грусть мою застанет,
И вечер в грусти же увянет!
А ты в далекой стороне
Уже не вспомнишь обо мне!

Как месяц встанет из-за рощи,
Пойду на холм, знакомый нам;
Одеянный мечтами нощи,
С слезами обращуся к вам,
Минувши дни очарований!
О, сколько сладких воспоминаний!
А ты в далекой стороне
Уже не вспомнишь обо мне!

Теперь, я думать стану в скуке:
Она окончить путь должна;
Теперь сгрустилось ей в разлуке,
Летит ко мне... близка она!..
Простите, сладкие мечтанья!
Не лейтесь, слезы ожиданья!
Напрасно: в дальней стороне
Она не вспомнит обо мне!..

Дай бог, чтоб ты не знала вечно
Страданий, кои я терплю!
О друг мой, друг бесчеловечный!
Люби, как я тебя люблю...
Тогда познаешь сердца муки,
Тогда не вынесешь разлуки,
Тогда... но в дальней стороне
Ты и не вспомнишь обо мне!

ПРОВОДЫ АЛИНЫ

Подражание Метастазиевой песни

Поезжай! счастливый путь!
Добрый час — Алине!
Но, мой Ангел, не забудь
Обо мне в чужбине!
От тебя вдалеке
Буду жить я в тоске;
Ты ж, кто знает, — в новом круге
Вспомнишь ли о прежнем друге?

Вспомни обо мне хоть раз
В дальней ты дороге:

Друг твой будет каждый час
О тебе в тревоге;
Мысль моя за тобой
Полетит в край чужой.
Ты ж, кто знает,— в новом круге
Вспомнишь ли о старом друге?

Часто буду я блуждать
По брегам уныло
И у камней вопрошать:
Где мой Ангел милой?
Я тебя буду звать,
О тебе все мечтать.
Ты ж, кто знает,— в новом круге
Вспомнишь ли о прежнем друге?

Часто буду обходить
Рощицы и доли
И на память приводить
Прежни дни веселы,
Как жилось нам вдвоем
У любви под крылом.
Ты ж, кто знает,— в новом круге
Вспомнишь ли о прежнем друге?

«Здесь, скажу, у этих струй
Вспыхнул гнев Алинъ;
Здесь согласия поцелуй
Расцвел долины;
Этот луг, этот берег
Был для нас раем нег.
Ты ж, кто знает,— в новом круге
Вспомнишь ли о прежнем друге?

Вкруг тебя в стране чужой
Будут увиваться
Резвы юноши толпой,
Будут, может статься,
Уверять, друг, тебя
И в любви, не любя.
О! кто знает,— в шумном круге
Вспомнишь ли о скромном друге?

Вспомни, свет моих очей!
Не забудь, друг милый,
О любви к тебе моей —
Верной до могилы;
Вспомни, как в первый раз
Ты в любви мне клялась...
О! кто знает, — в шумном круге
Вспомнишь ли о прежнем друге?

СВОБОДА

Обманами твоими
Открылись мне глаза;
Над горестями моими
Смягчились Небеса!

Не ложно ощущаю,
Что нет оков на мне;
Свободу я вкушаю,
Вкушаю не во сне.

Престало сердце страстно
Любовию пылать;
Не буду я напрасно
Терзаться и страдать.

В лице я не краснею,
Услыша голос твой;
Не смутен, не робею,
Встречаясь с тобой.

Сном тихим наслаждаюсь,
Не зря тебя во сне;
Когда же пробуждаюсь,
Не мышлю о тебе.

Расставшись, не желаю
Увидеться с тобой;
Хоть долго не выдаю,
Не мучуся тоской.

Спокойно рассуждаю
О прелестях твоих;
Обманы вспоминаю,
Но не страшуся их.

Как ты ко мне подходишь
И хочешь говорить,
В смятенье не приводишь,
Не можешь возмутить.

С досадой ли зриаешь
Иль с ласкою маня,
Премен не приключаешь
Ты в сердце у меня.

Твои уста престали
Рождать сильнейшу страсть,
А очи потеряли
Над сердцем прежню власть.

В веселье ли бываю
Иль в скуке иногда:
Тебя не обвиняю
Я в этом никогда.

Везде благополучен,
Хоть нет тебя со мной;
Когда ж бываю скучен,
Мне скучно и с тобой.

Я искренне вещаю,
Что в сердце есть, сказал:
Тебя красой считаю,
Но лучших я видал.

Когда ж освобождался,
То должен стыд признать:
Несносно я терзался
И чаял жизнь скончать.

Но чтоб тоской не рваться,
Чтоб свой покой найти,

Чтоб жизнью наслаждаться,
Все можно пренести.

В сеть птичка попадает,
Но вырваться спешит,
Хоть перья оставляет,
Но с радостью летит.

Хоть перьев и лишилась,
Получит их опять.
Напастью научилась,
Как сети убежать.

Ты мнишь, что я, пылая,
Холодность тшусь являть;
Свободу ощущая,
Не в силах я молчать.

То всякому природно
О бедствах рассуждать
И, сердце зря свободно,
Себя увеселять.

Так воин рассуждает,
В каких сраженьях был,
И раны открывает,
Которы получил.

Невольник, сняв оковы,
Веселием горит;
Всегда с восторгом новым
О рабстве говорит.

Я искренне вещаю,
По сердцу моему:
И ведать не желаю,
Ты веришь ли сему.

Пусть будет недостойна
Вниманья речь моя;
Смутна ты иль спокойна,
Не спрашиваю я.

Неверность кто познает,
Избавлен тяготы;
Но кто из нас теряет,
Сама размысли ты.

Хранящих верность строго
Едва ль ты встретишь где;
Как ты, неверных много
Найду себе везде.

* * *

Наконец твои обманы,
Нрав притворный, Ниса, твой
Излечили сердца раны,
Возвратили мне покой.

Я свободен стал неложно;
Усмирилась буйна кровь;
И уж чувствую, что можно
Не носить твоих оков.

Сердцу томному к отраде,
Не терзаюсь грустью я,
И в притворной уж досаде
Не таится страсть моя.

Имя ли твое помянет
Кто в присутствии моем,
Иль хвалить тебя кто станет:
Не тревожусь я ничем.

Я спокойно засыпаю,
Не выдавшись с тобой;
И не первый воображаю,
Пробуждаясь, образ твой.

От тебя не жду смущенья;
Зреть тебя я не ищю;
Зрю тебя без восхищенья
И, расставшись, не грущу.

Не волнуюсь душою,
Вспомня красоту твою.
О слезах, пролитых мною,
Помышляя, слез не лью.

Ты сама о том посудишь,
Вправду ль страсть я победил:
Даже с тем, кого ты любишь,
О тебе я говорил.

Как со мной ни обходись,
Будь хоть ласкова ко мне,
Хоть по-прежнему гордись:
Ставлю все я наравне.

Уж не могут разговоры,
Голос твой меня тронуть,
И твои уж ныне взоры
Потеряли к сердцу путь.

Ты красот не потеряла
И теперь вся хороша;
Но не та уж Ниса стала,
Кем жила во мне душа.

Цепь свою я разрывая,
Только смог не умереть:
Но где твердость есть прямая,
Там чего нельзя стерпеть!

Птичка бедная страдает,
Вольности лишась своей,
И все силы истощает,
Выбиваясь из сетей.

Хоть и перья в них оставит;
Улетит хоть чуть жива:
Но ума себе прибавит —
Вредь не будет такова.

Видя, что воспоминаю
Прежний плен я, Ниса, свой,

Ты помыслишь, что пылаю
И поднесь еще тобой.

Нет! пловец, беды избегший,
Как у пристани стоит,
Об опасности протекшей
С услаждением говорит.

Воин так же, после боя,
Где победа лавр дала,
Любит посреди покоя
Вспоминать свои дела.

И невольник, в чувства новы
Скорбь душевну премея,
Кажет с радостью оковы,
Чтó влачил дотоль, стена.

Истину тебе вещаю:
Верь ты мне или не верь —
Я и ведать не желаю,
Обо мне что мнишь теперь.

Прелестьми гордясь, не льстися
Заменить легко меня:
Не легко найдешь ты, Ниса,
Кто б так верен был, как я.

Я потерю не такую
Сделал важную в тебе:
Ведь обманщицу другую
Скоро лъзя найти везде.

* * *

Да, вы маркиз, я знаю — вы маркиз,
Притом маркиз породы самой чистой,
Как ваш рысак, схвативший первый приз,
На скачке, прошлой осенью, рысистой...

Да, вы маркиз — вам самый черт не брат,
Не одного мы люди с вами сорта,
Вы знаете, что вы аристократ.
Я просто горожанин — Карло Порто...

Окружены вы блеском с юных лет,
Пустую жизнь вы тянете беспечно;
Я, каждый день, за горький труд, чуть свет,
Сажуся — не из прихоти, конечно!

Вы точно — не из избранных умов
(Вы сами в том сознаетесь невольно),
Но сколько перед вами подлецов
Готово льстить и ползать добровольно!

Моя судьба совсем не та... увы!
Поймите горечь искреннего стога,
Не тошно ль мне, когда осел, как вы,
На мой поклон — не отдает поклона?

МАТЬ

В тревоге собрался народ в священный храм
В условный день рекрутского набора:
Семь урн поставлено со жребиями там,
Семь юношей ждут в храме приговора.

Но если враг Италии грозит,
Чего же этим юношам смущаться?
Иль края бедствие в них гнева не родит?
Нет, не отечество сзывает их сражаться
За честь страны своей, за честь своих отцов,
Но палке иноземных пришлецов
Они должны теперь повиноваться.

Но разве кровь в их жилах не течет?
Но разве их теперь не поражает
Страдание и иноземцев гнет?
Глупцы поработанные! Смущает
Вас сила покорителей страны,
Которые вас нравственно растлили,
И вы в своем падении решили:

Мы все для рабства рождены!..

Что ж их отцы? Стоят они с тоскою...
Невесты с женами не в силах слез унять,
И сына каждого дрожащею рукою
Благословляет плачущая мать.
Вон женщина стоит у алтаря —
Бледна, без слез, ни с кем не говоря,
Она вокруг ничего не видит и не слышит,
Лишь грудь ее с волнением сильным дышит.

То — мать. Ей имя — Джулия. Она
Уж сына одного лишилась на чужбине,
И вот теперь о младшем, милом сыне
Заранее скорбеть она должна.
Сын младший, Карл, погибнуть может тоже,
Он в мире ей теперь всего дороже!
И, затаив дыханье, смотрит мать,
Как стали жребии из урны вынимать.

Вот вынут был один, другой и третий,
Но Карла имени никто не произнес...
Четвертый, пятый жребий... Вкруг смотреть ей
Нельзя от набежавших разом слез.
Она надеется... Шестого вызывают,
Но имя юноши другого называют;
Она надеется — и статуей немой
Стоит, не двигаясь... Но миг настал ужасный:
Вот наконец был вызван и седьмой,
И тот *седьмой* — был сын ее несчастный.

Все кончено! Надежды больше нет!
Любимый сын ее — шатаясь мать упала —
Покинет родину, а может быть, и свет
Под роковым орлом австрийского капрала!

* * *

Высокого предчувствия
Порывы и томленье,
Души, господства жаждущей,
Кипящее стремленье
И замыслов событие
Несбыточных, как сон,—

Все испытал он! — счастье,
Победу, заточенье,
И все судьбы пристрастие,
И все ожесточенье! —
Два раза брошен был во прах
И два раза на трон!..

Явился: два столетия
В борении жестоком,
Его узрев, смирились вдруг,
Как пред всеильным роком.
Он повелел умолкнуть им
И сел меж них судьей!

Исчез — и в ссылке довершил
Свой век неимоверный —
Предмет безмерной зависти
И жалости безмерной,
Предмет вражды неистойвой,
Преданности слепой!..

Как над главою тонущих
Растет громадой пенной
Сперва игравший ими вал —
И берег вожделенный
Вотще очам трепещущим
Казавший свысока,—

Так память над душой его,
Скопившись, тяготела!..
Как часто высказать себя

Душа сия хотела,
И, обомлев, на лист начатый
Вдруг падала рука!

Как часто пред кончиной дня —
Дня безотрадной муки, —
Потупив молнии очей,
Крестом сложивши руки,
Стоял он — и минувшее
Овладевало им!..

Он зрел в уме: подвижные
Шатры, равнины боев,
Рядов пехоты длинный блеск,
Потоки конных строев —
Железный мир и дышащий
Велением одним!..

О, под толиким бременем
В нем сердце истомилось
И дух упал... Но сильная
К нему рука спустилась —
И к небу, милосердая,
Его приподняла!..

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Мне этот мил всегда уединенный холм
И эта изгородь, которая скрывает
От взора моего далекий небосклон.
Недвижно здесь сижу, но мысль моя несется
Туда, за этот холм, в безбрежные пространства,
Сверхчеловеческий покой я постигаю
И тишь глубокую,— и страх объемлет сердце.
Вот ветер в кустах шумит,— и сравнивать готов
Я этот шум с покоем бесконечным;
Я думаю о вечности тогда,
Минувшие века я вспоминаю,
И настоящий век, и суету его.
Так в необъятном тонет мысль моя,
И сладко мне погибнуть в этом море.

БЕСКОНЕЧНОЕ

Всегда любил я холм пустынный этот
И изгороди терен, отеснивший
Пред взором край последних отдалений.
Я там сижу, гляжу — и беспредельность
Пространств за терном тесным, и безмолвий
Нечеловеческих покой сверхмирный
Впечатлеваю в дух,— и к сердцу близко
Приступит ужас... Слышу: ветер шуршащий
Отронул заросль,— и слычаю в мыслях
Ту тишину глубокого покоя
И этот голос,— и вспомню вечность,
И мертвые века, и время наше,
Живущий век, и звук его... Так помысл
В неизмеримости плывет — и тонет,
И сладко мне крушенье в этом море.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Мне дорог этот одинокий холм
И эта изгородь: она далёко
Здесь тянется, до края горизонта!

Сидишь и долго смотришь: там, за нею,
Даль бесконечна. В душу проникает
Глубокая, немая тишина,
Покой надмирный,— и невольный трепет
Смиряется. Когда же на мгновенье
Зашелестит вблизи кустами ветер,—
Я сравниваю бедный этот звук
С той необъятной, ровной тишиною.
И вспоминаю прошлое, и вечность,
И нашей жизни мимолетный шум...
Так в бесконечном тонет мысль моя.
Но сладко мне исчезнуть в этом море!

ВЕЧЕР НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА

Ночь безмолвна, ясна, и уж ветер утих,
И покойно плывет над садами луна,
Освещая собой гор далеких вершины.
Все умолкло кругом, дорогая моя!
Поредели огни в темных окнах домов,
И ты спишь, и тобой сладкий сон овладел.
Не терзают тебя ни печаль, ни заботы,
И не ведаешь ты, и не снится тебе,
Как я ранен тобой, ранен в сердце глубоко.
Да, ты спишь, но не я: подошедши к окну,
Шлю я небу привет и могучей природе,
Для страданий меня и для горя создавшей.
Мне сказала она: откажись от надежды!
Даже ею тебя подарить не хочу.
Пускай слезы одне в твоих блещут глазах.

Ныне праздничный день. От забав отдыхая,
Ты, быть может, во сне теперь гредишь о тех,
Кто тебе угодил. Но, конечно, не я
Живу в мыслях твоих: не надеюсь на это.
Почему же, когда вопрошаю себя,
Еще долго ли мне остается здесь жить,
Мысль о смерти меня заставляет дрожать?
Вот я слышу вдали одинокую песнь:
То рабочий поет, день закончив пирушкой,
Под убогий свой кров возвращается он,

И сжимается вновь мое сердце при мысли,
Как на этой земле все проходит бесследно.
Так за праздничным днем день обычный идет,
Все уносит с собой быстролетное время.
Где же слава теперь наших доблестных предков?
Где могучая власть семихолмного Рима?
Где теперь гром побед, наполнявших когда-то
Материк и моря? Все умолкло навеки.
В годы детства я ждал, скоро ль праздничный день,
Столь желанный, придет. А когда он прошел,
Я метался без сна от печали и горя:
Так, в глубокую ночь прозвучавшая, песня,
Удаляясь, потом замирая в пространстве,
Мне сжимала тоской наболевшее сердце.

ВОСКРЕСНЫЙ ВЕЧЕР

Тиха, светла безветренная ночь.
Луна плывет над темными садами,
И в голубом сиянии выступают
Далеких гор вершины. Городок
Покойно спит. Кой-где еще мерцает
Из-за деревьев редкий огонек,
Но мрак аллей безмолвен... Дорогая,
И ты уснула! Сон к тебе слетел
Без горечи, без пасмурной тревоги.
А я тобой глубоко в сердце ранен!
Здесь, у окна, один, ночному небу,
Сияющему ласкою притворной,
Я шлю привет! Великая Природа —
Благодарю! Ты муки мне дала
И молвила: «Живи! Но я лишаю
Тебя надежд. И знай: в твоих очах
Не заблестит огонь... одне лишь слезы!»

Сегодня был веселый, шумный праздник.
Еще теперь — быть может, и во сне —
Ты вспоминаешь о веселых людях,
Об их речах... Увы, — не обо мне!
Надежды нет, я знаю. Что же с грустью
Я думаю о том, как мало мне

Осталось жить, и как темно былое...
Зачем я стал сердиться и роптать? —
Ужасная, мучительная юность!

Вот, слышу я, поет невдалеке
На улице рабочий, возвращаясь
Под свой убогий, одинокий кров.
Должно быть, с поздней дружеской пирушки.
И странно грудь сжимается от боли:
Как быстро все проходит на земле!
Вот и желанный праздник промелькнул,
А там пройдут и будни... Все исчезнет,
Все без следа умчится в глубь времен!
    Где слава предков наших величавых?
    Где доблесть Рима, гром его побед?
    От них стонали и моря и земли!
А ныне — тихо; мир о них молчит;
Все онемело, все давно забыто...

Я помню, в детстве — праздника, бывало,
Задолго ждешь... Но праздник пролетит —
И не уснешь потом от огорченья!

Так, поздней ночью, уличная песня,
Все удаляясь, глухо замирая,
Щемила мне каким-то горем сердце.

К СИЛЬВИИ

Ты помнишь ли еще, о Сильвия, то время
Земного бытия, когда в твоих глазах,
Живых и ласковых, сияла красота,
Когда то радостно, то с тихою печалью
Ты юности своей встречала приближенье?

Немолчным пением твоим звучали сада
Аллеи тихие и комнатка твоя,
Когда сидела ты прилежно за работой,
Счастливая мечтой о розовом грядущем;
А чудный май кругом благоуханье лил.
Так дни твои тогда обычно протекали.

Оставив милый труд и книги, средь которых
Я годы первые с любовью проводил,
С балкона тихого отцовского жилища
Я слушал голос твой, внимательно следя
За быстрой ручкою, по полотну бегущей.
На небо ясное глядел я и на нивы,
И на сады, его лучами залитые.
Виднелись издали там море, здесь гора...
Язык людей не выразит того,
Что в сердце радостном я чувствовал тогда.

Как много было дум, как много упований,
О Сильвия моя! Какой прекрасной нам
Тогда казалась жизнь и — наш грядущий жребий!
Когда я вспомню вас, блестящие надежды,
Душа моя скорбит и грусть теснит мне сердце,
И горе я свое оплакиваю вновь.
Зачем ты, жизнь, своих обетов не сдержала?
Зачем безжалостно ты обманула нас?

И прежде чем зима успела обнажить
Цветущие луга и нивы золотые,
Погибла ты, сраженная недугом,
И юности своей расцвета не видала,
И сердца твоего не радовали ласки,
Ни похвалы твоим роскошным волосам,
Ни взору робкому, исполненному неги;
И о любви с тобой беседы не вели
Подруги юные на празднике всселом.

Как рано и мои надежды улетели
И молодость цветущая моя!
Как рано ты, подруга юных дней,
Надежда ясная, покинула меня!
Так это мир? Так это наслажденья?
Любовь, которая нам сердце волновала?
Так вот судьба людей! Действительность явилась,
И, бедное дитя, погибла ты навеки —
И мне вдали рукою указала
На смерть холодную и камень гробовой.

К СИЛЬВИИ

Ты помнишь ли те золотые годы,
О Сильвия, когда среди утех
К пределам юности ты шла, полна свободы,
Когда так радостно звучал твой звонкий смех!..
Ты помнишь ли, как песнь твоя звенела
И как окрестность вся, ей отвечая, пела!

При светлом празднике сияющей весны
В грядущую судьбу с надеждой взор вперяя,
Вся в благовониях чарующего мая,
Ты забывала мир... тебя ласкали сны;
Проворною иглой работу пробегая,
Ты песней радостной встречала светлый день
И пламенный закат и тихой ночи тень...

Заслышав песнь твою, и я бросал работу,
Бумаги, кипы книг, куда я воплотил
Пыл сердца, разума тревожную заботу,
Куда я часть души чудесно перелил;
Я слышал песнь твою с высокого балкона,
Следя, как гаснет свет в лазури небосклона!..

Еще дрожащий луч дороги золотил,
Росистые сады и моря переливы
И дальних гор хребты, ласкаясь, серебрил,
Как грудь безжалостно сжимал порыв тоскливый,
И слов в тот чудный миг язык не находил,
Но сердце пело мне, что я тебя любил!..

Ты помнишь, Сильвия, ту пору золотую,
Надежды светлые и чистую любовь,
Зачем? Когда мой дух переживет их вновь,
В моей душе печаль, я плачу, я тоскую,
Я говорю, зачем судьба нам улыбалась.
И обманула нас, и прочь любовь умчалась!..

И прежде чем зима ковер цветов измяла,
Недугом ледяным измята, не цвстя,
Сошла в могилу ты, о нежное дитя,
Тебе любовь хвалы еще не расточала!..

С тобой погибло все навек в душе моей,—
Надежда робкая и радость юных дней.

Таков весь этот мир!.. Восторги и страданья
И громкие дела и даже ты, любовь,—
Ничто, коль пала ты, прекрасное созданье,
Лишь холод Истины на нас повеял вновь!..
Ты пала и рукой холодной и бессильной
Мне указать могла один лишь холм могильный!..

СИЛЬВИИ

Ты помнишь ли, Сильвия, время
Далекой, умчавшейся жизни,
Когда красота озаряла
Твой быстрый и ласковый взгляд,
И — то весела, то в раздумьи —
Встречалась ты с юностью ранней?
С утра в твоей комнатке тихой
И в садике ближнем звучали
Веселье, нежные песни,
И ты, наклонясь над работой,
Сидела, мечтая с улыбкой
О будущем, смутно-желанном...
Был май ароматный: и ровно
Текли эти ясные дни.

А я оставлял свои книги —
Привычный и радостный труд,
В котором с такою любовью
Растратил я лучшие годы!
С балкона отцовского дома
Я слушал твой сладостный голос,
Следил я за маленькой ручкой,
Скользившей легко по шитью;
Смотрел на лазурное небо,
Сады и поля золотые,
Далекое море и горы...
Не выразят речи людские,
Что на сердце было тогда!

Какие счастливые думы,
Какие надежды, мечты!
Как дивны тогда нам казались
Неведомой жизни черты!
Я вспомню — и сердце сжимает
Холодная, лютая скорбь!
И снова, в отчаяньи страстном,
Твержу я: зачем же ты, жизнь,
Обетов своих не сдержала?
Зачем легковерных детей
Ты грубо и зло обманула?

И раньше, чем зимние вьюги
Успели поля обнажить,
Погибла ты, бедная птичка!
Сраженная злобным недугом,
О, Сильвия, ты не дождалась
Расцвета своей красоты;
Не слышала ты удивленных
Похвал твоим косам тяжелым
И робости нежной очей;
И в праздник не шепчешь подругам
О милом заветных речей...
Погибли недолгие грезы!
Судьба задушила навек
Мечты моей юности.— Рано
Умчалась живая надежда,
Весенняя спутница счастья,
Умчалась, оплакана мною!
Так вот она, жизнь? вот то счастье,
Тот светлый, волнующий сон,
Где сердцем так часто мы жили?
Так в этом — природы закон?

С дыханием жизни суровым,
Бедняжка, ты скрылась с земли
И мне указала рукою
На смерть, под холодным покровом,
И черную яму вдали.

СИЛЬВИИ

Ты помнишь, Сильвия, еще
Твоей земной и смертной жизни время,
Когда сияла красота
В твоих глазах смеющихся и ясных
И ты, задумчивая, улыбаясь,
Перешагнула юности порог.

Неслись по тихим
Тропам окружным и светелкам
Неумолкающие песни.
В то время как за женской работой
Сидела ты, довольна
Тем, что тебе нашептывали грезы.
Был благовонный май: и так обычно
Ты проводила день.
И я тогда прекрасные науки
Вдруг покидал и рукописи те,
К которым в ранней юности моей
Привык склоняться я и дни и ночи,
Внизу, с крыльца отеческого дома
Прислушивался к пенью твоему,
К твоей руке проворной,
Порхающей по грубой ткани.
Я любовался ясным небом.
Тропами благовонными, садами,
Соседним морем, дальними горами.
Не в силах смертный выразить язык,
Что чувствовал я сердцем,
Какие сладкие надежды,
Мечты какие, Сильвия моя!

Какой тогда являлась
Жизнь человеческая и судьба.
Когда я вспоминал о тех надеждах,
Меня охватывало чувство
Безудержной печали
И заставляло сожалеть о жизни.
Природа, о Природа,
Зачем ты не дала мне
Того, что обещала? Для чего
Обманываешь ты своих детей?

Ведь прежде, чем зима скосила травы,
Ты, побежденная болезнью скрытой,
Погибла, нежная. Не увидала
Расцвета жизни своего.
И сердца твоего не уладили
Ни сладость похвалы, ни смоль кудрей,
Ни речи тихие в тебя влюбленных,
Подруги в праздник
С тобой не рассуждали о любви.
Ты рано умерла,
Надежда сладкая моя! Лишила
Меня судьба от первых дней моих
Веселой молодости. Как,
О, как случилось это,
Любимая подруга детских лет,
Оплаканная мной надежда?

Так вот он, этот мир! Так вот они,
Те наслажденья, ласки, те дела,
К которым мы стремились вместе!
Ужели такова судьба людская!
Несчастливая! Погибла ты, столкнувшись
С действительностью. И она рукою
Смерть ледяную, голую могилу
Тебе показывала издалёка.

К САМОМУ СЕБЕ

И вот, ты можешь навсегда почить,
Усталое, измученное сердце.
Последнее исчезло обошщенье,
Которое казалось вечным мне!..
Исчезло! И в груди моей не только
Надежды, но желанья даже нет!
Усни теперь! Довольно билось ты!
Нет ничего, что было бы достойно
Здесь на земле биенья твоего.
Не стоит даже вдоха эта жизнь.
Она горька, и грязен мир. Усни же,
Отчаявшись в последний раз! Судьбой
Дано в удел нам умирать — и только.

Презрения исполнен я к тебе,
Природа,— злая сила, что, во мраке
Таясь, царит на гибель человека,—
И к беспредельной мира суете!

К СЕБЕ

Теперь усни без грез и пробужденья,
О сердце, утомленное борьбой!
Пора пришла. Погибни заблужденье —
Надежды призрак роковой.
Надеяться душа моя устала,
Я не хочу обманов золотых.
Довольно ты, о сердце, трепетало:
Усни — земля не стоит слез твоих.
Мир этот — грязь, жизнь — горечь и мученье,
Ни счастья нет, ни радости для нас.
Желанное вкуси отдохновенья,
Отчаяньем замри в последний раз.
Одно судьба дарует нам — могилу.
О, презирай отныне, сердце, ты
Природы злой бессмысленную силу
И вечный мрак ничтожной суеты.

К САМОМУ СЕБЕ

Засни навек в груди моей больной,
Замученное сердце! Обаянье
Обман свое утратил надо мной,
И нет во мне вернуть его желанья!
Погибло все, что в помыслах моих
Казалось мне и дорого и свято,
И к рухнувшим надеждам дней былых —
Я чувствую глубоко — нет возврата!
Мне лжи не надо! Ясно все теперь,
Неумолимо ясно все мне стало,
Умри же, сердце бедное! Поверь,
Довольно ты напрасно трепетало!
Нет смысла в горестном биении твоём,
И... целый мир не стоит сокрушенья!

Жизнь — ложь и горечь... только грязи ком
Весь шар земной... лишь призрак — все творенье!..
В последний раз, в отчаяньи немом
Ты содрогнись над участью бесцельной
Всего, что рок, в могуществе слепом,
Обрек на смерть и гибель безраздельно...
И, подавив бессильный ужас свой,
Простясь навек с страданием напрасным,
Сумей застыть в груди моей больной
В презрении холодном и бесстрастном
К себе, к другим... и к грубой силе той,
Что, слепо всем в природе управляя,
Все сущее лишь к бездне роковой
Небытия ведет, не уставая.

К САМОМУ СЕБЕ

Теперь отдохнешь навсегда,
Усталое сердце мое.
Исчез и последний обман,
Который я вечным считал.
Исчез, и, я знаю, отныне
Уж нет дорогих обольщений:
Не только надежда во мне,
Но даже желанье угасло.
Усни же теперь навсегда:
Довольно ты билось, о сердце.
Уж нет ничего, что бы было
Достойно биений твоих,
И вздохов не стоит земля.
Жизнь — горечь и скука, и только.
Мир грязен. Отныне умолкни,
В последний отчаявшись раз.
Судьба дала нашему роду
Единственный дар: это смерть.
Отныне себя презирай,
Природу, ужасную силу, —
Которая втайне царит
На гибель всеобщую, — и
Тщету беспредельную мира.

САМОМУ СЕБЕ

Теперь ты успокоишься навеки,
Измученное сердце!..
Исчез обман последний,
Который вечным мне казался,— он исчез,
И чувствую глубоко, что во мне
Не только все надежды
Обманов дорогих,
Но и желанья самые потухли.
Навеки успокойся. Слишком сильно
Ты трепетало. Здесь ничто не стоит
Биенья твоего. Земля
Страданий наших недостойна:
Жизнь — горечь или скука. Ничего
В ней больше нет. Мир — грязь.
В отчаяньи навеки успокойся:
Нам ничего судьбою, кроме смерти,
Не суждено. Отныне презираю
Я сокровенное могущество природы,
Бессмысленное, правящее всем,
Чтоб уничтожить все,
И беспредельную тщету вселенной!

САМОМУ СЕБЕ

Теперь навсегда отдохни ты,
Усталое сердце мое. Погиб уж последний обман,
А вечным считал я его. Погиб он. И знаю:
Не только надежда — желанье обманов нам милых
Угасло в груди. Отдохни же навеки;
Довольно ты билось, сердце. Ничто не
Достойно биений твоих, и вздохов
Не стоит земля. Жизнь — горечь и скука,
И все тут. Мир — грязь лишь одна.
Отныне утихни; в последний раз ввергнись
В отчаянье, сердце. Нам — роду людскому —
Судьбою дана только смерть.
Отныне себя презирай ты, природу,
Ту грубую силу, что властвует тайно
На общую гибель, и мира тщету без предела.

САМОМУ СЕБЕ

Теперь усни — и навсегда, о сердце!
Исчез последний дорогой обман,
Который я считал неразрушимым.
Исчез и он. Теперь не только веры,—
Нет у меня желаний! Тише, сердце:
Ты слишком долго билось. Мир не стоит
Твоих тревог. Земля не стоит слез.
Жизнь — только мрак и горечь, только грязь!..
Все кончено. С отчаяньем последним
Пойми, что нам дана судьбою в дар
Одна лишь смерть. И заклеими презреньем
Себя, природу, ненасытный Рок,
На гибель нам царящий и надменный,
И суету безмерную вселенной!

К САМОМУ СЕБЕ

Итак, теперь ты навсегда утихнешь,
О, сердце утомленное мое.
Погиб обман последний, крайний, тот,
Который я считал в себе бессмертным.
Я чувствую, что умерла не только
Надежда на обманы дорогие,
Погасло их желанье. Успокойся,
Навеки. Ты довольно трепетало.
Нет ничего, что б стоило твоих
Движений, и земля не стоит вздохов.
Тоска и горечь — наша жизнь, не больше;
Мир — грязь. Теперь притихни и замри.
В последний раз отчайся. Рок нам не дал
Иного дара, кроме умиранья.
Отныне презри самого себя,
Природу, оскорбительную силу,
Которая, скрываясь, направляет
Ущербом общим, презри бесконечность
Тщеты всего.

ПАРОВАЯ ГИЛЬОТИНА

(На мотив Джусти)

Что Китай — страна застоя
Повторяет целый свет;
Заблуждение пустое!
В нем на каплю правды нет!
Я, напротив, твердо знаю,
Что в прогрессе ни одна
Не ушла вперед Китая
Европейская страна.

Зоркий гений «сына Неба»
Там избавил от забот
Чтущий власть превыше хлеба
Неиспорченный народ,
И охраной просвещенной
Бдит над обществом закон,
А недавно премудренный
Аппарат изобретен.

Остроумная машина
(При пособии паров)
Режет, будто гильотина,
Сразу тысячи голов.
И притом такое чудо
Устрашения людей
Перевозится повсюду
Только парой лошадей.

И умно, и дальновидно!
А бранить Китай — поди ж,
Вся Европа, где постыдно
В наши дни сожгли Париж,
Где правители «льют слезы»
Из-за «каменной крепостей»,

И наводят митральезы
Против женщин и детей.

Где войска, как в лихорадке,
Кровь людскую льют ручьем,
И расстреливать десятки
Тысяч стало нипочем...
Где под звуки барабана
Мир дивит — геройство вновь
И воителей Седана,
И Базена «женихов».

Пусть стратегикам Версали
Трудно чести не отдать...
Отличились!.. но едва ли
Все же им Китай догнать!
Вот когда бы гильотины
Новой знал Версаль секрет,
Прогрессивнее картины
Мог свидетелем быть свет!

УЛИТКА

Честь улитке! честь улитке!
Скромной доблести почет!
В роговом ее завитке
Мудрость мирно почитет,
Без тщеславья — хоть нарядный,
Прочный дом ее и кров
Мучит завистью изрядной
Всех бездомных бедняков!
Высунь, улитка, высунь рога!
Друга найдешь ты во мне, не врага!

Всем довольная — бесстрастно —
Мирно жизнь влачит она,
Не волнуется напрасно

И сама себе верна.
До забот мирских ни крошки
Ей, спокойной, дела нет;
Для нсе в своем окошке
Заключается весь свет!

Высунь, улитка, высунь рога!
Ты хоть к поступкам других не строга.

Образец прямой — смиренья,
Цвет она своей страны
(Все мы в этом, без сомненья,
Подражать бы ей должны).
Жажда света, права, знаний
Тварь такую не томит.
Без напрасных порываний
Славно жрет она и спит.

Высунь, улитка, высунь рога!
Тварь ты, зато никому не слуга!

Но... для чревоугожденья
Ей рискнуть на подлость — лень...
И улитка — убежденья
Не меняет каждый день.
А почтенную такую
Прочность взглядов и идей
Мы не встретим зачастую
В самом обществе людей...

Высунь, улитка, высунь рога!
Благо, что ты хоть на злое туга!

В наши дни... среди раздолья
Пошлых дел и громких слов,
Щеголенья чуждой ролью
Маскированных ослов,
Лишь она — без лжи презренной
Дорога нам откровенной,
Честной трусостью своей!

Высунь, улитка, высунь рога!
Ты откровенностью мне дорога!

Моралисты с взглядом строгим,
Неужли такой закал
Твари, счастливой немногим,
Для людей не идеал?
И когда от лжи избытка
Жить нет мочи наконец,
Неужель для них улитка —
Не желанный образец?
    Высунь, улитка, высунь рога!
    Благо, что ты хоть на злое туга!

СУЩНОСТЬ ЛЮБВИ

В возвышенных сердцах любовь приют находит,
Как птичка робкая в тени густых деревьев:
Природа нам ее сама в сердца низводит,
А ранее любви ведь не было сердец;

И свет не ранее, чем солнце, появился,
Но в то ж мгновение стал греть всех без конца:
Он вместе с теплотой во все сердца пролился;
Так точно жар любви объемлет нам сердца...

Не отразит алмаз в себе звезду Востока,
Пока он солнечных лучей не отразил:
Лишь солнцем просветлен от всякой тьмы глубоко,

Он отражения способность получил!
Любовью дама то лишь сердце наполняет,
Которое добром для подвигов сияет.

* * *

Любовь и сердце высшее — одно:
 Был прав мудрец, сих слов провозвеститель,—
 С душой разумной разум разлучите ль?
 Не разлучить и тех двоих равно.

Природою влюбленною дано
 Царю-Амуру сердце как обитель.
 И долго ль, нет ли, спит в чертоге житель;
 Настанет срок — подвинется оно.

Женой смиренномудрою предстанет,
 Взор мужеский пленяя, Красота.
 Желание родится. Не устанет

Тревожить сердце нежная мечта,
 Доколе не разбудит властелина.
 Так и жене достойный лишь мужчина.

<КАНЦОНА ИЗ «ПИРШЕСТВА»>

О вы, чей разум движет сферу третью!
 Услышьте тайный помысл мой сердечный!
 Зане другим сказать бы я не мог
 Столь новых дум. Свод неба быстротечный,
 Влекомый вами, жизнь мою, как сетью,
 Своим круговращением увлек.
 Итак, сколь долу горестен мой рок,
 Достоинно вам поведаю, благие
 И мудрые бесплотные! Молюсь,
 Внемите вы, какой тоской томлюсь
 И как душа стенает и какие,
 Ей прекословя, речи говорит
 Тот дух, чей звездный лик меж вас горит.

Бывало, сумрак сердца оживляла
 Небесная мечта. Ее державе
 Владыки вашего святил я в дань.

Жену я видел в лучезарной славе.
Столь сладко горний свет мечта являла,
Что дольную душа рвалась грань
Переступить. Но враг подьмет брань.
Душа бежит гонителя. Владеет
Мной деспот новый и волнует грудь.
Он на жену другую мне взглянуть
Велит. «Кто зреть спасенье вожделеет,—
Так шепчет он,— пусть в очи смотрит ей,
Коль не страшится вздохов и скорбей».

Но с помыслом губительным враждует
Умильная мечта, что говорила
Мне о жене, увенчанной в раю.
Душа, чью боль она заворожила,
Осиротев, мятется и тоскует,
Утешною зовет мечту свою.
Корит глаза: «Разлучницу мою
В который час, мятежные, узрели?
И вас она? О новой сей жене,
Ослушные, не верили вы мне!
Мечи для душ таких, как я, горели
В очах убийственных. Я не могла
Те очи скрыть от вас — и умерла!»

«Нет, ты не умерла, но ужаснулась
Внезапности, душа, и возропала,—
Ей молвит некий дух, любви посол:—
Прекрасную узрев, иной ты стала.
Преобратясь, почто же содрогнулась,
И малодушный страх в тебя вошел?
Смири мятеж и побсди раскол!
Сколь мудрая приветно-величава,
Сколь благочестна, кротости полна!
Отныне госпожа твоя — она.
Окрест ее чудес столь многих слава,
Что скажешь ты: «Вотще была борьба,
Господь любви, се аз, твоя раба!»

О песнь моя! согласным одобреньем
Принять могущих весть твою — немного;
Твой смысл доступен, ведаю, не всем.

Коль темная ведет тебя дорога
Ко встрече с равнодушьем и бореньем,
Утешься, и кому глагол твой нем,
Ответствуй на вопрос его: зачем?
Твое вещанье странно и неясно?»
«Пусть весть темна, но я ль не сладкогласна?»

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

АД

Из песни I

Путь жизненный пройдя до половины,
Опомнился я вдруг в лесу густом,
Уже с прямой в нем сбившихся тропины.

Есть что сказать о диком лесе том:
Как в нем трудна дорога и опасна,
Робеет дух при помысле одном,

И малым чем смерть более ужасна.
Что к благу мне снискал я в нем, что зрел —
Всё расскажу, и повесть не напрасна.

Не знаю сам, как я войти успел, —
Так сильно сон клонил меня глубокой,
Что истого пути не усмотрел.

Но у горы подножия высокой,
Где бедственной юдоли сей конец,
Томившей дух боязнию жестокой, —

Взглянул я вверх: и на холме венце
Сиял лучей бессмертного светила,
Вожатая заблудшихся сердец.

Тут начала слабость испуга сила,
Залегшего души во глубине,
Доколе ночь ее глухая тьмила;

И как пловец, чуть дышащий, но вне
Опасности, взор с берега обращает
К ярящейся пожрать его волне,—

Так дух мой (он еще изнемогает)
Озрелся вспять на поприще взглянуть,
Которым жив никто не протекает.

Усталому дав телу отдохнуть,
Пошел я вновь, одной ногое другою
Творя подпор и облегчая путь.

ИЗ ЧЕТВЕРТОЙ ПЕСНИ «АДА»

В главе моей, глубоко усыпленной,
Внезапный гром раздался: я вскочил,
Как человек, испугом пробужденный.

Кругом себя я пристально водил
Пытливый взор, покоем освеженный,
Желая знать то место, где я был.

Под нами вниз спускались бездны склоны;
И скорбью злой кипела бездна эта,
И в вечный гром ее сливались стоны,

И глубина была без цвета:
Мой острый взор, как ни пытался дна,
На что упасть, не обретал предмета.

«Под нами ад — слепая глубина!
Сойдем в нее; я первый — ты за мною»,—
Вождь рек и стал бледнее полотна.

Заметив то, я с трепетной душою
К учителю: «Когда робеешь ты,
То чем же я свой трепет успокою?»

И он в ответ: «Напрасны суеты!
При виде бездны сей многострадальной
Мою тоску за трепет принял ты.

Идем, идем: нас путь торопит дальный!» —
Так говоря, мы вместе с ним вступали
Печальной бездны в круг первоначальный;

И здесь, когда прислушиваться стали,
Здесь не был плач, не вопли муки, но
Вздыханья вечный воздух волновали:

От скорби без мучений было то;
И скорбью той мужчины, жены, дети,
Все возрасты страдали заодно.

Учитель мне: «Ты не спросил, кто эти?
И почему вздыханьям их нет меры?
Греху они не попадали в сети:

Меж ними есть и доблести примеры.
Но мало то: они не крещены
И не прошли вратами вашей веры.

До христианства в мире рождены,
Пред светом истины смыкали вежды:
Я в их семье, участник их вины.

Мы здесь живем — несчастные невежды,
Погибшие незнанием: наш удел —
Томиться всё желаньем без надежды».

АД

Из песни V

Я был в краю, где смолкнул свет лучей,
Где воздух воет, как в час бури море,
Когда сразятся ветры средь зыбей.

Подземный вихрь, бушуя на просторе,
С толпою душ кружится в царстве мглы:
Разя, вращая, умножает горе.

Когда ж примчит к окраине скалы,
Со всех сторон тут плач, и стон, и крики,
На промысел божественный хулы.

И я узнал, что казни столь великой
Обречены плотские те слепцы,
Что разум свой затмили страстью дикой.

И как густой станицею скворцы
Летят, когда зимы приходит время,
Так буйный ветер несет во все концы,

Туда, сюда, вниз, кверху злое племя;
Найти покой надежды все прошли,
Не облегчается страданий бремя!

И как, крича печально, журавли
Несутся в небе длинною чертою,
Так поднята тем ветром от земли

Толпа теней, и нет конца их вою.
И я спросил: «Какой ужасный грех
Казнится здесь под темнотою ночью?»

И мне учитель: «Первая из тех,
О коих ты желаешь знать, когда-то
Владычица земных наречий всех,

Так сладострастием была объята,
Что, скрыть желая срам свой от граждан,
Решилась быть потворницей разврата.

Семирамиду видишь сквозь туман:
Наследовав от Нина силу власти,
Царила там, где злобствует султан.

Другая грудь пронзила в дикой страсти,
Сихею данный позабыв обет;
С ней Клеопатра, жертва сладострастий».

Елена здесь, причина стольких бед;
Здесь тот Ахилл, воитель быстроногий,
Что был сражен любовью средь побед;

Здесь и Парис, здесь и Тристан, и много
Мне указал и назвал он теней,
Низвергнутых в сей мир любовью строгой.

Пока мой вождь мне исчислял царей,
И рыцарей, и дев, мне стало больно,
И обморок мрачил мне свет очей.

«Поэт,— я начал,— мысль моя невольно
Устремлена к чете, царящей там,
С которой вихрь так мчится произвольно».

И он: «Дождись, когда примчатся к нам:
Тогда моли любовью, их ведущей,—
И прилетят они к твоим мольбам».

Как скоро к нам принес их ветер ревуший,
Я поднял глас: «Не скрой своей тоски,
Чета теней, коль то велит всесущий!»

Как, на призыв желанья, голубки
Летят к гнезду на сладостное лоно,
Простерши крылья, нежны и легки,

Так, разлучась с толпою, где Дидона,
Сквозь мрак тлетворный к нам примчались вновь:
Так силен зов сердечного был стона!

«О существо, постигшее любовь!
О ты, который здесь во тьме кромешной
Увидел нас, проливших в мире кровь!

Когда б Господь внимал молитве грешной,
Молили б мы послать тебе покой
За грусть о нашей скорби неутешной.

Что скажешь нам? что хочешь знать? открой:
Всё выскажем и выслушаем вскоре,
Пока замолк на время ветра вой.

Лежит страна, где я жила на гóре,
У взморья, там, где мира колыбель
Находит По со спутниками в море.

Любовь, сердец прекрасных связь и цель,
Моей красой его обворожила,
И я, лишась ее, грущу досель.

Любовь любимому любить судила
И так меня с ним страстью увлекла,
Что, видишь, я и здесь не разлюбила.

Любовь к одной нас смерти привела;
Того, кем мы убиты, ждут в Кайне!» —
Так нам одна из двух теней рекла.

Склонив чело, внимал я о причине
Мучений их, не подымал главы,
Пока мой вождь: «О чем ты мыслишь ныне?»

И, дав ответ, я продолжал: «Увы!
Как много сладких дум, какие грезы
Их низвели к мученьям сей толпы?»

И к ним потом: «Твоей судьбы угрозы
И горестный, Франческа, твой рассказ
В очах рождают состраданья слезы.

Но объясни: томлений в сладкий час
Чрез *что* и *как* неясные влеченья
Уразуметь страсть научила вас?»

И мне она: «Нет большего мученья,
Как о поре счастливой вспоминать
В несчастьи: твой вождь того же мненья.

Ты хочешь страсти первый корень знать?
Скажу, как тот, который весть печали
И говорит и должен сам рыдать.

Однажды мы, в миг счастья, читали,
Как Ланчелот в безумии любил:
Опасности быть вместе мы не знали.

Не раз в лице румянца гаснул пыл,
И взор его встречал мой взор беспечный;
Но злой роман в тот миг нас победил,

Когда прочли, как поцелуй сердечный
Был приманен улыбкою к устам,
И тот, с кем я уж не расстанусь вечно,

Затрепетав, к моим приникнул сам...
Был Галеотто автор книги гнусной!..
В тот день мы дальше не читали там!»

Так дух один сказал, меж тем как грустно
Рыдал другой, что в скорби наконец
Я обомлел от повести изустной

И пал без чувств, как падает мертвец.

АД

Песнь первая

На подороге странствия земного
Себя увидел я в лесу глухом,
Затем что сбился я с пути прямого.

О, как же трудно описать стихом
Тот мрачный лес, столь дикой и глубокой,
Что я дрожу при мысли лишь об нем!

Едва ль страшней миг смерти недалекой.
Но, так как благо я в лесу обрел,
Скажу, что раньше видело там око.

Не вспомнить мне, как я спустился в дол:
Я словно сонным шел по бездорожью,
Когда с дороги истинной сошел.

Но, наконец, я подступил к подножью
Холма, где тот заканчивался бор,
Который сердце мне наполнил дрожью,—

И к озаренным высям поднял взор,
Уже одетым в свет того светила,
Чей луч ведет отвсюду на простор.

Сиянье это ужас мой смирило,
Что в озере души всю ночь стоял,
Пока меня отчаянье томило.

Как человек, что, задыхаясь, встал
На берег, выйдя из морской пучины,
Глядит назад и видит грозный вал,—

И дух мой так, покинув дно долины,
Еще дрожа, глядел назад, где мгла,
Откуда жив не вышел ни единый.

Когда ж усталость несколько прошла,
Стал подниматься я на склон отлогий;
Ногой опорной — низшая была.

И вот, на первых же шагах дороги,—
Пятнистой шкуры выставив наряд,
Пантера, легкий зверь и быстроногий,

Бесстрашно встретив мой упорный взгляд,
Она мне путь столь грозно заступала,
Что я не раз бежать хотел назад.

Был ранний час, и солнце поднимало
С тем сонмом звезд свой лик на высоту,
Как в оный день, когда Любви Начало

Впервые двинуло их красоту.
Меня бодрило многое в невзгоде:
Убор пантеры, тешащий мечту,

Час дня и месяц, всех нежнее в годе,—
Но был охвачен ужасом былым
Я, льва увидя на пустынном восходе.

Поднявши голову, алчбой томим,
Ко мне как будто он стремил движенья,
И воздух словно трепетал пред ним.

За львом волчица шла; все вожделенья,
Казалось, в худобе своей тая,
Она уж многим принесла мученья!

Под тяжестью сдавилась грудь моя:
Столь властный страх ее метали взгляды!
На высь надежду вновь утратил я.

Скупец, упорно собиравший клады,
Теряя их, и плачет, и дрожит,
Ни в чем себе не ведая отрады.

И я, в тот час, имел такой же вид,
Когда, за шагом шаг, без состраданья,
Зверь гнал меня туда, где день молчит.

Я в дол срывался, где познал блужданья,
И некто вдруг явился предо мной.
Без голоса от долгого молчанья

Казался он; к нему, в глуши лесной,
«О, сжался ты над мною! — возопил я. —
Кто б ни был, тень иль человек живой!»

В ответ: — «Не человек, но оным был я.
Меня отец-ломбардец породил,
И мантуанца прозвище носил я.

Sub Julio, но поздно, в Риме жил
При добром Августе я, в век известный,
Что призрачных богов и ложных чтил.

Поэт я был; воспет мной благочестный
Анхисов сын, кто кинул Илион,
Когда был Трои град сожжен чудесный.

Но почему вспять шаг твой обращен,
К печалям всем, а не к прекрасным горам?
Путь и начало всяких благ — сей склон!»

«Ужель Вергилий ты, тот ключ, в котором
Берет исток река великих слов?» —
Так я ответил, со смущенным взором.

«О, честь и светоч всех других певцов!
Да значат мне любовь к тебе и рвенья
Вникать усердно в смысл твоих стихов!

Учитель мой! мой образец! Творенья
Твои мне дали тот хороший слог,
Которым мог снискать я одобренья.

Се — зверь, меня что гонит без дорог!
Мудрец прославленный! Меня избавить
Ты в силах: я дрожу и изнемог!»

«Иным путем ты должен шаг направить,—
Ответил он, в слезах мой видя лик,—
Коль ты готов сей дикий край оставить.

Зверь, у тебя что исторгает крик,
Не терпит на своем пути другого,
А кто противится, тот гибнет вмиг.

Он нрава столь свирепого и злого,
Что ввек не насыщает свой живот,
Но, глад насытив, больше алчет снова.

Совокупляясь, много привлечет
Зверей еще он, не придет доколе
Пес, что его, в мученьях, загрызет.

Питаньем Псу не серебро, не поле,
Но мудрость, добродетель и любовь,
И край от Фельтро к Фельтро будет долей.

Несчастную Италию он вновь
Спасет, за кою девушка Камилла,
Турн, Эвриал и Нис пролили кровь.

Через грады все его погонит сила
Волчицы и низвергнет в самый Ад:
Ее откуда зависть возродила.

Но должен ты — мой это видит взгляд —
Идти за мной; я буду твой водитель
Через царства вечные, а не назад.

Прискорбных стонов узришь ты обитель,
Страданья древних душ, что тщетно ждут,
Чтоб снова смерть пришла как избавитель!

И узришь тех, что в пламени живут
Счастливыми, надеждой утешаясь,
Что в круг блаженных и они войдут.

Коль жаждешь к ним взнестись ты, возвышаясь,—
Душа придет достойней, чем моя:
Ей поручу тебя я, расставаясь.

Тот Властелин, кто держит те края,
Не хочет, чтоб туда я был вожатый:
Ведь был врагом его закона я.

Царит он всюду: там — его палаты,
Его престол, его нетленный свет.
Блаженны те, кто в этот град прияты!»

И я ему: «Молю тебя, поэт,
Во имя бога, коего не знал ты!
Чтоб минул я и тех и горших бед,

Веди меня в те царства, что назвал ты,
Чтоб стал у врат я, пред Петром Святым,
И зрел несчастных, коих описал ты!»

Он двинулся, я вслед пошел за ним.

ЧИСТИЛИЩЕ

(Отрывок)

Для плаванья на благостном просторе
Подъемлет вдохновенье паруса:
Жестокое мой челн покинул море.

Пою второго царства чудеса,
Где дух, от скверн очистившийся, станет
Достоин взнестись на небеса.

Здесь мертвая поэзия воспрянет:
Коль ваш, святые Музы, я пророк.
Во весь свой рост Каллиопея встанет

Со звоном, что Пиерия сорок
В отчаянье поверг: напела лира
Соперницам безумным горький рок.

Цвет сладостный восточного сафира,
По первый круг сгущаясь в вышине
Чистейшего, прозрачного эфира,

Опять целил и нежил очи мне,
Так долго мертвым воздухом, без света,
Дышавшему в исхоженной стране.

Любови благосклонная планета
Гасила Рыб-сопутниц, веселя,
Прекрасная, свой край лучом привета.

Направо свод сияньем убеля,
Меж звезд искрились ясные четыре;
Их знал Адам и первая земля.

Тех пламеней нет радостнее в мире.
О Север, вдовый, южный их узор
Не блещет на твоей ночной порфире.

Уж Колесницы не мерцал собор
На супротивном полюсе вселенной,
Куда нескоро перевел я взор.

Мне старец предстоял достопочтенный,
Маститой убоился я красоты,
Как пред отцом робеет сын смиренный.

Делились на две ровных полосы,
На грудь сбегая, с длинною брадою,
Ручьем черно-серебряным власы.

Он осиян был силою святою
Звезд четырех, как будто бы в упор
Взирал на солнце прямо пред собою.

«Кто вы? Слепой реке наперекор,—
Он рек, честное зыбля оперенье,—
Как, узники, бежали на простор?»

Кто в долах тьмы давал вам уверенье
Стези надежной? Из темницы вон
Лампады чьей вело вас озаренье?

Что ж? Преисподней погран ли закон
Иль отменен уставом свыше новым?
Запретен осужденным сей притон?»

Касаньем рук, бровей движеньем, словом
Наставник мой вложил мне в мысль совет
Склонить колени пред судьей суровым.

Сам речь держал: «Моей тут мысли нет.
Сошедшая с небес в мои юдоли
Жена святая мне дала завет:

Сего путеводить. Но так как боле
Ты хочешь знать о путниках — изволь:
Мой долг твоей послушествовать воле».

Он смерти не вкусил еще; но столь
Безумно жил он, что во тьме греховной
Блуждал на шаг от гибели, доколь

Я не был послан благостью верховной
С ним разделить глубоких странствий труд:
Иной тропы нет в мир ему духовный.

Я показал ему проклятый люд;
Пусть узрит ныне, коих очищает,
К спасенью предназначенных, твой суд.

Повествовать мне время воспрещает.

АД

Песнь первая

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!

Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаше.

Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.

Но, к холмному приблизившись подножью,
Которым замыкался этот дол,
Мне сжавший сердце ужасом и дрожью,

Я увидал, едва глаза возвел,
Что свет планеты, всюду путеводной,
Уже на плечи горные сошел.

Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.

И словно тот, кто, тяжело дыша,
На берег выйдя из пучины пенной,
Глядит назад, где волны бьют, страха,

Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.

Когда я телу дал передохнуть,
Я вверх пошел, и мне была опора
В стопе, давившей на земную грудь.

И вот, внизу крутого косогора,—
Проворная и вьющаяся рысь,
Вся в ярких пятнах пестрого узора.

Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись.

Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звезды вновь,
Что в первый раз, когда их сонм прекрасный

Божественная двинула Любовь.
Доверясь часу и поре счастливой,
Уже не так сжималась в сердце кровь

При виде зверя с шерстью прихотливой;
Но, ужасом опять его стесня,
Навстречу вышел лев с поднятой гривой.

Он наступал как будто на меня,
От голода рыча освирепело
И самый воздух страхом цепеня.

И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.

Меня сковал такой тяжелый гнет
Перед ее стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот.

И как скупец, копивший клад за кладом,
Когда приблизится пора утрат,
Скорбит и плачет по былым отрадам,

Так был и я смятением объят,
За шагом шаг волчицей неумемой
Туда теснимый, где лучи молчат.

Пока к долине я свергался темной,
Какой-то муж явился предо мной,
От долгого безмолвья словно томный.

Его узрев среди пустыни той,
«Спаси,— воззвал я голосом унылым,—
Будь призрак ты, будь человек живой!»

Он отвечал: «Не человек; я был им;
Я от ломбардцев низвожу мой род,
И Мантуя была их краем милым.

Рожден sub Julio, хоть в поздний год,
Я в Риме жил под Августовой сенью,
Когда еще кумиры чтит народ.

Я был поэт и вверил песнопенью,
Как сын Анхиза отплыл на закат
От гордой Трои, преданной сожжению.

Но что же к муке ты спешишь назад?
Что не восходишь к выси озаренной,
Началу и причине всех отрад?»

«Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? —
Ответил я, склоняя лик смущенный. —

О честь и светоч всех певцов земли,
Уважь любовь и труд неутомимый,
Что в свиток твой мне вникнуть помогли!

Ты, мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде перевозносимый.

Смотри, как этот зверь меня стеснил!
О вещий муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил!»

«Ты должен выбрать новую дорогу, —
Он отвечал мне, увидав мой страх, —
И к дикому не возвращаться логу;

Волчица, от которой ты в слезах,
Всех восходящих гонит, утесняя,
И убивает на своих путях;

Она такая лютая и злая,
Что ненасытно будет голодна,
Вслед за едой еще сильнее алкая.

Со всяческою тварью случена,
Она премногих соблазнит, но славный
Нагрянет Пес, и кончится она.

Не прах земной и не металл двусплавный,
А честь, любовь и мудрость он впустит,
Меж войлоком и войлоком державный.

Италии он будет верный щит,
Той, для которой умерла Камилла,
И Эвриал, и Турн, и Нис убит.

Свой бег волчица где бы ни стремилась,
Ее, нагнав, он заточит в Аду,
Откуда зависть хищницу взманила.

И я тебе скажу в свою череду:
Иди за мной, и в вечные селенья
Из этих мест тебя я приведу,

И ты услышишь вопли исступленья
И древних духов, бедствующих там,
О новой смерти тщетные моленья;

Потом увидишь тех, кто чужд скорбям
Среди огня, в надежде приобщиться
Когда-нибудь к блаженным племенам.

Но если выше ты захочешь взвиться,
Тебя душа достойнейшая ждет:
С ней ты пойдешь, а мы должны проститься;

Царь горних высей, возбраня вход
В свой город мне, врагу его устава,
Тех не впускает, кто со мной идет.

Он всюду царь, но там его держава,
Там град его, и там его престол;
Блажен, кому открыта эта слава!»

«О мой поэт, — ему я речь повел, —
Молю Творцом, чьей правды ты не ведал:
Чтоб я от зла и гибели ушел,

Яви мне путь, о коем ты поведал,
Дай врат Петровых мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал».

Он двинулся, и я ему вослед.

БОЛЬШОЙ МОРГАНТ*(Отрывок)*

«Другой еды запросишь поневоле:
Мы к доброму столу привыкли, дядя!
Не видишь, ростом он каков, тем боле?
Червя не заморишь, с крупинкой сладя».
Хозяин им: «Дать желудей вам, что ли?
Чего я вам добуду на ночь глядя?»
И начал изъясняться горделиво,
Так что Моргант сидел нетерпеливо.

Он колокольным языком ударил
Его разок-другой. Тот в крик — не шутка!
Маргутт же молвил: «Надо, чтоб обшарил
Я сам весь этот дом,— одна минутка...
Ты б нам, хозяин, буйвола зажарил,
Во двор, я вижу, входит он. А ну-тка,
Раздуй очаг; едва моргнем, ты слушай.
Ну, угощай нас буйволовьей тушей».

Тот в страхе вздул огонь, боясь ответа.
Маргутт схватил одну из перекладин.
Хозяин заворчал. Маргутт на это:
«А вижу я, ты до побоев жаден.
Что ж класть в огонь для этого предмета?
Не ручку ж от лопаты? То-то складен!
Позволь уж мне распорядиться пиром».
На этом буйвол был изжарен с миром.

Не думайте, что зверя свежевали:
Он брюхо лишь вспорол у туши дюжей.
Как будто в доме все его уж знали,
Приказывал, кричал, серчал к тому же.
Вот доску длинную нашел он в зале
И приспособил вмиг ее снаружи,
Стол мясом загрузил, вином и хлебом:
Моргант мог уместиться лишь под небом.

Был буйвол съеден весь на этом пире,
Вин выпита немалая толика,
Исчез весь хлеб — четверика четыре,
Маргутт позвал хозяина: «Скажи-ка,
Подумал ты о фруктах и о сыре?
Ведь это скушать — дело не велико.
Все волокни, что спрятано по дырам!»
Послушайте ж, как было дело с сыром.

Хозяин отыскал круг сыра где-то,
Примерно форму шестифунтовую;
Да яблок вынес, благо было лето,
Корзиночку, и то полупустую.
Маргутт, как только оглядел все это,
Сказал: «Видали бестию такую?
Язык взять колокольный вновь придется,
Коль иначе обеда не найдется.

Пить по глоточкам при его ли росте?
Пока я возвращусь, ты без обману
Кати нам бочки, раз пришли мы в гости,—
Чтобы вина достало великану,
Иль он тебе пересчитает кости!
Я, как мышонок, всюду шарить стану,
И, если что найду про нашу долю,
Увидишь, принесу ль припасов вволю!»

Тут начал рыскать по дому повсюду
Маргутт: все сундуки в дому калечит,
Бьет и ломает утварь всю, посуду,—
Что ни разыщет, то и изувечит;
Последнюю кастрюлю валит в груды;
И сыр и фрукты — всё наружу мечет.
Морганту приволок мешок громадный.
Все исчезает снова в глотке жадной.

Хозяин, слуги — все дрожат до пота,
Хоть и усердствуют служить прилично.
Хозяин тут подумал: неохота
Молодчиков таких кормить вторично.
Заплатят нам, когда дойдет до счета,
Своим пестом — бери деньгой наличной.

А съели столько, что за месяц времени
Не проглотить и целому бы племени.

Моргант, когда наелись, и помногу,
Хозяину сказал: «Пойди проспаться!
А завтра, как обычно, в путь-дорогу
Отправимся — так надо сосчитаться.
Не обочтем тебя, оставь тревогу,
Сумеем все довольными остаться».
Хозяин же возьми да и ответь им,
Что эту ночь сочтет — тысячелетьем.

ВЛЮБЛЕННЫЙ РОЛАНД

(Отрывок)

Роланд и Агрикан вступили снова
В жестокий бой по воле нежной страсти.
Не видел мир побоища такого!
Бойцы друг друга резали на части.
Зрит Агрикан, что рать его готова
Рассеяться, уж нет над нею власти.
Роланд же перед ним стоит так близко,
Что избегать единоборства низко.

И сразу мысль в мозгу его созрела:
Завлечь Роланда в лес и, где их двое
Останется, убить его и смело
Вернуться в тот же час на поле боя.
«Тех трусов разгромить — пустое дело
И одному!» Еще не знал героя
Сам Галафрон, и все в поганой рати
Прыщом его считали — да некстати.

И замысел исполнен. Агрикана
Конь во весь дух уносит по равнине...
Роланд не понял хитрости: обмана
Подозревать не мог он в паладине.
За беглецом он устремился рьяно,—
И вот они в лесу. Посередине
Всегда тенистой луговины злачной
По мураве струится ключ прозрачный.

Здесь Агрикан и спешился, желая
Сам отдохнуть и сил коню прибавить.
Сел на траву, но, шлема не снимая,
Меч при себе и щит решил оставить.
Тут и Роланд, минуты не теряя,
К тому ключу успел коня доправить
И, видя Агрикана, крикнул зычно:
— Ну и храбрец! Как убегал отлично!

Терпеть позор ужели рыцарь станет,
Сопернику ужель покажет спину?
Бежать от смерти? — Труса смерть обманет.
Кто честно жил, как дар прими кончину.
Отважного она не больно ранит,
Легко придет он к вечному притину,
А кто за жалкий век свой кровью платит,
Тот с жизнью заодно и честь утратит.

Царь на коня вскочил без промедленья
И так ответил, повода не тронув,
Учтливой речью, полной умиленья:
— Не видывал подобных я баронов!
За вежество и храбрость ты спасенья
Достоин. Нет среди людей законов
Превыше чести: ты в разгаре боя
Нам показал бесстрашие героя.

Тебе я жизнь оставляю. Но покорно
Прошу мне не мешать. Дозволь признаться:
Я, чтоб тебя спасти, бежал притворно,
Иначе я не мог за дело взяться.
Но если драться будем мы повторно,
Ты здесь не должен с жизнью распрощаться.
О солнце и луна! Удостоверьте,
Что вовсе не ищу твоей я смерти.

Ответствовал Роланд добросердечно,
Уже невольной жалостью смущенный:
— Ты рыцарствуешь,— молвил,— безупречно.
Сразимся... Но страшусь, что некрещеный
Ты здесь умрешь и попадешь навечно
В сонм окаянных, мукам обреченный.
Хочу, чтоб спас и душу ты и тело.
Крестись — и уходи на волю смело.

Тот отвечал, в Роланда взор вперяя:
— Коль ты, храбрец, христианин, тем паче
Ты сам Роланд,— на все услады рая
Не променяю нынешней удачи.
Но говорю, тебя предупреждая:

О вере спор не затевай — иначе
Пустое словопренье мы устроим;
Пусть каждый веру защищает боем.

И смолкли. Царь извлек свою Траншеру
И на Роланда бешено стремится.
Теперь меж ними бой идет за веру —
Пред их отвагой солнца луч затмится!
Секут и рубят, распаясь не в меру,
Грудь с грудью, как искусство учит биться;
С полудня и до полночи глубокой
Меж храбрецами длится бой жестокий.

Меж тем уж солнце скрылось за горою,
И вызвездило небо; ночь спадала.
Тут граф сказал: — Нельзя ночной порою
Бой продолжать. — Не думая нимало,
Так Агрикан ответил: — Нам с тобою
Здесь на траве прилечь бы не мешало.
А завтра утром, с первыми лучами,
Мы можем вновь заговорить мечами.

Решили вмиг. Ослабив узденицы
Своим коням, их в роще привязали
И на траву легли, испив водицы,
Как будто бы вражды и не знавали.
Роланд разлегся ближе, у криницы,
А Агрикан устроился подале,
Но в той же самой роще, под одною
Огромною развесистой сосною.

Шел разговор меж ними величавый
О том, что их достойно обруженья.
И, глядя в небосвод, сиявший славой,
Промолвил граф: — Предивное творенье!
Все создано Единого державой,
И дня восход, и ночи нисхождение,
Сребро луны и звезд несчетных злато —
Всем род людской бог наградил богато.

Ответил Агрикан: — Я разумею,
Что хочешь ты беседовать о вере.

Но никаких я знаний не имею,
Сызмальства убегал от школьной двери.
А после череп проломил злодею
Учителю — но возместить потерю
Уже не мог, меня, как грех случился,
Боялись все, и я уж не учился.

Я с детства не знавал иных занятий,
Как зверя бить, владеть мечом умело.
Над буквами корпеть с какой же стати?
Читать и думать — рыцарское ль дело?
По-моему, должны мы и в дитяти
Лишь ловкость упражнять и силу тела.
Наука — для ученых и священства.
Важней в другом достигнуть совершенства.

— Да, рыцаря первейшее призванье —
Оружие; мы думаем согласно.
Но человека украшает знанье:
Поляна без цветов не так прекрасна.
Тот — вол, камень, бездушное созданье,
Кто о Творце не мыслит ежечасно.
Но без науки мыслить мы не можем
О высшей мощи, о величье божьем.

А Агрикан ответил: — Неприлично
При очевидном перевесе биться:
Тебе открылся я и самолично
В учености твоей мог убедиться.
Ты говори, — мне и молчать привычно,
Иль спи, коль есть охота, сколько спится.
Так начинай, но только по условию,
Пленяй меня лишь кровью и любовью.

Прошу тебя, как человека чести,
Скажи — я жду правдивого ответа:
Ты ль тот Роланд, которого без лести
Высоко чтут во всех пределах света?
Как ты пришел? Зачем ты в этом месте?
Влюблен ли так же, как в былые лета?
Ведь рыцарь без любовного порыва
Лишь с виду жив, но сердце в нем не живо.

Ответил граф: — Я тот Роланд, которым
Убит Альмонт с Трояном — было дело.
Весь мир презреть я вынужден Амором —
Он вел меня до чуждого предела.
Раз занялись мы длинным разговором,
Признаюсь, что душой моей всецело
Владеет ныне дочка Галафрона,
Живущего в Альбракке без урона.

С ее отцом воюешь, хочешь кровью
Залить поля и замутить криницы.
А я сюда был приведен любовью.
Единственно во славу той девицы,
По верности, по чести и словью
Я много раз касался узденицы;
Чтоб путь завоевать к прекрасной даме,
Я бьюсь — иными не пленен мечтами.

Лишь Агрикан из речи убедился,
Что то — Роланд, в Анджелику влюбленный,
В лице превыше меры изменился,
Но скрыл волненье, ночью защищенный.
Душой, умом и сердцем распалился,
Стонал и плакал, как умалишенный, —
Удары сердца так в груди стучали,
Что чуть не умер он в своей печали.

Потом сказал Роланду: — Сам с собою
Поразмышляй — едва лишь солнце глянет,
Мы выйдем в поле и приступим к бою,
И кто-нибудь из нас уже не встанет,
Так обращаюсь с просьбою одною:
Чтоб раньше, нежели этот суд настанет,
Желанную души своей царицу
Ты бы отверг и отдал мне девицу.

Не потерплю я, жизнь доколе длится,
Чтобы другой любил тот лик прелестный.
На утре дня один из нас лишится
Души своей и дамы в битве честной.

И кроме ручейка, что здесь струится,
О том узнает только лес окрестный,
Что ты отверг ее в таком-то месте,
В такой-то срок — не долог он, по чести.

Роланд ответил: — Не сдержать обета
Мне не случилось, если обещаю.
Но если я пообещаю это,
Хоть клятвенно, — не выполню, я знаю.
Глаза свои скорей лишу я света,
Сам собственное тело искромсаю —
Без сердца и души мне легче влечься,
Чем от любви к Анджелике отречься.

Царь Агрикан, пылавший свыше мочи,
Не потерпел такого возраженья,
И хоть была лишь середина ночи,
Сел на Баярда и в вооруженье,
Уверенно и гордо вскинул очи.
И, вызывая графа на сраженье,
Воскликнул: — Рыцарь, о желанной даме
Теперь забудь иль ратоборствуй с нами.

Уже и граф схватил арчак рукою,
Лишь прянул царь, врага сразить взыскуя;
Быть преданным языческой душою
Боялся он и, на коне гарцуя,
Отважной речью отвечал такую:
Ее никак отвергнуть не могу я, —
И если б мог, все ж не отверг бы милой,
А ты ее получишь — за могилой.

Как в море вихрь вдруг зашумит жестоко,
Два рыцаря напали друг на друга,
На травяном лугу, в ночи глубокой.
Пришпорили коней, зажали туго;
Врага при свете лунном ищет око,
Безжалостны удары архалуга,
Затем что каждый — доблестный боец...
Но замолкаю: песни здесь конец.

НЕНЧА ИЗ БАРБЕРИНО

Я посвящаю песню милой даме,
Прекраснее которой не найдешь.
Пылающему сердцу временами
На месте оставаться невтерпеж.
Она стрельнет горящими глазами —
И кончено: свободы не вернешь.
Я в город ездил, езжу по округе,
Но равных не встречал моей подруге.

Я в Эмполи и в Прато был не раз,
И в Борго, и в Мангоне, и в Гальяно,
В Сан-Пьеро торговал и здесь у нас,
На самой верхотуре — в Декомано.
Один базар меня одним потряс,
Другой другим, но должен без обмана
Сказать: нигде торговли лучше нет,
Чем в Барберино, где живет мой свет.

Я благородней Ненчи ненаглядной
Девуц не видел, не встречал скромней;
Ни у кого такой головки ладной
И светлой нет, как у любви моей.
По-праздничному на душе отрадно,
Когда глазами я встречаюсь с ней.
А дивный носик моего кумира —
Ни дать ни взять работа ювелира.

Кораллам губки алые под стать,
За ними два ряда зубов белеют —
И в том и в этом штук по двадцать пять,
И снег ланиты посрамить сумеют —
Не надо и к белилам прибегать,
И круглый год на щечках розы рдеют,
Всегда, что называется, в цвету.
Как не влюбиться в эту красоту?

Ее глазам мужчины знают цену.
Еще бы! Ненча, бросив взгляд-другой,

Прошьет не то что сердце, но и стену,
Тогда как сердце — камень у самой.
Поклонники за нею, рады плену,
Таскаются хвостом, и, сам не свой,
От зависти я помираю черной,
Что нет меня среди толпы покорной.

Я целый день махать мотыгой мог,
А нынче — дудки: как ни лезь из кожи,
Дай бог, чтоб сил хватило на часок.
Я высох, как подстилка из рогожи:
За стол сажусь — не лезет в рот кусок.
Любовь меня измучила, и все же,
Сказать по чести, я и впредь готов
Мириться с крепостью ее узлов.

Я сравниваю Ненчу с городскими —
Она не хуже тысяч городских
С хорошими манерами своими,
С умением изъясняться вроде них.
Глаза что уголь, волосы над ними —
Под цвет снопа и книзу из прямых
Становятся волнистыми-волнистыми,
Оканчиваясь кольцами пушистыми.

Когда она, как козочка легка,
Танцует, сразу видно — мастерица:
То вдруг рукой коснется башмачка,
То мельницею вновь пойдет кружиться;
Потом поклон и новых два прыжка,
Чтоб снова грациозно поклониться,
Да так, что флорентийкам испокон
Не снился грациознее поклон.

Ей не годится ни одна в подметки:
Она румяна в меру и бела,
И ямка ей к лицу на подбородке,
Да и умом любовь моя взяла,
Совсем необязательным красоте.
Такой природа Ненчу создала,
Видать, затем, чтоб людям стало ясно,
Что и природа может быть пристрастна.

Кого в супруги Ненча изберет,
Захочет свадьбы сразу, без отсрочки;
Кто к этому цветку найдет подход,
Родился не иначе как в сорочке;
Счастливецем из счастливецев будет тот,
Кто сможет убедиться среди ночи,
Что на его руке — ее щека,
Как сало и упруга и мягка.

Когда б ты знала, Ненча дорогая,
Как мается несчастный однолюб,
От нестерпимой муки изнывая,
Как будто рвут ему за зубом зуб,—
Когда б ты знала, ты б, не размышляя,
Вдохнула снова жизнь в ходячий труп,
Счастливым сделав твоего Валлеру,
Что скоро в счастье потеряет веру.

Но я боюсь, уж ты не обессудь,
Что ты своей жестокостью довольна.
Я с удовольствием рассек бы грудь,
Когда б не знал, что это очень больно,
И сердце протянул тебе — взглянуть,
Что сделала ты с ним, пускай невольно:
Вонзи в него, я разрешаю, нож —
И ты, услышав «Ненча», все поймешь.

Когда я перехватываю взгляды,
Которые к тебе устремлены,
Я скрыть не в состоянии досады,
И что со мной — видать со стороны,
Любовь-злодейка не дает пощады,
И день и ночь к тебе обращены
Мои мольбы, признанья, вздохи, стоны,
Но уши Ненчи им внимать не склонны.

Сегодня я до самого утра
Не спал: тянулось время еле-еле,
И все скотину гнать не шла пора,
А раньше ты не выйдешь. Я с постели
Вскочил — и час, а может, полтора
За дверью протоптался. Неужели

Не смилуется надо мной луна?
Но вот погасла наконец она.

Ты из овчарни вышла со скотиной
И верным псом. Я был настолько рад,
Что мигом позабыл о ночи длинной
И слезы счастья застелили взгляд.
Вооружившись тут же хворостиной,
Я впереди себя погнал телят.
Я не спешил, я ждал тебя, понятно,
Но оглянулся — ты идешь обратно.

Я на траве разлежусь у пруда
И понял, что напрасно жду, не скоро —
Наверно, через полчаса, когда
Твои ягнята мимо без надзора
Прошли. Ну где же ты? Иди сюда.
Неужто испугалась разговора?
Одно составим стадо мы из двух:
Как хорошо — пастушка и пастух!

Я во Флоренции под воскресенье,
Даст бог, неплохо плетиво продам.
Проси любой подарок без стеснения,
Поскольку я напрашиваюсь сам.
Что выбрать? Разреши мои сомненья,
А то когда еще я буду там.
Булавки? Пудру? Может быть, белила?
Все будет, что бы ты ни попросила.

А может, лучше нитку красных бус,
Как у красавиц городских на шее?
Скажи, чтобы на твой мне выбрать вкус, —
Брать покороче или подлиннее?
И если даже я не сбуду груз,
Я без подарка не вернусь. Скорее
Я выточу из собственных костей
Костяшки бус для радости моей.

Но где ты? Почему не отвечаешь?
Не спрашивал бы, если знать бы мог,
Какой подарок ты предпочитаешь.

Застежки? Ленту? Или поясок?
А может, ты о кошельке мечтаешь?
Недолго присмотреть и кошелек.
А может быть, купить моей голубке
Воздушных кружев для отделки юбки?

Уже мои телята у ворот,
И головы пересчитать бы надо —
Сойдется или не сойдется счет.
А вдруг отбился кто-нибудь от стада?
Боюсь, мне это даром не пройдет.
Меня зовут. Прощай, моя отрада,
Я по дороге песню допою:
Давно пора бежать, а я стою.

СТАНСЫ НА ТУРНИР*(Отрывок)*

Уже Зефир от зимнего покрова
Очистил склоны и вершины гор,
И ласточка под сень гнезда родного
Уже вернулась, и зеленый бор
Поутру пеньем оглашался снова,
И умножало эхо птичий хор,
И мудрая пчела, едва светало,
За сладкою добычей вылетала.

Отважный Юлий с первым светом дня,
Когда сова спешит вернуться в нору,
Велел взнудать горячего коня
И поскакал с избранниками к бору,
Что спал вдали, охотников маня.
Псаря искусно сдерживали свору;
Еще молчали звонкие рога,
И зверь не знал о близости врага.

Но вот уже ватагой удалою
Обхвачен лес — и тварям не до сна.
Проходы сетью забраны густою,
Легавых дразнит запахов волна:
Дай волю им — они помчат стрелою.
Все громче шум: сменилась тишина
Визгливым лаем, ржаньем, свистом, стуком,
И звук рогов нестройным вторит звукам.

С подобным шумом Зевс на землю шлет
Огонь сквозь тучи, скрывшие светило;
С подобным грохотом лавина вод
Обрушивается с порогов Нила;
Так, яростно взревев, кровавый счет
Труба Мегеры тевкрам предъявила.

Иные твари мечутся в кустах,
Иных поджать хвосты принудил страх.

Охотники — кто сети наблюдает,
Кто в узком месте стал, где нет сетей;
Иной уже собак со свор спускает,
Иной решил, что не спешить — мудрей;
Кто поле на коне пересекает,
Кто с пикою, кто с луком ждет зверей,
Кто, осторожность проявив и сметку,
На дереве высоком сел на ветку.

Проснувшись, вепрь свирепые клыки
В овраге точит для смертельной схватки;
Олени мчатся полем взапуски;
Лиса забыла хитрые повадки,
И, от собак спасаясь, русаки
Бегут куда попало без оглядки.
Коварный волк, петляя меж древес,
Защиты ищет, углубляясь в лес.

Но много ль смысла в этой перемене?
Легавым ноздри чуткие даны;
Борзых трепещут быстрые олени,
Сетей и медеянок — кабаны.
Коня направив под густые сени
(Его коню и шпоры не нужны),
Летит по лесу Юлий вездесущий,
Погибель зверю дикому несущий.

Кентавры так охотятся в лесах
Пелийских, не однажды глаз проверя
И на медведях, и на грозных львах,
И чем бесстрашней зверь, тем больший зверя
Охватывает перед ними страх,
И тварь бежит, в спасенье тщетно веря:
Сквозь бор кентавры мчатся напролом,
Валя деревья на пути своем.

О, как великолепен Юлий, мчащий
Сквозь лес непроходимый напрямик,
Чтоб зверь, сокрытый непроглядной чашей,
Не ведал передышки ни на миг.
Власы в пыли. Прекрасен взор горящий.
Увенчан ветвью вдохновенный лик.
Амур недаром выбрал час охоты,
Чтоб с юношей свести предерзким счеты.

И вот он создал лань под стать живой
Из воздуха искусными руками,
Сверкающую снежной белизной,
С высоким лбом, с ветвистыми рогами.
Заворожен красавицей лесной,
Едва она перед его очами
Возникла, Юлий бросился за ней,
Оставив для нее других зверей.

Его стрела за тварью быстроногой
Не угналась — и всадник меч схватил
И, словно лес широкой был дорогой,
Быстрее, чем прежде, скакуна пустил,
Не сомневаясь, что еще немного —
И загнанная лань падет без сил.
Он в мыслях меч уже в нее вонзает,
Однако жертва снова ускользает.

Чем дальше он за призраком спешит,
К нему прикован вожделенным взглядом,
Тем больше неудачею убит,
Когда казалось, что удача рядом.
В стигийских водах так Тантал стоит,
Нависшим над рекой любуясь садом,
Но пить захочет — нет как нет воды,
Захочет подкрепиться — где плоды?

Уже давно, боясь отстать от лани,
Не слышит Юлий голосов вокруг.

Он чувствует, что конь уже на грани
Бессилия. Но поредели вдруг
Деревья, место уступив поляне:
Охотник въехал на цветущий луг,
И там — под легкой тканью покрывала —
Увидел нимфу; тварь тотчас пропала.

Пропала тварь, но что ему она
Теперь, когда, пленен другим виденьем,
Он останавливает скакуна,
Поводья резким натянув движеньем.
Он очарован. Грудь его полна
Досель ему неведомым волненьем:
Таких очей прекрасных до сих пор
И стана стройного не видел взор.

**ОТРЫВОК ИЗ XXXIV ПЕСНИ
«НЕИСТОВОГО ОРЛАНДА»**

Увы, мы носим все дурачества оковы
И все терять готовы
Рассудок, бранный дар небесного отца!
Тот губит ум в любви, среди неги и забавы,
Тот, рыская в полях за дымом ратной славы,
Тот, ползая в пыли пред сильным богачом,
Тот, по морю летя за тирским багрецом,
Тот, золота искав в алхимии чудесной,
Тот, плавая умом во области небесной,
Тот с кистью в руках, тот с млатом иль с резцом.
Астрономы в звездах, софисты за словами,
А жалкие певцы за жалкими стихами:
Дурачься, смертных род, в луне рассудок твой!

ОКТАВЫ ИЗ «БЕШЕНОГО РОЛАНДА»

Из песни I

Красавица — как роза молодая,
Доколь она, родимых честь садов,
В них кроется, беспечно почивая,
Сбережена от стад и пастухов;
Лелеет ветер, заря поит росую,
Любима всем, и небом и землею,
И спор у дев: кому ее сорвать,
Чьи волосы, чью грудь ей украшать.

Но чуть ее сорвут с куста родного
И сломят стебель, иная сй чреда:
Любви людей, благих небес покровя
И всех даров лишилась навсегда.
Так дѣвице назначен труд прилежный:
Как свет очей, как жизнь беречь свой нежный
Цветок; не то при всей красе она
Влюбленным всем постыла и скучна.

Из песни XXIII

Цветущий лес, луга, ручей прохладный,
Пещера, где, роскошствуя в тени,
С прекрасною Ангеликой в отрадной
Златой любви так быстро мчались дни!
(По ней толпа влюбленных воздыхала;
Она в моих объятьях почивала.)
Чем, бедный я Медор, какой ценой
Вас награжу, как не души хвалой?

Всех вас молю: и юных дев пригожих,
И рыцарей, кому любовь мила,
Живущих здесь, проезжих и прохожих,
Хоть воля вас, хоть нужда привела,—
Лугам, древам, цветам, водам скажите:
«Счастливые, под солнцем век живите».
Вы ж, нимфы, их блюдите от вреда;
Гоните прочь и бури и стада.

**ИЗ АРИОСТОВА
«ORLANDO FURIOSO»**

Canto XXIII

100

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогий спит у стада.
Устал под латами герой—
Его манит ручья прохлада.
Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокий и ужасный.

102

Гуляя, он на деревьях
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...
И в самом деле в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам-друг являлся иногда.

103

Орланд их имена читает,
Соединенны вензелом;
Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все, может быть,
Другой, не этой Анджеликой.

104

Но вскоре, витязь, молвил ты:
«Однако ж эти мне черты
Знакомы очень... разумею,
Медор сей выдуман лишь ею,
Под этим прозвищем меня
Царевна славила, быть может».
Так, басней правду заменя,
Он мыслит, что судьбе поможет.

105

Но чем он более хитрит,
Чтоб утушить свое мученье,

Тем пуще злое подозренье
Возобновляется, горит;
Так в сетке птичка, друг свободы,
Чем больше бьется, тем сильней,
Тем крепче путается в ней.
Орланд идет туда, где своды
Гора склонила на ручей.

106

Кривой, бродящей повиликой
Завешен был тенистый вход.
Медор с прелестной Анджеликой
Любили здесь у свежих вод
В день жаркий, в тихий час досуга
Дышать в объятиях друг друга,
И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их мелом, углем иль ножом
Везде счастливыцы написали.

107

Туда пешком печальный граф
Идет и над пещерой темной
Зрит надпись — в похвалу забав
Медор ее рукою томной
В те дни стихами начертал;
Стихи, чувств нежных вдохновенье,
Он по-арабски написал,
И вот их точное значенье:

108

«Цветы, луга, ручей живой,
Счастливый грот, прохладны тени,
Приют любви, забав и лени,
Где с Анджеликой молодой,
С прелестной дочерью Галафрона,
Любимой многими, порой
Я знал утехи Купидона.
Чем, бедный, вас я награжу?

Столь часто вами охраненный,
Одним лишь только услужу —
Хвалою и просьбою смиренной.

109

Господ любовников молю,
Дам, рыцарей и всевозможных
Пришельцев, здешних иль дорожных,
Которых в сторону сию
Фортуна заведет случайно, —
На воды, луг, на тень и лес
Зовите благодать небес,
Чтоб нимфы их любили тайно,
Чтоб пастухи к ним никогда
Не гнали жадные стада».

110

Граф точно так, как по-латыни,
Знал по-арабски. Он не раз
Спасался тем от злых проказ,
Но от беды не спасся ныне.

111

Два, три раза, и пять и шесть
Он хочет надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нет того, что есть.
Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно.
И наконец на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

112

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.

Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

НЕИСТОВЫЙ ОРЛАНД

Из песни XIV

Как мухи, слившись, свившись в рой,
С жужжанием садятся
На чашу с медом в летний зной,
Или скворцы стадаются
Во время осени золотой
Над спелым виноградом:
Так мавры этою порой,
Сплотя отряд с отрядом,
Кипят, волнуются, шумят,
И все на битву рады,
Все на Париж бросают взгляд
И требуют осады.

Настал кровавой битвы час,
И верные толпами
Бегут на стены, воужась
Огнем, мечом, стрелами;
Надежный родины оплот,
Они бесстрашно бьются;
Один падет, другой вперед;
Все в битву грудью рвутся;
Ударят — и ряды врагов,
Удар прияв жестокий,
Стремглав со стен высоких в ров
Широкий и глубокий.

Спасая христиане град,
Всё в помощь призывали:
И камни, и зубцы оград
На мавров с стен летали,

Обломки зданий, иногда
И кровли самых башен;
Всего же более тогда
Им кипяток был страшен;
Лиясь дождем, он проникал
Под шлемы и забрала
И очи бедным ослеплял,
И тьма их облегала.

НЕИСТОВЫЙ ОРЛАНД

(Отрывок)

Пока Руджер глядит на лес знамен,
На рать, что встать за Францию готова,
И про вождей британских, чьих имен
Он не запомнил, спрашивает снова,
К себе вниманье привлекает он
Конем — здесь видят первый раз такого,
И любопытные по одному,
Не выдержав, сбегаются к нему.

На удивленье любопытным взорам,
Еще сильнее интерес дразня,
Руджер, почти не прибегая к шпорам,
Играючи летучего коня
Внезапно поднял над земным простором,
Столпившихся вокруг оцепеня,
И в сторону Ирландии направил
И вскоре небо Англии оставил.

И вот внизу Гиберния лежит —
Туманный край, где в глубине колодца,
Который старцем праведным отрыт,
От скверны очищение дается.
И снова над водой Руджер летит,
Как вдруг над морем остров выдается,
И Анжелику, приглядысь к земле,
Он видит, что прикована к скале.

Я вам уже упоминал Гебуду,
Которую прозвали Остров слез
Благодаря безжалостному люду,
Что злую славу острову принес
Тем, что прекрасных женщин отовсюду
Чудовищу прожорливому вез,
Где только флотом в поисках ни рыща,
Чтоб чудищу была живая пища.

Сегодня Анжелики был черед,
Оставленной на крутизне обрыва,
Где каждый день морского гада ждет
Ужасный пир, кровавая нажива.
Я выше говорил про злой расчет
Тех, кто схватил красавицу трусливо,
Когда, волшебником усыплена,
С ним рядом на траве спала она.

Для чудища, что в море всех лютее,
К нагому камню в утреннюю рань
В ее природной нагоде злодеи
Очередную приковали дань.
Живые розы, свежие лилеи
Не облакала никакая ткань —
Цветы, которым не страшна угроза
Ни знойного июля, ни мороза.

Руджер бы, вероятно, посчитал,
Что мраморное видит изваянье,
Что скульптор на скалистый пьедестал
Поставил вдохновенное созданье,
Но слезный ток, что перси орошал,
Являя неподдельное страданье,
Приметил он среди лилей и роз
И колыханье золотых волос.

И, взор очей прекрасных встретя взором,
Проникся он участием живым,
И образ Брадаманты, о котором
Он только что не думал, встал пред ним.
И он коня сдержал в полете скором
И молвил деве, жалостью палим:

«Достойная любви, о, почему ты
Здесь, на скале? Что значат эти пути?»

Любовных лишь достойную цепей,
Кто осудил тебя на эти муки
И, красоты не пощадив твоей,
Отметил синяками белы руки?»
И кошениля сделалась красней
Она, услыша этой речи звуки:
Тем более при столькой красоте
Стыд пеленою служит нагоде.

Руками бы лицо она закрыла,
Когда бы их освободить могла,
А так — слезами горькими кропила,
Потупясь, чтоб не поднимать чела.
Хотела говорить, вздохнув уныло,
Однако только-только начала,
Слова застряли в горле: не успела
Начать, как море страшно зашумело.

Вот раздалась невдалеке вода,
Чудовище открыв наполовину,
Которое, как долгий челн, когда
Борей торопит или австр к притину,
Спешит туда, где на виду еда
Являет вожделенную картину.
Несчастливая от страха чуть жива,
И звук пустой утешные слова.

Руджер с размаха ударяет гада,
Копья не выпуская из руки.
Проворно извивается громада,
Размерам исполинским вопреки.
Про голову сказать особо надо
Ее глаза кабаньи и клыки.
Как раз меж глаз пришлось копые сначала,
Однако будто камень повстречало.

Не повезло, но всадник терпелив,
И вновь грозит копыем его десница.

Меж тем, причиной зла вообразив
Тень на воде, страшилище ярится
И, верную добычу позабыв,
Уже настигнуть призрачную тщится.
Его в покое оставлять нельзя,
И вниз Руджер бросается, разя.

Как в поднебесной вышине парящий
Орел при виде лакомой змеи,
Ползущей ли, на солнышке лежащей
В уборе золотистой чешуи,
Не нападет со стороны шипящей,
Но в тело когти погрузит свои,
Следя за головой змеиной сзади,
Затем что помнит о смертельном яде,—

На тот же самый действуя манер,
Удары не вблизи клыкастой пасти,
Но в темя или в спину, например,
Наносит и в огромный хвост отчасти,
Чуть что — отскакивая прочь, Руджер,
Но не в его, не в человеческой власти
Пробить булатом чешую, когда,
Как яшма все равно, она тверда.

Так муха в пыльном августе атаки
Ведет на пса — что дерзкой мухе пес! —
Иль раньше чуть, когда тучнеют злаки,
Иль в пору сока из янтарных лоз,
И непрерывно вьется вокруг собаки,
То в глаз укусит, то вопьется в нос,
И клацают вотще собачьи зубы:
Один лишь раз не промахнуться псу бы!

Чудовище хвостом по морю бьет,
Плеща до неба ледяным фонтаном,—
И конь как будто по волнам плывет,
А вовсе не летит над океаном.
Была бы хоть лодчонка или плот,
Ведь у коня при плеске непрерывном
Разбухнуть могут крылья от воды —
И все тогда, не миновать беды.

Поскольку пользы от оружия мало
И чудища он так не победит,
Руджер решает сдернуть покрывало
И обнажить замороженный щит.
Но чтобы и она не пострадала,
Он к женщине на берегу летит
И ей мизинец перстнем украшает,
Который действию колдовства мешает;

Который Брадаманта отняла,
Чтоб одолеть Атланта, у Брунеля
И для Руджера своего дала
Мелиссе, о его узнав уделе
В руках Альцины — воплощенья зла,
И снова послужил он доброй цели:
От чар Альцины злой Руджера спас,
Оставшись у него на этот раз.

И вот у Анжелики он — и блеска,
Что щит волшебным делает щитом,
Не возбранит и перед вспышкой резкой
Ее глаза предохранит при том.
Страшилище не прекращает плеска,
Полморя вытесняя животом.
Щит без покрова наконец оставлен —
Как будто свет второго солнца явлен.

Сияньем той же силы, что всегда,
Матерый хищник навзничь опрокинут, —
Так по реке форель плывет, когда
В поток бурливый горцы известь кинут.
Зато очам прелестным нет вреда,
И, в сеть Амура их красую ринут,
Руджер копьём разит, разит мечом,
Но чудищу удары нипочем.

Тщета Руджеру прибавляет гнева,
Меж тем мольба зовет его назад:
«О, развяжи меня, — рыдает дева, —
Покуда не очнулся лютый гад!
Чем страшной рыбине попасть во чрево,
Лежать на дне морском милей стократ».

Руджер ее прекрасно понимает —
И, отвязав, на воздух поднимает.

Мгновенье — и галопом в вышине
Отважного Руджера с девой вкупе
Уносит конь: Руджера — на спине,
Спасенную красавицу — на крупе.
Так яство ускользнуло на коне,
Что ждало тварь на каменном уступе.
Оглядываясь, рыцарь вновь и вновь
Лобзает взором новую любовь.

Прямым путем, как собирался ране,
В Испанию лететь раздумал он
И опустился на брегах Бретани,
Дубравую тенистой привлечен,
С ключом прозрачным на лесной поляне
В сени холмов, нависших с двух сторон,
Где, может, плачет соловей доселе
И то же эхо вторит Филомеле.

Желанию была подчинена
Мысль рыцаря, исполненного пыла.
Настал черед другого скакуна,
Которого желанье окрылило,
Но рыцарским доспехом стеснена
Поднявшаяся пребывала сила:
Необходимо было снять доспех,
Чтоб не осталось никаких помех.

Но пальцы торопливые дрожали —
И не снимался боевой убор.
Такими непослушными едва ли
Он находил застежки до сих пор.
Однако я боюсь, что вы устали,
И кончить эту песнь спешу, Синьор,
Чтоб изложить дальнейший ход событий
Со временем, когда вы захотите.

НОЧЛЕГ**Послание к мессеру
Иеронимо Фракасторо Веронскому**

Вот вам забавный случай, Фракасторо,
 Здесь в Павильяно мною пережитый,
 Которого я не забуду скоро.
 Наш монсеньор, патрон мой именитый,
 Встречал епископа в местечке этом
 С огромною людской и скотской свитой.
 То в Августе случилось, *id est*, летом;
 Нас разместили по квартирам плохо,
 Но не могли мы поместиться все там.
 Приходский патер, в роде скомороха,
 Вдруг на поклон явился к монсеньору,
 В лице весь радость, а в душе — пройдоха.
 Чтоб мне польстить, пристал ко мне в ту пору
 И говорит: — «Мой дом никем не занят;
 В нем дать могу ночлег вам как сеньору.
 Мое винцо повыше всяких станет;
 Подаю плодов, каких нет лучше в мире:
 От них слепой прыгнет, мертвец проглянет.
 Постели дам на трех персон четыре,
 Покрою их бельем отменно-чистым —
 Вам, словом, будет рай в моей квартире».
 Я, злейший враг таким лгунам речистым,
 Откланялся, боясь, чтоб не пристало
 Мое судно с ним к берегам скалистым.
 — «Нет! — продолжал он: — уж во что б ни стало,
 А двух из вас к себе мы завербуем;
 Потешьте же меня, сеньор, хоть мало». —
 — Мессер, — сказал я, — после потолкуем;
 Теперь же нечего шуметь без толку:
 Быть может, мы у вас переночуем. —
 Поужинав, пошел я втихомолку
 Гулять с Адамо. Поп, боллив и весел,
 Приставши к нам, нам вторил без умолку;
 Хвалил Гомера, спорил, куролесил,
 Вас вспоминал, равнял вас с Санадзаром

И на весах злой критики вас взвесил.
 — Я,— говорит,— учился ведь недаром,
 В пиитику вникал не без причины!—
 — Оно и видно!— отвечал я с жаром.
 Не видывал наглее я скотины!
 Вам, Аристарх, Макробий с Квинтильяном,
 Не уступал он на́ волос единый.
 Поп был курчав, покрыт густым бурьяном,
 С нависшими бровями, исподлобья
 Смотрел, как лев Сан-Марко, в гневе рьяном.
 И, наконец, схватил нас наподобье
 Двух пленников, и, бедным, приходилось
 Нам вслед идти его же преподобья.
 На расстоянье мили находилось
 Жилище дикого попа, с которым
 Ничье искусство спорить не годилось.
 Ему поверя, шли мы шагом скорым,
 Надеясь к царскому прийти чертогу,
 Где блеск и роскошь всюду перед взором.
 Вот наконец пришли мы, слава Богу!
 Идем за ним под свод дверей кирпичный,
 Где терн с крапивой заслонял дорогу.
 Тут надлежало бросить ход обычный:
 Пришлось взлезать по лестнице сначала,
 Где сломит шею и медведь привычный.
 Вот влезли мы. Глядим — пред нами зала,
 Где не дал полу Бог иметь настилку,
 Так что из кухни вонь нас обдавала.
 Как тот, кого хватили по затылку,
 Я обомлел, не зная, весь растерян,
 Чтó предпринять, попав в такую ссылку.
 — Сеньор Адамо, нами путь потерян!
 Ведь,— говорю,— попали мы в дом Орко!
 Теперь-то он сожрет нас, я уверен.—
 Пока, бесясь, я озирался зорко,—
 Вдруг вижу стол работы деревенской
 Под скатертью косматой пред конторкой,
 На ней писали маслом, а не фреско!
 Учеными средь долгих перебранок
 Доказано, что в стойле занавеской,
 Затем плащом служил для трех цыганок,
 Потом попоной, козым покрывалом,

Пока на стол не лег сей лет останок.
 Висевшим над конторкой опахалом
 Поп отгонял назойливую муху,
 А мух водилось там в числе немало.
 Свой чудный веер поп, что было духу,
 Как колокол, поддерживал веревкой,
 Нас по носу цепляя и по уху.
 Я так был изумлен той мухоловкой,
 Что для нее-то собственно и скажем,
 Как угостил нас этот патер ловкой.
 — А где, мессер,— спросил я,— спать мы ляжем? —
 — За мной, сеньор! но поднимайтесь тише,—
 Ответил тот,— сейчас мы вам покажем.—
 Идем за ним, и добрый поп под крышей
 Нам показал род житницы вонючей,
 Где меж собой дрались с писком мыши.
 Вспотели б там вы и в мороз трескучий!
 Там сбор от жатвы, семена для сева,
 Овес и рожь, солома, сено кучей.
 Там был еще чуланчик; а налево,
 С ним рядом — правда, не в великой чести —
 Съестной припас для насыщенья чрева.
 Съестной припас берег в каком он месте —
 Вы поняли? И, тут же расположа,
 Хранил в шкафу и всю посуду вместе.
 Горшки, чаны стояли там вокруг ложа;
 Там были грабли, вилы и лопаты,
 Три кучи луку и снятая кожа.
 Так вот где лечь нам дал NN проклятый!
 — «Вот вам постель! — сказал он.— Оставляю
 Одну подушку вам двоим без платы». —
 — Нет, погоди,— ему я отвечаю.—
 Проклятый поп! за что я так наказан?
 Давай мне пить; я с жажды умираю.—
 И вот стакан, весь мазан, перемазан,
 Предстал на стол; но, как с ним поп ни бился,
 Стоять, казалось, был он не обязан.
 И мутный сок в стакан поганый влился:
 Беда тому, кто выпьет сок тот грустный,
 Хоть бы потом он целый год постился!
 Вы не давали дряни столь невкусной
 Больным горячку петехиальной,

Как гадок был напиток этот гнусный.
 На две скамьи меж тем взвалили сальный —
 Вы скажете тюфяк? — нет, лог собачий!
 И я сказал: так вот наш одр печальный! —
 Наш милый поп, наш хлебосол горячий,
 Снять простыни велит с другой постели,
 Вот как меняет рок свои подачи!
 Короток, узок был тюфяк для цели;
 Но, чтоб покрыть тюфяк тот простынями,
 Два батрака, работая, вспотели,
 Трудясь над ним зубами и ногтями,
 И наконец покрыли на две трети
 Наш жалкий одр с великими трудами.
 Черны как сажа были тряпки эти;
 Как кожа барса, пятнами покрыты,
 Дырявые, как две рыбацких сети,
 Их чистота была вопрос открытый!
 От истины не буду я отступник,
 Когда скажу, что с год они не мыты.
 Как осужденный на костер преступник,
 Идя в огонь, колеблется несчастный
 И тщетно ждет, не явится ль заступник, —
 Так медлил я, глядя на одр ужасный;
 Но горькую пришлось испить мне чашу:
 Я лег в постель, убитый и злосчастный.
 О Феб! о Вахк! о Музы! помощь вашу
 Подайте мне: без вашей мощной речи
 Пересказать нельзя мне муку нашу.
 Поведайте весь ужас страшной сечи!
 Представьте ад, в который я низвергся
 В тот самый миг, как загасили свечи!
 Не столько войск шло в Греции вслед Ксеркса;
 Так Мирмидонцев рати не жестоки,
 Как рой, которому я здесь подвергся, —
 Рой комаров, отчаянный, жестокий,
 И отгоняя я, бедный, их набегу,
 То в лоб ладонью хлопаю, то в щеки.
 Тут поединок был не страстной неги,
 Как описал, Проперций, ты в четвертой
 Иль в третьей книге пламенных элегий.
 Не с Цинтией ты б вел здесь нежный спор твой!
 Ты был бы здесь, как яблоко, изгрызан

И гусеницей стал бы полумертвой,
Чей весь хребет мурашками унизан!
Так много ртов и жал впилося мне в тело,
Так весь я был объеден и облизан!
Других врагов не меньше тут кишело —
Клопов и блох, и кой-кого похуже,
Напавших на меня не меньше смело.
За темнотой не помогали уже
Мне тут глаза, и я лишь обоняньем
Распознавал различный род оружий.
И как Фома неверный осязаньем,
Так убеждался в истине я носом,
И не был я введен в обман мечтаньем.
Измученный невыносимым чёсом,
Всю ночь я приводил в движение руки,
Подобно замерзающим матросам.
Не столько раз Тифей, гигант сторукий,
Бока меняет, в недрах гор закован,
Всю Прóчиду колебля в корчах муки.
Вы видите, что мною здесь цитован
Известный стих, взятой из Энеиды,
Который был так много критикован.
Ведь говорят — чтоб молвить без обиды —
Виргилий здесь, похитив стих Гомера,
Все переврал, по воле Немезиды.
И если это мнение — не химера,
То очень странно, как поэт, два слова
Сложив в одно, дал промах без примера.
Но к делу. Надо мной, в подобье крова,
На бруснях потолка лежали доски;
С них штукатурка, падая, готова
Была засыпать нас дождем известки,
И, как горох, валясь со стуком на пол,
Печальные рождали отголоски.
Дощатый пол, куда дождь этот капал,
Был весь в щелях и через них дым едкий,
Пройдя из кухни, горло мне царапал.
Кричал ребенок в люльке у соседки,
Душил старуху кашель до упаду
И прерывался руганью нередкой.
И, чтобы полную нам дать усладу,
Влетел к нам в полночь нетопырь, сын воли,

А к утру филин задал серенаду.
Не рассказал я вам и сотой доли
Всех наших бед, о чем вполне заявит
Товарищ мой, в такой же бывший холе.
Пускай же он в стихах ту ночь прославит;
Но уж отчет он, слышно, вам подробный
По-гречески представил, иль представит.
Я стал в бою точь-в-точь как преподобный
Философ Беда, коль не лицемерит
Он в эпитафии своей надгробной.
Наутро был я весь огромный вѣред,
Имел я вид агата, иль мурены,
И кто не верит мне, пускай не верит.
Все были в язвинах на теле члены;
Как звездами свод неба без тумана,
Милльоном пятен были испещрѣны.
Видали ль вы, как пишут Юлиана,
По грудь в колодце, обвитого роем
Ехидн и змей, иль как, на ране рана,
Изображается, покрытый гноем,
На фресках Иов, иль до полусмерти
Измученный Святой Антоний боем
С злым демоном? таков был я, поверьте!
Так грызли, жалили, терзали шкуру
Мне в эту ночь не комары, а черти!
И я прошу вас, доктор,— если сдуру
К вам явится тот поп просить лекарства,
Ему такую закатить микстуру,
Чтоб век он помнил наши с ним мытарства.

**ОТРЫВОК ИЗ I ПЕСНИ
«ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»**

Пустынный Петр говорил в верховном совете.
Он предложил Готфреда в вожди.

Скончал пустынный речь... Небесно вдохновенье!
Не скрыто от тебя сердечное движенье,
Ты в старцевы уста глагол вложило сей
И сладость оно влила в сердца князей;
Ты укротило в них бунтующие страсти,
Дух буйной вольности, любовь врожденну к власти:
Вильгельм и мудрый Гелф, первейший из вождей,
Готфреда нарекли вождем самих царей.

И плески шумные избранье увенчали,
«Ему единому,— все ратники вещали,—
Ему единому вести ко славе нас!
Законы пусть дает его единый глас;
Доселе равные, его послушны воле,
Под знаменем святым пойдем на бранно поле,
Поганство буйное святыне покорим.
Награда небо нам: умрем иль победим!»

Узрели воины начальника избранна
И властью почли достойно увенчанна.
Он плески радостны от войска восприял,
Но вид величия спокойного являл.
Клялися все его повиноваться воле.
Наутро он велел полкам собраться в поле,
Чтоб рать под знамена священны притекла.
И слава царское веленье разнесла.

Торжественней в сей день явилось над морями
Светило дня, лучи лиющее реками!
Христово воинство в порядке потекло
И дол обширнейший строями облегло.
Развились знамена, и копыта заблестали.
Скользящие лучи сталь гладку зажигали;
Но войско двинулось: перед вождем течет
Тяжела конница и ей пехота вслед.

О память светлая! тобою озаренны
 Протекши времена и подвиги забвенны.
 О память, мне свои хранилища открой!
 Чьи ратники сии? Кто славный их герой?
 Повеждь, да слава их, утраченна веками,
 Твоими возблестит небренными лучами!
 Увековечи песнь нетлением своим,
 И время сокрушит железо перед ним!

Явились первые неустрашими галлы:
 Их грудь облечена в слиянные металлы,
 Оружие звенит тяжелое в руках.
 Гуг, царский брат, сперва был вóждем в сих полках;
 Он умер, и хоругвь трех лилий благородных
 Не в длани перешла ее царей природных,
 Но к мужу, славному по доблести своей:
 Клотарий избран был в преемники царей.

Счастливый Иль-де-Франс, обильный, многоводной,
 Вождя и ратников страную был природной.
 Нормандцы грозные текут сим войскам вслед:
 Роберт, их кровный царь, ко брани днесь ведет.
 На галлов сходствует оружие их и нравы;
 Как галлы, не щадят себя для царской славы.
 Вильгельм и Адемар их войски в брань ведут,
 Народов пастыри за веру кровь лиют.

Кадильницу они с булатом сочетали
 И длинные власы шеломами венчали.
 Святое рвение! Их меткая рука
 Умеет поражать врагов издалека.
 Четыреста мужам, в Орангии рожденным,
 Вильгельм предшествует со знаменем священным;
 Но равное число идет из Пуйских стен,
 И Адемар вождем той рати наречен.

Се идет Бодоин с болонцами своими:
 Покрыты чела их шеломами златыми.
 Готфреда воины за ними вслед идут,
 Вождем своим теперь царева брата чтут.
 Корнутский граф потом, вождь мудрости избранный,
 Четыреста мужей ведет на подвиг бранный;

Но трижды всадников тоlikое число
Под Бодоиновы знамена притекло.

Гелф славный возле них покрыл полками поле,
Гелф славен счастьем, но мудростию боле.
Из дома Эстского сей витязь родился,
Воспринят Гелфом был и Гелфом назвался;
Каринтией теперь богатой обладает
И власть на ближние долины простирает,
По коим катит Рейн свой серебряный кристалл:
Свев дикий искони там в детстве обитал.

**ИЗ ПЕСНИ ТРЕТЬЕЙ
«ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»**

Уже гонимые, гонящие в злой сече,
Все вкупе, утекли под самый град далече,—
Внезапно страшный вопль раздался по странам:
Неверных полчища, подобясь волнам,
Разлились из засад и доли наводнили;
Мгновенно христиан срацины окружили;
Те с тылу, те с боков, и сам Аргант с полком,
Как смерть, отчаянных предстал перед лицом.
Черкес неистовый, в огне и бурях хладный,
Исходит из рядов, как волк из нырищ гладный.
Се! — всадник пылких лет, отвагою влеком,
Одним ударом пал,— пал купно и с конем,
Уже вокруг грозного лежали трупов горы;
Ненасытимые горят убийством взоры.
Копье его летит отломками на прах.
Он поднял тяжкий меч — противным новый страх!
Клоринда с ним делит лавр чести и искусства.
Уже Арделион, без образа, без чувства,
Лежит седый герой, но доблий в седилах!
Подпору старости он зрел в двоих сынах.
Напрасно!.. старший сын Алкандр, ее рукою
Жестоко поражен, не мог закрыть собою
Родительской груди; а Полиферн младой
Едва и сам избег от смерти роковой!..
Меж тем Танкред, в пылу отмищения слепого,
Напрасно мнил постичь врага Клоринды злого:

Быстрейший конь его от казни уносил.
 Герой, остановясь, взор к спутникам склонил:
 Уже, влекомые отвагою безумной,
 Пределы перешли и гибнут в сече шумной,
 Объятые врагом; — коню бразды дает,
 Летит — и кто за ним? — всей рати крепость, цвет,
 Дудона с знаменем Дудона ополченье! —
 Ренальд, смиритель битв, красавиц восхищенье,
 Ренальд наперед. — Не столь порывист гром!
 Уже Эрминия, познав его шелом,
 На коем изображен орел быстропарящий,
 Познав сей стройный стан, сей вид, врагам грозящий, —
 «Вот, вот, — гласит царю, — отважнейший из всех!
 В сей длани положен судьбиной битв успех;
 Нет равного ему в искусстве ратных прений,
 Соперник не рожден. Он, отрок, — бог сражений!
 Когда бы франков рать сочесть в себе могла
 Еще подобных шесть: о, море бед и зла!..
 Во узах христиан владыки б восстенали,
 И Полдня и Зари народы бы познали
 Со трепетом его законов новый свет;
 И хитрый Нил, в горах сокрывший свой хребет,
 Склонился б влажною к стопам его главою, —
 Его зовут Ренальд... одной своей рукою
 Скорее махин всех он стены потрясет.
 А сей, которого отликой злачный цвет
 На серебряной броне, — Дудон его названье.
 И слава прадедов, и дел его сиянье
 Со всеми первыми сравнять его могли;
 Лета ему права начальства принесли.
 Другой — окрест его... как черный дуб великий,
 Жернанд, отважный брат норвежского владыки;
 В нем сердце гордости тщетой напоено,
 Блестящих дел его позорное пятно!
 Сии два витязя — союз четы примерной!
 Во серебряных бронях, супруг с супругой верной!
 Гилдиппа! Одоард! влюбленных образец
 И храбростью в боях и нежностью сердец!» —

Рекла. В сей страшный час свирепой буря брани
 Расколыхалася — стеснились с дланьми длани, —
 И льется кровь рекой. — Танкред с Ренальдом там,

Где ратники густей, где меч отпор мечам;
За ними вслед Дудон с дружиною громовой;
Кружится, сеет смерть на ниве он лавровой.
Аргант, и сам Аргант, Ренальдовой рукой
Стеснен и поражен, смерть видит пред собой —
Едва подьется... погиб бы дерзновенный!
Но вдруг Ренальдов конь, в порывах закруженный,
На землю грянулся со всадником своим;
Стеснившись, рыцари приникли в помощь к ним.

**ОКТАВЫ
ИЗ «ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»**

Из песни I

Святую брань и подвиг воеводы
Пою, кем гроб освобожден Христа.
Вотще, столпясь, противились народы
И адовы метали огонь врата.
Велик в делах он был умом и дланью;
Великий труд претил завоеванью;
Но помощь бог послал ему, и сам
Вновь собрал рать к священным знаменам.

Из песни III

Так на море пловцы отваги полны,
В безвестный им заброшенные свет:
Их носит ветер, играют ими волны,
И на небе звезды знакомой нет;
Завидя брег, в веселии великом
Его вдали чествят приветным кликом:
«Брег, брег», — твердят друг другу, и тогда
Забит и труд, и горе, и беда.

Из песни IV

Всех жителей недр Тартара подземных
Сзывает рев трубы жилища мук.
Дрожат чрева пещер пространных, темных,
И сводов гул во мгле сугубит звук.

Не так глушит гром горние пределы,
Когда с небес бьют в землю молний стрелы;
Не так дрожит, колеблясь, твердь горы,
Коль рвутся вон в ней спертые пары.

Из песни XII

Лицо ее смерть бледностью покрыла,
Померкнула в нем белизна лилей;
Взор гаснувший на небо устремила,
И жалостью подвиглось небо к ней.
И рыцарю на вечную разлуку
Красавица хладящую руку,
Безмолвствуя, в знак мира подала
И тихо в смерть, как в сладкий сон, прешла.

Из песни XIII

Чудесный звук износится из рощи,
Как гул, когда земли дрожит испод,
Как бури свист среди осенней ночи,
Как шум со скал свергающихся вод.
Медвежий рев в нем слышен, льва рыканье,
Шипенье змей, и волчье завыванье,
И ржанье труб, и частых громов стук,
И звуки все в единый слиты звук.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Из песни III

Клоринда, упредив отряд,
Вступает в бой с Танкредом.
Обломки копий вверх летят,
И треск за треском следом;
Удар последний над челом
Клоринды разразился,
И развязавшийся шелом
С чела ее свалился;
И ветер, развеяв по плечам
Руно кудрей златое,

Открыл изменою очам
Красавицу в герое.

В очах ее сверкал огонь,
И в самом гневе милый,
Что ж был бы в неге сей огонь?
Танкред, сберися с силой,
Всмотрись! Еще ль не узнаешь
Любви твоей предмета?
Здесь та, кем дышишь, кем живешь.
От сердца ль ждешь ответа?
И сердце скажет: это та,
Которой у потока
Тебя пленила красота!
К ней, к ней вниманье ока!

А прежде он и не смотрел
На щит, на шлем пернатый;
Теперь взглянул и обомлел.
Она, свив кудрей злато,
На новый бой к нему летит;
Влюбленный отступает;
Он дале, он других теснит
И строи раздвигает;
Она за ним и грозно вслух:
«Постой!» — несется следом,
И вторится: «Постой!» — и вдруг
Две смерти пред Танкредом.

Разимый ею — не разит,
Не ищет он защиты;
Не меч ему бедой грозит,
Но очи и ланиты;
С них, лук напрягши тетивой,
Любовь бросает стрелы.
«Ах! что мне, — думал он с собой, —
Что мне удар тяжелый
Твоих неутомимых рук?
Он воздух бьет бесплодно;
Влюбленному страшней всех мук
Один твой взгляд холодный.

Ужель сердечну тайну мне
Снести во гроб с собою?
Решусь и душу перед ней
Скорбящую открою;
Пусть знает, на кого подъят
Булат ее жестокий». —
Он стал и, обратясь назад,
Сказал сквозь вздох глубокий:
«В толпе врагов тебе врагом
Один Танкред унылый!..
Оставим строи и вдвоем
Измерим наши силы».

Клоринда вызов приняла
И, не заботясь боле
О шлеме, сорванном с чела,
Несется вихрем в поле;
Убитый горестью герой
За героиней следом;
Она копье назад, и в бой
Вступила уж с Танкредом.
«Остановись! — сказал он ей, —
Постой! ни капли крови;
И сечи нет, пока для ней
Меж нами нет условий!»

Она остановилась, ждет
От рыцаря условий;
Ему отваги придает
Отчаянье любви.
«Мне договор один с тобой;
Ты, — молвил он прекрасной, —
Не хочешь в мире быть со мной,
Что ж в жизни мне несчастной?
Вот грудь, вынь сердце из нее;
Оно давно уж рвется
К тебе; оно давно твое;
Давно тобою бьется.

Что медлишь? поражай главу,
Склоненну пред тобою;

Вели, и панцирь я сорву
И грудь тебе открою;
Мне смерть — отрада; доверши!
Что в жизни мне несчастной?»
Так чувства нежной он души
Передавал прекрасной,
И боле высказать хотел
Словами и слезами;
Но строй неверных налетел,
Бегущих пред врагами.

**ИЗ СЕДЬМОЙ ПЕСНИ
«ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»**

LXXVII

Кто ж, Аквилина в беге созерцая,
В нем чадо Зéфира не угадает, —
Лишь взглянет, как, ни следа не роняя,
Все поприще ногами подбирает;
Или в круги проворный бег стесняя,
Направо и налево их кидает?
Сему-то бегуну вонзивши шпоры,
Помчался граф и к небу поднял взоры:

LXXVIII

«Всесильный! Голиафа нечестивца
Низринул ты неопытной рукой;
И пал тобой Израелеубийца,
Сраженный первой отрока пращой:
Днесь соверши, да, ветхий, горделивца
Я низложу в честь веры пресвятой;
Яви на старце крепость вышних сил,
Как древле их на юноше явил».

LXXIX

Так молит он — и жаркое моленье
Надеждой, в бже твердой, воскреснется
И возлетает в горнее селенье:

Так огонь, по естеству, горé вздымается.
Отец предвечный внемлет приношение,
И из небесных полчищ избирается
Зачинщик ангел, да изыдет правой
Из рук нечестия, увенчан славой.

LXXX

Сей ангел, во хранители избранный
Благому Раимонду провиденьем,
С того часа, как он, младенец странный,
В путь мира вышел божиим веленьем,
Сей ангел, словом сил царя воззванный,
Да облечется днесь его храненьем,
Нисшел в скалу, где божией войны
Доспехи пребывали сложены.

LXXXI

Там копие хранилось, коим змей
Был прободен, и молнийные стрелы,
Незримо язвы, тысячи смертей
Метающие на народы целы:
Там был повешен и трезубец,— сей
Первый угроз на все земли пределы,
Когда ее основы потрясаются
Обширные,— и грады расшатаются.

LXXXII

В числе доспехов щит светился рдяный,
Весь литый из яснейшего алмаза:
Он мог накрыть все племена и страны,
Лежащи меж Атланта и Кавказа;
Градам, царям служил он для охраны,
Да правых не пожрет войны зараза.
Хранитель-ангел, сей приявши щит,
Раймонда своего тайно следит.

LXXXIII

Меж тем народом запестрели стены
Ерусалима: шлет полки тиран;

Клоринда и толпы вооруженны
Среди холма расположили стан.
С той стороны, в порядке устроены,
Расставлены отряды христиан:
И ратникам расширилась поляна
Промеж того и меж другого стана.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Песнь вторая

I

Пока тиран к борьбе готовил силы,
Пришел к нему однажды маг Исмен,—
Тот маг Исмен, чей голос из могилы
Мог вызывать на свет умерших тлен,—
Исмен, пред кем и сам Плутон унылый
Трепещет в мгле подземных адских стен,—
Тот маг, кто вяжет и для действий черных
Шлет демонов, как слуг ему покорных.

II

Из христиан став другом Магомета,
Не позабыл обрядов прежних он:
Нередко смешивал, на ужас света,
Тот и другой нечтимый им закон.
Из тех пещер, где многия он лета
Вдали от всех был в чары погружен,
Теперь, в дни бед, идет к царю кудесник,
К владыке злomu злейший раб-наветник.

III

«О царь, сказал,—враг смелый быстро, дружно,
Победоносно в твой идет предел;
Но встретим мы его не безоружно:
Тех мир хранит и небеса, кто смел!

Как царь и вождь, ты все свершил, что́ нужно;
Что́ долг велит, ты все предусмотрел.
О, если все так не забудут долга,—
Врагам твоим здесь властвовать недолго.

IV

Что до меня,— не чужд твоим тревогам,
Иду помочь я моему царю.
Что́, как старик, прозрел в уме я строгом,
Чем силен я, как маг, тебе дарю.
Я ангелов, с небес изгнанных Богом,
Для наших дел волшебством покорю.
Но как и где свершу я эти чары,
Все выслушай, что́ скажет раб твой старый.

V

У христиан есть в храме потаенный
Алтарь; над ним в киоту заключен
Лик Матери (так верит люд презренный)
Того, кто был рожден и погребен.
И день и ночь пред ним в лампаде ценной
Горит огонь; лик ризой облечен;
Вкруг длинный ряд висит даров обетных;
Что́ в храм несут слепцы в мольбах их тщетных.

VI

Пусть этот лик, в ночи, искусной кражей
Похитится, и ты своей рукой,
О царь, в мечеть внеси его тогда же.
Я ж поступаю с ним с силою такой,
Что он, доколь хранится там под стражей,
Нам будет всем охраной роковой.
Так я внутри стены неодолимой
Спасу твой трон, волшебством чар хранимый».

VII

Сказал, склонил. И царь нетерпеливо
Спешит проникнуть в Божий храм,

Насилует жрецов и нечестиво
Пречистой образ похищает сам.
И вносит в дом, где дерзко и кичливо
Безумный культ смеется небесам.
На лик святой, внесенный им в обитель
Лжеверия, уж шепчет маг-глумитель.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Песнь вторая

Готовился к сраженью Аладин,
Когда к нему впустили чародея,
То был загробных духов господин,
Исмен, так звали дерзкого злодея,
Он джиннов заклинать умел один,
Искусством черной магии владея,
Он мертвых воскрешал, и сам Плутон
В подземной тьме за свой боялся трон.

Исмен, отрекшись от христовой веры,
Избрал религию магометан,
Но, вызывая адские химеры,
Порой не знал, где дьявол, где шайтан?
Из нечестивой колдовской пещеры
Прослышал он: в опасности султан,
И выбрался на свет — поведать дикий,
Преступный план преступному владыке.

«Грядут к Солиму гневные кресты
(Так начал он), грозят несметной силой.
Ты поднял башни, выставил посты,—
От недругов Аллах тебя помилуй!
Служи Корану мы, как служишь ты,
Священный город стал бы им могилой!—
Ты воин, ты подумал обо всем,
Но не оружием веру мы спасем.

Я стар и этой жизни знаю цену:
Смеясь в лицо опасности любой,
С тобой пойду на крепостную стену,
Советом помогу и ворожбой,

Я ангелов, низверженных в геенну,
Из пекла вызволю и брошу в бой!
Но, чтобы лучше покорились чары,
Послушай, что надумал книжник старый:

Алтарь в кумирне христианской есть,
Там паства, одурманенная ложью,
В молитвах воздает хвалу и честь
Рисованному лику — Матерь Божью
В нем почитая, и даров не счесть,
Возложенных к алтарному подножью.
Лампада там не гаснет ни на миг,
И покрывалом занавешен лик.

Изображенье дивного кумира
Украсть ты должен собственной рукой!
В мечети главной спрячь его от мира,
А я состав смешаю колдовской:
Надежней чудодейственного мира
Он нерушимый охранит покой,
И гордо возликуют мусульмане,
Узнав о всемогущем талисмани».

Умолк, и тотчас в заповедный храм
Со свитой устремился деспот грозный,
Священник преграждает путь ворами,
Но царь не тронут жалобой слезной, —
В молельне мерзкой, где по вечерам
Кошунствами терзал он купол звездный,
Святыня христиан водружена
Под гнусные шептанья колдуна!

Но ликовать, как видно, было рано:
Едва позолотился край небес,
Дворцовая увидела охрана,
Что образ Богоматери исчез.
Бегут скорей уведомить тирана,
Тот в ярости схватился за эфес,
Велит позвать стоявшего на страже
И христиан подозревает в краже.

Да, это дело человеческих рук,
А может, знаменье небесной мести?

Покайся, царь, как очутилась вдруг
Царица Неба в нечестивом месте?
Кто сердцем праведным неблизорук,
Поверит в силу горних провозвестий:
Едва ли смертный мог пройти злодей
Сквозь камень стен, запретный для людей.

Султан велит разыскивать потерю
По всем домам, часовням и церквам:
«Найдете — щедро золота отмерю,
А нет — погибель уготовлю вам!» —
Повсюду рыщет он, подобно зверю,
Но ни Исмену, ни другим волхвам
Не догадаться, кто повинен в чуде —
Святое Небо или всё же люди?

В конце концов поборникам креста
Решил владыка отплатить жестоко,
Была дотоле злоба заперта
Многотерпимой мудростью Востока,
Но распахнулись ярости врата
Под натиском бурлящего потока,
И царь изрек кровавый приговор:
«В толпе собратьев да погибнет вор!»

«Из-за неправого погибнет правый!
Но о каком я правом говорю?
Преступны все, кто вздорною отравой
Недружескому служит алтарю!
Безвинный перед новою расправой,
За прошлые грехи ответь царю!
Смелее к бою, витязи Корана,
Сжигайте, убивайте невозбранно!»

Ползет молва от царского дворца
И мрачную, гнетущую тревогу
Вселяет в христианские сердца:
Ни защищаться, ни молиться богу
И мысли нет в предчувствии конца,
Явилась Смерть и подошла к порогу...
И тут Господь им весть благую дал,
Откуда ждать ее никто не ждал!

Красавица Софрония в ту пору
Жила светло и скромно среди них,
Искала в добродетелях опору,
Сама из добродетелей одних,
Средь женихов не потакая спору,
Не знала, кто достойный ей жених:
Таясь нескромных глаз, под нищим кровом,
Цвела в уединении суровом.

Но где для воплощенья чистоты
Приют, от взоров ласковых сокрытый?
Любовь, такого не допустишь ты!
И разве камень может стать защитой
От пламенной, всевидящей мечты!
Божок слепой, стрелок многоочитый,
Амур, повязку стаскивая с глаз,
Ты через стены переносишь нас!

Олиндом звался юноша влюбленный,
С ней рядом жил он в городе святом,
Вздыхал, красой небесной ослепленный,
И никому не признавался в том,
Возвышенной душою наделенный,
Чело он кротким осенял крестом,
Молчал, томился и страдал немало,
Но дсва горьким вздохам не внимала.

И вот до христиан доходит слух,
Какой конец готовят страстотерпцам.
В Софронию святой вселился дух:
«Я знаю, как помочь единоверцам!» —
Решилась, и победный пыл потух:
Стыдливость овладела дерзким сердцем.
Но слабость не к лицу душе прямой,
Стыдливость стала дерзостью самой!

Выходит дева из дому и смело
Примолкшею толпой идет одна,
Лицо то вспыхнет, то блее мела,
Неколебима и притом скромна!
Как робость и достоинство сумела
Одновременно сохранить она?

Любовь, Добро и подлинное чувство —
Вот сильных безыскусное искусство.

Идет — и в каждом шаге торжество!
Вельможи стройному дивятся стану,
А дева, не взглянув ни на кого,
Бестрепетно приблизилась к султану
И, не смутясь, что страшен вид его,
Воскликнула: «Я лгать тебе не стану!
Мне жизнь сестер и братьев дорога,
Я выдам имя твоего врага!»

От блеска глаз под девичьим покровом
Султан сначала сделался багров
И вдруг пленился взором крутобровым,
Смотрел и слушал, ярость поборов.
Не будь лицо Софронии суровым,
Не будь владыка сердцем так суров,
Он мог влюбиться, но Амуру в тягость
Сердца, откуда изгоняют благость.

Но если не любовью поражен,
То любопытством властолюбец лютый:
«Откройся мне, и будет пощажен
Народ, грозящий бесконечной смутой.
Не истреблю мужей, не трону жен,
Скорей клубок злокозненный распутай!»
Софрония в ответ: «Я — недруг твой.
И заплатить готова — головой!»

Идет на казнь во имя ближних дева
Бесстрашнее, чем сильные мужи.
О Правда, для геройского напева
Ты не достойней чистой этой лжи! —
Не обезумел, не ослеп от гнева
Тиран, в сомненье молвит он: «Скажи,
Кто в святотатном преступленьи этом
Тебе помог — не делом, так советом?»

Софрония в ответ: «Ночная тьма!
Никто моей не сопричастен славе,
Советчик и сообщник я сама,
Я нанесла урон твоей державе!» —

Султан вскипел: «Не пытка, не тюрьма
Тебе грозят — тебя казнить я вправе!» —
«Казни! — бросает девушка ему, —
Одна грешна, одна и смерть приму!»

Нахмурился монарх неправовверный:
«Еще не поздно отвести резню.
Где спрятан идол твой высокомерный?» —
«Пречистый лик я предала огню!
Я ведала: от нечестивой скверны
Иначе я его не сохранию.
Будь смертью похитителя доволен:
Похищенного ты вернуть не волен!

Похищенного? Нет! Спасала я
Сокровище разграбленной святыни!» —
Тиран, кипящей злобы не тая,
Вскочил при виде этакой гордыни!
Софрония, ни красота твоя,
Ни кротость не спасут тебя отныне,
Не покоришь ты свежестью ланит —
Амур щитом тебя не заслонит.

Душе обещан райский сад, но прежде
Девичье тело на костре сожгут!
Палач к безгрешной тянется одежде,
В запястья врезался кровавый жгут,
В бесстрашном сердце места нет надежде,
Из глаз безмолвных слезы не бегут,
Высокий лоб омыт волною чистой
Не бледности, а белизны лучистой!

Народом площадь шумная полна,
Олинд к помосту устремился тоже:
«Возможно ли, что именно она?» —
Пробрался к самому костру — о боже! —
За святотатство приговорена,
Стоит еще невинней, чище, строже!
Мгновенье — и любимая умрет.
Крича, подался юноша вперед:

«Владыка, выслушай, затмился разум
У женщины от славы неземной!

Как ты поверить мог ее рассказам? —
Прошла по крепости во тьме ночной,
Всех стражников перехитрила разом —
Под силу ли такое ей одной?
Пойми же, я твой враг непоколебимый!
(Так преданно любил он, нелюбимый.)

Окно под куполом мечети есть,
Открытое для воздуха и света,
В него мне чудом удалось пролезть,
Спуститься по ступенькам минарета,
Как ночью не разбился я — Бог весть!
Не для нее зажжется пламя это!
Других ревную я к своим трудам
И славу ей присваивать не дам!»

На юношу Софрония подьмлет
Щемящий взор, исполненный мольбы:
«Каким фантазиям твой разум внемлет?
Ты полагаешь, сердцем мы слабы,
И гордый дух в тебе одном не дремлет?
Не нужен мне товарищ для борьбы!
Пускай тиран ярится, негодуя,
Одна без страха на костер взойду я!»

К жестокой руки юноша простер, —
Сошлись Любовь и Добродетель в споре!
О поединок преданных сестер,
Где дело не в победе, не в позоре:
Наградой победителю — костер,
А побежденному наградой — горе
И жизнь! О брэнной жизни не скорбя,
Здесь каждый обвиняет сам себя!

Сражаются, владыку презирая,
Презренный раб, презренная раба!
«Вы оба, — молвит царь, — достойны рая,
Единая вам суждена судьба!» —
Знак палачу — и вот уже вторая
Оплаканная жертва у столба.
Спина к спине прикручены надежно —
Взглянуть им друг на друга невозможно.

Зловеще рдеют языки огня,
Мехами принесенными раздуты,
И тихо плачет юноша, храня
Признание до решающей минуты:
«Не мог я и помыслить, что меня
С возлюбленной такие свяжут пути,
Не мог предвидеть, что в таком огне
Сгорю с желанною наедине!

Амур, пронзив меня стрелой из лука,
Предать иному обещал костру!
Одним я счастлив — кончилась разлука,
С тобой неразлученным я умру!
Кто ведать мог, что пламенная мука
Была дорогой к смертному одру?
С тобой я разделю и это ложе,
Да жаль, что ты должна погибнуть тоже!

Слиянье душ провижу впереди,
Не сердцем, а бессильной плотью стражду.
Как жажду я прильнуть к твоей груди,
Последним вздохом обменяться жажду!
Душе твоей сказал бы я: «Войди
В мои уста и пламенную жажду
Прохладой поцелуя успокой!..» —
Умолк и услышал ответ такой:

«Высоких помыслов от сердца требуй,
Как требует высокий этот час!
Раскаянье твое угодно небу:
Страдая, Божий мы услышим глас!
Не варварскому мрачному Эребу —
Архангелам Господь вручает нас.
Смотри, как солнце светит благосклонно,
Нас Авраамово приемлет лоно!»

В толпе неверных громкий слышен плач,
Вздыхают христиане безутешно,
И тут державный сознает палач,
Что и монаршья совесть не безгрешна,
Себе твердит он гневно: «Слезы спрячь!» —
И во дворец скрывается поспешно.

На плачущих взирая с высоты,
Софрония, одна не плачешь ты!

Все ближе миг несправедной расплаты,
Как вдруг, помост оваяв роковой,
Взвился воительницы плащ крылатый,
Воспетый вездесущей молвой, —
В далеких землях кованые латы,
Увенчан шлем тигриной головой, —
Застыл народ, глазам своим не веря;
Клоринду он узнал по морде зверя.

Клоринда с детских лет пренебрегла
Домашней скукой, женским рукодельем,
Булат, а не Арахнина игла,
Девичье сердце зажигал весельем.
Одета по-мужски, лицом смугла,
Носилась по долинам и ущельям,
И стали грозными ее черты,
Исполненные грозной красоты.

Коней удерживала своенравных
Рукой еще младенческой она,
В борьбе и беге не было ей равных,
Манили деву стычки и война.
По гребням скал, в тени чащоб дубравных
Преследовала льва и кабана
В одежде, на искристый мех похожей,
Тигрицей почитал ее прохожий!

Заступникам крестовым дать отпор
Из Персии стремглав она летела,
Врагами их считая с давних пор
И не одно разрубленное тело
Ввергая в пыль... Сейчас во весь опор
Она неслась. Молчали опустело
Священные холмы. И вдруг — огонь!
«Прибавь еще немного, добрый конь!»

В раздавшейся толпе Клоринда скачет:
«Кого казнит сегодня грозный бей?» —
Рыдает пленник, пленница не плачет —
Слабейший плотью духом не слабей!

Но что мольба сжигаемого значит? —
«Не убивай ее, меня убей!» —
К Софронии, к святым слезам Олинда
Тотчас прониклась жалостью Клоринда.

Но сердцу ближе та, что не скорбит,
Что плачем бледных щек не оросила,
Чьи взоры прочь от тягот и обид
Уводит ввысь неведомая сила.
«Ужели будет юноша убит? —
Седого старца ратница спросила, —
Ужели будет дева сожжена?
Какая на душе у них вина?»

Дослушала и поняла, что злоба
Правителя им стала палачом,
Что на себя наговорили оба,
И в мыслях не виновные ни в чем.
«Должна от преждевременного гроба
Я их спасти — не словом, так мечом!»
Полой плаща огонь сбивает дева
И стражникам кричит, красна от гнева:

«Пока владыку не увижу я,
Не смейте снова поджигать поленья!
Узнав, что воля такова моя,
Вас не накажет он за промедленье!» —
Подручные, страшась ее копья,
Отпрянули в покорном изумленье.
Сказать о гостье послан челядин,
Но сам на шум выходит Аладин.

«Мой царь! — вскричала ратница младая, —
Клоринда-персиянка пред тобой!
Скакала много долгих дней сюда я,
С неверными вступить хочу я в бой.
Обороняясь или нападая,
Я бранный труд приветствую любой!
На бастионах, в схватке рукопашной
Тебе послужит этот меч бесстрашный!»

Султан в ответ: «Клоринда, укажи
Под солнцем Азии страну такую,

Где бы не знали грозной госпожи,
Аллах ей силу даровал мужскую!
Отныне прекратятся грабежи
Моих владений — сердцем я ликую!
Кто сомневается в клинке твоём?
Любое войско вместе мы побьем!

Мне Готфрид слишком кажется спокойным,
Он город словно и не хочет брать.
Ты дальновидна, ты привычна к войнам,
Тебе вручу я преданную рать.
Ты будешь предводителем достойным
Моих полков!» — «Владыка, слов не трать!
(Польщенная Клоринда отвечала)
Войска возьму я под свое начало!

С одним условием, если получу
Я плату за грядущий подвиг ратный.
Ты — милосерд! Вели же палачу
Не допустить ошибки невозвратной.
Отменишь казнь — тебе я отплачу
За каждого ценой тысячекратной!
Без доказательств ты решил их сечь,
Но не об этом поведу я речь.

Могу к любым прибегнуть я уликам,
Да слышу глас: «Об истине радей!»
Здесь дело в преступлении великом,
А не в коварстве низменных людей!
Мечеть ославить святотатным ликом
Тебя склонил злокозненный халдей,
Но сам себя колдун поганый выдал:
Святому храму ненавистен идол!

Душе отрадно верить, что Пророк
Отринул с гневом образ беззаконный
И чуждую святыню за порог
Изгнал во имя чистоты исконной!
От черной магии какой нам прок?
К сраженью приготовься, пеший, конный!
Пусть шепчет заклинания Исмен —
Железу мы доверимся взамен!»

«Что ж,— молвит Аладин,— тебе в угоду
Я ненависть и гнев превозмогу.
По слову твоему верну свободу
Преступникам, но помни, ты в долгу!
Пусть возвратятся к своему народу,
И если жизнь я даровал врагу,
Пророку буду милосердьем равен,
А невинных спас — прозреньем славен».

Оковы сняты, страхи позади,
Но узник рад не одному спасенью:
Огонь зажег он в девичьей груди
Ответный и, не веря воскресенью,
Гимену шепчет: «Поскорей веди
На свадьбу нас под благодатной сенью
Любви взаимной: вместе умереть
Мечтали — вместе жить мы будем впрод!»

Но счастья этой редкостной картины
Не вынес подозрительный тиран:
Влюбленных гонит он из Палестины
Под небо негостеприимных стран,
Он христиан ссылает в край пустынный,—
Кровавей в сердце не бывает ран,
Чем раны от насильственной разлуки,
Когда уходят сыновья и внуки.

Он слабых жен, детей и стариков
Заложниками в крепости оставил,
А грозных видом, сильных смельчаков
Покинуть семьи милые заставил.
Иные испугались вражьи ков,
Иных Господь оружие взять наставил,
И, предпочтя в бою окончить дни,
Навстречу франкам двинулись они.

* * *

Не прекрасна ли фиалка,
Не прельщает ли собой?
Не амброзией ли дышит,
Утром расцветя весной?

То алеет, то белеет
Сей цветочек в красный день;
Сладкий дух свой изливает,
Кроясь в травке под кустом.

Что же с нежною фиалкой,
Что же будет наконец?
Ах! несчастная томится,
Сохнет, исчезает вдруг.

КАНЦОНА

Приглашение петь об Амуре

Волны прядали в разбеге,
А на берегу
Иппокрены я склонился.
Тут-то златокрылый, рея,
Цитеря,
Сын твой птичкой мне явился
И сказал: Ты ль, ежечасно
Сладкогласно
Дух воинский прославляя,
Принимаешь без смущенья
Те сраженья,
Что уму даю всегда я?
Стрелы закалив как надо
Негой взгляда,
Я пришел играть с тобою;
Для закала вспрыснув шуткой
Стих твой чуткий,
Выходи играть со мною.

Говоря, Амур смеялся;
Кто б остался
Сердцем скуп, его б не славил?
Нет ему ни в чем отказу,
Или б сразу
Он оружием петь заставил.

ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ В ВИФЛЕЕМЕ

Песнь I

(Фрагменты)

«Расторгнись кровию завеса обагрена,
 Где скрыты времена и страждуща вселенна!..
 Сатурн! — остановись! представь мне зверский дух,
 Который истребил две тьмы младенцев вдруг!
 Род смертных! содрогнись!.. и проклинай тирана,
 Которым истина небесная попранна!

О Ты, Который, зря несчастья людей,
 Лиет в сочувствии слез токи из очей!
 О Гений истины! Хранитель всей вселенны!
 Вдохни в меня весь огонь, внутрь Этны заключенный,
 Чтоб мог я описать неистовства следы
 И ядовитого тщеславия плоды;
 Чтоб мог представить я невинности кончину
 И раздробить царя жестокого личину;
 Чтоб мог я изразить терзанье матерей,
 Взвизгивающих на смерть любезных им детей! —
 Будь ревом бурь, мой дух! — будь веяньем зефира...»

В груди подлунная — в сем центре — в сердце мира —
 Рукою воина небесных, горних сфер,
 В бездонны пропасти, покрыты мглой пещер,
 Затмивый луч ума, Творца закон поправый,
 Лежит низверженный издревле дух лукавый. —
 Из змий и аспидов вервь длинная сплетясь,
 С шипеньем, с свистом вокруг чудовища вьясь,
 Язвя, выпускает яд в его стесненны члены,
 Отмщенья Божия перуном опаленны. —
 Сего владыки слез — тиранства и мучений,
 Сего начальника стенаний — угрызений —
 Из углей пламенных престол сооружен,
 И таргарским огнем отвсюду окружен;
 Сей огонь в Едеме был Божественный — священный;
 А ныне — он лиет свет тусклый и сгущенный!..

Как в сфере метеор средь мрачныя ночи
Бросает огненны вокруг себя лучи;
Так в вечной, страшной мгле владыка сей надменный
Льет вокруг себя огонь, злобою возжженный.
Таков надменного сего злодея вид! —
Зубчатый на главе его венец лежит,
Зелены гидры в нем на место камней видны,
Церасты страшные и лютые ехидны. —
Между стальных ресниц во вдавшихся очах,
Где вечна скорбь видна, где — ужас, смерть и страх,
Летает мрак густой и молнии сверкают.
Как взоры робкого кометы устрашают,
Когда в осеннюю глухую полуночь
Бросая яркий свет, густый мрак гонят прочь:
Так искошенные сего владыки взгляды
Льют не жизни ток, но — смертоносны яды.
Внутри челюстей его ужасный ад горит,
А сера со смолой в груди его кипит. —
Смущен — отчаян — горд — он молнии изрыгает, —
Трепещет — мучится и — громами стенает! —
Горят там деревья, куда он бросит взгляд;
Но — несгораемы во пламени стоят. —
В стальном-сизеющем его разверстом зеве —
В сей страшной пропасти — в сей пламенной Эреве —
Бесчисленны ряды насаждены зубов
(Подобье истое искривленных серпов!),
Которые льют потоки ржавой пены
И умножают смрад дымящейся геэнны! —
Сражаясь меж собой, они как сталь звучат
И скрежетом своим колеблют мрачный ад;
А змиевидный хвост, как будто отвечая,
Виясь во пламени, ужасный свист пуская,
Разит чудовище стократно по бокам —
И гул, как гром, ревет по тартарским странам.

Чудовищу сему — еще с начала века,
Зияющему злом на брэнна человека,
Три девы грозныя всечасно предстоят:
Во взорах виден их палящий сердце яд;
Держа бичи из змей и терния сплетенны,
Разят чудовища трепещущие члены.
Змей черных страшный сонм на их главах свистит,

Скрывая взоры их и несколько ланит;
Чудовище, в руках железный скиптр вращая
И ненавистный взор на оный обращая,
В груди питает яд — гнушается собой
И хочет, кажется, престол оставить свой.

АДОНИС

[Смерть Соловья]

Меж веток дуба, пращура дубравы,
В зеленую обитель, в мирный кров
Касатку зазывает для забавы
Малиновка, подружка пастухов.
А там, где солнце опаляет травы,
Где вяз один заброшен средь дубов,
Там горлинка поет в тени зеленой —
Отшельница под лиственной кроной.

Щегленок в гущу самую ветвей
Забьется, щебеча напрапалую,
И, слыша канарейку, тотчас ей
Он повествует про любовь былую.
И, как охотник на дуде своей
Выводит сладко песню полевою,
Так с жаворонком, огласив простор,
Вливается зарянка в общий хор.

.....
Но из пернатых, нежных и красивых,
Кто в пении пленительней сирен?
Кто замирает в томных переливах?
Сирена роц, ты, Соловей, блажен!
Изящен стиль нот странно-прихотливых;
Он — истый мастер десяти колен.
На сто ладов он сыплет гром и тает,
На ста наречьях песню выражает.

Послушайте певца (о чудеса!):
Себе он долго внемлет, полный жара.
Умолкнет — эхо множит голоса.
То делает оттолчку в пол-удара,

То громом разрывает небеса,
То дробью рассыпается он яро,
И зыблется цепочкой тонкой трель:
То разовеет, то свяжет вновь кудель.

Какие рифмы и по нотам пени
Слагает сладострастный мой певец!
То тихо стонет он в кустах сирени,
То вздохом тронет тысячи сердец,
То в темпе фуг и частых ускорений,
То, тихо такт замедлив, под конец
Он подражает (слушатели, млейте!)
Органу, цитре, лютне, лире, флейте.

Он горлом обольстительным подчас
Выводит гамму; раз, наверно, сотый
В трель переходит; сладкозвучный глас
В гармонию переливает ноты.
И, словно рея в небесах, на вас
Вдруг падает свинцом, прорвав высоты,
Но вновь зальется в тишине лесной,
Из трелей сладив контрапункт двойной.

Казалось, что в его гортани с лирой
Вихрь бушевал, вращался быстро диск.
Как фехтовальщик гибкою рапирой,
Он мечет язычком, как василиск.
Совет его и песней льется сирой
И рассыпается алмазом брызг.
Ты скажешь: это — дух небес, который
По песенной канве расшил узоры.

Кто мощь вложил в объем ничтожный тел?
Откуда столько гения — в пернатом?
Как в крохотном и слабом тельце пел
Столь невесомый и звенящий атом?
Иль то не Соловей, а лес гремел
Летучим звуком, звонким перекатом?
Перистый дух, сказитель тайных мук?
Певучее перо? Крылатый звук?

Тогда Меркурий, насторожив уши,
Увидев Адониса, рек ему:

«Сам посуди, что твой рожок пастуший!
Божественен певец! Я не пойму,
Взаправду ли столь крохотные души
Так потрясают смертных? Почему?
Возможно ль, чтоб, из горла вылетая,
Гармония сплеталась неземная?

Красу искусства в существе любом
Природа изумительно являет,
Но разве можно кистью иль пером
То выразить, чем Соловей пленяет?
И как она меж тварями, притом,
Грань положила, нам не объясняет...
Вот этим отклонением Зевес
Нас поражает боле всех чудес.

По поводу услышанного пенья
Мне вспомнилась история одна:
И тронется скала от умиленья,
Настолько повесть чудная грустна.
Раз пастушок влюбленный, полн томленья,
Скорбь изливал. Чуть дрогнула струна,
Умолкли густолиственные рощи
И небеса оделись мраком ночи.

Меж тем как Эрос в лютню пролил яд,
Вдруг вострепнулся лес темно-зеленый.
Тот пастушок, покинув шумный град,
Спасался здесь, любовью изъязвленный,
И замер: чу! не голоса ль дриад?
Да нет же! Соловей неугомонный!
Отвергнутый любовник видит бук
И тщится повторить на лютне звук.

На буке, лишь роса ночная пала,
Будя дремоту сел и деревень,
Аврору пташка нежно умоляла,
Чтоб та поторопила ясный день,—
И лютни звук внезапно услышала,
Холмов спугнувший тающую тень.
И чашу огласил, в безмолвье хмуром,
Стон раненного невзначай Амуром.

Волшебный звук! Задорный Соловей
Пленился тайно песенкой кручины,
И, спархивая с лестницы ветвей,
Оставил он древесные вершины.
Со звуками все громче и сильней
Переплетался отклик соловьиный.
То отлетал, то вновь летел на стон,
Пока юнцу не сел на шею он.

Не прекратил игры любовник юный,
Прикосновенье птички ощутив.
Печальнее перебирает струны
И громче повторяет он мотив.
А Соловей мой, баловень Фортуны,
Урчит и в такт вставляет перелив.
Меж тем как первый сгует на деву,
Второй аккомпанирует напеву.

На жалобном инструменте один
Возобновляет вопль своей печали.
Другой стенаньям вторит из глубин.
Они друг другу словно подражали,
Соревновался с пташкой селянин,
И оба лес угрюмый оглашали.
В безмолвии на небе там и сям
Мерцали звезды, внемля двум певцам.

Сперва птенец внушил юнцу презренье:
— Уж над тобой потешусь я, прости! —
И пастушок, умолкнув на мгновение,
Легко ногтями струны стал скрести.
Вот так арпеджо! Что за наслажденье!
Подобных нот пичужке не найти!
Но чудо! То, что музыкант бряцает,
Все дивный клювик пташки повторяет.

Соперничеством короля певцов
Был музыкант взбешен необычайно.
В чем держится душа, а все ж готов
К пассажирам всяким птенчик. Что за тайна?
И начал подбирать среди ладов
Труднейший тон, высокий чрезвычайно.

И что ж? Неугомонный язычок
Не отстаёт, хоть взятый звук высок.

Позор! Любовник от стыда сгорает.
Ничтожеством ужель он побежден?
Он подкрутил колок и начинает
Пассаж, который им изобретен.
Соперник не в долгу и отвечает,
И каждый раз все громче трелит он.
Запутывает лабиринты гласа,
И все ж на месте каждая прикраса.

Оледенев, любовник Соловью
В сердцах промолвил: «Нет с тобою сладу!
Иль, сдавшись, эту лютню разобью,
Или в победе обрету награду».
Он лютню взял, чтоб победить в бою.
И стал на ней он изливать досаду:
В синкопах строфы прерывал и вдруг
Варьировал шестнадцатыми фуг.

По грифу до порожка вверх бежала
Его рука по прихоти мечты.
То понижался звук без интервала,
То достигал пискливой высоты;
То дребезжанье трель напоминала,
То примы вдруг касались персты,
Звук обрывая плавно-величавый,
Переходя в басовые октавы.

Летит то на низах, то на верхах
Его рука в мелькании игривом.
Ни разу не запутавшись в струнах,
Он поражал неожиданным переливом.
И о борьбе жестокой впопыхах
Рассказывал почти речитативом,
Умерив звоном сладкогласных дум
Инструмента воинственного шум.

Литавры, трубы — все, чем в пору боя
Марс закаляет смелые войска,
Вновь сокрушенные ряды их строя,—
Все выразила звуками рука.

То звон гремел отгулами прибоя,
То походил на лепет ручейка.
Меж тем как он тонул в волнах созвучий,
Умолк соперник — Соловей певучий.

Сознания превосходства не тая,
Пернатого он хочет слышать пенье.
Но как ни льстилась пташечка моя
Пустой надеждой выиграть сраженье,
А слабенькому тельцу Соловья
По силам ли такое напряженье?
Такой игры, такого мастерства
Нет в горлышке живого существа!

И так как не было конца и края
Всем тонкостям игры, томясь тайком,
Не выдержала пташечка шальная,
Подавленная дивным мастерством.
Как пламень свеч, колеблясь, погасая,
Вновь на мгновенье вспыхнет пред концом,
Дал птенчик ноту нового колена —
И с жизнью оборвалась кантилена.

А звезды, что пленялись красотой
Прекрасной песни, не смыкая зора,
Погасли скорбно. В лодже золотой
Заря явилась, и взошла Аврора.
И музыкант омыл своей слезой
Пичужку, жертву бедную раздора.
Он понял, сетуя, что был жесток
Не менее, чем беспощадный рок.

И заколдованный волшебной силой
Погибшего соперника, без слов,
В утробе лютни полой, сердцу милой,
Похоронить решил певца лесов.
И было то единственной могилой,
Достоиную возвышенных певцов.
Он перышком пичужки бесподобной
Ее кончину описал подробно...»

АДОНИС

(Отрывок)

На древнем дубе, чей зеленый кров
Ее приют, пернатая черница
Поет, подруга вольных пастухов,
Зовя касатку присоединиться.
И горлица, услыша этот зов,
Не на высокий вяз — на куст садится,
Где дом ее и где поет она
В уединении, но не одна.

Щегол щебечет, прыгая на ветке,
И прячется, внезапно онемев,
Рискуя оказаться в ловчей сетке,
Канцоны дрозд читает нараспев.
И гимн Амуру и любовной клетке
Выводит канарейка, засвистев.
И чечевица вторит зеленушке,—
Все для себя поют и друг для дружки.

Чекан поет и золотистый чиж,
Ласкает слух садовая овсянка,
И голос реполова различишь,
Откликнулись крапивник и просянка;
За ней — вьюрок, полуручной глупыш,
И за вьюрком вступила коноплянка.
Поет синица, луговой конек,
И жаворонок устоять не смог.

Рябинник вторит сарке суетливой.
И яблоку — прожорливый скворец.
Красивый голос и убор красивый
У всех — как на подбор, к певцу певец.
Вступить не может в этот хор счастливый
Дубравы сонной или гор жилец,
Который голосом своим и платьем
Уступит многочисленным собратьям.

И есть большая птица среди тех,
Кто в хоре, — величава, белокрыла,

Чей крик предсмертный поражает всех —
Такая в нем всегда звучала сила;
Чье покрывало величайший грех —
Небесное прелюбодейство — скрыло:
Ведь, если бы не ловкий маскарад,
Пожар троянский не был бы зачат.

Серебряная вытянута шея,
Пока еще молчит открытый клюв,
Но вот певец, дыханием владея,
Запел, в трубу гортанную подув.
Дрожа, змеится голос чародея,
Который плачет, шею изогнув,
И, полные неисцелимой муки,
Отрадны слуху сладостные звуки.

Но и очам и слуху всех милей,
Всех грациозней в песне и в полете —
Природы чудо, звонкий соловей.
Какое совершенство в каждой ноте!
Он как бы учит музыкой своей
Других певцов, у каждого в почете.
Сирена роц прохладных и садов,
Он может петь на тысячи ладов.

Нельзя не восхищаться этим дивом:
То слышен голос, то смолкает вдруг,
Чтоб разделить мгновенным перерывом
Насыщенный и самый тонкий звук,
То льется перелив за переливом,
То цепь прервется — разомкнется круг.
Каким бы звуком он ни начал фразу,
Он музыкален — это видно сразу.

О, как искусно, грустно как звучат
Его стихи! Какой в них смысл глубокий,
Когда печаль, которой он объят,
Он вкладывает в свой напев жестокий!
То пауза, то фугам нет преград,
И разный стиль — то низкий, то высокий.
Дар подражанья музыканту дан:
Он — флейта, лютня, лира и орган.

Его очаровательное пенье
Порой подобно лестнице витой:
Мелодия, лаская дуновенье,
По лесенке легко взбегает той,
Чтоб сверху, задержавшись на мгновенье,
Низринуться — расстаться с высотой.
За трелью чистой следует другая,
Двойного контрапункта достигая.

Поверишь, будто в горле у певца
Стремительное колесо кружится.
Язык певца — как быстрый меч бойца,
Чья устали не ведает десница.
Начав, допеть он должен до конца,
И кажется подчас — поет не птица,
Не соловей — но ангел, горний дух
Чарует модуляциями слух.

Откуда в этом малыше крылатом,
В столь крошечном создании столько сил?
И кто представит, что певучий атом
В себе так много нежности вместил?
И кто другой звучанием пернатым,
Дыханием живым эфир будил?
И есть ли в мире кто-нибудь известней
Крылом поющим и крылатой песней?

Меркурий на Адониса глядит,
Который пеньем поглощен прелестным.
— Ну, как тебе? Что скажешь, — говорит, —
Об этом диве, о певце чудесном?
Ужели ты поверил бы на вид,
Что столько жизни в этом теле тесном?
Поверил бы, что музыка его —
Гармонии великой торжество?

Природа (можно ль усомниться в этом?)
Своим искусством вправе быть горда;
Но, как художник небольшим портретам
Таланта дарит больше и труда,
По отношению к маленьким предметам
Она щедрей бывает иногда,

И это чудо певчее по праву
Других ее чудес затмило славу.

Прелестная история была
Однажды с этим пеньем — грустный случай,
Которым бы растрогалась скала,
Огромная гора, утес могучий.
Звенели струны, музыка текла,
Рассказывая о печали жгучей:
Любовник некий, одинок и юн,
В ночном лесу касался легких струн.

В безмолвной роще музыкант бессонный,
Струнáми даже Сон околдовав,
На лютне пел. Но вот певец влюбленный,
От города бежавший в сень дубрав,
Остановился как замороженный,
Лесного виртуоза услышав,
Остановился — ближе не подходит
И шепотом напев воспроизводит.

Несчастный соловей, воспряв от сна,
Пел в тишине, моля зарю зачином,
Чтобы скорее в мир пришла она,—
Пел на своем наречье соловьином,
Как вдруг заметил, смолкнув,— тишина
Нарушена в ночном лесу пустынном,
Куда влюбленный юноша принес
Отчаянье невыплаканных слез.

Пичужка, любопытству уступая
Или призыву этих скорбных нот,
Гнездо покинув и перелетая
На ветку с ветки, с легкостью берет
Чужую ноту, на лету вступая,
И, словно нового примера ждет
И в пенье хочет с юношей сравниться,
Летит к нему — и на плечо садится.

А тот, в свои печали погружен,
Не обращает на нее вниманья:
Все жалобнее, все быстрее звон,
Все громче струн мучительных звучанье.

И соловей запел страдальцу в тон,
Он вкладывает в пень все старанье.
Тот плачет, этот, сидя на плече,
Заливисто поет в его ключе.

Один, понурясь, на струнах унылых
Тоскливо за строфой строфу поет,
Другой, как будто боль сдержат не в силах,
От первого певца не отстают.
Отзывчивость будя в ночных светилах,
Звучит согласно сочетанье нот
И в темной роще музыкою нежной
Покой лелеет Ночи безмятежной.

Певец влюбленный было пренебрег
Соперником, приняв игру сначала,
И, чтобы соловей ответить мог,
Он взял аккорд — и лютия замолчала.
Он за уроком задавал урок,
И птица в лад пассажам отвечала.
Он выжидал — и начинал опять,
Но клюв руке не думал уступать.

И музыкант едва ли не растерян,
Победы не добившись до сих пор,
Он в превосходстве больше не уверен,
Он получил решительный отпор.
Но юноша сдаваться не намерен,
Он ищет звук, которым кончить спор,—
Увы! какую ноту ни предложит,
Всё язычок пропеть проворный может.

Пришлец краснеет: с кем скрестил клинки —
И уступил! А впрочем, почему же?
Нет, он решает подвернуть колки
И жилы струн натягивает туже.
Но клюв, не отставая от руки,
Берет любой аккорд ничуть не хуже
И повторяет каждый звук шутя,
Звонкоголосый лабиринт плетя.

Тот, леденя, молвит, полон гнева:
«Сейчас тебе такое пропою,

Что ты не сможешь повторить напева,
А если сможешь — в щепки разобью
Бессмысленное дерево о древо!»
И тут же предлагает соловью
Ряды восьмых, стремительную фугу
Обруша на несчастную пичугу.

То наверху, то возле деки гриф
Он то сожмет, то отпускает снова:
Он, все свое искусство приложив,
Запутать норовит певца меньшого.
Берет за нотой ноту, в ход пустив
Все пальцы — от мизинца до большого.
Бежит октава вверх и снова вниз:
Триумф любой ценой — его девиз.

Как птица, — нет, быстрее, — неустанно
Его рука летает по струнам,
По грифу пальцы пробегают рьяно —
Такого он не ожидал и сам.
Подобно звукам воинского стана
Звучание неповторимых гамм,
В бряцанье струн оружия бряцанье
Звенит как боевое восклицанье.

Тимпаны, трубы, все, чем бог войны
Бойцов зовет на ратном поле к бою,
В искусной песне юноши слышны,
Воссозданы уверенной игрою,
А он торопит бурные струны,
А он волну вздымает за волною,
И сложная мелодия звучит;
Соперник внемлет — внемлет и молчит.

И тот умолк — ответа ждет: не шутка
Все это горлом воспроизвести.
Силенки, сколько их вмещает грудка,
Собрал певец, чтоб дальше спор вести.
Но слишком путь велик, чтобы малютка
Сумел добраться до конца пути.
Простое и естественное пенье
Не знает, что такое ухищренье.

Предела, мнилось, поединку нет,
Все продолжался спор — открытый, страстный,
И пробил час — и замолчал дуэт:
Охрип и лопнул соловей несчастный.
Как меркнет, исчезая, слабый свет
При ярком свете — немощный, неясный,
Так язычок певучий онемел,
Отвергнув побежденного удел.

Сколь сладостно лесное чудо пело,
Чаруя пеньем слух ночных светил!
От звезд печальных небо опустело,
И небеса восход позолотил.
Безжизненное крохотное тело
Слезами скорби музыкант омыл,
Не сваливая только на судьбину
Внезапно этой гибели причину.

И, дарованьем щедрым восхищен,
Принявшим гордый спор без тени страха,
Похоронить решил беднягу он
И лютью сделать пребываньем праха.
Певец в могиле звонкой погребен —
Сподобилась высокой чести птаха.
Про этот спор и про ее талант
Ее пером поведал музыкант.

* * *

Рыдайте, Амуры и нежные Грации,
 У Нимфы моей на личике нежном
 Розы поблекли и вянут все прелести.
 Венера всемошная! Дочь Юпитера!
 Услышь моления и жертвы усердные:
 Не погуби на тебя столь похожую!

БОЛЬНОЙ ЭЛИЗЕ

Младые Грации, Амуры, лейте слезы!—
 Покрылись бледностью Элизы красоты!—
 Лишь лилии цветут, где расцветали розы...
 Венера милая! О мать Любви! О ты,
 Из волн рожденная для обладанья миром
 И принесенная в счастливый Кипр Зефиром!

Сойди на скорбный одр красавицы моей!
 Рассей болезнь в груди Элизы несравненной
 Воззрением твоих божественных очей!
 Киприда, где ж теперь таится сын твой нежный?
 Не вижу я его ни на ланитах сих,
 Ни под ресницами сих взоров голубых...

Вели ж ему опять, богиня, возвратиться;
 В его любимое жилище поспешить—
 В каких устах ему так можно насладиться?
 Откуда может он верней сердца ловить?—
 Молчит ли, молвит ли она устами сими—
 Всегда в них Грации с Амурами твоими.

Элиза! но теперь! нет сей улыбки там,
 Которая всегда из уст твоих порхала
 И разливалась по всем твоим чертам...
 Как приуныла ты! Куда, куда пропала
 Та живость острая небесных взоров сих?
 Та сладость тайная, начертанная в них?

И перси белые, любовной неги полны,
Не воздымаются из дымковых преград,
Как ветром на берегу колеблемые волны...
О ты, Зевеса дочь, Киприда! мать отрад!
Коль правда, что никто не звал тебя бесплодно—
Не дай увянуть ей, красой тебе подобной!

ФАРИСЕЙКА

Донна Фабия Фаброни, цвет миланского бонтона,
С Францисканцем Фра Джузеппе, у открытого балкона,
Дня два-три тому, в субботу... или нет, я вспомнил — в среду,
Сидя под вечер — такую томно с ним вела беседу:

«Да, вы правы, Фра Джузеппе, в вашем страхе и боязни,
Близко света преставление — мир заслуживает казни.
Я сама ваш образ мыслей всей душою разделяю,
Ибо многое такое я на свете замечаю,—
Все такое, что, конечно, совершаться не могло бы,
Если б час не приближался исполненья божьей злобы.

Что вокруг себя мы видим? — зло, разврат и преступленье,
Буйство черни, грубость массы, либералов исступленье,
Вольнодумство и нечестье, козни, наглые обманы,—
Знатный род не представляет людям более охраны.
Знатный род — вы рассудите сами — это что такое?
Точно знатность — не основа благ общественного строя.

Или мертвых воскресенье в наше время не далеко
И мы видим исполненье вдохновенных слов Пророка;
Или... я уж и не знаю! сей сумбур холеры злейший —
Вожделенный плод, должно быть, философии новейшей...
Я сама, почтенный падре, нет тому еще недели,
Испытала степень злобы развращенных масс на деле.

Я говела, сообразно христианскому обряду,
И собор святого Цельза посещала три дня сряду.
Все, как следует, при этом я, по званию, соблюдала
И к собору ровно в полдень я в карете подъезжала.
Экипаж мой всем известен — весь в гербах, при двух лакеях,
А лакеи в самых новых, только сшитых им, ливреях.

Ну-с, два дня прошли прекрасно, я окончила говенье
И на третий приезжаю (это было Воскресенье);
Но, подъехав, замечаю, что на паперти у входа
Нищих множество столпилось, разночинцев, дряни, сброду,
Так чтоб выйти из кареты и пройти к дверям собора
Не нашлось, imaginez-vous, достодолжного простора.

Делать нечего — смешно же было даром возвращаться!
Я людям своим велела, подозвав их, протолкаться,
Но, приказывая это и не думая ни крошки
Об опасности, с каретной поскользнулась я подножки
И на паперть, чуть не навзничь, всей я тяжестью упала!
Кринолин мой... comparez-vous, сколько было тут скандала?!

Поднялась я, не ушиблась, но подобные пассажи
Нам, особам, важным лицам — неприятней смерти даже.
Я стыдливостью, приличьем дорожу, как жизнью самой,
И такой ужасный случай, днем и гласно, с светской дамой!
Если в обморок я тут же без сознания не упала,
То меня, конечно, в этом только вера подкрепляла.

Что ж вы думаете? случай этот, горький и ужасный,
Вызвал в черни состраданье, как должно бы быть? — напрасно!
Вы ошиблись бы, конечно, если б так предполагали;
Надо мной же все смеялись: шум поднялся, мне свистали!
Точно будто бы я ровней им была, простой мещанкой,
Или рыбною торговкой, иль заезжей комедьянткой...

Много выстрадала горя, падре, я в минуты эти,
Но Господь мне был защитой и уменье жить на свете:
Я толпе не показала ни страданья, ни смущенья,
Обвела всю чернь я взором, полным гордого презренья, —
И, при помощи лакеев, быстро в храма дверь проникла,
Где с молитвою такую пред распятием поникла:

«О! Господь, мной жарко чтимый, Ты своею благодатью
Дал возможность мне родиться между избранною знатью,
Хоть и мог бы (нет для Бога в мире вещи невозможной!)
Сотворить меня лакейкой, червем, гадиной ничтожной,
Приношу тебе за это я свое благодаренье!
Ты всецедро возвеличил на земле свое творенье.

Но хоть я ценю высоко сан свой, данный мне Тобою,
Я тщеславия не знаю и не хвасталась собою.
Что другим бы, слабым мыслью, только голову вскружило,
Мне, напротив, в деле веры побуждением послужило,
Долг мой мне напоминая — подражать Христу в терпении
И врагов моих безумных в снисходительном прощеньи.

Сын Твой распятый, Ты знаешь, пресвятой Отец Небесный,
Изнывая от страданий, причиненных смертью крестной,
За разбойников молился; Он пример для всех скорбящих
И прощать велел безумцев, зло в неведеньи творящих;
Так и я, в минуту скорби, Сыну Божию подобно,
За толпу невежд молюся, оскорбляющую злобно.

Отпусти поступок дерзкий этим людям без сознания
Моего смиренья ради, ради крестного страданья!
Их на путь наставь ко благу — силы дай для исправленья,
И в селениях небесных уготовь мое спасенье,
Чтобы я была достойна вечных благ и вечной славы
Ныне, присно и во веки, амен — Боже вечно правый!»

Я окончила моление, и, чтоб деятельно веру
Закрепить поступком добрым, прочим дамам для примеру
Я решилась (сообразно дорогим моим идеям)
Отплатить за злое добрым в тот же час моим злодеям.
Для чего, на паперть выйдя, я в дверях остановилась —
И с такую речью, падре, я к той черни обратилась:

«Не смущайтесь, — им сказала я с доверчивою лаской
(Ласка служит этим людям самой лучшею острасткой),
Я хочу в нужде помочь вам... день сегодняшний мне дорог,
Сколько вас всего тут будет? —

— Будет ваше-ство нас с сорок.

Сорок? — много! неужели?.. ну, а впрочем, что ж такое?
Вот две лиры: разделите дружно их между собою!»

ГРОБНИЦЫ*(Отрывок)*

Там смешивали кедр и кипарис
В зефире нежное благоуханье,
Склоняясь вечной зеленью своей
Над гробовую урной. Драгоценный
Сосуд слезой обетной окроплялся;
Сонм преданных друзей, в своей любви,
Старался луч заимствовать от солнца,
Чтоб этот мрак могилы прояснить.
Так, умирая, обращаем мы
Тоскливый взгляд свой к дневному светилу,
И к свету рвется в наш предсмертный час
Последний вздох, из груди выходящий.
Фонтан журчал, серебряной струей
Он обдавал фиалки, амаранты,
Которыми усеяна была
Трава могильная; кто приходил,
Чтоб возлиянье сделать над гробницейй
Иль тайную печаль свою поверить
Умершему,— впивал благоуханье
Благословенных елисейских стран.

ЖЕНА АВСТРИЙЦА

(Отрывок)

Она одинока в веселом собраньи
И зора не смеет поднять на подруг,
От страха, что встретит одно порицанье,
Насмешки и строгие взоры вокруг.
А те же как прежде затеи и пляски,
Но руку никто не протянет уж ей,
И льстивые речи исполнены ласки —
Лишь нет для нее этих льстивых речей.

Ребенок цветущий, что розан весенний,
К отверженной всеми один прибежал
И, к матери бедной вскочив на колени,
С ресницы слезу поцелуями снял.
Безмолвно проходят пред милым дитятей,
Его не похвалит внимательный свет:
Ни детских забав, ни раскрытых объятий
Ему, как привета для матери, нет.

Но если сторонний вдруг спросит неловко:
«Кто эта, прильнувшая нежной щекой
К курчавой и русой ребячьей головке,
С такую покорной и тихой тоской?» —
Сто уст ему разом ответят, бледнея —
Сто уст, и их речь будет злобы полна:
«Жена она общего всем нам злодея —
Жена человека чужого она!»

В театре, на пире, пред Богом во храме,
Пред Богом, прощенье дарующим всем,—
В толпе, сторожимой шпионов ушами,—
Вопль кары народной не сдержан ничем!
И встречены всюду одним восклицаньем
Ее ненавистные взору черты:
«Проклятье тебе! итальянским лобзаньем
Солдата-австрийца счастливила ты!»

Она одинока. Но дней сиротливых
Биением сердца часы сочтены,
И полно оно ожиданий счастливых:
Вот муж из далекой придет стороны...
Неправда! Разбитое сердце не знает
Давно отлетевшего вздоха любви:
Иная забота его занимает,
Иное тревожное чувство в крови.

«За что Ты мне, Боже, послал наказание
(Твердит она в мраке бессонных ночей),
Когда допустил за чужое лобзание
Меня позабыть об отчизне моей?
Не я ли была ее дочерью милой?
Моя ли не в радостях юность цвела?
И что ж? этой родине я изменила,
Пред нею и братьями я солгала;

От общих страданий и мук отказалась,
Отвергла их стоны, как будто чужих,
Тиранам Италии я улыбалась,
Я гостьей сидела на пире у них.
Презренная! ты из стыда и позора
Сама одеянье соткала себе:
Останься ж в нем вечным предметом укора —
Не снять его плачем бесплодным тебе.

Любви непреступной святая награда —
Невинный младенец, на стыд осужден,
Отвержен и проклят, как блудное чадо,
Чужой тому краю, в котором рожден.
Теперь он на груди у матери прячет
Обиду, которой не в силах понять;
А позже узнает он, что она значит —
И, может быть, сам оскорбит свою мать...

И если случится, что узел неволи
Отыщут изнывшие люди в цепях,
И в сердце у трусов, для доблестной доли,
Воскреснет сознание силы в руках,—
К какому народу пристану, с судьбою
Кого я в сердечный союз заключу,

О ком к небесам обращаю с мольбою,
Чье знамя победным узреть захочу?

Сестра и гражданка, и мать, и супруга,
Иду я особо колючей тропой;
Я в тернье вошла из цветущего круга
И с болью ступаю дрожащей стопой...
Презренная! ты из стыда и позора
Сама одеянье соткала себе:
Останься ж в нем вечным предметом укора —
Не снять его плачем бесплодным тебе...»

ВОСПОМИНАНИЕ

Не думал я, что над отцовским садом
Ты снова мне когда-нибудь засветишь,
Знакомая, прекрасная звезда;
Что из окна родимого жилища,
Где протекли дни детства моего,
Где радостей своих конец я видел,
Я обращаю к тебе, как прежде, речь...
Каких картин, каких безумных мыслей
Твой яркий блеск и блеск твоих подруг
Не порождал в уме моем, бывало!..
Я помню, как по целым вечерам
Просиживал один я, молчаливо,
Смотря на небеса... А вдалеке
Однообразно квакали лягушки,
И вокруг меня в траве и на кустах
Горели светляки, и ветерок
Шумел листвою дерев благоуханных
И темными ветвями кипарисов,
Да слышался порою говор слуг,
В отцовском доме занятых работой...
Как много дум, как много светлых грез
Мне навевали горы голубые
И моря даль, когда я видел их!
Лететь туда, в неведомые страны,
Хотелось мне... «Там счастье!» — думал я.
О, если б мог тогда я угадать,
Какая ждет судьба меня в грядущем, —
Охотно бы на смерть я променял
Бесцветное свое существованье!..

Да, я не знал, что буду обречен
Влачить свою безрадостную юность
В пустынном, диком этом городке,
Среди людей, которым чуждо знанье,
И даже слово это ненавистно!
Они над ним глумятся и меня
Бегут, ко мне исполнены враждою.
Не зависть ими руководит, — нет!

(Они во мне не видят человека,
Который выше их), но мысль, что сам
Я существом себя считаю высшим,
Хоть никогда, ни с кем я не был горд.
Здесь я томлюсь без жизни, без любви
И, окружен суровой неприязнью,
Невольно сам суровым становлюсь.
Я чувствую, как прежняя любовь
Презренью к людям место уступает,
Как исчезает юность дорогая,
Что славы мне дороже и венца,—
Дороже, чем лучи дневного света,
Чем самое дыхание мое!
Да!.. И тебе здесь суждено поблекнуть,
Без радости, без пользы — бедный цвет,
Единственный в пустыне этой жизни!..
Протяжный звон доносится ко мне:
То бьют часы на старой колокольне.
Знакомый звон!.. Я помню, как в ночи
Он утешал меня, когда порою,
Ребенок боязливый, я не мог
Сомкнуть очей от страха в спальне темной
И призывал, в слезах, рассвета луч!
Все, что бы здесь ни видел я, ни слышал,—
Все вызывает в памяти моей
Ряд милых сердцу образов... Но мысль
О горьком, ненавистном настоящем,
А вместе с ней и тщетное желанье
То воротить, чему возврата нет,
И это слово грустное: «я был» —
Мои воспоминанья омрачают!..
Я узнаю и этот старый зал,
Что обращен к лучам прощальным солнца.
Любил я стены пестрые его,
Где чья-то кисть пасущееся стадо
И солнечный восход изобразила;
Оне в те дни, когда рука с рукой
Со мною шли обманчивые грезы,
Так услаждали детский мой досуг!
Я помню зал тот зимнею порою,
При блеске ослепительном снегов.
Под окнами высокими, бывало,

Сердитый ветер воеет и гудит,
А детский смех мой звонко раздаётся,
Дразня его... Да! то была пора,
Когда ещё печальный этот мир,
Нам страшных тайн своих не открывая,
Глядит на нас приветно и светло;
Когда, ещё не сломлен, не запятнан,
Ребенок жизнь беспечную свою
И полную чарующих обманов
Так любит, и небесную красу
В ней видит, как неопытный любовник...

Погибшие надежды юных лет!
О чем бы речь я ни завел, но к вам
Все возвращаюсь... Год идет за годом,
И чувства изменяются, и мысли,
Но вы все живы в памяти моей.
Я знаю; слава — призрак; наслажденья,
Богатство — суета; вся эта жизнь —
Бесплодное, ненужное страданье;
И, стало быть, меня лишает рок
Немногого, в удел мне посылая
Ничтожество... Но все ж, когда порой
Я вспомню вас, надежды молодые,
Далеких дней пленительные сны;
Когда, взглянув на путь свой безотрадный,
Я вижу, что из всех моих надежд
Одна лишь смерть теперь мне остается,—
То сердце вдруг сжимается тоской,
И мне еще становится яснее,
Что для меня здесь утешенья нет!
И знаю я: когда настанет час,
Что положить предел страданиям должен,
И мир страной покажется мне чуждой,
И будущность сокроется от глаз,—
Я и тогда о вас все думать буду...
Вдох у меня вы вырвете еще,
И отравит минут последних сладость
Мне мысль, что жизнь бесплодно прожита...

Не раз я, в вихре юности мятежной,
Среди борьбы, волнений и тревог,

Смерть призывал. Я долгие часы
Просиживал в раздумьи над рекою,
И мне казалось — лучше б схоронить
В ее волнах и горе, и надежды...
Когда ж потом недуг меня к могиле
Приблизил, — как глубоко я скорбел
О юности, на гибель обреченной,
О смятых ранней бурей цветах!
И в поздний час, при бледном свете лампы,
Я на одре страдальческом своем,
Оплакивая жизни скоротечность,
Песнь юным дням прощальную слагал...

О, кто же их без вздоха вспомнить может —
Те бесконечно радостные дни,
Когда впервые ласковой улыбкой
Стыдливая дарит нас красота,
И все вокруг встречает нас приветом!
Когда еще молчат, иль только шепчут
Чуть слышно бледной зависти уста,
И даже свет (кто б это мог подумать!)
Готов нам руку помощи подать!
Он юноше прощает заблужденья
И, празднуя его вступление в жизнь,
Склоняется пред ним, как бы желая
В нем своего властителя признать.
О, эти дни! Быстрее они от нас,
Чем ночью блеск зарницы, исчезают...
И кто из бедных смертных не поник,
Подавленный глубокою тоскою,
Когда пора прекрасная умчалась,
И в сердце пламень юности потух!..

Нэрина! Разве каждый уголок
Мне и тебя здесь также не напомнит,
И не живешь ты в памяти моей?
Куда, куда ты скрылась, дорогая?
Зачем воспоминанье лишь одно
Здесь о тебе осталось, и не видит
Тебя уж больше родина твоя?..

Вот то окно, в которое когда-то
Со мной ты говорила... В нем теперь
Лишь звездные лучи трепещут грустно...
Где ты — скажи? Что ж милый голос твой
Мне не звучит, как прежде, как в то время,
Когда, его вдали услышав даже,
Я чувствовал, что бледное лицо
Мое румянцем вспыхивало ярким?..
Иные дни настали... От меня
Сокрылась ты навек... И ты — «была!..»
И, вот, теперь другие люди ходят
По улице, где ты ходила прежде...
На этих зеленеющих холмах,
Где ты жила, живут теперь они...
Как быстро и поспешно ты прошла!
Подобно сновиденью, ты исчезла!..
На чистом, молодом твоём челе
Сияла радость... Верой в жизнь и счастье
И юности святым огнем горел
Твой взор... Судьба тот пламень угасила!
Ты умерла... Но старая любовь
Еще живет в душе моей поныне.
Увижу ли веселый праздник я,
Где пестрая толпа беспечно пляшет,—
Я говорю: ты не придешь сюда,
В веселье их не примешь ты участия!
Весну ли я встречаю, что приносит
Влюбленным в дар и песни, и цветы,—
Я думаю: к тебе не возвратится
Уже весна... и не придет любовь!
Гляжу ль я на безоблачное небо,
На яркие, цветущие поля,
Иль в сердце мне сойдет внезапно радость,—
Опять я восклицаю: никогда
Ты радостей уж больше не узнаешь,
Ты не увидишь неба и полей!..
Тебя не стало, вечно дорогая!
Но к каждой мысли, к каждому движенью
Души моей — печально ли оно,
Иль радостно — примешиваться будет
Всегда воспоминанье о тебе!

НА ЗАМУЖЕСТВО СЕСТРЫ МОЕЙ ПАОЛИНЫ

699

Мир безмятежный отческого дома
И юности пленительные грезы,
Которыми ты радуешь семью,
Ты, милая сестра, покинуть хочешь.
Так знай, что в свете суетном и шумном,
Куда тебя судьба твоя зовет,
Обречена ты скорбь и слезы встретить;
И если дашь сынов отчизне новых —
Страдальцев лишь толпу умножишь ты...
Но все же ты должна их дух питать
Рассказами о подвигах героев.
В печальные живешь ты времена,
И добродетель ждут судьбы гоненья;
Лишь мужеству победа суждена,
А слабых душ один удел — паденье!
Те существа, которым жизнь ты дашь,
Должны несчастны быть иль малодушны —
Так пусть они несчастны лучше будут:
Меж доблестью и счастьем на земле
Глубокая лежит давно уж бездна.
Увы! явились поздно в этот мир
Те, чья душа стремится жадно к свету,
И юность человечества прошла!..
Но предоставь все это Небу. Свято
В груди своей храни одну заботу,
Чтобы за счастьем рабски не гонялись
Сыны твои; чтоб не были они
Пустых надежд игрушкой, или страха, —
И оценят потомки доблесть их.
В наш жалкий век насмешке иль презрению
Обречены великие сердца;
Героев поглотить должна могила,
Чтоб имя их толпа благословила!

Отчизна взор свой, полный ожидания,
К вам устремляет, женщины. Когда
Луч ваших глаз нам в сердце проникает —
Не страшны меч и пламя нам. Герои
Склоняются пред вами добровольно,

И приговор ваш дорог мудрецу;
Под солнцем всюду ваша власть всеильна —
И потому я требую у вас
Отчета в ней. Ужель природу нашу
Изнежили и исказили вы?
Ужели вас должны мы упрекнуть
За наш позор, за эту слабость воли,
За то, что ум бездействием объят,
Что мужество гражданское погубло
И царствуют лишь пошлость и разврат?..
Стремленье в нас будить к делам великим
Любовь должна. При виде красоты
Родятся в нас возвышенные чувства,
И мужество нам наполняет грудь.
Тот не любил, чье сердце не дрожало,
Объятое восторгом в грозный миг,
Когда пред ним боролися стихии,
Когда неслись, гонимы ветром, тучи,
И на море вздымались валы,
На высях гор качался лес дремучий,
И расщеляла молния скалы!
К тем, кто служить отчизне не достоин,
Кто низких целей сделался рабом
И кто бежит опасности,— презренье
Должны бы вы глубокое питать,
Коль мужество еще не разучились
Изнеженности вы предпочитать;
И женщину любить не может тот,
В чьем сердце трусость рабская живет.
Стыдитесь называться матерями
Лишенного отваги поколения;
Детей своих к тернистому пути,
К невгодам и трудам, что добродетель
Сопровождают здесь, приготовляйте;
А к благам тем, которых в наши дни
Так жаждут все, в них ненависть посеете.
Для дорогой отчизны вырастая,
Пускай они узнают, чем она
Одолжена делам их предков славных.
Так юноши спартанские росли,
Хранители эллинской древней славы,
Под веяньем преданий о героях,

Покамест битвы час не наступал.
Невеста меч тогда вручала другу,
И если с поля битвы на щите
Он возвращался, бледен, недвижим,
Она без слов склонялася над ним,
Своей косою лишь темной прикрывая,
В знак скорби, лик того, кто пал в бою
За родину свободную свою!
Виргиния! Божественной красою
Блистала ты. Но Рима властелин
К тебе пылал напрасно грубой страстью:
Ты, гордого полна негодованья,
Отвергла нечестивый этот пыл.
Ты безмятежно, пышно расцветала;
И в дни, когда мечтанья золотые
Ласкают нас, в дни радужной весны,
Тебе свой меч отец неумолимый
В грудь чистую, как лилия, вонзил,
И ты во мрак безропотно сошла!
Ты говорила: «Пусть скорей поблекнет
Краса моя, пусть ночь меня объемлет,—
Не разделю с тираном ложе я;
И если Риму смерть моя нужна,
Чтобы воскреснуть мог он к жизни новой,—
Рази, отец,— я умереть готова!»

О, героиня! В дни твои ясней
Сияло солнце, чем сияет ныне;
Но все ж твой прах несчастную отчизну
Со скорбью и слезами примиряет.
Крик мести над гробницею твоей
Звучал из уст сынов восставших Рима,
И децемвир пал под мечами их.
Сердца зажгла отвагою свобода,
И римлян Марс к победам вновь повел,
И за страной страна им покорялась
От юга до полярных, вечных льдов...
О, если б женщин мужество опять
Могло твой дух, Италия, поднять!

ОДИНОКАЯ ЖИЗНЬ

Стуча в мое окошко, летний дождь
Под утро сон мой легкий прерывает.
Я слышу кур кудахтанье; оне
Бьют крыльями, в курятник запертые.
Вот поселянин вышел за ворота
И смотрит, не блеснет ли солнца луч
Сквозь облака, плывущие по небу.
С постели встав, благословляю я
И свежесть утра раннего, и птичек
Проснувшихся на ветвях щебетанье,
И поля зеленеющего даль,
Я видел вас, я с давних пор вас знаю,
Ограды темных, душных городов,
Где ненависть гнездится и несчастье,
Где я томлюсь и должен умереть!
Вдали от вас хоть скудное участие,
Хоть каплю состраданья нахожу
В природе я, которая когда-то —
Давно! — была ко мне еще добрей.
Да! И она от удрученных горем,
От страждущих свой отвращает взор
И, полная презренья к мукам нашим,
Богине счастья служит, как раба!
Ни на земле, ни в небе утесненным
Защиты нет; их друг один — железо!

Как часто я, на берегу высоком,
Над озером местечко отыскав,
Поросшее тенистыми кустами,
Сижу один, любуясь, как блестит
В полдневный час в водах недвижных солнце!
Вокруг меня ни шелеста, ни звука,
Не колыхнет былинки ветерок,
Не прокричит в густой траве кузнечик,
Не шевельнет в ветвях крылами птичка,
И над цветком не прожужжит пчела...
Молчание объемлет этот берег...
Забывши мир и самого себя,
Сижу я долго, долго, недвижимый;

И кажется тогда мне, что уж жизни
Нет в членах успокоенных моих,
Что возвратить уж мне нельзя движенья,
Что их покой и эта тишь — одно.

Любовь, любовь! Далёко отлетела
От сердца ты, где некогда жила,
Которое тобой согрето было!
Житейских бурь холодная рука
Его коснулась раннею весною
И превратила в лед... Я помню время,
Как в душу мне впервые ты сошла...
Святые дни! им нет уже возврата!
Как юношу тогда пленяет жизнь!
Он видит рай в печальном этом мире
И, девственных исполненный надежд,
На дело жизни трудное спешит,
Как бы на праздник шумный и веселый.
Едва лишь я успел тебя узнать,
Любовь, как жизнь моя была разбита,
И выпала на долю мне печаль!
Но все ж порой, когда я на рассвете,
Иль в час, как полдень кровли золотит,
Стыдливый образ девушки встречаю;
Или, когда блуждаю ночью летней
По опустевшей улице, один,
Я голосок услышу поселянки,
Что распевает в комнатке своей,
Ночь, как и день, работе отдавая,—
И это сердце каменное вдруг
Забьется... но затем лишь, чтобы снова
Сейчас же в сон обычный погрузиться...
Так стал мой дух движений нежных чужд!
О месяц, чье отрадное сиянье
Защитой служит зайчику в кустах,
Его кружиться резво заставляя,
Так что, обманут ложными следами,
Охотник не найдет его жилища,—
О кроткий царь ночей, привет тебе!
Лучи твои враждебно проникают
В дремучий лес, в руины старых башен
И в дикое ущелие скалы,

Где, притаясь, разбойник выжидает,
Чтоб стук колес иль хлопанье бича
Послышались вдали, иль показался
Бредущий по тропинке пешеход,
К которому, оружием звуча
И ярим криком воздух оглашая,
Он бросится — и, нож в него вонзив,
В пустыне труп его нагой оставит...
Враждебно ты ночному волоките
Над улицей сияешь городской,
Когда вдоль стен он кра́дется и робко
Выискивает места потемней,
Дрожа пред каждым стукнувшим окошком
И фонаря зажженного пугаясь...
Твои лучи враждебны только злу.
Но мне, в моем уединеньи, другом
Ты будешь, озаряя предо мной
Лишь даль полей да цепь холмов цветущих!
Я также проклинал тебя когда-то,
Хотя и чуждый помыслов преступных,
За то, что ты порою открывал
Присутствие мое людскому взору
И мне черты людские освещал...
Отныне же любить тебя я стану.
Увижу ли тебя меж туч плывущим,
Иль ясно ты, эфира властелин,
Смотреть на мир, обильный скорбью, будешь,—
Меня еще не раз здесь встретишь ты,
Когда брожу я по лугам и рощам
Или, травой высокою закрыт,
Лежу довольный тем уже, что сила
В груди моей осталась хоть для вздохов!

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Гроза прошла... По улице опять,
Кудахтая, расхаживают куры,
И в воздухе щебечет птичек хор...
Смотрите! Там, на западе, в горах,
Как просветлело все! Озарены
Луга сияньем солнца, и, сверкая,

Бежит ручей извилистый в долине...
Движенье, шум повсюду... Всем легко,
И все за труд поденный свой спешат
Приняться вновь, с душой повеселевшей.
Ремесленник в дверях своей лачужки
С работою уселся и поет;
Несет ведро бабенка молодая,
Его водой наполнив дождевой;
Опять снует с своим обычным криком
По улице разносчик-зеленщик...
Вернулось солнце! Весело играет
На высотáх и крышах луч его.
Все отворять спешат балконы, окна...
А с улиц шум несется... В отдаленье,
На стаде колокольчики звенят...
Вот стук колес: то продолжают путь
Приезжие, задержанные бурей...

Да все сердца ликуют! И скажите,
Была ль когда нам наша жизнь милей
И было ль нам дороже наше дело?
Кончали ль мы когда свой старый труд,
Брались ли мы за новый так охотно?
И о нуждáх, о горестях своих
Нам помышлять случалось ли так мало,
Как в этот миг? Увы! веселье наше
Всегда — дитя страданья! И теперь
Проснулась в нас обманчивая радость,
Едва успел исчезнуть страх за жизнь,
Томящий нас тоской невыразимой,
Хотя бы жизнь была противна нам,—
Страх, что бледнеть и трепетать во мраке
Нас заставлял, покамест бури рев
И молний блеск нам гибельно грозили!

Как ты добра, как милостива ты,
Природа, к нам! Вот блага, вот дары,
Которыми людей ты наделяешь!
Освободясь от горести и бед,
Уж рады мы! Ты полной горстью сеешь
Страдания по нашему пути!

Нежданное, непрошенное горе
Приходит к нам, и, если из него
Порой, каким-то чудом, вырастает
Ничтожнейшая радости былинка,—
Нам кажется завидным наш удел!

Как божеству ты дорог, человек,
Довольный тем, что отдохнуть от горя
На миг один дано тебе порой,
И счастливый вполне, когда всем мўкам
Положит смерть желаемый конец!

К ВЕСНЕ, ИЛИ О ДРЕВНИХ МИФАХ

Когда ниспосланные небом беды
Рассеет солнце и тлетворный воздух
Оздоровит эфир, а тени гуч,
Развеяны, куда-то улетают —
То слабые сердца готовы верить
И в ангелов ветров, и в луч полдневный,
Что новой страстью и надеждой новой,
Проникнув в лес среди инея седого,
Волнует пробудившихся зверей.
Не возвращается ль уму людскому
Прекрасная пора, какую горе
И зимний факел разорили
До времени? И Фебовы лучи,
Угасшие когда-то, не вечны ли
Несчастному? Весны благоуханья
Не вдохновят ли ледяное сердце,
Что горем в старости заражено?

Да, ты живешь, живешь, святая
Природа! Ты жива ль и наше ухо
Впивает ли твой голос материнский?
Уж ручейки — жилище светлых нимф,
Зеркальное и тихое жилище,
Прохладу вод прорезали. И танцы
Ночи бессмертной потрясают вновь
Вершины гор, скалы (вчера еще
Обители ветров). И пастушок

В полуденную тень на тихий берег
Реки приводит жаждою томимых
Ягнят, и остроумные стихи,
Что сельскими поются божествами,
Там слушает. Трепещущее море
Он видит и дивится, почему
Богиня с луком и колчаном
Не входит в волны теплые, от пыли
Омыть и белоснежные бока,
И руки, утомленные охотой.

Вдруг ожили цветы, и травы,
И лес в одно мгновение. Познали
Ветра и тучи и титанов светоч
Род человеческий, когда нагую
Тебя над склонами и над холмами,
Киприйское светило, путник смертной
В своих мечтах вообразил за то,
Что ты его в пути сопровождало
Пустынной ночью. Если б нечестивый,
Несчастный горожанин, избегая
Стыда и роковых невзгод,
Попал в объятия ветвей колючих
В далеких и неведомых лесах,
Какой огонь зажегся б в бледных венах,
Как задрожали бы в листве ожившей
В мучительных объятьях
Филида, Дафна и Климена,
Рыдающая над детьми с тоскою:
Их солнце погрузило в Эридан.

Не пропасти людских страданий
Бездонные, не звук печали,
Забывтой вами, Эхо одиноким
Вдруг вызванный в жилищах ваших грустных,
И не игра пустая ветра,
Но здесь жила душа несчастной нимфы,
Которую любовь и рок изгнали
Из тела нежного. Она в пещерах,
На голых скалах, в брошенных жилищах
Небесному указывала своду
Печали, слезы, пролитые нами,

Тяжелые. И ты, в делах людских
Прославший знатоком,
Певец лесов кудрявых, сладкозвучный,
Идешь, поешь летящую весну
И жалуешься высям
На сон полей под мрачными ветрами,
На старые обиды и забвенье,
И в гневной жалости бледнеет день.

Но не сродни нам род твой;
Твои разнообразные напевы
Не горем вызваны, и мрак долины
Тебя, безвинного, скрывает.
Увы, увы, когда уже затихли
В пустынных храминах Олимпа громы
Тяжелых туч, блуждавших по горам,
И грешные и праведные души
Застыли в страхе; и когда уже
Земля, чуждаясь своего потомства,
Печальные воспитывает души;
Ты все ж прислушиваешься к заботам
Несчастливым и судьбе постыдной смертных,
Природа, и в душе былую искру
Ты будишь. Если ты еще живешь
И если о печалях наших
Не знают в небесах, то на земле
Ты если и не сострадаешь нам,
То созерцаешь нас по крайней мере.

ПОД НЕБОМ АНГЛИИ

Угрюмая, глухая ночь темна,
Не видно звезд, за тучами луна,
В порывах ветра жалоба слышна,
И ропот волн в безбрежном, темном море
То замирает вдруг, то вновь растет, растет,
И словно песню грозную поет
Нам о таинственном и непонятном горе.

Италия! Я шлю тебе привет!
Люблю я небеса твои святые.
Там проливают яркий, теплый свет
Улыбки звезд, улыбки золотые,
И лучезарным блеском их согрет,
Там с постоянною, неутомимой жаждой
Любить и наслаждаться хочет каждый.

Но пусть на родине с лазоревых высот
Сверкают звезды ночью благовонной,
Мне не стряхнуть с себя страданья и забот,
Когда кругом я замечаю гнет
Италии моей поработанной;
Где не любовь, а только стыд один
В себе скрывает всякий гражданин,
И где не шевелит роскошная природа
Усталых сил несчастного народа.

Британия! Благословенна будь!..
В твоих полях туманом дышит грудь,
Но под туманом северного крова
От ужасов мы можем отдохнуть.
Твоя природа сумрачна, сурова,
Но та страна для нас не холодна,
Которая, как ты — свободная страна.
Где среди ночи темной, как могила,
Горит свободы гордое светило.

710

Свобода! Истины и света проводник!
Во мраке здесь так ярко ты сияешь,
Твой подвиг так божественно велик,
Что робкий ум во мне ты возбуждаешь...
Свой путь скитальческий хочу я перервать
И здесь, среди великого народа,
Окончу жизнь, чтоб вечно обожать
Тебя, великая свобода!..

САПОГ

Старайся говорить, коль можешь, прямо.

Дайте

Меня тачали не из бычьей кожи,
Ведь как-никак я не простой сапог,
Пускай топорно выгляжу, но все же
Сапожник так бы не скроил — не смог:
С раструбом и подметкой подходящей
Для поля и для гор, покрытых чащей.

От голенища и до каблука —
Кругом вода, но я не отсырею;
Премногие ослиные бока
Со шпорой познакомились моею;
Мой рант прочней, чем у иных обнов,
И верхнему сродни продольный шов.

Себя не приспособливал в угоду я
Ничтожеству — чванливой мелюзге,
Холеные конечности уродуя,
Поскольку большинству не по ноге,
И, долгий срок носить меня не в силе,
Меня попеременно и носили.

Я называть не собираюсь всех,
Кому надеть меня казалось лестно,
Упомяну нарочно только тех,
Чья личность наиболее известна,
И расскажу, продолжив разговор,
Как воровал меня у вора вор.

Однажды в неожиданном задоре —
Поверить трудно — я пустился вскачь,
По всей земле пронесся на просторе,
Но оказался чересчур горяч
И растянулся со всего размаху, —
Тут кто другой бы натерпелся страху.

Вмиг набежала целая толпа
Из претендентов всяческого сорта
Не то по наущению попа,
Не то идя на поводу у черта:
Кто за ушки, а кто за перед — хватъ,
Боясь удачный случай прозевать.

Святой отец, махнув рукой на веру,
Носить меня бы, не снимая, рад,
Обул, но я ему не по размеру,
И он меня — по кругу напрокат
И в виде исключительной поблажки
Еще и помогает при натяжке.

С попом германец драку затевал,
Не сомневаясь, что добыча близко,
Но деру не единожды давал
На знаменитой лошади Франциска,
Являлся снова — благо, путь знаком, —
Но не надел ни разу целиком.

Я славно пустовал столетье с гаком,
Когда меня носил простой купец,
Опять наваксив, — это было знаком,
Что неприятностям моим конец.
Где только мы ни побывали вместе!
Вид неказист, но каждый гвоздь на месте.

Купца богатым сделала корысть,
Он пещься больше стал о внешнем лоске,
И получил я золотую кисть
И шпору — правда, стал похуже в носке,
И драгва с неких пор пошла не та,
Да и гвоздочки первым не чета.

Целехонек я был, когда по трапу
Стремительно вбежал на мой каблук
И попытался даже втиснуть лапу
Анжуйский проходимец, — старый трюк;
Простора я ему не обеспечил
И наконец в Палермо покалечил.

За Альпами любителей не счесть,
Что помышляли обо мне веками:
Так некий пиковый король залезть
Решил в меня ногами и руками,
Но было хорошо ему навряд,
Когда каплун собрался бить в набат.

И все-таки не пришлый, не с чужбины,
Свой доконал меня,— из лавки шасьт
Профессор захребетной медицины,
Что, мной решив попользоваться всласть,
Плетенью козней положил начало
Почти на триста лет— не так уж мало.

Он вылизал меня и разубрал
И видимостью мягких притираний,
Большой притвора, кожу мне продрал;
И новый лекарь не жалел стараний,
Меня на тот же пользуя манер:
Еще бы— заразительный пример!

Безжалостно судьба меня швыряла,
И рос у гарпий хищный интерес:
Терпи от каталонца и от галла,
Жди, кто над кем получит перевес;
Удачливее был гидальго бравый,
Но я ему достался весь дырявый.

Видавшие меня на нем хоть раз
Лишь удрученно ахали в дальнейшем,
Меня он дегтем чистил что ни час,
Достопочтенным величал, светлейшим,
Но изощренно снашивал тайком:
Столь рваным не ходил я ни при ком.

Давно былая слава отгремела,
Лишь лилия— ее последний знак—
На голенище у меня алела,
Но папа мул был редкостный добряк,
И отдал варварам меня в уплату
Он за корону своему мулату.

С тех пор спокойно друг за другом шли,
Имя шило при себе и клещи,
Не короли — так вице-короли,
Не сбиры — значит, кое-кто похлеще,
И были истязатели сии
Не прочь одежды разделить мои.

Служа для самых разных лап находкой —
Тем вожденней, чем страшнее тварь,
Я сходство утерял с родной колодкой
И с формой ровных ног, что были встарь,
Когда я вместе с ними в оны лета
Не косолапя обошел полсвета.

Жизнь научила все-таки уму,
Я главное уразумел в итоге:
Когда ходить бы надо самому,
Я полагался на чужие ноги
И, сдуру портя сам себе ходьбу,
Менял стопу, чтоб изменить судьбу.

И мне недаром боком вылезает
Мое безумье и чужая прыть,
Я чувствую, как почва ускользает,
Чуть только шаг попробую ступить:
Ходить, несчастный, разучился, или,
Точнее выражаясь, отучили.

Мне причинило самый страшный вред
Поповское бесстыжее сословье,
И тошно, что иной болван поэт
Ударился сегодня в суесловье,
Когда закон Христовой церкви строг:
Не велено попам носить сапог.

Убогий, сморщенный, заросший грязью,
Терпящий зло от всех кому не лень,
Жду ногу, что положит безобразью
Навек конец в один прекрасный день,
Но не француза ногу, не германца:
Я предпочел бы ногу итальянца.

Мне предоставил ногу некий сир,
Который бы легко, не будь бродяга,
Крепчайшим сапогом подлунный мир
Мог удивить, себе и мне на благо.
Эх, непоседа! Ноги на бегу
В глубоком обморозил он снегу.

Тогда не обошлось без живодерни,
И мне вернуть решили прежний крой,—
Идея, оскорбительная в корне
Для ставшего одной сплошной дырой,
И как бы живодерня ни решила,
Не дратва тут потребна и не шило.

Починка дорога и не проста,
Придется вспомнить древнюю сноровку,
Забить гвоздочки на свои места,
Расправить задник, выправить головку;
Но заклинаю небесами — впредь
Чтоб в оба за сапожником смотреть!

Большой помехой будет мешанина:
Там — красный с белым, желтый с черным — тут,
Я весь лоскутный, вроде Арлекина,
И, коль возьметесь за почетный труд,
Тогда желаньем поделюсь заветным,
Что жажду цельным быть и одноцветным.

Ищите человека для меня,
Найдете — буду вечно благодарен,
Мне лишь бы не слюняй, не размазня,
Однако вздумай только добрый барин
Вести себя на заведенный лад,
Мы угостим его пинком под зад.

ИТАЛЬЯНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГИМН

К оружию, к оружию! Разверзлись могилы;
Проснулись былые, загробные силы;
Воскресли все тени страдальцев отчизны —
И нет укоризны их праздным мечам.
Венки на их челах, а в сердце их пламя
Любви к согражданам... Поднимем же знамя
Италии прежней, во имя народа
И здравствуй, свобода, на гибель врагам!

Царица цветов, вдохновенья и звуков,
Победный щит предков возьми ты для внуков,
Века согней уз на тебе тяготели;
Но вдруг загремели Леньяно мечи...
Напрасно забыл ты, коварствуя, немец,
Что в нашей Италии ты — чужеземец,
Что станут позорны ей поздно иль рано
Оковы тирана и все палачи!

Зачем же в чужом поселился ты крае?
Дома эти наши; твои — на Дунае;
На нем твои нивы и семьи, а наши —
Быть может, и краше, да нужны самим...
Два моря и Альпы — Италии грани:
Скорей же огнем и железом, граждане,
Пробьем Апеннинов упорную грудь
И знамя повсюду свое водрузим!

Будь немы уста и будь быстры десницы, —
И враг нам очистит все наши границы,
И кончится власти нам чуждой бесчинство:
Где мысли единство, там нет пришлецов!
О рабстве позорном не будет помина;
Народ итальянский сомкнется в едино,
И вольно задышат одною душою
И жизнью одною все сто городов!

**ИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ
«К ИТАЛЬЯНЦАМ»**

Пусть в жажде неизведанных Америк
бриганец режет варварское море,
где золотом окрашивают зори
    далекий берег;

пускай свободным кораблям дорогу
напрасно преграждает лед упрямый
и берег Ориноко ставит храмы
    другому богу;

пускай в таинственность природы ныне
уверенно вникает химик рьяный
и мчится искра через океаны
    звездой синей;

пусть разум, преисполненный дерзаний,
твердыни тайн ниспровергает властно,
шлет Вольта вызов смерти громогласно,
    и с ним — Гальвани;

к чему все это, если век порочный,
дыша зловоньем собственного тленья,
былые окружает преступленья
    вновь — славой прочной?

Ты слышишь ли, как с воем оглашенным
кадят Христу наемные пророки
и как поэт слагает гимна строки
    в пылу священном:

«Суровые прадедовские нравы
на «жажду жить» сменил наш век практичный,—
достойная наследница античной
    нетленной славы,

уж стать готова молодежь горою
за родину, и вот уж время близко,
когда приветит край наш италийский
бойца-героя».

Ничто для века, впавшего в бессилье,
трибунов крики, мудреца раздумье,
поэта опьяненного безумье —
век дышит гнилью.

Она захлестывает жизнь, и тупо
влачатся годы, месяцы, недели,
нас лень одолевает с колыбели,
мы — полутрупы.

Когда же добродетель, негодуя,
вопит и требует пути другого,
не внемлют ей: пылающее слово
ее — впустую.

И в сердце гаснут лучшие порывы,
ум замирает, пасмурный и хилый,
и вера, отуманясь, на могилы
глядит брезгливо.

О древние отцы, владела вами
одна любовь к свободе и отчизне,
и жадным сердцем припадали к жизни
вы дни за днями.

О простоте свидетельство живое,
пример высоких дел и непреклонной
любви к добру и к истине исконной
вы пред собою

в родительских видали скромных ларах,
и выходили вы с любовью к благу,
храня в груди упорство и отвагу
для схваток ярых.

Душой и сердцем непоколебима,
могуча телом, молодежь возрастала
в веселом гуле шестерни и вала,
среди клубов дыма.

В лишениях закаляться непрестанно,
громить орду, которой для разбоя
кровь ненавистью распалил слепую
Марс чужестранный,—

в том был ее устав. Поздней, расправя
рукой победной шелк знамен нетленных,
покоящихся на старинных стенах
в священной славе,

повествовали неразлучным женам
о бурных битвах и обидах стертых,
о варварских отрядах, распростертых
на обнаженном,

пустынном поле, о немой тревоге
князей, их думах о судьбе сеньора,—
и жены плакали, склоняя взоры,
немые и строги.

Но где-то там, в углу, юнец курчавый
мечтал о битвах за свободу края,
с восторгом, с жадностью на меч смотря
отцовский, ржавый.

Он вырос гордым юношей: обмотан
цветистым шарфом, при ружье и шпаге,
вот в жарком блеске молодой отваги
идет, идет он.

Гудят поля, где в стелющемся дыме
летит скакун с разметанною гривой,
выкрикивают в крепости пугливо
героя имя...

О муза Пульчи и Парини!

А. С. Пушкин

Известно, что знаменитое пушкинское «Из Пиндемонти» («Не дорого ценю я громкие права...») — не перевод, а, как бы сейчас сказали, удачная мистификация гения. В отличие от своих испанских вещей («Скинь мантилью, ангел милый...» и др.), Пушкин не заботится здесь о создании иллюзии узнавания, не дает примет места и времени, не имитирует стиль поэта, школы, как, например, в другой своей итальянской стилизации:

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня...

Вопрос о том, знал ли Пушкин итальянский язык, долго не давал покоя исследователям. Сомнению подверглось даже свидетельство самого авторитетного его биографа Анненкова, который писал: «Пушкин успел выучиться на юге по-английски и по-итальянски и много читал на обоих языках»¹. В дальнейшем тема эта кочевала из статьи в статью, вызывая целые страницы доказательств и контрдоказательств; примечательно, что настаивали на знании Пушкиным языка прежде всего поэты (Брюсов, Верховский). Так или иначе, в библиотеке Пушкина насчитывалось более тридцати итальянских книг, ему принадлежат весьма penetrating оценки стиля Данте и Тассо и переводы из Ариосто, Альфьери, Джанни; наконец, на всем его творчестве лежит отпечаток близкого знакомства с итальянской культурой. Что же касается общественной образованности в целом, то, как утверждает филолог, «знание итальянского языка не было распространено ни среди представителей русской аристократии, ни среди того писательского круга, на который могли рассчитывать писатели первой половины XIX века» (Л. А. Булаховский)². По сравнению с французским, возможно, так оно и было. Но вернемся к Пушкину... «Египетские ночи». Коренной петербуржец Чарский принимает неаполитанского импровизатора. Разговор идет *по-итальянски!* (Монологи свои импровизатор сочиняет перед публи-

¹ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984.

² Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в. М., 1957.

кой, надо думать, тоже на родном языке, а не на «плохом французском».)

Исторически взаимопроникновение двух культур началось еще раньше. Уже «в 40—50-е годы XVIII века при дворе Елизаветы было множество итальянцев, сохранивших связь со своей родиной» (М. П. Алексеев), жил придворный итальянский поэт, гастролировали певцы, в том числе знаменитая оперная труппа Локателли, вытесненная и разоренная впоследствии русским театром. Элементы прямого и опосредованного итальянского влияния у Феофана Прокоповича и Хераскова отмечает специалист по XVIII веку Стэфано Гарзонио, составитель блестящей библиографии итальянских переводов в России этого периода¹. Что же касается пушкинской эпохи, то разве не знакомы нам переводы А. Мерзлякова, С. Раича, С. Шевырева, П. Катенина, К. Батюшкова²?

Из поэтов, переводивших с итальянского, не владел языком Державин. Его «Мщение» — не подражание стихотворению Гварини, а перевод с перевода немецкого поэта И. Н. Гетца, сонеты Петрарки сделаны с «буквального» перевода А. С. Шишкова. Первый вариант стихотворения «Скромность», представляющий собой довольно точное переложение девяти строк из кантаты Метастазियो “Amor timido”, написан по подстрочнику, выполненному Н. А. Львовым:

Тихий, милый ветерочек,
Коль порхнешь к моей любезной,
Скажи, что ты вздыханье,
Но чье, о том молчи.
Чистый, быстрый ручеечек,
Коль встретишься где с нею,
Скажи ей, что ты слезы,
Но кто их проливает,
О том ты не журчи.

Позднее Державин придал стихотворению несколько иное звучание и дописал восемь строк. Однако и в новой редакции первые строфы, по существу, остались переводом:

¹ Stefano Garzonio. La poesia italiana in Russia. Firenze, 1984.

² Итальянская поэзия настолько органично слалась с творчеством Батюшкова, что до недавнего времени шестистишие «Рыдайте, Амуры и нежные грации...» считалось его собственным произведением, а не соединением трех начальных и трех заключительных строк известного стихотворения Паоло Ролли.

Тихий, милый ветерочек,
Коль порхнешь ты на любезну,
Как вздыханье сй в ушко шепчи;
Если спросит, чье? — молчи...¹

Поиски строфических и ритмических решений составляли немаловажную часть работы по прививанию итальянской поэзии к русской. Надо сказать, что и приведенные выше пушкинские терцины выглядели первоначально иначе, поскольку были написаны пятистопным ямбом, традиционно условным эквивалентом дантовского «эндекасиллаба», и лишь позже изменены на «почтенный» и «важный» двенадцатисложник. Таким, более свойственным французской просодии размером переводили с итальянского многие стихотворцы того времени. Историкам литературы памятен спор, разгоревшийся в печати 20-х годов прошлого века по поводу правомочности подобного решения. Перелagать октавы Тассо александрийским стихом, «...с рифмами по две в ряд, — возражал П. Катенин своему оппоненту О. Сомову, — должно непременно вредить достоинству перевода, ибо отдаляет его совершенно от формы подлинника»². Нельзя не отметить, что при всех расхождениях во взглядах противники вели полемику в рамках одного — силлабо-тонического — стихосложения, основанного на счете слогов и обязательном распределении ударений. Свободный ритм силлабического итальянского стиха почти никогда не воспроизводился в русских переводах. «Лишь в одном из первых и в самом последнем из переводов «Божественной комедии» (С. Шевырева и А. Илюшина), — пишет М. Л. Гаспаров, — сделана попытка передать ритмическое разнообразие подлинника»³. Приведем вслед за ученым два отрывка из названных сочинений:

Мною входят в град скорбей безутешных,
Мною входят в мученья без конца,
Мною входят в обитель падших грешных...
(С. Шевырев);

Мною вступают в скорбный град мучений,
Мною вступают слиться с вечной болью,
Мною вступают к сонмам падших теней...
(А. Илюшин)

¹ Г. Р. Державин. Стихотворения. Л., 1957.

² П. А. Катенин. Письмо к издателю «Сына Отечества». — *Сын Отечества*, 1822, IX.

³ М. Л. Гаспаров. Очерк истории европейского стиха. М., 1989.

Непривычность звучания в данных работах усугубляется несовершенством переводов. Надеемся, что возвращение в XVIII век — к одной из од Антиоха Кантемира — поможет читателю если не услышать, то по крайней мере почувствовать звучание итальянского стиха. (Заметим попутно, что идея возрождения доломоносовской силлабики никогда не умирала в умах русских поэтов. Коснулась она и переводческого искусства. Лучший пример тому — сонеты О. Мандельштама из Петrarки:

Речка, распухшая от слез соленых,
Лесные птахи рассказать могли бы;
Чуткие звери и немые рыбы...¹⁾

О влиянии итальянской культуры на творчество Кантемира написано много. Подлинный ее поклонник, он перевел на итальянский книгу своего отца «Оттоманская империя», а под конец жизни (совместно с аббатом Гуаско) и собственные сатиры. Выдвигалось предположение, что ода Кантемира «В похвалу наук» — перевод одной из канцонетт или кантат знаменитого поэта Аркадии Паоло Ролли, с которым русский поэт близко сошелся во время своего пребывания в качестве посла в Лондоне². Соответствующий том «Библиотеки поэта» решительно отверг подозрение в неоригинальности оды, не приводя при этом никаких аргументов, кроме добросовестности автора, всегда помечавшего свои переводы.

Как выяснилось, ода Кантемира — если не перевод в современном смысле слова, то очень близкое подражание поэме «Италия, освобожденная от готов» современника Леонардо да Винчи, известного стихотворца Джанджорджо Триссино (1478—1550), сочинение которого Вольтер назвал «первой эпической поэмой на простонародном языке, белым стихом»³. Интересно, что сам Кантемир в своем «Предисловии к “Письмам” Горация» (1742) упоминает это произведение как образец новой итальянской поэзии. Для нас перевод этот важен не в качестве литературного курьеза,

¹ Впервые читающим итальянские стихи в оригинале необходимо учитывать и тот факт, что сочетание двух гласных внутри слова и между словами итальянской стихотворной строки «элидируется» (сливается) и считается за один слог.

² Л. В. Пумпянский. Кантемир и итальянская культура. В кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов. М.—Л., 1935.

³ «The first epic poem in vulgar tongue and in blank verse» — цитата из единственного эссе Вольтера на английском языке «An Essay upon the Civil Wars in France Extracted from Curious Manuscripts». См.: V. Boss. La Quatrième ode de Kantemir et l'Italia Liberata di Gian Giorgio Trissino — Cahiers du monde russe et soviétique, vol. IV, 1-2, 1963.

726 а как пример перенесения итальянского ритмического рисунка на русскую стихотворную строку:

Была та гибель нашего причина
Счастья; десница врачей щедра дала
Покров, под коим бежаша богина
Нашла отраду, и уж воссияла
Европе целой луч нового света:
Врачей не умрет имя в вечны лета.

В сочетании с женскими рифмами строфа действительно «кажется копией итальянской» (Л. В. Пумпянский). Добавим, что эффекту этому во многом способствуют частые случаи переноса значимых слов в следующую строку (“enjambement”), для русской лиры куда менее типичного, чем для итальянской.

Вопросы соблюдения строфики, эквиритмичности, эквилинеарности могут показаться читателю сугубо профессиональными, узкоцеховыми. Нас они занимают здесь в той степени, в какой они были важны для самих переводчиков поэзии. Через семьдесят лет после Кантемира Павел Иванович Голенищев-Кутузов публикует во второй части своих «Стихотворений» (1803) несколько переложений с итальянского, и среди них канцонетту Метастазियो «Лето»:

Хоть чело весна скрывает
Пестротой украшенно,
Желтым класом увязенно,
Поспешает
Лето к нам.

Уже солнца луч горящий
Произвел во всем премены,
Стал несносен для Сирены
Жар палящий
По лугам...

Публикация сопровождалась следующей любопытной сноской: «Один из моих приятелей спорил со мною, что невозможно перевести сей пьесы на наш язык точно в ту же меру и тем же родом стихов, как она писана по Италиански. Я, возможность сию утверждая, сделал сей перевод точно тою же мерою, стих в стих. Знающие Италианский язык да судят об успехе сего трудного предприятия». Эксперимент явно удался. Нельзя не отметить, однако, что задача Голенищева-Кутузова отчасти облегчалась музы-

кальным ритмом подлинника. Под влиянием своих оперных арий Метастазιο порой придавал коротким строкам более отчетливое, чем обычно, хорейское начало — тенденция, распространившаяся, как указывает М. Л. Гаспаров, на весь итальянский XIX век.

С предпочтениями в выборе форм, с модой на вкусы и жанры связан, как нам кажется, круг наиболее популярных в ту или иную эпоху иностранных авторов. В России конца XVIII столетия пальмой первенства завладел, несомненно, Метастазιο, или, как его тогда называли, Метастазий. В разделе «Стихотворство италиянское» опубликованного в 1762 году анонимного трактата Метастазιο назван «самым новейшим (sic!) писателем» и значится в одном ряду с «Дантом Флорентинцем, Ариостом, Махиавеллом и Тассом»¹. В целом представление об итальянской поэзии долгое время ограничивается, по существу, одними этими именами. В 1784 году «Прибавление к Московским ведомостям», сравнивая литературу Германии и Италии, констатирует, что «итальянцам удалось возжечь постоянный, всегда умножающий свет, коего сияние осветило наконец все. Они скоро сделались богаче немцев знаниями; их Ариосты и Тассы вознеслись почти на недостижимую высоту в стихотворстве»². Если добавить к этим именам еще и «Бокаса» (Боккаччо), то список окажется полным.

В переводческой практике прошлых веков стихи других авторов редки. Это сонет Дзаппи, вольно переложенный А. Волковым и напечатанный в «Свитке муз» за 1802 год, «Мадригал» Гварини Ив. Кованько (1802), сонет Альфьери «На гроб Торквата Тасса» в «Литературной газете» за 1830 год (перевод В. Любича-Романовича). Вот практически и все. В 1822 году, отзываясь на пьемонтскую революцию, Павел Катенин публикует сонет поэта XVII века Винченцо Филикайи «К Италии», пользующийся громадной популярностью во многих странах Европы. Сонет этот был переведен Байроном на английский и включен в «Паломничество Чайльд Гарольда» (Песнь IV, 42—43). Публикацию свою Катенин сопроводил следующим пояснением: «Желая для образчика перевести итальянский сонет, я из множества выбрал именно этот, потому что в нем нет той приторности и ложного блеска, которые часто в сем роде поэзии встречаются и портят его, а, напро-

¹ Трактат из «Полезного увеселения» за 1762 год был перепечатан полностью в кн.: П. Ефремов. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1887.

² Цитируется по статье М. П. Алексева «Первое знакомство с Данте в России». — От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1970.

728 тив, смелые и благородные чувства истого сына отечества»¹. Перевод сонета положил начало своего рода соревнованию между стихотворцами разных времен (вплоть до наших дней), предлагавшими все новые и новые версии этого знаменитого, но отнюдь не выдающегося творения.

Есть нечто загадочное в подобной очарованности переводчиков нескольких поколений какой-нибудь модной, часто не самой лучшей вещью иностранного поэта. Так, с 1792 по 1818 годы в русской печати появилось три варианта стихотворения итальянского поэта XVII века Кьябреры «*Che la beltà presto finisce*». Тон задал в «Московском журнале» Карамзин, поместив свой перевод в текст «Лиодора»; затем последовала «Фиалка» анонимного переводчика и «Песня. Юная Фиалка» В. И. Туманского. Канцонетты уже не раз упомянутого нами Метастазиио, помимо публикуемых переводов, существуют еще в пяти или шести порой не подписанных переложениях.

Но вернемся к Катенину, единственному, быть может, критику своего времени, знавшему итальянскую литературу по-настоящему коротко.

«Приступая к поэзии итальянской,— писал Павел Александрович в соответствующей статье своих «Размышлений и разборов» (1830),—невольный страх на меня нападает: так обширно поле, передо мною открывающееся»².

Рассмотрим чуть подробнее этот трактат, прослеживающий становление итальянской лирики от «обоих Гвидов Флорентийских, Гвиттоне Аретинского и Чина Пистойского» до Альфьери и Фругони. Касаясь творчества «диктатора-поэта» Лаврентия Медицис (Лоренцо Медичи), автор приводит в пример начало его знаменитой «Карнавальной песни»:

Как ты, молодость, красна,
И как скоро пролетаешь!
Ныне радость пей до дна,
Завтра будет ли: не знаешь.

«Это, конечно, безделки,— поясняет Катенин,— но я уверен, что, если бы государственные дела не отвлекали его от постоянных занятий по стихотворству, он бы произвел нечто отменное...» Не нам судить о глубокомыслии или, наоборот, легкомыслии стихов Лоренцо, но об их русской форме можно сказать с определен-

¹ П. А. Катенин. Избранные произведения. Л., 1965.

² *Здесь и далее:* П. А. Катенин. Размышления и разборы. М., 1981.

ностью: такой четкости позавидуют и современные переводчики! Недаром Пушкин в своей рецензии на «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» называет его три песни из «Inferno» мастерскими, требуя отдать справедливость «механизму» катенинского стиха, «слишком пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами»¹.

Любопытно, что «Размышления и разборы», при всей их убедительности, не привели к заметным переводческим инициативам. Оглавление нашей антологии не претендует на звание исчерпывающей библиографии, однако в том, что касается дореволюционных переводов (за исключением, как было уже сказано, Петрарки), список этот достаточно полный. Читатель, вероятно, обратит внимание, что ни «dolce stil nuovo», ни большинство поэтов Возрождения, ни XVII век, в прелести которых убеждает нас автор трактата, не нашли, по существу, никакого отражения в русской стихотворной практике вплоть до нашего столетия. Как и прежде, переводчики занимались творчеством «титанов», но даже здесь дело никогда не доходило до конца. Традиция эта, как, впрочем, и по отношению ко многим первостепенным фигурам других литератур, оказалась на удивление живучей. До сих пор нет у нас полного Ариосто, полного Тассо; чуть ли не ежегодно типографии страны печатают «Сонеты на жизнь и смерть мадонны Лауры», но когда появится весь корпус «Канцоньере»? «На протяжении полутора столетий, — отмечает Е. Эткинд, — русская литература решала проблему «Освобожденного Иерусалима» Тассо, да так ее для нас и не решила: перевод Д. Мина или О. Головина нельзя считать достаточно высоким художественным словом в этой области»². С таким заключением, увы, трудно не согласиться.

В настоящих заметках мы отнюдь не задавались целью написать даже краткую историю проникновения итальянской поэзии в Россию. Более того, на небольшой площади книжного послесловия работа эта была бы во многом перечислительной и компилятивной после монументальных трудов академика М. П. Алексеева, монографий И. Голенищева-Кутузова, Ю. Левина, З. Потаповой, Н. Елиной, статей Р. Гороховой и других ученых³, осве-

¹ Цитируется по кн.: Пушкин-критик. М., 1950.

² Е. Г. Эткинд. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973.

³ См., в частности: З. М. Потапова. Русско-итальянские литературные связи. 2-я половина XIX века. М., 1973. Ю. Д. Левин. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. И. Голенищев-Кутузов. Творчество Данте и мировая культура, 1971. Р. М. Горохова. Ариосто в России. — Русская литература. Л., 1974, № 4 и др.

730 тивших основные вехи этого процесса. Свою задачу мы видели в отражении наиболее острых с переводческой точки зрения углов этой истории, в прояснении важных для нас моментов.

Последнее, на чем мы хотели бы остановиться, это редкие переводы Данте.

Взрыв интереса к религиозно-философским воззрениям великого флорентийца, к его поэтическому языку, наблюдаемый в России на заре нашего столетия, не мог не привести к появлению все новых и новых переводов. Вклад в этот процесс вносят Эллис (Л. Л. Кобылинский), Сергей Соловьев, чьи архивные материалы оказались нам, к сожалению, недоступны, В. Брюсов и, конечно же, Вячеслав Иванов. В эпоху символизма, как отмечает английская исследовательница Памела Дэвидсон, «было уже недостаточно иметь «русского Дантес», предложенного, к примеру, переводом Д. Мина. Возникла необходимость в новом «символистском Данте», который отражал бы все черты, вкладываемые символистами в этот образ»¹. Переводы Эллиса (крайне слабые) так и остались в гранках его сборника «Stigmata» (1911); брюсовский сонет из Данте увидел свет только в 1935 году²; из большей части «Новой жизни», переведенной Вячеславом Ивановым, был опубликован в России один фрагмент³.

И все же наивысшего драматизма исполнена история нового перевода «Божественной комедии». Столько в ней нереализованных надежд, что она сама могла бы служить символом эпохи. Идея этого перевода возникла еще в 1904 году и связана с именем С. А. Венгерова, вдохновителя «Библиотеки великих писателей», публиковавшейся в издательстве Брокгауза и Ефрона. Согласно первоначальному замыслу, переложить «Ад» предназначалось В. Брюсову, а «Чистилище» и «Рай» — Вячеславу Иванову. Блестящая техника начальных терцин поэмы, оставленных нам Брюсовым, говорит об огромном энтузиазме, охватившем русского поэта при работе над книгой. Но уже через год замысел отбрасывается издателями, и Брюсов тщетно ищет приложение своему труду. В 1920 году проект возрождается: Брюсов вновь берется за свою

¹ Pamela Davidson. *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov*. Cambridge, 1989.

² Речь идет о стихотворении «Вчера лесной я проезжал дорогой...», озаглавленном Брюсовым «Сонетом в духе Петрарки». (На эту страницу отсылку переводчика указал нам Р. И. Хлодовский.)

³ В. Т. Данченко в своем библиографическом указателе «Данте Алигьери» указывает на полный перевод «Новой жизни», выполненный Н. Минским (1922). Отыскать его ни составительнице указателя, ни нам так и не удалось.

часть «Комедии», а Иванов не только переводит «Чистилище», но и обсуждает тексты с учениками. То темное, что уцелело от этих текстов, читатель найдет в нашей антологии. Жизнь тем временем развивалась совсем не по литературному сценарию. 13 февраля 1923 года редколлегия издательства «Всемирная литература» не находит, по свидетельству К. Чуковского, подходящих идейных рекомендаций для публикации Данте; одни редакции поглощаются другими, и к началу 30-х годов «Academia» распределяет заказ следующим образом: перевод «Ада» поручается М. Лозинскому, «Чистилище» — С. Шервинскому, а «Рай» — Сергею Соловьеву. Арест, пребывание в психолечебнице и, как итог, смерть С. Соловьева помешали осуществлению и этого плана¹. Титанический труд по воссозданию всей «Комедии» порусски был закончен в период между 1936 и 1942 годами одним Лозинским. Перевод этот намного превосходил предыдущие и, видимо, еще не одно десятилетие будет по праву считаться каноническим.

Наступала пора, когда «высокое искусство» стало считаться делом государственным и за произведения такого масштаба давали Сталинскую премию.

Незадолго до журнальной публикации Лозинским первых песен «Комедии» начали появляться обширные университетские хрестоматии, по которым до сих пор учатся студенты филологических факультетов. Здесь был совсем иной, иногда удивляющий круг итальянских авторов; здесь впервые, в 1938 году, поэты-профессионалы — Ю. Верховский, О. Румер, С. Шервинский — вплотную подошли к освоению трудной формы итальянского сонета, представленного ранее лишь редкими переложениями символистов².

Переводы эти, хотя и грешащие буквализмом, выдержали испытание временем, составив костяк последующих изданий антологического типа. Наряду с редкими авторскими сборниками (Кардуччи, Леопарди) все отчетливей проявляется стремление к систематизации, к заполнению лакун, наиболее полно выраженное в двухсоттомной Библиотеке Всемирной литературы. Параллельно с этим не ослабевает деятельность переводчиков-

¹ С. В. Шервинский в беседе с автором этой статьи в феврале 1990 года отметил, что причиной его отказа участвовать в работе была неуверенность в собственных силах перед столь грандиозным произведением.

² См.: Б. И. Пуришев. Хрестоматия по западноевропейской литературе эпохи Возрождения и XVII века. М., 1937, 1938, 1947. Хрестоматия по западноевропейской литературе XVII века. М., 1940, 1949 и др.

732 энтузиастов, переводчиков-ученых. Богато иллюстрированные, снабженные серьезным аппаратом издания, «литературные памятники» давно стали желанной целью книголюбов, а мы опять стоим перед вечной проблемой перевода «Новой жизни», «Канцоньере», лирики Буонарроти ¹.

К сегодняшнему дню переводчики достойно исполнили свою общепросветительскую миссию. Старые тексты собраны. Пришло время перейти от антологий к отдельным сборникам не только крупнейших, но и просто крупных итальянских поэтов. В том, что их немало, мы, надеюсь, убедили читателя этой книги.

Роман Дубровкин

---

¹ Микеланджело вообще в СССР «не повезло». В 1987 году ленинградское отделение издательства «Детская литература» выпустило его сборник в переводе А. Махова. Помещать эти «шедевры» в антологию нам жаль даже в качестве дурного примера.

Аверинцев Сергей Сергеевич (р. 1937). Литературовед, переводчик, поэт, автор публицистических статей, член-корреспондент АН СССР. Автор работ по позднеантичной и средневековой литературе, западной философии, культуре XX в. (О. Шпенглер, К. Г. Юнг, К. Ясперс и др.). Переводил «Книгу Иова», Платона, Каллимаха, Плутарха, Фому Аквинского, немецкоязычных авторов XIX—XX вв. (Гёльдерлина, Тракля, Гессе).

Аксельрод Елена Марковна. Поэт и переводчик. Автор переводов и оригинальных стихотворений для детей, лирического сборника «Лодка на снегу» (1986). В ее переводах (с чувашского, еврейского и других языков) выходили сборники стихов В. И. Энтипа, И. Ш. Бухбиндера и других поэтов.

Ахматова Анна Андреевна (настоящая фамилия Горенко, в замужестве Гумилева, 1889—1966). Крупнейшая поэтесса XX в., пушкиновед, переводчик. Переводила с польского, чешского, словацкого, болгарского, сербохорватского, норвежского, корейского, немецкого и других языков. В 1912 г. посетила Северную Италию; с итальянского переводила Леопарди и Кардуччи. В 1964 г. ей была присуждена в Италии международная премия «Этна Таормина» — за «пятидесятилетие поэтической деятельности».

Баевская Елена Вадимовна. Переводчик художественной литературы. Переводит с французского (средневековые фарсы, Расин, Ламартин, Мюссе, Ростан), немецкого (П. Флеминг), английского (Китс), испанского (Гонгора), итальянского (Ариосто, Боярдо, Бембо, Анджольери).

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942). Поэт, представитель «старшего» поколения русских символистов. С 1920 г. — в эмиграции. Переводил немецких (Гейне, Ленау), испанских (Лопе де Вега, Тирсо де Молина), английских (Шелли, Байрон, Уайльд), скандинавских (Брандес, Ибсен, Бьёрнсон), французских (Мюссе, Сюлли-Прюдом) писателей. Ему также принадлежат переводы с литовского, польского, чешского, грузинского, санскрита и других языков. С итальянского переводил Данте, Леопарди, Кардуччи. Переводы Бальмонта, несущие отпечаток его собственной поэтической манеры, отличающейся особой музыкальностью, нередко критиковались за свободное обращение с оригинальными текстами и многословность.

734 Батюшков Константин Николаевич (1787—1855). Один из поэтических учителей Пушкина, участник «Арзамаса», сторонник литературной реформы Карамзина. Влюбленность в итальянскую литературу во многом отразилась на его творчестве. Благодаря обостренному интересу Батюшкова к творчеству и судьбе Торквато Тассо родились переводы из «Освобожденного Иерусалима», послание «К Тассу», одна из лучших элегий Батюшкова «Умиравший Тасс». В 1811—1812 гг. он поглощен переводами из «Неистового Орланда» Ариосто, который, в его представлении, соединил в себе «душу Вергилия, воображение Тасса, ум Гомера, остроумие Вольтера, добродушие Лафонтена, гибкость Овидия». Переводил он также Петрарку, Роли, написал статьи «Ариост и Тасс», «Петрарка», собирался издать книгу прозаических переводов и статей «Пантеон итальянской словесности». В 1818—1819 гг. участвовал в русской дипломатической миссии в Неаполе и Риме.

Берг Николай Васильевич (1823—1884). Поэт-переводчик, журналист, историк. К середине 80-х годов XIX в. ему принадлежало не менее трех четвертей всех переводов из славянской поэзии на русский язык. Переводил народные песни, Мицкевича, Шевченко. Его книга «Записки о польских заговорах и восстаниях» была запрещена к ввозу в Россию. Перевод Филикайи был опубликован в 1859 г. в «Русском вестнике».

Богданович Ипполит Федорович (1744—1803). Русский поэт XVIII в., автор знаменитой поэмы-сказки «Душенька» (1778). Много переводил с французского (в том числе Вольтера, Руссо). Для «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» перевел с итальянского «Песнь Екатерине II» М.-А. Джанетти (1770), в связи с чем был представлен императрице. В 1773 г. в сборнике «Лири, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя» Богданович опубликовал «Стихи, подраженные итальянским» («О грозная минута» — перевод из Метастазия).

Бродский Давид Григорьевич (1895—1966). Переводчик с французского (Барбье, Гюго, Рембо), немецкого (Гёте, Шиллер), еврейского (П. Маркиш), шведского («Сага о Фритьофе», 1959), коми («Поэты Коми», 1946), литовского (Донелайтис) и других языков.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924). Поэт, литературовед, критик, переводчик. Вождь символистского направления; интенсивно занимался переводческой деятельностью. В его творческом наследии — переводы античной поэзии, франкоязычных, немецких, армянских, латышских поэтов. Начав с переводов-переложений, он постепенно становится мастером точного, адекватного перевода, иногда доходящего до буквализма. Из итальянской поэзии Брюсов переводил Петрарку, Тассо, Лоренцо Медичи, Данте. Посетив в 1908 г. Италию, Брюсов пишет романы и повести из римской истории, читает курс лекций «Рим и мир» (1917—1918).

Ватсон Мария Валентиновна (1848—1932). Переводчик, поэт, историк литературы, близкий друг и издатель С. Я. Надсона. Автор первого полного перевода «Дон-Кихота», критикобиографических очерков о Негри, Кардуччи, Джустини, Мандзони, Леопарди, Альфьери, а также книги «Данте, его жизнь и литературная деятельность», выполненной для биографической библиотеки Ф. Ф. Павленкова «ЖЗЛ» в 1891 г.

Величко Василий Львович (псевдоним В. Львов, 1860—1903). Поэт, публицист, редактор-издатель тифлисской газеты «Кавказ», один из учредителей черносотенного Русского собрания, переводчик и популяризатор восточной поэзии (Омар Хайям, А. Церетели и др.).

Верховский Юрий Никандрович (1878—1956). Поэт, представитель «неоклассицистического» уклона символистского направления, историк литературы, занимавшийся поэтами пушкинской поры, переводчик с итальянского, грузинского, польского языков. В его переводах выходили книги Боккаччо и Вазари.

Витковский Евгений Владимирович (р. 1950). Советский поэт-переводчик, автор многочисленных переводов европейской поэзии Возрождения, XVII—XX вв., классической поэзии Китая и Кореи. В его переводе вышли две книги немецкого поэта Р. Вебера (1980, 1989). Отдельной книгой изданы его переводы западногерманской поэзии — «Строфы о бессмертии» (1987).

Вознесенский Андрей Андреевич (р. 1933). Известный советский поэт. В 1975 г. к 500-летию со дня рождения Микеланджело перевел ряд его стихотворений.

736 Восленский Иосиф (конец 1780-х/начало 1790-х — после 1815). Поэт, прозаик, переводчик, дьякон московской церкви князя Владимира в Старых Садах. В перевод поэмы Марино «Избиение младенцев в Вифлееме» (1811), посвященный московскому митрополиту Платону, ввел собственные строки, в которых проводилась аналогия борьбы Христа с дьяволом и Александра I с идеями Французской революции.

Големба Александр Соломонович (настоящая фамилия — Рапопорт, 1922—1979). Советский писатель, автор биографической книги «Грамши», переводчик западноевропейской поэзии (Брехт, Гюго, Верхарн, Элюар, Неруда, Кальдерон и др.); африканских, латиноамериканских и других поэтов. С итальянского переводил Кампанеллу и Нардуччи.

Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904—1969). Филолог, автор книг об итальянской и славянских литературах, монографии «Творчество Данте и мировая культура» (1971), биографии Данте в серии «ЖЗЛ» (1967), переводов малых произведений Данте, а также лирики Кардуччи, Марино и других итальянских поэтов.

Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829). Поэт, литературный противник Н. М. Карамзина, автор переводов на французский язык стихотворений Г. Р. Державина, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Д. И. Хвостова; активный масон. Его переводы с французского (Флориан, Делиль), немецкого (Бюргер), латинского (Ювенал, Вергилий), а также итальянского (Гварини, Метастазιο) включены в книгу «Стихотворения» (1803—1804, 3 части).

Граве Леонид Григорьевич (1842—1891). Поэт, переводчик, личный секретарь декабриста И. А. Анненкова. Итальянский язык выучил самостоятельно. Переводы из Leopardi печатались в «Отечественных записках» (1869), журнале «Дело» (1869, 1871, 1873). Стихотворения Филикайи в переводах Граве были опубликованы в коммерческом журнале «Шехерезада» (1859).

Гумилев Николай Степанович (1886—1921). Поэт, критик, переводчик, один из главных организаторов «Цеха поэтов», глава акмеистического течения в русской поэзии. Основные переводческие труды — «Эмали и камеи» Т. Готье, баллады о Робине Гуде,

вавилонский эпос о Гильгамеше. Подготавливая к изданию сборник стихотворений Леопарди в горьковской «Всемирной литературе» (редактируя переводы И. Тхоржевского), Гумилев сам перевел два стихотворения Леопарди. Они были впервые опубликованы Н. Томашевским в кн.: *Джакомо Леопарди. Избранные произведения*. М., 1989.

Гутина Татьяна Юрьевна. Поэт-переводчик. Переводит с английского (Лонгфелло, Фрост, Герик, Гарди, Э. и Ш. Бронте) и итальянского (Джустини, Парини).

Державин Гаврила Романович (1743—1816). Великий русский поэт. Хорошо владея лишь немецким языком, Державин тем не менее был автором многочисленных подражаний и переложений анакреонтических од и стихотворений греческой антологии, вошедших в его знаменитый сборник «Анакреонтические песни» (1804), а также трех переводов сонетов Петрарки («Русский вестник» С. Глинки) и подражания Метастазियो «Скромность» (1795), выполненного по подстрочнику Н. А. Львова.

Дубровкин Роман Михайлович (р. 1953). Переводчик западно-европейской и классической поэзии; составитель нескольких сборников стихов и прозы; переводил Гейне, Брентано, Г. Гейма; Т. Мура; Лонгфелло, Э. По; Кавафиса, Гюго, Анри де Ренье, Рембо и многих других поэтов Франции.

Един Владимир Александрович (1892—1944). Поэт-переводчик 30—40-х гг. Переводил Гейне, Эредиа, Теннисона, Кампанеллу, Бруно.

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949). Поэт и теоретик русского символизма, автор многочисленных переводов с древнегреческого (Алкей, Сафо), французского (Бодлер), армянского, латышского, финского языков. С итальянского переводил Данте, сонеты Петрарки (1915), Леопарди. В 1924 г. эмигрировал в Италию, где перешел в католичество. В 1925 г. по просьбе В. Э. Мейерхольда, посетившего его в Риме, перевел сонеты Микеланджело.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826). Прозаик, поэт, глава русского сентиментализма, автор «Истории Государства Российского», реформатор русского литературного языка. Многочисленные переводы Карамзина — с греческого, латинского,

французского, английского, итальянского языков — отвечали целям просвещения русского общества и созданию образцов нового литературного стиля. Его перевод отрывка из «Освобожденного Иерусалима» Тассо печатался в «Пантеоне иностранной словесности» (1798). Перевод стихотворения Кьябреры «Фиалка», включенный в повесть Карамзина «Лиодор», был опубликован в «Московском журнале» (1792).

Кассирова Елена Леонидовна. Поэт и переводчик с французского (Мольер, Буало, Вольтер, Ж. Риктиус, Аполлинер, Арагон), испанского (Гарсиа Лорка, Гильен) и итальянского (Метастазио, Савиоли).

Катенин Павел Александрович (1792—1853). Поэт, драматург, критик, участник тайного декабристского общества «Союз Спасения». В переводческой деятельности, как и во всякой другой, Катенин, по словам Пушкина, «шел всегда своим путем»: экспериментировал в области ритма, рифмы, строфики, жанровых форм. Ему принадлежат переводы Корнеля, Расина, Грессе, романсов о Сиде, Бюргера, Байрона. В 1822 г. на страницах «Сына Отечества» в статье о русской октаве в качестве иллюстрации своих теоретических установлений Катенин печатает перевод первой октавы «Освобожденного Иерусалима» Тассо; несколько раз обращается к переводу «Божественной комедии» Данте («Уголин» — 1817, первая песнь «Ада» — 1827, вторая — 1828, третья — 1830), переводит Ариосто, Филикаю (знаменитый сонет которого «Италия» опубликован в его переводе в 1822 г. в журнале «Сын Отечества»). В «Литературной газете» Дельвига и Пушкина появляются его статьи «О поэзии итальянской» (в цикле «Размышления и разборы», 1830), а также перевод трех сонетов Петрарки и стихотворения Лоренцо Медичи.

Ковалевский Павел Михайлович (1823—1907). Поэт, переводчик, художественный критик. В 1853—1858 гг. жил в Швейцарии и Италии, откуда посылал в «Отечественные записки» серию статей «Картины Италии и Швейцарии», позже изданных отдельной книгой. В том же журнале в 1859 г. был опубликован его перевод знаменитой канцоны Леопарди «К Италии» (первый ее русский перевод). Переводы Ковалевского из Берше (1859) и Джустини (1864) публиковались в некрасовском «Современнике». Перевод Меркантини опубликован в 1876 г. в книге «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины».

Козлов Иван Иванович (1779—1840). Поэт и переводчик, автор популярной романтической поэмы «Чернец»; начал писать в зрелом возрасте, будучи поражен слепотой и параличом ног. Как переводчик находился под влиянием В. А. Жуковского, его близкого друга. Переводил с английского (один из первых стихотворных переводчиков Байрона), французского (самый активный переводчик Шенье 1830-х годов), немецкого (Шиллер). Из итальянской поэзии перевел два сонета Петрарки («Библиотека для чтения», 1835), несколько отрывков из «Освобожденного Иерусалима» («Смерть Клоринды» — 1833, «Видение Танкреда» — альманах «Северные цветы на 1826 год», «Эрмения на берегу Иордана» — «Библиотека для чтения», 1836), стихотворение «Касатка» из популярного в 30-е годы романа прошлого века Т. Гросси «Марко Висконти» (1836). Итальянская тематика присутствует в некоторых стихотворениях Козлова, например «К Италии» и др.

Корнеев Юрий Борисович (р. 1921). Поэт-переводчик западноевропейской литературы. Переводил эпические («Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», «Песнь о Сиде»), драматические (пьесы Шекспира, Лопе де Веги, Тирсо де Молины, Кальдерона) и лирические (стихи Сервантеса, Мильтона, Гюго, Э. По и др.) произведения.

Корш Евгений Федорович (1810—1897). Журналист, близкий знакомый Герцена, Грановского, редактор журнала «Атеней», библиотечарь Румянцевского музея. Переводы Данте выполнены им для перевода книги М. Каррьера «Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества» (1874), вызвавшего судебный процесс по вопросу о том, подлежит ли глава о христианстве духовной цензуре.

Косс Александра Марковна. Филолог-романист, переводчик испаноязычной (Сервантес, Кеведо, Унамуно, каталонские писатели), португальской (Жамознс), французской (Мюссе, Флобер, Мориак, Расин) прозы и поэзии. С итальянского перевела прозу Пиранделло, поэзию Тассо.

Костомаров Всеволод Дмитриевич. Поэт и переводчик последней трети XIX в. Платный агент Третьего отделения, погубивший доносом поэта М. Л. Михайлова; изготовлял ложные документы в деле Чернышевского. Переводы нескольких стихотво-

рений Филикайи, Леопарди и отрывок из трагедии Никколини вошли в «Сборник стихотворений иностранных поэтов» (1860), заслуживший уничтожительную оценку Д. И. Писарева, уличавшего переводчика в искажении смысла оригиналов и отсутствии таланта. В своей книге «История литературы древнего и нового мира» (1863) Костомаров публикует множество отрывков своих переводов из «Божественной комедии» Данте.

Котрелев Николай Всеволодович (р. 1941). Филолог-итальянист, составитель сборника стихотворений П. П. Пазолини «Избранное» (1984), автор статей о В. Я. Брюсове. Переводил с итальянского стихи Тести, Мендзини, Пазолини, Дзандзотто и многих современных поэтов.

Крылов Иван Андреевич (1769—1844). Баснописец, драматург, журналист. Переводил с французского (преимущественно басни Лафонтена). С итальянского перевел «Мой отъезд» Метастазио (опубликован в «Санктпетербургском Меркурии», 1793) и сонет Петрарки, при жизни Крылова не публиковавшийся.

Курочкин Николай Степанович (1830—1884). Профессиональный врач и переводчик с французского и итальянского языков. В 1857—1860 гг. на одном из русских кораблей, где служил врачом, побывал в Италии. Из итальянской литературы переводил Карло Порту, Луиджи Меркантини (переводы опубликованы в «Невском сборнике», 1867), Леопарди («Отечественные записки», 1872); в его переводах также выходили: трагедия Альфьери «Филипп», «Государь» и «Рассуждение на первые три книги Ливия» Макьявелли (1869), стихи Джусты, народные итальянские песни.

Левик Вильгельм Вениаминович (1907—1982). Один из крупнейших советских переводчиков, литературовед, художник. Переводил с французского, немецкого, испанского, португальского, английского, польского языков. Его переводы собраны в книгах «Из европейских поэтов XIV—XVI вв.» (1956), «Из европейских поэтов» (1967), «Волшебный лес» (1974), «Избранные переводы» (1977, два тома). Среди переведившихся им авторов — Гёте, Шиллер, Гёльдерлин, Гейне, Ленау; Камюэнс; Ронсар, Бодлер, Рембо, Эредиа; Шелли, Байрон, Китс; Мицкевич, Тувим и многие другие поэты. Выступал со статьями по вопросам художественного перевода.

Ливеровская Мария Исидоровна (1879—1923). Филолог, переводчик. Первая переводчица Данте в послереволюционной России. Ее перевод «Новой жизни», вышедший в 1919 г. в Самаре в типографии штаба 4-й армии,— плод долгих занятий (вместе с В. Б. Шкловским была слушательницей лингвистического семинара В. Ф. Шишмарева в Петербургском университете по «Новой жизни» Данте). Перевела старофранцузскую повесть «Об Окассене и Николет» (1914; 1935).

Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955). Один из основоположников советской школы стихотворного перевода. Переводил с французского, испанского, итальянского, английского, немецкого, персидского. Основные его работы — переводы «Божественной комедии» Данте, «Сида» Корнеля, «Тартюфа» Мольера, лирики Гюго, Эредиа, Леконт де Лиля, Бодлера, пьес Лопе де Веги, Тирсо де Молины и др. По словам А. Ахматовой: «В трудном и благородном искусстве перевода Лозинский был для двадцатого века тем же, чем был Жуковский для девятнадцатого». Перевод «Божественной комедии» был создан за шесть с половиной лет (1936—1943); он сопровождается обширным комментарием (16 авторских листов), полностью еще не изданным.

Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938). Великий русский поэт XX в. Переводил старофранцузский эпос, Расина, Барбье, немецких поэтов Бартеля и Лилиенкрона, грузинскую поэзию Важи Пшавелы. Сонеты Петрарки в переводе Мандельштама впервые опубликованы Е. Г. Эткинцом в сборнике «Мастера русского стихотворного перевода» (1968); в эссе «Разговор о Данте» Мандельштам включил небольшой отрывок своего перевода «Божественной комедии».

Матвеева Новелла Николаевна. Известная советская поэтесса, автор нескольких книг стихотворений, в том числе «Закон песен» (1983), «Хвала работе» (1987) и др. Переводила с литовского, финского, молдавского, башкирского, армянского, португальского, греческого. Ей принадлежат также переводы африканской поэзии. С итальянского перевела стихотворения Гаспары Стампы и сонеты Петрарки.

Мей Лев Александрович (1822—1862). Один из самых плодовитых поэтов-переводчиков XIX в. Переводил с древнегреческого (Анакреон), французского (Шенье, Гюго, Беранже), английского

(Мильтон, Байрон), немецкого (Гёте, Шиллер, Гейне), славянских (Шевченко, Мицкевич, народные моравские, волынские песни) и других языков. Незадолго до смерти выполнил вольный перевод «Гарибальдийского гимна» Луиджи Меркантини, опубликованный в еженедельнике «Русский мир» (1862).

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — один из зачинателей русского символизма, поэт, критик, религиозно-мистический и исторический романист. Основные переводческие труды Мережковского — трагедии древнегреческих драматургов Эсхила, Софокла, Еврипида; роман Лонга «Дафнис и Хлоя»; поэзия Э. По, Бодлера. Мережковский перевел два отрывка «Божественной комедии» Данте — «Франческа да Римини» (опубликовано в «Северном вестнике», 1885) и «Уголино» («Вестник Европы», 1886), отрывок из «Освобожденного Иерусалима» Тассо (1883). Переводы из Леопарди публиковались в издании «Всемирная иллюстрация» (1894).

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830). Поэт, переводчик, литературный критик и теоретик, профессор Московского университета. Его переводы Гомера, Сафо, Пиндара, Феокрита, Мосха, Биона, Тиртея, Софокла, Эсхила, Еврипида, Горация были собраны в отдельном издании «Подражания и переводы из греческих и латинских стихов А. Мерзлякова» (1825—1826, ч. 1—2). Мерзляков — неутомимый экспериментатор в области ритмики, один из создателей русского белого стиха. Он двадцать лет (1808—1828) работал над переводом «Освобожденного Иерусалима» Тассо. Выполненный александрийским стихом, этот перевод казался архаичным и первым его читателям.

Мин Дмитрий Егорович (1818—1855). Профессиональный медик, профессор Московского университета, переводам посвящал досуги. Основной труд Мина — перевод «Божественной комедии» Данте, начатый под впечатлением диссертации С. П. Шевырева «Данте и его век» и публиковавшийся при жизни Мина лишь частично (в «Москвитянине», 1843, 1850; «Русском вестнике», 1865; 1879); полностью был опубликован лишь в 1902—1904 гг. Это один из лучших переводов «Божественной комедии» в XIX в.; в 1907 г. он был отмечен Пушкинской премией. Переводы «Освобожденного Иерусалима» Тассо и девяти сонетов Петрарки (1874—1878) также опубликованы посмертно. Переводил Байрона, Шиллера, Дж. Крабба, Шекспира.

Минаев Дмитрий Дмитриевич (1835—1889). Поэт-публицист, сатирик демократического направления. Как переводчик выступал против буквальных переводов, считая главной задачей переводчика «передать только дух чужого поэта». Переводил Гейне, Байрона, Мицкевича, Гюго, Мольера... В 1874—1879 гг. переведил «Божественную комедию» Данте.

Минский Н. (Виленкин Николай Максимович, 1855—1937). Поэт, один из родоначальников русского символизма. Переводил Байрона, Верлена, Иегуду бен Галеви. В 1896 г. перевел «Илиаду» Гомера. Перевод «Новой жизни» Данте вышел отдельной книгой в издательстве «Аргонавты» в 1922 г. в Берлине. Отрывок из Данте «Кто б зову моего ни внял сонета...» опубликован в книге Н. Минского «От Данте к Блоку» (Берлин, 1922).

Миролюбова Анастасия Юрьевна. Переводчик художественной литературы. Переводит с романских (испанского — Гарсиа Лорка, каталонского — Карлес Рибя, итальянского — Лоренцо Медичи, Гвидо Гвиницелли, французского — проза Элюара, Труайя) и английского (современная английская поэзия) языков.

Михаловский Дмитрий Лаврентьевич (1828—1905). Поэт, прозаик, критик, историк литературы, один из наиболее плодотворных переводчиков второй половины XIX в., сотрудник журнала «Современник». Переводил Байрона, Шекспира, Лонгфелло, Мюссе и многих других. В 1860 г. в «Современнике» напечатал статью «Новые итальянские поэты», куда включил свои переводы Фосколо, Леопарди, Берше, Джустини. В 1861 г. вышел анонимно, но с указанием имени переводчика роман итальянского писателя-революционера Д. Руффини «Записки Лоренцо Бенони». В 60-е годы прошлого века в различных периодических изданиях («Дело», «Невский сборник») появлялись его переводы Каррера и Меркантини.

Найман Анатолий Генрихович (р. 1937). Поэт и переводчик, филолог. Много переводил средневековую литературу Франции. В его переводах вышли «Песни трубадуров» (1979), «Фламенка» (1983), «Флуар и Бланшефлор» (1985), том классической тамильской лирики «Стихи на пальмовых листьях» (1979). Переводил также с калмыцкого, киргизского и других языков. В 1967 г. вместе с А. Ахматовой подготовил книгу лирических стихотворений

Леопарди. С итальянского переводил также Боккаччо, Микеланджело. Автор книги мемуаров «Рассказы об Анне Ахматовой» (1989).

Нейштадт Владимир Ильич (1898—1959). Поэт-переводчик, литературовед. Автор книги переводов современной немецкой поэзии «Чужая лира» (1923), сборника переводов и оригинальных стихотворений «Пять шестых» (1934). В 1950 г. осуществил издание сочинений А. С. Пушкина на немецком языке, в 1957 г. перевел «Греческие народные песни». Переводы из Микеланджело были опубликованы в газете «Литературная Россия» в 1965 г.

Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1828). Салонный дилетант-стихотворец конца XVIII — начала XIX в., близкий Хераскову, Дмитриеву, Карамзину; переводил с французского (Лафонтен, А. Тома, Лагарп, Вольтер). Его «вольное подражание итальянской песне из Мегастазия» — «Ниса» — было напечатано в «Московском вестнике» (1792) и других изданиях этого времени.

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869). Поэт, участник Отечественной войны 1812 г., впоследствии министр народного просвещения. Как переводчик пользовался успехом у современников. Многочисленные переводы Норова из итальянской поэзии печатались как в различных периодических изданиях (Ариосто — «Сын Отечества», 1828; Данте — «Северная лира», 1827, «Новости литературы», 1825, «Литературные листки», 1824, «Библиотека для чтения», 1834; Петрарка — «Сын Отечества», 1821; Ролли — «Благонамеренный», 1821), так и в книге путевых заметок Норова «Путешествие по Сицилии» (1828). Переводил также Вергилия, Горация.

Ошеров Сергей Александрович (1931—1983). Филолог, переводчик. Ему принадлежат переводы «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки (1977), немецкой поэзии (Гофмансталь и др.). С итальянского перевел Кьябреру, Манзони; «Рассуждение итальянца о романтической поэзии» Леопарди (опубликовано в кн.: Джакомо Леопарди. Избранные произведения. М., 1989).

Парин Алексей Васильевич (р. 1944). Поэт-переводчик. В его переводах опубликованы комедии Менандра, поэмы Голдсмита, лирика Сафо, Овидия, Донна, Китса, Гессе, Целана, Шаунда, Гёте, Мёрике и многих других. Составитель и комментатор книг

«Чудесный рог: народные баллады» (1985), «Бергман о Бергмане» (1985), «Книга песен: Из европейской лирики XIII—XVI вв.» (1986), «Прекрасное пленяет навсегда: Из английской поэзии XVIII—XIX вв.» (1988), «Поэты Возрождения» (1989).

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893). Поэт некрасовской школы, петрашевец, автор многочисленных переводов немецкой (Гейне, Гартман, Р. Пруц), французской (Гюго, Монье, Л. Ратисбон), английской (Байрон, Теннисон, Саути, Мур), украинской (Шевченко) поэзии. Переводил также художественную и научную прозу. С итальянского перевел отрывок трагедии Альфьери «Семейство Пацци» («Отечественные записки», 1869) и стихи Леопарди (1871).

Позняков (Поздняков) Николай Иванович (1856—после 1908). Детский писатель, автор многочисленных святочных рассказов, статей по детской литературе и педагогике. Перевел стихами басни Эзопа (1892); его переводы Микеланджело печатались в журнале «Изящная литература» (1883).

Помян В. Ф. Автор довольно слабых переводов собрания «Стихотворений Джакомо Леопарди» (М., 1893).

Поступальский Игорь Стефанович (1907—1989). Поэт и переводчик, критик. Переводил представителей так называемой «научной поэзии» (Р. Гиль, М. Доленго и др.), французских лириков (Леконт де Лиль, Валери, Рембо и др.). Автор сборника стихотворений на польском языке «Wiersze» (1966), критических работ о Брюсове, переводов поэзии народов СССР. Отдельной книгой изданы его переводы Кардуччи (1950).

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837). «В итальянской литературе Пушкин был довольно начитан. Список известных ему писателей включал в себя Данте, Петрарку, Боккаччо, Боярдо, Ариосто, Тассо, Макиавелли, Аретино, Касти, Альфиери, Пиндемонте, Джанни, Уго Фосколо, Сильвио Пеллико, Манцони. Одним из них он прямо подражает (Данте, Ариосто, Пиндемонте), других переводит (Ариосто, Альфиери, Джанни), у третьих улавливает стиль (Боккаччо), четвертых рецензирует (Сильвио Пеллико), пятым дает мимоходом беглую характеристику (Петрарка, Тассо, Макиавелли, Касти, Уго Фосколо, Манцони)» (М. Н. Розанов. Пушкин и Гольдони. К вопросу о прототипах

«Скупого рыцаря»). О проблеме «Пушкин и итальянская культура» см. одноименную статью П. Н. Беркова в его книге «Проблемы исторического развития литературы» (Л., 1981).

Раич Семен Егорович (1792—1855). Поэт, близкий к любопудрам, литературный критик, переводчик, литературный наставник Тютчева, Лермонтова, член декабристского «Союза Благоденствия». Основные переводческие труды Раича — перевод «Георгик» Вергилия (1821), «Неистового Орланда» (1832—1837) Ариосто (песни I—XV — «Телескоп», 1831—1832; другие отрывки печатались в журналах «Галатея», 1839, «Московский наблюдатель», 1835, «Москвитянин», 1843, альманахах «Комета Бель», 1833, «Подарок бедным», 1834); «Освобожденного Иерусалима» Тассо (1828). Отрывки этого перевода, выполненные сентиментально-элегической строфой Жуковского, придававшей поэме монотонно-напевный характер, печатались в периодических изданиях 1820-х годов и вызвали полемику между Ф. Булгариным и О. Сомовым в 1825 г. Также Раич переводил Метастазियो (альманах «Урания», 1826), Петрарку (альманах «Сиротка», 1831).

Ревич Александр Михайлович (р. 1921). Поэт, автор поэтических сборников «След огня» (1970), «Единство времени» (1977). Переводит с французского, испанского, тагальского, фарси, славянских, латышского, абхазского языков.

Рудневич М. В 1859 г. в журнале «Шехерезада» был опубликован его перевод стихотворения «Италия! Италия!.. о ты...». Сведений о жизни и деятельности этого переводчика не сохранилось.

Румер Осип Борисович (1883—1954). Филолог-полиглот, поэт-переводчик. Перевел «Крымские сонеты» Мицкевича (1948), «Четверостишия» Омара Хайяма (1938), «Сагу о Фритьофе» (1935); в 1959 г. вышла книга его «Избранных переводов». Переводы итальянских поэтов Возрождения и XVII в. были опубликованы в 1937—1940 гг. в «Хрестоматиях по западноевропейской литературе», составленных Б. И. Пуришевым.

Русаков Геннадий Александрович (р. 1938). Советский поэт и переводчик. Автор сборников стихов «Горластые ветры» (1960), «Длина дыхания» (1980), «Время птицы» (1985). Перевел с французского стихи Арагона, А. Боске, Ж.-П. Фая, с английского — Мура, Донна, Т. Кэмпiona, сонеты современников Шекспира.

С итальянского переводил Анджольери, Кавальканти, Пульезе, Пистойю, Бруно и др.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900). Русский философ, поэт, публицист, критик. Переводил Платона, «Энеиду» и эклоги Вергилия; Гофмана; «Хвалы и моления Пресвятой Деве» Петрарки; отрывки из «Новой жизни» Данте («Вестник Европы», 1886). На теорию Вечной Женственности Владимира Соловьева некоторое влияние оказал дантовский образ Беатриче, о чем писали отец Сергей Булгаков и В. Розанов.

Солонович Евгений Михайлович (р. 1933). Советский переводчик итальянской поэзии и прозы. Его переводы, отмеченные в Италии рядом литературных премий, выходили отдельными книгами: И. Буттита «Я не поэт» (1965), Ф. Петрарка «Избранная лирика» (1970), Э. Монтале «Избранное» (1979), «Данте. Петрарка. Лирика» (1983). Составитель и автор многих переводов в книгах: «Из современной итальянской поэзии» (1981), «Вернисаж. Стихи итальянских поэтов» (1986).

Талов Марк Владимирович (1892—1969). Поэт-переводчик, автор многочисленных переводов французской (Малларме и др.), испанской (Гарсиласо, Эррера, Эспронседа, Альберти, В. Алейсандре), итальянской (Кьябрера, Тассони) поэзии.

Тамбовский А. (Михневич Александр Петрович, 1853—1912). Профессиональный военный, детский писатель, педагог, драматург, автор хроники «Восшествие на престол Михаила Федоровича Романова» (1889), сборника оригинальных стихов и переводов «Безграничное море любви» (1890) и «Проклятие любви» (1893), куда были включены его переводы из Данте, Гвиницелли, Якопо да Лентини; составитель антологии переводов Анакреона (1896).

Тхоржевский Иван Иванович (1878—1951). Поэт, переводчик. Автор поэтических сборников «Облака» (1908), «Дань солнцу» (1916). Переводил Верлена, Сюлли-Прюдома, Хайяма. В 1908 г. в его переводах вышло собрание стихотворений Леопарди «Песни и отрывки». В 1919 г. эмигрировал во Францию, где издал книгу эссе «Русская литература» (1946).

Тютчев Федор Иванович (1803—1873). Великий русский поэт. Переводил Гейне, Гердера, Гёте, Шиллера, Цедлица, Ленау; Шекспира, Байрона; Расина, Гюго, Беранже, Ламартина; Горация.

Перевод отрывка оды Мандзони, посвященной памяти Наполеона, выполненный в конце 1820-х годов, был опубликован посмертно в 1885 г. в журнале «Русский архив». Стихотворение Микеланджело, отвечающее подавленному настроению Тютчева, вызванному ходом Крымской войны в 1855 г., впервые опубликовано в 1868 г.; Тютчев перевел его сначала на французский, потом на русский язык.

Федоров А. П. Русский переводчик. В 1893—1894 гг. перевел целиком «Божественную комедию». В 1895 г. первый в России выпустил перевод «Обновленной жизни». Критика тех лет единодушно отмечала наивную нелепость этих переводов.

Шевырев Степан Петрович (1806—1864). Литературный критик, историк литературы, поэт, близкий к любопудрам. В 1831 г. выступил в журнале «Телескоп» с рассуждением «О возможности ввести итальянскую октаву в русском стихосложении», которое вместе с экспериментальным переводом октавами седьмой песни «Освобожденного Иерусалима» Тассо должно было обосновать возможность коренной реформы русского стихосложения. Экспериментальные рифмы, напряженный синтаксис отличали перевод Шевырева, о котором В. Г. Белинский писал: «С шумом и скрыпом потянутся перед вами неслыханные октавы». В своих переводах Данте («Москвитянин», 1843; «Ученые записки Московского университета», 1833) Шевырев сохранил строфический характер «Божественной комедии».

Шервинский Сергей Васильевич (р. 1892). Советский писатель, автор сборника «Лирика. Стихи об Италии» (1924), романа «Ост-Индия» (1933); переводчик. Переводил античных авторов (Софокла, Еврипида, Вергилия, Овидия, Катулла, Плавта), европейских поэтов. Автор статей по теории перевода, книги «Ритм и смысл. К изучению поэтики Пушкина» (1961). С итальянского переводил Пульчи, Боярдо, Медичи, Полициано, Микеланджело, Колонну, Берни, Кампанеллу, Кардуччи; с французского — Ронсара, Дю Белле. В 1985 г. в «Радуге» вышло собрание переводов С. Шервинского в серии «Мастера поэтического перевода».

Шяпков Александр Семенович (1754—1841). Писатель, адмирал, министр просвещения России (1824—1828), президент Российской Академии наук (1813—1841), автор «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1803), активный про-

тивник языковой реформы Н. М. Карамзина. В молодости, служа на одном из русских кораблей, посетил Италию. Перевел много-томную немецкую «Детскую библиотеку» И. Г. Кампе, выполнил изобилующий архаизмами и славянизмами перевод «Слова о полку Игореве». С итальянского перевел трагедию В. Альфьери «Филипп» (1828), отрывки из драмы «Пастор Фидо» Б. Гварини (1831), прозой перевел «Освобожденный Иерусалим» (1818—1819), отрывок из «Аминты» (1831), «Плачевную песнь Тассову на самого себя» (1808); отрывки одной из опер Метастазии (1831), несколько сонетов Петрарки (1831); прозой перевел стихотворения Бонди и Маффея (1831). Все переводы Шишкова вошли в его многотомное «Собрание сочинений».

Эллис (Кобылинский Лев Львович, 1878—после 1939). Критик и поэт-переводчик, один из лидеров московского кружка символистов; умер в эмиграции. Переводил Бодлера (полный перевод «Цветов зла», 1908), Верлена, Верхарна. Его переводы из «Божественной комедии» Данте печатались в журналах «Русская мысль» (1904), «Труды и дни» (1914), литературно-философском сборнике «Свободная совесть» (1906) и в авторском сборнике «Иммортели» (1904). В этой же книге помещены переводы Леопарди.

Эфрон Ариадна Сергеевна (1912—1975). Поэт-переводчик, дочь М. И. Цветаевой, автор книги «Страницы воспоминаний» (Париж, 1979). Переводила с французского (Верлен, Арагон, Готье) и итальянского.

Эфрос Абрам Маркович (1888—1954). Поэт-переводчик, литературный и художественный критик. Возглавлял в 30-е годы отделы искусствоведения, французской и итальянской литератур в издательствах «Academia» и ГИХЛ. Первый исследователь рисунков Пушкина. Перевел с древнееврейского «Песнь Песней» Соломона (1909). Его переводы итальянской поэзии выходили отдельными книгами: «Новая жизнь» Данте (1934, 1967); «Избранная лирика» Петрарки (1954, 1974), Микеланджело (1964). Также переводил П. Валери, Ж. Ромена и др.

Т. Нешумова

СВЯТОЙ ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ (SAN FRANCESCO D'ASSISI, 1182—1226). Сын богатого купца Пьетро Бернардоне. В юности вел светский образ жизни, увлекался поэзией, участвовал в военных походах. Тяжелая болезнь (1205) положила начало глубокому внутреннему кризису, закончившемуся ррелигиозным обращением. Франциск отказывается от отцовских богатств, уходит из дому и ведет странническую жизнь, проповедуя бедность, смирение и любовь и творя дела милосердия. Вокруг него собираются несколько человек, и в 1210 г. Франциск основывает орден. В 1224 г. Франциск получил стигматы; в 1228 г. был канонизирован. Его перу принадлежит ряд произведений на латинском языке, касающихся жизни ордена, и знаменитая «Песнь о солнце» на итальянском языке, находящаяся у истоков итальянской поэзии. «Песнь» представляет собой перифразу псалма 148, по ритму она близка литургическим секвенциям. Язык ее отмечен влиянием умбрского диалекта (-и вместо -о; *sigano* вместо *saغانно*; начало слова *ioгno* вместо *giorno*; формы типа -*ano* и -*fano* с одним *n* вместо двух; *ène* = *è*, *messor* = *messere* и т. п.). Часто встречаются латинизированные формы слов — *benedictione*, *cum*, *homo*, *clarite* и т. п.

8. **ène dignu Te mentovare** — отсутствие предлога объясняется влиянием библейской латыни: «*non sum dignus vocari filius tuus*».

per — значение этого предлога двояко: каузальное (восхваление Бога за создания) и агентивное (восхваление Бога самими созданиями).

ennallùmini — ср. ст.-франц. *enluminer*.

sostengo — 3 л. мн. ч.

'l = *lo*, *ciò*.

ka = *perché* (ср. *quoniam* в Евангельских блаженствах).

10. **morte seconda** — осуждение на Страшном суде (выражение из Апокалипсиса).

nol — *non gli*.

serviteli — *gli servite*.

ЯКОПО ДА ЛЕНТИНИ /НОТАРО/ (JACOPO DA LENTINI /DETTO IL NOTARO/, 1210—1260) и ДЖАКОМИНО ПУЛЬЕЗЕ (GIACOMINO PUGLIESE, XIII в.). Поэты сицилийской школы, возникшей в XIII в. при дворе короля Фридриха II, где сложилась плодотворная атмосфера, впитавшая в себя достижения европейской (прежде всего провансальской), арабской и византийской культурных традиций. В основе сицилийской поэтики лежит пришедшее от трубадуров куртуазное понятие высокой любви (*fin amor*). Сицилийские поэты разработали концепцию феодального служения даме и стремились определить природу и феноменологию любви. Сицилийскую лирику отличает утон-

ченность и единообразис языка (своеобразное койнэ), богатство метрических форм, изысканность риторических приемов.

12. **dentr'a lo core meo** — сердце как местопребывание любви — важное положение куртуазной любовной теории. Ср. некоторые характерные сицилийские формы, надолго сохранившиеся в поэтическом языке: meo = mio, fore = fuori, disio = desiderio, vio = vedo, aggia = ha, abbia, veggia = vede, veda, doglia = dolore.

14. **viso** — обыгрывание одного слова на протяжении всего стихотворения стало художественным приемом трагической лирики.

ЯКОПОНЕ ДА ТОДИ (JACOPONE DA TODI, 1230-- 1306). Родился в небольшом умбрском городке Тоди. Определяющим событием его жизни стало религиозное обращение после внезапной гибели жены (во время праздника обвалился балкон вместе с гостями), на теле которой обнаружили власяницу. Якопоне вступил во францисканский орден, раздираемый в это время распрями между спиритуалами и конвентуалами. Якопоне принадлежал к числу спиритуалов, неукоснительно следовавших орденскому правилу св. Франциска и не соглашавшихся на упрощение и облегчение устава. Борьба против папы Бонифация VIII, поддерживавшего конвентуалов, закончилась для Якопоне тюремным заключением (1298—1303). Якопоне писал религиозные лауды, выделяющиеся на фоне многочисленной литературной продукции этого жанра глубокой индивидуальностью, за которой чувствуется личный опыт мучительной борьбы с грехом и радости богообщения. Язык Якопоне отличается обилием умбрских диалектальных форм.

РУСТИКО ДИ ФИЛИППО (RUSTICO DI FILIPPO, ок.1230—1300), ЧЕККО АНДЖОЛЬЕРИ (CECCO ANGIOLIERI, ок.1260—1310), ФОЛЬГОРЕ ДА САН-ДЖИМИНЬЯНО (FOLGORE DA SAN GIMIGNANO, ок. 1270—1330). Представители комико-реалистической (или так называемой «шуточной») поэзии. Отталкиваясь от стильновизма и «выворачивая наизнанку» его существенные тематико-идеологические и стилистические структуры, «шуточные» поэты ориентировались на намеренно сниженные комические поэтические модели. В комико-реалистической лирике вагантские традиции сливаются с интересом к повседневной городской жизни, а игровое начало выражается в нарочитой экспрессивности, театральности, склонности к ироническому пародированию высоких образцов.

22. **cortese... fino** — употребление возвышенных эпитетов в низком контексте производит комический эффект.

26. «**Morte, perché...**» — Плач по умершей донне традиционно включает в себя мотивы жестокости смерти, горя влюбленного, восхваления внешней и внутренней красоты донны, ее пребывания в Раю.

Лирика нового сладостного стиля знаменует собой вершину средневековой куртуазной поэзии. Продолжая и развивая провансальскую и сицилийскую традиции, стильновисты блестяще разработали теорию высокой любви, возведенной в ранг философско-нравственных понятий и окрашенной в религиозно-мистические тона. Они создали новый поэтический стиль, так называемый «сладостный», возвышенный, музыкальный, плавный, подчиняющийся строгим правилам как в области отбора лексики, так и в области риторических приемов. Для стильновизма характерна сложная и разнообразная система рифмовки.

ГВИДО ГВИНИЦЕЛЛИ (GUIDO GUINIZELLI, 1235—1276). Поэт и юрист из Болоньи. Зачинатель поэзии нового сладостного стиля.

30. **esmire** — отражать(ся). Редкое слово в ст.-ит. языке. Ср. ст.-франц. *esmirer*.

èn (èppo) = sono. Эта форма сохранилась до настоящего времени в некоторых тосканских диалектах.

pinti = spinti.

plagato — латинизированная форма от *piagato*, ср. также *plu* = *più*.

30, 32. **sclarisce, clarore** — провансализмы.

32. **tempeste** — имются в виду страдания любви; метафора пришла из сицилийской лирики.

lucente stella — сравнение донны со звездой (а также частые упоминания о блеске, сиянии, свете), неизвестное в сицилийской лирике, широко использовалось поэтами нового сладостного стиля. Ср. в связи с этим обилие свето-цветовой лексики в «Раю» Данте.

valore — важный стильновистский термин, включающий в себя целую систему этических и эстетических представлений.

ГВИДО КАВАЛЬКАНТИ (GUIDO CAVALCANTI, 1250—1300). Флорентийский поэт, друг Данте. Продолжал традиции Гвиницелли. Для Кавальканти характерна более высокая степень спиритуализации любви по сравнению с Гвиницелли.

34. **biltà** = *bellezza*, **saccente** = *sapiente*, **genti** = *gentili*, **augelli** = *uccelli*, **albore** = *alba*, **maggio** = *maggiore*.

По своей структуре сонет напоминает технику провансальского плезэра (перечисление-пожелание приятных и благих вещей).

«**Chi è questa che vén...**» — Явление божественной донны среди людей дслает их лучше — один из важнейших и принципиально новых мотивов стильновистской лирики.

umiltà — понятие-термин, объединяющее в себе целую гамму значений (смирение, скромность, благодать, милость и т. п.).

36. **vedestù** = vedesti tu.

piangendo — герундий с каузальным значением.

Toscana — Кавальканти написал баллату, находясь за пределами Тосканы, как предполагают, по политическим причинам.

38. **voi** — colui — типично сицилийская форма.

boschetto, pasturella — частое употребление диминутивов — характерная особенность поэзии Кавальканти.

40. **dolzore** — провансализм.

42. **malinconia** — имеется в виду не лирическая грусть, как предполагала романтическая критика, а неудовлетворенность, плохое настроение из-за невозможности беспрепятственно наслаждаться жизненными благами. Само слово «malinconia» характерно прежде всего для комического стиля.

donna, taverna, dado — перифраза аналогичного вагантского мотива.

44. «**Maledetto...**» — Сонет пародирует распространенные в куртуазной лирике благословения того момента, когда Amor пронзил сердце поэта (ср. типичное начало «Benedetto sia...»).

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ (DANTE ALIGHIERI, 1265—1321). Родился во Флоренции в старинной знатной семье. Изгнание из родного города в 1302 г. как белого гвельфа и члена коллегии приоров окрасило в мрачные тона всю оставшуюся жизнь поэта, проведенную в скитаниях по разным городам. Умер Данте в Равенне. Его творчество открывает в итальянской поэзии новые горизонты и выводит ее на мировой уровень. Объединяя и синтезируя комический и трагический стили, Данте закладывает основы национального литературного языка. Начиная как поэт нового сладостного стиля (автобиографическое сочинение в стихах и прозе о любви к Беатриче Портинари «Новая жизнь», юношеские сонеты и канцоны), Данте достигает в «Божественной комедии» энциклопедически всеобъемлющего описания и философского осмысления целой культурной эпохи — средневековья. Перу Данте принадлежит также ряд трактатов — «Пир», «О народном красноречии» (на лат. яз.), «О монархии» (на лат. яз.), «О земле и воде» (на лат. яз.), — затрагивающих важные философские, научные и политические вопросы.

46. «**A ciascun' alma...**» — Из «Новой жизни», гл. III. Согласно повествованию, сонет был написан после видения, которого был удостоен восемнадцатилетний Данте. Ряд исследователей предполагает более позднюю дату написания сонета, относя его ко времени после смерти Беатриче.

atterzate l'ore — терца, третья часть (обозначение ночного времени).

essenza — не только «сущность», но и «бытие», «явление», «образ».

«**Cavalcando l'altrier...**» — Из «Новой жизни», гл. IX.

mi sgradia — *mi dispiaceva* (путешествие удаляло Данте от Беатриче).

novo piacere — Amor призывает Данте служить другой даме (*novo* в значении *altro* типично для раннеитальянского языка).

48. Из «Новой жизни», гл. XVIII.

intelletto d'amore — любовное разумение — необходимый атрибут возвышенных душ.

ne l'atto — философский термин (*in atto* в отличие от *in potenza*), обозначающий здесь чудесное воздействие Беатриче на окружающих.

50. «**Donna pietosa...**» — Из «Новой жизни», гл. XXIII.

Morte — больной Данте в бреду вообразил, что Беатриче умерла.

54. **cader li augelli...** — смерть Беатриче описывается как нарушение естественного хода всей жизни.

Osanna — восхваление и поклонение Беатриче приобретает у Данте религиозный характер.

56. «**Tanto gentile...**» Из «Новой жизни», гл. XXVI.

vestuta (*поэт., устар.*) — *vestita*.

per li occhi... al core — согласно стильновистской теории, впечатления от созерцания красоты донны проникают в сердце и пробуждают в нем любовь.

«**Deh peregrini...**» — Из «Новой жизни», гл. XL.

città dolente — город скорбный — из-за смерти Беатриче.

beatrice — игра слов: Беатриче сделала Флоренцию благословенной.

58. **ghirlandetta** — цветочными венками и гирляндами женщины украшали себя в майский праздник Календимаджо.

ЧИНО ДА ПИСТОЙЯ (CINO DA PISTOIA, ок. 1270—1330). Поэт и юрист. Учился в Болонском университете вместе с Данте. В литературном наследии Чино наряду с шедеврами стильновизма немало эпигонских стихотворений.

60. **«Tutto ciò ch'altrui...»** — Сонет написан в технике провансальского епюге (плэээр наоборот), характерной для комической поэзии.

beato monte — горы вокруг замка Самбука, где похоронена Сельваджа, возлюбленная донна Чино да Пистойи.

Palpe — Апеннины в окрестностях Пистойи.

62. Канцона на смерть Данте.

Su per la costa... — Любовь, ведущая поэта по склону горы в загробном мире, — образ из «Божественной комедии».

fonte — Данте как источник поэзии и мудрости.

colca = colloca.

bivolca = bifolca — contadina, ср. далее coltivatrice.

ha ben di lungi al becco l'erba — ср. у Данте (Ад. XV, 71—72): «avanno fame di te; ma lungi fia dal becco l'erba» — обращение к Флоренции, изгнавшей Данте.

savia Ravenna — Равенна приютила Данте; там находится и его могила (tesoro).

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА (FRANCESCO PETRARCA, 1304—1374). Родился в Ареццо, долгие годы жил в Авиньоне, где в то время находился папский престол. Несмотря на свой духовный сан, вел светский образ жизни. Петрарку часто называют первым поэтом Возрождения. Его лирика («Канцоньере», состоящий из сонетов «На жизнь мадонны Лауры» и «На смерть мадонны Лауры», канцон, баллат, секстин и мадригалов) оказала огромное влияние на дальнейшее развитие итальянского поэтического языка и на протяжении многих веков вызывала несметное число подражаний как в Италии, так и за ее пределами. Современники же поэта больше ценили его гуманистические штудии и латинские сочинения. За латинскую поэму «Африка», описывающую деяния Сципиона Африканского, Петрарка был увенчан в 1341 г. лавровым венком на Капитолии. Его трактаты «Об уединенной жизни», «О средствах против всякой фортуны», «О славных мужах», «О достопамятных событиях» и др. пользовались немалой популярностью. В конце жизни Петрарка пишет автобиографическую прозу «Письмо к потомкам» и «Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру».

68. **in rime sparse** — сонеты сочинялись в разное время как самостоятельные произведения и лишь позднее были объединены в «Канцоньере».

in sul mio primo giovanile errore — имеется в виду любовь к Лауре.

breve sogno — показательное для Ренессанса осознание краткости и тщетности земной жизни, бега времени.

per le cose dubbiose altri s'avanza — то, что нам кажется неприятным, может оказаться полезным; вновь мотив тщетности земных представлений человека.

70. **Solo** — новый важный мотив уединения, бегства от людей на лоно природы, неизвестный до Петрарки в итальянской лирике.

paese... loco — Петрарка впервые увидел Лауру в Авиньоне (Прованс), в церкви св. Клары.

72. **Qual... qual... qual** — часто используемая Петраркой риторическая конструкция.

ésca amorosa — крючок любви, известная в куртуазной лирике метафора, часто встречается и у Петрарки. Но привычные метафоры, сравнения и образы обновляются в «Канцоньере», будучи помещенными в иной художественный и мировоззренческий контекст.

76. **exempio** — согласно платоновской философии, «образец» является божественным архетипом, находящимся на небе в мире идей. Природа воплотила этот архетип в Лауре.

78. **Quel rosignuol** — реминисценция из «Георгик» Вергилия (IV, 511—515).

ФАЦИО ДЕЛЪИ УБЕРТИ (FAZIO DEGLI UBERTI, ок.1305/09—1367). Принадлежал к знатному гибеллинскому роду. Жизнь провел в скитаниях по разным итальянским городам, где у власти стояли гибеллины. Писал любовные и политические стихи. Его основное произведение — незаконченная поэма в терцинах «Описание мира», изображающая разные части света.

88. **lupa d'avarizia** — волчица — символ скупости. Ср. тот же образ в начале «Божественной комедии».

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО (GIOVANNI BOCCACCIO, 1313—1375). Родился в Париже, внебрачный сын флорентийского купца и француженки. Годы молодости, проведенные в Неаполе — изучение античности, знакомство с идеями неаполитанских гуманистов, плодотворная культурная среда при дворе короля Роберта Анжуйского, — сформировали Боккаччо как писателя, гуманиста, ученого. Литературное наследие Боккаччо охватывает самые разные жанры — стихи, поэмы («Охота Дианы», «Филострато», «Тезеида», «Любовное видение», «Фьезоланские нимфы»), пастораль в стихах и прозе «Амето», роман «Филоколо», повесть «Фьяметта», аллегорическую сатиру в прозе «Корбаччо», трактаты «О генеалогии богов», «О знаменитых женщинах», «О злочлечениях знаменитых мужей», биографическое сочинение «Жизнь Данте Алигьери», комментарии к 17 песням «Божественной комедии». Вершиной творчества Боккаччо является сборник новелл «Декамерон» (1352—1354), обозначивший принципиально новый этап развития средневековой новеллистики и вызвавший многочисленные подражания.

90. **i dua... colori** — зелень ветви и золото волос.

Vetro — стекло — лед. Редкое в итальянской поэзии описание зимнего пейзажа.

92. **Muse castalie** — Кастальский ключ — источник на горе Парнас, посвященный Аполлону и музам.

Dormendo, un giorno... — Развитие дантовского мотива видения умершей донны во сне и горечи пробуждения.

94. В сонете, написанном от лица Данте, чувствуется стремление воспроизвести дантовский стиль.

ФРАНКО САККЕТТИ (FRANCO SACCHETTI, 1332—1400).

Автор сборника «Триста новелл», стихов и религиозных проповедей. Для языка прозы Саккетти характерна близость к разговорной речи, ориентация на фольклорные источники. В стихах Саккетти проявляется его склонность к использованию народных поэтических форм и мотивов.

ЛЕОНАРДО ДЖУСТИНИАН (LEONARDO GIUSTINIAN, 1388—1446).

Венецианец, автор латинских эпистол, изящных канцонетт и страмботти, написанных на итальянском языке с вкраплениями венецианского диалекта, сочетающих элементы народной и ученой поэзии. Основная тема его стихов — любовь и быстротечное время. Имел много подражателей.

100. **anzoli** (*диал., венецианск.*) = angeli; **ziglio** = giglio.

Bàsote = ti bacio; **vòmen** = me ne vado.

БУРКЬЕЛЛО / ДОМЕНИКО ДИ ДЖОВАННИ / (BURCHIELLO / DOMENICO DI GIOVANNI, 1404—1449). Прозвище, происходящее

от выражения «alla burchia» — «как попало». Флорентийский цирюльник, автор «шуточных» стихов, продолжатель комико-реалистической традиции. Создал особый стиль, отличающийся пародийным сочетанием разнородных элементов, тенденцией к абсурду, к отделению формы от содержания.

102. **Nominativi fritti** — соположение совершенно разных, несочетающихся слов, понятий, ситуаций, нарушение логических и семантических связей является характерной особенностью поэтики Буркьелло.

chirïeleisonne = chierie eleison (*греч.*) — Господи, помилуй.

Giansonne — Ясон, сын иоакского царя, возглавивший аргонавтов в походе за золотым руном.

104. **Sospiri azzurri** — пародийное обыгрывание и «шуточная» материализация образов петраркистской лирики.

Diomede — Диомед, аргосский царь, участник Троянской войны, уступавший силой и отвагой лишь Ахиллу.

Dice Cato, e non erra... — многие высказывания Катона приобретали в средние века характер пословиц.

106. **fràtelmo** (*диал.*) = mio fratello, **bizzocco** = pinzochero.

ЛУИДЖИ ПУЛЬЧИ (LUIGI PULCI, 1432—1484). Флорентийский поэт, принадлежал к кругу Лоренцо Медичи, автор сонетов, шутливой поэмы «Бека из Джикомано», в подражание идилии Медичи «Ненча из Барберино», поэмы «Турнир». Главное его произведение — ироикомиическая поэма «Моргант» (1478—1480; второе расширенное издание «Большой Моргант» — 1483), описывающая рыцарские приключения.

108. **ravizi, rave e verzi** — шутливое обвинение миланцев в том, что они едят одну зельнь.

berzi = piedi.

Costor — намек на философа-гуманиста Марсилио Фичино (1433—1499) и других членов Платоновской академии во Флоренции, устраивавших диспуты о бессмертии души.

110. **Pandolfo** — Пандольфо Ручеллаи (1436—1497), благородный флорентинец, сын поэта Джованни Ручеллаи, участвовал в политической жизни, занимался банковским делом, под конец жизни стал доминиканцем.

ПИСТОЙЯ / АНТОНИО КАМЕЛЛИ / (PISTOIA / ANTONIO CAMELLI /, 1436—1502). Автор шутливых сонетов, написанных в духе комико-реалистической традиции, трагедии «Филострато и Памфила», «Диалога» в прозе. Поэзия Пистойи отмечена антиклерикальными настроениями.

112. **fronde amata** — лавр, в который была превращена нимфа Дафна, преследуемая влюбленным в нее Аполлоном.

Elicona — Геликон, гора в Греции, по представлениям древних греков, место обитания муз.

Папа — возможно, имеется в виду папа Александр VI, у которого в 1496 г. родился сын.

МАТТЕО МАРИЯ БОЯРДО (MATTEO MARIA BOIARDO, 1441—1494). Принадлежал к знатному роду, нес службу при дворе феррарских герцогов. Глубокий знаток античной культуры; писал стихи на

латыни, переводил античных авторов на итальянский. Сочинял стихи и на родном языке, принимая за образец лирику Петрарки («Книга песен», 1476). Главное произведение его жизни — ироикомическая рыцарская поэма в октавах «Влюбленный Роланд» — осталось незавершенным.

116. **beltà** = bellezza. Язык Боярдо намеренно архаизирован, часто предпочтение отдается латинизированной форме слов.

ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ / ПРОЗВАННЫЙ ВЕЛИКОЛЕПНЫМ / (LORENZO DE' MEDICI / DETTO IL MAGNIFICO /, 1449—1492). Аристократ, блестящий политик, правитель Флоренции, меценат, поэт. Автор популярных «Карнавальных песен», написанных в народном духе, стансов «Леса любви», пастушеских идиллий «Амбра», «Аполлон и Пан», «Коринто», шуточных поэм «Нспча из Барберино», «Соколиная охота», «Пир, или Пьяницы».

122. **il sonno... fuggendo** — уходящее время, исчезающее сновидение — лейтмотив лирики Лоренцо.

purpuree viole — фиалка в поэзии часто обозначает лесные гвоздики.

Qual... qual... qual — см. коммент. к с. 72. Петрарка оказал большое влияние на Лоренцо Медичи. Ср. также характерное для Петрарки слово *vago*.

124. **Un verde praticel** — характерное для ренессансного сознания противопоставление суетной светской жизни и дарующей покой природы.

126. **Arianna** — Ариадна, дочь критского царя Миноса, оказавшая помощь Тезею в его борьбе с Минотавром; впоследствии стала женой Вакха.

128. **Sileno** — Силен, воспитатель и наставник Вакха.

Mida — Мидас, фригийский царь, которому Вакх даровал способность превращать в золото все, до чего он ни дотронется.

ПОЛИЦИАНО / АНДЖЕЛО АМБРОДЖИНИ / (POLIZIANO / ANGELO AMBROGINI, 1454—1494). Поэт, гуманист, филолог, принадлежавший к кругу Лоренцо Медичи, автор эпиграмм и элегий на латинском и греческом языках, перевода на латынь «Илиады», сборника филологических замстков, лекций к прокомментированным им античным писателям «Вступления» (некоторые из них известны под названием «Леса»); стихотворной пьесы «Сказание об Орфее», являющейся первым образцом

итальянской светской драмы; незаконченной поэмы «Стансы на турнир», лирических стихов.

134. **gonfalon selvaggio** — цветущая ветвь, которую юноши прикрепляли к дверям дома своих возлюбленных.

138. **Fresca è la rosa** — распространенный ренессансный мотив, увеченный позже у Ронсара — «Cueillez dès aujourd'hui les roses de la vie» (сонет «Quand vous serez bien vicille...»).

ЯКОПО САННАДЗАРО (JACOPO SANNAZARO, 1455—1530). Автор прозаической пасторали «Аркадия» со вставными эклогами, написанной в духе идиллий Феокрита и пользовавшейся огромным успехом; сборника «Сонетов и канцон», в которых чувствуется влияние Петрарки; аллегорических стихотворных фарсов, шуточных произведений; «Рыбацких эклог» на латинском языке.

140. **tua sorella** — луна.

АКВИЛАНО / СЕРАФИНО ЧИМИНЕЛЛИ / (AQUILANO / SERAFINO DEI CIMINELLI/, 1466—1500). Жил в Неаполе, Риме, Милане. Автор изящных лирических стихотворений, написанных в петраркистском духе, в основном на любовные темы (есть сатирические и моралистские стихи). Писал также шуточные стихи в низком стиле.

НИККОЛО МАКЪЯВЕЛЛИ (NICCOLÒ MACHIAVELLI, 1469—1527). Флорентийский политический деятель, историк, писатель. Автор ряда исторических, политических и военно-теоретических сочинений, наиболее важные среди них: «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия», «История Флоренции», «О военном искусстве». Особое место занимает в творчестве Макьявелли трактат «Государь» (1513), в центре которого находится проблема личности, творящей историю. Отделение политики от морали — это положение трактата получило в дальнейшем широкое распространение под именем макьявеллизма. Перу Макьявелли принадлежат также комедии «Мандрагора» и «Клиция», новелла «Сказка о Бельфагоре», любовные и сатирические стихи, лингвистическое сочинение «Диалог о языке». В целом творчество Макьявелли отразило трагические противоречия эпохи кризиса Возрождения.

150. **Giuliano** — Джулиано Медичи, внук Лоренцо Великолепного.
Roncisvalle — Ронсевальское ущелье, где в 778 г. потерпел поражение арьергард армии Карла Великого и погиб Роланд.
Mongibello — другое название вулкана Этна.

ПЬЕТРО БЕМБО (PIETRO BEMBO, 1470—1547). Кардинал, гуманист, поэт. В лирических стихах сознательно и мастерски подражал Петрарке, открыв в итальянской поэзии эпоху петраркизма. Пуристские взгляды Бембо на литературный язык нашли отражение в его трактате «Рассуждения в прозе о народном языке» (1525). Перу Бембо принадлежат также «Азоланские беседы», в которых разрабатывается ренессансная теория любви.

152. **altri** — *зд.*: донна.

154. **solo... vo misurando i campi** — ср. у Петрарки: «Solo et penso-
so i più deserti campi / vo mesurando...».

156. **iniquitoso arcero** — Амор.

158. **Parche** — Парки, мифические богини судьбы.

ЛУДОВИКО АРИОСТО (LUDOVICO ARIOSTO, 1474—1533). Жил при дворе феррарских герцогов д'Эсте, деля время между служебными обязанностями и литературными занятиями. Главное произведение Ариосто — ироикомическая рыцарская поэма в октавах «Неистовый Орланд» (1532), продолжающая поэму Боярдо. Сочетание аристократической легкости и изящества с безудержной фантазией и неожиданностью сюжетных ходов выделяет поэму Ариосто среди других произведений этого жанра. Новую страницу в развитии итальянской ренессансной комедии открывают Ариостовы «Подмешенные», «О сундуке», «Чернокнижник», «Сводня», «Школяры». Перу Ариосто принадлежат также лирические стихотворения на латинском и итальянском языках (оды, элегии, сатиры, мадригалы, сонеты).

160. **ben mille e mille...** — перифраза стихотворения Каталла «Vivamus, mea Lesbie, atque amamus».

Paro — Парос, остров в Эгейском море, знаменитый своим мрамором.

Beronic — Береника, иудейская царица, возлюбленная римского императора Тита.

162. **Annibale Maleguccio** — племянник поэта. Выполнял важные публичные поручения в Реджо.

duca Alfonso — в 1518 г. Аннибале сменил службу у кардинала Ипполито на службу у герцога Альфонсо.

mio genitor — Ариосто был первенцем Никколо́ и Дарии Малагучо. Чтобы беспрепятственно пользоваться отцовским имуществом, он должен был остаться единственным сыном.

che fe' Saturno... — Сатурн оскотил своего отца Урана.

Mercurio — Меркурий — покровитель купцов, бог торговли и прибыли, сын псады Майи.

164. **quel monte che divide e quel che serra** — Альпы и Апеннины.

166. **perché il cor sempre ci resta...** — в Ферраре жила возлюбленная Ариосто Алессандра Бенуччи.

antiqui amici del papa — намек на дружеские отношения с кардиналом Джованни Медичи, который в 1513 г. стал папой Львом X.

Giuliano — Джулиано ди Немур, младший брат будущего папы.

168. **legato** — Джованни был папским легатом в Болонье в 1511 г.

Fiorenza — Ариосто жил во Флоренции в 1512—1523 гг.

МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ (MICHELANGELO BUONARROTI, 1475—1564). Знаменитый скульптор, архитектор, художник, поэт Высокого Возрождения. Жил в Риме и Флоренции. Знакомство с идеями флорентийских гуманистов оказало большое влияние на его мировоззрение. Связь с философией неоплатонизма ощущается и в лирических стихах Микеланджело. Образцами в поэзии для Микеланджело были Данте и Петрарка.

170. **«l' ho già fatto un gozzo...»** — Сонет написан во время работы Микеланджело над росписями Сикстинской капеллы (1508—1512).

172. **Giovanni** — Джованни да Пистойя, друг Микеланджело.

né io pittore — главным своим искусством Микеланджело считал не живопись, а скульптуру.

Medusa — одна из трех сестер Горгон, обращавшая в камень всех, кто встретится с нею взглядом.

178. **«Dal ciel discese...»** — Сонет посвящен Данте Алигьери, внутреннюю связь с которым Микеланджело постоянно ощущал.

popolo ingrato — флорентийцы, изгнавшие Данте.

180. **l'una e l'altra morte** — смерть души и смерть тела.

ВИТТОРИЯ КОЛОННА (VITTORIA COLONNA, 1490—1547). Знатная дама, получила блестящее гуманитарное образование, интересовалась литературой и культурой в целом. Была знакома с Микеланджело. Писала любовные петраркистские стихи, а также религиозные соnets.

182. **il mio bel Sole** — обращение к умершему мужу, маркизу Пескарскому Ферранте Франческо д'Авалос, находившемуся на службе у императора Карла V.

«**Vivo su questo scoglio...**» — Последние годы жизни Колонна провела в бенедиктинском монастыре св. Анны, где и умерла.

quelli ch'amo — Колонна вновь и вновь обращается к воспоминаниям о муже. Воспевание мужа и оплакивание его смерти — принципиально новый топос любовной лирики.

ФРАНЧЕСКО БЕРНИ (FRANCESCO BERNI, ок. 1497—1535). Комический поэт, создатель особого бурлескного стиля, получившего название «бернеско». Автор знаменитых «Капитоли» (пародийно-сатирических рассуждений в терцинах) и переделанного варианта поэмы Боярдо «Влюбленный Роланд». Последовательный противник петраркизма. Характерный прием Берни — говорить о высоких вещах низким стилем.

186. **ciglie di neve... denti... rari e pellegrini** — типичные петрарковские эпитеты, отнесенные не к тем словам, производят пародийный эффект комического несоответствия.

188. **Ser Cecco** — Франческо Бенчи, секретарь папского двора.

Trifone — племянник и помощник в делах Ф. Бенчи.

190. Сонет написан в связи с болезнью папы Клементя VII (1529).

ДЖОВАННИ ДЕЛЛА КАЗА (GIOVANNI DELLA CASA, 1503—1556). Жил в Болонье, Флоренции, Падуе. В Риме стал священнослужителем. Был послом в Венеции во время Тридентского собора, служил секретарем папы Павла IV. Автор знаменитого трактата «Галатео» о правилах поведения придворного. В юности писал латинские стихи, свидетельствующие о его бурной жизни. Позднее сочинял стихи на итальянском языке, которые отмечены глубоким проникновением в поэзию Петрарки и творческим подходом к его наследию.

192. **Cocito** — Коцит, ледяное болото в Аду.

la bella greca — Елена Прекрасная.

'l pastor ideo — Парис, пастух Иды, горы Трояды.

imperio antico — Илион.

quella — Семела, возлюбленная Зевса, захотевшая лицезреть его, была испелена молниями.

lei — Дафна, нимфа, преследуемая Аполлоном, была превращена в лавр на берегу реки Пеней.

le tre dive — Афродита, Гера, Афина, одну из которых Парис должен был назвать самой красивой.

194. **Vago augelletto** — обращение к попугаю Елизаветы Квирини.

Glauco — Главк, беотийский рыбак, ставший после своего погружения в Эгейское море божеством рыбаков и мореходов, герой одного из сюжетов в «Метаморфозах» Овидия (XIII).

Esaco — Эсак, согласно Овидию (XI), сын последнего троянского царя Приама и Алексирою; был превращен в морскую птицу нырка, когда бросился в море, оплакивая гибель любимой им нимфы Гесперии.

196. **Borea** — Борей — северный ветер; **Euro** — Евр — юго-восточный ветер.

АННИБАЛ КАРО (ANNIBAL CARO, 1507—1566). Десять итальянской Контрреформации; жил во Флоренции, Риме, Неаполе; находился на службе у кардинала Фарнезе. Автор замечательных переводов на итальянский язык «Энсиды» Вергилия и переложения «Дафниса и Хлои» Лонга; комедии «Оборванцы»; лирических стихотворений в духе петраркизма.

198. **Favonio** — Фавон — Зефир, западный ветер, теплый и дождносный.

Clori — Хлорида, нимфа, возлюбленная Зефира. Отождествлялась с римской богиней Флорой.

Ciprigna — Киприда (Афродита), согласно легенде, родившаяся из морской пены, вышла на остров Кипр, ставший одним из главных мест ее культа.

Delfo — Дельфы, город в Фокиде, у подножия Парнаса, посвященный Аполлону.

altra aurora — донна.

ЛУИДЖИ ТАНСИЛЛО (LUIGI TANSILLO, 1510—1568). Эпигон неаполитанской поэтической традиции. Автор лирических стихов, капитоли, идиллий. Его юношеская поэма «Сборщик винограда» была в 1559 г. включена в индекс запрещенных книг из-за эпикурейски вольного содержания. Ему принадлежит также ряд описательных поэм; три «Рыбацкие эклоги», перекликающиеся с эклогами Саннадзаро, и религиозная поэма «Слезы св. Петра». Стиль Тансилло отличается изяществом и элегантностью, иногда приобретающими маньеристическую окраску.

ГАЛЕАЦЦО ДИ ТАРСИА (GALEAZZO DI TARSIA, 1520—1553). Неаполитанский барон, вел бурную жизнь, был убит при темных обстоятельствах. Писал любовные и политические стихи, отличающиеся мрачностью и страстностью. В его лирике обозначился кризис петраркизма.

206. «**Tempestose sonanti e torbid'onde...**» — Этот сонет, как и некоторые другие, посвящен Виттории Колонна, в которую поэт был влюблен.

il mio tiranno — Амор.

208. Сонет написан по возвращении поэта из Франции.

ГАСПАРА СТАМПА (GASPARA STAMPA, 1523—1554). Певица, жила в Венеции, вела свободный образ жизни. Писала любовные стихи в духе петраркистской поэзии, но выделяющиеся на ее фоне большей страстностью, экспрессивностью и искренностью. Ее лирика особенно высоко ценилась романтиками.

210. **Delo** — Делос, самый маленький из Кикладских островов, место рождения Аполлона и Артемиды.

212. **mio conte** — граф Коллальтино ди Коллальто, в которого была влюблена Stampa и который ее бросил.

214. **Alcmena** — Алкмена, жена Амфитриона, в которую был влюблен Зевс. Проводя с нею как-то ночь, он уговорил Феба задержать наступление дня.

ТОРКВАТО ТАССО (TORQUATO TASSO, 1544—1595). Родился в Сорренто, в семье поэта Бернардо Тассо, получил прекрасное классическое образование, жил в Риме и в Ферраре при дворе герцогов д'Эсте. Согласно распространенной версии, был влюблен в Элеонору д'Эсте, сестру герцога Альфонсо II, за что подвергался преследованиям. Автор поэмы «Ринальдо», пасторальной драмы «Аминта», лирических стихотворений. Его главное произведение — эпическая поэма «Освобожденный Иерусалим» (1575) — знаменует вершину итальянского Высокого Возрождения. Позднее создал малоудачный переделанный вариант поэмы «Завоеванный Иерусалим». Страдал душевной болезнью. В России глубоким ценителем и переводчиком Тассо был К. Н. Батюшков, ощущавший свою внутреннюю близость с «безумным поэтом».

220. **rio** — имеется в виду Brenta, река на севере Италии.

222. **novella sposa** — в 1562 г. Тассо присутствовал на свадьбе Лукреции Бендидио, фрейлины Элеоноры д'Эсте. Многие любовные стихи Тассо посвящены Лукреции.

224. «**Qual rugiada...**» — Мадригал посвящен Лауре Пеперара, уроженке Мантуи, происходившей из богатого купеческого рода, в которую был влюблен Тассо.

226. «**Ne gli acerbi anni...**» — Сонет обращен к Лукреции д'Эсте, жене урбинского графа Франческо Мария II дела Ровере, с которым Тассо находился в дружеских отношениях.

228. **Vecchio ed alato dio** — время.

«**Amor col raggio...**» — Этот сонет представляет собой ответ Тассо своему другу Джустиниано Масдони на его сонет «*Or che non potete amor, Tasso, s'accende*».

ДЖОРДАНО БРУНО (GIORDANO BRUNO, 1548—1600). Доминиканец (Джордано — монашеское имя, сменившее мирское имя Филиппо), ученый, философ, писатель. Автор научно-философских диалогов «О бесконечности, вселенной и мирах», «О причине, начале и едином», «О героическом энтузиазме». Был обвинен инквизицией в ереси, от своих убеждений не отрекся и был сожжен на костре в Риме. Его перу принадлежат лирические стихи, в которых чувствуется приближение эпохи барокко, сатирическая поэма «Ноев ковчег», комедия «Подсвечник» (1581), являющаяся одним из лучших образцов ренессансной комедии.

230. **Teti** — Тетия, Тетис, Тетфида — сестра и супруга Океана, мать потоков и океанид.

232. **Aquilon** — Аквилон, северный ветер.

un solo oggetto — имеются в виду философские размышления.

ГАБРИЭЛЛО КЪЯБРЕРА (GABRIELLO CHIABRERA, 1552—1638). Известный поэт классицистского направления. Будучи последовательным противником маринизма, ставшего основным поэтическим течением XVII в., Кьябрера ориентировался на подражание греческой поэзии, воспринятой главным образом через осмысление ее поэтами французской Плеяды. Его стихи отличаются изяществом и музыкальностью. Перу Кьябреры принадлежат также эпические поэмы «Готиада», «Амедеида», «Флоренция», многочисленные драматические произведения, весьма уступающие его лирике.

АЛЕССАНДРО ТАССОНИ (ALESSANDRO TASSONI, 1565—1635). Родился в Модене в знатной семье. Образование получил в Болонье и Ферраре. В дальнейшем находился на службе у разных кардиналов и герцогов. Его перу принадлежат резко критические «Рассуждения о стихах Петрарки», знаменитая сатира «Филиппики против испанцев»; незаконченная героическая эпопея о Колумбе «Океан». Главное произведение Тассони — ироикомическая поэма «Похищенное ведро» (1615—1618), повествующая о войне жителей Болоньи и Модены из-за похище-

ния моденцами ведра у болонцев во время одного из междоусобных столкновений (реальный эпизод, имевший место в 1325 г.).

238. Приведенный отрывок (Песнь II) описывает совет олимпийских богов в связи с ходом войны.

gli avisi — печатные листки с новостями, широко распространенные в Италии в XVII в.

il prencipe di Delo — Аполлон, родившийся на острове Делос.

toson — атрибут рыцарского ордена Золотого Руна.

Bisignano — местечко в Калабрии, где выращивали особую породу белых лошадей.

240. **dea d'Amore** — Венера.

putto — Амур.

dea de le biade — Церера; **dio del vino** — Вакх.

Nettun — Нептун восседал на дельфине, который оказал ему помощь во время его свадьбы с Амфитритой и был за это помещен на небе среди созвездий.

la madre — Кибела.

il fratel — Зевс.

sua madre — Латона.

242. **Menippo** — Менипп, персонаж из «Диалогов» Лукиана, обжора.

Alcide — то есть Геракл.

la pazzia — по воле Геры Геракл был охвачен безумием после убийства фиванского царя Лиана, сына Аполлона.

svizzero — швейцарская гвардия папы римского.

244. **con quelle stelle** — небесные тела, открытые Галилеем.

popol sericano — японцы, послы которых прибыли в Рим в 1608 г.

ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА (TOMMASO CAMPANELLA, 1568—1639). Родился в крестьянской семье в Калабрии. Рано вступил в доминиканский орден, сменив прежнее имя Джан Доменико на новое — Томмазо. Неоднократно подвергался обвинению в ересь. Принимал участие в организации заговора против власти испанцев, оккупировавших Южную Италию, был приговорен к смерти, замененной длительным тюремным заключением. Из обширного литературного наследия Кампанеллы выделяются роман-утопия «Город Солнца» (1602), рисующий модель идеального общества, и лирические стихотворения, отличающиеся барочной яркостью, драматичностью и экспрессивностью.

246. «**Delle radici de' gran mali del mondo**». — Кампанелла дает этому сонету такое объяснение: «Ибо автор написал в «Метафизике» о трех первоначалах или протопринципах (которые он называет Мощь,

Мудрость и Любовь); и все зло мира происходит от тирании, лжевластия; софистики, лженауки; лицемерия, лжелюбви; он говорит, что Фемида разумно поведала ему эту новую философию... «Троической ложью» называются здесь три зла, противостоящие метафизической и богословской Троице».

248. **«Della plebe»**. — Вероятно, этот сонет является ответом на те преследования и поношения, которым неоднократно подвергался Кампанелла.

bombassi — шумные тираны (от *лат.* *bombus* — грохот или *исп.* *bombazo* — взрыв).

un carlin — мелкая неаполитанская монета.

250. Имеется в виду тюрьма св. Престола в Риме, куда Кампанелла был заключен в 1594—1595 и в 1597 г. по обвинению в ереси.

antro di Polifemo — в пещеру циклопа Полифема попал Одиссей с двенадцатью спутниками, шестеро из которых погибли там, остальные спаслись благодаря хитрости Одиссея.

palazzo... d'Atlante — титан, державший на своих плечах небесный свод. Местом его пребывания считался крайний запад.

ДЖАМБАТТИСТА МАРИНО (GIAMBATTISTA MARINO, 1569—1625). Родился в Неаполе в семье адвоката. Был изгнан отцом из дома. Несколько лет провел во Франции при дворе Людовика XIII. Умер в Неаполе. Литературное наследие Марино велико и разнообразно. Его перу принадлежат лирические стихотворения, объединенные в сборник «Ли́ра» (1602—1614); прозаические «Слова на священные темы»; «Письма»; сборник «Галерея», представляющий собой стихотворные комментарии к произведениям изобразительного искусства; собрание мифологических и пасторальных идиллий «Волынка»; огромная эпическая поэма «Адонис» (1623), вызвавшая бурные и противоречивые отклики; поэма «Избиение младенцев». В лирической поэзии Марино стал основателем особого направления барокко, получившего название маринизм и вызвавшего многочисленные подражания.

252. Стихотворения, входящие в «Лиру», распределены по тематическим разделам. Данные сонеты входят в «Любовные стихотворения» (I часть «Лиры»).

Erebo — Эреб, олицетворение вечного мрака.

cimmerie grotte — киммерийские гроты — обители Сна.

254. **rossignuol** — соловей — Филомела, **Progne** — Прокна, сестра Филомелы, супруга фракийского царя Терей. Терей совершил насилие над Филомелой и вырезал ей язык, чтобы она не могла рассказать о случившемся. Она же выткала рассказ об этом на одежде. Тогда Прокна, мстя

мужу, убила сына и накормила Терся его мясом. Разгневанный Терей хотел убить сестер, но Зевс превратил их в соловья и ласточку. В разных вариантах мифа Филомела выступает то как соловей, то как ласточка.

256. **Aretusa, Alfeo** — Аретуза, Алфей — согласно мифу, речной бог Алфей, влюбленный в нимфу Аретузу, преследовал ее. Спасаясь, она превратилась в источник, Алфей же стал рекою, и его воды слились с водами Аретузы.

ТОММАЗО СТИЛЬЯНИ (TOMMASO STIGLIANI, 1573—1661). Выходец из бедной семьи. Находился на службе у разных герцогов. Полемицировал с Марино. Автор пасторальной поэмы «Полифем», поэмы о географических открытиях «Новый Свет» (один из пассажиров которой Марино воспринял как оскорбление и обрушился в стихах на Стильяни); сочинения «Очки», в котором критическому разбору подвергается поэма Марино «Адонис». Лирические стихотворения Стильяни собраны в его «Канцоньеро» (1-е изд.— 1605; 2-е, расширенное,— 1623). Писал Стильяни в русле барочной традиции и, несмотря на критику Марино, нередко оказывался среди его последователей.

КЛАУДИО АКИЛЛИНИ (CLAUDIO ACHILLINI, 1574—1640). Современниками почитался как самый известный и одаренный из последователей Марино, с которым он находился в дружеских отношениях. Занимался юриспруденцией и политикой, служил кардиналам и герцогам, был папским послом. Помимо лирических стихотворений его перу принадлежат два театральные произведения: «Тетис и Флора» и «Меркурий и Марс», — поставленные им при дворе пармского герцога Одоардо Фарнезе. Акиллини был членом ряда академий (в частности, Академии Линчеи); его «Стихотворения» многократно издавались в XVII в.

268. **Re de' Galli** — Людовик XIII.

invitta rocca — имеется в виду крепость Ла-Рошель на берегу Атлантического океана.

rubelle fronti. — Гугенотский город в 1628 г. был подвергнут жестокой осаде за нежелание изменить своей конфессии.

inusitati ponti. — Осада увенчалась успехом лишь тогда, когда город был отрезан от моря дамбой.

su l'Alpi... — После взятия Ла-Рошели Людовик XIII отправился в Италию и освободил город Казале, осажденный испанцами.

Astrea — Астря, богиня справедливости.

ДЖИРОЛАМО ПРЕТИ (GIROLAMO PRETI, 1582—1626). Служил при дворе. Писал талантливые стихи в маринистском духе, высоко ценив-

шиеся современниками. Следование барочной традиции носило у Прети творческий характер; в частности, его лирика не чужда стильновистского влияния в трактовке любовной темы.

272. **Vulcano e Marte** — имеются в виду внутренние и внешние войны, раздиравшие Италию.

ЧИРО ДИ ПЕРС (CIRO DI PERS, 1599—1663). Родился в знатной семье, владевшей замком Перс (Фриули). Изучал философию в Болонье. Был дружен с поэтами-маринистами Акиллини и Прети. В лирических стихах под именем Ники воспевал Таддео ди Коллоредо, в которую был страстно влюблен. Не имея возможности жениться на ней, вступил в мальтийский орден, бился с турками. По возвращении жил в своем родовом поместье, предаваясь литературным занятиям.

276. **Nasamon** — кочевое племя, обитавшее на средиземноморском побережье Ливии.

278. «**Orologio da polvere**». «**Orologio da rote**». — Характерные для барочной лирики темы быстротечного времени и неизбежности смерти предстают у поэта как глубоко личные переживания.

ФУЛЬВИО ТЕСТИ (FULVIO TESTI, 1593—1646). Служил при дворе герцогов д'Эсте в Модене. Писал стихи в русле маринизма. За несколько патриотических сочинений (в частности, за обращение к герцогу Савойскому Карлу Эммануилу I, на которого возлагались большие надежды в борьбе против испанского владычества) впал в немилость и был вынужден покинуть Модену, куда, однако, вскоре вернулся, отказавшись от прежних убеждений. Жизнь Тести окончил в тюрьме, куда попал по обвинению в тайных связях с Францией. Литературной славой Тести обязан прежде всего стихам на гражданские темы. В поздней лирике отошел от маринизма и под влиянием Кьябреры обратился к античным традициям (Пиндару, Горацию).

282. Начало стихотворения вдохновило Leopardi на создание первых строк канцоны «К Италии».

Aventino, Celio — Авентин, Целий — римские холмы.

mirti — мирт — символ любви и любовной поэзии.

sabea — арабская, аравийская.

284. **Scio** — Хиос, греческий остров, знаменитый своим вином.

Falerno — знаменитое вино, производимое в Кампании.

Numidia — древняя область Африки (современный Алжир).

Fasi — река в Грузии, которая в древности считалась границей между Европой и Азией.

МАРЧЕЛЛО ДЖОВАНЕТТИ (MARCELLO GIOVANETTI, 1598—1631). Жил в Риме; адвокат, автор ряда юридических сочинений. В 1620 г. были опубликованы его «Стихотворения», в 1622 г.— «Сонеты, канцоны, мадригалы»; позже они были объединены в один сборник. Его перу принадлежит также пасторальное сочинение «Цилла». Талантливый подражатель Марино. Для лирики Джованетти характерно утрирование барочной антистетичности образов и ситуаций.

ДЖОВАН ЛЕОНЕ СЕМПРОНИО (GIOVAN LEONE SEMPRONIO, 1603—1646). Поэт-маринист, автор героической поэмы «Бозмунд», трагедии «Граф Уголино». Его лирические стихотворения собраны в «Поэтической смеси» (1633; второе расширенное издание вышло посмертно— в 1648 г.). Часто прибегал к смелым эротическим аллюзиям и гротескно-фантастическим образам.

290. «**Quid est homo?**» (лат.)— Что есть человек?

ДЖУЗЕППЕ БАТТИСТА (GIUSEPPE BATTISTA, 1610—1675). Доктор богословия, священнослужитель. Автор латинских «Эпиграмм», «Надгробных песен героям», «Мелических стихотворений» в пяти книгах; прозаических сочинений «Академический дневник», «Поэтика»; «Писем». В лирике Баттиста выступает как эпигон маринизма; стилистические приемы барокко становятся в его стихах самодоволеющими.

292. **partica fera** — парфянские скакуны отличались быстрым бегом. **mostro ircano** — в древней Гиркании (то есть на юго-восточном побережье Каспийского моря) водилось много хищных зверей.

294. **Radamanti**— Радамант, один из трех судей в подземном царстве.

ДЖИРОЛАМО ФОНТАНЕЛЛА (GIROLAMO FONTANELLA, 1612—1644). Всю жизнь прожил в Неаполе. Автор трех поэтических сборников: «Оды», «Новые небеса», «Элегии» (опубликованы в Неаполе между 1638 и 1643 гг.). В отличие от других маринистов не стремился к особой стилистической изощренности. Вскоре после смерти был забыт; о нем вспомнили лишь благодаря Б. Кроче, который отмечал свежесть и живость его лирики.

296. **reina de' boschi**— Диана, богиня лесов и охоты, носившая на челе серп Луны (напоминающий рога).

298. **e di Teti nel seno**— то есть в море.

movi al moto — имеется в виду влияние Луны на морские приливы и отливы.

САЛЬВАТОР РОЗА (SALVATOR ROSA, 1615—1673). Родился в Неаполе в семье художника; жил в Риме и Флоренции. Художник (рисовал в основном марины и батальные сцены), музыкант, поэт, актер. Написал семь сатир, обличавших нечестивую придворную жизнь, самодовольных и бездарных художников, музыкальных невежд, эпигонов маринизма в поэзии (хотя и сам не был чужд его влияния). В XIX в. укрепились романтическое представление о его поэзии, которое впоследствии было развеяно.

300. **teston** — старинная монета низкого достоинства.

АНТОН МАРИЯ НАРДУЧЧИ (ANTON MARIA NARDUCCI). Юрист, поэт-маринист. О нем сохранились скудные биографические данные.

ДЖАКОМО ЛУБРАНО (GIACOMO LUBRANO, 1619—1693). Жил в Неаполе, иезуит, знаменитый проповедник. Автор лирического сборника «Поэтические искры и стихотворения на священные и моральные темы» (1690). Особенности барочной поэтики — неожиданность сравнений, причудливость метафор — становятся в его стихах формальными приемами.

306. **Protei** — Протей, морское божество, обладавшее способностью принимать любое обличье.

piante di Cadmo — легендарный основатель Фив Кадм посеял зубы убитого им дракона, из которых выросли вооруженные воины.

Pomona — Помона, римская богиня плодов.

308. **Lemuri** — лемуры, духи умерших.

in lite — имеются в виду споры по поводу испорченных мест в тексте.

ФРАНЧЕСКО РЕДИ (FRANCESCO REDI, 1626—1698). Известен своими естественнонаучными изысканиями и медицинской деятельностью. Видный филолог, лексикограф; преподавал тосканский язык в университете Флоренции (среди его учеников были поэты Мендзини, Филикайя, Маркетти). Литературную славу ему принес дифирамб «Вахх в Тоскане» (опубликован в 1685 г.).

310. **Chi l'acqua beve...** — Вахх, остановившись в Тоскане

со своей женой Ариадной, пробует местные вина и возносит им хвалу.

Mammalucchi — мамелюки, военные отряды египетских султанов.

312. **Винченцо Вивьяни** (1622—1703) — известный математик, ученик Галилея и автор его биографии.

aloscia — испанский напиток (вода, мед, специи).

candiero — сладкий напиток, в который входят яичные желтки, сахар, амбра.

ДЖУЗЕППЕ АРТАЛЕ (GIUSEPPE ARTALE, 1628—1679). Жил в Неаполе. Занимался военным искусством; отличился при защите Кандии от турок. Автор романа «Кордимарте», музыкальной драмы «Пасифая, или Невозможное, ставшее возможным», трагедии «Война живых с мертвыми» и сборника лирических стихотворений «Поэтическая энциклопедия» (полное издание 1679 г.). Эпигон маринизма.

ФРАНЧЕСКО ДЕ ЛЕМЕНЕ (FRANCESCO DE LEMENE, 1634—1704). Представитель позднего маринизма, в лирике которого («Разные стихотворения», 1699, включающие «Ариетты» и «Кантаты для одного голоса») барочная мелодичность сочетается с незначительностью тематики. Автор ряда театральных произведений на диалекте провинции Лоди. Его перу принадлежат также малоудачные поэма «Бог» и поэтический сборник «Четки Девы Марии».

ВИНЧЕНЦО ДА ФИЛИКАЙЯ (VINCENZO DA FILICAIA, 1642—1707). Родился во Флоренции. Принадлежал к старинному знатному роду. Доктор права. Популярнейший поэт своего времени. Стихи в классицистском духе на патриотические и религиозные темы пользовались огромным успехом не только при жизни, но и после смерти поэта (вплоть до завершения романтического периода в литературе). Стихотворения из его знаменитого цикла «К Италии» многократно переводились на русский язык в XIX в. — их гражданственный пафос был близок поэтам-переводчикам, размышлявшим о судьбах русского общества той эпохи.

320. **gallici armenti** — французские войска, занявшие Северную Италию.

БЕНЕДЕТТО МЕНДЗИНИ (BENEDETTO MENZINI, 1646—1704). Флорентиец. Родился в бедной семье. Священник. В 1680 г. были опубликованы его «Лирические стихотворения», предвещающие поэзию Аркадии. Его перу принадлежит стихотворное сочинение в пяти песнях «Поэ-

тическое искусство» — своеобразный продукт поэтики классицизма. Мендзини написал также одиннадцать сатир, резких, противоречащих как общему духу его поэзии, так и его теоретическим рассуждениям.

ДЖАНФРАНЧЕСКО МАЙЯ МАТЕРДОНА (GIANFRANCESCO MAIA MATERDONA). О его жизни мало что известно. Священник. Автор «Рыбацких стихотворений» (1628), «Стихотворений» (1629), назидательных сочинений «Послания о благих празднествах» и «Благотворное устрашение грешников». Многие его стихи отличаются живостью и наивностью, свойственной народной поэзии.

БАРТОЛОМЕО ДОТТИ (BARTOLOMEO DOTTI, 1649—1713). Вел бурную жизнь, обладая неумным нравом. Был заключен в тюрьму, бежал оттуда и обосновался в Венеции. Воевал против турок. Пал от руки убийц. В 1689 г. были опубликованы его «Стихотворения», а еще через сто лет — «Сатиры». Самобытное творчество Дотти проникнуто поэтикой маринизма.

330. **«Il Molino»**. — Сонет посвящен священнику Камилло Барньяни.

Cerere — Церера, римская богиня полей, земледелия, хлебных злаков. Метафора зерна, перемалываемого в муку.

332. **Эпиграф**: «Вы караете дарования, а их авторитет растет» (лат.).

ДЖАМБАТТИСТА ФЕЛИЧЕ ДЗАППИ (GIAMBATTISTA FELICE ZAPPI, 1667—1719). Адвокат, один из основателей литературного общества Аркадия. Вместе с женой Фаустиной Маратти Дзаппи, тоже писавшей стихи (первое издание их «Стихотворений» вышло в свет в Венеции в 1723 г.), возглавлял аристократический литературный салон в Риме. Его лирике свойственно сочетание сентиментальности с несколько напыщенной риторичностью.

334. **Tirsi, Nigella** — пастушеские имена, мода на изобретение которых характерна для Аркадии.

alla madre — то есть Венере.

ЭУСТАКИО МАНФРЕДИ (EUSTACHIO MANFREDI, 1674—1739). Профессор математики в Болонском университете; возглавлял астрономическую обсерваторию. За свои научные труды был избран членом Лондонской и Парижской академий. Поэт Аркадии. Автор сборника лирических «Стихотворений» (1713), в которых стремится следовать

Петрарке. Сотрудничал в «Газете литераторов Италии»; ратовал за развитие традиций итальянского гуманизма.

338. **Catilina giacque** — знаменитый римский заговорщик Катилина нашел смерть в сражении при Пистойе (62 г. до н. э.). Ср. описание этих событий у римского историка Саллюстия — «О заговоре Катилины», 57—60.

340. **il bel crin d'oro se ne porta il vento...** — Манфреди долгое время был влюблен в девушку, которая впоследствии стала монахиней.

342. **eterna idea.** — После длительного перерыва гуманистическая неоплатоновская философия вновь находит отражение в итальянской лирике.

ПАОЛО РОЛЛИ (PAOLO ROLLI, 1687—1765). Поэт-классицист; сформировался как литератор под влиянием идей Джана Винченцо Гравини. Участвовал в литературной полемике Академии Квирини с Аркадией. Долгое время жил в Англии при дворе короля Георга II, был наставником его сыновей. Полемизировал с Вольтером об эпической поэзии. Переводил Анакреона, Вергилия, Стиля, Мильтона, Расина, Ньютона. Автор многочисленных мелодрам, а также сборника «Поэтические сочинения» (1753, расширенное издание 1782).

348. **giunipero** (ginepro) — можжевельник обладает смолистым запахом.

КАРЛО ИННОЦЕНЦО ФРУГОНИ (CARLO INNOCENZO FRUGONI, 1692—1768). Аббат, жил в Парме. Популярнейший поэт своего времени, член Аркадии (его аркадское имя — Команте Эджинетико). Автор огромного количества лирических стихотворений (изд. 1779—1780, в 15 томах). Стихи Фругони отличаются легкостью и простотой.

ПЬЕТРО МЕТАСТАЗИО / ПЬЕТРО АНТОНИО ДОМЕНИКО БОНАВЕНТУРА ТРАПАССИ / (PIETRO METASTASIO / PIETRO ANTONIO DOMENICO BONAVENTURA TRAPASSI /, 1698—1782). Знаменитый драматург и поэт рококо. Родился в Риме в семье лавочника. Получил хорошее классическое образование под руководством известного просветителя Джана Винченцо Гравини, оценившего ранние способности будущего поэта. В 1721 г. написал серенату «Сады Гесперид», ознаменовавшую окончательный выбор между поэзией и юриспруденцией, которой он занимался. Затем последовали мелодрамы «Покинутая Дидона» (музыку на нее написали 35 композиторов) и «Катон в Утике».

В 1730 г. Метастазιο был приглашен в Вену ко двору императора Карла II. Здесь он пишет стихи для театральных празднеств, оратории, серенады, оперные либретто. Свои теоретические взгляды на драматическое искусство Метастазιο излагает в переложении и комментариях «Поэтики» Горация, в трактате «Отрывки из „Поэтики“ Аристотеля», а также в «Замечаниях о греческом театре». На русский язык драмы «Милосердие Тита» и «Фемистокл» были переведены Г. Р. Державиным. Я. Б. Княжнин создал переделанный вариант «Милосердия Тита».

358—360. Музыку для этих канцонетт написал сам Метастазιο.

Nice, Fileno — характерные для аркадской поэзии имена.

360. **«La libertà»**. — Согласно изысканиям Кроче, эта канцонетта была сочинена в Вене по заказу дона Карло Северини, которого постигла неудача в любви к графине Стронголи.

366. **«Sogni e favole...»** — Сонет сочинен в 1733 г. во время работы над мелодрамой «Олимпиада».

ЛУДОВИКО ВИТТОРИО САВИОЛИ/ФОНТАНА КАСТЕЛЛИ/
(LUDOVICO VITTORIO SAVIOLI/FONTANA CASTELLI/, 1729—1804). Литературную известность ему принесли лирические канцонетты. Политические же стихи, антимелодраматическая трагедия «Ахилл», подражания Саннадзаро «Гора Лиэо» и написанные в духе Тацита «Болонские анналы» особым успехом не пользовались.

368. **Ore** — богини, ведавшие сменой времен года, порядком в природе.

Fosforo — последняя звезда, исчезающая с неба при наступлении зари.

370. **Madre de' venti** — от брака Авроры с титаном Астреем родились ветры Борей, Евр, Нот и Зефир.

il ritroso giovane — Кефал, прекрасный охотник, в которого была влюблена Аврора и которую он отверг.

ДЖУЗЕППЕ ПАРИНИ (GIUSEPPE PARINI, 1729—1799). Жил в Милане. Принял религиозный сан. Член Академии Преображенных, известной своей антиаркадской направленностью. В 1752 г. появился первый поэтический сборник Парини — «Некоторые стихотворения Рипано Эупилино». Литературную известность принесли Парини его оды («Сельская жизнь», «Целебность воздуха», «Обман» и др.), а также оставшаяся незаконченной сатирико-нравоучительная поэма «День». Писал Парини и лирические стихи. Теоретически принципы своей поэтики Парини изложил в «Разговоре о поэзии», «Диалоге о благородстве»,

«Рассуждения о принципах изящной словесности», являющихся эстетическими манифестами итальянского Просвещения.

372. **infermo il piede** — Парини с юности страдал артритом.

città — имеется в виду Милан.

Giorno — в 1763 и 1765 гг. вышли две первые части поэмы «День».

378. «**Il messaggio**». — Ода посвящена графине Марии Кастельбарко, сестре Паоло Кастильони.

380. **Ebe** — Геба, богиня юности, отданная в жены Гераклу, когда он был включен в сонм богов.

qual Parto sagittario. — Древние парфянцы считались прекрасными стрелками.

ВИТТОРИО АЛЬФЬЕРИ (VITTORIO ALFIERI, 1749—1803).

Обладал неукротимым свободолюбивым характером. В юности не получил практически никакого образования ни дома, ни в Туринской военной академии, где учился. Много путешествовал, вел бурную жизнь. В начале 70-х гг. появились его первые трагедии — «Клеопатра», «Полиникс», «Филипп». В 1777 г. Альфьери переехал из Пьемонта в Тоскану. На период 1776—1782 гг. приходится его творческий расцвет. Он сочиняет 14 трагедий («Антигона», «Агамемнон», «Орест», «Вирджилия», «Заговор Пацци», «Саул», «Мирра», «Софонисба» и др.) и пишет трактаты «О тиранстве» и «О государе и литературе», в которых излагает свои основные поэтико-идеологические принципы. Несколько лет Альфьери провел в Париже. Сначала восторженно приветствовал Французскую революцию (ода «Париж без Бастилии»), затем резко осудил революционный террор, возвратился во Флоренцию и сочинил ряд антифранцузских произведений, объединенных в сборнике «Французоненавистник», а также политические и социальные комедии и «Сатиры».

386. «**O cameretta...**» — Творчество Петрарки (наряду с Данте, Ариосто и Тассо) было предметом особого внимания Альфьери.

388. **Là, dove** — в Бокка д'Арно (место впадения Арно в море).

gran Bruno — св. Брунон (Бруно) (1030—1101) — основатель ордена картезианцев.

390. **le Stigie foci** — Стигийское болото в аду.

392. **Fidia** — Фидий (V в. до н.э.), знаменитый древнегреческий скульптор.

Apelle — Апеллес (IV в. до н.э.), древнегреческий художник.

Flora — Флоренция.

ЯКОПО АНДРЕА ВИТТОРЕЛЛИ (JACOPO ANDREA VITTORELLI, 1749—1835). Почти всю жизнь провел в Бассано, за исключением десятилетнего пребывания в Венеции, где общался с поэтами Пиндемонте, Гритти и Ламберти. Сочинял небольшие шуточные поэмы («Зеркало», «Нос» и др.), однако его лирические «Стихотворения» (1784), особенно «Анакреонтические стихи к Ирене», пользовались несравненно большим успехом, несмотря на явно анахронический дух аркадской поэзии, которым они пронизаны.

ИППОЛИТО ПИНДЕМОНТЕ (IPPOLITO PINDEMONTE, 1753—1828). Вместе с братом Джованни, тоже поэтом, получил прекрасное образование. Много путешествовал по Италии и за границей. Среди его обширного литературного наследия выделяются «Сельские стихотворения» (1788) и «Сельская проза» (1795), автобиографический роман «Абаритте, правдивейшая история» (1790), написанный в юмористическом духе, «Эпистолы» и незавершенная поэма «Кладбища». Пробовал перо Пиндемонте и в драматических жанрах. Наиболее значительным трудом его жизни является перевод «Одиссеи» на итальянский язык, заслуживший высокую оценку Фосколо.

ВИНЧЕНЦО МОНТИ (VINCENZO MONTI, 1754—1828). Родился в зажиточной крестьянской семье в окрестностях Равенны. Занимался медициной. Обосновавшись в Риме в 1778 г. (после написания юношеской поэмы «Видение Иезекииля»), усвоил господствовавший там дух «археологического» классицизма, о чем свидетельствуют «Прозопопея о Перикле», восхваление папы Пия VI, и принеся ему славу эпиталама к свадьбе племянника папы «Красота Вселенной». Новый этап в творчестве Монти открыло его знакомство со «Страданиями юного Вергера»: в поэтическом сборнике «Любовные мысли» (1783) отчетливо прослеживается влияние гётевского романтизма. Влияние барокко чувствуется в сонетах «На смерть Иуды». Перу Монти принадлежат также несколько трагедий и мифологических поэм. Перевел на итальянский язык «Илиаду», занимался совершенствованием словаря итальянского языка Академии Круска.

404. **gli astri dàn suono** — намек на пифагорейское представление о звездной гармонии.

КАРЛО ПОРТА (CARLO PORTA, 1775—1821). Большую часть жизни прожил в Милане, занимал мелкие чиновничьи должности. Автор сатирических антифранцузских и антиклерикальных сонетов на миланском диалекте, рисующих характерные сценки из городской жизни. Творчество Порты оказало несомненное влияние на поэзию итальянского романтизма.

408. **Trabisonda** — Трапезунд, город в Турции, символизирует заморское царство.

УГО ФОСКОЛО (UGO FOSCOLO, 1778—1827). Итальянец по отцу, грек по матери. Вел бурную жизнь, пересезжал из города в город, жил в Швейцарии, Англии, куда бежал от австрийского господства. Умер в Лондоне. Страстно желал объединения и освобождения Италии; это привело его в наполеоновскую армию, с которой он связывал большие надежды. Фосколо — подлинный итальянский романтик, хотя в его творчестве сильны и традиции классицизма. Литературную славу принесли ему «Сонеты», «Оды» (изд. 1803), эпистолярный роман «Последние письма Якопо Ортиса» (изд. 1802), поэма «Гробницы» (1806). Им написана также неоконченная поэма «Грации», ряд трагедий, филологические статьи о творчестве Данте, Петрарки, Боккаччо.

410. Двадцативосьмилетняя Луиджа Паллавичини (урожденная Феррари) в 1800 г. упала с лошади во время верховой прогулки и сильно повредила себе лицо. Следы этой травмы сохранились у нее на всю жизнь.

Citerea — Кифера (Венера).

Ida — Ида — гора на Крите, где родился Зевс.

ciprio giovinetto. — Адонис был растерзан кабаном, которого послал Марс, соперник Адониса в любви к Венере.

le Dive liguri — обожествленные генуэзские красавицы.

figlio di Latona — Аполлон.

Clivo — склон в Арголиде, по которому стекает река Инах (Inachio), образуя водопад.

412. **Aonie** — аониды, музы.

il re dell'onde — Нептун, поверивший ложным обвинениям и погубивший пасынка Федры Ипполита.

tirreno talamo — Тирренское море, ложе Нептуна.

414. **Cinzia** — Диана.

danze efesie — в малоазиатском городе Эфесе устраивались ритуальные празднества в честь Дианы.

416. «**Di se stesso**». — Сонет написан в конце 1800 — начале 1801 г., вероятно, под влиянием любви к флорентийке Изабелле Рончони.

rivo — по-видимому, Арно, на которой стоит Флоренция.

420. **città che del latino/nome accogliea...** — Флоренция, после падения Рима ставшая воплощением славы Италии.

tuo ponte — мост Санта-Тринитá через Арно.

il papale furore — то есть гвельфы, политическая партия в итальян-

ских средневековых городах, поддерживавшая власть папы и находившаяся в непрекращающихся распри с партией гибеллинов.

fero vate — имеется в виду Альфери, который жил рядом.

Zacinto — Закинф, остров в Ионическом море, место рождения Фосколо.

colui — имеется в виду Гомер, упомянувший этот остров в «Одиссее» (IX, 24). См. далее упоминание об Улиссе и его родном острове Итаке.

422. Брат Фосколо 8 декабря 1801 г. покончил жизнь самоубийством в Венеции из-за карточного долга.

ДЖОВАННИ БЕРШЕ (GIOVANNI BERSHET, 1783—1851). Родился в Милане. Литературную деятельность начал переводами Грея и Голдсмита и сочинением собственных стихов, в которых чувствовалось влияние Парини и Фосколо. Его «Полусерьезное письмо Златоуста сыну» (1816), возникшее как отклик на знаменитую статью Жермены де Сталь «О манере и пользе переводов», стало одним из наиболее ярких манифестов итальянского романтизма. Берше сотрудничал в журнале «Кончилиаторе», органе романтического движения. Долгие годы провел в Англии и Франции, скрываясь от австрийских властей. Там вышли его «Стихотворения» (Лондон, 1824) и «Фантазии» (Париж, 1829), принесшие ему славу певца Рисорджименто. Занимался переводами из испанской поэзии. Умер в Турине.

424. **lai** — любовные жалобы (лирическая форма в провансальской поэзии; во французской поэзии ей соответствует «лэ»).

АЛЕССАНДРО МАНДЗОНИ (ALESSANDRO MANZONI, 1785—1873). Крупнейший писатель итальянского романтизма. Происходил из знатного миланского семейства; внук видного просветителя и юриста Чезаре Беккариа. Жизнь Мандзони небогата внешними событиями, несмотря на бурную эпоху, отразившуюся на биографиях многих его современников. Важным событием внутренней жизни было религиозное обращение в 1810 г. В начале своего творческого пути Мандзони испытывал влияние классицизма (юношеская поэма о Французской революции «Торжество свободы»), которое в дальнейшем было полностью вытеснено романтической поэтикой. Главное произведение Мандзони — исторический роман «Обрученные» (1827, окончательная редакция — 1840—1842). Им написаны также исторические трагедии «Граф Карманьола» (1819) и «Адельгиз» (1822), знаменующие важный этап в формировании романтической концепции истории; политические «Оды» и «Священные гимны».

434. 5 мая 1821 г. умер Наполеон.

cadde — имеется в виду поражение под Лейпцигом в 1813 г.

risorse — во время стодневного правления после ссылки на Эльбе.

giacque — после поражения при Ватерлоо в 1815 г.

Alpi, Piramidi — имеются в виду итальянский (1796—1800) и египетский (1798—1799) походы Наполеона.

Manzanarre — река в Испании; намек на испанский поход Наполеона (1806).

Reno — Рейн как символ немецкого похода.

Scilla — город в Калабрии, олицетворение Италии.

Tanai — обозначение Дона; намек на войну в России (1812).

436. **in sí breve sponda** — на маленьком острове Св. Елены.

442. **Efrata** — Вифлеем, город, в котором родился Иисус Христос, как это было предсказано у ветхозаветного пророка Михея (5, 2): «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет Мне Тот, который должен быть Владыкою в Израиле и которого происхождение из начала, от дней вечных».

ДЖУЗЕППЕ ДЖОАКИНО БЕЛЛИ (GIUSEPPE GIOACCHINO BELLI, 1791—1863). Юность провел в бедности, давал частные уроки, занимался перепиской бумаг. После женитьбы на богатой вдове материальное положение Белли улучшилось и позволило ему заниматься литературой. Литературное наследие Белли велико и разнообразно, но подлинную славу ему принесли сонеты, написанные на римском диалекте (полное издание «Римских сонетов» вышло в 6 тт., в 1886—1889 гг.). Сам Белли рассматривал их как памятник римскому простонародью. Жизнь простого римлянина предстает в сонетах в ее сиюминутности и живописной яркости. Сонеты выводят диалектальную поэзию на уровень литературы на общенациональном языке.

446. «**Pio Ottavo**». — Сонет был написан на следующий день после избрания кардинала Кастильоне папой (Пий VIII). Когда пожилой и грузный папа перебирался из Квиринала в Ватикан, толпа на улице насмеялась над ним.

Sacamme (от *евр.* *haham* — ученый) — представитель власти в еврейском гетто.

tate = *babbi*.

pacchia — спокойное, благополучное состояние.

bucia = *bugia*; **sicario** = *sigaro*.

un grosso — папская монета.

448. **torzonacci** — пренебрежительное обозначение монахов (ср. *итал.* *torso* — никчемный).

seta-moneta, nisconnarello, pizzichetto — названия детских игр.

450. **zor Badasco** — имя маленького человека с кривыми ногами, который хорошо играет на гитаре.

lui — в устах слуг обозначает хозяина.

cassabbanco — скамья для слуг.

452. «**Li cancelletti**». — Папа Лев XII приказал установить решетки на дверях кабаков. Этот приказ отменил впоследствии папа Пий VIII.

annacce = andarci; **cià** = ci ha; **armanco** = almeno.

454. **Er papa** — имеется в виду папа Лев XII.

un par de spie — два шпиона: эллинист и поэт Джанфранческо Чечилия, возглавлявший папскую тайную полицию, и Кальдерари, начальник карабинеров.

je = gli.

libbro de morti — бывали случаи, когда детей (обычно незаконнорожденных и нежеланных) при крещении записывали не в Книгу крещений, а в Книгу умерших. Во времена Белли имел место подобный скандал, так называемое «дело Чезарини».

456. **ze** = si; **monnezzaro** = immondezzaio.

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ (GIACOMO LEOPARDI, 1798—1837). Нелегкие детские и юношеские годы, проведенные в небольшом местечке Реканати под властью сурового отца, и слабое здоровье наложили неизгладимый отпечаток на жизнь поэта и определили его пессимистическое мировосприятие, которое нашло выражение и в стихах, и в дневниковых записях, и в сборнике прозаических диалогов «Маленькие нравственные сочинения» (1827). Leopardi получил прекрасное образование, рано начал писать и переводить античных авторов (статьи и переводы позже были объединены в сборник «Литературная смесь»). Его перу принадлежат: трактат «Рассуждения итальянца о романтической поэзии» — своеобразный манифест итальянского романтизма, сатирическая поэма «Паралипомены Войны мышей и лягушек». Проникновенная и глубокая поэзия Leopardi является одной из вершин итальянской лирики.

458. «**L'infinito**». — Стихотворение открывает серию из шести «Идиллий» («L'infinito»; «La sera del dì di festa»; «Alla luna»; «Il sogno»; «La vita solitaria»; «Frammento XXXVII»).

ermo colle — предполагают, что имеется в виду холм — «гора Табор», близ Реканати.

immensità — бесконечность времени и пространства.

O donna mia — вероятно, юная Серафина Басвеки, присмная дочь Вито Leopardi, дяди Джакомо.

solenne — скорее всего, имеется в виду 15 июня, день св. Вита, покровителя Реканати.

460. **Oh giorni orrendi** — слабое здоровье и непривлекательная внешность Леопарди были предметом его постоянных мучений.

di que' popoli antichi — излюбленная Леопарди патетическая риторическая конструкция с указательным местоимением.

Silvia — в образе Сильвии проступают черты Терезы Фатторини, дочери кучера в доме отца Леопарди, умершей в юном возрасте из-за болезни.

462. **Sonavan** — ср.: Вергилий, «Энеида» (VII, 11—14).

pria che l'erbe inaridisse il verno... — Сильвия умерла осенью.

464. **inganno estremo** — последняя иллюзия — любовь.

Dispera/l'ultima volta — последний и решительный отказ от надежды.

ЛУИДЖИ КАРРЕР (LUIGI CARRER, 1801—1850). Жил в Венеции. Из обширного литературного наследия (трагедий в подражание Альфьери, сатир на венецианском диалекте, лирических стихотворений в духе Аркадии, прозаических произведений на исторические и бытописательные темы, филологических заметок и статей) выделяются «Баллады» (1834), принесшие ему широкую известность. Романтическая сумрачность и склонность к контрастам сочетаются в них с аркадским изяществом и легкостью.

НИККОЛО ТОММАЗЕО (NICCOLÒ TOMMASEO, 1802—1874). Далматинец по происхождению. Вел бурную общественную деятельность, несколько раз был вынужден уезжать из Италии по политическим мотивам. Умер в уединении, бедности и слепоте. Замечательный лексикограф («Словарь синонимов», «Словарь итальянского языка» /совместно с Б. Беллини/), исследователь творчества Данте. Собрал и перевел «Тосканские, корсиканские, иллирийские, греческие народные песни». Автор исторических романов «Афинский вождь» и «Вера и красота». В лирике Томмазео (полное издание «Стихотворений» — 1872) глубокая религиозность сочетается с космическим видением мира, что в какой-то мере предвосхищает символизм.

470. **Tu le cittadi inghiotti** — именуется в виду землетрясения.

472. **fòlade** — вид моллюска.

474. **le ignite** (от *лат.*: ignis — огонь) **potestà** — сверкающие ангельские чины.

ДЖУЗЕППЕ ДЖУСТИ (GIUSEPPE GIUSTI, 1809—1850). Юность провел в развлечениях; обучение праву в Пизанском универси-

тете шло вяло и с перерывами. Впоследствии занимал небольшие чиновничьи должности. Интересовался политикой, был в дружеских отношениях с историком и либеральным общественным деятелем Джино Каппони, оказавшим влияние на его политические взгляды. Страстно желал объединения Италии. Сатирические стихи Джусты (большая часть на политические темы) пользовались огромной популярностью («Стихотворения» — 1845; «Новые стихотворения» — 1847; «Изданные и неизданные стихотворения» — 1852). Язык его стихов отличается живостью, близостью к разговорной речи и особой напевностью, свойственной народной поэзии.

478. **Canosa** — глава полиции в Модене.

un Tiberio in diciottesimo — имеется в виду моденский герцог Франческо IV д'Эсте (1779—1846), жестоко подавивший восстание в своем городе, вызванное французской революцией 1830 г.

«**La chiocciola**». — По словам Джусты, сатира направлена против «космополитов, которые из-за безумно преувеличенного желания быть гражданами мира не умеют быть гражданами собственной страны».

Diogene — Диоген Синопский (ок. 404—323 до н. э.) — древнегреческий философ-киник. Отвергал цивилизацию, призывал к возвращению человека в первобытное состояние. Согласно легенде, Диоген жил в бочке.

480. **le fa rinascere** — в народных представлениях улитка обладает удивительной жизненной силой.

ДЖОВАННИ ПРАТИ (GIOVANNI PRATI, 1814—1884). Родился в Трентино. Жил в Тренто, Турине, Венеции, Милане (где общался с Мандзони). Вел бурную светскую жизнь. Его поэтическая продукция чрезвычайно многочисленна: новелла в стихах «Эдменгарда», байронические поэмы «Родольфо» и «Армандо», лирические стихотворения («Лирические песни», «Баллады», «Воспоминания и слезы», «Одинокие прогулки», «Политические песни» и др.). Романтические тенденции в его лирике часто вырождаются в эпигонство.

ЛУИДЖИ МЕРКАНТИНИ (LUIGI MERCANTINI, 1821—1872).

Прервал обучение в духовной семинарии, увлекшись политикой и литературой. Стал преподавателем итальянского языка и филологии. В 1864 г. в Болонье вышел сборник его «Песен», представляющих демократическое направление в итальянской поэзии XIX в.

484. Стихотворение посвящено неудачной экспедиции 1857 г., возглавленной патриотом и писателем Карло Пизакане в Королевство Обеих Сицилий; бурбонская армия нанесла поражение патриотам при Санце.

Sapri — место на Сицилии, где высадились экспедиция.

trecento — в действительности погибло 27 человек, в том числе и сам Пизакане.

ДЖОЗУЭ КАРДУЧЧИ (GIOSUÈ CARDUCCI, 1835—1907). Долгие десятилетия поэтическая слава Кардуччи оставалась непревзойденной. В 1856 г. юный поэт стал одним из создателей общества «Друзей-педантов», в политике придерживавшихся умеренных взглядов, в литературе — сторонников классицизма и противников романтизма. Верность этим взглядам Кардуччи сохранил на протяжении всей жизни. Торжественная, сочетающаяся с рационализмом патетичность его лирики и мастерски разработанный риторический стиль высоко ценились современниками. В 1906 г. Кардуччи была присуждена Нобелевская премия. Последнее прижизненное издание его «Стихотворений» (1901) было подготовлено им самим.

490. Цикл «Элинская весна» посвящен Каролине (Лине) Кристофори Пива, мучительной и страстной любви Кардуччи.

Eolia — Эолия, область в Древней Греции.

Fedriade — Федриада, вершина Парнаса.

Alceo, Saffo — древнегреческие поэты Алкей и Сафо родились на эолийском острове Лесбосе. Стихотворение представляет собой вариацию на тему гимна Алкея Аполлону.

492. **Aria** — арии, древние индоиранские племена.

494. **Asvini** — Ашвины, в ведийской и индуистской мифологии божественные братья-близнецы, живущие на небе.

Suria — Сурья (в переводе Сурию, правильнее — Сурьс) — в древнеиндийской мифологии солнечное божество.

Imetto — Гимет, гора в Аттике, славящаяся тимьяном и медом.

Cefalo — Кефал; см. коммент. к с. 370.

496. **imenei** — Гимсней — бог брака у греков и римлян.

Lélapo — Лелап — согласно Овидию, собака, которую Кефалу подарила его жена Прокрида.

498. **Lidia** — поэтическое имя Каролины Кристофори Пива.

500. **torre di piazza** — башня на площади Св. Петрония в Болонье.

А. Топорова

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 5

*SECOLO XIII**XIII BEK***SAN FRANCESCO D'ASSISI****СВЯТОЙ ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ**

Cantico di frate sole o delle creature 8

* Песнь о солнце, или Славословие творений.

*Перевод С. Авершцева 9***JACOPO DA LENTINI****ЯКОПО ДА ЛЕНТИНИ**

«Maravigliosamente...» 12

* «Любви закрылась клетка...»

Перевод Р. Дубровкина 13

«Lo viso — mi fa andare...» 14

«Виденье легкость шага мне дает...»

Перевод А. Парина 15

«Chi non avesse mai veduto foco...» 16

* «Тому, кто видит пламя в первый раз...»

*Перевод Г. Русакова 17***JACOPONE DA TODI****ЯКОПОНЕ ДА ТОДИ**

«Fugio la croce, cà mme devora...» 18

* «Брат, на распятыя смотреть мне нет мочи...»

*Перевод Т. Гутиной 19***RUSTICO DI FILIPPO****РУСТИКО ДИ ФИЛИППО**

«Oì dolce mio marito...» 22

«О, милый муженек...»

*Перевод И. Голенищева-Кутузова 23***GIACOMINO PUGLIESE****ДЖАКОМИНО ПУЛЬЕЗЕ**

«La dolce ciera piacente...» 24

* «Лицом, всех лиц добрее...»

Перевод Г. Русакова 25

«Morte, perché m'ai fatta...» 26

* «За что ты, смерть, восстала на меня?...»

Перевод Г. Русакова 27

* Отмечены переводы, публикуемые впервые.

GUIDO GUINIZELLI**ГВИДО ГВИНИЦЕЛЛИ**

- «Tegno de folle 'impres', a lo ver dire...» **30**
 * «Сплошное безрассудство, сущий вздор...»
Перевод Г. Русакова 31
- «Vedut' ho la lucente stella diana...» **32**
 «В тот смутный час, когда заря вставала...»
Перевод А. Миролубовой 33
- Сущность любви **
Перевод А. Тамбовского 588

GUIDO CAVALCANTI**ГВИДО КАВАЛЬКАНТИ**

- «Biltà di donna e di saccente core...» **34**
 «Красавиц оболстительные взоры...»
Перевод О. Румефа 35
- «Chi è questa che vén, ch'ogn'om la mira...» **34**
 * «Где та, что очаровывает взгляд...»
Перевод Г. Русакова 35
- «O donna mia, non vedestù colui...» **36**
 «Ты не видала, госпожа моя...»
Перевод О. Румефа 37
- «Perch'i' no spero...» **36**
 * «Мне, песня, больше не видать...»
Перевод Г. Русакова 37
- «In un boschetto trova' pasturella...» **38**
 * «Пастушку как-то встретил я весною...»
Перевод Г. Русакова 39

CECCO ANGIOLIERI**ЧЕККО АНДЖОЛЬЕРИ**

- «La mia malinconia è tanta e tale...» **42**
 * «Печаль моя сегодня такова...»
Перевод Г. Русакова 43
- «Tre cose solamente...» **42**
 «Три радости на свете мне даны...»
Перевод Е. Баевской 43
- «Malcetto e distrutto...» **44**
 * «Да будет проклят тот недобрый час...»
Перевод Г. Русакова 45

DANTE ALIGHIERI**ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ**

- «A ciascun' alma presa...» **46**
 «Всем данникам умильным, чистым слугам...»
Перевод Вяч. Иванова 47
- «Всем, чья душа в плену...»
Перевод К. Бальмонта 506

** Отмечены переводы, публикуемые без оригинала (Приложение II).

- «Кто б зову моего ни внял сонета...»
Перевод Н. Минского 506
- «Влюбленным душам посвящу сказанье...»
Перевод И. Голенищева-Кутузова 507
- «Cavalcando l'altrier...» 46
- «Вчера лесной я проезжал дорогой...»
Перевод В. Брюсова 47
- «Два дня тому назад, дорогой одинокой...»
Перевод А. Федорова 507
- «Вечор верхом влачась одной тропой...»
Перевод А. Эфроса 508
- «Позавчера я на коне скакал...»
Перевод И. Голенищева-Кутузова 508
- «Donne ch'avete intelletto d'amore...» 48
- «Лишь с дамами, что разумом любви...»
Перевод И. Голенищева-Кутузова 49
- «О донны, вам, что смысл Любви познали...»
Перевод А. Эфроса 509
- «Donna pietosa e di novella etate...» 50
- «Младая донна, в блеске состраданья...»
Перевод А. Эфроса 51
- «В простор небес безбрежный ускользя...»
Перевод Эллиса 510
- «Tanto gentile e tanto onesta pare...» 56
- «Так благородна, так она чиста...»
Перевод Е. Солоновича 57
- «Она той прелестью облечена высокой...»
Перевод Е. Корша 511
- «Столь благородна, столь скромна бывает...»
Перевод А. Эфроса 511
- «Deh peregrini che pensosi andate...» 56
- «Паломники, бредущие в заботе...»
Перевод Е. Солоновича 57
- «О пилигримы, тихо вы идете...»
Перевод М. Ливеровской 512
- «О странники, вы, что, склонясь, идете...»
Перевод А. Эфроса 512
- «Задумчиво идете, пилигримы...»
Перевод И. Голенищева-Кутузова 513
- «Per una ghirlandetta...» 58
- «Как вспомню тот венок...»
Перевод Е. Солоновича 59
- * «Любовь и сердце высшее — одно...»**
Перевод Вяч. Иванова 589
- * < Канцона из «Пиршества» > **.
Перевод Вяч. Иванова 589
- Божественная комедия**
- Ад. Из песни I **.
Перевод П. Катенина 591
- Из четвертой песни «Ада» **.
Перевод С. Шевырева 592

- Ад. Из песни V **.
Перевод Д. Мина **593**
- Ад. Песнь первая **.
Перевод В. Брюсова **597**
- * Чистилище (отрывок) **.
Перевод Вяч. Иванова **601**
- Ад. Песнь первая **.
Перевод М. Лозинского **603**

CINO DA PISTOLA**ЧИНО ДА ПИСТОЙЯ**

- «Tutto ciò ch'altrui agrada a me disgrada...» **60**
 «Мне мерзко то, что людям слаще меда...»
Перевод О. Румера **61**
- «Io fu' 'n su l'alto e 'n sul beato monte...» **60**
 * «Я одолел подъем на горный пик...»
Перевод Г. Русакова **61**
- «Su per la costa, Amor...» **62**
 * «Неужто нам на этот горный пик...»
Перевод Г. Русакова **63**

FOLGORE DA SAN GIMIGNANO**ФОЛЬГОРЕ ДА САН-ДЖИМИНЬЯНО**

- Di gennaio **64**
 * Январь.
Перевод Г. Русакова **65**
- Di febbraio **64**
 * Февраль.
Перевод Г. Русакова **65**
- Di giugno **66**
 * Июнь.
Перевод Г. Русакова **67**

SECOLO XIV**XIV ВЕК****FRANCESCO PETRARCA****ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА**

- «Voi ch'ascoltate in rime sparse...» **68**
 «В собрание песен, верных юной страсти...»
Перевод Е. Солоновича **69**
- «Quanto più m'avicino al giorno extremo...» **68**
 «Чем ближе мой последний, смертный час...»
Перевод Е. Солоновича **69**
- «Solo et pensoso...» **70**
 «Задумчивый, медлительный, шагаю...»
Перевод Ю. Верховского **71**
- Задумчивость.
Перевод Г. Державина **514**

- «Один, угрюм, пустынными тропами...»
Перевод А. Эфроса **514**
- «Benedetto sia 'l giorno...» **70**
 «Благословен день, месяц, лето, час...»
Перевод Вяч. Иванова **71**
- «Благословяю день, и месяц, и годину...»
Перевод Д. Мина **515**
- «Благословен тот вечер, месяц, год...»
Перевод В. Брюсова **515**
- «Благословен и год, и день, и час...»
Перевод А. Эфроса **516**
- «Благословяю месяц, день и час...»
Перевод В. Левика **516**
- «Благословяю день, минуту, доли...»
Перевод Е. Солоновича **517**
- «Io son sí stanco...» **72**
 «Устав под старым бременем вины...»
Перевод В. Левика **73**
- «Erano i capei d'oro...» **72**
 «Зефир ее рассыпанные пряди...»
Перевод А. Эфрон **73**
- «S'amor non è...» **74**
 «Коль не любовь сей жар...»
Перевод Вяч. Иванова **75**
- «I' vidi in terra...» **74**
 «Я лицезрел небесную печаль...»
Перевод Вяч. Иванова **75**
- «In qual parte del ciel...» **76**
 «Ее творя, какой прообраз вечный...»
Перевод Вяч. Иванова **77**
- «В какой стране небес, какими образцами...»
Перевод И. Козлова **517**
- «Passa la nave mia...» **76**
 «Забвенья груз влача в промозглый мрак...»
Перевод А. Ревича **77**
- «La vita fugge...» **78**
 «Уходит жизнь — уж так заведено...»
Перевод Е. Солоновича **79**
- «Quel rosignuol, che...» **78**
 «О чем так сладко плачет соловей...»
Перевод Вяч. Иванова **79**
- «Как соловей сиротствующий славит...»
Перевод О. Мандельштама **518**
- «I' vo piangendo i miei passati tempi...» **80**
 «О канувшем быллом моя кручина...»
Перевод А. Эфрон **81**
- «Vergine bella, che di sol vestita...» **80**
 * «Мадонна, славная короной звездной...»
Перевод Р. Дубровкина **81**
- Хвалы и моления Пресвятой Деве.
Перевод В. Соловьева **518**

FAZIO DEGLI UBERTI**ФАЦИО ДЕЛЬИ УБЕРТИ**

- «I' son la magra lupa d'avarizia...» **88**
 * «Я — скаредности тощя волчица...»
Перевод Г. Русакова 89
- «Oh lasso me!...» **88**
 * «Бедняга я!...»
Перевод Г. Русакова 89

GIOVANNI BOCCACCIO**ДЖОВАННИ БОККАЧЧО**

- «Intorn' ad una fonte...» **90**
 «На мураву присев у родника...»
Перевод Е. Солоновича 91
- «Vetro son fatti i fiumi...» **90**
 * «Стеклом покрылись ручейки и реки...»
Перевод Р. Дубровкина 91
- «Fuggit' è ogni vertù...» **92**
 «Италия, в былом всех стран царица...»
Перевод Ю. Корнеева 93
- «Сокрылась доблесть, честь угасла...»
Перевод Ю. Верховского 522
- «Dormendo, un giorno, in sonno mi raga...» **92**
 «Раз я уснул — и, мнилось, к тверди синей...»
Перевод Ю. Верховского 93
- «Dante Alighieri son...» **94**
 «Мне имя Данте, Данте Алигьери...»
Перевод Е. Солоновича 95
- Данте о себе.
Перевод Ю. Верховского 522
- * «Я — Данте Алигьери; я — Афина...»
Перевод А. Наймана 523

FRANCO SACCHETTI**ФРАНКО САККЕТТИ**

- «Inamorato pruno...» **96**
 * «Влюбившийся терновник!...»
Перевод Р. Дубровкина 97
- «— O vaghe montanine pasturelle...» **96**
 Горные пастушки.
Перевод Ю. Верховского 97

SECOLO XV**XV BEK****LEONARDO GIUSTINIAN****ЛЕОНАРДО ДЖУСТИНИАН**

- «Non ti ricordi quando...» **100**
 «Ты помнишь клятвы, полные огня...»
Перевод Е. Солоновича 101

- «Se gli àrbori sapessen favellare...» **100**
 «Когда б на ветках языки росли...»
Перевод Е. Солоновича **101**
- «I' t'ho dipinta in su una carticella...» **100**
 * «Тебя нарисовал я на листке...»
Перевод Р. Дубровкина **101**

BURCHIELLO

БУРКЬЕЛЛО

- «Nominativi fritti e marramondi...» **102**
 * «Над дутым глобусом без середины...»
Перевод Р. Дубровкина **103**
- «Chi guarir presto dalla gotta vuole...» **102**
 «Не бойся, коль подагра завлася...»
Перевод Е. Солоновича **103**
- «Sospiri azzurri...» **104**
 * «Белеющих надежд лазурный вздох...»
Перевод Р. Дубровкина **105**
- «La Poesia combatte col Rasoio...» **104**
 «Поэзия и Бритва. Кто кого?..»
Перевод Е. Солоновича **105**
- «Va recami la penna...» **106**
 * «Прошу я брата принести бумагу...»
Перевод Р. Дубровкина **107**

LUIGI PULCI

ЛУИДЖИ ПУЛЬЧИ

- «Questi magna ravizi, rave e vergzi...» **108**
 * «Из вас любой сжирает столько репы...»
Перевод Р. Дубровкина **109**
- «Costor, che fan si gran disputazione...» **108**
 * «Философы толкуют важным тоном...»
Перевод Р. Дубровкина **109**
 Большой Моргант (отрывок) **.
Перевод С. Шерашского **608**

PISTOLA

ПИСТОЙЯ

- «Ognun vuol piluccar...» **112**
 «На лавры притязая...»
Перевод Е. Солоновича **113**
- «— Novelle nove? — Il rара...» **112**
 «— Ну что, какие новости, сосед?..»
Перевод Е. Солоновича **113**

MATTEO MARIA BOIARDO

МАТТЕО МАРИЯ БОЯРДО

- «Cantati meco...» **116**
 «Я вас прошу— со мною пойте, птицы...»
Перевод Е. Солоновича **117**

- «Dàtime a piena mano e rose e zigli...» **116**
 * «Несите розы, лилии в мой дом...»
Перевод Р. Дубровкина 117
- «Già vidi uscir...» **118**
 «Я видел, как из моря вдалеке...»
Перевод Е. Солоновича 119
- «Ligiadro veroncello...» **118**
 * «Балкон, скажи, хозяйка где твоя?..»
Перевод Р. Дубровкина 119
- «Ecco la pastorella...» **120**
 «С отарой белорунною в долину...»
Перевод Е. Солоновича 121
 Влюбленный Роланд (отрывок) **.
Перевод С. Шервинского 611

LORENZO DE' MEDICI**ЛОРЕНЦО МЕДИЧИ**

- «Più che mai bella...» **122**
 * «Обворожительна, как никогда...»
Перевод Р. Дубровкина 123
- «Belle, fresche e purpuree viole...» **122**
 * «В каком лесу взошли гвоздики эти...»
Перевод Р. Дубровкина 123
- «Datemi pace...» **124**
 «Уймись, не упорствуйте жестоко...»
Перевод Е. Солоновича 125
- «Cerchi chi vuol le rompre...» **124**
 «Пусть почести влекут неугомонных...»
Перевод Е. Солоновича 125
- «O bella violetta...» **126**
 «Прекрасная фиалка, рождена ты...»
Перевод С. Шервинского 127
- Canzona di Bacco **126**
 Вакхическая песня.
Перевод Е. Солоновича 127
 Триумф Вакха и Ариадны.
Перевод В. Брюсова 524
 Ненча из Барберино**.
Перевод Е. Солоновича 617

POLIZIANO**ПОЛИЦИАНО**

- «Udite, selve...» **132**
 * «О лес, пастушью жалобу послушай!..»
Перевод Р. Дубровкина 133
 «Мой голос сладостный услышь, дуброва...»
Перевод С. Шервинского 526
- «I' mi trovai, fanciulle, un bel mattino...» **134**
 «Раз, утром, девушки, я шла, гуляя...»
Перевод С. Шервинского 135

- 794 «Ben venga maggio...» 134
* «Навстречу маю...»
Перевод Р. Дубровкина 135
- «Deh, non insuperbir per tuo bellezza...» 138
* «Не возгордись, красавица младая...»
Перевод Р. Дубровкина 139
- «Fammi quanto dispetto farmi sai...» 138
* «Пренебрегай, как ты умешь, мной...»
Перевод Р. Дубровкина 139
- Стансы на турнир (отрывок)**.
Перевод Е. Солоновича 622

JACOPO SANNAZARO

ЯКОПО САННАДЗАРО

- Galicio solo 140
«Над изумрудною волной...»
Перевод Е. Витковского 141

AQUILANO

АКВИЛАНО

- Sonetto in dialogo sulla natura d'Amore 146
Сонет в диалоге о природе любви.
Перевод Ю. Верховского 147
- «Se 'l zappator il giorno se affatica...» 146
* «Трудясь до ночи, землекоп спокоен...»
Перевод Р. Дубровкина 147

SECOLO XVI

XVI ВЕК

NICCOLÒ MACHIAVELLI

НИККОЛО́ МАКЪЯВЕЛЛИ

- Di uomini che vendono le pine 148
Поют торговцы сосновыми шишками.
Перевод Е. Солоновича 149
- A Giuliano di Lorenzo de' Medici 150
К Джулиано ди Лоренцо Медичи.
Перевод Е. Солоновича 151

PIETRO BEMBO

ПЬЕТРО БЕМБО

- «Ove romita e stanca si sedea...» 152
* «Красавица, природой без предела...»
Перевод Е. Кассировой 153
- «Cantai un tempo...» 152
«Я пел когда-то...»
Перевод Е. Солоновича 153
- «Correte fiumi...» 154
«Бегите, реки...»
Перевод Е. Солоновича 155

- «Solingo augello, se piangendo vai...» **154**
 * «Печально заливающийся в роще...»
Перевод Е. Кассировой **155**
- «Speme, che gli occhi nostri veli e fasci...» **156**
 «Ты застилаешь очи пленюю...»
Перевод Е. Солоновича **157**
- «Che ti val saettarmi...» **156**
 «Зачем тебе, безжалостный стрелок...»
Перевод Е. Солоновича **157**
- «Quando, forse per dar loco a le stelle...» **156**
 * «Уходит солнце, место уступая...»
Перевод Е. Кассировой **157**

LUDOVICO ARIOSTO**ЛУДОВИКО АРИОСТО**

- «Aventuroso carcere soave...» **160**
 * «Я счастлив этой новой тюрьмой...»
Перевод Р. Дубровкина **161**
- «Благополучная, приятная темница...»
Перевод А. Шишкова **527**
- «Qual avorio di Gange...» **160**
 «Не ведаю, найдется ли хрусталь...»
Перевод Е. Баевской **161**
- Satira III. A Messer Annibale Maleguccio (fragmento) **162**
 Сатира третья. Мессеру Аннибале Малагучо (отрывок).
Перевод Е. Солоновича **163**
- Отрывок из XXXIV песни «Неистового Орланда»**.
Перевод К. Батюшкова **626**
- Октавы из «Бешеного Роланда»**.
Перевод П. Катенина **626**
- Из Ариостова «Orlando Furioso»**.
Перевод А. Пушкина **627**
- Неистовый Орланд. Из песни XIV**.
Перевод С. Раича **631**
- * Неистовый Орланд (отрывок)**.
Перевод Е. Солоновича **632**

MICHELANGELO BUONARROTI**МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ**

- «Quanto si gode, lieta e ben contesta...» **170**
 * «Как счастливы цветы венка простого...»
Перевод Р. Дубровкина **171**
- «Нет радостней веселого занятия...»
Перевод А. Эфроса **528**
- «Уста твои встречаются с цветами...»
Перевод А. Вознесенского **528**
- «I' ho già fatto un gozzo in questo stento...» **170**
 «Я заработал зоб, трудясь, как вол...»
Перевод Е. Солоновича **171**
- «Я получил за труд лишь зоб, хворобу...»
Перевод А. Эфроса **529**

- 796 «Qua si fa elmi di calici e spade...» 172
 * «Для них не крест, а меч необорим...»
Перевод Р. Дубровкина 173
 «Здесь делают из чаш мечи и шлемы...»
Перевод А. Эфроса 529
 «Здесь с копьями кресты святые сходны...»
Перевод А. Вознесенского 530
- «I' fu', già son molt'anni, mille volte...» 172
 «Я побежден. К концу подходит путь...»
Перевод Е. Солоновича 173
 * «Не в первый раз терплю твой норов лютый...»
Перевод Р. Дубровкина 530
- «Veggio co' be' vostr'occhi...» 174
 * «Твоим лучистым различаю взором...»
Перевод Р. Дубровкина 175
 «Лишь вашим взором вижу сладкий свет...»
Перевод А. Эфроса 531
- «Non vider gli occhi miei cosa mortale...» 174
 «Не смертный образ очи мне пленил...»
Перевод Вяч. Иванова 175
- «Non ha l'ottimo artista alcun concetto...» 176
 «Нет замысла, какого б не вместила...»
Перевод Вяч. Иванова 177
 «И высочайший гений не прибавит...»
Перевод А. Эфроса 531
 «Для мастера не может быть решенья...»
Перевод Е. Солоновича 532
- «Com'esser, donna, può quel c'alcun vede...» 176
 «Не правда ли — примерам нет конца...»
Перевод Е. Солоновича 177
 «Как может это быть? — Но опыт возвещает...»
Перевод Вас. Величко 532
 «Ужели, донна, впрямь (хоть утверждает...»
Перевод А. Эфроса 533
- «Caro m'è 'l sonno, e più l'esser di sasso...» 178
 «Молчи, прошу, не смей меня будить...»
Перевод Ф. Тютчева 179
 «Мне сладок сон, и слаще камнем быть!...»
Перевод В. Соловьева 533
 «Мне сладко спать, а пуше — камнем быть...»
Перевод А. Эфроса 533
 «Блаженство — спать, не ведать злобы дня...»
Перевод А. Вознесенского 534
- «Dal ciel discese, e col mortal suo...» 178
 «Он зрел картины божьего суда...»
Перевод Е. Солоновича 179
 К Данте.
Перевод Н. Познякова 534
 «Спустившись с неба, в тленной плоти, он...»
Перевод А. Эфроса 534

«И с неба он сошел. Он видел рай...»

Перевод В. Нейштадта 535

* «Отсюда в черный он сошел обрыв...»

Перевод А. Наймана 535

«Единственно живой среди неживых...»

Перевод А. Вознесенского 536

«Carico d'anni e di peccati pieno...» 180

* «Отягощен годами и неправой...»

Перевод Р. Дубровкина 181

VITTORIA COLONNA

ВИТТОРИЯ КОЛОННА

«Qui fece il mio bel Sole a poi ritorno...» 182

«Сюда вернулся он, мое светило...»

Перевод С. Шервинского 183

«Vivo su questo scoglio, orrido e solo...» 182

* «Приют мой одинокий прост и строг...»

Перевод Р. Дубровкина 183

«Qual digiuno augellin...» 184

* «Тенец, когда его терзает голод...»

Перевод Р. Дубровкина 185

FRANCESCO BERNI

ФРАНЧЕСКО БЕРНИ

«Chiome d'argento fino, irte e attorte...» 186

* «По бастионам локонов сопрелых...»

Перевод Р. Дубровкина 187

«Cancheri, e beccafichi magri agresto...» 186

* «Уж лучше занемочь, уж лучше сало...»

Перевод Р. Дубровкина 187

«Ser Cecco non può star senza la corte...» 188

«Сер Чекко сам не свой, лишь бросит двор...»

Перевод С. Шервинского 189

«Il papa non fa altro...» 190

«Поестъ — у папы нет иного дела...»

Перевод С. Шервинского 191

Ночлег. Послание к мессеру Иеронимо Фракасторо Веронскому**.

Перевод Д. М. 638

GIOVANNI DELLA CASA

ДЖОВАННИ ДЕЛЛА КАЗА

«Cura, che di timor ti nutri e cresci...» 192

«Тревога, страха нашего мерило...»

Перевод Е. Солоновича 193

«La bella greca...» 192

* «Ни славная гречанка...»

Перевод Р. Дубровкина 193

Indice

- 798** «Vago augelletto da le verdi piume...» **194**
«Красавец в клетке, пилигрим зеленый...»
Перевод Е. Солоновича **195**
- «Già lessi...» **194**
* «Об этом я читал и знаю сам...»
Перевод Р. Дубровкина **195**
- «O dolce selva solitaria, amica...» **196**
«О лес пустынный, друг моей печали...»
Перевод Е. Солоновича **197**
- «Questa vita mortal...» **196**
* «Земная эта жизнь...»
Перевод Р. Дубровкина **197**

ANNIBAL CARO

АННИБАЛ КАРО

- «Eran l'aer tranquillo e l'onde chiare...» **198**
«Был воздух тих на волновом просторе...»
Перевод Ю. Верховского **199**
- «Donna, qual mi foss'io...» **198**
* «О госпожа, откроют ли слова...»
Перевод Р. Дубровкина **199**
- «Il Castello è già preso...» **200**
* «Вперед на крепость!..»
Перевод Р. Дубровкина **201**

LUIGI TANSILLO

ЛУИДЖИ ТАНСИЛЛО

- «Valli nemiche al sol...» **202**
* «На месте гор — враждебный солнцу склеп...»
Перевод Р. Дубровкина **203**
- «E freddo è il fonte...» **202**
* «Вода в ручье чиста и холодна...»
Перевод Р. Дубровкина **203**
- «Occhi leggiadri e belli...» **204**
«Глаза, как вас назвать?..»
Перевод А. Парина **205**

GALEAZZO DI TARSIA

ГАЛЕАЦЦО ДИ ТАРСИА

- «Tempestose sonanti e torbid'onde...» **206**
«Спокойные до первой непогоды...»
Перевод Е. Солоновича **207**
- «Vinto da grave mal...» **206**
«Побеждены недугом...»
Перевод Е. Солоновича **207**
- «Già corsi l'Alpi gelide e sanute...» **208**
«Седые Альпы — зыбкая преграда...»
Перевод Е. Солоновича **209**

GASPARA STAMPA**ГАСПІАРА СТАМПІА**

- «Io assimiglio il mio signor al cielo...» **210**
 * «Нередко господина моего...»
Перевод Р. Дубровкина **211**
- «Io non v'invidio...» **210**
 * «Нисколько не завидую я вам...»
Перевод Р. Дубровкина **211**
- «Dura è la stella mia...» **212**
 «Звезда моя сурова...»
Перевод Н. Матвеевой **213**
- «Io son da l'aspettar omai si stanca...» **212**
 * «Я так устала, так давно я жду...»
Перевод Р. Дубровкина **213**
- «O notte, a me più chiara e più beata...» **214**
 * «О ночь, светлее и счастливей ты...»
Перевод Р. Дубровкина **215**
- «Se poteste, signor, con l'occhio interno...» **214**
 * «Когда бы в сердце вы проникли мне...»
Перевод Р. Дубровкина **215**
- «Deh lasciate, signor, le maggior cure...» **216**
 * «Мой господин, меня пугают вести...»
Перевод Р. Дубровкина **217**
 «Синьор, не тратьте ваших юных лет...»
Перевод О. Румера **537**
- «Mesta e pentita...» **216**
 «Тоскующая, плача о злосчастных...»
Перевод Н. Матвеевой **217**
- «Il cor verrebbe teco...» **218**
 «Я сердцем за тобою...»
Перевод Ю. Верховского **219**

TORQUATO TASSO**ТОРКВАТО ТАССО**

- «Coei che sovra ogni altra amo...» **220**
 «Та, что превыше всех любима мною...»
Перевод А. Косс **221**
- «Se d'Amor queste son reti e legami...» **220**
 «Коль нас Амур манит в такие ссти...»
Перевод А. Косс **221**
- «Bella è la donna mia se del bel crine...» **222**
 «Прекрасна госпожа, коль ей взметст...»
Перевод А. Косс **223**
- «Amor, coei che verginella amaì...» **222**
 * «Мою возлюбленную прежних дней...»
Перевод Р. Дубровкина **223**
- «Vissi: e la prima etate Amore e Speme...» **224**
 «В Любви, в Надежде мнился мне залог...»
Перевод Е. Солоновича **225**

- 800 «Qual rugiada o qual pianto...» **224**
 * «Упала ли роса...»
Перевод Р. Дубровкина 225
- «Amarilli, s'io te miro...» **224**
 «На тебя ли я смотрю...»
Перевод Е. Солоновича 225
- «Tacciono i boschi e i fiumi...» **226**
 «Безмолвствуют леса...»
Перевод Е. Солоновича 227
- «Ne gli acerbi anni tuoi purpurea rosa...» **226**
 «Во времена весны твоей могла...»
Перевод Е. Солоновича 227
 К Лукреции, герцогине Урбино.
Перевод В. Брюсова 538
- «Vecchio ed alato dio, nato col sole...» **228**
 «Ровесник солнца, древний бог летучий...»
Перевод Е. Солоновича 229
- «Amor col raggio di beltà s'accende...» **228**
 «Любовь — огонь, лучом красы зажженный...»
Перевод А. Косс 229
 Отрывок из I песни «Освобожденного Иерусалима» **. *Перевод К. Батошкова 644*
 Из песни третьей «Освобожденного Иерусалима» **. *Перевод А. Мерзлякова 646*
 Октавы из «Освобожденного Иерусалима» **. *Перевод П. Катенина 648*
 Освобожденный Иерусалим. Из песни III **. *Перевод С. Раича 649*
 Из седьмой песни «Освобожденного Иерусалима» **. *Перевод С. Шевырева 652*
 Освобожденный Иерусалим. Песнь вторая **. *Перевод Д. Мила 654*
 * Освобожденный Иерусалим. Песнь вторая **. *Перевод Р. Дубровкина 656*

GIORDANO BRUNO

ДЖОРДАНО БРУНО

- «Io che porto d'amor l'alto vessillo...» **230**
 «Любви своей неся высокий стяг...»
Перевод Г. Русакова 231
- «Amor, per cui tant'alto il ver discerno...» **230**
 «Даруя высшей истины прозренью...»
Перевод Г. Русакова 231
- «Unico augel del sol, vaga Fenice...» **232**
 * «О птица Феникс, преданная Фебу...»
Перевод Р. Дубровкина 233
- «Annosa quercia, che gli rami sprandi...» **232**
 «О старый дуб, ты распростер в лазури...»
Перевод А. Эфроса 233

SECOLO XVII

XVII BEK

GABRIELLO CHIABRERA**ГАБРИЭЛЛО КЪЯБРЕРА**Riso di bella donna **234**

Смех прекрасной дамы.

Перевод С. Ошерова 235

Смех красавицы.

Перевод М. Талова 539

«Не прекрасна ли фиалка...» **

Перевод Н. Карамзина 668

Канцона. Приглашение петь об Амуре **.

*Перевод Ю. Верховского 668***ALESSANDRO TASSONI****АЛЕССАНДРО ТАССОНИ**La secchia rapita (frammento) **238**

* Похищенное ведро (отрывок).

Перевод Р. Дубровкина 239

Похищенное ведро (отрывок).

*Перевод М. Талова 541***TOMMASO CAMPANELLA****ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА**Modo di filosofare **246**

* Опыт философствования.

Перевод Р. Дубровкина 247

Способ философствовать.

*Перевод В. Ещина 544*Delle radici de' gran mali del mondo **246**

О корнях великих зол вселенной.

*Перевод С. Шервинского 247*Contro Cupido **248**

* Против Купидона.

*Перевод Р. Дубровкина 249*Della plebe **248**

О простом народе.

*Перевод С. Шервинского 249*Al carcere **250**

* Моей темнице.

*Перевод Р. Дубровкина 251***GIAMBATTISTA MARINO****ДЖАМБАТТИСТА МАРИНО**Per la sua donna, che avea spiegate le sue chiome al sole **252**

К своей даме, распустившей волосы на солнце.

*Перевод Е. Солоновича 253*Al sonno **252**

К сну.

Перевод Е. Солоновича 253

Indice

- 802** Invita la sua ninfa all'ombra **254**
Приглашает свою нимфу в тень.
Перевод Е. Солоновича **255**
- Descrive i canti di vari uccelletti... **254**
Описывает пение разных птиц...
Перевод Е. Солоновича **255**
- Schiava **256**
Рабыня.
Перевод Е. Солоновича **257**
- Dipartita **256**
Расставание.
Перевод Е. Солоновича **257**
- Donna che si pettina **258**
Дама, расчесывающая волосы.
Перевод Е. Солоновича **259**
- Accidente notturno **258**
Ночное происшествие.
Перевод Е. Солоновича **259**
- Piacere imperfetto **260**
Несовершенная радость.
Перевод Е. Солоновича **261**
- Pendenti in forma di serpi **260**
Подвески в форме змей.
Перевод Е. Солоновича **261**
- Madonna di Raffaello da Urbino **260**
Мадонна Рафаэля из Урбино.
Перевод Е. Солоновича **261**
- Избиение младенцев в Вифлееме. Песнь I
(фрагменты) **. **670**
Перевод Иосифа Восленского **670**
- Адонис [Смерть Соловья]**.
Перевод М. Талова **672**
- Адонис (отрывок)**.
Перевод Е. Солоновича **678**

TOMMASO STIGLIANI

ТОММАЗО СТИЛЬЯНИ

- Amorosa instruzione a una zingara **264**
Просьба к цыганке.
Перевод Е. Солоновича **265**
- Dono avuto d'un fiore **264**
Подаренный цветок.
Перевод Е. Солоновича **265**
- Gelosia **266**
Ревность.
Перевод Е. Солоновича **267**
- Desiderio di luna **266**
Потребность в лунс.
Перевод Е. Солоновича **267**

CLAUDIO ACHILLINI**КЛАУДИО АКИАЛИНИ**

- Bellissima mendica **268**
 * Прекрасная нищенка.
Перевод Р. Дубровкина **269**
- «Sudate, o fochi, a preparar metalli...» **268**
 «Трудись, огонь, и сотвори металлы!..»
Перевод И. Голеннищева-Кутузова **269**
- Donna scapigliata e bionda **270**
 Белокурая женщина с распущенными волосами.
Перевод Е. Солоновича **271**

GIROLAMO PRETI**ДЖИРОЛАМО ПРЕТИ**

- Bella donna a cavallo **272**
 * Прекрасная всадница.
Перевод Р. Дубровкина **273**
- Ruine di Roma antica **272**
 Развалины Древнего Рима.
Перевод Е. Солоновича **273**
- Fra la solitudine della villa biasima la corte **274**
 В сельском уединении порицает двор.
Перевод Е. Солоновича **275**

CIRO DI PERS**ЧИРО ДИ ПЕРС**

- Bella donna con un fanciullo in braccio **276**
 Красавица с ребенком на руках.
Перевод Е. Солоновича **277**
- Loda l'affaticarsi **276**
 Славит неустанные труды.
Перевод Е. Солоновича **277**
- Orologio da polvere **278**
 Песочные часы.
Перевод Е. Солоновича **279**
- Orologio da rote **278**
 Колесные часы.
Перевод Е. Солоновича **279**
- Il cacciatore d'archibugio **280**
 Охотник с аркебузой.
Перевод Е. Солоновича **281**

FULVIO TESTI**ФУЛЬВИО ТЕСТИ**

- Al signor conte G. B. Ronchi... **282**
 Графу Дж.-Б. Ронки...
Перевод Н. Котрелева **283**

804 MARCELLO GIOVANETTI

МАРЧЕЛЛО ДЖОВАНЕТТИ

- Loda una chioma nera **286**
Восхваляет черные кудри.
Перевод Е. Солоновича **287**
- Bella donna presente a spettacolo... **286**
Прекрасная дама наблюдает...
Перевод Е. Солоновича **287**

GIOVAN LEONE SEMPRONIO

ДЖОВАН ЛЕОНЕ СЕМПРОНИО

- Chioma rossa di bella donna **288**
Рыжие волосы прекрасной дамы.
Перевод Е. Солоновича **289**
- Capelli posticci di donna infida **288**
Накладные волосы коварной дамы.
Перевод Е. Солоновича **289**
- Quid est homo? **290**
Quid est homo?
Перевод Е. Солоновича **291**

GIUSEPPE BATTISTA

ДЖУЗЕППЕ БАТТИСТА

- Lo schioppo **292**
Ружье.
Перевод Н. Котрелева **293**
- L'uomo esser dee pacifico **292**
Человеку должно быть мирным.
Перевод Е. Солоновича **293**
- Per donna bugiarda **294**
Обманщица.
Перевод Е. Солоновича **295**
- Biasima l'uso degli edifici sontuosi **294**
Осуждает сооружение роскошных зданий.
Перевод Е. Солоновича **295**

GIROLAMO FONTANELLA

ДЖИРОЛАМО ФОНТАНЕЛЛА

- Alla luna **296**
К Луне.
Перевод Е. Солоновича **297**

SALVATOR ROSA

САЛЬВАТОР РОЗА

- Lamento **300**
* Жалобы.
Перевод Р. Дубровкина **301**
- Жалобы Сальватора Розы.
Перевод С. Раича **545**

ANTON MARIA NARDUCCI**АНТОН МАРИЯ НАРДУЧЧИ**

- Bella pidocchiosa **304**
 Красавица, ищущая вшей.
Перевод А. Голембы **305**

GIACOMO LUBRANO**ДЖАКОМО ЛУБРАНО**

- Alla zanzara, che disturbava l'Autore negli studi letterarii **306**
 Комару, мешавшему литературным занятиям автора.
Перевод Е. Солоновича **307**
- Cedri fantastici... **306**
 Фантастические бергамоты...
Перевод Е. Солоновича **307**
- La tarma **308**
 Моль.
Перевод Е. Солоновича **309**

FRANCESCO REDI**ФРАНЧЕСКО РЕДИ**

- Bacco in Toscana (frammento) **310**
 Вакх в Тоскане (отрывок).
Перевод Е. Солоновича **311**

GIUSEPPE ARTALE**ДЖУЗЕППЕ АРТАЛЕ**

- Sogno **314**
 Мечта.
Перевод Е. Аксельрод **315**

FRANCESCO DE LEMENE**ФРАНЧЕСКО ДЕ ЛЕМЕНЕ**

- L'usignuolo **316**
 * Соловей.
Перевод Р. Дубровкина **317**
- Partenza **318**
 Прощание.
Перевод А. Парина **319**

VINCENZO DA FILICIAIA**ВИНЧЕНЦО ДА ФИЛИКАЙЯ**

- All'Italia **320**
 К Италии.
Перевод Е. Солоновича **321**
 «Италия! Италия! зачем...»
Перевод П. Катенина **547**

«Италия, зачем тебе судьбой...»

Перевод Н. Берга 547

«Италия! Италия! о ты...»

Переводчик неизвестен 548

«Италия! Италия!.. О ты...»

Перевод М. Рудневича 548

Италия, о Италия!

Перевод В. Костомарова 549

«Италия, Италия, о ты...»

Перевод Л. Граве 549

К Италии.

Перевод Ю. Верховского 550

BENEDETTO MENZINI

БЕНЕДЕТТО МЕНДЗИНИ

Presagi di tempo piovoso 322

«Послушай: в камышах зашлась квакуха...»

Перевод Н. Котрелева 323

GIANFRANCESCO MAIA MATERDONA

ДЖАНФРАНЧЕСКО МАЙЯ МАТЕРДОНА

Dona alla sua donna l'«Adone» 324

Преподносит своей даме «Адониса».

Перевод Е. Солоновича 325

Gioco di neve 324

Игра в снежки.

Перевод Е. Солоновича 325

Bella libraia 326

Красавица переплетчица.

Перевод Е. Солоновича 327

La fontana di Ponte Sisto in Roma 326

Фонтан на Понте-Систо в Риме.

Перевод Е. Солоновича 327

I baci della donna muta 328

Поцелуй немой дамы.

Перевод Е. Солоновича 329

BARTOLOMEO DOTTI

БАРТОЛОМЕО ДОТТИ

Il molino 330

Мельница.

Перевод Е. Солоновича 331

Le formiche 330

Муравьи.

Перевод Е. Солоновича 331

Non curandomi di riveder la patria 332

Не намереваясь возвращаться на родину.

Перевод Е. Солоновича 333

Al signor Don Cesare Pagani, senator di Milano 332

Дону Чезаре Пагани, сенатору Милана.

Перевод Е. Солоновича 333

SECOLO XVIII

XVIII BEK

GIAMBATTISTA FELICE ZAPPI

ДЖАМБАТТИСТА ФЕЛИЧЕ ДЗАППИ

- «Un cestellin di paglie un dí tessaa...» **334**
 * «Тирсит соломенную плел корзину...»
Перевод Р. Дубровкина **335**
- «Sognai sul far dell'alba...» **334**
 * «К утру, в тиши пастушьего ночлега...»
Перевод Р. Дубровкина **335**
- «In quell'età ch'io misurar solea...» **336**
 * «Мне год пошел седьмой или восьмой...»
Перевод Р. Дубровкина **337**

EUSTACCHIO MANFREDI

ЭУСТАКИО МАНФРЕДИ

- «Non templi od archi...» **338**
 * «Не арку римлян с росписью богатой...»
Перевод Р. Дубровкина **339**
- «Qual feroce leon...» **338**
 * «От голода рассвирепев сугубо...»
Перевод Р. Дубровкина **339**
- «Vergini, che pensose...» **340**
 * «Уныло, как от гробового края...»
Перевод Р. Дубровкина **341**
- «Vegliar le notti...» **340**
 * «Ворочаться полночи на постели...»
Перевод Р. Дубровкина **341**
- «Poiché scese qua giù l'anima bella...» **342**
 * «Прекрасная душа на землю к нам...»
Перевод Р. Дубровкина **343**

PAOLO ROLLI

ПАОЛО РОЛЛИ

- «Solitario bosco ombroso...» **344**
 * «Сенью лиственной влекомый...»
Перевод Р. Дубровкина **345**
- «Ruscelletto, a far soggiorno...» **346**
 * «Ручейку глухой порою...»
Перевод Р. Дубровкина **347**
- L'Inverno **346**
 * Зима.
Перевод Е. Кассировой **347**
 «Рыдайте, Амуры и нежные Грации...» **
Перевод К. Батюшкова **685**
 Большой Элизе **.
Перевод А. Норова **685**

CARLO INNOCENZO FRUGONI

КАРЛО ИННОЧЕНЦО ФРУГОНИ

- La follia delle donne **352**
* О женском безумии.
Перевод Е. Кассировой **353**
- In un convito **354**
* За здравное.
Перевод Р. Дубровкина **355**
- Poeta e re **356**
* Поэт и король.
Перевод Р. Дубровкина **357**

PIETRO METASTASIO

ПЬЕТРО МЕТАСТАЗИО

- La partenza **358**
* Расставанье.
Перевод Е. Кассировой **359**
Стихи, подраженные итальянским.
Перевод И. Богдановича **551**
Мой отъезд.
Перевод И. Крылова **552**
Разлука.
Перевод П. Голенищева-Кутузова **554**
Разлука.
Перевод А. Мерзлякова **555**
Проводы Алины.
Перевод С. Раича **556**
- La libertà **360**
* Свобода.
Перевод Е. Кассировой **361**
Свобода.
Перевод П. Голенищева-Кутузова **558**
«Наконец твои обманы...»
Перевод Ю. Нелединского-Мелецкого **561**
«Sogni e favole io fingo...» **366**
* «Изобретаю сказки и порой...»
Перевод Р. Дубровкина **367**

LUDOVICO VITTORIO SAVIOLI

ЛУДОВИКО ВИТТОРИО САВИОЛИ

- All'aurora **368**
* Авроре.
Перевод Е. Кассировой **369**

GIUSEPPE PARINI

ДЖУЗЕППЕ ПАРИНИ

- La caduta **372**
* Падение.
Перевод Т. Гутинной **373**

Il messaggio **378**

- * Послание.
Перевод Т. Гутиной **379**

VITTORIO ALFIERI

ВИТТОРИО АЛЬФЬЕРИ

- «Bieca, o Morte, minacci?..» **386**
* «О Смерть, опять грозить ты мне серпом...»
Перевод Р. Дубровкина **387**
- «O cameretta, che già in te chiudesti...» **386**
* «Ужели комната вмещала эта...»
Перевод Р. Дубровкина **387**
- «Là, dove muta solitaria dura...» **388**
* «Бреду через скалистую гряду...»
Перевод Р. Дубровкина **389**
- «Solo, fra i mesti miei pensieri...» **388**
* «Один, в раздумье мрачном и глухом...»
Перевод Р. Дубровкина **389**
- «Due fere donne, anzi due furie atroci...» **390**
* «Двух женщин в пламенной сердечной муке...»
Перевод Р. Дубровкина **391**
- «Tacito orror di solitaria selva...» **390**
* «Светлее стала грусть, и страх исчез...»
Перевод Р. Дубровкина **391**
- «Greca, al ciglio, alle forme...» **392**
* «Гречанка станом, тонкостью лица...»
Перевод Р. Дубровкина **393**
- «Tutto è neve dintorno...» **392**
* «Посмотришь вверх: изломы льда и снега...»
Перевод Р. Дубровкина **393**

JACOPO VITTORELLI

ЯКОПО ВИТТОРЕЛЛИ

- «Guarda che bianca luna!..» **394**
* «Смотри, как месяц бледен!..»
Перевод Р. Дубровкина **395**
- «Non t'accostare all'urna...» **394**
* «Не приближайся к урне...»
Перевод Р. Дубровкина **395**
- «Irene, siedi all'ombra...» **396**
* «Присядь со мной, Ирена...»
Перевод Р. Дубровкина **397**

SECOLO XIX

XIX ВЕК

IPPOLITO PINDEMONTE

ИППОЛИТО ПИНДЕМОНТЕ

- La melanconia **398**
* Меланхолия.
Перевод Р. Дубровкина **399**

810 **VINCENZO MONTI**

ВИНЧЕНЦО МОНТИ

- «Oh come del pensier batte alle porte...» **402**
* «Как неотвязно в разум мой стучится...»
Перевод Р. Дубровкина **403**
- «Ma che? sederle al fianco...» **402**
* «Так что же, рядом с ней сидеть...»
Перевод Р. Дубровкина **403**
- «Tutto pére quaggiù. Divora il Tempo...» **404**
* «Все смертно. Неразборчивое Время...»
Перевод Р. Дубровкина **405**
- Sopra la Morte **406**
* О Смерти.
Перевод Р. Дубровкина **407**

CARLO PORTA

КАРЛО ПОРТА

- Coss'el voeur Ezzelenza **408**
Как Вашему Сиятельству угодно.
Перевод Е. Солоновича **409**
- Sissignor, Sur Marches **408**
Да, господин маркиз.
Перевод Е. Солоновича **409**
«Да, вы маркиз, я знаю — вы маркиз...»
Перевод Н. Курочкина **564**
- Фарисейка **. **687**
Перевод Н. Курочкина

UGO FOSCOLO

УГО ФОСКОЛО

- A Luigia Pallavicini caduta da cavallo **410**
* Луидже Паллавичини, которая упала с лошади.
Перевод Е. Кассировой **411**
- Alla sera **416**
* Вечеру.
Перевод Р. Дубровкина **417**
- Di se stesso **416**
* О себе.
Перевод Р. Дубровкина **417**
- All'amata **418**
* Возлюбленной.
Перевод Р. Дубровкина **419**
- Il proprio ritratto **418**
Автопортрет.
Перевод Е. Витковского **419**
- A Firenze **420**
К Флоренции.
Перевод Е. Витковского **421**
- A Zacinto **420**
* К Закинфу.
Перевод Р. Дубровкина **421**

- In morte del fratello Giovanni **422**
 * На смерть брата Джованни.
Перевод Р. Дубровкина 423
 Гробницы (отрывок) **.
Перевод Д. Михаловского 690

GIOVANNI BERSCHET**ДЖОВАННИ БЕРШЕ**

- Il trovatore **424**
 * Трубадур.
Перевод Р. Дубровкина 425
- Giulia **426**
 Джулия.
Перевод Д. Михаловского 427
 Мать.
Перевод Д. Минаева 565
 Жена австрийца (отрывок) **.
Перевод П. Ковалевского 691

ALESSANDRO MANZONI**АЛЕССАНДРО МАНДЗОНИ**

- Il cinque maggio **434**
 Пятое мая.
Перевод Е. Солоновича 435
 «Высокого предчувствия...»
Перевод Ф. Тютчева 567
- Il Natale **440**
 Рождество.
Перевод С. Ошерова 441

GIUSEPPE GIOACHINO BELLI**ДЖУЗЕППЕ ДЖОАКИНО БЕЛЛИ**

- Pio Ottavo **446**
 * Пий VIII.
Перевод Е. Солоновича 447
- Zi' Checca ar nipote ampojato **446**
 * Тетя Франческа — женатому племяннику.
Перевод Е. Солоновича 447
- Li frati **448**
 * Монахи.
Перевод Е. Солоновича 449
- Un'opera de misericordia **448**
 * Главное — предупредить.
Перевод Е. Солоновича 449
- Audace Fortuna giubba tibbidosque de pelle **450**
 * Под лежачий камень вода не течет.
Перевод Е. Солоновича 451
- Er zervitore in zala **450**
 * С черного хода.
Перевод Е. Солоновича 451

Indice

- 812** Li cancelletti **452**
* Окошко.
Перевод Е. Солоновича **453**
- Er carzolaro ar caffè **452**
* Сапожник в кофейне.
Перевод Е. Солоновича **453**
- La porta de reto **454**
* Задняя дверь.
Перевод Е. Солоновича **455**
- Er battesimo der fijo maschio **454**
* Крещение сына.
Перевод Е. Солоновича **455**
- La bbellezza **456**
* Красота.
Перевод Е. Солоновича **457**

GIACOMO LEOPARDI

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

- L'Infinito **458**
Бесконечность.
Перевод А. Ахматовой **459**
Бесконечность.
Перевод В. Помяна **569**
Бесконечное.
Перевод Вяч. Иванова **569**
Бесконечность.
Перевод И. Тхоржевского **569**
- La sera del dí di festa **458**
Вечер праздничного дня.
Перевод А. Ахматовой **459**
Вечер накануне праздника.
Перевод В. Помяна **570**
Воскресный вечер.
Перевод И. Тхоржевского **571**
- A Silvia **460**
К Сильвии.
Перевод А. Наймана **461**
К Сильвии.
Перевод В. Помяна **572**
К Сильвии.
Перевод Эллиса **574**
Сильвии.
Перевод И. Тхоржевского **575**
Сильвии.
Перевод Н. Гумилева **577**
- A se stesso **464**
К себе самому.
Перевод А. Ахматовой **465**
К самому себе.
Перевод А. Плещеева **578**

- К себе.
Перевод Л. Граве 579
- К самому себе.
Перевод Н. Курочкина 579
- К самому себе.
Перевод В. Помяна 580
- Самому себе.
Перевод Д. Мережковского 581
- Самому себе.
Перевод М. Ватсон 581
- Самому себе.
Перевод И. Тхоржевского 582
- К самому себе.
Перевод К. Бальмонта 582
- Воспоминание **.
Перевод А. Плещеева 694
- На замужество сестры моей Паолины **.
Перевод А. Плещеева 699
- Одинокая жизнь **.
Перевод А. Плещеева 702
- После грозы **.
Перевод А. Плещеева 704
- К весне, или О древних мифах **.
Перевод Н. Гумилева 706

LUIGI CARRER**ЛУИДЖИ КАРРЕР**

- La vendetta 466
- * Мечь.
Перевод Р. Дубровкина 467
- Под небом Англии **.
Перевод Д. Минаева 709

NICCOLÒ TOMMASEO**НИККОЛО ТОММАЗЕО**

- Apparizione 470
- * Явление.
Перевод Р. Дубровкина 471
- Alla Terra 470
- * К Земле.
Перевод Р. Дубровкина 471
- Sovrabbondanza della redenzione 472
- * Щедрость искупления.
Перевод Р. Дубровкина 473
- Le altezze 472
- * Выси.
Перевод Р. Дубровкина 473
- Vite latenti 472
- * Тайные жизни.
Перевод Р. Дубровкина 473

Indice

- 814** A una foglia **474**
* К листку.
Перевод Р. Дубровкина **475**

GIUSEPPE GIUSTI

ДЖУЗЕППЕ ДЖУСТИ

- La guigliottina a vapore **476**
Паровая гильотина.
Перевод Е. Солоновича **477**
Паровая гильотина.
Перевод Н. Курочкина **583**
- La chiocciola **478**
Улитка.
Перевод Е. Солоновича **479**
Улитка.
Перевод Н. Курочкина **584**
* Сапог **.
Перевод Е. Солоновича **711**

GIOVANNI PRATI

ДЖОВАННИ ПРАТИ

- Fiori di ghiaccio **482**
* Ледяные цветы.
Перевод Р. Дубровкина **483**
- Paese arcano **482**
* Тайная страна.
Перевод Р. Дубровкина **483**

LUIGI MERCANTINI

ЛУИДЖИ МЕРКАНТИНИ

- La spigolatrice di Sapri **484**
Жница из Сапри.
Перевод Н. Курочкина **485**
Итальянский национальный гимн **.
Перевод Л. Мей **716**

GIOSUÈ CARDUCCI

ДЖОЗУЭ КАРДУЧЧИ

- Il bove **488**
Вол.
Перевод К. Бальмонта **489**
- San Martino **488**
Сан-Мартино.
Перевод Е. Солоновича **489**
- Primavere elleniche (I. Eolia) **490**
Эллинская весна (I. Эолийская).
Перевод А. Ахматовой **491**
- All'aurora **492**
К Авроре.
Перевод С. Шервинского **493**

Alla stazione in una mattina d'autunno	496	815
На станции осенним утром.		
	<i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	497
Nevicata	500	
Снегопад.		
	<i>Перевод И. Поступальского</i>	501
Mezzogiorno alpino	502	
Горный полдень.		
	<i>Перевод К. Бальмонта</i>	503
Из стихотворения «К итальянцам».		
	<i>Перевод Д. Бродского</i>	717
Приложение I	505	
Приложение II	587	
Комментарии		
<i>Р. Дубровкин. «О стихотворстве итальянском...»</i>		722
<i>Т. Нешумова. Справки о переводчиках</i>		733
<i>А. Топорова. Комментарии</i>		750

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПОЭЗИЯ XIII—XIX ВВ. В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Сборник

На итальянском языке с параллельным русским текстом

Составитель **РОМАН МИХАЙЛОВИЧ ДУБРОВКИН**

ИБ № 5547

Редактор *И. Заславская*

Художник *Н. Назарова*

Художественный редактор *С. Барабаш*

Технический редактор *И. Дергунова*

Корректор *Г. Иванова*

Сдано в набор 02.07.90. Подписано в печать 23.07.91. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная. Условн. печ. л. 51,0. Усл. кр.-отг. 51,25. Уч.-изд. л. 37,13. Тираж 11 000 экз. Заказ № 1379, Изд. № 7159. Издательство «Радуга». Москва 121839, пер. Сивцев Вражек, 43. Московская типография № 7. Министерство печати и информации Российской Федерации. 121019, г. Москва пер. Аксакова, 13.